Русскій
Вѣстник.
1865. №1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

1865

ЯНВАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи

(КАТКОВЪ и К°).

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ

Январь

МОСКВА.
Въ университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К°.)
1865.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 10-го января 1865 года.

ГРАФЪ ЯКОВЪ СИВЕРСЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Лицо, о которомъ мы будемъ говорить, принадлежало къ числу наиболѣе передовыхъ дѣятелей знаменитой Екатерининской эпохи. Дѣятельность его была весьма разнообразна и касалась многихъ важныхъ сторонъ нашего государственнаго быта. Однако до сихъ поръ лицо это мало встрѣчалось въ русской исторической литературѣ; что̀, впрочемъ, совершенно естественно, такъ какъ данная эпоха почти еще не подвергалась самостоятельной разработкѣ со стороны русской науки, и наши свѣдѣнія о ней пока почерпались главнымъ образомъ изъ иностранныхъ сочиненій и мемуаровъ. Предлагаемый очеркъ также вызванъ иностраннымъ трудомъ.

Нѣмецкій ученый Блумъ (живущій въ Гейдельбергѣ) въ 1857—58 годахъ издалъ о Яковѣ Сиверсѣ обширную монографію въ четырехъ томахъ, подъ слѣдующимъ довольно неточнымъ заглавіемъ: *Русскій государственный человѣкъ. Графа Якова Іоанна Сиверса записки къ Исторіи Россіи*.“ * Этотъ трудъ пред-

* Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jacob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. Von Karl Ludwig Blum. Leipzig und Heidebberg. Краткій отчетъ объ этой книгѣ былъ помѣщенъ г. Утинымъ въ одномъ изъ нумеровъ *Русскаго Вѣстника* 1858 г.

ставляетъ богатое собраніе матеріяловъ, связанныхъ между собою объясненіями, разсужденіями и характеристиками автора. Онъ имѣлъ подъ руками множество бумагъ офиціальнаго и частнаго характера, между прочимъ обильную корреспонденцію Сиверса съ императрицею Екатериной, съ членами его семейства и другими лицами. Бумаги эти были тщательно собираемы и хранимы младшею дочерью Якова Сиверса, баронессою Икскюль, которая съ большимъ благоговѣніемъ чтила память своего отца. * Сколько мы слышали, самое происхожденіе Блумова труда не чуждо участія баронессы; она доставила ему всѣ потребныя средства. Въ теченіи двадцати лѣтъ онъ работалъ надъ своими матеріялами, и для того обыкновенно пріѣзжалъ лѣтомъ изъ Дерпта въ имѣніе баронессы. Кромѣ рукописныхъ источниковъ и устныхъ разказовъ, Блумъ воспользовался и печатными собраніями матеріяловъ, относящихся къ той эпохѣ, преимущественно нѣмецкими, каковы: Büsching's *Magazin* Raumer's *Beiträge*, Hupel's *Miscellanea* и пр. Есть у него ссылки и на русскіе указы.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ указываетъ на первостепенную роль, которую игралъ нѣмецкій элементъ въ Русской исторіи съ Петра Великаго. Тутъ, по его словамъ, „мы не можемъ сдѣлать ни одного шагу, безъ того чтобы не встрѣтить Нѣмцевъ;“ они наши учители и руководители во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Біографіей Сиверса онъ надѣется лучше всего доказать великое значеніе нѣмецкаго элемента въ нашей исторіи. Девизомъ своего труда Блумъ ставитъ изреченіе Фридриха Великаго: „Истина есть первая потребность исторіи.“ Мы должны отдать полную справедливость его нѣмецкой добросовѣстности въ отношеніи къ своему матеріялу. Однако онъ не остался чуждъ явному хотя и довольно естественному стремленію возвысить своего героя и придать его дѣятельности большее значеніе, нежели какое она имѣла въ дѣйствительности.

Монографія Блума, по собственнымъ его словамъ, возбудила чрезвычайный интересъ и живѣйшее одобреніе со стороны

* Часть этихъ бумагъ въ настоящее время хранится на мызѣ Остроминской. Въ сентябрѣ 1864 года я имѣлъ случай просмотрѣть ихъ отчасти, благодаря гостепріимству владѣтеля мызы, графа Сиверса-Остроминскаго.

знатоковъ въ Германіи и Остзейскомъ краѣ (den entschiedensten Beifall der Kenner diesseits und jenseits der Grenzen Russlands). Друзья приступили къ нему съ просьбою издать ее еще разъ, но въ меньшемъ объемѣ, чтобы сдѣлать болѣе доступною большинству нѣмецкой публики. Блумъ исполнилъ и эту задачу. Лѣтомъ 1864 года вышло новое изданіе въ одномъ большомъ томѣ, подъ заглавіемъ: *Графъ Яковъ Іоаннъ Сиверсъ и Россія въ его время.* Авторъ не внесъ сюда ничего новаго; онъ только сократилъ изложеніе, а содержаніе осталось то же самое.

Памяти Сиверса посвящена еще небольшая книга дерптскаго профессора Рамбаха, *Jacob Johann Graf Sivers.* Von Gr. Rambach. 1809 г.). Это ни что иное какъ рѣчь, произнесенная имъ при раздачѣ университетскихъ наградъ въ день рожденія императора. Предметомъ своей рѣчи Рамбахъ выбралъ біографическій взглядъ на дѣятельность графа Сиверса (незадолго передъ тѣмъ скончавшагося), какъ своего знаменитаго соотечественника и одного изъ благотворителей Дерптскаго университета. Біографія эта заключаетъ бѣглый обзоръ его заслугъ, и имѣетъ, конечно, характеръ горячаго панегирика.

Что касается до моего очерка, то я главною задачей поставилъ себѣ познакомить русскую публику съ сущностью матеріяла, заключеннаго въ книгѣ Блума, стараясь по возможности провѣрять, а иногда и дополнять факты изъ другихъ источниковъ. Права Сиверса на видное мѣсто въ нашей исторіи основаны собственно на двухъ сторонахъ его дѣятельности: вопервыхъ, его семнадцатилѣтнее управленіе Новгородскою губерніей и участіе въ областныхъ учрежденіяхъ Екатерины II; вовторыхъ, его посольство въ Польшу и важная роль, которую онъ игралъ при второмъ польскомъ раздѣлѣ. На этихъ-то двухъ сторонахъ авторъ очерка старался преимущественно сосредоточить свой трудъ. Для послѣдней изъ нихъ онъ имѣлъ возможность работать въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и могъ такимъ образомъ сообщить ей болѣе самостоятельный характеръ. Вообще тѣ источники, которые нашлись помимо книги Блума, будутъ указаны при самомъ изложеніи.

I. Юные годы и первая служба.

Статсъ-секретарь Екатерины II Храповицкій подъ 3-мъ числомъ марта 1788 года записалъ: „При разсматриваніи *Кабинетскихъ Вѣдомостей*, изволила изъясняться о разности придворныхъ во время императрицы Елизаветы Петровны и нынѣшнее:“ „Тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, Сиверсъ изъ лакеевъ.“

Итакъ, происхожденіе нашего героя было не знатное. Слова Екатерины, впрочемъ, относятся не къ самому Якову Сиверсу, а къ его дядѣ Карлу; но этотъ дядя явился главнымъ виновникомъ возвышенія фамиліи.

Сиверсы ведутъ свой родъ изъ Голштиніи. Одинъ изъ младшихъ членовъ этого рода, Христіанъ, перешелъ изъ датской арміи въ шведскую, во время Густава Адольфа. Внукъ его, Іоахимъ Іоаннъ фонъ-Сиверсъ, женился на дочери корнета Эккермана, получилъ за нею въ приданое маленькое помѣстье Сацо въ Эстляндіи, на берегу Финскаго залива, и поселился здѣсь незадолго до начала великой Сѣверной войны. Этотъ Іоахимъ былъ дѣдомъ Якова Сиверса. Послѣдній, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, любилъ вспоминать трагическіе разказы дѣда о томъ какъ Русскіе въ 1702 году не оставили въ его помѣстьѣ ни одной хижины въ цѣлости, и какъ онъ вмѣстѣ съ старымъ отцомъ своимъ долженъ былъ на рыбачьей лодкѣ спасаться на противоположный финляндскій берегъ. Тамъ онъ продолжалъ служить подъ шведскимъ знаменемъ въ одномъ финскомъ полку. Послѣ Ништадскаго мира полкъ былъ распущенъ, и капитанъ Іоахимъ Сиверсъ воротился въ Эстляндію.

Въ Везенбергскомъ уѣздѣ жилъ въ то время ландратъ баронъ фонъ-Тизенгаузенъ, который имѣлъ тамъ до восьми помѣстій и походилъ на маленькаго владѣтельнаго князя. У него то начали свое служебное поприще два сына капитана Сиверса. Старшій, носившій съ отцомъ одно имя (Іоахимъ Іоаннъ) занималъ мѣсто управляющаго, а младшій, Карлъ, сдѣлался камердинеромъ ландрата. Одинъ современникъ и почитатель Сиверсовъ, упоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ періодѣ ихъ жизни, замѣчаетъ

что оба брата были въ большой милости у ландрата, и что Карлъ пользовался многими преимуществами передъ другими слугами, напримѣръ: „онъ не носилъ ливреи и одѣвался въ нѣмецкое платье по собственному вкусу.“ Но это расположеніе къ младшему брату тотчасъ миновалось, какъ скоро онъ попросилъ отставку; надобно замѣтить, что почтенный баронъ очень не любилъ, если кто самъ оставлялъ его службу и устраивалъ свою судьбу помимо его баронской протекціи.

Карлъ Сиверсъ, ловкій и статный юноша, отправился искать счастія въ Петербургъ, который служилъ обѣтованнымъ городомъ для молодыхъ Нѣмцевъ, ищущихъ случая составить себѣ карьеру. Здѣсь онъ нашелъ пріютъ въ какомъ-то домѣ, куда приходила иногда повеселиться прислуга принцессы Елизаветы Петровны. Сиверсъ владѣлъ кое-какъ скрипкой, и охотно игралъ танцы для своихъ новыхъ знакомцевъ. Его услужливость и пріятная наружность возбудили живое участіе въ горничныхъ Елизаветы; своими похвалами онѣ успѣли заинтересовать въ его пользу и самую принцессу. Елизавета взяла его въ свою службу, сначала въ качествѣ форрейтора, а потомъ буфетчика. Убѣдившись въ его скромности и расторопности, она возложила на него важное порученіе: съѣздить въ Эстляндію и тайкомъ занять для нея денегъ у богатыхъ помѣщиковъ. Неизвѣстно, съ какимъ успѣхомъ молодой человѣкъ выполнилъ это порученіе. Между прочимъ, онъ отнесся и къ барону Тизенгаузену; но послѣдній изъ робости уклонился отъ сношеній съ принцессою. Вскорѣ потомъ въ Петербургѣ произошелъ переворотъ: 25 ноября 1741 г. Брауншвейская фамилія была арестована, и Елизавета вступила на престолъ. Разумѣется, между лицами получившими награды, Карлъ Сиверсъ занималъ не послѣднее мѣсто. Такимъ образомъ будущность его фамиліи была обезпечена. *

---

* Эти свѣдѣнія о Карлѣ Сиверсѣ заимствованы изъ *Statistische, politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief- und Russland. Fr. Chr. Ietze. Liegnitz.* 1788. Блумъ почти проходитъ молчаніемъ щекотливыя отношенія Сиверса къ Тизенгаузену; а разказы о первоначальной службѣ Карла у Елизаветы называетъ вообще французскими сплетнями. Но Этце самъ нѣкоторое время служилъ при баронскомъ „дворѣ“ Тизенгаузена, и съ сожалѣніемъ

Между тѣмъ старшій братъ Карла Сиверса продолжалъ нѣкоторое время служить у Тизенгаузена. Въ Везенбергѣ 19 августа 1731 года родился у него сынъ, Яковъ Іоаннъ, будущій сотрудникъ Екатерины II. Спустя два года, Іоахимъ переѣхалъ съ семействомъ въ Лифляндію, потомъ онъ взялъ въ аренду земли графа Румянцева, и поселился на берегахъ Буртенекскаго озера. Это былъ человѣкъ практичный и дѣятельный, который сумѣлъ нажить себѣ небольшое состояніе и пріобрѣсти независимое положеніе. Его жесткій характеръ и строгая религіозность сложились въ суровую эпоху великой Сѣверной войны. „Да будетъ во всемъ воля Божія," или „Поступай справедливо и не бойся ни чорта!" Подобными изреченіями наполнялъ онъ прописи сына при его первоначальномъ обученіи. Любимымъ удовольствіемъ его была охота, сопряженная съ опасностью, напримѣръ на медвѣдя. Жена его, Анна, дочь одного шведскаго ветерана, была прекрасною хозяйкой и вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась замѣчательнымъ добродушіемъ и нѣжнымъ сердцемъ. Эти качества имѣли очевидное вліяніе на характеръ ея старшаго сына. Въ послѣдствіи Яковъ Сиверсъ всегда съ необыкновенною любовью вспоминалъ о своей матери. Анна подарила своему мужу 13 дѣтей; однажды оспа вдругъ отняла у нихъ четырехъ сыновей; девятилѣтній Яковъ едва былъ спасенъ отъ той же участи.

Въ домашнемъ быту Сиверсовъ, какъ и слѣдовало ожидать, господствовали благочестіе и строгій внѣшній порядокъ. Отецъ любилъ наблюдать во всемъ извѣстные часы. Напримѣръ, онъ рано отправлялся въ постель, предварительно отославъ спать и всѣхъ дѣтей. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ семействахъ, гдѣ отцы всѣ свои привычки пріурочиваютъ къ установленнымъ навсегда часамъ, и у Сиверсовъ не обходилось безъ маленькихъ проказъ. Иногда зимою, въ ясную лунную ночь, безпокойная молодежь, выждавъ въ постели время пока отецъ заснетъ, потихоньку вставала, садилась въ сани, и весело отправлялась кататься.

замѣчаетъ, что баронъ, отказавъ въ помощи Елизаветѣ, упустилъ великолѣпный случай возвеличить свою фамилію. „Рискни онъ нѣсколькими тысячами,—что для него не было чувствительно, — какъ бы возвысился его родъ; а онъ былъ отцомъ семерыхъ сыновей и четырехъ дочерей."

Разумѣется, подобныя проказы происходили подъ покровительствомъ доброй матери, которая, на сколько могла, смягчала излишнюю строгость отцовскихъ порядковъ.

Вмѣстѣ съ придворнымъ возвышеніемъ Карла Сиверса, Іоахимъ задумалъ утвердиться въ Лифляндіи уже въ качествѣ поземельнаго собственника и расширить свое хозяйство. Онъ купилъ часть имѣній графа Румянцева, между прочимъ буртенекскую мызу Бауэнхофъ; при чемъ дѣло не обошлось безъ денежной помощи со стороны петербургскаго брата. Въ то же время Карлъ взялъ на свое попеченіе дальнѣйшее воспитаніе племянника и устройство его карьеры.

Начальное образованіе, которое Яковъ Сиверсъ получилъ въ отцовскомъ домѣ, ограничивалось умѣньемъ читать, писать и заучиваніемъ молитвъ. Объ иностранныхъ языкахъ еще не было и помину. Отъ того времени у Якова остался прекрасный почеркъ; въ послѣдствіи онъ убѣждалъ собственныхъ внуковъ обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе, говоря, что самъ „частью своего благосостоянія обязанъ красивому почерку, который съ удовольствіемъ читали три русскія императрицы" (Елизавета, Екатерина II и Марія Ѳеодоровна).

До воцаренія Елизаветы, то-есть до возвышенія своего брата, Іоахимъ очевидно затруднялся вопросомъ, какое поприще избрать для своего старшаго сына. Однажды онъ рѣшился отправить его въ Швецію къ одному родственнику, который хотѣлъ взять къ себѣ Якова вмѣсто сына и воспитать его для шведской морской службы. Въ домѣ Сиверсовъ жила двоюродная бабушка Эккерманъ, вдова шведскаго полковника, отличившаяся во время Сѣверной войны очень рѣшительнымъ характеромъ; Яковъ былъ ея крестникъ и любимецъ. Отецъ воспользовался ея отсутствіемъ изъ дома, чтобы отвезти сына въ Ревель. Онъ уже былъ на кораблѣ, когда девяностолѣтняя старушка явилась туда, и насильно увезла внучка домой. Такимъ образомъ, благодаря только случаю, Яковъ не попалъ въ шведскую службу. Судьба готовила ему блистательное поприще въ Россіи.

Карлъ Сиверсъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ къ наслѣднику престола, Петру Ѳеодоровичу. Въ 1742 г. онъ ѣздилъ къ Берлинскому двору, для передачи Фридриху II андреевской звѣзды; вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было узнать покороче Ангальтъ-Цербтскую принцессу (будущую Екатерину II)

и привезти ея портретъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправленъ былъ въ Эстляндію и Лифляндію для торжественнаго объявленія Абовскаго мира. Во время этой поѣздки Карлъ посѣтилъ Бауэнхофъ, и отсюда взялъ съ собой двѣнадцатилѣтняго Якова. Будучи еще самъ молодъ, не женатъ и озабоченъ придворными отношеніями, камеръ-юнкеръ отдалъ своего племянника на попеченіе пажескому гофмейстеру Носке. Такимъ образомъ Яковъ прямо отъ простаго сельскаго быта перешелъ къ блестящей придворной обстановкѣ, а вскорѣ и къ усидчивымъ служебнымъ занятіямъ. Въ 1744 году дядя помѣстилъ его юнкеромъ (писцомъ) въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Служба его оказалась нелегкая: ежедневно съ семи часовъ утра онъ долженъ былъ являться въ коллегію и притомъ въ придворномъ костюмѣ, который стоилъ ему значительной части утренняго сна. Въ тѣ времена въ дипломатіи господствовала система шифрованныхъ депешъ; занятія съ этими шифрами нерѣдко продолжались у Якова до глубокой ночи. Но слѣдствіемъ такого образа жизни было то, что молодой человѣкъ привыкъ къ точности и настойчивости въ трудѣ. Вообще коллегія иностранныхъ дѣлъ служила тогда школою для той молодежи, которая назначала себя на государственное и преимущественно на дипломатическое поприще. Здѣсь Сиверсу пришлось работать за однимъ столомъ съ одинадцатью молодыми людьми изъ знатныхъ фамилій. * Изъ этихъ молодыхъ людей Яковъ сблизился особенно съ графомъ Строгановымъ. Рядомъ съ служебными занятіями онъ продолжалъ брать уроки въ наукахъ у Носке и у одного русскаго учителя. Но чему именно онъ у нихъ научился, неизвѣстно.

Въ 1845 году Карлъ Сиверсъ женился. Голштинка Елизавета Франценъ, воспитательница Елизаветы Петровны и ея довѣренное лицо, вызвала изъ Голштиніи въ Петербургъ свою сестру, вдову Крузе, съ двумя дѣтьми, сыномъ и дочерью, которыхъ и воспитала при себѣ. Сынъ потомъ былъ лейбъ-медикомъ и тайнымъ совѣтникомъ; а дочь, умная красивая дѣвушка, сдѣлалась женою Карла Сиверса. Бракъ этотъ праздновали при дворѣ въ теченіе трехъ дней обѣдами, ба-

* Рамбахъ и Блумъ предполагаютъ, что между ними было большое соревнованіе, потому что только двое изъ нихъ умерли дѣйствительными статскими совѣтниками, а остальные скончались или тайными или генералъ-аншефами.

лами и французскимъ спектаклемъ. Наслѣдникъ престола и его супруга занимали на свадьбѣ мѣста посаженыхъ отца и матери. Въ томъ же году фамилія Сиверсовъ получила новый блескъ: курфирстъ саксонскій, бывшій тогда викаріемъ Германской Имперіи, пожаловалъ Карла Сиверса баронскимъ титуломъ, а великій князь Петръ Θеодоровичъ далъ его брату Іоахиму чинъ голштинско-герцогскаго канцлей-совѣтника.

Когда дядя Якова обзавелся семейнымъ бытомъ, племянникъ поселился въ его домѣ, и вскорѣ за свой скромный, пріятный характеръ сдѣлался любимцемъ молодой баронессы; она уже тогда обѣщала свою новорожденную дочь Луизу воспитать ему въ жены. Между тѣмъ въ молодомъ человѣкѣ пробудилось чувство честолюбія и стремленіе къ болѣе широкой дѣятельности чѣмъ механическое письмоводство въ коллегіи. Спустя годъ послѣ свадьбы Карла, Яковъ проливалъ слезы о томъ что его не отправили при посольствѣ въ Константинополь. Но прошелъ еще годъ, и желаніе юноши исполнилось: онъ причисленъ къ русскому посольству въ Копенгагенѣ. Письма дяди и тетки, относящіяся къ этой эпохѣ, проникнуты самою нѣжною заботливостью о племянникѣ и наполнены самыми благими совѣтами. „Если,“ пишетъ петербургскій камеръ-юнкеръ, „ты забудешь утромъ или вечеромъ поручить себя Богу, а Осипъ (старый слуга, сопровождавшій Якова) напомнитъ тебѣ о томъ, то не сердись на него, потому что я ему такъ приказалъ. Всю свою жизнь имѣй Бога въ сердцѣ и передъ глазами, и берегись впасть въ какой-нибудь грѣхъ, нарушить заповѣдь Божію. Гдѣ можешь, помогай нуждающимся. Милостыня спасаетъ отъ грѣховъ, отъ смерти и отъ нужды.“ Въ другомъ письмѣ дядя разказываетъ, что недавно у нихъ подавались любимыя кушанья племянника, и какъ при этомъ о немъ вспоминали; а маленькая Лизанька все еще не можетъ его забыть, и кричитъ когда услышитъ его имя. Онъ сравниваетъ Якова то съ Телемакомъ, то съ молодымъ Товіемъ, и желаетъ ему найдти такого же руководителя, какимъ былъ архангелъ Рафаилъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ дядя замѣчаетъ: „Еслибы я могъ описать все что жена поручаетъ тебѣ сказать или посовѣтовать, то для этого было бы мало цѣлаго листа; она любитъ тебя больше родной матери.“

Въ Копенгагенѣ молодой Сиверсъ нашелъ довольно выгодныя условія для своего развитія. Русскимъ посломъ назна-

ченъ былъ сюда баронъ Корфъ, переведенный изъ Стокгольма на мѣсто Никиты Панина. Корфъ происходилъ изъ Курляндіи, и переселялся въ Петербургъ при вступленіи на престолъ Анны Іоановны. Онъ былъ человѣкъ научно образованный, почему и сдѣланъ президентомъ Академіи наукъ. Общество такого посланника, конечно, не осталось безъ хорошаго вліянія на нашего молодаго дипломата. Однако дядя въ своихъ письмахъ изъявлялъ неудовольствіе на то что баронъ слишкомъ разчетливъ: не предоставилъ его племяннику дароваго стола и квартиры. Племянникъ старается по возможности оправдать барона, который приглашаетъ его къ своему обѣду; но такъ какъ посланникъ не ужинаетъ, то Сиверсъ долженъ ужинать въ трактирѣ; а квартиры въ посольскомъ домѣ Корфъ не даетъ никому изъ своихъ секретарей. Первымъ датскимъ министромъ былъ тогда знаменитый Бернсторфъ; для Сиверса особенно поучительны были его умныя финансовыя операціи. Въ послѣдствіи онъ сознавался, что необходимыя свѣдѣнія по этой части пріобрѣлъ въ Даніи. Въ Копенгагенѣ, кромѣ того, онъ часть своихъ досуговъ посвящалъ нѣмецкой поэзіи, и вслѣдъ за Нѣмцами приходилъ въ восторгъ отъ *Мессіады Клопштока*: эта поэма, нынѣ забытая, тогда только что явилась на свѣтъ и имѣла большой успѣхъ между современниками.

Но пребываніе въ Даніи продолжалось не болѣе десяти мѣсяцевъ. Въ концѣ 1748 года мы находимъ Якова Сиверса уже при русскомъ посольствѣ въ Англіи, подъ начальствомъ графа Петра Григорьевича Чернышева. Семейное преданіе сообщаетъ, что Чернышевъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ барономъ Сиверсомъ, самъ хлопоталъ о переводѣ его племянника.

Послѣ Петербурга и Копенгагена, Лондонъ произвелъ на юношу сильное впечатлѣніе своими свободными парламентскими формами и шумною борьбою партій. Борьба эта въ то время была особенно оживлена: война съ Франціей за Австрійское наслѣдство окончилась; но народъ не былъ доволенъ ея результатами, и напрасно министры старались задобрить толпу фейерверками и разными увеселеніями по случаю Ахенскаго мира. Сиверсъ на самомъ себѣ испыталъ неудовольствіе англійской черни: онъ не могъ являться на улицѣ въ платьѣ французскаго покроя, и принужденъ былъ сшить себѣ фракъ, показавшійся ему весьма дорогимъ. Во-

обще въ Лондонѣ молодой человѣкъ долженъ былъ, на сколько возможно, сокращать свои расходы: отецъ и дядя, при всей нѣжности своихъ писемъ, посылали ему очень скромную прибавку къ казенному жалованью, и постоянно твердили о разчетливости и бережливости.

Яковъ Сиверсъ пробылъ въ Англіи около семи лѣтъ, и здѣсь закончилъ свое воспитаніе; годы эти прошли для него въ усердныхъ занятіяхъ службою, науками и литературою. Мы не будемъ входить во всѣ мелочи его лондонской жизни, которыя тщательно собраны въ монографіи Блума. Бросимъ только общій взглядъ.

Первою заботою молодаго человѣка, по прибытіи въ Лондонъ, было изученіе англійскаго языка, и онъ употреблялъ для того большія усилія: бралъ уроки, ходилъ въ театръ, а по воскресеньямъ англійскую церковь посѣщалъ предпочтительно передъ нѣмецкою, чтобы пріучить свое ухо къ англійской рѣчи. Между членами посольской свиты находились два брата Лидерсы: одинъ изъ нихъ былъ секретаремъ посольства, а другой живописцемъ. Яковъ завязалъ съ ними интимныя отношенія, которыя сохранялъ и въ послѣдствіи; особенно онъ былъ друженъ съ живописцемъ, очень образованнымъ и развитымъ юношей; нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ онъ читалъ наиболѣе знаменитыхъ авторовъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, между прочимъ, Волластона, Боллингброка и Вольтера. Но Сиверсъ былъ уже на столько благоразуменъ, что не увлекался ихъ идеями, и искалъ противоядія въ историческихъ произведеніяхъ, каковы: Миддельтона *Жизнь Цицерона*, *Исторія* Роллена, творенія Фенелона; очень понравились ему и *Записки Фридриха II о Бранденбургскомъ домѣ*, которыя онъ считалъ классическою книгой для воспитанія молодыхъ государей.

Свое обычное препровожденіе времени Сиверсъ распредѣлилъ самымъ экономнымъ и аккуратнымъ образомъ. Распредѣленіе это мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ къ отцу, а именно: понедѣльникъ — поутру учитель англійскаго языка, послѣ обѣда фехтованье; вторникъ—почта, и потому весь день при графѣ; середа и четвергъ—учитель англійскаго языка и фехтованье. Каждый день онъ заходитъ на полчаса въ кафе, и старается тамъ потолковать съ кѣмъ-нибудь о политическихъ новостяхъ; два или три раза въ недѣлю онъ посѣщаетъ паркъ, то-есть просторную площадь подлѣ дворца,

пересѣченную каналомъ, на берегахъ котораго устроены дорожки; гуляющіе собираются здѣсь въ большомъ числѣ, и самъ король приходитъ сюда подышать свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ того театръ; но онъ стоитъ „ужасно“ много: три шиллинга мѣсто въ партерѣ и пять въ ложѣ; это удовольствіе доступно только разъ въ недѣлю. Фехтмейстеръ, хотя самый дешевый, первый мѣсяцъ стоитъ двѣ гинеи, а въ слѣдующіе по одной. Вообще, Яковъ жалуется на дороговизну англійской жизни; въ Копенгагенѣ онъ еще игралъ немного въ карты, а въ Лондонѣ совсѣмъ пересталъ.

Въ тѣ времена было въ обычаѣ, чтобы посланникъ держалъ открытый столъ для своихъ чиновниковъ и даже для ихъ служителей. Дядя Якова, какъ мы видѣли, былъ недоволенъ тѣмъ что въ Копенгагенѣ племянникъ ужиналъ на свой счетъ. Каково же было его огорченіе, когда лѣтомъ 1749 года вѣрный Осипъ, воротясь въ Москву, объявилъ, что до сихъ поръ молодой Сиверсъ обѣдалъ у посланника въ Лондонѣ только два раза, а самъ онъ, Осипъ, ни одного! Неудовольствіе барона дошло до Чернышева; тотъ обратился съ разспросами къ Якову. Эти непріятныя объясненія, впрочемъ, не имѣли серіозныхъ послѣдствій; но съ того времени графъ, повидимому, сталъ чаще приглашать молодаго человѣка къ своему столу. Когда же Сиверсъ обѣдалъ на свой счетъ, то, по ограниченности средствъ, часто долженъ былъ довольствоваться парою пирожковъ. Онъ жилъ надъ пирожникомъ, и обыкновенно заказывалъ ему пирожки посредствомъ своей маленькой собачки, Помпея, которая относила въ зубахъ монету, соотвѣтствующую извѣстному количеству пирожковъ. Надобно замѣтить, что графъ Чернышевъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства; одна изъ его дочерей, Марія, отличалась большою живостью характера и наклонностію позабавиться на чужой счетъ. Скромный, разчетливый Сиверсъ нерѣдко давалъ пищу ея шуткамъ. Между прочимъ, иногда она похищала у него изъ кармана расходную книжку и читала ее вслухъ; отмѣченное тамъ большое количество пирожковъ возбуждало всегда общій смѣхъ.

Въ перепискѣ Сиверса съ отцомъ и дядей экономическій вопросъ въ эту эпоху занималъ самое видное мѣсто. Однажды дядя потребовалъ, чтобы племянникъ подробно описалъ ему свои расходы, обѣщая сдѣлать прибавку къ своей

ежегодной помощи. Племянникъ отвѣчалъ пространнымъ изложеніемъ своихъ потребностей и лондонскихъ цѣнъ. *

Первые годы дядя подозрительно смотрѣлъ на расходы племянника, но мало-по-малу убѣдился въ справедливости его требованій. Кромѣ того онъ постоянно напоминалъ ему о необходимости изучить языки французскій и италіянскій, не забыть русскій и усовершенствоваться въ англійскомъ; не скупился также на увѣщанія вести себя какъ можно луч-

* Вотъ нѣкоторыя подробности заимствованныя изъ этого изложенія и характеризующія бытъ и время:

Когда приходится обѣдать гдѣ-нибудь въ гостяхъ, то слугамъ надобно давать на водку болѣе нежели сколько стоилъ обѣдъ, именно, до 2 и до 3 шиллинговъ; при уходѣ гостя слуги обыкновенно становятся въ рядъ, и безъ церемоніи протягиваютъ руки. На этотъ предметъ Яковъ Сиверсъ полагаетъ 4 фунта стерлинговъ въ годъ. На праздникъ Рождества графскимъ слугамъ и въ другихъ хорошо знакомыхъ домахъ приходилось раздать подарковъ тоже фунта на 4. На ужины въ тавернѣ или у себя дома, въ годъ, 5 фунтовъ. Зимой онъ имѣетъ квартиру у друга своего, живописца Лидерса; но лѣтомъ вмѣстѣ съ посланникомъ, вслѣдъ за англійскимъ дворомъ, переѣзжаетъ на дачу въ Кенсингтонъ, гдѣ платитъ за шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ болѣе 7 фунтовъ; а на чай, сахаръ и завтракъ истрачиваетъ здѣсь до 5 ф. Башмаковъ въ годъ отъ 8 до 9 паръ; чулокъ въ годъ двѣ пары бѣлыхъ шелковыхъ, двѣ пары черныхъ, двѣ пары бумажныхъ и нѣсколько паръ нижнихъ, всего на $3^1/_2$ ф. Полдюжины верхнихъ рубашекъ съ кружевными манжетами на 10 ф., и прибавьте соотвѣтствующую сумму для прачки; не забудьте, что англичане обращаютъ большое вниманіе на бѣлье и по немъ судятъ о человѣкѣ. Каждый годъ два Fröcke—платье съ небольшими отворотами и фалдами, изъ тонкаго сукна, которое носятъ въ Англіи всѣ порядочные люди; пара стоитъ до 14 ф. Ко дню рожденія короля надобно ежегодно дѣлать новый кафтанъ съ галунами à la Bourgogne, что составляетъ отъ 25 до 26 ф.; на шляпу одну гинею въ годъ; на завивку съ пудрой по крайней мѣрѣ 3 гинеи, хотя онъ самъ причесываетъ себя и приглашаетъ парикмахера только въ необходимыхъ случаяхъ. Далѣе слѣдуютъ расходы: на экипажъ, театръ, балы, концерты, — всѣ эти предметы нигдѣ такъ не дороги какъ въ Лондонѣ. Потомъ плата за слушаніе нѣкоторыхъ чтеній, по шиллингу каждый разъ, и за пользованіе книгами одна гинея въ годъ. На этотъ разъ Яковъ еще умолчалъ о своей страсти покупать книги и ландкарты, которая болѣе всего заставляла его испытывать безденежье во время пребыванія въ Англіи.

ше. Въ послѣдствіи Карлъ Сиверсъ пишетъ молодому человѣку, что съ удовольствіемъ узнаетъ ото всѣхъ видѣвшихъ его за границей о его благородномъ поведеніи. Онъ извѣщаетъ также, что французскія письма племянника даетъ читать Ивану Ивановичу Шувалову (бывшему товарищу Якова по пажескому институту, а въ то время первому любимцу и камергеру), что тотъ не можетъ ими нахвалиться и самъ хочетъ писать Якову. „Но ты, конечно, предупредишь его,“ прибавляетъ ловкій придворный, „и хорошо сдѣлаешь.“

Отецъ также въ письмахъ своихъ, съ теченіемъ времени, становится болѣе нѣжнымъ и предупредительнымъ. Совѣты его нѣсколько отличаются отъ совѣтовъ придворнаго дяди. Какъ строгій лютеранинъ онъ прежде всего заботится о чистотѣ религіи. Изъ газетъ Іоахимъ вычиталъ, что въ Англіи поселились многіе гернгутеры, и вотъ въ письмѣ къ сыну онъ удивляется, какъ Англія, такая практичная страна, терпитъ этихъ порочныхъ людей, которые были изгнаны изъ столькихъ земель и между прочимъ изъ Лифляндіи. „Я тебѣ отечески совѣтую“, прибавляетъ онъ, „берегись ложныхъ и развратныхъ ученій.“ Въ другомъ письмѣ отецъ совѣтуетъ сыну посѣтить Вѣну, Парижъ и Дрезденъ, но не оставаться долѣе шести недѣль во Франціи, гдѣ нація „исполнена лжи и коварства“, а болѣе всего брать себѣ въ примѣръ добродѣтели Англичанъ. Впрочемъ, и помимо этихъ совѣтовъ Яковъ Сиверсъ уже въ значительной степени сдѣлался англоманомъ, и Парижъ не произвелъ на него большаго впечатлѣнія. Лѣто 1752 года онъ провелъ въ Ганноверѣ, куда русское посольство отправилось вслѣдъ за дворомъ Георга II. Отсюда Сиверсъ предпринялъ путешествіе во Францію вмѣстѣ съ другомъ своимъ Лидерсомъ и княземъ Александромъ Бѣлосельскимъ. Въ старости Яковъ любилъ вспоминать о томъ, какъ онъ съ Лидерсомъ по нѣскольку верстъ проходилъ пѣшкомъ, любуясь берегами Рейна, и какъ они силою тащили изъ экипажа толстаго, лѣниваго Бѣлосельскаго.

Извѣстія изъ Россіи доходили до Якова чрезвычайно туго. Дядя, несмотря на всю привязанность и довѣріе къ нему, въ своихъ письмахъ никогда не сообщалъ о томъ что происходило въ столицахъ, и чему онъ самъ бывалъ свидѣтелемъ. Напримѣръ, въ ноябрѣ 1752 года сильный вѣтеръ съ моря поднялъ Неву; она наводнила столицу и произвела большія опустошенія. Около того же времени страшные пожа-

ры, и очевидно вслѣдствіе поджоговъ, опустошили Казань, Архангельскъ и особенно Москву. Императрица поспѣшила съ дворомъ въ старую столицу, чтобы своими милостями облегчить бѣдствія пострадавшихъ. Въ Петербургѣ сгорѣлъ деревянный зимній дворецъ. Елизавета приказала возобновить его немедленно, и онъ былъ готовъ черезъ шесть недѣль. Обо всемъ этомъ ни слова не упоминаетъ въ своихъ письмахъ баронъ Сиверсъ по той простой причинѣ, что частная переписка находилась тогда подъ строгимъ контролемъ, внутри и внѣ Россіи. Напримѣръ, послѣ извѣстнаго неудовольствія, возбужденнаго Осипомъ, чиновники русскаго посольства въ Лондонѣ получили приказаніе не входить въ переписку ни съ кѣмъ въ Россіи кромѣ своихъ родственниковъ, да и эта переписка должна касаться только личныхъ отношеній и проходить черезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ. По замѣчанію Блума, Яковъ Сиверсъ сохранилъ природную прямоту своего характера, только благодаря долгому пребыванію въ Англіи—этой классической странѣ гласности.

Между тѣмъ фамилія Сиверсовъ продолжала постепенно возвышаться. Въ 1751 году Карлъ получилъ достоинство камергера. Секретарь барона извѣщаетъ его племянника такимъ образомъ: „Это было въ Петерговѣ. Два изъ самыхъ знатныхъ придворныхъ послѣ обѣда вошли въ его комнату и объявили ему о повышеніи. Вслѣдъ затѣмъ явилась тетушка его Елизавета фонъ-Франценъ, и передала ему ключъ, знакъ его новаго достоинства.“ Въ слѣдующемъ году лифляндское дворянство, наконецъ, записало въ свои члены фамилію Сиверсовъ, что̀ однако не помѣшало ихъ завистникамъ неблагопріятно отзываться объ ихъ происхожденіи. Это обстоятельство осталось навсегда щекотливымъ предметомъ и для Якова; доказательствомъ тому служатъ его слова въ письмѣ къ дочери, написанные болѣе 30 лѣтъ спустя. „Еслибы наши предки, говоритъ онъ, не потеряли своихъ документовъ, то намъ не кололи бы глаза происхожденіемъ. Наши фамильныя преданія представляютъ очень слабыя доказательства для свѣтскаго злословія.“ *

* Въ послѣдствіи (въ 1792 г.) Яковъ Сиверсъ продиктовалъ своей дочери цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ *Precis sur la famille des Sievers de Bauenhoff et des Comptes de ce nom*, гдѣ даетъ отчетъ о развѣтвленіяхъ и о судьбѣ отдѣльныхъ членовъ этой многочисленной фамиліи. (Приложеніе къ книгѣ Рамбаха).

Служба Якова въ посольской канцеляріи, очевидно, не удовлетворяла желаніямъ его честолюбиваго дяди; онъ совѣтуетъ племяннику перейдти въ армію. Послѣднее извѣстное намъ письмо дяди относится къ октябрю 1754 года. Тутъ онъ извѣщаетъ, что братъ Якова Іоахимъ теперь каптенармусомъ въ Измайловскомъ полку и живетъ у дяди вмѣстѣ съ его дѣтьми, какъ прежде Яковъ; но что выдетъ изъ его другаго брата, Карла, этого онъ не знаетъ, потому что отецъ сильно балуетъ его. „Милый Яша,“ прибавляетъ онъ, „ты мой любимецъ; будь благочестивъ и такъ же твердъ духомъ какъ древніе Римляне. Надѣйся на Бога и дѣлай то что̀ ты долженъ дѣлать.“ Письмо оканчивается радостнымъ извѣстіемъ, что великая княгиня благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ (Павломъ Петровичемъ). Карлъ Сиверсъ былъ отправленъ въ Вѣну, чтобы пригласить императора и императрицу быть воспріемниками новорожденнаго; петербургскій и вѣнскій дворы находились тогда въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Сиверсу, кромѣ того, поручено было завести переговоры о тѣсномъ союзѣ съ разными европейскими дворами противъ Фридриха II. Послѣ Вѣны Карлъ посѣтилъ Неаполь, Римъ, Парижъ, Голландію, Ганноверъ, и въ августѣ 1755 года воротился въ Петербургъ. Въ сентябрѣ этого же года мы встрѣчаемъ Якова уже въ Бауэнхофѣ, подъ родительскимъ кровомъ. Сиверсъ уѣхалъ изъ Лондона вмѣстѣ съ семействомъ Чернышева, который тогда оставилъ свою посольскую должность. „И послѣ семилѣтняго пребыванія въ Англіи“, писалъ Яковъ спустя долгое время, „у меня все еще не было никакой охоты ее покинуть.“

Въ Бауэнхофѣ нашъ герой занялся, между прочимъ, сельскимъ хозяйствомъ, подъ руководствомъ своего отца, какъ отличнаго практика въ этомъ отношеніи. Но вообще первыя впечатлѣнія по возвращеніи въ отечество не могли быть пріятны для молодаго патріота. (Дядя часто изъявлялъ удовольствіе, что племянникъ въ письмахъ своихъ съ большою теплотою говоритъ объ отечествѣ). Особенно эти впечатлѣнія не могли быть пріятны послѣ Англіи, которую онъ оставилъ въ самое интересное время, когда политическая жизнь находилась тамъ въ сильномъ движеніи: во главѣ министерства сталъ знаменитый Питтъ, и весь народъ поднялся какъ

одинъ человѣкъ при извѣстіи о началѣ военныхъ дѣйствій, хотя войны собственно желали немногіе. Вмѣсто всего этого, въ отечествѣ своемъ Сиверсъ нашелъ необозримую массу крѣпостныхъ во всѣхъ видахъ. То была эпоха высшаго развитія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Въ остзейскихъ провинціяхъ послѣ Сѣверной войны безправіе и угнетеніе низшаго класса достигли также чрезвычайныхъ размѣровъ.

Въ началѣ 1756 года Яковъ вступилъ въ военную службу, съ чиномъ премьеръ-майора; благодаря придворнымъ связямъ Карла Сиверса, начальникъ артиллеріи Петръ Ивановичъ Шуваловъ назначилъ его племянника дивизіоннымъ квартирмейстеромъ. Дядя продолжалъ возвышаться: около этого времени онъ былъ пожалованъ большими помѣстьями и достоинствомъ гофмаршала, и кромѣ того, возведенъ въ графы Римской имперіи.

1 января 1757 года Елизавета формально приступила къ союзу Австріи съ Франціей противъ Фридриха II. Военныя приготовленія начались еще прежде: по всей Имперіи полки находились въ большомъ движеніи; а Лифляндія и Курляндія были уже наводнены войсками; Якову представилось здѣсь много хлопотъ съ устройствомъ лагерей. Весною наша армія, подъ начальствомъ Апраксина, двинулась въ Восточную Пруссію. Но походъ совершался очень медленно; причиной тому были отчасти дурныя дороги и затрудненія въ провіантѣ, а отчасти продолжавшаяся борьба партій при дворѣ, гдѣ прусско-англійское золото значительно парализовало рвеніе австрійско-французскихъ сторонниковъ. Только послѣ пораженія Фридриха при Коллинѣ Русскіе перешли за Нѣманъ. Вскорѣ послѣдовало сраженіе при Гросъ-Эгернсдорфѣ. Нашъ Сиверсъ принималъ въ немъ участіе, въ качествѣ подполковника Невскаго полка, которымъ командовалъ его пріятель, англичанинъ Фюллертонъ. Пуля ударила Сиверсу въ грудь; но офицерскій значокъ защитилъ его, и онъ только на нѣсколько минутъ лишился чувствъ. Извѣстно, что послѣ побѣды Апраксинъ, къ общему удивленію, отступилъ. Фамильное преданіе Сиверсовъ разказываетъ, будто Яковъ былъ посланъ фельдмаршаломъ въ Петербургъ, чтобы на словахъ объяснить императрицѣ таинственныя причины своего отступленія, и будто, войдя въ ея кабинетъ, онъ положилъ на столъ свой значокъ, согнутый пулею и спасшій ему жизнь.

Въ слѣдующемъ году арміей командовалъ графъ Ферморъ. Онъ перешелъ Вислу, и двинулся къ Одеру. Наши войска, сопровождаемыя отрядами казаковъ и башкиръ, обозначали свой путь опустошеніемъ. Фридрихъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу, чтобы остановить ихъ опустошительное шествіе и помѣшать соединенію Русскихъ съ Австрійцами. Тогда онъ далъ знаменитую битву при Цорндорфѣ. Яковъ вышелъ изъ этой продолжительной бойни невредимымъ, хотя Невскій полкъ находился въ самомъ жаркомъ дѣлѣ; полковникъ его Фюллертонъ и другой дядя, бригадиръ Сиверсъ, попались въ плѣнъ. Ферморъ принужденъ отойдти на сѣверъ. Тутъ онъ отрядилъ бригаду генерала Пальмбаха для осады Кольберга, который былъ намъ нуженъ, для того чтобы свободно получать моремъ провіантъ и военные снаряды.

Яковъ Сиверсъ, имѣвшій теперь чинъ полковника, былъ прикомандированъ къ этой осадѣ въ качествѣ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта. Онъ, очевидно, пользуется уже высшимъ вниманіемъ и довѣріемъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ пишетъ къ нему, что при Цорндорфѣ между нашими генералами произошли разныя недоразумѣнія; поэтому проситъ его сообщить обстоятельное описаніе сраженія и въ особенности образъ дѣйствій Фермора. Такого рода сообщенія показались Сиверсу крайне щекотливыми, и онъ пытался уклониться отъ нихъ. Но Шуваловъ продолжалъ настаивать, и убѣдилъ его на будущее время представлять свои наблюденія въ видѣ мемуаровъ. Слѣдствіемъ этого порученія былъ „Дневникъ осаднаго корпуса при Кольбергѣ", составленный такъ отчетливо, что безъ всякихъ личныхъ сужденій давалъ ясное понятіе о характерѣ военныхъ дѣйствій.

Осада Кольберга была неудачна; вообще нѣмецкіе и русскіе генералы нашей арміи показали тогда довольно незначительное военное искусство. Въ концѣ 1758 года Сиверсъ былъ вызванъ въ Петербургъ для словесныхъ объясненій, насчетъ похода и взаимныхъ отношеній генераловъ. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ воротился въ армію, а лѣтомъ главное начальство было вручено графу Салтыкову. Но Сиверсу не удалось принять участіе въ славномъ походѣ этого лѣта и пожать лавры при Куннерсдорфѣ. Онъ сдѣланъ былъ членомъ прусско-русской коммиссіи для размѣна плѣнныхъ, учрежденной въ померанскомъ городкѣ Бютовѣ. Хотя уполномоченнымъ съ русской стороны назначенъ былъ генералъ

Яковлевъ, но дѣлопроизводство главнымъ образомъ пало на Сиверса. Кромѣ того, онъ продолжалъ доставлять Шувалову свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій и отчеты канцлеру Воронцову. Переговоры коммиссіи подвигались впередъ медленно, и только въ октябрѣ уполномоченнымъ удалось заключить конвенцію. Плѣнные раздѣлены по рангамъ, и каждый рангъ оцѣненъ въ извѣстную сумму; по крайнимъ ступенямъ этой лѣстницы, простой солдатъ оцѣненъ въ 5 гульденовъ, и генералъ-фельдмаршалъ—въ 15.000. Затѣмъ начался размѣнъ плѣнныхъ, и коммиссія была завалена дѣлами, такъ что Сиверсъ цѣлыя ночи проводилъ за письменнымъ столомъ. Здоровье его, ослабленное еще въ началѣ войны, теперь разстроилось совершенно. Наконецъ онъ получилъ годовой отпускъ въ чужіе края, для излѣченія, и лѣтомъ 1761 года предпринялъ путешествіе въ сопровожденіи младшаго брата, Карла. Онъ проѣхалъ Моравію, Австрію, Швейцарію, а на зиму отправился въ Италію. Посѣтивъ замѣчательные города Сѣверной и Средней Италіи, онъ въ концѣ октября поселился въ Неаполѣ.

Снабженный рекомендательными письмами, нашъ Сиверсъ скоро завязалъ знакомство въ высшемъ кругу неаполитанскаго общества; онъ былъ представленъ королю, министрамъ и посланникамъ, и принятъ въ самыхъ знатныхъ домахъ. Здѣсь онъ занялся образованіемъ своего брата, Карла, которому и нанялъ учителей, то-есть учителей языковъ, танцованія и фехтованія — предметовъ составлявшихъ тогда главную сущность воспитанія для массы европейскаго дворянства. Въ Неаполѣ, какъ и въ Лондонѣ, Сиверсъ жалуется на дороговизну жизни; особенно его раззоряли расходы на платье: атласъ, бархатъ, кружева, золотое и серебряное шитье, какъ извѣстно, въ ту пору были необходимою принадлежностью мужскаго туалета. Въ письмахъ своихъ Яковъ умоляетъ отца не замедлять высылкою денегъ, чтобы не поставить его въ самое затруднительное положеніе. На бѣду его одинъ русскій господинъ, года четыре тому назадъ, задолжалъ въ Неаполѣ 3.000 рублей разнымъ лицамъ за столъ и платье, и потомъ пропалъ. „Послѣ этого,“ прибавляетъ Сиверсъ, „кредитъ Русскихъ такъ упалъ, что я по пріѣздѣ своемъ не могъ получить въ долгъ и стакана воды.“

Видъ спокойнаго Везувія почему-то возбуждалъ у нашего

героя тоску по родинѣ. Но тутъ, кажется, причина лежала въ маленькой сердечной ранѣ.

Еще до поѣздки въ Лондонъ Яковъ Сиверсъ питалъ нѣжное чувство къ дочери „тайнаго совѣтника“ Боэргаве, Нидерландца по происхожденію. Эрмина была умная дѣвушка, сильно любившая танцы и верховую ѣзду. Почти однихъ лѣтъ съ Яковомъ, она отвѣчала взаимностію на его привязанность. Но долгое отсутствіе друга и настоянія отца побудили ея отдать свою руку лейбъ-медику Крузе, родному брату баронессы Сиверсъ. Послѣ возвращенія Якова взаимная привязанность ожила съ новою силой; впрочемъ, благовоспитанные молодые люди удержали ее въ должныхъ границахъ, и сообщили ей характеръ священной дружбы, которая и сопровождала ихъ до самой могилы. Въ семействѣ Сиверсовъ до сихъ поръ сохраняется картина, изображающая миловидную женщину съ чрезвычайно живыми глазами; въ правой рукѣ она держитъ гіацинтъ. Еще не задолго до смерти Яковъ Сиверсъ съ чувствомъ разказывалъ своей внучкѣ случай, послужившій сюжетомъ для картины. Однажды онъ приходитъ въ домъ Крузе, и встрѣчаетъ хозяйку, возвращающуюся изъ сада съ букетомъ нарванныхъ цвѣтовъ; она взяла изъ нихъ гіацинтъ и подала Якову. Съ этимъ-то другомъ молодости Сиверсъ очень усердно переписывался изъ Неаполя. О степени ихъ дружбы можно судить по числу писемъ: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ получилъ 40, и послалъ столько же отвѣтовъ; корреспондентъ еще при этомъ горько жалуется на неисправность почты.

Превосходный климатъ, правильный образъ жизни, ежедневныя прогулки, діэта, козье молоко, великолѣпная опера и пріятныя знакомства возстановили силы нашего больнаго. Чувствуя себя лучше, онъ началъ учащать свои визиты въ аристократическіе кружки неаполитанскаго общества. Здѣсь судьба послала ему романтическую исторію. Въ то время король Карлъ былъ еще очень молодъ; во главѣ правленія стоялъ маркизъ Танучи, который старался всѣми силами привлечь въ столицу богатую аристократію, и не жалѣлъ ничего чтобы придать неаполитанскому двору веселый характеръ и роскошную обстановку. Вмѣстѣ съ тѣмъ распущенность придворныхъ нравовъ достигла замѣчательныхъ размѣровъ, и брачные узы были узами только по имени. Нѣкто, маркиза Салуцо, хорошенькая женщина, впрочемъ уже

не первой молодости, узнавъ il colonelo moscovito, какъ называли Сиверса въ Неаполѣ, запылала къ нему самою волканическою страстію. Эта всепожирающая страсть дышетъ въ каждой строкѣ ея многочисленныхъ писемъ, сохранившихся у Якова. Она едва упоминаетъ о ревнивомъ мужѣ и своихъ сыновьяхъ; она ничего не хочетъ знать и видѣть кромѣ своего возлюбленнаго. Отношенія къ маркизѣ не мѣшаютъ однако нашему герою продолжать правильную переписку съ Эрминой, говорить ей о своемъ сплинѣ, разказывать о неаполитанскихъ балахъ и маскарадахъ. Между прочимъ онъ описываетъ, съ какою горестію узналъ у австрійскаго посланника о смерти императрицы Елизаветы. Эта смерть повела за собою значительное измѣненіе въ положеніи Сиверсовъ. Со вступленіемъ на престолъ Петра III, дядя Якова вдругъ лишился своего прежняго значенія при дворѣ; это послѣднее обстоятельство тотчасъ отозвалось для племянника прекращеніемъ денежныхъ вспоможеній.

Истеченіе срока, а главное недостатокъ денегъ заставили Якова въ іюнѣ 1762 года покинуть Неаполь. Маркиза съ большимъ трудомъ согласилась на разлуку, и только подъ непремѣннымъ условіемъ скораго возвращенія. Во время обратнаго путешествія Сиверса по Италіи, она чуть не ежедневно мѣнялась съ нимъ письмами и сувенирами въ видѣ локонъ, колецъ и т. п. Въ Римѣ Яковъ былъ глубоко опечаленъ извѣстіемъ о смерти своей доброй матери. Между тѣмъ въ Петербургѣ перемѣны быстро слѣдовали одна за другою. Еще въ Римѣ Сиверсъ узналъ о восшествіи на престолъ Екатерины II. Петербургскія событія произвели за границей довольно сильное впечатлѣніе. Маркиза Салуцо въ своихъ письмахъ выражаетъ безпокойство, и заклинаетъ Якова извѣстить ее изъ Петербурга о томъ, какое вліяніе эти событія будутъ имѣть на его судьбу. Но благоразумный полковникъ уже въ Вѣнѣ счелъ за лучшее прекратить нѣжную переписку.

По возвращеніи въ Россію, Сиверсъ снова почувствовалъ себя дурно; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ взялъ отставку съ чиномъ генералъ-майора и 300 рублей пенсіи, и поселился у отца. Сельская жизнь мало-по-малу возстановила его здоровье. Между тѣмъ дядя его, при коронаціи Екатерины II, получилъ званіе оберъ-гофмаршала.

II. Начало губернаторской дѣятельности.—Административные проекты.

Состояніе, въ какомъ находилась Россія при вступленіи на престолъ Екатерины II, болѣе или менѣе извѣстно. Правительственный механизмъ, преобразованный Петромъ I, но далеко необработанный въ главныхъ своихъ частяхъ, по смерти энергическаго мастера часто переходилъ въ руки людей, имѣвшихъ весьма малое понятіе о потребностяхъ государства и преслѣдовавшихъ свои личные интересы.

Управленіе того времени довольно мѣтко характеризуетъ Минихъ въ одной изъ своихъ записокъ Екатеринѣ II-й (отъ 15-го августа 1762 г.). „Огромная Русская Имперія—по его замѣчанію—управляется не губернаторами и президентами присутственныхъ мѣстъ, какъ это кажется, а оберъ-секретарями и секретарями."

Коллегіи и другія мѣста снабжаются президентами, вице-президентами и совѣтниками или членами, большею частію изъ отставныхъ офицеровъ и другихъ особъ, которые мало или ничего не знаютъ объ основныхъ законахъ государства и объ указахъ прежняго времени. Отсюда нерѣдко происходитъ слѣдующее: представляется на рѣшеніе какое-нибудь важное или новое дѣло; по прочтеніи протокола, президентъ, вице-президентъ и члены начинаютъ толковать и спрашивать одинъ другаго, что каждый думаетъ. Послѣ долгихъ разговоровъ, наконецъ, соглашаются во мнѣніи и составляютъ рѣшеніе. Остается только перевести его на бумагу. Оберъ-секретарь или секретарь при обсужденіи дѣла не имѣетъ никакого голоса; онъ сидитъ въ той же комнатѣ за другимъ столомъ и пишетъ; но въ то же время внимательно слушаетъ и замѣчаетъ всѣ разговоры господъ членовъ. Когда доходитъ дѣло до рѣшенія, онъ встаетъ, подходитъ къ нимъ и говоритъ: „Имѣю честь напомнить о такомъ-то указѣ (Петра Великаго или кого изъ его преемниковъ, смотря потому какой указъ ему нуженъ). Коллегія измѣняетъ свое рѣшеніе и все время, проведенное въ обсужденіи дѣла, потеряно; мнѣніе оберъ-секретаря беретъ верхъ. А такъ какъ

онъ заправляетъ письменнымъ изложеніемъ дѣла, то и даетъ ему оборотъ согласный съ собственными соображеніями. Потому нѣтъ сомнѣнія, что оберъ-секретари и секретари руководятъ важнѣйшими государственными дѣлами по своему усмотрѣнію; всѣ они въ короткое время обогащаются и притомъ пользуются чрезвычайнымъ почитаніемъ со стороны народа. То же самое происходитъ и въ канцеляріяхъ, гдѣ губернаторъ, вице-губернаторъ и ихъ помощники обыкновенно полагаются на юридическія свѣдѣнія секретарей". (Büschings Mag. XVI, 425).

Екатерина, которая внимательно наблюдала положеніе Россіи, еще будучи великою княгиней, теперь, достигши трона, принялась приводить въ порядокъ государственный механизмъ. При этомъ она, конечно, обратила большое вниманіе на выборъ людей и особенно на выборъ губернаторовъ. Новгородъ былъ тогда одною изъ самыхъ обширныхъ и значительныхъ губерній. Семейное преданіе Сиверсовъ разсказываетъ, что когда императрица хотѣла назначить туда губернатора, то составленъ былъ списокъ кандидатовъ, числомъ до 30. Ея выборъ палъ на Якова Сиверса. Это назначеніе относится къ апрѣлю 1764 г., именно къ тому времени, когда Екатерина предпринимала свою поѣздку въ Лифляндію.

Въ выраженіяхъ глубокой вѣрноподданической преданности Сиверсъ благодарилъ за высочайшее довѣріе и просилъ только три мѣсяца отсрочки для укрѣпленія своего здоровья. По истеченіи этого срока, онъ явился въ Петербургъ и провелъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, приготовляясь къ своему посту подъ руководствомъ самой императрицы. Онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, двадцать аудіенцій, каждую въ нѣсколько часовъ; тутъ ему сообщались объясненія отдѣльныхъ статей генеральной и тайной инструкціи, разнаго рода замѣтки и извлеченія, касавшіяся губерніи и особенно водяныхъ сообщеній, съ картами, планами и проектами. Ему приказано писать обо всемъ прямо императрицѣ, а въ важныхъ случаяхъ лично являться къ ней въ Петербургъ.

Съ такимъ-то запасомъ писаныхъ и устныхъ наставленій отправился Яковъ Сиверсъ къ своему посту. Спустя лѣтъ сорокъ, при Александрѣ I, онъ составилъ записку о своей служебной дѣятельности, и подалъ ее министру внутреннихъ дѣлъ (Кочубею). Здѣсь онъ въ слѣдующихъ чертахъ изобра-

зилъ состояніе, въ которомъ нашелъ Новгородскую губернію при своемъ вступленіи въ губернаторскую должность.

Губернія эта была одною изъ самыхъ огромныхъ. Она касалась почти обѣихъ столицъ, граничила съ Польшею, Литвою, Эстляндіей, Финляндіей, Русскою Лапландіей, Швеціей и Бѣлымъ моремъ. Недоимокъ было болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. Изъ 200 или 300 просьбъ, подаваемыхъ ежегодно губернатору, только двѣ или три получали рѣшеніе. Никакой полиціи не было на всемъ протяженіи области. Мѣсто ея заступали сотскіе, отъ двухъ до четырехъ въ каждомъ приходѣ. Имъ сообщались губернаторскіе и воеводскіе приказы; но сотскіе не умѣли ни читать, ни писать и потому прибѣгали къ помощи дьячка или пономаря. Никакой почты не было, за исключеніемъ стараго тракта между двумя столицами и еще вновь учрежденнаго на Великія Луки и на Псковъ. Почтовая корреспонденція шла чрезъ руки письмоводителя, который ежегодно доставлялъ въ ямскую новгородскую канцелярію только 20 рублей дохода. Съ тѣхъ поръ какъ отмѣнена обязательная служба дворянъ, губернаторъ не могъ уже попрежнему возлагать на нихъ разныя порученія, если только эти порученія не имѣли доходнаго свойства. Въ тюрьмахъ сидѣло 1.200 арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; между арестантами находилось болѣе 20 дворянъ, которые, впрочемъ, сидѣли не въ острогѣ, а гдѣ-то при канцеляріи; болѣе 1.000 подсудимыхъ было отпущено на поруки. Отъ 30 до 50 несчастныхъ было назначено къ пыткѣ въ каждой изъ пяти провинцій. О взяткахъ и всевозможныхъ злоупотребленіяхъ нечего и говорить.*

О всемъ этомъ Сиверсъ не замедлилъ донести императрицѣ. А мѣсяца два спустя, онъ уже былъ въ Петербургѣ и объяснялся съ нею лично. Около этого времени, по ея порученію, молодой губернаторъ составилъ пространную записку, въ которой изложилъ свои мысли о предстоявшихъ улучшеніяхъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой записки:

„Въ продолженіе моего короткаго пребыванія въ Новго-

* По поводу послѣдняго пункта напомнимъ извѣстный указъ Екатерины о лихоимцахъ, отъ 18-го іюля 1762 года. Тамъ разказывается, что регистраторъ новгородской губернской канцеляріи, приводя бѣдныхъ людей къ присягѣ императрицѣ, съ каждаго за то бралъ деньги.

роде," пишетъ онъ, „дня не проходило чтобы не поступило нѣсколько жалобъ на обиды, насилія и даже смертоубійства, вслѣдствіе споровъ между сосѣдями за границы." Отсюда вытекаетъ необходимость новаго размежеванія на болѣе раціональныхъ основаніяхъ чѣмъ прежде. Хорошо было бы начать съ одной или двухъ провинцій, чтобы мало-по-малу образовать искусныхъ землемѣровъ и испытать ихъ честность. Издержки размежеванія должны падать на дворянъ, „потому что они будутъ пользоваться его плодами".

Далѣе, вслѣдствіе огромнаго потребленія лѣсу въ столицѣ на постройки и топливо, губернаторъ опасается будущей его дороговизны и отсюда вреднаго вліянія на фабричную дѣятельность. „Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ", говоритъ онъ, „существовали лѣсничіе подчиненные вѣдомству адмиралтейской коллегіи, которые только и дѣлали что продавали позволеніе рубить деревья и такимъ образомъ обогащались". Онъ совѣтуетъ учредить особую лѣсную коллегію, которая опредѣляла бы ежегодную пропорцію сруба, и предлагаетъ вообще принять за образецъ лѣсныя учрежденія Пруссіи, Ганновера и Голштиніи. Кромѣ того, при помощи экономическихъ и земледѣльческихъ обществъ, хорошо было бы распространить добываніе и употребленіе торфа и въ особенности каменнаго угля. Послѣдній можно найдти на берегахъ Ильменя; по крайней мѣрѣ, профессоръ Леманъ, которому поручено было изслѣдовать соляныя источники Старой Русы, предполагаетъ, что если копать глубже, то можно докопаться до каменнаго угля. (При этомъ авторъ записки мечтаетъ не только сберечь суммы, уходившія изъ государства на покупку ньюкастельскаго угля, но и открыть „новую отрасль заграничной торговли").

Чтобъ улучшить сельское хозяйство, надобно основать земледѣльческое общество и, кромѣ того, очень полезно дѣйствовать посредствомъ примѣра. А именно: отдать пару казенныхъ имѣній, отъ четырехъ до пяти сотъ душъ крестьянъ въ аренду офицерамъ или помѣщикамъ, хорошо знакомымъ съ лифляндскимъ сельскимъ хозяйствомъ, и „приказать" имъ, чтобы вводили, по лифляндскому образцу, раздѣлъ и обработку полей и луговъ, молотьбу, приготовленіе солода, масла, сыру, воспитанія скота и проч. Имѣнія, состоящія въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи (то-есть монастырскія), очень многочисленны въ Новгородской провинціи; но управ-

леніе ихъ въ большомъ безпорядкѣ и доходъ слишкомъ незначителенъ. Единственный чиновникъ съ двумя помощниками и однимъ писцомъ ведетъ надзоръ за 20.000 душъ. „Крестьяне управляются сами собою какъ вольная община; это самоуправленіе вообще довольно бурно и плохо согласуется съ благосостояніемъ отдѣльныхъ лицъ.“

Для улучшенія собственно Новгорода, надобно ссудить магистрату 10.000 рублей на 10 лѣтъ безъ процентовъ и раздѣлить эту сумму между гражданами на поддержку торговли; кромѣ того, дать денежное вспоможеніе съ разными привилегіями тѣмъ купцамъ, которые пожелаютъ завести фабрики, кожевенную, полотняныя и другія. Новыя каменные дома освободить отъ постойной повинности на 20 лѣтъ. Проектированный царскій дворецъ въ Новгородѣ надобно окружить садомъ; губернаторскій домъ построить кирпичный на берегу рѣки и также съ садомъ. Выстроить еще новую канцелярію, новый острогъ; завести гимназію для дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей, а по другимъ городамъ низшія школы и преобразовать семинарію.

Авторъ записки умоляетъ императрицу ускорить составленіе новаго свода законовъ, и въ примѣръ приводитъ кодексъ Фридриха II. Ни одна провинція не нуждается такъ въ этомъ сводѣ, какъ Новгородская. Приказные крючки до того запутываютъ тяжбы, что нѣтъ почти возможности доводить ихъ до рѣшенія. Хорошо было бы назначить штрафъ съ тѣхъ тяжущихся, которые при апелляціи проигрываютъ дѣло. Со времени учрежденія комендантовъ, полиція городская не знаетъ у кого она подъ начальствомъ. Полицейскіе чиновники не получаютъ содержанія, и потому жители терпятъ большія вымогательства.

Потомъ говорится: о слишкомъ малой оцѣнкѣ отданныхъ на откупъ оброчныхъ статей (то-есть рыболовныхъ мѣстъ, мельницъ, луговъ и проч.); о небрежности въ сборѣ податей и въ счетахъ казны съ кабаками; о ямщикахъ, которые, покинувъ свои слободы, живутъ въ городѣ, не платятъ подушной подати и занимаются промыслами, во вредъ настоящимъ гражданамъ. Раскольники, собиравшіеся для самосожиганія, разошлись послѣ увѣщаній отъ своихъ единовѣрцевъ, посланныхъ къ нимъ губернаторомъ, и согласились записаться въ двойной окладъ. Такъ какъ срокъ для ихъ ревизіи прошелъ, то надобно назначить имъ другой. Необходимо увеличить

число чиновниковъ въ канцеляріяхъ. Особенное вниманіе надобно обратить на пути сообщенія; противъ неисправнаго содержанія дорогъ употреблять не одни тѣлесныя наказанія, но и денежные штрафы, потому что помѣщики мало безпокоятся на счетъ личности своихъ крестьянъ. Для улучшенія водяной коммуникаціи, отъ которой зависитъ продовольствіе столицы, надобно изслѣдовать плохое состояніе Вышневолоцкихъ шлюзовъ, разчистить Волховскіе пороги, разыскать и наказать зачинщиковъ безпорядковъ на Боровицкихъ порогахъ. Кромѣ предполагаемаго соединенія озера Селигера съ рѣкою Полою, хорошо было бы соединить Гжать съ Угрою, а Десну съ Окою, чтобы произведенія Украйны достигали водою до самаго Петербурга.*

Екатерина II значительно расширила кругъ власти и дѣятельности губернаторовъ. Въ прежнее время коменданты гарнизоновъ, магистраты, пограничные смотрители, чиновники, завѣдывавшіе ямщиками, подушнымъ сборомъ, соляною регаліей, во многомъ дѣйствовали независимо отъ губернаторовъ и губернскихъ канцелярій; а послѣдніе въ свою очередь получали приказанія отъ разныхъ коллегій и конторъ. Теперь же почти все въ губерніи было подчинено губернатору, и онъ получалъ приказанія только отъ сената. Въ этомъ смыслѣ издано было „*Наставленіе губернаторамъ*“ въ апрѣлѣ 1764 года. Здѣсь губернаторъ является какъ „глава и хозяинъ“ всей ввѣренной ему губерніи; власть его простирается почти на всѣ вѣдомства. (П. С. З. № 12.137). Императрица не ограничилась этимъ общимъ наставленіемъ: при назначеніи губернаторовъ она снабжала ихъ еще особыми, секретными инструкціями, которые были примѣняемы къ обстоятельствамъ каждой губерніи. Когда Сиверсъ осенью

---

* Объ упомянутыхъ раскольникахъ-самосожигателяхъ, именно Медвѣдицкой волости въ деревнѣ Любачахъ, см. въ *П. С. З.* № 12.172. Мысль послать къ нимъ ихъ единовѣрцевъ принадлежала самой императрицѣ. Однако въ декабрѣ того же 1764 года Обонежской пятины въ деревнѣ Щебенцѣ сожглось 18 человѣкъ раскольниковъ (*П. С. З.* № 12,326). Что касается до безпорядковъ на Боровицкихъ порогахъ, то здѣсь дѣло идетъ объ отказѣ лоцмановъ чистить пороги и производить другія работы, кромѣ спуска судовъ, и о взяткахъ съ проходящихъ барокъ. (*П. С. З.* № 12,423). Зачинщикъ былъ наказанъ плетьми; остальные повинились.

1764 года представлялъ въ Петербургѣ свои первые проекты, ему пока дана была прочесть инструкція, составленная для графа Фермора, новаго смоленскаго губернатора. *

Свою секретную инструкцію Сиверсъ получилъ въ февралѣ 1765 года. Она раздѣлена на 24 главы, и составлена на подобіе извѣстнаго мемуара, который во время Людовика XIV былъ сочиненъ герцогомъ Бургундскимъ для руководства областнымъ интендантамъ.

Прежде всего губернатору предписывается имѣть подробнѣйшую карту губерніи, гдѣ были бы означены не только города и рѣки, но и всѣ болота, дороги, фабрики, и кромѣ того, приготовить спеціальныя карты и планы съ точными описаніями; для этого онъ долженъ всегда имѣть при себѣ двухъ или трехъ опытныхъ землемѣровъ и одного чертежника.

Замѣчателенъ слѣдующій пунктъ инструкціи: Глава епархіи обязанъ имѣть попеченіе за исполненіемъ священныхъ уставовъ въ цѣлой области; но гдѣ одной духовной власти недостаточно для усиленія добрыхъ учрежденій въ простомъ народѣ и внушенія ему страха Божія, тамъ, послѣ обоюднаго соглашенія, должна вступать въ дѣйствіе и власть свѣтская.

Кромѣ ревизскихъ книгъ предписывается при каждой церкви имѣть двѣ шнуровыя книги для сословій податнаго и неподатнаго и отмѣчать въ нихъ число рожденій и погребеній. Сюда надобно относить рожденныхъ внѣ брака и подкидышей, умершихъ насильственною смертью или отъ пьянства, „чтобы такимъ образомъ можно было слѣдить за народною нравственностью и принимать мѣры къ ея улучшенію на будущее время.“ Предписывается имѣть подробныя статистическія свѣдѣнія о податяхъ и о доходахъ съ казенныхъ и частныхъ имуществъ, также свѣдѣнія о дворянахъ, ихъ хозяйственной дѣятельности, поведеніи и ихъ домашней жизни; при

---

* „Адамъ Васильевичъ“, пишетъ Екатерина къ своему статсъ-секретарю Олсуфьеву, „секретная губернаторская инструкція, какова дана графу Фермору, дайте прочесть новогородскому губернатору Сиверсу; а онъ въ понедѣльникъ поѣдетъ въ свою резиденцію, а мы къ нему пошлемъ его инструкціи.

Екатерина.

Какъ онъ сегодня въ машкарадѣ, я чаю, будетъ, то привезите оную съ собою во дворецъ.

23 сентября 1764 года.

(Русскій Архивъ 1863 г. 188 стр.)

этомъ благонравныхъ поощрять, а неблагонравныхъ дружески наставлять на путь истинный. Точно также слѣдить за купцами и цеховыми ремесленниками, преслѣдовать пьяницъ и лѣнтяевъ, а хорошихъ людей оберегать отъ притѣсненій.

„Предметъ высшей важности есть земледѣліе, первый источникъ народнаго богатства.“ Поэтому, надобно обратить вниманіе на различіе почвы и обработки въ разныхъ мѣстностяхъ и на земледѣльческія орудія; крестьянъ и помѣщиковъ убѣждать къ производству того что̀ наиболѣе подходитъ къ свойству почвы; собирать ежегодныя свѣдѣнія о посѣвѣ и жатвѣ, „никого, впрочемъ, не безпокоя строгимъ требованіемъ подобныхъ свѣдѣній.“ Совѣтами и указаніями должно способствовать тому чтобы новгородскій ленъ не отвозился въ сыромъ видѣ въ Голландію, а выдѣлывать изъ него полотна на русскихъ фабрикахъ. Завести запасные хлѣбные магазины, на случай неурожайныхъ лѣтъ; а гдѣ и какъ это сдѣлать наиболѣе удобнымъ образомъ, о томъ представить свои соображенія сенату.

Другой не менѣе важный предметъ—лѣсное хозяйство также требуетъ бо́льшаго вниманія. Надобно рубить лѣса не иначе какъ въ опредѣленномъ количествѣ, а гдѣ они уже вырублены, тамъ разводить новые; въ мѣстахъ малолѣсныхъ не допускать заведенія фабрикъ. Имѣть наблюденія за исполненіемъ прежде изданныхъ указовъ о томъ, чтобы доски дѣлались не топоромъ, а пилой; для этого поощрять желѣзныхъ заводчиковъ къ выдѣлкѣ пилъ; хорошо имѣть въ губерніи искуснаго иностраннаго машиниста и механика, который научалъ бы Русскихъ строить мельницы и плотины болѣе прочнымъ образомъ, чтобъ онѣ не подвергались ежегодному разрушенію.

Губернская карта должна съ точностію обозначать судоходныя рѣки. Полезно также собрать свѣдѣнія, какою породою рыбъ изобилуетъ та или другая рѣка. Новгородскій край наполненъ болотистыми мѣстностями, которыя по безпечности начальства и по лѣности жителей до сихъ поръ оставались въ первобытномъ видѣ: надобно изыскать средства къ ихъ постепенной осушкѣ.

Далѣе слѣдуютъ заботы о путяхъ сообщенія. Дороги находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно весной и осенью. Со стороны чиновниковъ страшное воровство и притѣсненія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительство выда-

етъ деньги на постройку мостовъ; но въ дѣйствительности они все-таки строятся на счетъ жителей, а чиновники остаются безнаказанны. Нерѣдко въ мѣстахъ безлѣсныхъ возводятся мосты въ цѣлую версту длиной и весьма высокіе; все это воздвигаютъ надъ какими-нибудь ничтожными лощинами безъ всякой нужды, и единственно съ тою цѣлію чтобы потомъ, подъ видомъ починокъ, обирать казну и вымогать взятки съ обывателей, требуя ихъ на работы въ самое дорогое для нихъ время. Противъ такого могущественнаго зла, какъ недобросовѣстность чиновниковъ, секретная инструкція рекомендуетъ упомянутаго иностраннаго машиниста, который подъ наблюденіемъ губернатора составлялъ бы планы значительныхъ мостовъ и руководилъ бы ихъ сооруженіемъ.

Указъ Петра Великаго о постройкѣ крестьянскихъ дворовъ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, по безпечности губернаторовъ и воеводъ, не приводился въ исполненіе, и потому деревни горѣли безпрепятственно. Екатерина приказываетъ слѣдить за исполненіемъ этого указа: а гдѣ мѣстность не позволяетъ исполнить его въ точности, тамъ по возможности оставлять широкія улицы и переулки, или между домами разводить сады и огороды. Послѣдніе не огораживать плетнями или заборами, которые истребляютъ много лѣсу, а окружать ихъ канавами и обсаживать колючимъ кустарникомъ.

Затѣмъ идутъ полицейскія предписанія относительно внѣшняго порядка, чистоты и безопасности въ городахъ. Устроить вездѣ пожарныя предосторожности, по иностранному образцу, соединять рабочіе классы въ цехи, заботиться о заведеніи училищъ и постройкѣ общественныхъ зданій изъ камня; имѣть въ губерніи двѣ аптеки и двухъ лѣкарей, одного въ Новгородѣ, другаго въ Псковѣ, а въ прочихъ городахъ потребное число подлѣкарей и ихъ учениковъ; также имѣть по крайней мѣрѣ одного ветеринара, которому отдавать въ руководство русскихъ учениковъ.

Особенное вниманіе обратить на подкупы судей и разныхъ временныхъ коммиссій, на притѣсненія во время рекрутскихъ наборовъ, ревизіи и при доставкѣ подводъ. О злоупотребленіяхъ лицъ, не подлежащихъ вѣдѣнію губернатора, доносить императрицѣ „секретно". Со Швеціей и Польшей хранить добрыя сосѣдскія отношенія, препятствовать

перебѣжчикамъ и по возможности возвращать ихъ назадъ. Въ заключеніе императрица поручаетъ Сиверсу вообще заботиться о благосостояніи ввѣреннаго края, помочь весьма бѣдственному положенію Новгорода, оживить его торговлею и промышленностію. Инструкцію свою онъ долженъ держать въ секретѣ и показывать ее кому-либо только въ необходимыхъ случаяхъ.

Разсматривая эту инструкцію, составленную, конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ самой императрицы, нельзя не отдать справедливости ея стараніямъ вникнуть въ состояніе провинцій, положить преграды чиновничьимъ злоупотребленіямъ, — и вообще ея дѣятельной заботливости объ улучшеніи дѣлъ. Во всѣхъ ея планахъ ясно господствуетъ система административной централизаціи. Да иначе не могло и быть. Эта система въ то время находилась въ полномъ развитіи на континентѣ Европы. Послѣ Людовика XIV, блестящимъ ея представителемъ явился Фридрихъ II, который сдѣлался образцомъ для администраторовъ второй половины XVIII вѣка; вліяніе его системы, конечно, отразилось и на русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ. Если взять въ разчетъ европейскіе образцы, складъ нашей исторіи въ XVIII столѣтіи и умѣнье Екатерины согласно съ своими видами направлять дѣятельность своихъ сотрудниковъ, то намъ будетъ весьма понятно, почему въ планахъ и проектахъ Сиверса мы, напримѣръ, почти не встрѣчаемъ вліянія англійскихъ учрежденій. Несмотря на его долгое пребываніе въ Англіи и самое живое предпочтеніе къ этой странѣ, ему и въ голову не приходило примѣнять къ русской администраціи начала англійскаго самоуправленія. Незамѣтно, чтобъ онъ когда-нибудь задумывался надъ этими началами. Главною причиной тому былъ общій ходъ континентально-европейской цивилизаціи: сочувствіе немногихъ мыслящихъ людей къ учрежденіямъ Англіи еще не проникло въ общественное сознаніе. То была эпоха реформъ; но реформы эти были направлены преимущественно на остатки устарѣвшихъ феодальныхъ отношеній; онѣ стремились къ развитію стройнаго государственнаго механизма, къ симметріи его частей. Средствами къ тому служили: система регламентовъ, предписаній, отчетовъ, донесеній, дѣятельный полицейскій надзоръ, опиравшійся на регулярную армію, подвижная бюрократическая лѣстница и господство канцелярской тайны.

По поводу вышеупомянутой записки Сиверса, Блумъ находитъ въ немъ уже „не новичка неопытнаго, а человѣка въ полной силѣ характера и многосторонних свѣдѣній“; программу же, начертанную имъ для себя, называетъ широкимъ кругозоромъ государственнаго дѣятеля, который далеко видитъ за предѣлы своей губерніи и въ то же время не презираетъ никакою мелочью для достиженія ближайшей цѣли. Но мы имѣемъ полное право нѣсколько иначе смотрѣть на эту административную опытность и знакомство съ краемъ, пріобрѣтенное въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Очевидно, молодой губернаторъ явился на свой постъ уже съ готовымъ запасомъ правительственныхъ теорій, для которыхъ главными источниками послужили: наблюденія, сдѣланныя мимоходомъ во время пребыванія за границей, родные лифляндскіе образцы и наставленія императрицы. Онъ точно также раздѣляетъ вѣру въ бюрократическія начала управленія и въ покровительственную систему народнаго хозяйства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сиверсъ принесъ на свое государственное поприще большую долю здраваго смысла, образованія, благонамѣренности, честности и болѣе мягкія гуманныя формы, нежели какія въ тѣ времена господствовали въ нашей администраціи. На этихъ-то качествахъ главнымъ образомъ и основалась потомъ его блестящая репутація. Вообще Екатерина и лучшіе дѣятели ея царствованія впервые внесли въ нашу офиціальную жизнь элементъ цивилизованныхъ формъ, смягчившихъ прежнія до крайности жесткія отношенія управлявшихъ къ управляемымъ. Начало ея царствованія было для Россіи началомъ такъ-называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма.“

Мы видимъ даже, что отношенія власти къ самымъ низшимъ слоямъ общества принимаютъ иногда нѣсколько сантиментальный характеръ. Вотъ тому примѣръ:

Гдѣ-то въ Новгородской губерніи два брата рубили въ лѣсу дрова; подошелъ посторонній крестьянинъ, и о чемъ-то затѣялъ споръ. Отъ спора дѣло дошло до драки, и посторонній крестьянинъ былъ убитъ топоромъ. Когда оба брата поставлены были передъ судомъ, старшій назвалъ себя убійцей; но и младшій сдѣлалъ то же самое. „Не вѣрьте ему, сказалъ старшій: — братъ принимаетъ вину на себя, потому что у меня есть жена и дѣти, а онъ холостъ и одинокъ.“ Младшій, однако, продолжалъ настаивать на своемъ.

Сиверсъ немедленно донесъ Екатеринѣ о двухъ братьяхъ, состязавшихся въ великодушіи, и на основаніи ея письма, поспѣшилъ объявить преступникамъ прощеніе отъ имени императрицы. Онъ въ восторгѣ отъ этого прощенія, и между прочимъ пишетъ Екатеринѣ: „несчастные думали выслушать приговоръ о наказаніи. Ихъ слезы (когда имъ объявили прощеніе) были самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ благодарности за жизнь, которую ваше величество имъ подарили. Всемилостивѣйшая государыня, это была лучшая минута, испытанная мною въ Новгородѣ. Это глава изъ книги, которая носитъ заглавіе: „Искусство дѣлать счастливымъ." Екатерина въ своемъ отвѣтѣ (въ мартѣ 1765 г.) отдаетъ должную справедливость благороднымъ чувствамъ Сиверса и прибавляетъ: „Если вамъ нуженъ отъ меня формальный указъ (о прощеніи), то пришлите имена подсудимыхъ. Весь этотъ случай заслуживаетъ мѣста въ газетахъ для чести человѣческаго сердца; тутъ видна чистая натура, и нѣтъ ничего искусственнаго или натянутаго." Интересно, что сенатъ или, вѣрнѣе, начальникъ его генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, нисколько не умилился этимъ фактомъ; а напротивъ сдѣлалъ непріятность Сиверсу, за то что тотъ объявилъ именной указъ помимо сената. Въ одномъ письмѣ къ императрицѣ губернаторъ сознается, что онъ погрѣшилъ противъ формы, и проситъ освободить его отъ придирки Вяземскаго.

Улучшеніе земледѣлія и тѣсно связанное съ нимъ улучшеніе крестьянскаго быта, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалось одною изъ главныхъ заботъ Сиверса, по вступленіи его въ губернаторскую должность. Между прочимъ ему принадлежала честь ввести въ своей губерніи производство картофеля, который по его представленію былъ выписанъ изъ Ирландіи и Англіи (1765 г.). „Желаю вамъ," пишетъ ему Екатерина, „успѣха въ картофелѣ и поменьше воровъ." (Сиверсъ жаловался на большое воровство въ своей губерніи.)

Главныя средства, которыми губернаторъ думалъ поднять земледѣльческую промышленность въ Россіи, были указаны имъ еще въ первой запискѣ императрицѣ, а именно: основаніе общества сельскаго хозяйства и учрежденіе образцовыхъ имѣній по лифляндскимъ правиламъ. Посмотримъ теперь, на сколько эти средства оказались состоятельными.

Въ своихъ письмахъ къ императрицѣ Сиверсъ не разъ

обращался къ вопросу объ обществѣ, предсказывая ему весьма важные и благодѣтельные результаты для цѣлой Россіи. Онъ изображаетъ при этомъ и самую картину новаго учрежденія. „Въ началѣ,“ пишетъ онъ, „общество могло бы составиться изъ трехъ или четырехъ членовъ. Не смѣю ихъ назвать. Первымъ ихъ дѣломъ было бы познакомиться со всѣмъ, что̀ написано по предмету сельскаго хозяйства въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и Швеціи. При этомъ члены отмѣчали бы тѣ главы, которыя покажутся имъ наиболѣе соотвѣтствующими различнымъ климатамъ русскаго государства. Отмѣченныя страницы они читали бы въ своихъ собраніяхъ и по общему соглашенію давали бы ихъ переводить искуснымъ перьямъ, въ которыхъ, при хорошемъ вознагражденіи, недостатка конечно не будетъ. Переводы будутъ издаваться періодически и современемъ составятъ полный курсъ сельскаго хозяйства. Безъ сомнѣнія, найдутся любители, которые примкнутъ къ обществу, и по мѣрѣ того какъ распространится сознаніе его пользы, въ провинціяхъ явятся корреспонденты, которые будутъ сообщать свои опыты и наблюденія. Наше столѣтіе есть вѣкъ торговли, искусствъ и земледѣлія. Беру смѣлость привести въ примѣръ, какъ во время моего пребыванія въ Англіи возникло тамъ знаменитое общество поощренія искусствъ, наукъ и земледѣлія. Сначала оно раздавало преміи въ одинъ талеръ за какой-нибудь проектъ, вышиванье или какую другую ученическую мелочь. Весь его капиталъ не превышалъ 50 гиней. Я видѣлъ людей, которые смѣялись надъ этимъ предпріятіемъ. Въ настоящее время оно раздаетъ многія тысячи фунтовъ стерлинговъ и снаряжаетъ корабли для отправки сѣмянъ и разныхъ продуктовъ изъ Европы въ Америку. Каждый зажиточный англичанинъ старается записаться членомъ, и съ удовольствіемъ видитъ свое имя напечатаннымъ въ числѣ любителей и поощрителей искусствъ, наукъ и земледѣлія.“ Тутъ молодой губернаторъ очевидно увлекся блистательнымъ иноземнымъ примѣромъ, и не взялъ въ разчетъ различія цивилизацій. Дѣйствительность не замедлила рѣзко показать это различіе.

Новое общество, названное Вольнымъ Экономическимъ, было утверждено (въ октябрѣ 1765 года), принято подъ высочайшее покровительство и одарено значительною суммою денегъ. Во главѣ его поставлено нѣсколько знатныхъ вель-

можъ, и между прочими Григорій Орловъ. Общество сначала собиралось еженедѣльно, и засѣдало въ аристократическихъ дворцахъ. Но скоро число собиравшихся начало замѣтно таять; наконецъ оставались только немногіе члены, еще не потерявшіе присутствія духа. Уже напечатано было нѣсколько отвѣтовъ на задачи общества; но продажа книгъ шла очень туго. Прекрасный, дорогой домъ, построенный для него и еще не вполнѣ оконченный, успѣлъ вовлечь общество въ большіе долги, такъ что на покрытіе ихъ былъ запроданъ въ частныя руки. Императрица заплатила долги, и возвратила домъ обществу. Всю вину такого результата Сиверсъ въ послѣдствіи относилъ къ той статьѣ устава, которая допускала въ члены только человѣка представившаго какой-нибудь письменный трудъ по экономической части; между тѣмъ какъ въ Англіи одинъ опредѣленный взносъ давалъ право быть членомъ. Графъ Остерманъ и Ангальтъ, въ качествѣ президентовъ и съ помощію нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, потомъ оживили нѣсколько дѣятельность общества денежными пожертвованіями и щедрою раздачей золотыхъ медалей на премiи. Такимъ образомъ это аристократическое общество не было допущено до окончательнаго паденія. Не видно однако, чтобы оно имѣло дѣйствительное вліяніе на русское земледѣліе. Замѣчательно, что изъ всѣхъ премій, розданныхъ до конца XVIII столѣтія, едва пять процентовъ пришлись на долю русскихъ; остальные достались иностранцамъ и большею частію нѣмцамъ.

Изъ числа первыхъ задачъ на премiи наиболѣе интересна слѣдующая: „Что полезнѣе для общества: чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе?" Эта задача (предложенная самою императрицею) была прислана въ общество, въ 1766 г., со вложеніемъ 1000 червонныхъ для премiи. Число сдѣланныхъ на нее отвѣтовъ простиралось до 164. Изъ нихъ премiи удостоилось разсужденіе ахенскаго уроженца Беарде Делабей, въ 1768 г.; Делабей рѣшилъ вопросъ въ пользу крестьянской собственности. Когда же надобно было составить приговоръ о переводѣ и напечатаніи этого сочиненія на русскомъ языкѣ, въ обществѣ, говорятъ, не обошлось безъ волненія со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ; а князь Вяземскій, въ качествѣ генералъ-прокурора, будто протестовалъ противъ такого рѣшенія на томъ основаніи, что русскій народъ все напечатанное при-

нимаетъ за указы. Однако, по желанію императрицы, разсужденіе было напечатано. Но приложеніе его къ дѣлу нашли *невозможнымъ*. Такимъ образомъ тщетно осталось все краснорѣчіе Делабея, до очевидности доказавшаго необходимость крестьянской собственности и личной свободы. *

А между тѣмъ сама Екатерина обнаруживала живое участіе къ этому вопросу.

Во время упомянутаго путешествія въ Лифляндію до нея дошло много жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами. Надобно замѣтить, что шведское правительство въ XVII вѣкѣ приняло уже нѣкоторыя мѣры для смягченія крѣпостнаго права и постепеннаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Но со времени русскаго завоеванія, ливонское дворянство снова и всею тяжестью своею налегло на несчастныхъ Латышей и Эстовъ. Екатерина поручила лифляндскому генералъ-губернатору Броуну обратить вниманіе дворянъ на улучшенія крестьянскаго быта. Броунъ повидимому не отличился особымъ усердіемъ въ этомъ дѣлѣ. Въ средѣ остзейскаго рыцарства нашелся тогда только одинъ благодѣтельный помѣщикъ, баронъ Фридрихъ Шульцъ фонъ Ашераде: онъ составилъ для своихъ крестьянъ инвентарь, отказался отъ права отчуждать ихъ отъ земли и возвышать повинности сверхъ мѣры, установленной шведскимъ правительствомъ, и т. п. Но, когда на ландтагѣ 1765 г. онъ предложилъ ввести вездѣ такія же правила, то противъ него поднялась цѣлая буря. Единственное, на что согласилось дворянство, было признаніе за крестьянами движимой собственности. Спустя два года, подобное явленіе повторилось и въ знаменитой коммиссіи законодательства, собранной въ Москвѣ. Инициатива въ крестьянскомъ вопросѣ, шедшая отъ самой Екатерины, отступила передъ оппозиціею землевладѣльцевъ. Эта инициатива отступила тѣмъ скорѣе, что чувствовала подъ собою еще не совсѣмъ твердую почву. Что касается до Сиверса, то онъ очевидно былъ одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей въ Россіи, которые сочувствовали первымъ эманципаціоннымъ попыткамъ Екатерины; впрочемъ сочувствіе выражалось въ довольно скромныхъ формахъ.

---

* (См. *Труды Вольнаго Экон. Общества* VIII ч. или *Чтенія Об. Ист. и Древ.* 1862. Кн. 2).

Другой проектъ нашего губернатора—образцовыя арендныя имѣнія, устроенныя по-лифляндски — былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти. Сиверсъ взялся самъ за это дѣло; въ товарищи себѣ онъ рекомендовалъ своего земляка и друга Энгельгардта, какъ отличнаго хозяина, и уже заранѣе любовался зрѣлищемъ цвѣтущихъ полей и откормленныхъ барановъ. Для опытовъ своихъ онъ выбралъ изъ экономическихъ имѣній Коростинскую волость, на югозападномъ берегу озера Ильменя. Императрица назначила ему ежегодно 1000 руб. изъ коростинскихъ доходовъ. Но спустя два года, онъ нашелъ что не имѣетъ достаточно времени заниматься сельскимъ хозяйствомъ, и передалъ управленіе Коростинскою волостью капитану Фёлькерзаму. Однакожь, не довольствуясь опытами въ малыхъ размѣрахъ, Сиверсъ неоднократно предлагалъ императрицѣ очень широкую мѣру: раздать массу казенныхъ и бывшихъ церковныхъ имуществъ въ аренду заслуженнымъ офицерамъ и закономъ опредѣлить ихъ экономическія отношенія къ имѣнію, „по примѣру Лифляндіи, гдѣ, благодаря этому учрежденію, множество семействъ доставляетъ государству новыхъ офицеровъ“. Императрица передала этотъ проектъ въ коллегію экономіи, и тамъ онъ, кажется, остался безъ движенія. Въ послѣдствіи Сиверсъ съ горестью упоминаетъ о такомъ результатѣ своего проекта, говоря о положеніи экономическихъ крестьянъ, которое время отъ времени становилось все хуже. Если взять въ разчетъ дѣйствительную судьбу экономическихъ крестьянъ, которые большею частію все-таки перешли въ частныя руки и притомъ безъ всякихъ условныхъ отношеній, а просто пожалованы въ крѣпостную собственность, то мѣра, предлагаемая Сиверсомъ, сравнительно была бы для крестьянъ благодѣяніемъ.

Взглядъ молодаго губернатора на средства улучшить положеніе земледѣльческаго состоянія выразился еще по слѣдующему поводу. По случаю возвышенія цѣны на хлѣбъ въ 1765 г., сенатъ поручилъ всѣмъ губернаторамъ развѣдать, отъ чего произошло это возвышеніе, и какими мѣрами можно его устранить. Въ отвѣтѣ своемъ Сиверсъ, кромѣ естественной причины, то-есть неурожая, указываетъ еще на два главные источника дороговизны. Вопервыхъ, самовольное наложеніе помѣщиками неумѣреннаго денежнаго оброка на своихъ крестьянъ; всякій хочетъ имѣть въ доходахъ пре-

имущество передъ сосѣдомъ или сравняться съ тѣмъ, у кого угодья лучше и мѣстоположеніе болѣе способно къ промысламъ. Вовторыхъ, многіе помѣщики и также казенныя вѣдомства уничтожили господскую запашку, а земли отдали крестьянамъ, и наложили на нихъ за то неумѣренный оброкъ. Многіе крестьяне, отъ умноженія оброковъ, покинули свое поле и ушли на разныя работы и промыслы; а оставшіеся на пашнѣ старались хлѣбъ свой продать какъ можно дороже, чтобъ удовлетворить властей „и тѣмъ себя отъ истязанія избавить". Притомъ около милліона душъ (отобранныхъ у духовенства) разомъ и всѣ безъ разбора переведены на денежный (полуторарублевый) оброкъ, тогда какъ прежде они большею частію платили оброкъ хлѣбный. Вообще всякій владѣлецъ и всякое вѣдомство стараются не объ улучшеніи хлѣбопашества, а только о томъ, какъ бы увеличить денежный оброкъ. „Сверхъ всего этого мнѣ кажется," замѣчаетъ губернаторъ, „что прежнія правительства о толь важной части государственнаго *домостройства* надлежащее попеченіе не имѣли, и какъ помѣщика такъ и крестьянъ къ землепашеству не довольно побуждали."

Мѣры противъ упомянутыхъ золъ онъ предлагаетъ слѣдующія:

Чтобы крупные помѣщики непремѣнно имѣли господскую запашку, часть оброка брали бы хлѣбомъ и не налогали бы на крестьянъ оброкъ сверхъ силъ; а для этого надобно, по примѣру Эстляндіи и Лифляндіи, опредѣлить оброки, смотря по качеству и положенію земель; однако крестьянинъ попрежнему долженъ „всевозможную работу на господской пашнѣ исправлять". Въ хлѣбородныхъ провинціяхъ вмѣсто подушной подати тоже собирать хлѣбный оброкъ, въ другихъ, гдѣ удобно, брать отчасти хлѣбомъ, отчасти деньгами. Хлѣбъ этотъ пусть идетъ на продовольствіе ближайшихъ войскъ, какъ то „чинится въ Эстляндіи и Лифляндіи." Съ казенныхъ и экономическихъ крестьянъ также собирать часть оброка хлѣбомъ, который обращать на армію и запасные магазины. При низкой рыночной цѣнѣ хлѣба отпускать его въ чужія государства безпошлинно, по примѣру Англіи; это привлечетъ къ намъ иностранныхъ покупателей и вмѣстѣ большія суммы денегъ; а требованіе на хлѣбъ поощритъ земледѣльца къ разнымъ улучшеніямъ. Наконецъ, на случай неурожаевъ, узаконить, чтобы всякій помѣщикъ и управляющій казенными

иміниями имѣлъ всегда запасъ хлѣба, достаточный на прокормленіе крестьянъ въ теченіе одного года. *

Нѣкоторую часть проектовъ и предложеній Сиверса мы видимъ въ послѣдствіи осуществленною; но вообще замѣтно, что императрица относилась къ нимъ критически, и во многомъ изъ нихъ видѣла увлеченіе. Напримѣръ, въ томъ же письмѣ, гдѣ она говоритъ о двухъ великодушныхъ братьяхъ, встрѣчается и слѣдующее замѣчаніе: „По донесеніямъ сената, въ провинціи Великолуцкой нѣтъ болѣе такого недостатка въ хлѣбѣ какъ прежде. Въ случаѣ несовсѣмъ надежныхъ свѣдѣній, берегитесь, чтобы господа дворяне не употребили во зло доброту вашего сердца, когда имъ вздумается вымогать вспоможеніе изъ казенныхъ магазиновъ. Есть русская пословица: Казенному лѣсу всякій родня“.

Еще болѣе критически относился къ этимъ проектамъ сенатъ, съ которымъ чаще всего приходилось имѣть дѣло нашему губернатору. Напримѣръ, въ 1766 г. новгородская губернская канцелярія получила отъ сената подтвержденіе надзирать за исполненіемъ прежнихъ указовъ, запрещавшихъ запахивать землю и скашивать сѣно на 30 саженъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги: полиція принесла сенату жалобу на то, что законъ этотъ не исполняется. Сиверсъ тотчасъ вступается за интересы земледѣлія. Хотя отъ такой мѣры, пишетъ онъ, и есть нѣкоторыя выгоды для корма прогоняемаго скота, для безопасности проѣзжающихъ и прокормленія ихъ лошадей, но невыгоды превосходятъ эти удобства. Оставляемыя земли остаются безъ всякой „культуры“; крестьяне жалуются на стѣсненіе своихъ полей, и, вопреки указу, все-таки запахиваютъ; „бѣдные крестьяне“ прибавляетъ онъ, „съ которыми я по моей склонности къ земледѣлію и къ домашней экономіи охотно разговариваю, со слезами изъясняютъ, что нужда приводитъ ихъ къ тому“ (то-есть къ неисполненію указа). Наконецъ и за границей онъ нигдѣ не видалъ, чтобы правительство запрещало подобную запашку. Поэтому губернаторъ „осмѣливается правительствующему сенату представить, не соблаговолитъ ли онъ ходатайствовать объ отмѣнѣ указа.“ На случай же возвышенія цѣны свѣжему мясу въ столицахъ, можно узаконить, чтобъ обыватели не брали за простой скотъ свыше прежнихъ цѣнъ.

* Архивъ Мин. Ин. Д.

На все это сенатъ отвѣчалъ полнымъ отказомъ, и дозволилъ запахивать придорожныя земли только до 1770 года. *

Далѣе, заботливость Сиверса о крестьянинѣ ясно высказалась и въ его мысляхъ о рекрутской повинности. Чтобы возможно болѣе облегчить земледѣльческое сословіе, онъ предлагаетъ слѣдующіе источники для рекрутскаго набора, которые въ тоже время послужатъ средствомъ для очищенія страны отъ вредныхъ элементовъ. Вопервыхъ, бродяги, которыми переполнены всѣ тюрьмы. Еслибъ ихъ отдавать въ рекруты, это подѣйствовало бы и на помѣщиковъ, и на крѣпостныхъ: первые будутъ обращаться мягче, а вторые работать прилежнѣе. Потомъ: непомнящіе родства, неосѣдлые цыгане, занимающіеся разными недобрыми промыслами, сверхштатные церковнослужители и особенно излишніе дворовые люди, которые безполезно ѣдятъ хлѣбъ и только поддерживаютъ азіятскіе нравы своихъ господъ. Въ числѣ такихъ источниковъ встрѣчаемъ мы одно довольно странное средство, не совсѣмъ согласное съ гуманными принципами Сиверса, которое можно объяснить развѣ вліяніемъ современнаго общественнаго строя. За польскую границу уходило въ тѣ времена много народу, особенно раскольниковъ. Въ началѣ Екатерининскаго царствованія, правительство при помощи мягкихъ мѣръ успѣло нѣсколько задержать этотъ отливъ населенія. Чтобы прекратить его окончательно, Сиверсъ предложилъ за поимку бѣглыхъ платить пограничной стражѣ или пограничнымъ жителямъ опредѣленную премію, и по крайней мѣрѣ 20 талеровъ польскому помѣщику, который выдастъ бѣглеца коммиссарамъ или начальнику пикета, а деньги взыскивать съ владѣльцевъ. Подобная премія, конечно, придется по вкусу Полякамъ, и они съ своей стороны сами устроятъ кордонъ; наши пограничные жители и пикеты также будутъ ревностнѣй заботиться о своей обязанности. „Корысть часто сильнѣйшій двигатель нежели честь.“ И кого же въ примѣръ приводитъ губернаторъ? Калмыковъ и Мещеряковъ. Когда эти дикари содержали кордонъ, то побѣги почти прекратились: попавшагося бѣглеца усердная стража раздѣвала почти до-нага, и потомъ уже отводила къ офицеру пикета, что̀ производило

* Ibidem. и П. С. З. 12.624.

сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кому приходила охота перейдти границу.

Сиверсъ обратилъ также вниманіе на облегченіе земства отъ постойной повинности. Въ его губерніи квартировало одинадцать полковъ; изъ нихъ два въ Новгородѣ и два въ Псковѣ. Тяжесть постоя особенно была чувствительна для этихъ двухъ городовъ и окрестныхъ деревень: роты должны были стоять не далѣе 30 верстъ отъ города. Сиверсъ предложилъ построить казармы, такъ какъ помѣщики и купцы вызвались сложиться и дать денегъ на ихъ постройку. Императрица передала его проектъ въ военную коллегію. Президентомъ послѣдней былъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, опытный администраторъ и человѣкъ вліятельный. Онъ отклонилъ проектъ на томъ основаніи, что казармы служатъ удобною почвою для революцій, ссылаясь на примѣры изъ исторіи и на наши собственные опыты. * Однако сдѣлано было облегченіе въ томъ отношеніи, что самое дальнее разстояніе ротъ отъ городовъ перенесено съ 30 верстъ на 60 и 70. Впрочемъ, спустя два года, началась Турецкая война; за нею послѣдовали другія войны, и новгородскія казармы оставались бы большею частію пустыми. Въ послѣдствіи Сиверсъ самъ согласился съ мнѣніемъ Чернышева, и постоянно сохранялъ съ нимъ дружескія отношенія.

Въ сентябрѣ 1765 г. Сиверсъ представилъ императрицѣ первый годовой отчетъ о числѣ рожденій, умершихъ и преступленій, и съ удовольствіемъ указываетъ на то, что количество рожденій вдвое превосходитъ число умершихъ. При этомъ онъ считаетъ благою мѣрой облегчить въ податяхъ людей семейныхъ и обложить ими холостыхъ и даже незамужнихъ; въ примѣръ приводитъ законы римскаго императора Августа. Но спустя два года число рожденій уменьшилось противъ прежняго на 3 процента, а число умершихъ увеличилось на 12. Причину того Сиверсъ полагаетъ въ неурожаяхъ и дороговизнѣ.

Изъ проектовъ Сиверса, получившихъ практическое примѣ-

* Въ докладѣ военской коммиссіи, напечатанной въ П. С. З. (№ 12.372), объ этомъ основаніи не упоминается; тамъ приведены другія неудобства казармъ, и между прочимъ отношенія постояльцевъ къ хозяевамъ-обывателямъ изображены въ довольно идиллическомъ свѣтѣ.

неніе, кромѣ учрежденія коммиссіи размежеванія и нѣкоторыхъ измѣненій въ способѣ рекрутскаго набора, замѣчательно улучшеніе почтовой части. Прежде частная корреспонденція шла черезъ руки ямскаго письмоводителя, который ежегодно доставлялъ 20 рублей доходу въ новгородскую ямскую канцелярію. Сиверсъ представилъ объ учрежденіи почтмейстера. Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала, что это было бы только лишнею тратой 400 руб. въ годъ. Екатерина однако утвердила губернаторское представленіе, и въ Новгородѣ былъ водворенъ первый почтмейстеръ, который вскорѣ началъ доставлять ежемѣсячно почтоваго дохода до 50 рублей. Затѣмъ открыты были почтовыя конторы и въ провинціяльныхъ городахъ. Въ то же время размножалось и число почтовыхъ трактовъ. Такъ въ октябрѣ 1765 года поручено было губернаторамъ архангельскому и новгородскому сообща устроить станціи и завести почту, которая два раза въ недѣлю привозила бы изъ Архангельска для двора свѣжую рыбную провизію и при этомъ принимала бы частныя посылки. А въ іюлѣ слѣдующаго года заведена постоянная почта изъ Новгорода въ Смоленскъ и Торопецъ. Что касается до проведенія и исправленія дорогъ, въ этомъ отношеніи однимъ изъ важныхъ препятствій служила поразительная бѣдность государства въ ученыхъ техникахъ. Сиверсъ, напримѣръ, обращается къ генералу Муравьеву, „директору канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ,“ съ требованіемъ двухъ инженеровъ для исправленія двухъ почтовыхъ трактовъ, новгородско-псковскаго и петербургско-архангельскаго. Генералъ отвѣчаетъ, что у него ихъ нѣтъ. Сиверсъ доноситъ о томъ императрицѣ, и описываетъ жалкое состояніе путей сообщенія. Императрица совѣтуетъ ему найдти двухъ или трехъ опытныхъ отставныхъ офицеровъ; онъ нашелъ только одного, который и долженъ былъ служить ему вмѣсто инженера. Подобный же недостатокъ губернія терпѣла и въ медикахъ.

Опуская остальные планы и проекты Сиверса, которыми такъ изобильны первые годы его губернаторства, укажемъ еще на одинъ, принадлежащій къ числу самыхъ раннихъ, но заслуживающій особеннаго вниманія. Въ то время, когда рѣшался вопросъ о церковныхъ имуществахъ, Сиверсъ (лютеранинъ по религіи) старался обратить вниманіе императрицы на бѣдственное состояніе сельскаго духовенства, и напомнилъ ей

о намѣреніи надѣлить его поземельными участками, „въ ожиданіи которыхъ оно умираетъ съ голоду“. „Надобно было бы пока назначить ему небольшое жалованье, чтобы зажать ротъ злословію“. Екатерина отвѣчаетъ на это предложеніе не совсѣмъ милостивымъ тономъ: „Не знаю, кто вамъ сказалъ, что сельскимъ священникамъ хотѣли назначить участки; они остаются при томъ же, при чемъ были и прежде. Безъ сомнѣнія, этотъ слухъ распространили лукавые ханжи и святоши. Если точнѣе справитесь, то увидите, что ихъ прежнее положеніе остается неприкосновеннымъ; приходы въ 500 душъ могли бы очень хорошо содержать своихъ священниковъ и не подавать имъ повода къ жалобамъ. Излишнее раздробленіе приходовъ и вытекающее отсюда малое число прихожанъ, конечно, составляютъ неудобство, которое надѣюсь, вашъ архіерей не будетъ впередъ увеличивать еще болѣе“. Искренно или нѣтъ, но Сиверсъ потомъ извинялся передъ императрицей въ томъ, что онъ неточно выразился, потому что подразумѣвалъ болѣе монаховъ и монахинь, нежели сельскихъ священниковъ.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. [1]

I.

— Eh bien, mon prince, Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des помѣстья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens que si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) —je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой вѣрный рабъ, comme vous dites. [2] Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur [3], садитесь и разказывайте.

---

[1] Чтобы сохранить колоритъ разговора дѣйствующихъ лицъ, авторъ весьма часто употребляетъ французскія фразы. Для незнающихъ французскаго языка присоединяется въ подстрочныхъ выноскахъ переводъ французскихъ выраженій текста. *Ред.*

[2] Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не больше какъ помѣстьями фамиліи Бонапарте. Нѣтъ, я вамъ впередъ говорю, если вы мнѣ не скажете, что у насъ война, если вы позволите себѣ защищать всѣ гадости, всѣ ужасы этого Антихриста (право, я вѣрю что онъ Антихристъ),—я васъ больше не знаю, вы ужъ не другъ мой, вы ужъ не рабъ мой вѣрный, какъ вы говорите.

[3] Я вижу, что я васъ пугаю.

Такъ говорила въ іюлѣ 1805 года извѣстная Анна Павловна Шереръ, фрейлина и приближенная императрицы Маріи Өеодоровны, встрѣчая важнаго и чиновнаго князя Василья, перваго пріѣхавшаго на ея вечеръ. Анна Павловна кашляла нѣсколько дней, у ней былъ *гриппъ*, какъ она говорила (*гриппъ* былъ тогда новое слово, употреблявшееся только рѣдкими), а потому она не дежурила и не выходила изъ дому. Въ записочкахъ, разосланныхъ утромъ съ краснымъ лакеемъ, было написано безъ различія во всѣхъ:

„Si vous n'avez rien de mieux à faire, M. le Comte (или mon Prince), et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai bien charmée de vous voir chez moi entre les 7 et 10 heures.

„Annette Sherer.“ [1]

— Dieu, quelle virulente sortie! [2] отвѣчалъ, нисколько не смутясь такою встрѣчей и слабо улыбаясь, вошедшій князь съ свѣтлымъ выраженіемъ хитраго лица, въ придворномъ шитомъ мундирѣ, чулкахъ, башмакахъ и звѣздахъ.

Онъ говорилъ на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды, и съ тѣми тихими покровительственными интонаціями, которыя свойственны состарѣвшемуся въ свѣтѣ и при дворѣ, значительному человѣку. Онъ подошелъ къ Аннѣ Павловнѣ, поцѣловалъ ея руку, подставивъ ей свою надушенную и сіяющую лысину, и покойно усѣлся на диванѣ.

— Avant tout dites moi, comment vous allez, chère amie? [3] Успокойте друга, сказалъ онъ, не измѣняя голоса, и тономъ, въ которомъ изъ-за приличія и участія просвѣчивало равнодушіе и даже насмѣшка.

— Какъ вы хотите, чтобъ я была здорова когда нравственно страдаешь? Развѣ можно оставаться спокойною въ наше время когда есть у человѣка чувство, сказала Анна Павловна.—Вы весь вечеръ у меня, надѣюсь?

---

[1] Если у васъ, графъ, (или князь) нѣтъ въ виду ничего лучшаго, и если перспектива вечера у бѣдной больной не слишкомъ васъ пугаетъ, то я буду очень рада видѣть васъ нынче у себя между семью и девятью часами.

Анна Шереръ.

[2] О! какое жестокое нападеніе!

[3] Прежде всего, скажите какъ ваше здоровье?

— А праздникъ англійскаго посланника? Нынче середа. Мнѣ надо показаться тамъ, сказалъ князь. — Дочь заѣдетъ за мной и повезетъ меня.

— Я думала, что нынѣшній праздникъ отмѣненъ. Je vous avoue que toutes ces fêtes et tous ces feux d'artifice commencent à devenir insipides. [1]

— Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздникъ бы отмѣнили, сказалъ князь, по привычкѣ, какъ заведенные часы, говоря вещи, которымъ онъ и не хотѣлъ чтобы вѣрили.

— Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu'a-t-on décidé par rapport à la dépêche de Novosiltzeff. Vous savez tout. [2]

— Какъ вамъ сказать? сказалъ князь холоднымъ, скучающимъ тономъ. — Qu'a-t-on décidé? On a décidé que Buonaparte a brûlé ses vaisseaux, et je crois que nous sommes en train de brûler les notres. [3]

Князь Василій, говорилъ ли онъ умныя или глупыя, одушевленныя или равнодушныя слова, говорилъ ихъ такимъ тономъ, какъ будто онъ повторялъ ихъ въ тысячный разъ, какъ актеръ роль старой піесы, какъ будто слова выходили не изъ его соображенія, и какъ будто говорилъ онъ ихъ не умомъ, не сердцемъ, а по памяти, однѣми губами.

Анна Павловна Шереръ, напротивъ, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, была преисполнена оживленія и порывовъ, которые она долгимъ опытомъ едва пріучила себя сдерживать въ рамкѣ придворной обдуманности, приличія и discrétion. Каждую минуту она, видимо, готова была сказать что-нибудь лишнее, но хотя она и на волосокъ была отъ того, это лишнее не прорывалось. Она была не хороша, но видимо сознаваемая ею самою восторженность ея взгляда и оживленіе улыбки, выражавшихъ увлеченіе идеальными интересами, придавали ей то что̀ называлось интересностью. По словамъ и выраженію князя Василія видно было, что въ томъ кругу, гдѣ они оба обращались, давно установилось всѣми признанное мнѣніе объ Аннѣ Павловнѣ какъ о милой и доб-

[1] Признаюсь, всѣ эти праздники и фейерверки становятся несносны.

[2] Не мучьте меня. Ну что же рѣшено по случаю депеши Новосильцева? Вы все знаете.

[3] Что рѣшили? Рѣшили, что Бонапарте сжегъ свои корабли, и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.

рой энтузіасткѣ и патріоткѣ, которая берется немножко не за свое дѣло и часто вдается въ крайность, но мила искренностью и пылкостью своихъ чувствъ. Быть энтузіасткой сдѣлалось ея общественнымъ положеніемъ, и иногда, когда ей даже того не хотѣлось, она, чтобы не обмануть ожиданій людей знавшихъ ее, дѣлалась энтузіасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лицѣ Анны Павловны, хотя и не шла къ ея отжившимъ чертамъ, выражала какъ у избалованныхъ дѣтей постоянное сознаніе своего милаго недостатка, отъ котораго она не хочетъ, не можетъ и не находитъ нужнымъ исправляться.

Содержаніе депеши отъ Новосильцева, поѣхавшаго въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ, было слѣдующее:

Пріѣхавъ въ Берлинъ, Новосильцевъ узналъ, что Бонапарте издалъ декретъ о присоединеніи Генуэзской республики къ Французской имперіи въ то самое время, какъ онъ изъявлялъ желаніе мириться съ Англіей, при посредничествѣ Россіи. Новосильцевъ, остановившись въ Берлинѣ и предполагая, что такое насиліе Бонапарте можетъ измѣнить намѣреніе императора, спрашивалъ разрѣшеніе его величества, ѣхать ли въ Парижъ или возвратиться. Отвѣтъ Новосильцеву былъ уже составленъ, и долженъ быть отосланъ завтра. Завладѣніе Генуей былъ желанный предлогъ для объявленія войны, къ которой мнѣніе придворнаго общества было еще болѣе готово чѣмъ войско. Въ отвѣтѣ было сказано:

„Nous ne voulons plus traiter avec un homme, qui tout en protestant de son désir pour la paix, continue ses envahissements.“ [1]

Это все было самою свѣжею новостью дня. Князь видимо зналъ всѣ эти подробности изъ вѣрныхъ источниковъ и шутливо передалъ ихъ фрейлинѣ.

— Ну, къ чему повели насъ эти переговоры? сказала Анна Павловна по-французски, какъ происходилъ и весь разговоръ. — Ну къ чему всѣ эти переговоры? Не переговоры, а смерть за смерть мученика нужна злодѣю, сказала она раздувая ноздри, поворачиваясь на диванѣ и вслѣдъ за тѣмъ улыбаясь.

— Какъ вы кровожадны, ma chère! Въ политикѣ не дѣ-

[1] Мы не хотимъ болѣе вести переговоровъ съ человѣкомъ, который, изъявляя желаніе мириться, продолжаетъ свои вторженія.

лается все какъ въ гостиной. Il y a des ménagements, сказалъ князь Василій съ своею грустною улыбкой, которая была неестественна, но повторяясь ужь тридцать лѣтъ, такъ обжилась на старомъ лицѣ князя, что казалась вмѣстѣ и неестественною, и привычною. — Есть письма отъ вашихъ? прибавилъ онъ, видимо считая фрейлину недостойною серіознаго политическаго разговора и стараясь перевести его на другой предметъ.

— Но къ чему повели насъ эти ménagements? продолжала спрашивать Анна Павловна, не поддаваясь ему.

— А хоть бы къ тому, чтобъ узнать мнѣніе Австріи, которую вы такъ любите, сказалъ князь Василій, видимо поддразнивая Анну Павловну и не желая выпускать разговоръ изъ шуточнаго тона.

Но Анна Павловна разгорячилась.

— Ахъ, не говорите мнѣ про Австрію! Я ничего не понимаю, можетъ-быть; но Австрія никогда не хотѣла и не хочетъ войны. Она предаетъ насъ. Россія одна должна быть спасительницею Европы. Нашъ благодѣтель знаетъ свое высокое призваніе и будетъ вѣренъ ему. Вотъ одно, во что̀ я вѣрю. Нашему доброму и чудному государю предстоитъ величайшая роль въ мірѣ, и онъ такъ добродѣтеленъ и хорошъ, что Богъ не оставитъ его, и онъ исполнитъ свое призваніе задавить гидру революціи, которая теперь еще ужаснѣе въ лицѣ этого убійцы и злодѣя. Мы одни должны искупить кровь праведника. На кого намъ надѣяться, я васъ спрашиваю? Англія съ своимъ коммерческимъ духомъ не пойметъ и не можетъ понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочетъ видѣть, ищетъ заднюю мысль нашихъ дѣйствій. Что̀ они сказали Новосильцеву? Ничего. Они не поняли, они не могутъ понять самоотверженія нашего императора, который ничего не хочетъ для себя и все хочетъ для блага міра. И что̀ они обѣщали? Ничего. И что̀ обѣщали, и того не будетъ. Пруссія ужь объявила, что Буонапарте непобѣдимъ, и что вся Европа ничего не можетъ противъ него.... И я не вѣрю ни въ одномъ словѣ ни Гарденбергу, ни Гаугвицу. Cette famense neutralité prussiene, ce n'est qu'un piège. [1] Я вѣрю въ одного Бога и въ высокую судьбу нашего милаго императора. Онъ спасетъ Европу!...

[1] Этотъ пресловутый нейтралитетъ Пруссіи — только западня.

Она вдругъ остановилась съ улыбкой насмѣшки надъ своею горячностью.

— Я думаю, сказалъ князь улыбаясь, — что ежели бы васъ послали вмѣсто нашего милаго Винценгероде, вы бы взяли приступомъ согласіе прусскаго короля. Вы такъ краснорѣчивы. Вы дадите мнѣ чаю?

— Сейчасъ. A propos, прибавила она опять успокоиваясь,— нынче у меня будетъ очень интересный человѣкъ, le vicomte de Mortemart (il est allié aux Montmorency par les Rohans [1]), одна изъ лучшихъ фамилій Франціи. Это одинъ изъ хорошихъ эмигрантовъ, изъ настоящихъ. Онъ очень хорошо велъ себя и все потерялъ. Онъ былъ при monseigneur, le duc d'Enghien, при несчастномъ, святомъ мученикѣ во время его пребыванія въ Этенгеймѣ. On dit qu'il est très bien ce jeune homme. Votre charmant fils, Hyppolite, m'a promis de me l'emmener ce soir. Toutes nos dames en rafollent, [2] прибавила она съ улыбкой презрѣнія, какъ будто жалѣла о бѣдныхъ дамахъ не умѣвшихъ выдумать ничего лучше какъ влюбляться въ виконта де-Мортемара.

— Кромѣ васъ, разумѣется, сказалъ князь все своимъ тономъ посмѣиванья.—Я его видалъ, этого виконта въ свѣтѣ, прибавилъ онъ, видимо мало заинтересованный надеждой видѣть Мортемара. — Скажите, сказалъ онъ, какъ-будто только что вспомнивъ что-то, и особенно небрежно, тогда какъ то, о чемъ онъ спрашивалъ, было главною цѣлью его посѣщенія: — правда, что l'impératrice mère желаетъ назначенія барона Функе первымъ секретаремъ въ Вѣну? C'est un pauvre sire, ce baron, à ce qu'il parait.

Князь Василій желалъ опредѣлить сына на это мѣсто, которое черезъ императрицу Марію Өеодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза въ знакъ того, что ни она, ни кто другой не могутъ судить про то что̀ угодно или нравится императрицѣ.

— Monsieur le baron de Funke a été recomandé à l'impératrice mère, par sa soeur [3], только сказала она совсѣмъ особен-

[1] Онъ въ родствѣ съ Монморанси чрезъ Рогановъ.

[2] Говорятъ, онъ очень милъ. Вашъ обворожительный сынъ Ипполитъ обѣщалъ мнѣ привезти его. Всѣ наши дамы безъ ума отъ него.

[3] Баронъ Функе былъ рекомендованъ вдовствующей императрицѣ ея сестрою.

нымъ, грустнымъ, сухимъ тономъ. Въ то время какъ Анна Павловна назвала императрицу, лицо ея вдругъ представило глубокое и искреннее выраженіе преданности и уваженія, соединенное съ грустью, что съ ней бывало каждый разъ какъ она въ разговорѣ упоминала о своей высокой покровительницѣ. Она сказала, что ея величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime, и опять взглядъ ея подернулся грустью.

Князь равнодушно замолкъ. Анна Павловна, съ свойственною ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотѣла и щелконуть князя, за то что онъ дерзнулъ такъ отозваться о лицѣ рекомендованномъ императрицѣ и въ то же время утѣшить его.

— Mais à propos de votre famille, сказала она,—знаете ли вы, что ваша дочь fait les délices de tout le monde. On la trouve belle comme le jour. [1] Государыня очень часто спрашиваетъ про нее: „que fait la belle Hélène?“ [2]

Князь наклонился въ знакъ уваженія и признательности.

— Я часто думаю, продолжала Анна Павловна послѣ минутнаго молчанія, придвигаясь къ князю и ласково улыбаясь ему, какъ будто выказывая этимъ, что политическіе и свѣтскіе разговоры кончены и теперь начинается задушевный:—я часто думаю какъ иногда несправедливо распредѣляется счастіе жизни. За что вамъ судьба дала такихъ двухъ славныхъ дѣтей (исключаю Анатоля, вашего меньшаго, я его не люблю, вставила она, безапелляціонно приподнявъ брови), такихъ прелестныхъ дѣтей? А вы право менѣе всѣхъ цѣните ихъ, и потому ихъ не стоите.

И она улыбнулась своею восторженною улыбкой.

— Que voulez-vous? Lavater aurait dit que je n'ai pas la bosse de la paternité, [3] сказалъ князь вяло.

— Перестаньте шутить. Я хотѣла серіозно поговорить съ вами. Знаете, я недовольна вашимъ меньшимъ сыномъ. Я его совсѣмъ не знаю, но кажется, il a pris à tache de se faire une réputation scandaleuse. [4] Между нами будь ска-

[1] Составляетъ наслажденіе всего общества. Ее находятъ прекрасною какъ день.

[2] Что дѣлаетъ прекрасная Елена?

[3] Что хотите? Лафатеръ сказалъ бы, что у меня нѣтъ шишки родительской любви.

[4] Онъ поставилъ задачей сдѣлать себѣ скандалезную репутацію.

зано (лицо ея приняло грустное выраженіе), о немъ говорили у ея величества, и жалѣютъ васъ....

Князь не отвѣчалъ, но она молча, значительно глядя на него, ждала отвѣта. Князь Василій поморщился.

— Что̀ вы хотите, чтобъ я дѣлалъ? сказалъ онъ наконецъ.— Вы знаете, я сдѣлалъ для ихъ воспитанія все что̀ можетъ отецъ, и оба вышли des imbéciles. Ипполитъ по крайней мѣрѣ покойный дуракъ, а Анатоль — безпокойный. Вотъ одно различіе, сказалъ онъ, улыбаясь болѣе неестественно и одушевленно чѣмъ обыкновенно, и при этомъ особенно рѣзко выказывая въ сложившихся около его рта морщинахъ что-то такое грубое и непріятное, что Аннѣ Павловнѣ пришло на мысль: не очень должно-быть пріятно быть сыномъ или дочерью такого отца.

— И зачѣмъ родятся дѣти у такихъ людей какъ вы? Ежели бы вы не были отецъ, я бы ни въ чемъ не могла упрекнуть васъ, сказала Анна Павловна, задумчиво поднимая глаза.

— Je suis votre вѣрный рабъ, et à vous seule je puis l'avouer. Мои дѣти, ce sont les entraves de mon existence.[1] Это мой крестъ. Я такъ себѣ объясняю. Que voulez vous?..—Онъ помолчалъ, выражая жестомъ свою покорность жестокой судьбѣ. — Да, ежели бы можно было по произволу имѣть и неимѣть ихъ.... Я увѣренъ, что въ нашъ вѣкъ будетъ сдѣлано это изобрѣтеніе.

Аннѣ Павловнѣ не понравилась мысль о такомъ изобрѣтеніи.

— Вы никогда не думали о томъ, чтобы женить вашего блуднаго сына Анатоля. Говорятъ, что старыя дѣвицы ont la manie des mariages.[2] Я еще не чувствую за собою этой слабости, но у меня есть одна petite personne, которая очень несчастлива съ отцомъ, une parente à nous, une princesse[3] Болконской.

Князь Василій не отвѣчалъ, хотя съ свойственною свѣтскимъ людямъ быстротой соображенія и памятью показалъ движеніемъ головы, что онъ принялъ къ соображенію эти свѣдѣнія.

— Нѣтъ, вы знаете ли, что этотъ Анатоль мнѣ стоитъ 40.000 въ годъ, сказалъ онъ, видимо не въ силахъ удерживать печальный ходъ своихъ мыслей.

---

[1] Вамъ однимъ могу признаться. Мои дѣти обуза моего существованія.

[2] Имѣютъ манію женить.

[3] Наша родственница княжна...

Онъ помолчалъ.

— Что будетъ черезъ пять лѣтъ, если это пойдетъ такъ? Voilà l'avantage d'être père.[1] Она богата, ваша княжна?

— Отецъ очень богатъ и скупъ. Онъ живетъ въ деревнѣ. Знаете, этотъ извѣстный князь Болконской, отставленный еще при покойномъ императорѣ, и прозванный прусскимъ королемъ. Онъ очень умный человѣкъ, но со странностями и тяжелый. La pauvre petite est malheureuse comme les pierres.[2] У нея братъ, вотъ что недавно женился на Lise Мейненъ, адъютантъ Кутузова, живетъ здѣсь и будетъ нынче у меня. Она единственная дочь.

— Ecoutez, chère Annette, сказалъ князь, взявъ вдругъ свою собесѣдницу за руку и пригибая ее почему-то книзу. — Arrangez moi cette affaire, et je suis votre[3] вѣрнѣйшій рабъ à tout jamais (*рапъ*, comme mon староста m'écrit des донесенья: покой-еръ-пъ). Она хорошей фамиліи и богата. Все что мнѣ нужно.

И онъ съ тѣми свободными и фамиліарными, граціозными движеніями, которыя его отличали, взялъ за руку фрейлину, поцѣловалъ ее, и поцѣловавъ, помахалъ фрейлинскою рукой, развалившись на креслахъ и глядя въ сторону.

— Attendez, сказала Анна Павловна, соображая.—Я нынче же поговорю Lise (la femme de jeune Болконской). И можетъ-быть это уладится. Ce sera dans votre famille que je ferai mon apprentissage de vielle fille.[4]

II.

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Пріѣхала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастамъ и характерамъ, но одинаковые по обществу въ какомъ всѣ жили; пріѣхалъ дипломатъ графъ З*** въ звѣздахъ и орденахъ всѣхъ иностранныхъ дворовъ, княгиня Л***, отцвѣтавшая красавица, жена посланника; вошелъ дряхлый генералъ, стуча саблей и кряхтя; вошла дочь князя Василія, красавица Hélène, заѣхавшая за отцемъ, чтобы

---

[1] Вотъ выгода быть отцомъ.

[2] Бѣдняжка несчастлива какъ камни.

[3] Устройте мнѣ эго дѣло, и я навсегда вашъ...

[4] Я въ вашемъ семействѣ начну мое обученье ремеслу старой дѣвки.

съ нимъ вмѣстѣ ѣхать на праздникъ посланника. Она была въ шифрѣ и бальномъ платьѣ. Пріѣхала и извѣстная какъ la femme la plus séduisante de Pétersbourg [1], молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замужъ и теперь не выѣзжавшая въ *большой* свѣтъ по причинѣ своей беременности, но ѣздившая еще на небольшіе вечера.

— Вы не видали еще, или вы не знакомы съ ma tante? говорила Анна Павловна пріѣзжавшимъ гостямъ и весьма серіозно подводила ихъ къ маленькой старушкѣ въ высокихъ бантахъ, выплывшей изъ другой комнаты какъ скоро стали пріѣзжать гости; называла ихъ по имени, медленно переводя глаза съ гостя на ma tante, и потомъ отходила. Всѣ гости совершали обрядъ привѣтствованія никому неизвѣстной, никому неинтересной и ненужной тетушки. Анна Павловна съ грустнымъ, торжественнымъ участіемъ слѣдила за ихъ привѣтствіями, молчаливо одобряя ихъ. Ma tante каждому говорила въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о его здоровьѣ, о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ ея величества, которое нынче было, слава Богу, лучше. Всѣ подходившіе, изъ приличія не выказывая поспѣшности, съ чувствомъ облегченія исполненной тяжелой обязанности, отходили отъ старушки чтобъ ужь весь вечеръ ни разу не подойдти къ ней. Человѣкъ десять присутствующихъ мущинъ и дамъ размѣстились кто у чайнаго стола, кто въ уголку за трельяжемъ, кто у окна; всѣ разговаривали и свободно переходили отъ одной группы къ другой.

Молодая княгиня Болконская пріѣхала съ работой въ шитомъ золотомъ бархатномъ мѣшкѣ. Ея хорошенькая, съ чуть-чернѣвшимися усиками верхняя губка была коротка по зубамъ, но тѣмъ милѣе она открывалась и тѣмъ еще милѣе вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Какъ это всегда бываетъ у вполнѣ привлекательныхъ женщинъ, недостатокъ ея: короткость губы и полуоткрытый ротъ, казались ея особенною, собственно ея красотой. Всѣмъ было весело смотрѣть на эту полную здоровья и живости, хорошенькую, будущую мать, такъ легко переносившую свое положеніе. Старикамъ и скучающимъ мрачнымъ молодымъ людямъ, смотрѣвшимъ на нее, казалось, что они сами дѣлают-

[1] Самая обольстительная женщина въ Петербургѣ.

ся похожи на нее, побывъ и поговоривъ нѣсколько времени съ ней. Кто говорилъ съ ней и видѣлъ при каждомъ словѣ ея свѣтлую улыбочку и блестящіе бѣлые зубы, которые виднѣлись безпрестанно, думалъ что онъ особенно нынче любезенъ. И это думалъ каждый.

Маленькая княгиня, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками обошла столъ съ рабочею сумочкой на рукѣ, и весело оправляя платье, сѣла на диванъ, около серебрянаго самовара, какъ будто все что̀ она ни дѣлала, было̀ partie de plaisir для нея и для всѣхъ ее окружавшихъ.

— J'ai apporté mon ouvrage, [1] сказала она, развертывая свой ридикюль, и обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Смотрите, Annette, ne me jouez pas un mauvais tour, обратилась она къ хозяйкѣ.—Vous m'avez écrit, que c'était une toute petite soirée; voyez, comme je suis attiffée. [2]

И она развела руками, чтобы показать свое, въ кружевахъ, сѣренькое, изящное платье, немного ниже грудей опоясанное широкою лентой.

— Soyez tranquille, Lise, vous serez toujours la plus jolie, [3] отвѣчала Анна Павловна.

— Vous savez, mon mari m'abandonne, продолжала она тѣмъ же тономъ, обращаясь къ генералу,—il va se faire tuer. Dites moi, pourquoi cette vilaine guerre? [4] обратилась она къ князю Василію, и не дожидаясь отвѣта обратилась къ дочери князя Василія, къ красивой Hélène. — Savez vous, Hélène, vous devenez trop belle, trop belle. [5]

— Quelle délicieuse personne que cette petite princesse! [6] сказалъ князь Василій тихо Аннѣ Павловнѣ.

— Votre charmant fils Hyppolite en est fou amoureux. [7]

---

[1] Я захватила работу.

[2] Не сыграйте со мной дурной шутки; вы мнѣ писали, что у васъ совсѣмъ маленькій вечеръ. Видите, какъ я одѣта дурно.

[3] Будьте спокойны, вы все будете лучше всѣхъ.

[4] Вы знаете, мой мужъ покидаетъ меня. Идетъ на смерть. Скажите, зачѣмъ эта гадкая война?

[5] Знаете ли, Елена, вы становитесь слишкомъ хороши, слишкомъ хороши.

[6] Что за милая особа, эта маленькая княгиня!

[7] Вашъ обворожительный сынъ Ипполитъ до безумія влюбленъ въ нее. — У этого дурака есть вкусъ.

— Il a du goût cet imbécile.

Вскорѣ послѣ маленькой княгини вошелъ толстый молодой человѣкъ съ стриженою головой, въ очкахъ, свѣтлыхъ панталонахъ по тогдашней модѣ, съ высокимъ жабо и въ коричневомъ фракѣ. Этотъ-то толстый молодой человѣкъ несмотря на модный покрой платья, былъ неповоротливъ, неуклюжъ, какъ бываютъ неловки и неуклюжи здоровые мужицкіе парни. Но онъ былъ незастѣнчивъ и рѣшителенъ въ движеніяхъ. На минуту остановился онъ по серединѣ гостиной, не находя хозяйки и кланяясь всѣмъ, кромѣ ея, несмотря на знаки, которые она ему дѣлала. Принявъ старую тетушку за самую Анну Павловну, онъ сѣлъ подлѣ нея и сталъ говорить съ ней; но узнавъ, наконецъ, по удивленному лицу тетушки, что этого не слѣдуетъ дѣлать, всталъ и сказалъ: „pardon, mademoiselle, j'ai cru que ce n'était pas vous." [1] Даже безстрастная тетушка покраснѣла при этихъ безсмысленныхъ словахъ и съ отчаяннымъ видомъ замахала своей племянницѣ, приглашая ее къ себѣ на помощь. Занятая до сихъ поръ другимъ гостемъ, Анна Павловна подошла къ ней.

— C'est bien aimable à vous, M Pierre, d'être venu voir une pauvre malade, [2] сказала она ему, улыбаясь и переглядываясь съ тетушкой.

Пьеръ сдѣлалъ еще хуже. Онъ сѣлъ подлѣ Анны Павловны съ видомъ человѣка, который не скоро встанетъ, и тотчасъ же началъ съ нею разговоръ о Руссо, о которомъ они говорили въ предпослѣднее свиданіе. Аннѣ Павловнѣ было некогда. Она прислушивалась, приглядывалась, помѣщала и перемѣщала гостей.

— Я не могу понять, говорилъ молодой человѣкъ, значительно глядя черезъ очки на свою собесѣдницу, — почему не любятъ *Confessions*, тогда какъ *Nouvelle Héloïse* гораздо ничтожнѣе.

Толстый молодой человѣкъ неловко выражалъ свою мысль и вызывалъ на споръ Анну Павловну, совершенно не замѣчая, что фрейлинѣ и вообще никакого дѣла не было до того, какое сочиненіе хорошо или дурно, а особенно теперь, когда ей столько надо было сообразить и вспомнить.

---

[1] Извините, я думалъ, что это не вы.

[2] Очень любезно съ вашей стороны, что вы пріѣхали навѣстить бѣдную больную.

— „Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra, j'apparaitrai mon livre à la main,“ [1] говорилъ онъ, съ улыбкой цитируя первую страницу *Confessions*.—Non, madame, продолжалъ онъ,—après avoir lu l'ouvrage, on aime l'homme. [2]

— Да, конечно, отвѣчала Анна Павловна, несмотря на то что она была совершенно противуположнаго мнѣнія, и оглядывала гостей, желая встать. Но Пьеръ продолжалъ:

— Ce c'est pas seulement un livre, c'est une oeuvre. *Les confessions* sont une confession complète.“ [3] N'est ce pas, madame?

— Mais je ne désire pas être son confesseur, M. Pierre: il a de trop vilains pêchés, [4] сказала она, вставая и улыбаясь.— Пойдемте, я васъ представлю кузинѣ.

И отдѣлавшись отъ молодаго человѣка, не умѣющаго жить, она возвратилась къ своимъ занятіямъ хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тотъ пунктъ, гдѣ ослабѣвалъ разговоръ, какъ хозяинъ прядильной мастерской, посадивъ работниковъ по мѣстамъ, прохаживается по заведенію и примѣчаетъ всѣ ли вертятся веретена. Какъ хозяинъ прядильной, замѣчая неподвижность или непривычный, скрипящій, слишкомъ громкій звукъ веретена, торопливо идетъ, сдерживаетъ или пускаетъ его въ надлежащій ходъ, такъ и Анна Павловна подходила къ замолкнувшему или слишкомъ много говорившему кружку, и однимъ словомъ или перемѣщеніемъ опять заводила равномѣрную, приличную, разговорную машину.

III.

Вечеръ Анны Павловны былъ пущенъ. Веретена съ разныхъ сторонъ равномѣрно и неумолкая шумѣли. Кромѣ ma tante, около которой сидѣла только одна пожилая дама съ исплаканнымъ худымъ лицомъ, нѣсколько чужая въ этомъ блестящемъ обществѣ, и еще кромѣ толстаго мсье Пьера

---

[1] Пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда, я предстану съ своею книгой въ рукахъ.

[2] Прочтя книгу, любишь человѣка.

[3] Это не только книга, это поступокъ. Тутъ полная исповѣдь. Не правда ли?

[4] Но я не хочу быть его духовникомъ; у него слишкомъ гадки грѣхи.

который послѣ своихъ безтактныхъ разговоровъ съ тетушкой и Анной Павловной молчалъ весь вечеръ, видимо незнакомый почти ни съ кѣмъ, и только оживленно оглядывался на тѣхъ кто ходилъ и говорилъ громче другихъ,—общество разбилось на три кружка. Въ одномъ центромъ была красавица княжна Hélène, дочь князя Василія, въ другомъ—сама Анна Павловна, въ третьемъ—хорошенькая, румяная и слишкомъ полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская.

Вошелъ сынъ князя Василія, Ипполитъ, „votre charmant fils Hippolyte“, какъ неизмѣнно называла его Анна Павловна, и ожидаемый виконтъ, dont raffolaient, по словамъ Анны Павловны, toutes nos dames. Ипполитъ вошелъ, глядя въ лорнетъ, и не опуская лорнета, громко, но не ясно пробурлилъ: „vicomte de Mortemart“, и тотчасъ же, не обращая вниманія на отца, подсѣлъ къ маленькой княгинѣ, и наклоняя къ ней голову, такъ близко что между ея и его лицомъ оставалось разстоянія меньше четверти, что-то часто и неясно сталъ говорить ей и смѣяться.

Виконтъ былъ миловидный, съ мягкими чертами и пріемами молодой человѣкъ, очевидно считавшій себя знаменитостью, но по благовоспитанности, скромно предоставлявшій пользоваться собой тому обществу, въ которомъ онъ находился. Анна Павловна очевидно угощала имъ своихъ гостей. Какъ хорошій метръ-дотель подаетъ, какъ нѣчто сверхъ-естественно прекрасное, тотъ кусокъ говядины, который ѣсть не захочется, если увидать его въ грязной кухнѣ, — такъ въ нынѣшній вечеръ Анна Павловна сервировала своимъ гостямъ виконта, какъ что-то сверхъестественно утонченное, тогда какъ господа, стоявшіе съ нимъ въ одной гостиницѣ и игравшіе съ нимъ каждый день на билліардѣ, видѣли въ немъ только большаго мастера карамболировать и вовсе не находили себя счастливыми отъ того что видѣлись и говорили съ виконтомъ.

Заговорили тотчасъ объ убійствѣ герцога Энгіенскаго. Виконтъ сказалъ, что герцогъ Энгіенскій погибъ отъ своего великодушія, и что были особенныя причины озлобленія Бонапарте.

— Ah! voyons, contez nous cela, vicomte, сказала Анна Павловна, съ радостью, чувствуя какъ чѣмъ-то á la Louis XV отзывалась эта фраза: „contez nous cela, vicomte.“ [1]

[1] Разкажите намъ это, виконтъ.

Виконтъ наклонился въ знакъ покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сдѣлала кругъ около виконта, и пригласила всѣхъ слушать его разказъ.

— Le vicomte a été personellement connu de monseigneur,[1] шепнула Анна Павловна одному.

— Le vicomte est un parfait conteur,[2] проговорила она другому.

— Comme on voit l'homme de la bonne compagnie,[3] сказала она третьему, и виконтъ былъ поданъ обществу въ самомъ изящномъ и выгодномъ для него свѣтѣ, какъ росбифъ на горячемъ блюдѣ и посыпанный зеленью.

Виконтъ хотѣлъ уже начать свой разказъ, и тонко улыбнулся.

— Переходите сюда, chère Hélène, сказала Анна Павловна красавицѣ княжнѣ, которая сидѣла поодаль, составляя центръ другаго кружка.

Княжна Hélène улыбалась; она поднялась съ тою же неизмѣняющеюся улыбкой вполнѣ красивой женщины, съ которою она вошла въ гостиную. Слегка шумя своею бѣлою, бальною робой, убранною плющемъ и мохомъ, и блестя бѣлизной плечъ, глянцемъ волосъ и бриллiянтовъ, она прошла между разступившимися мущинами, и прямо, не глядя ни на кого, но всѣмъ улыбаясь и какъ бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотою своего стана, полныхъ плечъ, очень открытой, по тогдашней модѣ, груди и спинѣ, и какъ будто внося съ собой блескъ бала, подошла къ Аннѣ Павловнѣ. Hélène была такъ хороша, что не только не было въ ней замѣтно и тѣни кокетства, но напротивъ ей какъ будто совѣстно было за свою несомнѣнную и слишкомъ сильно и побѣдительно дѣйствующую красоту. Она какъ будто желала и не могла умалить дѣйствiе своей красоты.

— Quelle belle personne! говорилъ каждый, кто ее видѣлъ.

Какъ будто пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, виконтъ пожалъ плечами и опустилъ глаза въ то время какъ она усаживалась передъ нимъ и освѣщала и его все тою же неизмѣнною улыбкой.

---

[1] Виконтъ былъ лично знакомъ съ герцогомъ.
[2] Виконтъ удивительный мастеръ разказывать.
[3] Какъ сейчасъ виденъ человѣкъ хорошаго общества.

— Madame, je crains pour mes moyens devant un pareil auditoire,[1] сказалъ онъ наклоняя съ улыбкой голову.

Княжна облокотила свою открытую, полную руку на столикъ и не нашла нужнымъ что-либо сказать. Она улыбаясь ждала. Во все время разказа она сидѣла прямо, посматривая изрѣдка то на свою полную красивую руку, которая отъ давленія на столъ измѣнила свою форму; то на еще болѣе красивую грудь, на которой она поправляла бриллiянтовое ожерелье; поправила нѣсколько разъ складки своего платья, и когда разказъ производилъ впечатлѣніе, оглядывалась на Анну Павловну и тотчасъ же принимала то самое выраженіе, которое было на лицѣ фрейлины и потомъ опять успокоивалась въ сіяющей улыбкѣ. Вслѣдъ за Hélène перешла и маленькая княгиня отъ чайнаго стола.

— Attendez moi, je vais prendre mon ouvrage,[2] проговорила она.—Voyons, à quoi pensez-vous? обратилась она къ князю Ипполиту:—apportez-moi mon ridicule.[3]

Княгиня, улыбаясь и говоря со всѣми, вдругъ произвела перестановку, и усѣвшись, весело оправилась.

— Теперь мнѣ хорошо, приговаривала она, и попросивъ начинать, принялась за работу. Князь Ипполитъ перенесъ ей ридикюль, перешелъ за нею, и близко придвинувъ къ ней кресло, сѣлъ подлѣ нея.

Le charmant Hippolyte поражалъ своимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ сестрою-красавицей, и еще болѣе тѣмъ, что несмотря на сходство, онъ былъ поразительно дуренъ собой. Черты его лица были тѣ же, какъ и у сестры, но у той все освѣщалось жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизмѣнною улыбкой жизни, и необычайною, античною красотой тѣла; у брата, напротивъ, то же лицо было отуманено идіотизмомъ и неизмѣнно выражало самоувѣренную брюзгливость, а тѣло было худощаво и слабо. Глаза, носъ, ротъ, все сжималось какъ будто въ одну неопредѣленную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественныя положенія.

---

[1] Я право опасаюсь за свои способности передъ такою публикой.
[2] Подождите, я возьму мою работу.
[3] О чемъ вы думаете? Принесите мой ридикюль.

— Ce n'est pas une histoire de revenants? [1] сказалъ онъ усѣвшись подлѣ княгини и торопливо пристроивъ къ глазамъ свой лорнетъ, какъ будто безъ этого инструмента онъ не могъ начать говорить.

— Mais non, mon cher, [2] пожимая плечами, сказалъ удивленный разкащикъ.

— C'est que je déteste les histoires de revenants, [3] сказалъ онъ такимъ тономъ что видно было,—онъ сказалъ эти слова, а потомъ уже понялъ, что онѣ значили.

Изъ-за самоувѣренности, съ которою онъ говорилъ, никто не могъ понять, очень ли умно или очень глупо то что̀ онъ сказалъ. Онъ былъ въ темнозеленомъ фракѣ, въ панталонахъ цвѣта cuisse de nymphe effrayée, какъ онъ самъ говорилъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Онъ сѣлъ въ самую глубину кресла противъ разкащика, положилъ одну руку съ кольцомъ и гербовою печатью передъ собою на столъ, въ такомъ вытянутомъ положеніи, что ему стоило, видимо, большаго труда удерживать ее въ этомъ положеніи; однако во все время разказа онъ держалъ такъ руку. Другою рукой онъ держалъ лорнетъ въ ладони, и этою же рукой оправлялъ свою прическу à la Titus кверху, придававшую еще болѣе странное выраженіе его вытянутому лицу, и какъ будто вспомнивъ что-то, начиналъ смотрѣть на свою выставленную руку съ перстнями, потомъ на ноги виконта, потомъ весь оборачивался быстро и развинченно, какъ онъ и все дѣлалъ, и долго, пристально смотрѣлъ на княгиню.

IV.

— Когда я имѣлъ счастіе видѣть въ послѣдній разъ блаженной и печальной памяти герцога Энгіенскаго, началъ виконтъ съ изящною грустью въ голосѣ, оглядывая слушателей,—monseigneur въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говорилъ о красо-

---

[1] Это не исторія о пр в идѣніяхъ?

[2] Вовсе нѣтъ.

[3] Дѣло въ томъ, что я терпѣть не могу исторій о привидѣніяхъ.

тѣ и геніальности великой Georges. Кто не знаетъ этой геніальной и прелестной женщины? Я выразилъ свое удивленіе, какимъ образомъ герцогъ могъ узнать ее, не бывъ въ Парижѣ эти послѣдніе годы. Герцогъ улыбнулся и сказалъ мнѣ, что Парижъ не такъ далекъ отъ Мангейма, какъ это кажется. Я ужаснулся и высказалъ его высочеству свой страхъ при мысли о посѣщеніи имъ Парижа. „Monseigneur, сказалъ я, Богъ знаетъ, не окружены ли мы здѣсь измѣнниками и предателями, и не будетъ ли ваше присутствіе въ Парижѣ, какъ бы тайно оно ни было, извѣстно Буонапарте?“ Но герцогъ только улыбнулся на мои слова съ этимъ рыцарствомъ и отважностью, составляющими отличительную черту его фамиліи.

— La maison Condé, branche de laurier greffé sur l'abre de Bourbons, comme disait dernièrement Pitt,[1] сказалъ монотонно князь Василій, какъ будто онъ диктовалъ какому-то невидимому писцу.

— M. Pitt a très bien dit,[2] лаконически прибавилъ его сынъ Ипполитъ, рѣшительно поворачиваясь на креслѣ туловищемъ въ одну, а ногами въ противоположную сторону, торопливо поймавъ лорнетку и устремивъ сквозь нее свои взгляды на родителя.

— Bref, продолжалъ виконтъ, обращаясь преимущественно къ красавицѣ княжнѣ, которая не спускала съ него глазъ,— я долженъ былъ оставить Этенгеймъ и узналъ уже потомъ, что герцогъ, увлеченный своею отвагой, ѣздилъ въ Парижъ, дѣлалъ честь Mlle Жоржъ не только восхищаться ею, но и посѣщать ее.

— Но у него была сердечная привязанность къ princesse Charlotte de Rohan Rochefort, горячо перебила Анна Павловна.— Говорили, что онъ тайно былъ женатъ на ней, сказала она, видимо испуганная будущимъ содержаніемъ разказа, который ей казался слишкомъ вольнымъ въ присутствіи молодой дѣвушки.

— Одна привязанность не мѣшаетъ другой, продолжалъ виконтъ, тонко улыбаясь и не замѣчая опасеній Анны Павловны.—Но дѣло въ томъ, что Mlle Жоржъ прежде своего

---

[1] Домъ Конде—вѣтка лавра привитая къ дереву Бурбоновъ, какъ говорилъ недавно Питтъ.

[2] Г. Питтъ очень хорошо выразился.

сближенія съ герцогомъ пользовалась сближеніемъ съ другимъ человѣкомъ.

Онъ помолчалъ.

— Человѣка этого звали Буонапарте, произнесъ онъ, съ улыбкой оглянувъ слушателей. Анна Павловна, въ свою очередь оглянулась безпокойно, видя, что разказъ дѣлается опаснѣе и опаснѣе.

— Eh bien, продолжалъ виконтъ,—le nouveau sultan des mille et une nuit ne dédaignait pas de venir souvent passer ses soirées chez la plus belle et la plus agréable femme de la France. [1] Et Mlle Georges...—Онъ помолчалъ, пожавъ выразительно плечами:—a du faire de necessité—vertu. Счастливецъ Буонапарте пріѣзжалъ обыкновенно по вечерамъ, не назначая своихъ дней.

— Ah! je prévois, j'ai la chaire de poule, [2] пожимая полными и гибкими плечиками, сказала маленькая хорошенькая княгиня.

Пожилая дама, сидѣвшая весь вечеръ подлѣ ma tante, перешла къ кружку разкащика, покачавъ головою и улыбнувшись значительно и грустно.

— Это ужасно, не правда ли? сказала она, хотя очевидно и не слыхала начала исторіи. На неумѣстность ея замѣчанія и на нее самою никто не обратилъ вниманія.

Князь Ипполитъ объявилъ быстро и громко:

— Georges dans le rôle de Clitemnestre admirable! [3]

Анна Павловна молчала и находилась въ безпокойствѣ, не рѣшивъ еще окончательно въ своемъ умѣ, прилично или неприлично было то что̀ разказывалъ виконтъ. Съ одной стороны—вечернія посѣщенія къ актрисѣ, съ другой стороны—ежели ужь vicomte de Mortemart, allié aux Montmorency par les Rohans, tout ce qu'il y a de plus faubourg St. Germain, въ гостиной будетъ говорить неприличности, то кто же наконецъ знаетъ что̀ прилично и неприлично?

— Въ одинъ вечеръ, продолжалъ виконтъ, оглядывая слушателей и оживляясь,—Клитемнестра эта, прельстивъ весь театръ своею удивительною передачею Расина, возвратилась домой и думала одна отдохнуть отъ усталости и волненья. Она не ждала султана.

[1] Новый султанъ изъ тысячи одной ночи не пренебрегалъ частенько проводить свои вечера у самой красивой, самой пріятной женщины во Франціи.

[2] А! Я предвижу, и мнѣ становится жутко.

[3] Жоржъ въ роли Клитемнестры удивительна!

Анна Павловна вздрогнула при словѣ „султанъ". Княжна опустила глаза и перестала улыбаться.

— Какъ вдругъ служанка доложила, что l'ex-vicomte de Rocroi желаетъ видѣть великую актрису. Rocroi — такъ называлъ себя герцогъ. Онъ былъ принятъ, прибавилъ виконтъ, и помолчавъ нѣсколько секундъ, чтобы дать понять, что онъ не все разказываетъ что знаетъ, продолжалъ: — Столъ блестѣлъ хрусталемъ, эмалью, серебромъ и фарфоромъ. Стояли два прибора, время летѣло незамѣтно, и наслажденіе....

Неожиданно, въ этомъ мѣстѣ разказа, князь Ипполитъ произвелъ странный громкій звукъ, который одни приняли за кашель, другіе за сморканье, мычанье или смѣхъ, и сталъ торопливо ловить упущенный лорнетъ. Разкащикъ удивленно остановился. Анна Павловна испуганно перебила описаніе наслажденій, которыя съ такимъ вкусомъ описывалъ виконтъ.

— Не томите насъ, vicomte, сказала она.

Виконтъ улыбнулся.

— ....Наслажденіе превращало часы въ минуты, какъ вдругъ послышался звонокъ, и испуганная горничная дрожа прибѣжала объявить, что звонитъ le terrible mameluk de Buonaparte, и что ужасный господинъ его уже стоитъ у подъѣзда......

— Charmant, прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку въ работу, какъ будто въ знакъ того, что интересъ и прелесть исторіи мѣшаютъ ей продолжать работу.

Виконтъ оцѣнилъ эту молчаливую похвалу, и благодарно улыбнувшись, хотѣлъ продолжать, когда въ гостиную вошло новое лицо и произвело необходимую остановку.

IV.

Новое лицо это былъ молодой князь Андрей Болконской, мужъ маленькой княгини. Не столько по тому, что молодой князь пріѣхалъ такъ поздно, а онъ все-таки былъ принятъ хозяйкой самымъ любезнымъ образомъ,—сколько по тому, какъ онъ вошелъ въ комнату, было видно, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ свѣтскихъ молодыхъ людей, которые такъ избалованы свѣтомъ, что даже презираютъ его. Молодой князь былъ небольшаго роста, весьма красивый, сухощавый брюнетъ, съ

нѣсколько истощеннымъ видомъ, коричневымъ цвѣтомъ лица, въ чрезвычайно изящной одеждѣ и съ крошечными ногами и руками. Все въ его фигурѣ, начиная отъ усталаго, скучающаго взгляда до лѣнивой и слабой походки, представляло самую рѣзкую противоположность съ его маленькою, оживленною женой. Ему, видимо, всѣ бывшіе въ гостиной не только были знакомы, но ужь надоѣли ему такъ, что и смотрѣть на нихъ и слушать ихъ ему было очень скучно, потому что онъ впередъ зналъ все что̀ будетъ. Изъ всѣхъ же прискучившихъ ему лицъ, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всѣхъ ему надоѣло. Съ кислою, слабою гримасой, портившею его красивое лицо, онъ отвернулся отъ нея, какъ будто онъ по-французски подумалъ: „il ne manquait que vous pour rendre tout ce monde tout-à-fait insipide.“ [1] Онъ поцѣловалъ руку Анны Павловны съ такимъ видомъ, какъ будто готовъ былъ Богъ знаетъ что̀ дать, чтобъ избавиться отъ этой тяжелой обязанности, и щурясь, почти закрывая глаза, и морщась, оглядывалъ все общество.

— Vous avez beaucoup de monde, [2] сказалъ онъ тоненькимъ голоскомъ и кивнулъ головой кое-кому, кое-кому подставилъ свою руку, предоставляя ее пожатію.

— Vous vous enrôlez pour la guerre, mon prince? [3] сказала Анна Павловна.

— Le général Koutouzoff, сказалъ онъ, ударяя на послѣднемъ слогѣ *zoff*, какъ Французъ, снимая перчатку съ бѣлѣйшей, крошечной руки и потирая ею глаза,—le général en chef Koutouzoff a bien voulu de moi pour aide-de-camp.... [4]

— Et Lise, votre femme? [5]

— Она поѣдетъ въ деревню.

— Какъ вамъ не грѣхъ лишать насъ вашей прелестной жены?

Молодой адъютантъ сдѣлалъ выпяченными губами презрительный звукъ, какой дѣлаютъ только Французы, и ничего не отвѣчалъ.

---

[1] Тебя только недоставало, чтобы вся эта компанія совсѣмъ мнѣ опротѣвила.

[2] У васъ съѣздъ.

[3] Вы сбираетесь на войну, князь.

[4] Генералъ Кутузовъ зоветъ меня къ себѣ въ адъютанты.

[5] А Лиза, ваша жена?

— André, сказала его жена, обращаясь къ мужу тѣмъ же кокетливымъ тономъ, какимъ она обращалась и къ посторонниъ,—подите сюда, садитесь; послушайте какую исторію разказываетъ виконтъ о Mlle Жоржъ и Буонапарте.

André зажмурился и сѣлъ совсѣмъ въ другую сторону, какъ будто не слыхалъ жены.

— Продолжайте, vicomte, сказала Анна Павловна.—Vicomte разказывалъ, какъ герцогъ Энгіенскій бывалъ у Mlle Жоржъ, прибавила она обращаясь къ вошедшему, чтобъ онъ могъ слѣдить за продолженіемъ разказа.

— La prétendue rivalité de Buonaparte et du duc pour la Georges,[1] сказалъ князь Андрей такимъ тономъ, какъ будто смѣшно было кому-нибудь не знать про это, и повалился на ручку кресла. Въ это время молодой человѣкъ въ очкахъ, называемый M. Pierre, со времени входа князя Андрея въ гостиную, не спускавшій съ него радостныхъ, дружелюбныхъ глазъ, подошелъ, къ нему и взялъ его за руку. Князь Андрей такъ мало былъ любопытенъ, что не оглядываясь, сморщилъ напередъ лицо въ гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогаетъ его за эполетъ; но увидавъ улыбающееся лицо Пьерра, князь Андрей улыбнулся тоже, и вдругъ все лицо его преобразилось. Доброе и умное выраженіе вдругъ явилось на немъ.

— Какъ? ты здѣсь, кавалергардъ мой милый? спросилъ князь радостно, но съ покровительственнымъ и надменнымъ оттѣнкомъ.

— Я зналъ, что *вы* будете, отвѣчалъ Пьеръ. — Я пріѣду къ вамъ ужинать, прибавилъ онъ тихо, чтобы не мѣшать виконту, который продолжалъ свой разказъ.—Можно?

— Нѣтъ нельзя, сказалъ князь Андрей, смѣясь и отворачиваясь, но пожатіемъ руки давая знать Пьеру, что этого не нужно было спрашивать.

Виконтъ разказалъ, какъ Mlle Жоржъ умоляла герцога спрятаться, какъ герцогъ сказалъ, что онъ никогда ни передъ кѣмъ не прятался, какъ Mlle Жоржъ сказала ему: „Monseigneur, vous devez votre épée au roi et à la France,“[2] и какъ герцогъ все-таки спрятался подъ бѣлье въ другой ком-

---

[1] Мнимое соперничество Бонапарта и герцога изъ-за Жоржъ.
[2] Ваше высочество, ваша шпага принадлежитъ королю и Франціи.

натѣ, и какъ Наполеону сдѣлалось дурно, и герцогъ вышелъ изъ-подъ бѣлья и увидалъ передъ собой Буонапарте.

— Charmant! délicieux! послышалось между слушателями. Даже Анна Павловна, замѣтивъ, что самое затруднительное мѣсто исторіи пройдено благополучно, и успокоившись, вполнѣ могла наслаждаться разказомъ. Виконтъ разгорѣлся, и грассируя говорилъ съ одушевленіемъ актера.

— L'ennemi de sa maison, l'usurpateur de trône, qui appartenait au chef de sa race, était là, devant lui, étendu, gisant à terre, immobile, expirant peut-être. Comme dit le sublime Corneille:

> Une maligne joie en son coeur s'élevait,
> Dont sa gloire indignée à peine le sauvait. [1]

Виконтъ остановился, и сбираясь повести еще сильнѣе свой разказъ, улыбнулся, какъ будто успокоивая дамъ, которыя уже слишкомъ были взволнованы. Совершенно неожиданно, во время этой паузы, красавица княжна Hélène посмотрѣла на часы, переглянулась съ отцомъ, и вмѣстѣ съ нимъ встала, и этимъ движеніемъ разстроила кружокъ и прервала разказъ.

— Мы опоздаемъ, папа, сказала она просто, продолжая сіять на всѣхъ своею улыбкой.

— Вы меня извините, мой милый vicomte, обратился князь Василій къ Французу, ласково притягивая его за рукавъ внизъ къ стулу, чтобъ онъ не вставалъ.—Этотъ несчастный праздникъ у посланника лишаетъ меня удовольствія и прерываетъ васъ. Очень мнѣ грустно покидать вашъ восхитительный вечеръ, сказалъ онъ Аннѣ Павловнѣ.

Дочь его, княжна Hélène, слегка придерживая складки платья, пошла между стульевъ, и улыбка просіяла еще свѣтлѣе на ея прекрасномъ лицѣ.

---

[1] Врагъ его дома, похититель трона, былъ тутъ передъ нимъ, распростертый на землѣ неподвижно и можетъ-быть при послѣднемъ издыханіи. Какъ говоритъ великій Корнель: „Злобная радость поднималась въ его сердцѣ, отъ которой его негодующая слава едва спасала его."

V.

Анна Павловна попросила виконта подождать ее и пошла проводить князя Василія съ дочерью до другой комнаты. Пожилая дама, сидѣвшая прежде съ ma tante и потомъ изъявившая такой безтолковый интересъ къ исторіи виконта, торопливо встала и догнала князя Василія въ передней. Съ лица ея исчезла вся прежняя притворность интереса. Доброе, исплаканное лицо ея выражало только безпокойство и страхъ

— Что же вы мнѣ скажете, князь, о моемъ Борисѣ? сказала она, догоняя его въ передней. (Она выговаривала имя Борисъ съ особеннымъ удареніемъ на *о*). Я не могу оставаться дольше въ Петербургѣ. Скажите, какія извѣстія я могу привезти моему бѣдному мальчику?

Несмотря на то, что князь Василій неохотно, и почти неучтиво слушалъ пожилую даму, и даже выказывалъ нетерпѣніе, она ласково и трогательно улыбалась ему, и чтобъ онъ не ушелъ, взяла его за руку.

— Что вамъ стоитъ сказать слово государю, и онъ прямо будетъ переведенъ въ гвардію, просила она.

— Повѣрьте, что я сдѣлаю все что могу, княгиня, отвѣчалъ князь Василій,—но мнѣ трудно просить государя; я бы совѣтовалъ вамъ обратиться къ Разумовскому, черезъ князя Голицына; это было бы умнѣе.

Пожилая дама носила имя княгини Друбецкой, одной изъ лучшихъ фамилій Россіи, но она была бѣдна, давно вышла изъ свѣта и утратила прежнія связи. Она пріѣхала теперь, чтобы выхлопотать опредѣленіе въ гвардію своему единственному сыну. Только затѣмъ чтобъ увидѣть князя Василія, она назвалась и пріѣхала на вечеръ къ Аннѣ Павловнѣ, только затѣмъ она слушала исторію виконта. Она испугалась словъ князя Василія; когда-то красивое лицо ея выразило почти презрѣніе, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась и крѣпче схватилась за руку князя Василія.

— Послушайте, князь, сказала она,—я никогда не просила васъ, никогда не буду просить, никогда не напоминала вамъ о дружбѣ моего отца къ вамъ. Но теперь я Богомъ закли-

наю васъ, сдѣлайте это для моего сына, и я буду считать васъ благодѣтелемъ, торопливо прибавила она.—Нѣтъ, вы не сердитесь, а вы обѣщайте мнѣ. Я просила Голицына, онъ отказалъ. Soyez le bon enfant que vous avez été, говорила она, стараясь улыбаться, тогда какъ въ ея глазахъ были слезы.

— Папа̀, мы опоздаемъ, сказала повернувъ свою красивую голову на античныхъ плечахъ княжна Hélène, ожидавшая у двери.

Но вліяніе въ свѣтѣ есть капиталъ, который надо беречь, чтобъ онъ не исчезъ. Князь Василій зналъ это, и разъ разсудивъ, что ежели бы онъ сталъ просить за всѣхъ, кто его проситъ, то вскорѣ ему нельзя было бы просить ни за кого, онъ рѣдко употреблялъ свое вліяніе. Въ дѣлѣ княгини Друбецкой онъ почувствовалъ однако, послѣ ея новаго призыва, что-то въ родѣ укора совѣсти. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими въ службѣ онъ былъ обязанъ ея отцу. Кромѣ того, онъ видѣлъ по ея пріемамъ, что она одна изъ тѣхъ женщинъ, особенно матерей, которыя, однажды взявъ себѣ что-нибудь въ голову, не отстанутъ до тѣхъ поръ пока не исполнятъ ихъ желанія, а въ противномъ случаѣ готовы на ежедневныя, ежеминутныя приставанія и даже на сцены. Это послѣднее соображеніе поколебало его.

— Chère Анна Михайловна, сказалъ онъ съ своею всегдашнею фамиліарностью и скукой въ голосѣ,—для меня почти невозможно сдѣлать то что̀ вы хотите, но чтобы доказать вамъ какъ я люблю васъ и чту память покойнаго графа, отца вашего, я сдѣлаю невозможное. Сынъ вашъ будетъ переведенъ въ гвардію, вотъ вамъ моя рука. Довольны вы?

И онъ пожалъ ея руку, дергая ее внизъ.

— Милый мой, вы благодѣтель! Я иного и не ждала отъ васъ,—такъ лгала и унижалась мать,—я знала какъ вы добры.

Онъ хотѣлъ уйдти.

— Постойте, два слова. Une fois passé aux gardes...—Она замялась:—Вы хороши съ Михаиломъ Илларіоновичемъ Кутузовымъ, рекомендуйте ему Бориса въ адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы ужь....

Анна Михайловна, будто цыганка, выпрашивала для сына тѣмъ больше, чѣмъ больше ей давали. Князь Василій улыбнулся.

— Этого не обѣщаю. Вы не знаете какъ осаждаютъ Кутузова съ тѣхъ поръ какъ онъ назначенъ главнокомандую-

щимъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что всѣ московскія барыни сговорились отдать ему всѣхъ своихъ дѣтей въ адъютанты.

— Нѣтъ, обѣщайте, я не пущу васъ, милый, благодѣтель мой...

— Папà, опять тѣмъ же тономъ повторила красавица,—мы опоздаемъ.

— Ну, à revoir, прощайте. Видите?

— Такъ завтра вы доложите государю?

— Непремѣнно, а Кутузову не обѣщаю.

— Нѣтъ, обѣщайте, обѣщайте, Basile, сказала вслѣдъ ему Анна Михайловна, съ улыбкой молодой кокетки, которая когда-то должно-быть была ей свойственна, а теперь такъ не шла къ ея истощенному, доброму лицу. Она видимо забыла свои годы и пускала въ ходъ, по привычкѣ, всѣ старинныя женскія средства. Но какъ только онъ вышелъ, лицо ея опять приняло то же холодное, притворное выраженіе, которое было на немъ прежде. Она вернулась къ кружку, въ которомъ виконтъ продолжалъ разказывать, и опять сдѣлала видъ, что слушаетъ, дожидаясь времени уѣхать, такъ какъ дѣло ея было сдѣлано.

VI.

Конецъ исторіи виконта былъ слѣдующій:

„Герцогъ Энгіенскій досталъ изъ кармана флаконъ горнаго хрусталя, обдѣланный въ золото, въ которомъ были жизненныя капли подаренныя его отцу графомъ Сенъ-Жерменомъ. Капли эти, какъ извѣстно, имѣли свойство оживлять мертваго или почти мертваго, но ихъ не надо было давать никому, кромѣ членовъ дома Конде. Постороннія лица, отвѣдавшія капель, исцѣлялись, также какъ и Конде, но дѣлались непримиримыми врагами герцогскаго дома. Доказательствомъ тому служитъ то, что отецъ герцога, желая исцѣлить умирающаго коня, далъ ему этихъ капель. Конь ожилъ, но покушался потомъ нѣсколько разъ погубить сѣдока, и разъ понесъ было его во время битвы въ лагерь республиканцевъ. Отецъ герцога убилъ любимую лошадь. Несмотря на то, молодой и рыцарскій герцогъ Энгіенскій влилъ нѣсколько капель въ ротъ своего врага Буонапарта, и извергъ ожилъ.

— „Кто вы? спросилъ Буонапарте.

— „Родственникъ служанки, отвѣчалъ герцогъ.

— „Ложь! закричалъ Буонапарте.

— „Генералъ, я безъ оружія, отвѣчалъ герцогъ.

— „Ваше имя?

— „Я спасъ вамъ жизнь, отвѣчалъ герцогъ.

Герцогъ уѣхалъ, а капли подѣйствовали, и Буонапарте почувствовалъ ненависть къ герцогу, и съ того дня поклялся уничтожить несчастнаго и великодушнаго юношу. Черезъ своихъ клевретовъ, узнавъ по забытому герцогомъ платку,— на которомъ былъ вышитъ гербъ дома Конде,—un bâton de gueules sur le champ de France,—узнавъ по платку, кто былъ его соперникъ, Буонапарте велѣлъ изобрѣсть предлогъ заговора Пишегрю и Жоржа, схватилъ въ Баденскомъ герцогствѣ мученика-героя и убилъ его.—L'ange et le démon. Et voilà comment a été commis le crime le plus abominable de l'histoire.“ [1] Этимъ заключилъ виконтъ свою исторію, и отъ избытка волненія перевернулся на стулѣ. Всѣ молчали.

— L'assassinat du duc a été plus qu'un crime, vicomte, сказалъ князь Андрей слегка улыбаясь, какъ будто онъ подсмѣивался надъ виконтомъ:—ça a eté une faute. [2]

Виконтъ приподнялъ брови и развелъ руками. Жестъ его могъ означать многое.

— Но какъ вы находите всю эту послѣднюю комедію du sacre de Milan? сказала Анна Павловна. Et la nouvelle comédie des peuples de Gênes et de Lucques, qui viennent présenter leurs voeux à M. Buonaparte. M. Buonaparte assis sur un trône, et exauçante les voeux des nations! Adorable! Non, mais c'est à en devenir folle! [3] On dirait que le monde entier a perdu la tête.

Князь Андрей отвернулся отъ Анны Павловны, какъ будто въ той мысли, что эти разговоры ни къ чему не ведутъ.

— „Dieu me la donne, gare à qui la touche“, произнесъ князь Андрей съ гордостью, какъ будто то были его слова (слова Бонапарте, сказанныя при возложеніи короны).—On dit qu'il a

[1] Ангелъ и демонъ. И вотъ какимъ образомъ было совершено самое ужасное преступленіе въ исторіи.

[2] Убійство герцога было болѣе чѣмъ преступленіе, это была ошибка.

[3] И вотъ новая комедія: народы Генуи и Лукки изъявляютъ свои желанія господину Буонапарте. И господинъ Буонапарте сидитъ на тронѣ и исполняетъ желанія народовъ. О! это восхитительно! Нѣтъ, отъ этого можно съ ума сойдти. Подумаешь, что весь свѣтъ потерялъ голову.

été très beau en prononçant ces paroles, прибавилъ онъ и еще разъ повторилъ эти слова по-итальянски: „Dio mi la dona, gai a qui la tocca.“

Анна Павловна строго взглянула на князя Андрея.

— J'espère enfin, продолжала она,—que ça a été la goutte d'eau qui fera déborder le verre. Les souverains ne peuvent plus supporter cet homme qui menace tout. [1]

— Les souverains? Je ne parle pas de la Russie, сказалъ виконтъ учтиво и безнадежно:—les souverains, madame! Qu'ont-ils fait pour Louis XV, pour la reine, pour madame Elisabeth? Rien, продолжалъ онъ, одушевляясь.—Et croyez moi, ils subissent la punition pour leur trahison de la cause des Bourbons. Les souverains? Ils envoyent des ambassadeurs complimenter l'usurpateur. [2]

И онъ, презрительно вздохнувъ, опять перемѣнилъ положеніе. Князь Ипполитъ, долго смотрѣвшій въ лорнетъ на виконта, вдругъ при этихъ словахъ повернулся всѣмъ тѣломъ къ маленькой княгинѣ, и попросивъ у нея иголку, сталъ показывать ей, рисуя иголкой на столѣ, гербъ Конде. Онъ растолковывалъ ей этотъ гербъ съ такимъ значительнымъ видомъ, какъ будто княгиня просила его объ этомъ.

— Bâton de gueules, engrêlé de gueules d'azur — maison Condé, говорилъ онъ. Княгиня улыбаясь слушала.

— Ежели еще годъ Буонапарте останется на престолѣ Франціи, продолжалъ виконтъ начатый разговоръ, съ видомъ человѣка, не слушающаго другихъ, но, въ дѣлѣ лучше всѣхъ ему извѣстномъ, слѣдящаго только за ходомъ своихъ мыслей,— то дѣла пойдутъ слишкомъ далеко интригой, насиліемъ, изгнаніями, казнями. Общество, я разумѣю хорошее общество, французское, навсегда будетъ уничтожено, и тогда?

Онъ пожалъ плечами и развелъ руками.

— Императоръ Александръ, сказала Анна Павловна съ грустью, сопутствовавшей всегда ея рѣчамъ объ императорской фамиліи,—объявилъ, что онъ предоставитъ самимъ

---

[1] Надѣюсь, что это была, наконецъ, та капля, которая переполнитъ стаканъ. Государи не могутъ долѣе терпѣть этого человѣка, который угрожаетъ всему.

[2] Государи! Я не говорю о Россіи. Государи! Но что они сдѣлали для Лудовика XV, для королевы, для Елизаветы? Ничего. И повѣрьте мнѣ, они несутъ наказаніе за свою измѣну дѣлу Бурбоновъ. Государи? Они шлютъ пословъ привѣтствовать похитителя престола.

Французамъ выбрать образъ правленія. И я думаю нѣтъ сомнѣнія, что вся нація, освободившись отъ узурпатора, бросится въ руки законнаго короля, сказала Анна Павловна, стараясь быть любезнѣе съ эмигрантомъ и роялистомъ.

— Oh! madame, si ce moment heureux pouvait arriver! [1] сказалъ виконтъ, съ благодарностію за вниманіе наклоняя голову.

— А вы какъ думаете, M. Pierre? ласково спросила Анна Павловна у толстаго молодаго человѣка, котораго неловкое молчаніе тяготило ее какъ любезную хозяйку.—Какъ вы думаете? Вы недавно изъ Парижа.

Анна Павловна, ожидая отвѣта, улыбнулась виконту и другимъ, какъ будто говоря: я и съ нимъ должна быть любезна; видите я обращаюсь и къ нему, хотя и знаю, что онъ ничего не можетъ сказать.

VII.

— Вся нація умретъ за своего императора, за величайшаго человѣка въ мірѣ! вдругъ, безо всякихъ приготовленій, громко и запальчиво заговорилъ молодой человѣкъ, похожій на мужицкаго парня, съ такимъ видомъ какъ будто онъ боялся, что его перебьютъ и что онъ не найдетъ послѣ случая высказаться вполнѣ. Онъ оглянулся на князя Андрея. Князь Андрей улыбнулся.—Le plus grand génie de notre siècle продолжалъ Пьеръ.

— Какъ? C'est votre opinion? Вы шутите! вскрикнула Анна Павловна съ испугомъ, происходившимъ не столько отъ словъ произнесенныхъ молодымъ человѣкомъ, сколько отъ того одушевленія, не гостиннаго и совершенно неприличнаго, которое выражалось въ крупныхъ и мясистыхъ чертахъ молодаго человѣка и преимущественно въ звукѣ его голоса, который былъ слишкомъ громокъ и ллавное естественъ. Онъ не дѣлалъ жестовъ, говорилъ прерывисто, изрѣдка поправляя очки и оглядываясь; но по всей фигурѣ видно было, что теперь его никто не остановитъ, и что онъ выскажетъ всю свою мысль, не думая о приличіяхъ. Молодой человѣкъ былъ похожъ на дикую, невыѣзжанную лошадь, которая до тѣхъ поръ пока она не въ сѣдлѣ и не въ хомутѣ, смирна, даже робка и ничѣмъ не отличается отъ другихъ лошадей, но которая, какъ

[1] О, еслибы эта счастливая минута могла придти!

только на нее надѣта сбруя, вдругъ начинаетъ безъ всякой понятной причины подгибать голову, взвиваться, и самымъ смѣшнымъ образомъ козелкать, чему и сама не рада. Молодой человѣкъ видимо почуялъ сбрую, и началъ свои смѣшные козлы.

— О Бурбонахъ никто и не думаетъ теперь во Франціи, продолжалъ онъ, торопясь чтобъ его не перебили и постоянно оглядываясь на князя Андрея, какъ будто въ немъ одномъ онъ ждалъ поддержки. — Не забудьте, что я только три мѣсяца какъ пріѣхалъ изъ Парижа.

Онъ говорилъ на отличномъ французскомъ языкѣ.

— Monsieur le vicomte совершенно справедливо полагаетъ, что будетъ поздно для Бурбоновъ черезъ годъ. И теперь ужъ поздно. Роялистовъ нѣтъ больше. Одни бросили свое отечество, другіе сдѣлались бонапартистами. Весь faubourg St. Germain преклоняется передъ императоромъ.

— Il faut faire des restrictions,[1] сказалъ виконтъ снисходительно.

Свѣтская, привычная Анна Павловна безпокойно смотрѣла то на виконта, то на неприличнаго молодаго человѣка, и не могла себѣ простить того, что неосторожно пригласила этого юношу, не узнавши его прежде.

Неприличный юноша былъ незаконный сынъ знаменитаго богача и вельможи. Анна Павловна пригласила его изъ уваженія къ отцу, и принимая въ соображеніе то, что этотъ M. Pierre только-что пріѣхалъ изъ-за границы, гдѣ онъ воспитывался.

„Еслибъ я знала, что онъ такой mal-élevé и бонапартистъ, думала она, глядя на его большую, стриженую голову и мясистыя крупныя черты. „Voilà l'éducation qu'on donne aux jeunes gens d' à présent," думала она. „Comme on voit l'homme de la bonne compagnie,[2] говорила она про себя, любуясь спокойствіемъ виконта.

— Почти все дворянство, продолжалъ Пьеръ, — перешло къ Бонапарту.

— Это, говорятъ бонапартисты, сказалъ виконтъ.—Теперь трудно узнать общественное мнѣніе Франціи.

— Bonaparte l'a dit, сказалъ князь Андрей и невольно всѣ

---

[1] Есть исключенія.

[2] Вотъ воспитаніе какое даютъ теперь молодымъ людямъ..... Какъ виденъ человѣкъ хорошаго вкуса.

обратились на его тихій, лѣнивый, но слышный всегда по своей самоувѣренности, голосъ, ожидая услышать, что̀ же сказалъ Бонапарте.

— „Je leur ai montré le chemin de la gloire, продолжалъ князь Андрей послѣ недолгаго молчанія, опять повторяя слова Наполеона: — ils n'en ont pas voulu, je leur ai ouvert mes antichambres, ils se sont precipités en foule.....“ Je ne sais pas a quel point il a eu le droit de le dire, mais c'est méchant, c'est très méchant...[1] заключилъ онъ съ кислою улыбкой и отвернулся.

— Онъ имѣлъ право это сказать противъ роялистской аристократіи; ея теперь нѣтъ во Франціи, подхватилъ monsieur Pierre, — а если есть, то она не имѣетъ вѣса. А народъ? Народъ обожаетъ великаго человѣка, и народъ избралъ его. Народъ не имѣетъ предубѣжденій; онъ видѣлъ генія и героя величайшаго въ мірѣ.

— Si même ça a été un héros pour certaines gens, сказалъ виконтъ, не отвѣчая молодому человѣку, и даже не глядя на него, но обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ и князю Андрею: — depuis l'assassinat du duc il y a un martyr de plus dans le ciel, un héros de moins sur la terre.“ [2]

Не успѣли еще Анна Павловна и другіе улыбкой оцѣнить этихъ словъ виконта, какъ невыѣзжанная лошадь уже продолжала свои забавные и непривычные козелки.

— Казнь герцога Энгіенскаго, продолжалъ Пьеръ, — была государственная необходимость, и я именно вижу величіе души въ томъ, что Наполеонъ не побоялся принять на себя одного отвѣтственность въ этомъ поступкѣ.

— Vous approuvez le meurtre? страшнымъ шопотомъ проговорила Анна Павловна.

— Comment, M. Pierre, vous trouvez que l'assassinat est grandeur d'âme? [3] сказала маленькая княгиня, улыбаясь и придвигая къ себѣ работу.

---

[1] „Я показалъ имъ путь славы: они не хотѣли; я открылъ имъ мои переднія, они бросились толпой“.... Не знаю до какой степени имѣлъ онъ право такъ говорить; но это зло, очень зло.

[2] Если онъ для нѣкоторыхъ и былъ героемъ, то послѣ убійства герцога, однимъ мученикомъ стало больше на небѣ, однимъ героемъ меньше на землѣ.

[3] Вы одобряете убійство?.... Какъ, мсье Пьеръ, вы видите въ убійствѣ величіе души?

— Ah! Oh! сказали разные голоса.

— Capital! [1] вдругъ по-англійски сказалъ князь Ипполитъ, и принялся бить себя ладонью по колѣнкѣ. Виконтъ только пожалъ плечами.

— Хорошій или дурной поступокъ убійство герцога? сказалъ онъ, удивляя всѣхъ своимъ высокаго тона хладнокровіемъ:—одно изъ двухъ....

Пьеръ чувствовалъ, что дилемма эта была предложена ему такъ, что отвѣть онъ отрицательно, его заставятъ отречься отъ его восхищенія къ герою, отвѣть онъ положительно что поступокъ хорошъ, Богъ знаетъ что̀ съ нимъ случится. Онъ отвѣчалъ положительно, не боясь того что̀ случится.

— Поступокъ этотъ великъ, какъ и все что̀ дѣлаетъ этотъ великій человѣкъ, сказалъ онъ отчаянно, и не обращая вниманія на ужасъ, выразившійся на всѣхъ лицахъ, кромѣ лица князя Андрея, и на презрительныя пожатія плечъ, онъ продолжалъ говорить одинъ противъ очевиднаго нежеланія хозяйки. Всѣ, кромѣ князя Андрея, слушали его, удивленно переглядываясь. Князь же Андрей слушалъ съ участіемъ и тихою улыбкой.

— Развѣ онъ не зналъ, продолжалъ Пьеръ,—всей бури, которая поднимется противъ него за смерть герцога? Онъ зналъ, что ему придется за эту одну голову опять воевать со всею Европой, и онъ будетъ воевать, и опять будетъ побѣдителемъ, потому что....

— Вы Русскій? спросила Анна Павловна.

— Русскій. Но побѣдитъ, потому что онъ великій человѣкъ. Смерть герцога была необходима. Онъ геній, а геній тѣмъ и отличается отъ простыхъ людей, что дѣйствуетъ не для себя, но для человѣчества. Роялисты хотѣли опять зажечь внутреннюю войну и революцію, которую онъ подавилъ. Ему нужно было внутреннее спокойствіе, и онъ казнію герцога показалъ такой примѣръ, что Бурбоны перестали интриговать.

— Mais mon cher M. Pierre, сказала Анна Павловна, пытаясь взять кротостью,—какъ вы называете интригами средства къ возвращенію законнаго престола?

— Законна только народная воля, отвѣчалъ онъ,—а она изгнала Бурбоновъ и передала власть великому Наполеону.

И онъ торжественно посмотрѣлъ сверхъ очковъ на слушателей.

[1] Превосходно!

— Ah! *Contrat social!* тихо сказалъ виконтъ, видимо успокоиваясь и узнавъ источникъ, изъ котораго черпались доводы противника.

— А послѣ этого?!... воскликнула Анна Павловна.

Но и послѣ этого Пьеръ также неучтиво продолжалъ свою рѣчь.

— Нѣтъ, говорилъ онъ все болѣе и болѣе одушевляясь:— Бурбоны и роялисты бѣжали отъ революціи, они не могли понять ее. А этотъ человѣкъ сталъ выше ея, подавилъ ея злоупотребленія, удержавъ все хорошее—и равенство гражданъ, и свободу слова и печати, и только потому пріобрѣлъ власть.

— Да, ежели бы онъ, взявъ власть, отдалъ ее законному королю, сказалъ виконтъ иронически: — тогда бы я назвалъ его великимъ человѣкомъ.

— Онъ бы не могъ этого сдѣлать. Народъ отдалъ ему власть только затѣмъ, чтобъ онъ избавилъ его отъ Бурбоновъ, и потому что народъ видѣлъ въ немъ великаго человѣка. Революція сама была великое дѣло, продолжалъ мсье Пьеръ, выказывая этимъ отчаяннымъ и вызывающимъ вводнымъ предложеніемъ свою великую молодость и желаніе все поскорѣе высказать.

— Революція и цареубійство великое дѣло?!... Послѣ этого....

— Я не говорю про цареубійство. Когда явился Наполеонъ, революція уже сдѣлала свое время, и нація сама отдалась ему въ руки. Но онъ понялъ идеи революціи и сдѣлался ихъ представителемъ.

— Да, идеи грабежа, убійства и цареубійства, опять перебилъ иронической голосъ.

— Это были крайности, разумѣется, но не въ нихъ все значеніе, а значеніе въ правахъ человѣка, въ эманципаціи отъ предразсудковъ, въ равенствѣ гражданъ; и всѣ эти идеи Наполеонъ удержалъ во всей ихъ силѣ.

— Свобода и равенство, презрительно сказалъ виконтъ, какъ будто рѣшившійся наконецъ серіозно доказать этому юношѣ всю глупость его рѣчей:—все громкія слова, которыя уже давно компрометтировались. Кто же не любитъ свободы и равенства? Еще Спаситель нашъ проповѣдовалъ свободу и равенство. Развѣ послѣ революціи люди стали счастливѣе? Напротивъ. Мы хотѣли свободы, а Буонапарте уничтожаетъ ее.

Князь Андрей съ веселою улыбкой посматривалъ то на мсье

Пьера, то на виконта, то на хозяйку, и видимо утѣшался этимъ неожиданнымъ и неприличнымъ эпизодомъ. Въ первую минуту выходки Пьера, Анна Павловна ужаснулась несмотря на свою привычку къ свѣту, но когда она увидала, что несмотря на произнесенныя Пьеромъ святотатственныя рѣчи, виконтъ не выходилъ изъ себя, и когда она убѣдилась, что замять этихъ рѣчей уже нельзя, она собралась съ силами, и присоединившись къ виконту, напала на оратора.

— Mais, mon cher M. Pierre, сказала Анна Павловна, — какъ же вы объясняете великаго человѣка, который могъ казнить герцога, наконецъ просто человѣка, безъ суда и безъ вины?.

— Я бы спросилъ, сказалъ виконтъ,—какъ monsieur объясняетъ 18 брюмера. Развѣ это не обманъ? C'est un escamotage qui ne ressemble nullement à la manière d'agir d'un grand homme. [1]

— А плѣнные въ Африкѣ, которыхъ онъ убилъ, туда же сказала маленькая княгиня:—это ужасно.—И она пожала плечиками.

— C'est un rôturier, vous aurez beau dire, сказалъ князь Ипполитъ.

Мсье Пьеръ не зналъ кому отвѣчать, оглянулъ всѣхъ, улыбнулся и улыбкой открылъ неправильные черные зубы. Улыбка у него была не такая какая у другихъ людей, сливающаяся съ неулыбкой. У него, напротивъ, когда приходила улыбка, то вдругъ мгновенно исчезало серіозное и даже нѣсколько угрюмое лицо, и являлось другое, дѣтское, доброе, даже глуповатое и какъ бы просящее прощенія.

Виконту, который видѣлъ его въ первый разъ, стало ясно, что этотъ якобинецъ совсѣмъ не такъ страшенъ какъ его слова. Всѣ замолчали.

— Какъ вы хотите, чтобъ онъ всѣмъ отвѣчалъ вдругъ? отозвался голосъ князя Андрея.—Притомъ надо въ поступкахъ государственнаго человѣка различать поступки частнаго лица и полководца или императора. Мнѣ такъ кажется

— Да, да, разумѣется, подхватилъ Пьеръ обрадованный выступавшею ему подмогой. — Какъ человѣкъ, онъ великъ

---

[1] Это шулерство вовсе не похожее на образъ дѣйствій великаго человѣка.

на Аркольскомъ мосту, въ госпиталѣ въ Яффѣ, гдѣ онъ чумнымъ подаетъ руку, но....

Князь Андрей, видимо желавшій смягчить неловкость рѣчи Пьера, приподнялся сбираясь ѣхать и подавая знакъ женѣ.

— Трудно судить, сказалъ онъ,—современныхъ людей; потомки наши оцѣнятъ.

Вдругъ князь Ипполитъ поднялся, и знаками рукъ останавливая всѣхъ и прося присѣсть, заговорилъ:

— Ah! aujourd'hui on m'a raconté une anecdote moscovite, charmante; il faut que je vous en régale. Vous m'excusez, vicomte, il faut que je raconte en russe. Autrement on ne sentira pas le sel de l'histoire. [1] И князь Ипполитъ началъ говорить по-русски такимъ выговоромъ, какимъ говорятъ Французы пробывшіе съ годъ въ Россіи. Всѣ пріостановились: такъ оживленно, настоятельно требовалъ князь Ипполитъ вниманія къ своей исторіи.

— Въ Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупа. Ей нужно было имѣть два valets de pied за карета. И очень большой ростомъ. Это было ея вкусу. И она имѣла une femme de chambre, еще большой росту. Она сказала....

Тутъ князь Ипполитъ задумался, видимо съ трудомъ соображая.

— Она сказала.... да, она сказала: „дѣвушка (à la femme de chambre), надѣнь livrée и поѣдемъ за мной, за карета, faire des visites.“

Тутъ князь Ипполитъ фыркнулъ и захохоталъ гораздо прежде своихъ слушателей, что̀ произвело невыгодное для разкащика впечатлѣніе. Однако многіе, и въ томъ числѣ пожилая дама и Анна Павловна, улыбнулись.

— Она поѣхала. Незапно сдѣлалась сильный вѣтеръ. Дѣвушка потеряла шляпа, и длинны волоса расчесались....

Тутъ онъ не могъ уже болѣе держаться, и сталъ отрывисто смѣяться и сквозь этотъ смѣхъ проговорилъ:

— И весь свѣтъ узналъ....

Тѣмъ анекдотъ и кончился. Хотя и непонятно было для чего онъ его разказываетъ, и для чего его надо было разказать

---

[1] Сегодня мнѣ разказали прелестный московскій анекдотъ; надо васъ имъ поподчивать. Извините, виконтъ, я буду разказывать по-русски; иначе пропадетъ вся соль анекдота.

непремѣнно по-русски, однако Анна Павловна и другіе оцѣнили свѣтскую любезность князя Ипполита, такъ пріятно закончившаго непріятную и нелюбезную выходку мсье Пьера. Разговоръ послѣ анекдота разсыпался на мелкіе, незначительные толки о будущемъ и прошедшемъ балѣ, спектаклѣ, о томъ когда и гдѣ кто увидится.

IX.

Поблагодаривъ Анну Павловну за ея charmante soirée, гости стали расходиться.

Пьеръ былъ неуклюжъ. Толстый, широкій съ огромными руками, которыя, казалось, были сотворены для того чтобы ворочать пудовиками, онъ, какъ говорится, не умѣлъ войдти въ салонъ и еще менѣе умѣлъ изъ него выйдти, то-есть передъ выходомъ поклониться, сказать что-нибудь особенно пріятное. Кромѣ того, онъ былъ разсѣянъ. Вставая, онъ вмѣсто своей шляпы захватилъ трехъугольную шляпу съ генеральскимъ плюмажемъ и держалъ ее, дергая султанъ, до тѣхъ поръ пока генералъ, какъ показалось Пьеру, озлобленно не попросилъ возвратить ее. Но вся его разсѣянность и неумѣнье войдти въ салонъ и говорить въ немъ выкупались такимъ выраженіемъ благодушія и простоты, что несмотря на всѣ его недостатки онъ невольно былъ симпатиченъ даже тѣмъ, кого приводилъ въ неловкое положеніе. Анна Павловна повернулась къ нему, и съ христіанскою кротостью, выражая прощеніе за его выходку, кивнула ему и сказала:

— Надѣюсь увидѣть васъ еще, но надѣюсь тоже, что вы перемѣните свои мнѣнія, мой милый M. Pierre.

Когда она сказала ему это, онъ ничего не отвѣтилъ, только наклонился и показалъ всѣмъ еще разъ свою улыбку, которая ничего не говорила, развѣ только вотъ что̀: „мнѣнія мнѣніями, а вы видите какой я добрый и славный малый.“ И всѣ, и Анна Павловна невольно почувствовали это.

— Savez-vous, mon cher, vous avez des raisonements qui cassent les vitres, сказалъ князь Андрей, пристегивая саблю.

— Не могу, сказалъ Пьеръ, опустивъ голову, и глядя черезъ очки и останавливаясь. — Какъ же не видѣть ни въ революціи, ни въ Наполеонѣ, ничего кромѣ личныхъ ин-

тересовъ Бурбоновъ. Мы сами не чувствуемъ, какъ много мы обязаны именно революціи....

Князь Андрей не сталъ слушать продолженія этой рѣчи. Онъ вышелъ въ переднюю, и подставивъ плечи лакею, накидывавшему ему плащъ, равнодушно прислушивался къ болтовнѣ своей жены съ княземъ Ипполитомъ, вышедшимъ тоже въ переднюю. Князь Ипполитъ стоялъ возлѣ хорошенькой беременной княгини, и упорно смотрѣлъ прямо на нее въ лорнетъ.

— Идите, Annette, вы простудитесь, говорила маленькая княгиня, прощаясь съ Анной Павловной.—C'est arrêté, прибавила она тихо.

Анна Павловна уже успѣла переговорить съ Лизой о предполагаемомъ бракѣ Анатоля съ ея belle soeur и просила княгиню дѣйствовать на мужа.

— Я надѣюсь на васъ, милый другъ, сказала Анна Павловна тоже тихо,—вы напишете къ ней, и скажете мнѣ, comment le père envisagera la chose. Au revoir,—и она ушла изъ передней.

Князь Ипполитъ подошелъ вплоть къ маленькой княгинѣ, и близко наклоняя къ ней свое лицо, сталъ полушепотомъ что-то говорить ей.

Два лакея, одинъ княгининъ, другой его, дожидаясь когда они кончатъ говорить, стояли съ шалью и рединготомъ, и слушали ихъ, непонятный имъ, французскій говоръ, съ такими лицами, какъ будто они понимали что̀ говорится, но не хотѣли показывать этого. Княгиня, какъ всегда, говорила улыбаясь и слушала смѣясь.

— Я очень радъ, что не поѣхалъ къ посланнику, говорилъ князь Ипполитъ:—скука.... Прекрасный вечеръ, не правда ли, прекрасный?

— Говорятъ, что балъ будетъ очень хорошъ, отвѣчала княгиня, вздергивая съ усиками губку.—Всѣ красивыя женщины общества будутъ тамъ.

— Не всѣ, потому что васъ тамъ не будетъ; не всѣ, сказалъ князь Ипполитъ, радостно смѣясь и схвативъ шаль у лакея, даже толкнулъ его и сталъ надѣвать ее на княгиню. Отъ неловкости или умышленно, никто бы не могъ разобрать этого, онъ долго не опускалъ рукъ когда шаль уже была надѣта, и какъ будто обнималъ молодую женщину.

Она граціозно, но все улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа. У князя Андрея глаза были закрыты; такъ онъ казался усталымъ и соннымъ.

— Вы готовы? спросилъ онъ жену, обводя ее взглядомъ.

Князь Ипполитъ торопливо надѣлъ свой редингогъ, который у него, по новому, былъ длиннѣе пятокъ, и путаясь въ немъ, побѣжалъ на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживалъ въ карету.

— Princesse, à revoir, кричалъ онъ, путаясь языкомъ, также какъ и ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась въ темнотѣ кареты; мужъ ея оправлялъ саблю; князь Ипполитъ, подъ предлогомъ подслуживанія, мѣшалъ всѣмъ.

— Па-звольте, сударь, обратился князь Андрей, по-русски, къ князю Ипполиту, мѣшавшему ему пройдти.

Это „па-звольте, сударь", прозвучало такимъ холоднымъ презрѣніемъ, что князь Ипполитъ чрезвычайно торопливо посторонился, сталъ извиняться и нервически перекачиваться съ ноги на ногу, какъ будто отъ свѣжей, не остывшей, жгучей боли.

— Я тебя жду, Pierre, послышался голосъ князя Андрея.

Форейторъ тронулся, и карета загремѣла колесами. Князь Ипполитъ смѣялся отрывисто, стоя на крыльцѣ и дожидаясь виконта, котораго онъ обѣщалъ довезти до дому.

— Eh bien, mon cher, votre petite princesse est très bien, très bien, сказалъ виконтъ, усѣвшись въ карету съ Ипполитомъ. — Mais très bien. [1] — Онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.—Et tout-à-fait française.

Ипполитъ, фыркнувъ, засмѣялся.

— Et savez-vous que vous êtes terrible avec votre petit air innocent, продолжалъ виконтъ. — Je plains le pauvre mari, le pauvre petit officier, qui se donne des airs de prince régnant. [2]

Ипполитъ фыркнулъ еще, и сквозь смѣхъ проговорилъ:

— Et vous disiez que les dames russes ne valaient pas les dames françaises. Il faut savoir s'y prendre. [3]

---

[1] Ну, мой дорогой, ваша маленькая княгиня очень мила! Очень мила.

[2] А знаете ли, вы ужасны съ вашимъ невиннымъ видомъ. Я жалѣю бѣднаго мужа, этого офицерика, который корчитъ изъ себя владѣтельную особу.

[3] А вы говорили, что русскія дамы хуже французскихъ. Надо умѣть взяться.

X.

Пьеръ, пріѣхавъ впередъ, какъ домашній человѣкъ, прошелъ въ кабинетъ князя Андрея, и тотчасъ же, по привычкѣ, легъ на диванъ, взялъ первую попавшуюся съ полки книгу (это были Записки Цезаря), и принялся, облокотившись, читать ихъ изъ середины съ такимъ интересомъ, какъ будто онъ уже часа два вчитывался въ нихъ. Князь Андрей пріѣхавъ прошелъ прямо въ уборную и черезъ пять минутъ вышелъ въ кабинетъ.

— Что̀ ты сдѣлалъ съ Mlle Шереръ? Она теперь совсѣмъ заболѣетъ, сказалъ онъ по-русски, входя къ Пьеру, въ бархатной комнатной шубкѣ, и покровительственно, весело и дружески улыбаясь, и потирая маленькія бѣлыя ручки, которыя онъ, видимо, сейчасъ еще разъ вымылъ.

Пьеръ поворотился всѣмъ тѣломъ, такъ что диванъ заскрипѣлъ, обернулъ оживленное лицо къ князю Андрею, улыбнулся и махнулъ рукой.

— Опять кутилъ? спросилъ Андрей, покачивая головою.

Пьеръ виновато кивнулъ головой.

— Я только въ три проснулся. Можете себѣ представить что мы выпили въ пятеромъ одинадцать бутылокъ. (Пьеръ говорилъ *вы* князю Андрею, а тотъ говорилъ ему *ты*. Это такъ установилось между ними въ дѣтствѣ, и не перемѣнялось). — Отличные люди! Какой тамъ Англичанинъ—чудо!

— Вотъ я никогда не понималъ этого удовольствія, сказалъ князь Андрей.

— Да что̀ вы! вы совсѣмъ другой и удивительный человѣкъ во всемъ, искренно сказалъ Пьеръ

— Опять у милаго Анатоля Курагина?

— Да.

— Охота тебѣ съ этою дрянью водиться.

— Нѣтъ, право, онъ славный малый.

— Дрянь! коротко сказалъ князь Андрей и нахмурился.— И Ипполитъ очень умный мальчикъ, не правда ли? прибавилъ онъ.

Пьеръ разсмѣялся, затрясшись всѣмъ своимъ тяжелымъ

тѣломъ, такъ что опять диванъ заскрипѣлъ.—„Въ Moscou была одна барыня“, повторилъ онъ сквозь смѣхъ.

— А знаешь, онъ, право, добрый малый, заступнически сказалъ князь.—Ну чтожь ты рѣшился, наконецъ, на что-нибудь? Кавалергардъ ты будешь, или дипломатъ?

Пьеръ сѣлъ на диванъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Можете себѣ представить, я все еще не знаю. Ни то, ни другое мнѣ не нравится.

— Но вѣдь надо на что-нибудь рѣшиться? Отецъ твой ждетъ.

Пьеръ съ десятилѣтняго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за границу, гдѣ онъ пробылъ до двадцатилѣтняго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, отецъ отпустилъ аббата и сказалъ молодому человѣку: „Теперь ты поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись, faites des liaisons et songez à vous choisir une carrière. Я на все согласенъ. Вотъ тебѣ письмо къ князю Василью, и вотъ тебѣ деньги. Пиши обо всемъ, я тебѣ во всемъ помогу.“ Пьеръ уже три мѣсяца выбиралъ карьеру и ничего не дѣлалъ. Про этотъ выборъ и говорилъ ему князь Андрей. Пьеръ потеръ себѣ лобъ.

— Я понимаю военную службу; но вотъ что объясните мнѣ, сказалъ онъ.—Зачѣмъ вы—вы понимаете все—зачѣмъ вы идете на эту войну противъ кого же? Противъ Наполеона и Франціи. Ежели бъ это была война за свободу, я бы понялъ, я бы первый поступилъ въ военную службу; но помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ... Я не понимаю какъ вы идете?

— Voyez-vous, mon cher, началъ князь Андрей, можетъ-быть невольно желая скрыть для самого себя неясность мысли, и вдругъ начиная по-французски и перемѣняя прежній искренній тонъ на гостинный и холодный,—la question peut être envisagée sous un tout autre point de vue.

И онъ, съ такимъ видомъ какъ будто все то, про что они говорили, было дѣломъ его собственнымъ или близкихъ ему людей, изложилъ Пьеру ходившее тогда въ высшихъ кружкахъ петербургскаго общества воззрѣніе на политическое назначеніе Россіи въ Европѣ въ то время.

Европа со времени революціи страдаетъ отъ войнъ. Причина войнъ, кромѣ честолюбія Наполеона, заключалась въ неправильности европейскаго равновѣсія. Нужно было, чтобъ одна великая держава искренно и безпристраст-

но взялась за дѣло, и составивъ союзъ, обозначила бы новыя границы государствамъ, и установила бы новое европейское равновѣсіе и новое народное право, въ силу котораго война оказывалась бы невозможною и всѣ недоразумѣнія между государствами рѣшались бы посредничествомъ. Эту безкорыстную роль брала на себя Россія въ предстоявшей войнѣ. Россія будетъ стремиться только къ тому, чтобы возвратить Францію въ границы 1796 года, предоставляя самимъ Французамъ выборъ образа правленія, также къ возобновленію независимости Италіи, Цизальпинскаго Королевства, новаго государства двухъ Бельгій, новаго Германскаго Союза, и даже къ возстановленію Польши.

Пьеръ внимательно слушалъ, нѣсколько разъ порываясь вступить въ споръ, но удерживаясь изъ уваженія къ своему другу.

— Видишь ли ты, что мы на этотъ разъ не такъ глупы, какъ это кажется? заключилъ князь Андрей.

— Да; да, но почему жь этотъ планъ не предложатъ самому Наполеону? прервалъ Пьеръ.—Онъ первый принялъ бы его, ежели этотъ планъ чистосердеченъ; онъ пойметъ и полюбитъ всякую великую мысль.

Князь Андрей помолчалъ и потеръ своею маленькою ручкой лобъ.

— Кромѣ того, я иду.... — Онъ остановился. — Я иду потому, что та жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь—не по мнѣ!

— Отчего? удивленно спросилъ Пьеръ.

— Оттого, моя душа, вставая и улыбаясь сказалъ князь Андрей,—что виконту и Ипполиту таскаться по гостинымъ и перебирать вздоръ, и разказывать сказочки про Mlle Жоржъ и про „дѣвушка“ это прилично, а мнѣ роль эта не годится. J'en ai assez, прибавилъ онъ.

Пьеръ взглядомъ выразилъ свое согласіе.

— Но вотъ еще что. Что̀ такое Кутузовъ? И что̀ такое быть адъютантомъ? спросилъ Пьеръ съ тою рѣдкою наивностью, которая бываетъ у молодыхъ людей, не боящихся обличить вопросомъ свое незнаніе.

— Это ты только можешь не знать, улыбаясь и качая головою, отвѣчалъ князь Андрей.—Кутузовъ—правая рука Суворова, лучшій русскій генералъ.

— Но вѣдь какъ же быть адъютантомъ? Васъ, стало-быть, и посылать могутъ?

— Разумѣется, вліяніе адъютанта—самое незначительное, отвѣчалъ князь Андрей, — но надобно начинать. Притомъ отецъ мой хотѣлъ этого. Я буду просить Кутузова дать мнѣ отрядъ. А тамъ увидимъ....

— Странно будетъ, должно-быть, вамъ сражаться съ Наполеономъ, сказалъ Пьеръ, какъ будто предполагая, что князю Андрею, какъ только онъ пріѣдетъ на войну, придется вступить если не въ единоборство, то въ самое близкое состязаніе съ Наполеономъ.

Князь Андрей задумчиво улыбался своимъ мыслямъ, повертывая граціознымъ, женственнымъ жестомъ обручальное кольцо на безыменномъ пальцѣ.

XI.

Въ сосѣдней комнатѣ зашумѣло женское платье. Какъ будто очнувшись, князь Андрей встряхнулся, и лицо его приняло то же выраженіе, какое оно имѣло въ гостиной Анны Павловны. Пьеръ спустилъ ноги съ дивана. Вошла княгиня. Она была уже въ другомъ, домашнемъ, но столь же элегантномъ и свѣжемъ платьѣ. Князь Андрей всталъ, учтиво подвигая ей кресло, но въ лицѣ его, въ то время какъ онъ это дѣлалъ, выражалась такая скука, что княгиня должна была бы оскорбиться, еслибы въ состояніи была наблюдать.

— Отчего, я часто думаю, заговорила она, какъ всегда, по-французски, поспѣшно и хлопотливо усаживаясь въ кресло, — отчего Анетъ не вышла замужъ? Какъ вы всѣ глупы, messieurs, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете въ женщинахъ толку.

Пьеръ съ княземъ Андреемъ невольно переглянулись и молчали. Но ни взглядъ, ни молчаніе ихъ нисколько не стѣснили княгиню. Она продолжала все такъ же болтать.

— Какой вы спорщикъ, мсье Пьеръ обратилась она къ молодому человѣку. — Какой вы спорщикъ, мосье Пьеръ! повторила она, усаживаясь поспѣшно и хлопотливо, какъ всегда, на большомъ креслѣ у камина.

Сложивъ надъ возвышеніемъ таліи свои маленькія ручки, она замолкла, видимо собираясь слушать. Ея лицо приняло то особенное серіозное выраженіе, при которомъ

глаза какъ будто смотрятъ внутрь себя—выраженіе, бывающее только у беременныхъ женщинъ.

— Я и съ мужемъ вашимъ все спорю; не понимаю зачѣмъ онъ хочетъ идти на войну, сказалъ Пьеръ, безъ всякаго мустѣсненія, столь обыкновеннаго въ отношеніяхъ молодаго мущины къ молодой женщинѣ, обращаясь къ княгинѣ.

Княгиня встрепенулась. Видимо, слова Пьера затронули ее за живое.

— Ахъ, вотъ я то же говорю! сказала она съ своею свѣтскою улыбкой.—Я не понимаю, рѣшительно не понимаю, отчего мущины не могутъ жить безъ войны? Отчего мы, женщины, ничего не хотимъ, ничего намъ не нужно? Ну вотъ вы будьте судьей. Я ему все говорю: здѣсь онъ адъютантъ у дяди, самое блестящее положеніе. Всѣ его такъ знаютъ, такъ цѣнятъ. На дняхъ, у Апраксиныхъ, я слышала какъ одна дама спрашиваетъ: „ça le fameux prince André?" Ma parole d'honneur!

Она засмѣялась.

— Онъ такъ вездѣ принятъ. Онъ очень легко можетъ быть и флигель-адъютантомъ. Вы знаете, государь третьяго дня очень милостиво говорилъ съ нимъ. Мы съ Анетъ говорили: это очень легко было бы устроить. Какъ вы думаете?

Пьеръ посмотрѣлъ на князя Андрея, и замѣтивъ что разговоръ этотъ не нравился его пріятелю, ничего не отвѣчалъ.

— Когда вы ѣдете? спросилъ онъ.

— Ah! ne me parlez pas de ce départ, ne m'en parlez pas. Je ne veux par en entendre parler,[1] заговорила княгиня такимъ капризно-игривымъ тономъ, какимъ она говорила съ Ипполитомъ въ гостиной, и который, такъ очевидно не шелъ къ семейному кружку, гдѣ Пьеръ былъ какъ бы членомъ.

— Сегодня, когда я подумала, что надо перервать всѣ эти дорогія отношенія... И потомъ, ты знаешь, André?

Она значительно мигнула мужу.

— J'ai peur, j'ai peur! прошептала она, содрагаясь спиною.

Мужъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ удивленъ, замѣтивъ что кто-то еще, кромѣ его и Пьера, находился въ комнатѣ; однако съ холодною учтивостью вопросительно обратился къ княгинѣ.

---

[1] Ахъ, не говорите мнѣ про этотъ отъѣздъ! Я не хочу про это слышать.

— Чего ты боишься, Лиза? Я не могу понять, сказалъ онъ.

— Вотъ какъ всѣ мущины эгоисты, всѣ, всѣ эгоисты! Самъ изъ-за своихъ прихотей, Богъ знаетъ зачѣмъ, бросаетъ меня, запираетъ въ деревню одну.

— Съ отцомъ и сестрой, не забудь, тихо сказалъ князь Андрей.

— Все равно одна, безъ *моихъ* друзей... И хочетъ, чтобъ я не боялась.

Тонъ ея уже былъ ворчливый, губка поднималась, придавая лицу не радостное, а звѣрское, бѣличье выраженіе. Она замолчала, какъ будто находя неприличнымъ говорить при Пьерѣ про свои будущіе роды, тогда какъ въ этомъ и состояла сущность дѣла.

— Все-таки я не понялъ, de quoi vous aurez peur, медлительно проговорилъ князь Андрей, не спуская глазъ съ жены.

Княгиня покраснѣла и отчаянно взмахнула руками.

— Non, André, je dis que vous avez tellement, tellement changé...

— Твой докторъ велитъ тебѣ раньше ложиться, сказалъ князь Андрей.—Ты бы шла спать.

Княгиня ничего не сказала, и вдругъ короткая съ усиками губка задрожала; князь Андрей всталъ, и пожавъ плечами, прошелся по комнатѣ,

Пьеръ удивленно и наивно смотрѣлъ черезъ очки то на того, то на другаго, и зашевелился, какъ будто онъ то хотѣлъ встать, то опять раздумывалъ.

— Что мнѣ за дѣло что тутъ мсье Пьеръ, вдругъ сказала маленькая княгиня, и хорошенькое лицо ея вдругъ распустилось въ слезливую, некрасивую гримасу. — Я тебѣ давно хотѣла сказать, André: за что ты ко мнѣ такъ перемѣнился? Что̀ я тебѣ сдѣлала? Ты ѣдешь въ армію, ты меня не жалѣешь. За что̀?

— Lise! только сказалъ князь Андрей, но въ этомъ словѣ были и просьба, и угроза, и, главное, увѣреніе въ томъ, что она сама раскается въ своихъ словахъ; но она торопливо продолжала:

— Ты обращаешься со мной какъ съ больною или съ ребенкомъ. Я все вижу. Развѣ ты такой былъ полгода назадъ?

— Lise, я прошу васъ перестать, сказалъ князь Андрей еще выразительнѣе.

Пьеръ, все болѣе и болѣе приходившій въ волненіе во вре-

мя этого разговора, всталъ и подошелъ къ княгинѣ. Онъ, казалось, не могъ переносить вида слезъ, и самъ готовъ былъ заплакать.

— Успокойтесь, княгиня. Вамъ это такъ кажется, потому что, я васъ увѣряю, я самъ испыталъ... отчего... потому что... Нѣтъ, извините, чужой тутъ лишній.... Нѣтъ, успокойтесь.... Прощайте... извините меня...

И онъ раскланиваясь собирался уходить. Князь Андрей остановилъ его за руку.

— Нѣтъ, постой Пьеръ. Княгиня такъ добра, что не захочетъ лишить меня удовольствія провести съ тобою вечеръ.

— Нѣтъ, онъ только о себѣ думаетъ, проговорила княгиня, не удерживая сердитыхъ слезъ.

— Lise, сказалъ сухо князь Андрей, поднимая тонъ на ту степень, которая показываетъ, что терпѣніе истощено.

Вдругъ сердитое бѣличье выраженіе красиваго личика княгини замѣнилось привлекательнымъ и возбуждающимъ сострадание выраженіемъ страха; она изъ подлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и на лицѣ ея показалось то робкое и признающееся выраженіе, какое бываетъ у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущеннымъ хвостомъ.

— Mon Dieu, mon Dieu! проговорила княгиня, и подобравъ одною рукой складку платья, подошла къ мужу и поцѣловала его въ коричневатый лобъ.

— Bon soir, Lise, сказалъ князь Андрей, вставая и учтиво, какъ у посторонней, цѣлуя руку.

XII.

Друзья молчали. Ни тотъ, ни другой не начиналъ говорить. Пьеръ поглядывалъ на князя Андрея, князь Андрей потиралъ себѣ лобъ своею маленькою ручкой.

— Пойдемъ ужинать, сказалъ онъ со вздохомъ, вставая и направляясь къ двери.

Они вышли въ изящно, заново, богато отдѣланную столовую. Все, отъ салфетокъ до серебра, фаянса и хрусталя, носило на себѣ тотъ особенный отпечатокъ новизны и изящества, которыя бываютъ въ хозяйствѣ молодыхъ супруговъ. Въ серединѣ ужина, князь Андрей облокотился, и какъ человѣкъ давно имѣющій что-нибудь н сердцѣ и вдругъ рѣшающійся высказаться, съ выраженіемъ нервнаго раздраженія,

въ какомъ Пьеръ никогда еще не видалъ своего пріятеля, началъ говорить:

— Никогда, никогда не женись, мой другъ, вотъ тебѣ мой совѣтъ, не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все что̀ могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ея ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ никуда негоднымъ... А то пропадетъ все что̀ въ тебѣ есть хорошаго и высокаго. Все истратится по мелочамъ. Да, да, да! Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь впереди, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идіотомъ... Да что!..

Онъ энергически махнулъ рукой.

Пьеръ снялъ очки, отчего лицо его измѣнилось еще болѣе, выказывая доброту, и удивленно глядѣлъ на друга.

— Моя жена, продолжалъ князь Андрей,—прекрасная женщина. Эта одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которою можно быть покойнымъ за свою честь; но Боже мой, чего бы я не далъ теперь, чтобы не быть женатымъ! Это я тебѣ одному и первому говорю, потому что я люблю тебя.

Князь Андрей, говоря это, былъ еще менѣе похожъ чѣмъ прежде на того господина, который лежалъ развалившись въ креслахъ Анны Павловны, и сквозь зубы, щурясь, говорилъ французскія фразы. Его сухое, коричневатое лицо все дрожало нервическимъ оживленіемъ каждаго мускула; глаза, въ которыхъ прежде казался потушеннымъ огонь жизни, теперь блестѣли лучистымъ яркимъ блескомъ. Видно было, что чѣмъ безжизненнѣе казался онъ въ обыкновенное время, тѣмъ энергичнѣе былъ онъ въ эти минуты почти болѣзненнаго раздраженія.

— Ты не понимаешь, отчего я это говорю, продолжалъ онъ.— Вѣдь это цѣлая исторія жизни. Ты говоришь Бонапарте и его карьера, сказалъ онъ, хотя Пьеръ и не говорилъ про Бонапарте. Ты говоришь Бонапарте, но Бонапарте кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, и вышелъ въ свѣтъ когда была война и дорога къ славѣ была открыта каждому.

Пьеръ смотрѣлъ на друга, видимо впередъ готовый согласиться со всѣмъ чтò бы тотъ ни сказалъ.

— Бонапарте вышелъ и сейчасъ же нашелъ то мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять. И кто были у него друзья? Кто была Жозефина Богарне? Мои пять лѣтъ жизни по выходѣ изъ пажескаго корпуса — гостиныя, балы, любовныя связи, праздность. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю, и никуда не гожусь. Je suis très aimable et très caustique, и у Анны Павловны меня слушаютъ, а я забылъ чтò зналъ. Я теперь только началъ читать, но все это безъ связи. А безъ знанія военной исторіи, математики, фортификаціи, не можетъ быть военнаго человѣка. И это глупое общество, безъ котораго не можетъ жить моя жена, и эти женщины... javais des succès dans le monde. Les femmes les plus distinguées мнѣ бросались на шею. И ежели бы ты могъ знать, чтò это такое toutes les femmes distinguées и вообще женщины! Отецъ мой правъ. Онъ говоритъ, что природа не премудра, потому что она не могла выдумать средства къ распространенію рода человѣческаго помимо женщины. Эгоизмъ, тщеславіе, тупоуміе, ничтожество во всемъ — вотъ женщины, когда онѣ показываются всѣ такъ, какъ онѣ есть. Посмотришь на нихъ въ свѣтѣ, кажется, что что-то есть, а ничего, ничего, ничего! Да, не женись, душа моя, не женись, кончилъ князь Андрей, и такъ значительно покачалъ головой какъ будто все то, чтò онъ сказалъ, была такая истина, въ которой никто не могъ сомнѣваться.

— Мнѣ смѣшно, сказалъ Пьеръ,—что *вы себя, вы себя* считаете неспособнымъ, свою жизнь испорченною жизнью. У васъ все, все впереди. И вы...

Онъ не сказалъ *чтò вы*, но уже тонъ его показывалъ какъ высоко цѣнитъ онъ друга и какъ многаго ждетъ отъ него въ будущемъ.

Въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ и простыхъ отношеніяхъ лесть или похвала необходимы, какъ подмазка необходима для колесъ, чтобъ они ѣхали.

— Je suis un homme fini, сказалъ князь Андрей, но по высоко и гордо поднятой красивой головѣ и яркому блеску взгляда видно было, какъ мало онъ вѣрилъ въ то чтò говорилъ.—Чтò обо мнѣ говорить? давай говорить о тебѣ, сказалъ онъ, помолчавъ и улыбнувшись своимъ утѣшительнымъ

мыслямъ. Улыбка эта въ то же мгновеніе отразилась на лицѣ Пьера.

— А обо мнѣ что̀ говорить? сказалъ Пьеръ, распуская свой ротъ въ беззаботную, веселую улыбку.—Что̀ я такое? Je suis un bâtard!

И онъ вдругъ, впервые во весь вечеръ, багрово покраснѣлъ. Видно было, что онъ сдѣлалъ большое усиліе, чтобы сказать это.

— Sans nom, sans fortune.... И чтожъ, право....

Но онъ не сказалъ, *что̀ право.*

— Я свободенъ пока, и мнѣ хорошо. Я только никакъ не знаю что̀ мнѣ начать. Я хотѣлъ серіозно посовѣтоваться съ вами.

Князь Андрей добрыми глазами смотрѣлъ на него. Но во взглядѣ его, дружескомъ, ласковомъ, все-таки выражалось сознаніе своего превосходства.

— Ты мнѣ дорогъ, особенно потому что ты одинъ живой человѣкъ среди всего нашего свѣта. Тебѣ хорошо. Выбери что̀ хочешь, это все равно. Ты вездѣ будешь хорошъ, но одно: перестань ты ѣздить къ этимъ Курагинымъ, вести эту жизнь. Такъ это не идетъ тебѣ: всѣ эти кутежи, и гусарство, и все....

— Знаете что̀, сказалъ Пьеръ, какъ будто ему пришла неожиданно счастливая мысль: — серіозно я давно это думалъ. Съ этою жизнью, я ничего не могу ни рѣшить, ни обдумать. Голова болитъ, денегъ нѣтъ. Нынче онъ меня звалъ, я не поѣду.

— Дай мнѣ слово, честное слово, что ты не будешь ѣздить?

— Честное слово.

— Смотри.

— Конечно.

XIII.

Уже былъ второй часъ ночи, когда Пьеръ вышелъ отъ своего друга. Ночь была іюньская, петербургская, безсумрачная ночь. Пьеръ сѣлъ въ извощичью коляску съ намѣреніемъ ѣхать домой. Но чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ невозможность заснуть въ эту ночь, походившую болѣе на вечеръ или на утро. Далеко было видно по пустымъ улицамъ. Ему представлялось оживленное прекрасное лицо князя Андрея, ему слышались его слова — не объ отношеніяхъ его къ женѣ (это не занимало Пьера), —

но его слова о войнѣ и о той будущности, которая могла ожидать его друга. Пьеръ такъ безусловно любилъ и преклонялся передъ своимъ другомъ, что не могъ допустить, чтобы князя Андрея, какъ скоро онъ самъ того захочетъ, всѣ не признали замѣчательнымъ и великимъ человѣкомъ, которому свойственно повелѣвать, а не подчиняться. Пьеръ никакъ не могъ представить себѣ, чтобъ у кого бы то ни было, у Кутузова напримѣръ, достало духа отдавать приказанія такому человѣку, очевидно рожденному для первой роли во всемъ, какимъ представлялся ему князь Андрей. Онъ воображалъ себѣ своего друга передъ войсками, на бѣломъ конѣ, съ краткою и сильною рѣчью въ устахъ, воображалъ себѣ его храбрость, его успѣхи, геройство и все что̀ воображаетъ большинство молодыхъ людей для самихъ себя. Подъѣхавъ къ своему дому, Пьеръ вспомнилъ, что онъ обѣщался нынче отдать небольшой карточный долгъ Анатолю, у котораго нынче вечеромъ должно было собраться обычное игорное общество.

— Пошелъ къ Курагину, сказалъ онъ кучеру, только думая о томъ, гдѣ бы провести остатокъ ночи и совершенно забывъ данное князю Андрею слово не бывать у Курагина.

Подъѣхавъ къ крыльцу большаго дома у конно-гвардейскихъ казармъ, въ которомъ жилъ князь Анатоль Курагинъ, онъ вспомнилъ свое обѣщаніе; но тутъ же, какъ это бываетъ съ людьми называемыми безхарактерными, ему такъ страстно захотѣлось войдти взглянуть еще разъ на эту столь знакомую и надоѣвшую ему безпутную жизнь, и невольно пришла въ голову мысль, что данное слово ничего не значитъ, къ тому же, еще прежде чѣмъ князю Андрею, онъ подалъ также Анатолю слово привезть долгъ; наконецъ, онъ подумалъ, что всѣ эти честныя слова такія условныя вещи, не имѣющія никакого опредѣленнаго смысла, особенно ежели сообразить, что можетъ-быть завтра же или онъ умретъ, или случится съ нимъ что-нибудь такое необыкновенное, что не будетъ уже ни честнаго, ни безчестнаго.

Онъ поднялся на освѣщенное крыльцо, на лѣстницу, и вошелъ въ отворенную дверь. Въ роскошной передней никого не было; валялись пустыя бутылки, въ углу гора изогнутыхъ картъ, плащи, калоши; пахло виномъ; слышался дальній говоръ и крикъ.

Видимо, игра и ужинъ уже кончились, но гости еще не разъ-

ѣзжались. Пьеръ скинулъ плащъ, и вошелъ въ первую комнату, гдѣ по серединѣ стояла статуя скаковой лошади во весь ростъ. Изъ третьей комнаты слышалась яснѣе возня и знакомые хохотъ и крики человѣкъ шести или восьми. Онъ вошелъ въ третью комнату, въ которой стояли еще остатки ужина. Человѣкъ восемь молодыхъ людей, всѣ безъ сюртуковъ и большею частью въ военныхъ рейтузахъ, толпились около открытаго окна и всѣ вмѣстѣ по-русски и по-французски кричали непонятныя слова.

— Держу за Чаплица сто! кричалъ одинъ.

— Смотри не поддерживать! кричалъ другой.

— Я за Долохова! кричалъ третій. — Разними, Курагинъ.

— Однимъ духомъ, иначе проиграно, кричалъ четвертый.

— Яковъ, давай бутылку Яковъ! кричалъ самъ хозяинъ, высокій, статный красавецъ стоявшій посреди толпы. — Стойте, господа. Вотъ онъ, Pierre!

— А! Петръ! Петруша! Pierre le grand.

— Pierre le gros! закричали, со всѣхъ сторонъ обступая его. На всѣхъ блѣдныхъ, красныхъ и съ красными пятнами молодыхъ лицахъ выразилась радость при видѣ Пьера, который, снявъ очки и протирая ихъ, смотрѣлъ на всю эту толпу.

— Ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло? сказалъ онъ, благодушно улыбаясь.

— Стойте, онъ не пьянъ. Дай бутылку, сказалъ Анатоль, и взявъ со стола стаканъ, подошелъ къ Пьеру.

— Прежде всего пей.

Пьеръ молча сталъ пить стаканъ за стаканомъ, изъ-подлобья оглядывая пьяныхъ гостей, которые опять столпились у окна, толкуя о чемъ-то, ему непонятномъ. Онъ выпилъ одинъ стаканъ залпомъ; Анатоль съ значительнымъ видомъ налилъ ему другой. Пьеръ покорно выпилъ, хотя и медленнѣе перваго. Анатоль налилъ третій. Пьеръ выпилъ и этотъ, хотя остановился два раза, чтобы перевести духъ. Анатоль стоялъ подлѣ, серіозно глядя своими прекрасными большими глазами попеременно на стаканъ, на бутылку и на Пьера. Анатоль былъ красавецъ: высокій, полный, бѣлый, румяный; грудь у него была такъ высока, что голова откидывалась назадъ, что придавало ему гордый видъ. У него былъ прекрасный свѣжій ротъ, густые русые волосы, на выкатѣ черные глаза и общее выраженіе силы, здоровья и добродушія свѣжей молодости. Но

прекрасные глаза его съ чудесными, правильными, черными бровями какъ будто были сдѣланы не столько для того чтобы смотрѣть, сколько для того чтобы на нихъ смотрѣли. Они казались неспособными измѣнять выраженіе. Что онъ былъ пьянъ, это видно было только по его красному лицу, но еще болѣе по неестественно выпученной груди и по разинутости глазъ. Несмотря на то что онъ былъ пьянъ и что верхняя часть его могущественнаго тѣла покрывалась только рубашкой, раскрытою на груди,—по легкому запаху духовъ и мыла, который сливался вокругъ него съ запахомъ выпитаго вина, по тщательно-напомаженной утромъ прическѣ его волосъ, по изящной чистотѣ пухлыхъ рукъ и тончайшаго бѣлья, по этой бѣлизнѣ и гладкой нѣжности кожи, — и въ теперешнемъ состояніи его былъ виденъ аристократъ, въ смыслѣ вошедшаго съ дѣтства въ привычку тщательнаго и роскошнаго ухода за своею особой.

— Ну, пей же всю! А? сказалъ онъ серіозно, подавая послѣдній стаканъ Пьеру.

— Нѣтъ, не хочу, сказалъ Пьеръ, запинаясь на половинѣ стакана.—Ну въ чемъ дѣло? прибавилъ онъ, съ видомъ человѣка, исполнившаго приготовительную обязанность и теперь считающаго себя въ правѣ принять участіе въ общемъ дѣлѣ.

— Пей же всю. А?.. повторилъ Анатоль, шире разѣвая глаза, и поднялъ своею, бѣлою, голою до локтя рукой недопитый стаканъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка дѣлающаго важное дѣло, потому что всю энергію свою въ эту минуту онъ употреблялъ на то чтобы держать стаканъ прямо, и сказать именно то, что онъ хотѣлъ сказать.

— Говорю не хочу, отвѣчалъ Пьеръ, надѣвая очки и отходя прочь.

— О чемъ вы кричите? спросилъ онъ у толпы, собравшейся у окна.

Анатоль постоялъ, подумалъ, отдалъ стаканъ слугѣ, и слегка улыбнувшись своимъ красивымъ ртомъ, подошелъ тоже къ окну.

По пятницамъ Анатоль Курагинъ принималъ всѣхъ у себя; у него играли, ужинали и потомъ проводили ночь, большею частью внѣ дома. Въ этотъ день игра въ фараонъ завязалась продолжительная и большая. Анатоль проигралъ немного, и такъ какъ онъ не имѣлъ страсти къ игрѣ, а иг-

ралъ по привычкѣ, то скоро отсталъ. Одинъ богачъ, лейбъ-гусаръ, проигралъ много, а одинъ семеновскій офицеръ, Долоховъ, выигралъ у всѣхъ. Послѣ игры, сѣли очень поздно ужинать. Весьма серіозный Англичанинъ, выдававшій себя за путешественника, сказалъ, что онъ полагалъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, что Русскіе гораздо сильнѣе пьютъ чѣмъ онъ это нашелъ на дѣлѣ. Онъ говорилъ, что въ Россіи пьютъ только шампанское, а что ежели пить ромъ, то онъ предлагаетъ пари, что выпьетъ больше всѣхъ присутствовавшихъ. Долоховъ, тотъ офицеръ который больше всѣхъ выигралъ въ тотъ вечеръ, сказалъ, что просто о бутылкѣ рома не стоитъ держать пари, а что онъ вызывается выпить ее, не отводя ее ото рта и сидя на окнѣ третьяго этажа со спущенными наружу ногами. Англичанинъ предложилъ пари. Анатоль принялъ пари за Долохова, то-есть что Долховъ выпьетъ бутылку рома на окнѣ. Въ ту минуту когда вошелъ Пьеръ, лакеи выставляли раму, чтобы можно было сѣсть на наружный подоконникъ. Окно, въ третьемъ этажѣ, было достаточно высоко для того, чтобъ упавшій съ него могъ убиться до смерти. Съ разныхъ сторонъ пьяныя и дружелюбныя лица разказывали Пьеру въ чемъ было дѣло, какъ будто полагая въ томъ, что Пьеръ будетъ знать это дѣло, какую-то особенную важность. Долоховъ былъ гвардейскаго пѣхотнаго полка офицеръ, средняго роста, мускулистый, какъ бы сбитый весь, съ широкою и полною грудью, чрезвычайно курчавый и съ свѣтлыми, голубыми глазами. Ему было лѣтъ двадцать пять. Онъ не носилъ усовъ, какъ и всѣ пѣхотные офицеры, и ротъ его, самая поразительная черта его лица, былъ весь виденъ. Ротъ этотъ былъ чрезвычайно пріятенъ, несмотря на то, что почти никогда не улыбался. Линіи этого рта были замѣчательно тонко изогнуты. Въ серединѣ, верхняя губа энергически опускалась на крѣпкую нижнюю; острымъ клиномъ въ углахъ образовывалось постоянно что-то въ родѣ двухъ улыбокъ, по одной съ каждой стороны, и все вмѣстѣ, а особенно въ соединеніи съ прямымъ, нѣсколько наглымъ, но огненнымъ и умнымъ взглядомъ, составляло впечатлѣніе такое, что проходя мимо этого лица, нельзя было не замѣтить его и не спросить кто этотъ обладатель такого красиваго и страннаго лица. Женщинамъ Долоховъ

нравился, и онъ искренно былъ убѣжденъ что безупречныхъ женщинъ не бываетъ. Долоховъ былъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи, но не богатый; однако онъ жилъ роскошно и постоянно игралъ. Онъ почти всегда выигрывалъ; но никто, даже и въ отсутствіи его, не смѣлъ приписывать его постоянный успѣхъ чему-нибудь другому, кромѣ счастія, свѣтлой головы и непоколебимой силы воли. Въ душѣ, каждый игравшій съ нимъ предполагалъ въ немъ шулера, хотя и не смѣлъ сказать этого. Теперь, когда онъ затѣялъ свое странное пари, пьяное общество приняло особенно живое участіе въ его намѣреніи, именно потому что знавшіе его знали, что сказанное имъ будетъ сдѣлано. Пьеръ зналъ это также, и потому только поздоровался съ Долоховымъ и не пытался возражать противъ его намѣренія.

Остальное общество состояло изъ трехъ офицеровъ, Англичанина котораго видали въ Петербургѣ въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ, одного Москвича игрока, женатаго толстяка, который былъ гораздо старше всѣхъ, но былъ однако *на ты* со всею этою молодежью.

Бутылка рому была принесена; раму, не пускавшую сѣсть на наружный откосъ окна, выламывали два лакея въ штиблетахъ и кафтанахъ, видимо торопившіеся и робѣвшіе отъ совѣтовъ и криковъ окружавшихъ господъ.

Анатоль, съ выпученною грудью, не перемѣняя выраженія, не обходя и не прося посторониться, продавилъ своимъ сильнымъ тѣломъ толпу у окна, подошелъ къ рамѣ, и обернувъ обѣ бѣлыя руки сюртукомъ, валявшимся на диванѣ, ударилъ въ стекла и пробилъ ихъ.

— Ну вотъ, ваше сіятельство, сказалъ лакей, — только мѣшаете и ручки порѣжете.

— Пошелъ, дуракъ, а?... проговорилъ Анатоль, взялся за перекладины рамы и сталъ тянуть. Нѣсколько рукъ взялись также за дѣло; потянули, и рама съ трескомъ выскочила изъ окна, такъ что тянувшіе чуть не упали.

— Всю вонъ, а то подумаютъ что я держусь, сказалъ Долоховъ.

— Послушай, сказалъ Анатоль Пьеру.—Понимаешь?... Англичанинъ хвастаетъ... а?... національность... а?... хорошо?...

— Хорошо, сказалъ Пьеръ съ замираніемъ сердца глядя на Долохова, который, взявъ въ руки бутылку рома, под-

ходилъ къ окну, изъ котораго виднѣлся свѣтъ неба и сливавшихся на немъ утренней и вечерней зори. Долоховъ, засучивъ для чего-то рукава рубашки, съ бутылкою рома въ рукѣ, ловко вскочилъ на окно.

— Слушать! крикнулъ онъ, стоя на подоконникѣ и обращаясь въ комнату.

Всѣ замолчали.

— Я держу пари (онъ говорилъ по-французски, чтобъ его понялъ Англичанинъ, и говорилъ не слишкомъ хорошо на этомъ языкѣ),—держу пари на пятьдесятъ имперіаловъ... Хотите на сто? прибавилъ онъ, обращаясь къ Англичанину...

— Нѣтъ, пятьдесятъ, сказалъ Англичанинъ.

— Хорошо, на пятьдесятъ имперіаловъ, — что я выпью бутылку рома всю, не отнимая ото рта, выпью сидя за окномъ, вотъ на этомъ мѣстѣ (онъ нагнулся и показалъ покатый выступъ стѣны за окномъ) и не держась ни за что... Такъ?...

— Очень хорошо, сказалъ Англичанинъ.

Анатоль повернулся къ Англичанину, и взявъ его за пуговицу фрака и сверху глядя на него (Англичанинъ былъ малъ ростомъ), началъ по-англійски толковать ему то что̀ уже было всѣмъ понятно.

— Постой! закричалъ Долоховъ, стуча бутылкой по окну чтобъ обратить на себя вниманіе. — Постой Курагинъ, слушайте. Если кто сдѣлаетъ то же, то я плачу сто имперіаловъ. Понимаете?

Англичанинъ кивнулъ головой, не давая никакъ разумѣть, намѣренъ ли онъ или нѣтъ принять это новое пари. Анатоль не отпускалъ Англичанина, и несмотря на то что тотъ, кивая, давалъ знать, что онъ все понялъ, Анатоль переводилъ ему слова Долохова по-англійски. Молодой худощавый мальчикъ, лейбъ-гусаръ, проигравшійся въ этотъ вечеръ, взлѣзъ на окно, высунулся и посмотрѣлъ внизъ.

— У!... у!... у!... проговорилъ онъ, глядя за окно на камень тротуара.

— Смирно! закричалъ Долоховъ, и сдернулъ съ окна офицера, который, запутавшись шпорами, неловко спрыгнулъ въ комнату.

Поставивъ бутылку на подоконникъ, чтобы было удобно достать ее, Долоховъ осторожно и тихо полѣзъ въ окно. Спустивъ ноги, и расперевшись обѣими руками въ края

окна, онъ примѣрился, усѣлся, отпустилъ руки, подвинулся на право, на лѣво, и досталъ бутылку. Анатоль принесъ двѣ свѣчки и поставилъ ихъ на подоконникъ, хотя было уже совсѣмъ свѣтло. Спина Долохова въ бѣлой рубашкѣ и курчавая голова его были освѣщены съ обѣихъ сторонъ. Всѣ столпились у окна. Англичанинъ стоялъ впереди. Пьеръ улыбался и ничего не говорилъ. Старый Москвичъ съ испуганнымъ и сердитымъ лицомъ вдругъ продвинулся впередъ и хотѣлъ схватить Долохова за рубашку.

— Господа, это глупости; онъ убьется до смерти, сказалъ онъ.

Анатоль остановилъ его.

— Не трогай, ты его испугаешь, онъ убьется. А?... Что тогда?... А?...

Долоховъ обернулся, поправляясь и опять расперевшись руками. Лицо его было ни блѣдно, ни красно, но холодно и зло.

— Ежели кто ко мнѣ еще будетъ соваться, сказалъ онъ рѣдко пропуская слова сквозь стиснутыя и тонкія губы,—я того сейчасъ спущу вотъ сюда. Итакъ скользко, катишься внизъ, а тутъ со вздорами суется.... Ну!...

Сказавъ ну! онъ повернулся опять, отпустилъ руки, взялъ бутылку и поднесъ ко рту, закинулъ назадъ голову и вскинулъ къ верху свободную руку для перевѣса. Одинъ изъ лакеевъ, начавшій подбирать стекла, остановился въ согнутомъ положеніи, не спуская глазъ съ окна и спины Долохова. Анатоль стоялъ прямо, разинувъ глаза. Англичанинъ, выпятивъ впередъ губы, смотрѣлъ съ боку. Старый Москвичъ убѣжалъ въ уголъ комнаты и легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ. Кто стоялъ съ разинутымъ ртомъ, кто съ поднятыми руками. Пьеръ закрылъ лицо, и слабая улыбка, забывшись, осталась на его лицѣ, хоть оно теперь выражало ужасъ и страхъ. Всѣ молчали. Пьеръ отнялъ отъ глазъ руки: Долоховъ сидѣлъ все въ томъ же поженіи, только голова загнулась назадъ, такъ что курчавые волосы затылка прикасались къ воротнику рубахи, и рука съ бутылкой поднималась все выше и выше, содрагаясь и дѣлая усиліе. Бутылка видимо опорожнялась и съ тѣмъ вмѣстѣ поднималась, загибая голову. „Что же это такъ долго?“ подумалъ Пьеръ. Ему казалось что прошло больше получаса. Вдругъ Долоховъ сдѣлалъ движеніе назадъ спиной, и рука его

нервически задрожала; этого содроганія было достаточно, чтобы сдвинуть все тѣло, сидѣвшее на покатомъ откосѣ. Онъ сдвинуся весь, и еще сильнѣе задрожали, дѣлая усиліе, рука и голова его. Одна рука поднялась чтобы схватиться за подоконникъ, но опять опустилась. Пьеръ опять закрылъ глаза и сказалъ себѣ, что никогда ужъ не откроетъ ихъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что все вокругъ зашевелилось. Онъ взглянулъ: Долоховъ стоялъ на подоконникѣ; лицо его было блѣдно и весело.

— Пуста!

Онъ кинулъ бутылку Англичанину, который ловко поймалъ ее. Затѣмъ Долоховъ спрыгнулъ съ окна. Отъ него сильно пахло ромомъ.

— А? каково? А?... спрашивалъ у всѣхъ Анатоль. — Штука славная!

— Чортъ васъ возьми, совсѣмъ! говорилъ старый Москвичъ.

Англичанинъ, доставъ кошелекъ, отсчитывалъ деньги. Долоховъ хмурился и молчалъ. Пьеръ, въ растерянномъ видѣ, ходилъ по комнатѣ, улыбаясь и тяжело дыша.

— Господа! Кто хочетъ со мною пари? Я то же сдѣлаю, вдругъ заговорилъ онъ. — И пари не нужно, вотъ что. Вели дать бутылку. Я сдѣлаю.... вели дать.

— Что ты? съ ума сошелъ? Кто тебя пуститъ? У тебя и на лѣстницѣ голова кружится, заговорили съ разныхъ сторонъ.

— Это подло, что мы оставили одного Долохова жертвовать жизнью. Я выпью, давай бутылку рому! закричалъ Пьеръ, рѣшительнымъ и пьянымъ жестомъ ударяя по столу, и полѣзъ въ окно. Его схватили за руки и отвели въ другую комнату. Но Долоховъ не могъ идти; его отнесли на диванъ, и облили ему голову холодною водой.

Кто-то хотѣлъ ѣхать домой, кто-то предложилъ ѣхать не домой, а всѣмъ вмѣстѣ куда-то еще. Пьеръ болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ чтобъ ѣхать. Надѣли плащи и поѣхали. Англичанинъ уѣхалъ домой, а Долоховъ полумертвымъ, безчувственнымъ сномъ заснулъ на диванѣ у Анатоля.

ВЪ МОСКВѢ.

XIV.

Князь Василій исполнилъ обѣщаніе данное имъ, на вечерѣ у Анны Павловны, пожилой дамѣ просившей его о своемъ единственномъ сынѣ Борисѣ. О немъ было доложено государю, и, не въ примѣръ другимъ, онъ былъ переведенъ въ гвардію Семеновскаго полка прапорщикомъ. Но адъютантомъ, или состоящимъ при Кутузовѣ, Борисъ такъ и не былъ назначенъ, несмотря на всѣ хлопоты и происки Анны Михайловны. Вскорѣ послѣ вечера Анны Павловны, Анна Михайловна вернулась въ Москву, прямо къ своимъ богатымъ родственникамъ Ростовымъ, у которыхъ она стояла въ Москвѣ, и у которыхъ съ дѣтства воспитывался и годами живалъ ея обожаемый Боренька, только что произведенный въ армейскіе и тотчасъ же переведенный въ гвардейскіе прапорщики. Гвардія уже вышла изъ Петербурга 10-го августа, и сынъ, оставшійся для обмундированія въ Москвѣ, долженъ былъ догнать ее по дорогѣ въ Радзивиловъ.

У Ростовыхъ были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Съ утра, не переставая, подъѣзжали и отъѣзжали цуги, подвозившіе поздравителей къ большому, всей Москвѣ извѣстному дому графини Ростовой, на Поварской. Графиня съ старшею дочерью и гостями, не перестававшими смѣнять одинъ другаго, сидѣли въ гостиной. Графиня была женщина съ восточнымъ типомъ худаго лица, лѣтъ сорока пяти, видимо изнуренная дѣтьми, которыхъ у ней было двѣнадцать человѣкъ. Медлительность ея движеній и говора, происходившая отъ слабости силъ, придавала ей значительный видъ, внушавшій уваженіе. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая, какъ домашній человѣкъ, сидѣла тутъ же, помогая въ дѣлѣ приниманія и заниманія разговоромъ гостей. Молодежь была въ заднихъ комнатахъ, не находя нужнымъ

участвовать въ пріемѣ визитовъ. Графъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, приглашая всѣхъ къ обѣду.

— Очень, очень вамъ благодаренъ, ma chère или mon cher, (ma chère или mon cher онъ говорилъ всѣмъ безъ исключенія, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ, какъ выше, такъ и ниже его стоявшимъ людямъ) за себя и за дорогихъ именинницъ. Смотрите же, пріѣзжайте обѣдать. Вы меня обидите, mon cher. Душевно прошу васъ отъ всего семейства, ma chère.

Эти слова, съ одинаковымъ выраженіемъ на полномъ, веселомъ и чисто-выбритомъ лицѣ и съ одинаково-крѣпкимъ пожатіемъ руки и повторяемыми короткими поклонами, говорилъ онъ всѣмъ безъ исключенія и измѣненія. Проводивъ одного гостя, графъ возвращался къ тому или той, которые еще были въ гостиной; придвинувъ кресла, и съ видомъ человѣка любящаго и умѣющаго пожить, молодецки разставивъ ноги и положивъ на колѣна руки, значительно покачивался, предлагалъ догадки о погодѣ, совѣтовался о здоровьѣ, иногда на русскомъ, иногда на очень дурномъ, но самоувѣренномъ французскомъ языкѣ, и снова съ видомъ усталаго, но твердаго въ исполненіи обязанности человѣка, шелъ провожать, оправляя рѣдкіе сѣдые волосы на лысинѣ, и опять звалъ обѣдать. Иногда, возвращаясь изъ передней, онъ заходилъ черезъ цвѣточную и офиціантскую, въ большую мраморную залу, гдѣ накрывали столъ на восемьдесятъ кувертовъ, и глядя на офиціантовъ, носившихъ серебро и фарфоръ, разставлявшихъ столы и развертывавшихъ камчатныя скатерти, подзывалъ къ себѣ Дмитрія Васильевича, дворянина, занимавшагося всѣми его дѣлами, и говорилъ:

— Ну, ну, Митенька, смотри, чтобъ все было хорошо. Такъ, такъ, говорилъ онъ, съ удовольствіемъ оглядывая огромный раздвинутый столъ.—Да порядокъ въ винахъ не забудь; главное—сервировка. То-то...—И онъ уходилъ, самодовольно вздыхая, опять въ гостиную.

— Марья Львовна Карагина съ дочерью! басомъ доложилъ огромный графининъ выѣздной лакей, входя въ двери гостиной.

Графиня подумала и понюхала изъ золотой табатерки съ портретомъ мужа.

— Замучили меня эти визиты, сказала она.—Ну, ужь ее послѣднюю приму. Чопорна очень. Проси, сказала она лакею

грустнымъ голосомъ, какъ будто говорила: „ну, ужь добивайте!“ Высокая, полная, съ гордымъ видомъ дама съ миловидною дочкой, шумя платьями, вошли въ гостиную.

„Chère comtesse, il y a si longtemps..... elle a été alitée, la pauvre enfant..... au bal des Razoumowsky..... et la comtesse Apraksine.... j'ai été si heureuse“.... послышались оживленные женскіе голоса, перебивая одинъ другой и сливаясь съ шумомъ платьевъ и передвиганіемъ стульевъ. Начался тотъ разговоръ, который затѣваютъ ровно настолько, чтобы при первой паузѣ встать, зашумѣть платьями, проговорить: „Je suis bien charmée; la santé de maman... et la comtesse Apraksine“, и опять зашумѣвъ платьями, пройдти въ переднюю, надѣть шубу или плащъ и уѣхать.

Разговоръ зашелъ о главной городской новости того времени, о болѣзни извѣстнаго богача и красавца Екатерининскаго времени, стараго графа Безухаго, и о его незаконномъ сынѣ, Пьерѣ, который такъ неприлично велъ себя на вечерѣ у Анны Павловны Шереръ.

— Я очень жалѣю бѣднаго графа, проговорила гостья:— здоровье его и такъ плохо, а теперь это огорченье отъ сына, это его убьетъ!

— Что̀ такое? спросила графиня, какъ будто не зная о чемъ говоритъ гостья, хотя она разъ пятнадцать уже слышала причину огорченія графа Безухаго.

— Вотъ нынѣшнее воспитаніе! Еще за границей, проговорила гостья,—этотъ молодой человѣкъ предоставленъ былъ самому себѣ, и теперь въ Петербургѣ, говорятъ, онъ такіе ужасы надѣлалъ, что его съ полиціей выслали оттуда.

— Скажите! сказала графиня.

— Онъ дурно выбиралъ свои знакомства, вмѣшалась княгиня Анна Михайловна. Сынъ князя Василія, онъ и одинъ Долоховъ, они, говорятъ, Богъ знаетъ что̀ дѣлали. И оба пострадали. Долоховъ разжалованъ въ солдаты, а сынъ Безухаго висланъ въ Москву. Анатоля Курагина — того отецъ какъ-то замялъ. Онъ все остался въ кавалергардскомъ полку.

— Да что̀ бишь они сдѣлали? спросила графиня.

— Это совершенные разбойники, особенно Долоховъ, говорила гостья. — Онъ сынъ Марьи Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы, и что же? Можете себѣ представить, они втроемъ достали гдѣ-то медвѣдя, посадили съ со-

бой въ карету и повезли къ актрисамъ. Прибѣжала полиція ихъ унимать. Они поймали квартальнаго и привязали его спина съ спиной къ медвѣдю, и пустили медвѣдя въ Мойку; медвѣдь плаваетъ, а квартальный на немъ.

— Хороша, ma chère, фигура квартальнаго, закричалъ графъ, помирая со смѣху съ такимъ одобрительнымъ видомъ, что онъ,несмотря на свои лѣта, не отказался бы принять участіе въ такомъ увеселеніи.

— Ахъ, ужасъ какой! Чему тутъ смѣяться графъ?

Но дамы невольно смѣялись и сами.

— Насилу спасли этого несчастнаго, продолжала гостья. — И это сынъ князя Кирилла Владиміровича Безухова такъ умно забавляется! прибавила она. — А говорили, что такъ хорошо воспитанъ и уменъ. Вотъ все воспитаніе заграничное куда довело. Надѣюсь, что здѣсь его никто не приметъ, несмотря на его богатство. Мнѣ хотѣли его представить. Я рѣшительно отказалась: у меня дочери.

— Однако это штука отличная, ma chère. Молодцы! говорилъ графъ, не удерживаясь отъ смѣха.

Гостья чопорно и сердито посмотрѣла на него.

— Eh! ma chère, Марья Львовна, сказалъ онъ своимъ дурнымъ французскимъ выговоромъ и языкомъ:—il faut pour que la jeunesse elle se passe! Право, прибавилъ онъ. И мы съ вашимъ мужемъ не святые были. Тоже бывали грѣшки.

И онъ подмигнулъ ей; гостья не отвѣчала.

— Отчего вы говорите, что этотъ молодой человѣкъ такъ богатъ? спросила графиня, нагибаясь отъ дѣвицъ, которыя тотчасъ же сдѣлали видъ, что не слушаютъ.

— Вѣдь у него только незаконныя дѣти. Кажется.... и Пьеръ незаконный.

Гостья махнула рукой. — У него ихъ двадцать незаконныхъ, я думаю.

Княгиня Анна Михайловна вмѣшалась въ разговоръ, видимо желая выказать свои связи и свое знаніе всѣхъ свѣтскихъ обстоятельствъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала она значительно и тоже полушепотомъ. — Репутація графа Кирилла Владиміровича извѣстна.... Дѣтямъ своимъ онъ и счетъ потерялъ, но этотъ Пьеръ любимый былъ.

— Какъ онъ былъ хорошъ, сказала графиня, — еще прошлаго года! Красивѣе мущины я не видывала.

— Теперь очень перемѣнился, сказала княгиня Анна Михайловна. — Такъ я хотѣла сказать, продолжала она:— по женѣ прямой наслѣдникъ всего имѣнья князь Василій, но Пьера отецъ очень любилъ, занимался его воспитаніемъ, и писалъ государю... Такъ что никто не знаетъ, ежели онъ умретъ (онъ такъ плохъ, что этого ждутъ каждую минуту, и Lorrain пріѣхалъ изъ Петербурга), кому достанется это огромное состояніе, Пьеру или князю Василію. Сорокъ тысячъ душъ и милліоны. Я это очень хорошо знаю, потому что мнѣ самъ князь Василій это говорилъ. Да и Кириллъ Владиміровичъ мнѣ приходится троюроднымъ дядей по матери, онъ и крестилъ Борю, прибавила она, какъ будто не приписывая этому обстоятельству никакого значенія.

— Князь Василій пріѣхалъ въ Москву вчера. Онъ ѣдетъ на ревизію, мнѣ говорили, сказала гостья.

— Да, но entre nous, сказала княгиня, — это предлогъ; онъ пріѣхалъ собственно къ князю Кириллѣ Владиміровичу, узнавъ, что онъ такъ плохъ.

— Однако, ma chère, это славная штука, сказалъ графъ, и замѣтивъ что старшая гостья его не слушала, обратился уже къ барышнямъ. — Хороша фигура была у квартальнаго я воображаю.

И онъ, представивъ какъ махалъ руками квартальный, опять захохоталъ тѣмъ звонкимъ и басистымъ смѣхомъ, колебавшимъ все его полное тѣло, какъ смѣются люди всегда хорошо ѣвшіе и особенно пившіе.

XV.

Наступило молчаніе. Графиня глядѣла на гостью, пріятно улыбаясь, впрочемъ не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостья поднимется и уѣдетъ. Дочь гостьи уже оправляла платье, вопросительно глядя на мать, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышался бѣгъ къ двери нѣсколькихъ мужскихъ и женскихъ ногъ, грохотъ зацѣпленнаго и поваленнаго стула, и въ комнату вбѣжала тринадца-

тилѣтняя дѣвочка, запахнувъ что-то короткою кисейною юпкой, и остановилась по срединѣ комнаты. Казалось, она нечаянно, съ нерасчитаннаго разбѣгу, заскочила такъ далеко. Въ дверяхъ, въ ту же минуту, показались четыре существа: два молодые человѣка, одинъ студентъ съ малиновымъ воротникомъ, другой гвардейскій офицеръ, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, и толстый румяный мальчикъ въ дѣтской блузѣ.

Графъ вскочилъ, и раскачиваясь, широко разставилъ руки вокругъ вбѣжавшей дѣвочки.

— А, вотъ она! смѣясь закричалъ онъ. — Именинница! ma chère, именинница!

— Ma chère, il y a un temps pour tout, сказала графиня дочери, очевидно только для того чтобы сказать что-нибудь, потому что сразу было видно, что дочь нисколько не боялась ея.—Ты ее все балуешь, Elie, прибавила она мужу.

— Bon jour, ma chère, je vous félicite, сказала гостья.— Quelle délicieuse enfant! прибавила она, льстиво обращаясь къ матери.

Черноглазая, съ большимъ ртомъ, некрасивая, но живая дѣвочка, съ своими дѣтскими, открытыми плечиками, которыя сжимаясь двигались въ своемъ корсажѣ отъ быстраго бѣга, съ своими сбившимися назадъ черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими, быстрыми ножками въ кружевныхъ панталончикахъ и открытыхъ башмачкахъ, была въ томъ миломъ возрастѣ, когда дѣвочка ужь не ребенекъ, а ребенокъ еще не дѣвушка. Вывернувшись отъ отца, она, быстрая, граціозная и видимо не привыкшая къ гостиной, подбѣжала къ матери, и не обращая никакого вниманія на ея строгое замѣчаніе, спрятала свое раскраснѣвшееся личико въ кружевахъ материной мантильи и засмѣялась.

— Мама! мы Бориса.... ха ха!... женили на куклѣ.... ха ха!..! на.... ахъ!.. Мими.... проговорила она сквозь смѣхъ:—и.... ахъ. онъ убѣжалъ....

И она вынула изъ-подъ юпки и показала большую куклу съ чернымъ, стертымъ носомъ, треснутою картонною головой и лайковымъ задомъ, ногами и руками мотавшимися въ колѣнкахъ и локтяхъ, но еще съ свѣжею карминовою, изысканною улыбкой и дугообразными чернѣйшими бровями.

Графиня уже пятый годъ знала эту Мими, неизмѣннаго друга Наташи, подаренную крестнымъ отцомъ.

— Видите?...—И Наташа не могла больше говорить (ей все смѣшно казалось). Она упала на мать и расхохоталась такъ громко и звонко, что всѣ, даже чопорная гостья, противъ воли засмѣялись. И въ лакейской былъ слышенъ этотъ смѣхъ. Улыбаясь, переглянулись лакеи графини съ пріѣзжимъ ливрейнымъ лакеемъ, до сего мрачно сидѣвшимъ на стулѣ.

— Ну, поди, поди съ своимъ уродомъ! сказала мать, притворно-сердито отталкивая дочь.—Это моя меньшая, избалованная дѣвочка, какъ видите, обратилась она къ гостьѣ.

Наташа, оторвавъ на минуту лицо отъ кружевной косынки матери и взглянувъ на нее снизу, тихо, сквозь слезы смѣха, проговорила:

— Мнѣ стыдно, мама! — И опять, быстро-быстро, какъ будто боясь чтобъ ее не поймали, спрятала лицо.

Гостья, принужденная любоваться семейною сценой, сочла нужнымъ принять въ ней какое-нибудь участіе.

— Скажите, моя милая, сказала она, обращаясь къ Наташѣ,—какъ же вамъ приходится эта Мими? Дочь вѣрно?

Наташѣ не понравилась гостья и тонъ, съ которымъ она снисходила до дѣтскаго разговора.

— Non, madame, ce n'est pas ma fille, c'est une poupée, сказала она, смѣло улыбаясь, встала отъ матери и присѣла подлѣ старшей сестры, показывая тѣмъ, что и она можетъ вести себя какъ большая.

Между тѣмъ, все это молодое поколѣніе, Борисъ—офицеръ, сынъ княгини Анны Михайловны, Николай—студентъ, старшій сынъ графа, Соня — пятнадцатилѣтняя племянница графа и маленькій Петруша—меньшой сынъ, всѣ, какъ вдругъ опущенные въ холодную воду, размѣстились въ гостиной и видимо старались удержать въ границахъ приличія оживленіе и веселость, которыми еще дышала каждая ихъ черта. Видно было, что тамъ, въ заднихъ комнатахъ, откуда они всѣ такъ стремительно прибѣжали, у нихъ были разговоры веселѣе чѣмъ здѣсь о городскихъ сплетняхъ, погодѣ и comtesse Apraksine.

Два молодые человѣка, студентъ и офицеръ, друзья съ дѣтства были одних лѣтъ и оба красивы, но не похожи другъ на друга. Борисъ (какъ звала мать не по-русски Барисъ,

а Boris, по-французски, налегая на *о*), Борисъ былъ высокій, бѣлокурый юноша, съ правильными тонкими чертами длинноватаго лица. Спокойный и внимательный умъ выражался въ пріятныхъ сѣрыхъ глазахъ его; въ углахъ же еще не обросшихъ губъ замѣтна была всегда насмѣшливая и немного хитрая улыбка, не только не вредившая, но придававшая какъ бы соль выраженію его свѣжаго, очевидно еще нетронутаго ни порокомъ, ни горемъ красиваго лица. Николай былъ не великъ ростомъ, широкогрудъ и очень тонко и хорошо сложенъ. Открытое лицо, съ русыми, мягкими вьющимися волосами вокругъ выпуклаго, широкаго лба, съ восторженнымъ взглядомъ полузакрытыхъ карихъ выпуклыхъ глазъ, выражало всегда впечатлѣніе минуты. На верхней губѣ его уже показались черные волосики, и во всемъ лицѣ выражались стремительность и восторженность. Оба молодые человѣка, поклонившись, сѣли въ гостиной: Борисъ сдѣлалъ это легко и свободно; Николай, напротивъ, почти дѣтски-озлобленно. Николай поглядывалъ то на гостей, то на дверь, видимо не желая скрывать, что ему тутъ скучно, и почти не отвѣчая на вопросы, которые ему дѣлали гости. Борисъ, напротивъ, тотчасъ же нашелся, и разказалъ степенно, шутливо какъ эту Мими-куклу онъ зналъ еще молодою дѣвицей, съ неиспорченнымъ еще носомъ, какъ она въ пять лѣтъ на его памяти состарѣлась, и какъ у ней по всему черепу треснула голова. Потомъ онъ спросилъ даму о ея здоровьѣ. Все что онъ говорилъ было просто и прилично, — ни умно, ни глупо, — но улыбка, игравшая на его губахъ, показывала, что онъ, говоря, не приписываетъ никакой цѣны своимъ словамъ, а говоритъ только изъ приличія.

— Мама, зачѣмъ онъ говоритъ какъ большой,—я не хочу, проговорила Наташа подходя къ матери, и какъ капризный ребенокъ, указывая на Бориса.

Борисъ улыбнулся на нее.

— Тебѣ бы все съ нимъ въ куклы играть, отвѣчала ей княгиня Анна Михайловна, трепля ее по голому плечу, которое нервно ежилось и пряталось въ корсажъ при прикосновеніи руки Анны Михайловны.

— Мнѣ скучно, прошептала Наташа.—Мама, няня просится въ гости, можно ей? можно ей? повторила она, возвышая

голосъ съ свойственною женщинамъ способностью быстраго соображенія для невиннаго обмана. — Можно? Мама! прокричала она чуть удерживаясь отъ смѣха и взглядывая на Бориса, присѣла гостямъ и вышла до двери, а за дверью побѣжала такъ скоро, какъ только могли нести ее быстрыя ножки.

Борисъ задумался.

— Вы, кажется, тоже хотѣли ѣхать, maman? Карета нужна? сказалъ онъ, краснѣя и обращаясь къ матери.

— Да, поди, поди, вели приготовить, сказала она улыбаясь.

Борисъ вышелъ тихо въ двери и пошелъ за Наташей; толстый мальчикъ въ блузѣ сердито побѣжалъ за ними, какъ будто досадуя на какое-нибудь разстройство, происшедшее въ его занятіяхъ.

XVI.

Изъ молодежи, не считая старшей дочери графини, которая была четырьмя годами старше сестры и держала себя уже какъ большая, и гостьи-барышни, въ гостиной остались Николай и Соня-племянница, которая сидѣла съ тою нѣсколько притворною праздничною улыбкой, съ какою и многіе взрослые люди считаютъ нужнымъ присутствовать при чужихъ разговорахъ, и безпрестанно нѣжно взглядывала на своего cousin. Соня была тоненькая, миніатюрненькая брюнетка, съ мягкимъ, отѣненнымъ длинными рѣсницами взглядомъ, густою черною косой, два раза обвивавшею ея голову, и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на лицѣ и въ особенности на обнаженныхъ, худощавыхъ, но граціозныхъ, мускулистыхъ рукахъ и шеѣ. Плавностью движеній, мягкостью и гибкостью маленькихъ членовъ, и нѣсколько хитрою и сдержанною манерой, она невольно напоминала красиваго, но еще не сформировавшагося котенка, который будетъ прелестною кошечкой. Она видимо считала приличнымъ своею праздничною улыбкой выказывать участіе къ общему разговору; но, противъ воли, ея глаза изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ смотрѣли на уѣзжавшаго въ армію cousin съ такимъ дѣвическимъ страстнымъ обожаніемъ, что улыбка ея не могла ни на мгновеніе обмануть никого, и видно было, что кошечка присѣла только для того чтобъ еще энер-

гичнѣе прыгнуть и заиграть съ своимъ cousin, какъ скоро только они выберутся изъ этой гостиной.

— Да, ma chère, сказалъ старый графъ обращаясь къ гостьѣ и указывая на своего Николая. — Вотъ его другъ Борисъ произведенъ въ офицеры, и онъ изъ дружбы не хочетъ отставать отъ него, бросаетъ и университетъ, и меня старика, идетъ въ военную службу, ma chère. А ужъ ему мѣсто въ архивѣ было готово, и все. Вотъ дружба-то, сказалъ графъ вопросительно.

— Да, вѣдь война, говорятъ, объявлена, сказала гостья.

— Давно говорятъ, сказалъ графъ все еще неопредѣленно.— Опять поговорятъ, поговорятъ, да такъ и оставятъ. Ma chère, вотъ дружба-то! повторилъ онъ. — Онъ идетъ въ гусары.

Гостья, не зная что сказать, покачала головой.

— Совсѣмъ не изъ дружбы, отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ и отговариваясь, какъ будто отъ постыднаго на него наклепа.—Совсѣмъ не дружба, а просто чувствую призваніе къ военной службѣ.

Онъ оглянулся на гостью-барышню: барышня смотрѣла на него съ улыбкой, одобряя поступокъ молодаго человѣка.

— Нынче обѣдаетъ у насъ Шубертъ, полковникъ Павлоградскаго гусарскаго полка. Онъ былъ въ отпуску здѣсь, и беретъ его съ собой. Что дѣлать? сказалъ графъ, пожимая плечами, и говоря шуточно о дѣлѣ, которое видимо стоило ему много горя.

Николай вдругъ почему-то разгорячился.

— Я ужъ вамъ говорилъ, папенька, что ежели вамъ не хочется меня отпустить, я останусь. Я знаю, что я никуда не гожусь кромѣ какъ въ военную службу; я не дипломатъ, не умѣю скрывать того что чувствую, говорилъ онъ, слишкомъ восторженно жестикулируя для своихъ словъ и все поглядывая съ кокетствомъ красивой молодости на Соню и гостью-барышню.

Кошечка, впиваясь въ него глазами, казалась каждую секунду готовою заиграть и выказать всю свою кошечью натуру. Барышня улыбкой продолжала одобрять.

— А можетъ-быть изъ меня что-нибудь и выйдетъ, прибавилъ онъ,—а здѣсь я не гожусь....

— Ну, ну, хорошо! сказалъ старый графъ:—все горячится. Все Бонапарте всѣмъ голову вскружилъ; всѣ думаютъ, какъ

это онъ изъ поручиковъ попалъ въ императоры. Что жь, дай Богъ, прибавилъ онъ, не замѣчая насмѣшливой улыбки гостьи.

— Ну ступай, ступай, Nicolas, ужь я вижу, ты въ лѣсъ глядишь, сказала графиня.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ сынъ; однако черезъ минуту всталъ, поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Соня посидѣла еще немного, все улыбаясь притворнѣе и притворнѣе, и съ тою же улыбкой встала и вышла.

— Какъ секреты-то этой всей молодежи шиты бѣлыми нитками! сказала княгиня Анна Михайловна, указывая на Соню и смѣясь. Гостья засмѣялась.

— Да, сказала графиня, послѣ того какъ лучь солнца, проникнувшій въ гостиную вмѣстѣ съ этимъ молодымъ поколѣніемъ, исчезъ, и какъ будто отвѣчая на вопросъ, котораго никто ей не дѣлалъ, но который постоянно занималъ ее.— Сколько страданій, сколько безпокойствъ, продолжала она,— перенесено за то, чтобы теперь на нихъ радоваться. А и теперь право больше страха чѣмъ радости. Все боишься, все боишься! Именно тотъ возрастъ, въ которомъ такъ много опасностей и для дѣвочекъ, и для мальчиковъ.

— Все отъ воспитанія зависитъ, сказала гостья.

— Да, ваша правда, продолжала графиня.—До сихъ поръ я была, слава Богу, другомъ своихъ дѣтей, и пользуюсь полнымъ ихъ довѣріемъ, говорила графиня, повторяя заблужденіе многихъ родителей, полагающихъ, что у дѣтей ихъ нѣтъ тайнъ отъ нихъ.—Я знаю, что я всегда буду первою confidente моихъ дочерей, и что Николенька, по своему пылкому характеру, ежели будетъ шалить (мальчику нельзя безъ этого), то все не такъ какъ эти петербургскіе господа.

— Да, славные, славные ребята, подтвердилъ графъ, всегда разрѣшавшій запутанные для него вопросы тѣмъ, что все находилъ славнымъ. — Вотъ подите! захотѣлъ въ гусары! Что вы хотите, ma chere!

— Какое милое существо ваша меньшая, сказала гостья, оглядываясь съ укоромъ на дочь, какъ будто внушая этимъ взглядомъ своей дочери, что вотъ-де какою надо быть, чтобы нравиться, а не такою куклой какъ ты. — Порохъ!

— Да, порохъ, сказалъ графъ.—Въ меня пошла! И какой голосъ, талантъ! Хоть и моя дочь, а я правду скажу, пѣвица будетъ, Саломони другая. Мы взяли Итальянца ее учить.

— Не рано ли? Говорятъ, вредно для голоса учиться въ эту пору.

— О нѣтъ, какой рано! сказалъ графъ.

— А какъ же наши матери выходили въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ замужъ? добавила княгиня Анна Михайловна.

— Ужь она и теперь влюблена въ Бориса, какова? сказала графиня, тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса, и видимо отвѣчая на мысль, всегда ее занимавшую, продолжала:

— Ну вотъ видите, держи я ее строго, запрещай я ей... Богъ знаетъ, что̀ бы они дѣлали потихоньку (графиня разумѣла, они цѣловались бы), а теперь я знаю каждое ея слово. Она сама вечеромъ прибѣжитъ и все мнѣ разкажетъ. Можетъ-быть я балую ее, но право это кажется лучше. Я старшую держала строго.

— Да, меня совсѣмъ иначе воспитывали, сказала старшая красивая графиня Вѣра, улыбаясь. Но улыбка не украсила лица Вѣры, какъ это обыкновенно бываетъ; напротивъ, лицо ея стало неестественно и оттого непріятно. Старшая Вѣра была хороша, была умна, была хорошо воспитана. Голосъ у нея былъ пріятый. То, что̀ она сказала, было справедливо и умѣстно, но, странное дѣло, всѣ и гостья и графиня оглянулись на нее, какъ будто удивились, зачѣмъ она это сказала, и почувствовали неловкость.

— Всегда съ старшими дѣтьми мудрятъ, хотятъ сдѣлать что-нибудь необыкновенное, сказала гостья.

— Что грѣха таить, ma chère! Графинюшка мудрила съ Вѣрой, сказалъ графъ.—Ну да что жь! все-таки славная вышла.

И онъ съ тѣмъ чутьемъ, которое проницательнѣе ума, подошелъ къ Вѣрѣ, замѣтивъ что ей неловко, и рукой приласкалъ ее.

— Виноватъ, мнѣ надо распорядиться кое-чѣмъ. Вы посидите еще, прибавилъ онъ, кланяясь и сбиравшись выйдти.

Гостьи встали и уѣхали, обѣщавшись пріѣхать къ обѣду.

— Что за манера! Ужь сидѣли, сидѣли! сказала графиня, проводя гостей.

XVII.

Когда Наташа вышла изъ гостиной и побѣжала, она добѣжала только до цвѣточной. Въ этой комнатѣ она остановилась, прислушиваясь къ говору въ гостиной и ожидая выхода Бориса. Она уже начинала приходить въ нетерпѣніе, и топнувъ ножкой, сбиралась было заплакать оттого что онъ не сейчасъ шелъ. Когда заслышались не тихіе, не быстрые, приличные шаги молодаго человѣка, тринадцатилѣтняя дѣвочка быстро бросилась между кадокъ цвѣтовъ, и спряталась.

— Борисъ Николаичъ! проговорила она басомъ, пугая его, и тотчасъ же засмѣялась. Борисъ увидалъ ее, покачалъ головой, и улыбнулся.

— Борисъ, подите сюда, сказала она съ значительнымъ и хитрымъ видомъ.

Онъ подошелъ къ ней, пробираясь между кадками.

— Борисъ! Поцѣлуйте Мими, сказала она, плутовски улыбаясь и выставляя куклу.

— Отчего жь не поцѣловать? сказалъ онъ, подвигаясь ближе и не спуская глазъ съ Наташи.

— Нѣтъ, скажите не хочу.

Она отстранилась отъ него.

— Ну, можно сказать и не хочу. Что̀ веселаго цѣловать куклу?

— Не хотите? Ну, такъ подите сюда, сказала она и потомъ глубже ушла въ цвѣты и бросила куклу на кадку цвѣтовъ.—Ближе, ближе! шептала она. Она поймала руками офицера за обшлага, и въ покраснѣвшемъ лицѣ ея видны были торжественность и страхъ.

— А меня хотите поцѣловать? прошептала она чуть слышно, изподлобья глядя на него, улыбаясь, и чуть не плача отъ волненья.

Борисъ покраснѣлъ.

— Какая вы смѣшная! проговорилъ онъ, нагибаясь къ ней, еще болѣе краснѣя, но ничего не предпринимая и выжидая. Чуть замѣтная насмѣшливость порхала еще на его губахъ, готовая исчезнуть.

Она вдругъ вскочила на кадку, такъ что стала выше его, обняла его обѣими руками, такъ что тонкія голыя ручки согнулись выше его шеи, и откинувъ движеніемъ головы волосы назадъ, поцѣловала его въ самыя губы.

— Ахъ, что̀ я надѣлала! закричала она, смѣясь проскользнула между горшками на другую сторону цвѣтовъ; рѣзвыя ножки быстро заскрипѣли по направленію къ дѣтской. Борисъ побѣжалъ за ней, и остановилъ ее.

— Наташа, сказалъ онъ,—я тебя... можно говорить *ты?*

Она кивнула головой.

— Я тебя люблю, сказалъ онъ медленно.—Ты не ребенокъ. Наташа сдѣлай то, о чемъ я тебя попрошу.

— О чемъ *ты* меня попросишь?

— Пожалуста, не будемъ дѣлать того что сейчасъ... еще четыре года.

Наташа остановилась, подумала.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать.... сказала она, считая по тоненькимъ пальчикамъ. — Хорошо! Такъ кончено? — И серіозная улыбка радости освѣтила ея оживленное, хотя и некрасивое лицо.

— Кончено! сказалъ Борисъ.

— Навсегда? говорила дѣвочка.—До самой смерти?

И она, взявъ его подъ руку, тихо пошла съ нимъ рядомъ въ дѣтскую.

Красивое, тонкое лицо Бориса покраснѣло, и въ губахъ совершенно исчезло выраженіе насмѣшки. Онъ выпрямилъ грудь и счастливо, самодовольно вздохнулъ. Глаза его смотрѣли, казалось, далеко въ будущность, за четыре года, въ счастливый 1809 годъ. Молодежь собралась опять въ дѣтскую, гдѣ больше всего она любила сидѣть.

— Нѣтъ не уйдешь! закричалъ Николай, все дѣлавшій и говорившій страстно и порывисто, одною рукой хватая Бориса за рукавъ мундира, а другою отнимая руку у сестры.—Ты обязанъ обвѣнчаться.

— Обязанъ, обязанъ! закричали обѣ дѣвочки.

— Я буду дьячокъ, Николенька, кричалъ Петруша.—Пожалуста, я буду дьячокъ. „Господи помилуй!“

Казалось бы непонятнымъ, что̀ могли находить веселаго молодые люди и дѣвушки въ вѣнчаніи куклы съ Борисомъ; но стоило только посмотрѣть на торжество и радость, изображенныя на всѣхъ лицахъ, въ то время какъ кукла, уб-

ранная померанцовыми цвѣтами, и въ бѣломъ платьи, была поставлена на колышекъ лайковымъ задомъ, и Борисъ, на все соглашавшійся, подведенъ къ ней, и какъ маленькій Петруша, надѣвъ на себя юпку, воображалъ себя дьячкомъ, — стоило только посмотрѣть на все это, чтобъ и не понимая этой радости, раздѣлить ее.

Во время одѣванія невѣсты, Николай и Борисъ были выгнаны для приличія изъ комнаты. Николай въ волненіи ходилъ по комнатѣ, и про себя ахалъ и пожималъ плечами.

— Что̀ съ тобой? спросилъ Борисъ.

Тотъ поглядѣлъ на своего друга и отчаянно махнулъ рукой.

— Ахъ, ты не знаешь, что со мной сейчасъ случилось! сказалъ онъ, хватая себя за голову.

— Что̀? спросилъ Борисъ насмѣшливо и спокойно.

— Ну, я уѣзжаю, а она..... Нѣтъ, я не могу сказать!

— Да что̀ же? повторилъ Борисъ.—Съ Соней?

— Да. Знаешь что?

— Что̀?

— Ахъ, удивительно! Какъ ты думаешь? Обязанъ я послѣ этого все сказать отцу?

— Да что?

— Знаешь, я самъ не знаю какъ это случилось, я поцѣловалъ нынче Соню: я скверно поступилъ. Но что̀ же мнѣ дѣлать? Я до безумія влюбленъ. А дурно это съ моей стороны? Я знаю, что дурно.... Какъ ты скажешь?

Борисъ улыбнулся.

— Что̀ ты говоришь? Неужели? спросилъ онъ съ хитрымъ и насмѣшливымъ удивленіемъ.—Такъ и поцѣловалъ въ губы? когда?

— Да сейчасъ. Ты бы не сдѣлалъ этого? А? не сдѣлалъ бы? Я дурно поступилъ?

— Ну, не знаю. Все зависитъ отъ того, какія ты имѣешь намѣренія?

— Ну! еще бы. Это вѣрно. Я ей сказалъ. Какъ меня произведутъ въ офицеры, такъ я женюсь на ней.

— Это удивительно, повторилъ Борисъ.—Какъ ты, однако, рѣшителенъ!

Николай, успокоившись, засмѣялся.

— Я удивляюсь, отчего ты никогда не былъ влюбленъ и въ тебя не влюблялись.

— Такой мой характеръ, сказалъ Борисъ краснѣя.

— Ну, да ты хитрый! Правду Вѣра говоритъ.

Николай вдругъ принялся щекотать своего друга.

— А ты отчаянный. Правду же Вѣра говоритъ.—И Борисъ боявшійся щекотки, отталкивалъ руки своего друга.—Ты ужь что-нибудь сдѣлаешь необыкновенное.

Оба, смѣясь, вернулись къ дѣвочкамъ для совершенія обряда вѣнчанія.

XVIII.

Графиня такъ устала отъ визитовъ, что не велѣла принимать больше никого, и швейцару приказано было только звать непремѣнно кушать всѣхъ, кто будетъ еще пріѣзжать съ поздравленіями. Кромѣ того, ей хотѣлось съ глазу-на-глазъ поговорить съ другомъ своего дѣтства, княгиней Анной Михайловной, которую она не видала хорошенько съ ея пріѣзда изъ Петербурга. Анна Михайлова, съ своимъ исплаканнымъ и пріятнымъ лицомъ, подвинулась ближе къ креслу графини.

— Съ тобой я буду совершенно откровенна, сказала Анна Михайловна.—Ужь мало насъ осталось старыхъ друзей. Отъ этого я такъ и дорожу твоею дружбой.

Княгиня посмотрѣла на Вѣру, и остановилась. Графиня пожала руку своему другу.

— Вѣра, сказала графиня, обращаясь къ старшей дочери, очевидно, нелюбимой.—Какъ у васъ ни на что такта нѣтъ? Развѣ ты не чувствуешь, что ты здѣсь лишняя? Поди къ сестрамъ, или......

Красивая Вѣра улыбнулась, видимо не чувствуя ни малѣйшаго оскорбленія, и прошла въ свою комнату. Но проходя мимо дѣтской, она замѣтила, что въ ней у двухъ окошекъ симметрично сидѣли двѣ пары. Соня сидѣла близко подлѣ Николая, который съ разгоряченнымъ лицомъ читалъ ей стихи, въ первый разъ сочиненныя имъ. Борисъ съ Наташей сидѣли у другаго окна и молчали. Борисъ держалъ ея руку и выпустилъ при появленіи Вѣры. Наташа взяла стоявшій подлѣ нея ящичекъ съ перчатками и стала перебирать ихъ. Вѣра улыбнулась. Николай съ Соней посмотрѣли на нее, встали и вышли изъ комнаты.

— Наташа, сказала Вѣра меньшей сестрѣ, внимательно перебиравшей душистыя перчатки.—Что̀ это Nicolas съ Соней отъ меня бѣгаютъ? Что̀ у нихъ за секреты?

— Ну что̀ тебѣ за дѣло Вѣра? тихенькимъ голоскомъ, заступнически проговорила Наташа, продолжая свою работу. Она видимо была ко всѣмъ, еще болѣе чѣмъ всегда, добра и ласкова отъ счастія.

— Очень глупо съ ихъ стороны, сказала Вѣра тономъ который показался обиденъ Наташѣ.

— У каждаго свои секреты. Мы тебя съ Бергомъ не трогаемъ, сказала она разгорячаясь.

— Какъ глупо! А вотъ я маменькѣ скажу, какъ ты съ Борисомъ обходишься. Это не хорошо.

Борисъ поднялся и вѣжливо поклонился Вѣрѣ:

— Наталья Ильинишна очень хорошо со мной обходится. Я не могу жаловаться, сказалъ онъ насмѣшливо.

Наташа не засмѣялась и подняла голову.

— Оставьте, Борисъ, вы такой дипломатъ (слово *дипломатъ* было въ большомъ ходу у дѣтей въ томъ особомъ значеніи, какое они придавали этому слову), даже скучно, сказала она. — За что она ко мнѣ пристаетъ?

И она обратилась къ Вѣрѣ.

— Ты это никогда не поймешь, сказала она, потому что ты никогда никого не любила, у тебя сердца нѣтъ, ты только madame de Genlis (это прозвище, считавшееся очень обиднымъ, было дано Вѣрѣ Николаемъ), и твое первое удовольствіе дѣлать непріятности другимъ. Ты кокетничай съ Бергомъ сколько хочешь.

Это она проговорила скоро, и вышла изъ дѣтской.

Красивая Вѣра, производившая на всѣхъ такое раздражающее, непріятное дѣйствіе, опять улыбнулась тою же улыбкой, ничего не значащею, и видимо не затронутая тѣмъ что̀ ей было сказано, подошла къ зеркалу и оправила шарфъ и прическу. Глядя на свое красивое лицо, она стала, повидимому, еще холоднѣе и спокойнѣе.

XIX.

Въ гостиной продолжался разговоръ.

— Ah! chère, говорила графиня,—и въ моей жизни tout n'est pas rose. Развѣ я не вижу, что de train que nous allons нашего состоянія намъ не на долго? И все это клубъ, и его доброта. Въ деревнѣ мы живемъ, развѣ мы отдыхаемъ? театры, охоты и Богъ знаетъ что̀. Да что обо мнѣ говорить!

Ну какже ты это все устроила? Я часто на тебя удивляюсь, Annette, какъ это ты, въ твои годы, скачешь въ повозкѣ одна, въ Москву, въ Петербургъ, ко всѣмъ министрамъ, ко всей знати, со всѣми умѣешь обойдтись, удивляюсь! Ну, какже это устроилось? Вотъ я ничего этого не умѣю.

— Ахъ, душа моя! отвѣчала княгиня Анна Михаловна,— Не дай Богъ тебѣ узнать, какъ тяжело остаться вдовой безъ подпоры и съ сыномъ, котораго любишь до обожанія. Всему научишься, продолжала она съ нѣкоторою гордостью.— Процессъ мой меня научилъ. Ежели мнѣ нужно видѣть кого-нибудь изъ этихъ тузовъ, я пишу записку: „princesse une telle желаетъ видѣть такого-то“, и ѣду сама на извощикѣ хоть два, хоть три раза, хоть четыре, до тѣхъ поръ пока не добьюсь того что̀ мнѣ надо. Мнѣ все равно, что̀ бы обо мнѣ ни думали.

— Ну, какже, кого ты просила о Боренькѣ? спросила графиня.— Вѣдь вотъ твой ужь офицеръ гвардіи, а Nicolas идетъ юнкеромъ. Некому похлопотать. Ты кого просила?

— Князя Василія. Онъ былъ очень милъ. Сейчасъ на все согласился, доложилъ государю, говорила княгиня Анна Михайловна съ восторгомъ, совершенно забывъ все униженіе, черезъ которое она прошла для достиженія своей цѣли.

— Что онъ постарѣлъ, князь Василій? спросила графиня.— Я его не видала съ нашихъ театровъ у Румянцевыхъ. Я думаю забылъ про меня. Il me faisait la cour, вспомнила графиня съ улыбкой.

— Все такой же, отвѣчала Анна Михайловна.—Князь любезенъ, разсыпается. Les grandeurs ne lui ont pas tourné la tête du tout. „Я жалѣю, что слишкомъ мало могу вамъ сдѣлать, милая княгиня, онъ мнѣ говоритъ: приказывайте“. Нѣтъ, онъ славный человѣкъ, и родной прекрасный. Но ты знаешь, Annette, мою любовь къ сыну. Я не знаю чего я не сдѣлала бы для его счастія. А обстоятельства мои до того дурны, продолжала Анна Михайловна съ грустью и понижая голосъ, — до того дурны, что я теперь въ самомъ ужасномъ положеніи. Мой несчастный процессъ съѣдаетъ все что̀ я имѣю и не подвигается. У меня нѣтъ, можешь себѣ представить, à la lettre нѣтъ гривенника денегъ, и я не знаю на что обмундировать Бориса.—Она вынула платокъ и заплакала.—Мнѣ нужно пятьсотъ рублей, а у

меня одна двадцатипяти-рублевая бумажка. Я въ такомъ положеніи.... Одна моя надежда теперь на князя Кирилла Владимировича Безухаго. Ежели онъ не захочетъ поддержать своего крестника,—вѣдь онъ крестилъ Борю,—и назначить ему что-нибудь на содержаніе, то всѣ мои хлопоты пропадутъ; мнѣ не на что будетъ обмундировать его.

Графиня прослезилась, и молча соображала что-то.

— Часто думаю, можетъ это и грѣхъ, сказала княгиня,—а часто думаю: вотъ князь Кириллъ Владиміровичъ Безухій живетъ одинъ... это огромное состояніе.... и для чего живетъ? Ему жизнь въ тягость, а Борѣ только начинать жить.

— Онъ вѣрно оставитъ что-нибудь Борису, сказала графиня.

— Богъ знаетъ, chère amie! Эти богачи и вельможи такіе эгоисты. Но я все-таки поѣду сейчасъ къ нему и съ Борисомъ, и прямо скажу въ чемъ дѣло. Пускай обо мнѣ думаютъ что хотятъ, мнѣ право все равно, когда судьба сына зависитъ отъ этого.

Княгиня поднялась.

— Теперь два часа, а въ четыре часа вы обѣдаете. Я успѣю съѣздить.

И съ пріемами петербургской дѣловой барыни, умѣющей пользоваться временемъ, Анна Михайловна послала за сыномъ, и вмѣстѣ съ нимъ вышла въ переднюю.

— Прощай, душа моя, сказала она графинѣ, которая провожала ее до двери,—пожелай мнѣ успѣха, прибавила она шепотомъ отъ сына.

— Вы къ князю Кириллу Владиміровичу, ma chère, сказалъ графъ изъ столовой, выходя тоже въ переднюю.—Коли ему лучше, зовите Пьера ко мнѣ обѣдать. Вѣдь онъ у меня бывалъ, съ дѣтьми танцовалъ. Зовите непремѣнно, ma chère. Ну посмотримъ какъ-то отличится нынче Тарасъ. Говорятъ, что у графа Орлова такого обѣда не бывало, какой у насъ будетъ.

XX.

— Mon cher Boris, сказала княгиня Анна Михайловна сыну, когда карета графини Ростовой, въ которой они сидѣли, проѣхала по устланной соломой улицѣ, и въѣхала на широкій, усыпанный краснымъ пескомъ дворъ извѣстнаго, съ колоннами, дома графа Кирилла Владиміровича Безухаго.—Mon

cher Boris, сказала мать, выпрастывая руку изъ-подъ стараго салопа и робкимъ и ласковымъ движеніемъ кладя ее на руку сына, — оставь, пожалуста, свою гордость. Графъ Кириллъ Владиміровичъ все-таки тебѣ крестный отецъ, и отъ него зависитъ твоя будущая судьба. Помни это, mon cher, будь милъ, какъ ты умѣешь быть...

— Ежели бы я зналъ, что изъ этого выдетъ что-нибудь кромѣ униженія... отвѣчалъ сынъ холодно.—Но я обѣщалъ вамъ, и дѣлаю это для васъ. Только это въ послѣдній разъ, маменька. Помните.

Несмотря на то, что чья-то карета стояла у подъѣзда, швейцаръ, оглядѣвъ мать съ сыномъ, которые, не приказывая докладывать о себѣ, прямо вошли въ стеклянныя сѣни между двумя рядами статуй въ нишахъ, значительно посмотрѣвъ на старенькій салопъ, спросилъ кого имъ угодно, княженъ или графа, и узнавъ что графа, сказалъ, что ихъ сіятельству нынче хуже и ихъ сіятельство никого не принимаютъ.

— Мы можемъ уѣхать, сказалъ сынъ по-французски, видимо обрадованный этимъ извѣстіемъ.

— Mon ami! сказала мать умоляющимъ голосомъ, опять дотрогиваясь до руки сына, какъ будто это прикосновеніе могло успокоивать или возбуждать его. Борисъ, опасаясь сцены при швейцарѣ, замолчалъ съ видомъ человѣка рѣшившагося испить чашу до дна. Онъ, не снимая шинели, вопросительно смотрѣлъ на мать.

— Голубчикъ, нѣжнымъ голоскомъ сказала Анна Михайловна, обращаясь къ швейцару,—я знаю, что графъ Кириллъ Владиміровичъ очень боленъ... я затѣмъ и пріѣхала... я родственница . . . Я не буду безпокоить, голубчикъ... А мнѣ бы только надо увидать князя Василія Сергѣевича; вѣдь онъ здѣсь стоитъ. Доложи пожалуста.

Швейцаръ угрюмо дернулъ снурокъ наверхъ, и отвернулся.

— Княгиня Друбецкая къ князю Василію Сергѣевичу, крикнулъ онъ сбѣжавшему сверху и изъ-подъ выступа лѣстницы выглядывавшему официанту въ чулкахъ, башмакахъ и фракѣ.

Мать расправила складки своего крашенаго, шелковаго платья, посмотрѣлась въ цѣльное венеціанское зеркало въ стѣнѣ, и бодро, въ своихъ стоптанныхъ башмакахъ, пошла вверхъ, по ковру лѣстницы.

— Mon cher, vous m'avez promis, обратилась она опять

къ сыну, прикосновеніемъ руки возбуждая его. Сынъ, опустивъ глаза, шелъ не весело.

Они вошли въ залу, изъ которой одна дверь вела въ покои отведенные князю Василью.

Въ то время какъ мать съ сыномъ, выйдя на середину комнаты, намѣревались спросить дорогу у вскочившаго при ихъ входѣ стараго офиціанта, у одной изъ дверей повернулась бронзовая ручка, и князь Василій въ бархатной шубкѣ, съ одною звѣздой, по-домашнему, вышелъ провожая красиваго, черноволосаго мущину. Мущина этотъ былъ знаменитый петербургскій докторъ Lorrain.

— C'est donc positif, говорилъ князь.

— Mon prince „errare humanum est,“ mais... отвѣчалъ докторъ, грассируя и произнося латинскія слова французскимъ выговоромъ.

— C'est bien, c'est bien...

Замѣтивъ Анну Михайловну съ сыномъ, князь Василій поклономъ отпустилъ доктора, и молча, но съ вопросительнымъ видомъ подошелъ къ нимъ. Сынъ съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ вдругъ глубокая горесть выразилась въ глазахъ княгини Анны Михайловны.

— Да, въ какихъ грустныхъ обстоятельствахъ пришлось намъ свидѣться, князь... Ну что нашъ дорогой больной? сказала она, не замѣчая холоднаго, оскорбительнаго, устремленнаго на нее взгляда и обращаясь къ князю, какъ къ лучшему другу, съ которымъ можно раздѣлить горе. Князь Василій вопросительно, до недоумѣнія, посмотрѣлъ на нее, потомъ на Бориса. Борисъ учтиво поклонился. Князь Василій, не отвѣчая на поклонъ, отвернулся къ Аннѣ Михайловнѣ, и на ея вопросъ отвѣчалъ движеніемъ головы и губъ, которое означало самую плохую надежду для больнаго.

— Неужели? воскликнула Анна Михайловна. — Ахъ, это ужасно! Страшно подумать.... Это мой сынъ, прибавила она, указывая на Бориса. — Онъ самъ хотѣлъ благодарить васъ.

Борисъ еще разъ учтиво поклонился.

— Вѣрьте, князь, что сердце матери никогда не забудетъ того что̀ вы сдѣлали для насъ.

— Я радъ, что могъ сдѣлать вамъ пріятное, любезная моя Анна Михаловна, сказалъ князь Василій, оправляя жабо и въ жестѣ и голосѣ проявляя здѣсь, въ Москвѣ, передъ по-

кровительствуемою Анною Михайловной еще гораздо бо́льшую важность, чѣмъ въ Петербургѣ, на вечерѣ Annette Шереръ.

— Старайтесь служить хорошо и быть достойнымъ, прибавилъ онъ, строго обращаясь къ Борису.—Я радъ... Вы здѣсь въ отпуску? продиктовалъ онъ своимъ безстрастнымъ тономъ.

— Жду приказа, ваше сіятельство, чтобъ отправиться по новому назначенію, отвѣчалъ Борисъ, не выказывая ни досады за рѣзкій тонъ князя, ни желанія вступить въ разговоръ, но такъ спокойно и холодно, что князь пристально поглядѣлъ на него.

— Вы живете съ матушкой?

— Я живу у графини Ростовой, сказалъ Борисъ, опять холодно прибавивъ: — ваше сіятельство.

Онъ говорилъ: „ваше сіятельство,“ видимо не столько для того чтобы польстить своему собесѣднику, сколько для того чтобы воздержать его отъ фамиліярности.

— Это тотъ Илья Ростовъ, который женился на Natalie З., сказала Анна Михайловна.

— Знаю, знаю, сказалъ князь Василій своимъ монотоннымъ голосомъ и съ свойственнымъ Петербургцу презрѣніемъ ко всему московскому. Je n'ai jamais pu concevoir, comment Natalie s'est dècidè à épouser cet ours mal-laiché! Un personnage complétement stupide et ridicule. Et joueur à ce qu'on dit,[1] сказалъ онъ выказывая тѣмъ, что при всемъ своемъ презрѣніи къ графу Ростову и ему подобнымъ и при своихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ онъ не чуждался городскихъ сплетень.

— Mais très brave homme, mon prince, замѣтила Анна Михайловна, трогательно улыбаясь, какъ будто и она знала, что графъ Ростовъ заслуживалъ такого мнѣнія, но просила пожалѣть бѣднаго старика.

— Что̀ говорятъ доктора? спросила княгиня, помолчавъ немного и опять выражая большую печаль на своемъ заплаканномъ лицѣ.

— Мало надежды, сказалъ князь.

— А мнѣ такъ хотѣлось еще разъ поблагодарить *дядю* за

---

[1] Я никогда не могъ понять, какъ Наташа рѣшилась выйдти замужъ за этого грязнаго медвѣдя. Совершенно глупая и смѣшная особа. Къ тому же, игрокъ, говорятъ.

всѣ его благодѣянія мнѣ и Борѣ. C'est son filleul, прибавила она такимъ тономъ какъ будто это извѣстіе должно было крайне обрадовать князя Василія.

Князь Василій задумался и поморщился. Анна Михайловна поняла, что онъ боялся найдти въ ней соперницу по завѣщанію графа Безухаго. Она поспѣшила успокоить его.

— Ежели бы не моя истинная любовь и преданность *дядѣ*, сказала она, съ особенною увѣренностію и небрежностію выговаривая это слово:—я знаю его характеръ, благородный, прямой; но, вѣдь, однѣ княжны при немъ.... Онѣ еще молоды...— Она наклонила голову и прибавила шепотомъ:—Исполнилъ ли онъ послѣдній долгъ, князь? Какъ драгоцѣнны эти послѣднія минуты! Вѣдь хуже быть не можетъ; его необходимо приготовить, ежели онъ такъ плохъ. Мы, женщины, князь,—она мило улыбнулась,—всегда знаемъ какъ говорить эти вещи. Необходимо видѣть его. Какъ бы тяжело это ни было для меня, но я привыкла уже страдать.

Князь видимо понялъ, и понялъ какъ и на вечерѣ Annette Шереръ, что отъ Анны Михайловны трудно отдѣлаться.

— Не было бы тяжело ему это свиданіе, chère Анна Михайловна, сказалъ онъ.—Подождемъ до вечера, доктора обѣщали кризисъ.

— Но нельзя ждать, князь, въ эти минуты. Pensez, il y va du salut de son âme... Ah! c'est terrible, les devoirs d'un chrétien... [1]

Изъ внутреннихъ комнатъ отворилась дверь, и вышла одна изъ княженъ, племянницъ графа, съ красивымъ, угрюмымъ и холоднымъ лицомъ и поразительно несоразмѣрною по ногамъ длинною таліей.

Князь Василій обернулся къ ней.—Ну что̀ онъ?

— Все тоже. И какъ вы хотите, этотъ шумъ.... сказала княжна, оглядывая Анну Михайловну какъ незнакомую.

— Ah, chère, je ne vous reconnaissais pas, съ счастливою улыбкой сказала Анна Михайловна, легкою иноходью подходя къ племянницѣ графа.—Je viens d'arriver et je suis à vous pour vous aider à soigner *mon oncle*. J' imagine combien vous avez souffert, [2] прибавила она, съ участіемъ закатывая глаза.

---

[1] Подумайте, дѣло идетъ о спасеніи его души. Ахъ! это ужасно, долгъ христіанина....

[2] Я пріѣхала помогать вамъ ходить за дядюшкой. Воображаю какъ вы настрадались.

Княжна даже не улыбнулась, попросила извиненія и тотчасъ же вышла. Анна Михайловна сняла перчатки, и въ завоеванной позиціи, расположилась на креслѣ, пригласивъ князя Василья сѣсть подлѣ себя.

— Борисъ! сказала она сыну, и улыбнулась:—я пройду къ графу, къ дядѣ, а ты поди къ Пьеру, mon ami, покамѣстъ, да не забудь передать ему приглашенье отъ Ростовыхъ. Они зовутъ его обѣдать. Я думаю, онъ не поѣдетъ? обратилась она къ князю.

— Напротивъ, сказалъ князь, видимо сдѣлавшійся не въ духѣ.—Je serai très content si vous me débarrassez de ce jeune homme...[1] Сидитъ тутъ. Графъ ни разу не спросилъ про него.

Онъ пожалъ плечами. Офиціантъ повелъ молодаго человѣка внизъ и вверхъ по другой лѣстницѣ къ Петру Владиміровичу

XXI.

Борисъ, благодаря спокойствію и сдержанности своего характера, всегда умѣлъ находиться въ трудныхъ обстоятельствахъ. Теперь же это спокойствіе и сдержанность усиливались еще тѣмъ облакомъ счастія, которое окружало его въ нынѣшнее утро, въ которомъ представлялись ему разныя лица, и сквозь которое легче дѣйствовали на него невольныя наблюденія его надъ пріемами и характеромъ его матери. Ему было тяжело положеніе просителя, въ которое ставила его мать, но онъ чувствовалъ, что не виноватъ въ томъ.

Пьеръ такъ и не успѣлъ выбрать себѣ карьеры въ Петербургѣ, и дѣйствительно, былъ высланъ въ Москву за буйство. Исторія, которую разказывали у графа Ростова, была справедлива. Пьеръ присутствіемъ своимъ участвовалъ въ связываньи квартальнаго съ медвѣдемъ. Онъ пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ и остановился, какъ всегда, въ домѣ своего отца. Хотя онъ и предполагалъ, что исторія его уже извѣстна въ Москвѣ, и что дамы, окружающія его отца, всегда недоброжелательныя къ нему, воспользуются этимъ

---

[1] Я былъ бы очень радъ, еслибы вы меня избавили отъ этого молодаго человѣка.

случаемъ, чтобы раздражить графа, онъ все-таки въ день пріѣзда пошелъ на половину отца. Войдя въ гостиную, обычное мѣсто пребыванія княженъ, онъ поздоровался съ дамами, сидѣвшими, за пяльцами, съ книгой, которую вслухъ читала одна изъ нихъ. Ихъ было три. Старшая, чистоплотная, съ длинною таліей, строгая дѣвица, та самая, которая выходила къ Аннѣ Михайловнѣ, читала; младшія, обѣ румяныя и хорошенькія, отличавшіяся другъ отъ друга только тѣмъ, что у одной была родинка надъ губой, очень красившая ее, шили въ пяльцахъ. Пьеръ былъ встрѣченъ какъ мертвецъ или зачумленный. Старшая княжна прервала чтеніе и молча смотрѣла на него испуганными глазами; младшая, безъ родинки, приняла точно такое же выраженіе; самая меньшая, съ родинкой, веселаго и смѣшливаго характера, нагнулась къ пяльцамъ, чтобы скрыть улыбку, вызванную вѣроятно предстоявшею сценой, забавность которой она предвидѣла. Она притянула внизъ шерстинку, и нагнулась, будто разбирая узоры и едва удерживаясь отъ смѣха.

— Bonjour, ma cousine, сказалъ Пьеръ.—Vous ne me reconaissez pas?

— Я слишкомъ хорошо васъ узнаю, слишкомъ хорошо.

— Какъ здоровье графа? Могу я видѣть его? спросилъ Пьеръ, неловко, какъ всегда, но не смущаясь.

— Графъ страдаетъ и физически и нравственно, и кажется вы позаботились о томъ, чтобы причинить ему побольше нравственныхъ страданій.

— Могу я видѣть графа? повторилъ Пьеръ.

— Гм!.. ежели вы хотите убить его, совсѣмъ убить, то можете видѣть. Ольга поди, посмотри, готовъ ли бульйонъ для дяденьки, скоро время, прибавила она, показывая этимъ Пьеру, что онѣ заняты и заняты успокоиваньемъ его отца, тогда какъ онъ очевидно занятъ только его растроиваніемъ.

Ольга вышла. Пьеръ постоялъ, посмотрѣлъ на сестеръ, и поклонившись сказалъ:

— Такъ я пойду къ себѣ. Когда можно будетъ, вы мнѣ скажите. Онъ вышелъ, и звонкій, но не громкій смѣхъ сестры съ родинкой послышался за нимъ. На другой день пріѣхалъ князь Василій и помѣстился въ домѣ графа. Онъ призвалъ къ себѣ Пьера, и сказалъ ему:

— Mon cher, si vous vous conduisez ici comme à Petersbourg:

vous finirez très-mal, c'est tout ce que je vous dis. [1] Графъ очень, очень боленъ, тебѣ совсѣмъ не надо его видѣть.

Съ тѣхъ поръ Пьера не тревожили, и онъ цѣлый день провелъ одинъ наверху, въ своей комнатѣ.

Въ то время какъ Борисъ вошелъ къ нему, Пьеръ, которому вездѣ было хорошо съ своими мыслями, ходилъ по своей комнатѣ, изрѣдка останавливаясь въ углахъ, дѣлая угрожающіе жесты къ стѣнѣ, какъ будто пронзая невидимаго врага шпагой, и строго взглядывая сверхъ очковъ, и затѣмъ вновь начиная свою прогулку, приговаривая неясныя слова, пожимая плечами и разводя руками.

— L'Angleterre a vécu! [2] проговорилъ онъ, нахмуриваясь и указывая на кого-то пальцемъ.—M. Pitt comme traître à la nation et au droit des gens est condamné à.... [3] Онъ не успѣлъ договорить приговора Питту, воображая себя въ эту минуту самимъ Наполеономъ, и вмѣстѣ съ своимъ любимымъ героемъ уже совершивъ опасный переѣздъ черезъ Па-де-Кале и завоевавъ Лондонъ,—какъ увидалъ входившаго къ нему молодаго, стройнаго и красиваго офицера. Онъ остановился. Пьеръ, рѣдко видавъ Бориса, оставилъ его четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и рѣшительно не помнилъ его; но несмотря на то, съ свойственною ему быстрою и радушною манерой, взялъ его за руку и дружелюбно улыбнулся, выставивъ свои испорченные зубы.

— Вы меня помните? сказалъ Борисъ.—Я съ maman пріѣхалъ къ графу, но онъ кажется не совсѣмъ здоровъ.

— Да, кажется, нездоровъ. Его все тревожатъ, отвѣчалъ Пьеръ совсѣмъ не замѣчая того, что онъ этимъ какъ будто упрекалъ Бориса и его мать.

Онъ старался вспомнить кто этотъ молодой человѣкъ. Борису же показался намекъ въ словахъ Пьера.

Онъ вспыхнулъ и смѣло и насмѣшливо посмотрѣлъ на Пьера какъ будто говоря: „мнѣ стыдиться нечего." Пьеръ не находился что̀ бы сказать.

---

[1] Мой милый, если вы будете вести себя здѣсь какъ въ Петербургѣ, вы кончите очень дурно.

[2] Англіи конецъ.

[3] Питтъ какъ измѣнникъ націи и народному праву, приговаривается къ.....

— Графъ Ростовъ просилъ васъ нынче пріѣхать къ нему обѣдать, продолжалъ Борисъ послѣ довольно долгаго и неловкаго для Пьера молчанія.

— А! Графъ Ростовъ! радостно заговорилъ Пьеръ:—такъ вы его сынъ, Elie. Я, можете себѣ представить, въ первую минуту не узналъ васъ. Помните, какъ мы на Воробьевы горы ѣздили съ Mme Jacquot...

— Вы ошибаетесь, неторопливо, съ смѣлою и нѣсколько насмѣшливою улыбкой, проговорилъ Борисъ. — Я Борисъ, сынъ княгини Анны Михайловны Друбецкой. Ростова отца зовутъ Ильей, а сына Николаемъ. И я Mme Jacquot никакой не зналъ.

Пьеръ замахалъ руками и головой, какъ будто комаръ или пчелы напали на него.

— Ахъ, ну что это! я все спуталъ. Въ Москвѣ столько родныхъ! Вы Борисъ... да. Ну вотъ мы съ вами и договорились. Ну что вы думаете о булонской экспедиціи? Вѣдь Англичанамъ плохо придется, ежели только Наполеонъ переправится черезъ Каналъ. Я думаю, что экспедиція очень возможна. Только Вилльнёвъ бы не оплошалъ.

Борисъ ничего не зналъ о булонской экспедиціи, онъ не читалъ газетъ и о Вилльнёвѣ въ первый разъ слышалъ.

— Мы здѣсь въ Москвѣ больше заняты обѣдами и сплетнями чѣмъ политикой, сказалъ онъ своимъ спокойнымъ насмѣшливымъ тономъ.—Я ничего про это не знаю и не думаю. Москва занята сплетнями больше всего, продолжалъ онъ.— Теперь говорятъ про васъ и про графа.

Пьеръ улыбнулся своею доброю улыбкой какъ будто боясь за своего собесѣдника, какъ бы онъ не сказалъ чего-нибудь такого, въ чемъ сталъ бы раскаиваться. Но Борисъ говорилъ отчетливо, ясно и сухо, прямо глядя въ глаза Пьера.

— Москвѣ больше дѣлать нечего какъ сплетничать, продолжалъ онъ. Всѣ заняты тѣмъ, кому оставитъ графъ свое состояніе, хотя, можетъ-быть, онъ переживетъ всѣхъ насъ, чего я отъ души желаю...

— Да, это все очень тяжело, подхватилъ Пьеръ,—очень тяжело.

Пьеръ все боялся, что этотъ мальчикъ, офицеръ, нечаянно вдастся въ неловкій для самого себя разговоръ.

— А вамъ должно казаться, говорилъ Борисъ краснѣя, но не измѣняя голоса и позы,—вамъ должно казаться, что всѣ заняты только тѣмъ, чтобы получить что-нибудь отъ богача.

„Такъ и есть,“ подумалъ Пьеръ.

— А я именно хочу сказать вамъ, чтобъ избѣжать недоразумѣній, что вы очень ошибетесь, ежели причтете меня и мою мать къ числу этихъ людей. Мы очень бѣдны, но я по крайней мѣрѣ за себя говорю, именно потому что отецъ вашъ богатъ, я не считаю себя его родственникомъ и никогда ничего не буду просить и не приму отъ него, кончилъ онъ, разгораясь все болѣе и болѣе.

Пьеръ долго не могъ понять, но когда понялъ, вскочилъ съ дивана, ухватилъ Бориса за руку снизу, съ свойственною ему быстротой и неловкостью, и раскраснѣвшись гораздо болѣе чѣмъ Борисъ, началъ говорить съ смѣшаннымъ чувствомъ стыда и досады.

— Послушайте... Вотъ это странно! Я развѣ... да и кто жь могъ думать... Я очень знаю...

Но Борисъ опять перебилъ его.

— Я радъ, что высказалъ все. Можетъ-быть вамъ непріятно, вы меня извините, сказалъ онъ, успокоивая Пьера, вмѣсто того чтобы успокоиваться имъ, — но я надѣюсь, что не оскорбилъ васъ. Я имѣю правило говорить все прямо.. Какже мнѣ передать? Вы пріѣдете обѣдать къ Ростовымъ?

И Борисъ, видимо сваливъ съ себя тяжелую обязанность, самъ выйдя изъ неловкаго положенія и поставивъ въ него другаго, сдѣлался веселъ и свободенъ.

— Нѣтъ, послушайте, сказалъ Пьеръ успокоиваясь. — Вы удивительный человѣкъ. То, что вы сейчасъ сказали, очень хорошо, очень хорошо. Разумѣется вы меня не знаете, мы такъ давно не видались... дѣтьми еще.... Вы можете предполагать во мнѣ... Я васъ понимаю, очень понимаю. Я бы этого не сдѣлалъ, у меня не достало бы духу, но это прекрасно. Я очень радъ, что познакомился съ вами. Странно, прибавилъ онъ, помолчавъ и улыбаясь,—что̀ вы во мнѣ предполагали!

Онъ засмѣялся.

— Ну да что̀ жь! Мы познакомимся съ вами лучше. Пожалуста.

Онъ пожалъ руку Борису.

— Вы знаете ли, я ни разу не былъ у графа. Онъ меня не

звалъ... Мнѣ его жалко какъ человѣка.. но что же дѣлать.

Борисъ улыбался весело и добродушно.

— И вы думаете, что Наполеонъ успѣетъ переправить армію? спросилъ онъ.

Пьеръ понялъ, что Борисъ хотѣлъ перемѣнить разговоръ, и соглашаясь съ нимъ, началъ излагать выгоды и невыгоды булонскаго предпріятія.

Лакей пришелъ вызвать Бориса къ княгинѣ. Княгиня уѣзжала. Пьеръ обѣщался пріѣхать обѣдать, затѣмъ чтобы ближе сойдтись съ Борисомъ, крѣпко жалъ его руку, ласково глядя ему въ глаза черезъ очки... По уходѣ его, Пьеръ долго еще ходилъ по комнатѣ, уже не пронзая невидимаго врага шпагой, а улыбаясь при воспоминаніи объ этомъ миломъ, умномъ и твердомъ молодомъ человѣкѣ.

Какъ это бываетъ въ первой молодости и особенно въ одинокомъ положеніи, онъ почувствовалъ безпричинную нѣжность къ этому молодому человѣку и обѣщалъ себѣ непремѣнно подружиться съ нимъ.

Князь Василій провожалъ княгиню. Княгиня держала платокъ, и лицо ея было въ слезахъ.

— Это ужасно! ужасно! говорила она:—но чего бы мнѣ не стоило, я исполню свой долгъ. Я пріѣду ночевать. Его нельзя такъ оставить. Каждая минута дорога. Я не понимаю, чего мѣшкаютъ княжны. Можетъ, Богъ поможетъ мнѣ найдти средство его приготовить!... Adieu mon Prince, que le bon Dieu vous soutienne....

— Adieu, ma bonne, отвѣчалъ князь Василій повертываясь отъ нея. — Venez!

— Ахъ, онъ въ ужасномъ положеніи, сказала мать сыну, когда они опять садились въ карету.—Онъ почти никого не узнаетъ. Можетъ-быть будетъ лучше.

— Я не понимаю, маменька, какія его отношенія къ Пьеру, спросилъ сынъ.

— Все скажетъ завѣщаніе, мой другъ, отъ него и наша судьба зависитъ....

— Но почему вы думаете, что онъ оставитъ что-нибудь намъ?

— Ахъ, мой другъ! Онъ такъ богатъ, а мы такъ бѣдны!

— Ну, еще это недостаточная причина, маменька.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! какъ онъ жалокъ! восклицала мать.

XXII.

Когда Анна Михайловна уѣхала съ сыномъ къ князю Кириллу Владиміровичу Безухому, графиня долго сидѣла одна, прикладывая платокъ къ глазамъ. Наконецъ она позвонила.

— Чтò вы, милая, сказала она сердито дѣвушкѣ, которая заставила себя ждать нѣсколько минутъ.—Не хотите служить что ли? Такъ я вамъ найду мѣсто.

Графиня была разстроена горемъ и унизительною бѣдностью своей подруги, и поэтому была не въ духѣ, чтò выражалось у нея всегда наименованіемъ служанки: „милая" и „вы".

— Виновата-съ, сказала горничная.

— Попросите ко мнѣ графа.

Графъ, переваливаясь, подошелъ къ женѣ, съ нѣсколько виноватымъ видомъ, какъ и всегда.

— Ну, графинюшка! какое sauté au madère изъ рябчиковъ будетъ, ma chère! Я попробовалъ; не даромъ я за Тараску тысячу рублей далъ. Стòитъ!

Онъ сѣлъ подлѣ жены, облокотивъ молодецки руки на колѣна...., и взъерошивая сѣдые волосы.—Чтò прикажете, графинюшка?

— Вотъ чтò, мой другъ,—что это у тебя запачкано здѣсь? сказала она, указывая на жилетъ. Это соте вѣрно, прибавила она улыбаясь. — Вотъ чтò, графъ: мнѣ денегъ нужно.

Лицо ея стало печально.

— Ахъ, графинюшка!...—И графъ засуетился, доставая бумажникъ.

— Мнѣ много надо, графъ, мнѣ пятьсотъ рублей надо.—И она доставъ батистовый платокъ, терла имъ жилетъ мужа.

— Сейчасъ, сейчасъ. Эй, кто тамъ? крикнулъ онъ такимъ голосомъ, какимъ кричатъ только люди, увѣренные, что тѣ кого они кличутъ, стремглавъ бросятся на ихъ зовъ.—Послать ко мнѣ Митеньку!

Митенька, тотъ дворянскій сынъ, воспитанный у графа, который теперь завѣдывалъ всѣми его дѣлами, тихими шагами вошелъ въ комнату.

— Вотъ чтò, мой милый, сказалъ графъ вошедшему по-

чтительному молодому человѣку.—Принеси ты мнѣ....—Онъ задумался.—Да, 700 рублей, да. Да смотри такихъ рваныхъ и грязныхъ какъ тотъ разъ не приноси, а хорошихъ, для графини.

— Да, Митенька, пожалуста, чтобъ чистенькія, сказала графиня грустно вздыхая.

— Ваше сіятельство, когда прикажете доставить? сказалъ Митенька.—Изволите знать, что.... Впрочемъ, не извольте безпокоиться, прибавилъ онъ, замѣтивъ какъ графъ уже началъ тяжело и часто дышать, что̀ всегда было признакомъ начинавшагося гнѣва.—Я было и запамятовалъ.... Сію минуту прикажете доставить?

— Да, да, то-то, принеси. Вотъ графинѣ отдай.

— Экое золото у меня этотъ Митенька, прибавилъ графъ, улыбаясь, когда молодой человѣкъ вышелъ.—Нѣтъ того, чтобы нельзя. Я же этого терпѣть не могу. Все можно.

— Ахъ деньги, графъ, деньги, сколько отъ нихъ горя на свѣтѣ! сказала графиня.—А эти деньги мнѣ очень нужны.

— Вы, графинюшка, мотовка извѣстная, проговорилъ графъ, и поцѣловавъ у жены руку, ушелъ опять въ кабинетъ.

Когда Анна Михайловна вернулась опять отъ Безухаго, у графини лежали уже деньги, все новенькими бумажками подъ платкомъ на столикѣ, и Анна Михайловна замѣтила, что графиня чѣмъ-то растревожена и имѣла печальный видъ.

— Ну что̀, мой другъ? спросила графиня.

— Ахъ, въ какомъ онъ ужасномъ положеніи! Его узнать нельзя, онъ такъ плохъ, такъ плохъ; я минутку побыла, и двухъ словъ не сказала....

— Annette, ради Бога, не откажи мнѣ, сказала вдругъ графиня краснѣя, что̀ такъ странно было при ея немолодомъ, худомъ и важномъ лицѣ, доставая изъ-подъ платка деньги.

Анна Михайловна мгновенно поняла въ чемъ дѣло и ужь нагнулась, чтобы въ должную минуту ловко обнять графиню.

— Вотъ Борису отъ меня, на шитье мундира....

Анна Михайловна ужь обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали онѣ о томъ что онѣ дружны, и о томъ что онѣ добры, и о томъ что онѣ, подруги молодости, заняты такимъ низкимъ предметомъ, деньгами, и о томъ что молодость ихъ прошла.... Но слезы обѣихъ были пріятны....

XXIII.

Графиня Ростова съ дочерью и уже съ большимъ числомъ гостей сидѣла въ гостиной. Графъ провелъ гостей-мущинъ въ кабинетъ, предлагая имъ свою охотницкую коллекцію турецкихъ трубокъ. Изрѣдка онъ выходилъ и спрашивалъ: не пріѣхала ли? Ждали Марью Дмитріевну Ахросимову, прозванную въ обществѣ le terrible dragon, даму знаменитую, не богатствомъ, не почестями, но прямотой ума и откровенною простотой обращенія. Марью Дмитріевну знала царская фамилія, знала вся Москва и весь Петербургъ, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмѣивались надъ ея грубостью, разказывали про нея анекдоты; тѣмъ не менѣе всѣ безъ исключенія уважали и боялись ее.

Въ кабинетѣ, полномъ дыма, шелъ разговоръ о войнѣ, которая была объявлена манифестомъ, и о наборѣ. Манифеста еще никто не читалъ, но всѣ знали о его появленіи. Графъ сидѣлъ на отоманкѣ, между двумя курившими и разговаривавшими сосѣдями. Графъ самъ не курилъ и не говорилъ, а наклоняя голову то на одинъ бокъ, то на другой, съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на курившихъ и слушалъ разговоръ двухъ сосѣдей своихъ, которыхъ онъ стравилъ между собой.

Одинъ изъ говорившихъ былъ штатскій, съ морщинистымъ, желчнымъ и бритымъ худымъ лицомъ, человѣкъ уже приближавшійся къ старости, хотя и одѣтый какъ самый модный молодой человѣкъ; онъ сидѣлъ съ ногами на отоманкѣ, съ видомъ домашняго человѣка, и съ боку запустивъ себѣ далеко въ ротъ янтарь, порывисто втягивалъ дымъ и жмурился. Это былъ извѣстный московскій острякъ, старый холостякъ, Шиншинъ, двоюродный братъ графини, изболтавшійся франтъ, какъ про него говорили въ московскихъ гостиныхъ. Онъ, казалось, снисходилъ до своего собесѣдника. Другой, свѣжій, розовый, гвардейскій офицеръ, безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, держалъ янтарь у середины рта и розовыми губками слегка вытягивалъ дымокъ, выпуская его колечками изъ красиваго рта, казалось

преимущественно для выпусканія колецъ предназначеннаго. Это былъ тотъ поручикъ Бергъ, офицеръ Семеновскаго полка, съ которымъ Борисъ ѣхалъ вмѣстѣ въ полкъ, и которымъ Наташа дразнила Вѣру, старшую графиню, называя Берга ея женихомъ. Бергъ отъ разговора про войну перешелъ къ своимъ дѣламъ, развивалъ свои будущіе служебные планы и видимо былъ очень гордъ тѣмъ, что разговаривалъ съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ какъ Шиншинъ. Графъ сидѣлъ между ними и внимательно слушалъ. Самое пріятное для графа занятіе, за исключеніемъ игры въ бостонъ, которую онъ очень любилъ, было положеніе слушающаго, особенно когда ему удавалось стравить двухъ бойкихъ и говорливыхъ собесѣдниковъ. Хотя Бергъ и не былъ говорливый собесѣдникъ, графъ подмѣтилъ на губахъ Шиншина насмѣшливую улыбку, какъ будто говорившую: „Посмотрите какъ я обработаю этого офицерика.“ И графъ безъ всякаго дурнаго чувства къ Бергу, утѣшался отыскиваньемъ остроумія въ каждомъ словѣ Шиншина.

— Ну какже, батюшка, mon très honorable Альфонсъ Карлычъ, говорилъ Шиншинъ, посмѣиваясь и соединяя, въ чемъ и состояла особенность его рѣчи, самыя тривіальныя русскія выраженія съ изысканными французскими фразами. Vous comptez vous faire des rentes sur l'état, съ роты доходецъ получать хотите.

— Нѣтъ-съ, Петръ Николаичъ, я только желаю показать, что въ кавалеріи выгодъ гораздо меньше противъ пѣхоты. Вотъ теперь сообразите, Петръ Николаичъ, мое положеніе....

Бергъ говорилъ всегда очень точно, спокойно и учтиво. Разговоръ его всегда касался только его одного; онъ всегда спокойно молчалъ, пока говорили о чемъ-нибудь не имѣющемъ прямаго къ нему отношенія. И молчать такимъ образомъ онъ могъ нѣсколько часовъ, не испытывая и не производя въ другихъ ни малѣйшаго замѣшательства. Но какъ скоро разговоръ касался его лично, онъ начиналъ говорить пространно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Сообразите мое положеніе, Петръ Николаичъ, будь я въ кавалеріи, я бы получалъ не болѣе двухъ сотъ рублей въ треть, даже и въ чинѣ поручика, а теперь я получаю двѣсти тридцать, говорилъ онъ съ радостною, пріятною, эгоистичною улыбкой, оглядывая Шиншина и графа какъ будто для

него было очевидно, что его успѣхъ всегда будетъ составлять главную цѣль желаній всѣхъ остальныхъ людей. Графъ оглянулся на Шиншина, ожидая, скоро ли начнется остроуміе, но Шиншинъ молчалъ, только посмѣиваясь. Графъ тоже посмѣивался.

— Кромѣ того, Петръ Николаичъ, перейдя въ гвардію, я на виду, продолжалъ Бергъ,—и вакансіи въ гвардейской пѣхотѣ гораздо чаще. Потомъ сами сообразите, какъ я могъ устроиться изъ двухъ сотъ тридцати рублей.

Онъ помолчалъ и торжествуя продолжалъ:

— А я откладываю и еще отцу посылаю. И онъ пустилъ колечко.

— La balance y est.... Нѣмецъ на обухѣ молотитъ хлѣбецъ, comme dit le proverbe, перекладывая янтарь на другую сторону рта сказалъ Шиншинъ, и подмигнулъ графу.

Графъ расхохотался. Другіе гости, видя, что Шиншинъ ведетъ разговоръ, подошли послушать. Бергъ, не замѣчая ни насмѣшки, ни равнодушія, разказалъ длинно, подробно и отчетливо, какъ переводомъ въ гвардію онъ уже выигралъ чинъ передъ своими товарищами по корпусу, какъ въ военное время ротнаго командира могутъ убить, и онъ, оставшись старшимъ въ ротѣ, можетъ очень легко быть ротнымъ, и какъ въ полку всѣ любятъ его, и какъ его папенька имъ доволенъ. Слушатели все ждали вмѣстѣ съ графомъ, скоро ли будетъ смѣшное, но смѣшное не приходило. Бергъ видимо наслаждался, разказывая все это, и казалось не подозрѣвалъ того, что у другихъ людей могли быть тоже свои интересы. Но все, что онъ разказывалъ, было такъ мило-степенно, наивность молодаго эгоизма его была такъ очевидна, что онъ обезоруживалъ своихъ слушателей, и что даже Шиншинъ пересталъ смѣяться надъ нимъ. Онъ показался ему не стóящимъ разговора.

— Ну, батюшка, вы и въ пѣхотѣ и въ кавалеріи, вездѣ пойдете въ ходъ, это я вамъ предрекаю. Je vous promets une brillante carrière, сказалъ онъ трепля его по плечу и спуская ноги съ отоманки. Бергъ радостно улыбнулся. Графъ, а за нимъ и гости вышли въ гостиную.

XXIV.

Было то время передъ званымъ обѣдомъ, когда собравшіеся парадные гости не начинаютъ длиннаго разговора въ ожиданіи призыва къ закускѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ необходимымъ шевелиться и не молчать, чтобы показать, что они нисколько не нетерпѣливы сѣсть за столъ. Хозяева поглядываютъ на дверь и изрѣдка переглядываются между собой. Гости по этимъ взглядамъ стараются догадаться кого или чего еще ждутъ: важнаго опоздавшаго родственника или кушанья, которое, по дошедшимъ изъ кухни свѣдѣніямъ, еще не поспѣло. Въ лакейской въ это время лакеи еще не успѣли завести разговоръ о господахъ, потому что имъ приходится безпрестанно вставать для пріѣзжающихъ.

Въ кухнѣ повара въ это время ожесточаются и съ мрачными лицами, въ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ, переходятъ отъ плиты къ вертелу и шкафу, и покрикиваютъ на поварятъ, которые въ эти минуты становятся особенно робки. Кучера у подъѣзда устанавливаютъ цуги, и усѣвшись покойно на козлахъ, переговариваются или забѣгаютъ покурить трубочки въ кучерскую.

Пьеръ пріѣхалъ и неловко сидѣлъ посрединѣ гостиной, на первомъ попавшемся креслѣ, загородивъ всѣмъ дорогу. Графиня хотѣла заставить его говорить; но онъ наивно смотрѣлъ въ очки вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то, и односложно отвѣчая на всѣ вопросы графини. Онъ былъ стѣснителенъ и одинъ не замѣчалъ этого. Большая часть гостей, знавшая его исторію съ медвѣдемъ, любопытно смотрѣли на этого большаго, толстаго и смирнаго человѣка, недоумѣвая, какъ могъ такой увалень и скромникъ сдѣлать такую штуку съ квартальнымъ.

— Вы недавно пріѣхали? спрашивала у него графиня.

— Oui, madame, отвѣчалъ онъ, оглядываясь.

— Вы не видали моего мужа?

— Non, madame, онъ улыбнулся совсѣмъ некстати.

— Вы, кажется, недавно были въ Парижѣ? Я думаю очень интересно.

— Очень интересно, отвѣчалъ онъ, разсуждая самъ съ собой, гдѣ до сихъ поръ можетъ быть этотъ Борисъ, который ему такъ понравился.

Графиня переглянулась съ княгиней Анной Михайловной. Анна Михайловна поняла, что ее просятъ занять этого молодаго человѣка, и подсѣвъ къ нему, начала говорить объ отцѣ; но, такъ же какъ и графинѣ, онъ отвѣчалъ ей только односложными словами. Гости были всѣ заняты между собой. Со всѣхъ сторонъ слышался шумъ платьевъ. Les Razoumovsky....Ça été charmant....Vous êtes bien bonne.... la comtesse Apraksine.... Графиня встала чтобъ выйдти въ залу.

— Марья Дмитріевна? послышался ея голосъ изъ залы.

— Она самая, послышался въ отвѣтъ грубый женскій голосъ, и вслѣдъ затѣмъ вошла въ комнату Марья Дмитріевна, пріѣхавшая съ дочерью.

Всѣ барышни и даже дамы, исключая самыхъ старыхъ, встали. Марья Дмитріевна остановилась въ дверяхъ, и съ высоты своего тучнаго тѣла, высоко держа свою красивую съ сѣдыми буклями пятидесятилѣтнюю голову, оглядѣла гостей. Марья Дмитріевна всегда говорила по-русски.

— Имениницѣ дорогой съ дѣтками, сказала она своимъ громкимъ, густымъ, подавляющимъ всѣ другіе звуки, голосомъ.—Сама бы пріѣхала утромъ съ визитомъ, да не люблю по утрамъ шляться. Ты что, старый грѣховодникъ, обратилась она къ графу, цѣловавшему ея руку, — чай скучаешь въ Москвѣ? собакъ гонять негдѣ? Да что, батюшка, дѣлать, вотъ какъ эти пташки подростутъ...—Она указывала на дочь, совсѣмъ не похожую на мать, недурную барышню, которая казалась на видъ столь же нѣжною и сладкою, сколько мать казалась грубою. — Хочешь не хочешь, надо имъ жениховъ искать. Вонъ они, твои-то, ужь и всѣ на возрастѣ, она указала на вошедшихъ въ гостиную Наташу и Соню.

Когда пріѣхала Марья Дмитріевна, всѣ собрались въ гостиную, ожидая выхода къ столу. Вошелъ Борисъ, и Пьеръ тотчасъ же присоединился къ нему.

— Ну, что, казакъ мой? (Марья Дмитріевна козакомъ называла Наташу.) Какой козырь дѣвка стала! говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую къ ея рукѣ безъ страха и весело.—Знаю, что повѣса дѣвка, сѣчь бы ее надо, а люблю.

Она достала изъ огромнаго ридикюля (ридикюль Марьи Дмитріевны былъ всѣмъ извѣстенъ обиліемъ и разнообразіемъ содержанія) яхонтовыя сережки грушками, и отдавъ его именинно сіявшей и разрумянившейся Наташѣ, тотчасъ же отвернулась отъ нея, и замѣтивъ Пьера обратилась къ нему:

— Э, э! любезный! поди-ка сюда, сказала она притворно тихимъ и тонкимъ голосомъ, какъ говорятъ собакѣ, которую хотятъ пробрать.—Поди-ка, любезный....

Пьеръ подошелъ неиспуганно, но школьнически наивно и весело глядя на нее черезъ очки, какъ будто онъ самъ собирался не менѣе другихъ позабавиться въ предстоящей потѣхѣ.

— Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то и Богъ велитъ.

Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того что̀ будетъ, и чувствуя что было только предисловіе.

— Хорошъ, нечего сказать! хорошъ мальчикъ!... Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется, квартальнаго на медвѣдя верхомъ сажаетъ. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ.

Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался отъ смѣха. Пьеръ только подмигнулъ Борису.

— Ну что̀ жь, къ столу, я чай, пора, сказала Марья Дмитріевна.

Впереди пошелъ графъ съ Марьей Дмитріевной, потомъ графиня, которую повелъ гусарскій полковникъ, нужный человѣкъ, съ которымъ Николай долженъ былъ догонять полкъ; Анна Михайловна съ Шиншинымъ. Бергъ подалъ руку Вѣрѣ. Жюли, вѣчно улыбающаяся и закатывающая глаза, дочь Марьи Дмитріевны, съ самаго пріѣзда своего не отпускавшая отъ себя Николая, пошла съ нимъ къ столу. За ними шли еще другія пары, протянувшіяся по всей залѣ, и сзади всѣхъ по одиночкѣ дѣти, гувернеры и гувернантки. Офиціанты зашевелились, стулья загремѣли, на хорахъ заиграла музыка, и гости размѣстились. Звуки домашней музыки графа замѣнились звуками ножей и вилокъ, говора гостей, тихихъ шаговъ все сѣдыхъ, почтенныхъ офиціантовъ. На одномъ концѣ стола во главѣ сидѣла графиня. Справа Марья Дмитріевна, слѣва княгиня

Анна Михайловна, и другія гостьи. На другомъ концѣ сидѣлъ графъ, слѣва гусарскій полковникъ, справа Шиншинъ и другіе гости мужскаго пола. Съ одной стороны длиннаго стола молодежь постарше: Вѣра рядомъ съ Бергомъ, Пьеръ рядомъ съ Борисомъ; съ другой стороны—дѣти, гувернеры и гувернантки. Графъ, изъ-за хрусталя, бутылокъ и вазъ съ фруктами, поглядывалъ на жену, хотя собственно ему виднѣлся только высокій чепецъ ея съ голубыми лентами и усердно подливалъ вина своимъ сосѣдямъ, не забывая и себя. Графиня также, изъ-за ананасовъ не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, котораго лысина и лицо, казалось ей, своею краснотой рѣзче отличались отъ сѣдыхъ волосъ. На дамскомъ концѣ шло равномѣрное лепетанье; на мужскомъ все громче и громче слышались голоса, особенно гусарскаго полковника, который такъ много ѣлъ и пилъ, все далѣе и далѣе краснѣя, что графъ уже ставилъ его въ примѣръ другимъ гостямъ. Бергъ тихо разказывалъ непріятно-улыбавшейся Вѣрѣ о преимуществахъ военнаго времени въ финансовомъ отношеніи; Борисъ называлъ новому своему пріятелю Пьеру бывшихъ за столомъ гостей,, и переглядывался съ Наташей сидѣвшею противъ него. Пьеръ, невольно усвоившій себѣ петербургское презрѣніе къ Москвичамъ, повѣрялъ собственными наблюденіями все слышанное имъ о нравахъ московскаго общества. Все было такъ: чопорность (блюда подавались по чинамъ и возрасту), ограниченность интересовъ (политикой никто не былъ занятъ) и хлѣбосольство, которому онъ, однако, отдавалъ должную справедливость. Начиная отъ двухъ суповъ, изъ которыхъ онъ выбралъ a la tortue и кулебяки, и до соте изъ рябчиковъ, столь понравившагося графу, онъ не пропускалъ ни одного блюда, ни одного вина, которое дворецкій, въ завернутой салфеткою бутылкѣ, таинственно высовывалъ изъ-за плеча сосѣда и тихо приговаривалъ: „дрей-мадера, венгерское, рейнвейнъ" и т. д. Онъ подставлялъ первую попавшуюся изъ четырехъ хрустальныхъ, съ вензелемъ графа, рюмокъ, стоявшихъ передъ каждымъ приборомъ, и пилъ съ удовольствіемъ, все съ болѣе и болѣе пріятнымъ видомъ поглядывая на гостей. Наташа, сидѣвшая противъ него, глядѣла на Бориса, какъ глядятъ дѣвочки тринадцати лѣтъ на мальчика, съ

которымъ они утромъ въ первый разъ поцѣловались и въ котораго онѣ влюблены, и изрѣдка улыбалась. Пьеръ безпрестанно взглядывалъ на нее, и подпадалъ подъ взглядъ и улыбку, назначенные Борису.

— Странно, говорилъ онъ шепотомъ Борису,—она не хороша, меньшая Ростова, вотъ эта маленькая, черненькая, а какое милое лицо! Не правда ли?

— Старшая лучше, отвѣчалъ Борисъ, чуть замѣтно улыбаясь.

— Нѣтъ, можете себѣ вообразить? Всѣ черты неправильныя, а чудо какъ мила.

И Пьеръ все смотрѣлъ на нее, Борисъ выражалъ удивленіе такому странному вкусу Пьера. Николай сидѣлъ далеко отъ Сони подлѣ Жюли Ахросимовой, отвѣчая на ея ласковыя восторженныя рѣчи, а между тѣмъ взглядомъ постоянно успокоивалъ кузину, давая ей чувствовать, что гдѣ бы онъ ни былъ, на другомъ концѣ стола, или на другомъ концѣ свѣта, мысли его будутъ всегда принадлежать ей одной. Соня улыбалась парадно, но видимо уже мучилась ревностью, то блѣднѣла, то краснѣла и всѣми силами прислушивалась къ тому, что говорили между собою Николай и Жюли. Наташа сидѣла, къ своему огорченію, съ дѣтьми, между маленькимъ братомъ и толстою гувернанткой. Гувернантка безпокойно оглядывалась и что-то безпрестанно шептала своей питомицѣ и тотчасъ взглядывала на гостей, ожидая одобренія. Гувернеръ Нѣмецъ старался запомнить всѣ роды кушаній, десертовъ и винъ, съ тѣмъ чтобы описать все подробно въ письмѣ къ домашнимъ въ Германію, и весьма обижался тѣмъ, что дворецкій, съ завернутою въ салфетку бутылкой, обносилъ его. Нѣмецъ хмурился, старался показать видъ, что онъ и не желалъ получить этого вина, но обижался потому что никто не хотѣлъ понять, что вино нужно было ему не для того чтобъ утолить жажду, не изъ жадности, а изъ добросовѣстной любознательности.

XXV.

Наташѣ видимо не сидѣлось на мѣстѣ, она ущипнула брата, подмигнула на гувернантку, отчего толстый Петруша лопнулъ было со смѣха, и вдругъ перегнулась всѣмъ тѣломъ черезъ столъ къ Борису и разлила, къ ужасу гувернантки, на

чистѣйшую скатерть квасъ изъ стакана, и не обращая вниманіе на замѣчанія, требовала вниманія къ себѣ. Борисъ нагнулся. Пьеръ тоже прислушивался, ожидая что̀ скажетъ эта маленькая черненькая, которая, несмотря на свои неправильныя черты, какъ ему казалось, по странной, ему одному свойственной фантазіи, нравилась ему больше всѣхъ, кого онъ видѣлъ за этимъ столомъ.

— Борисъ, что̀ пирожное будетъ? спросила Наташа, съ значительнымъ видомъ поднимая брови.

— Не знаю, право.

— Нѣтъ, очень мила! улыбаясь прошепталъ Пьеръ, какъ будто кто съ нимъ объ этомъ упорно спорилъ. Наташа замѣтила тотчасъ впечатлѣніе, произведенное ею на Пьера и весело улыбнулась ему и даже кивнула ему слегка головой, или тряхнула кудрями, глядя на него. Онъ могъ принять это какъ хотѣлъ. Пьеръ слова еще не сказалъ съ Наташей, но одною этою взаимною улыбкой, они уже сказали себѣ, что нравятся другъ другу.

На мужскомъ концѣ стола, между тѣмъ, разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Полковникъ разказалъ, что манифестъ объ объявленіи войны уже вышелъ въ Петербургѣ, и что экземпляръ, который онъ самъ видѣлъ, доставленъ нынѣ курьеромъ главнокомандующему.

— И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать съ Бонапартомъ, сказалъ Шиншинъ.—Il a deja rabattu le coquet à l'Autriche. Je crains que cette fois ce ne soit notre tour.

Полковникъ былъ плотный, высокій и сангвиническій Нѣмецъ, очевидно, служака и патріотъ. Онъ обидѣлся словами Шиншина.

— А затэмъ, мылостывый государь, сказалъ онъ, хотя и правильно говоря по-русски, но выговаривая *э* вмѣсто *е* и *ъ* вмѣсто *ь*.—Затэмъ, что импэраторъ это знаэтъ. Онъ въ манифэстэ сказалъ, что не можэтъ смотрэйтъ равнодушно на опасности угрожающія Россіи, и что бэзопасностъ имперіи, достоинство ея и святостъ *союзовъ*, сказалъ онъ, почему-то особенно налегая на слово „союзовъ", какъ будто въ этомъ была вся сущность дѣла. И съ свойственною ему, непогрѣшимою, офиціальною памятью, онъ повторилъ вступительныя слова манифеста.... „и желаніе, единственную и непремѣнную цѣль государя составляющія: водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ—рѣшеніе его двинуть нынѣ часть

войска за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія.“ Вотъ зачэмъ мылостывый государъ, заключилъ онъ, назидательно выпивая стаканъ лафита и оглядываясь на графа за поощреніемъ.

— Connaissez vous le proverbe: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена,“ сказалъ Шиншинъ, разваливаясь и гримасничая. — Cela nous convient à merveille. Ужь на что Суворова, и того расколотили, à plate couture, а гдѣ у насъ Суворовы теперь? Je vous demande un peu, безпрестанно перескакивая съ русскаго на французскій языкъ и ломаясь говорилъ острякъ.

— Мы должны и драться до послэднэ капли кровъ, сказалъ полковникъ, съ жестомъ не совсѣмъ хорошаго тона, ударяя по столу, и умэр-р-рэтъ за своего импэратора, и тогда всэй будэтъ хорошо. А разсуждатъ какъ мо-о-ожно (онъ особенно вытянулъ голосъ на словѣ „можно“), какъ мо-о-о-жно менше, докончилъ онъ, опять обращаясь къ графу.—Такъ мы, старые гусары, судимъ, вотъ и все. А вы какъ судитэ, молодой человѣкъ и молодой гусаръ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Николаю, который услыхавъ, что дѣло шло о войнѣ, оставилъ свою собесѣдницу и во всѣ глаза смотрѣлъ и всѣми ушами слушалъ полковника.

— Совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ Николай, весь вспыхнувъ, вертя тарелку и переставляя стаканы съ такимъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ видомъ, какъ будто въ настоящую минуту онъ подвергался великой опасности, — я убѣжденъ, что Русскіе должны умирать или побѣждать, сказалъ онъ, самъ чувствуя также какъ и другіе послѣ того какъ слово ужь было сказано, что оно было слишкомъ восторженно и напыщенно для настоящаго случая и потому неловко; но красивая и впечатлительная молодость его открытаго лица дѣлала выходку его и для другихъ скорѣе милою чѣмъ смѣшною.

— C'est bien beau ce que vous venez de dire, сказала Жюли, вздыхая и пряча глаза подъ вѣки отъ глубины чувства. Соня задрожала вся и покраснѣла до ушей, за ушами и до шеи и плечъ, въ то время какъ Николай говорилъ. Пьеръ прислушался къ рѣчамъ полковника, и одобрительно закивалъ головой, хотя онъ и считалъ по своимъ разсужденіямъ патріотизмъ глупостью. Онъ невольно сочувствовалъ всякому искреннему слову.

— Вотъ это славно. Très bien, très bien, сказалъ онъ.

— Настоящій гусаръ, молодой человѣкъ, крикнулъ полковникъ, ударивъ опять по столу,

— О чемъ вы тамъ шумите. Вдругъ послышался черезъ столъ басистый голосъ Марьи Дмитріевны.—Что ты по столу стучишь? обратилась она къ гусару, всегда высказывая то, что другіе только думали,—на кого ты горячишься? вѣрно думаешь, что тутъ Французы передъ тобой?

— Я правду гавару, улыбаясь сказалъ гусаръ.

— Все о войнѣ, черезъ столъ прокричалъ графъ. — Вѣдь у меня сынъ идетъ, Марья Дмитріевна, сынъ идетъ.

— А у меня четыре сына въ арміи, а я не тужу. На все воля Божья; и на печи лежа умрешь, и въ сраженіи Богъ помилуетъ, прозвучалъ безъ всякаго усилія, съ того конца стола, густой голосъ Марьи Дмитріевны.

— Это такъ.

И разговоръ опять сосредоточился, дамскій на своемъ концѣ стола, мужской на своемъ.

— А вотъ не спросишь, говорилъ маленькій братъ Наташѣ, — а вотъ не спросишь!

— Спрошу, отвѣчала Наташа.

Лицо ея вдругъ разгорѣлось, выражая отчаянную и веселую рѣшимость, ту рѣшимость, которая бываетъ у прапорщика, бросающагося на приступъ. Она привстала, и съ блестящими глазками и сдержанною улыбкой обратилась къ матери:

— Мама! прозвучалъ по всему столу ея полный грудной голосъ.

— Что тебѣ? спросила графиня испуганно, но по лицу дочери увидѣвъ, что это была шалость, строго замахала ей рукой, дѣлая угрожающій и отрицательный жестъ головой.

Разговоръ притихъ.

— Мама! какое пирожное будетъ? еще рѣшительнѣе, не срываясь, прозвучалъ голосокъ, наивно, но съ сознаніемъ своей наивности.

Графиня хотѣла хмуриться, но невольно улыбка любви къ своему любимому дѣтищу уже ожила на ея губахъ. Марья Дмитріевна погрозила толстымъ пальцемъ.

— Казакъ! проговорила она съ угрозой.

Большинство гостей смотрѣли на старшихъ, не зная какъ слѣдуетъ принять эту выходку.

— Вотъ я тебя! сказала графиня.

— Мама! что̀ пирожное будетъ? закричала Наташа уже смѣло и капризно-весело, впередъ увѣренная, что выходка ея будетъ принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались отъ смѣха.

— Вотъ и спросила, прошептала Наташа маленькому брату, не сводя глазъ съ матери и не измѣняя наивнаго выраженія лица.

— Мороженое! только тебѣ не дадутъ, сказала Марья Дмитріевна.

Наташа видѣла, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитріевны.

— Марья Дмитріевна? какое мороженое? Я сливочное не люблю.

— Морковное.

— Нѣтъ, какое? Марья Дмитріевна, какое? почти кричала она.—Я хочу знать.

Марья Дмитріевна и графиня засмѣялись, и за ними всѣ гости.

Всѣ смѣялись не отвѣту Марьи Дмитріевны, но не постижимой смѣлости и ловкости этой дѣвочки, умѣвшей и смѣвшей такъ обращаться съ Марьей Дмитріевной.

— Votre soeur est délicieuse, сказала Жюли.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будетъ ананасное. Передъ мороженымъ подали шампанское. Опять заиграла музыка, графъ поцѣловался съ графинюшкою, и гости, вставая, поздравляли графиню, черезъ столъ чокались съ графомъ, дѣтьми и другъ другомъ. Жюли чокалась съ Николаемъ, давая ему взглядами понять, что это чоканье имѣло какое-то еще другое важное значеніе. Опять забѣгали официанты, загремѣли стулья и въ томъ же порядкѣ, но съ болѣе красными лицами, гости вернулись въ гостиную и кабинетъ графа.

XXVI.

Раздвинули бостонные столы, разбрелись партіями, и гости графа размѣстились въ двухъ гостиныхъ, диванной и библіотекѣ. Марья Дмитріевна бранила Шиншина, съ которымъ играла.

— Вотъ ругать всѣхъ умѣешь, а догадаться не могъ, что тебѣ съ дамы керовой идти надо.

Графъ, распустивъ карты вѣеромъ, съ трудомъ удерживался отъ привычки послѣобѣденнаго сна, и всему смѣялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около клавикордъ и арфы. Жюли первая, по просьбѣ всѣхъ, сыграла на арфѣ піеску съ варіяціями, и вмѣстѣ съ другими дѣвицами стала просить Наташу и Николая, извѣстныхъ своею музыкальностью, спѣть что-нибудь. Наташа, къ которой обратились прежде другихъ, не соглашалась и не отказывалась.

— Постойте я попробую, сказала она, отойдя къ другой сторонѣ клавикордъ, и пробуя свой голосъ, взяла въ полголоса нѣсколько чистыхъ грудныхъ нотъ, которыя неожиданно подѣйствовали на всѣхъ. Всѣ замолкли, пока звуки замирали въ верху высокой просторной комнаты.

— Можно, можно, сказала она, весело встряхивая кудрями, которыя валились ей на глаза.

Пьеръ, очень раскраснѣвшійся послѣ обѣда, подошелъ къ ней. Ему хотѣлось видѣть ее поближе и посмотрѣть какъ она будетъ говорить съ нимъ.

— Отчегожъ нельзя, спросилъ онъ такъ просто, какъ будто они были сто лѣтъ знакомы.

— Иногда бываютъ дни, что голосъ не хорошъ, сказала она и отошла къ клавикордамъ.

— А нынче?

— Отличный, сказала она, обращаясь къ нему съ такимъ восторгомъ, какъ будто хвалила чей-нибудь чужой голосъ. Пьеръ, довольный тѣмъ что видѣлъ какъ она говоритъ, подошелъ къ Борису, который почти также нравился ему въ этотъ день какъ и Наташа.

— Что̀ за ребенокъ милый! маленькая, черненькая! сказалъ онъ.—Даромъ что не хороша.

Пьеръ находился послѣ скуки уединенія въ большомъ домѣ отца, въ томъ счастливомъ состояніи молодаго человѣка, когда всѣхъ любишь и видишь во всѣхъ людяхъ одно хорошее. Еще за обѣдомъ, онъ невольно съ петербургской высоты презиралъ московскую публику. А теперь уже казалось, что здѣсь только, въ Москвѣ, и умѣютъ жить люди, и ему ужь думалось какъ бы хорошо было, ежели бы онъ могъ каждый день бывать въ этомъ домѣ, слушать какъ поетъ и какъ говоритъ эта маленькая, черненькая и смотрѣть на нее.

— Nicolas, сказала Наташа, подходя къ клавикордамъ,—что̀ будемъ пѣть?

— Хоть „ключъ“, отвѣчалъ Николай. Ему видимо становилось несносно отъ пристававшей къ нему Жюли, которая думала, что онъ долженъ быть слишкомъ счастливъ ея вниманіемъ.

— Ну, давайте, давайте. Борисъ, идите сюда, закричала Наташа. — А гдѣ же Соня? Она оглянулась, и увидавъ что ея друга нѣтъ въ комнатѣ, побѣжала за ней.

„Ключъ“, какъ называли его у Ростовыхъ былъ старинный квартуоръ, которому научилъ ихъ музыкальный учитель Димлеръ. Этотъ „ключъ“ пѣли обыкновенно Наташа, Соня, Николай и Борисъ, который хотя и не имѣлъ собеннаго таланта и голоса, но соблюдалъ вѣрнымъ слухомъ и съ свойственною ему во всемъ точностью и спокойствіемъ, могъ выучить партію и твердо держалъ ее. Пока Наташа ушла, стали просить Николая, чтобъ онъ спѣлъ что-нибудь одинъ. Онъ отказывался почти неучтиво и мрачно. Жюли Ахросимова, улыбаясь, подошла къ нему:

— Pourquoi faites vous le beau ténébreux, спросила она, — cependant je comprends que pour la musique, et surtout pour le chant, il faut être disposé. C'est comme moi. Il y a des moments...

Николай поморщился, и пошелъ къ клавикордамъ. Прежде чѣмъ сѣсть, онъ замѣтилъ, что Сони нѣтъ въ комнатѣ и хотѣлъ уйдти.

— Nicolas, ne vous faites pas prier, c'est ridicule, сказала графиня.

— Je ne me fais pas prier maman, отвѣчалъ Николай, и порывистымъ движеніемъ, стукнулъ крышкой, открывая клавикорды и сѣлъ.

Онъ подумалъ на минутк и началъ пѣсенку Кавелина:

На что съ любезной разставаясь,
На что прости ей говорить,
Какъ будто съ жизнью разлучаясь,
Счастливымъ больше ужь не быть?
Не лучше ль просто: *„до свиданья,“*
„До новыхъ радостей“, сказать,
И въ сихъ мечтахъ очарованья
Себя и время забывать?

Голосъ его былъ ни хорошъ, ни дуренъ, и пѣлъ онъ лѣниво, какъ бы исполняя скучную обязанность; но не-

смотря на то, въ комнатѣ все замолкло, барышни покачивали головами и вздыхали, а Пьеръ, покрывъ свои зубы нѣжною и слабою улыбкой, которая была особенно смѣшна на его толстомъ, полнокровномъ лицѣ, такъ и остался до конца пѣсни.

Жюли, закрывъ глаза, вздохнула на всю комнату.

Николай пѣлъ съ тѣмъ чувствомъ мѣры, котораго у него такъ не доставало въ жизни и которое въ искусствѣ не пріобрѣтается никакимъ изученіемъ. Онъ пѣлъ съ тою легкостью и свободой, которая показывала, что онъ не трудился, а пѣлъ какъ говорилъ. Только когда онъ запѣлъ, онъ высказался не ребенкомъ, какимъ онъ казался въ жизни, а человѣкомъ, въ которомъ уже шевелились страсти.

XXVII.

Между тѣмъ Наташа, вбѣжавъ въ Сонину комнату, не нашла тамъ свою подругу, пробѣжала въ дѣтскую,—и тамъ ея не было. Наташа поняла, что Соня была въ корридорѣ на сундукѣ. Сундукъ въ корридорѣ былъ мѣсто печалей женскаго молодаго поколѣнія дома Ростовыхъ. Дѣйствительно, Соня въ своемъ воздушномъ розовомъ платьицѣ, приминая его, лежала ничкомъ на грязной, полосатой, няниной перинѣ, на сундукѣ, и закрывъ лицо пальчиками, навзрыдъ плакала, подрагивая своими оголенными коричневатыми плечиками. Лицо Наташи, именинное, оживленное цѣлый день и еще болѣе сіявшее теперь при приготовленіи къ пѣнію, которое всегда производило на нее возбуждающее дѣйствіе, вдругъ померкло. Глаза ея остановились, потомъ содрогнулась ея широкая, для пѣнья рожденная шея, углы губъ опустились, глаза въ одно мгновеніе увлажились:

— Соня! что̀ ты?... Что̀, что̀ съ тобой? У-у-у!...—И Наташа, распустивъ свой крупный ротъ, и сдѣлавшись совершенно дурною, заревѣла какъ ребенокъ, не зная причины и только оттого что Соня плакала. Соня хотѣла поднять голову, хотѣла отвѣчать, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присѣвъ на синей перинѣ и обнимая друга. Собравшись съ силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и разказывать.

— Nicolas ѣдетъ черезъ недѣлю, его.... бумага... вышла.... онъ самъ мнѣ сказалъ... Да я бы все не плакала... (она по-

казала бумажку, которую держала въ рукѣ: то были стихи, написанные Николаемъ), я бы все не плакала, но ты не можешь... никто не можетъ понять... какая у него душа..

И она опять принялась плакать, о томъ, что душа его была такъ хороша. Соня чувствовала, что никто, кромѣ ея, не могъ понять всей прелести и высоты, благородства и нѣжности, — всѣхъ лучшихъ добродѣтелей этой души. И она дѣйствительно видѣла всѣ эти несравненныя добродѣтели, — вопервыхъ потому, что Николай, самъ того не зная, показывался ей только одною самою лучшею стороной, вовторыхъ потому, что она всѣми силами души желала видѣть въ немъ одно прекрасное.

— Тебѣ хорошо... я не завидую... я тебя люблю, и Бориса тоже, говорила она собравшись немного съ силами: — онъ милый... для васъ нѣтъ препятствій. А Николай мнѣ cousin.... надобно.... самъ митрополитъ.... и то нельзя. И потомъ, ежели маменькѣ (Соня графиню и считала и называла матерью)... она скажетъ, что я порчу карьеру Nicolas, у меня нѣтъ сердца, что я неблагодарная, а право... вотъ ей-Богу... (она перекрестилась) я такъ люблю и ее, и всѣхъ васъ, только Вѣра одна... За что? Что я ей сдѣлала? Я такъ благодарна вамъ, что рада бы всѣмъ пожертвовать, да мнѣ не чѣмъ...

Соня не могла больше говорить, и опять спрятала голову въ рукахъ и перинѣ. Наташа начинала успокоиваться, но по лицу ея видно было, что она понимала всю важность горя своего друга.

— Соня! сказала она вдругъ, какъ будто догадавшись настоящей причинѣ огорченія кузины: — вѣрно Вѣра съ тобой говорила послѣ обѣда? Да?

— Да эти стихи самъ Nicolas написалъ, а я списала еще другіе; она и нашла ихъ у меня на столѣ, и сказала, что покажетъ ихъ маменькѣ, и еще говорила, что я неблагодарная, что маменька никогда не позволитъ ему жениться на мнѣ. А онъ женится на Жюли. Ты видишь какъ она на него смотритъ. Наташа! За что?...

— И опять заплакала она горьче прежняго. Наташа приподняла ее, обняла, и улыбаясь сквозь слезы, стала ее успокоивать.

— Соня, ты не вѣрь ей, душенька, не вѣрь. Помнишь какъ мы всѣ втроемъ говорили съ Nicolas въ диванной, помнишь послѣ ужина? Вѣдь мы все рѣшили какъ будетъ. Я уже не

помню какъ, но помнишь какъ было все хорошо, и все можно. Вотъ дяденьки Шиншина братъ женатъ же на двоюродной сестрѣ, а мы вѣдь троюродные. И Борисъ говорилъ, что это очень можно. Ты знаешь, я ему все сказала. А онъ такой умный и такой хорошій, говорила Наташа также какъ и Соня въ отношеніи къ Николаю, и по тѣмъ же причинамъ, чувствуя, что никто въ мірѣ, кромѣ ея, не могъ знать всѣхъ сокровищъ, заключающихся въ Борисѣ... Ты, Соня, не плачь, голубчикъ милый, душенька Соня.—И она цѣловала ее смѣясь.—Вѣра злая, Богъ съ ней. А все будетъ хорошо и маменькѣ она не скажетъ; Nicolas самъ скажетъ.

И она цѣловала ее въ голову. Соня приподнялась и котеночекъ оживился, глазки заблистали, и онъ готовъ былъ, казалось, вотъ-вотъ взмахнуть хвостомъ, вспрыгнуть на мягкіе лапки и опять заиграть съ клубкомъ, какъ ему и было прилично.

— Ты думаешь? Право? Ей-Богу? сказала она, быстро оправляя платье и прическу.

— Право, ей-Богу! отвѣчала Наташа, оправляя своему другу подъ косой выбившуюся прядь жесткихъ волосъ; и онѣ обѣ засмѣялись.—Ну, пойдемъ пѣть „ключъ“.

— Пойдемъ.

— Соня, отряхнувъ пухъ и спрятавъ стихи за пазуху, къ шейкѣ съ выступавшими костями груди, легкими веселыми шагами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, побѣжала вмѣстѣ съ Наташей по корридору въ гостиную. Николай допѣвалъ еще послѣдній куплетъ пѣсни. Онъ увидѣлъ Соню, глаза его оживились; на открытомъ для звуковъ ртѣ готова была улыбка, голосъ сталъ сильнѣе и выразительнѣе, и онъ спѣлъ послѣдній куплетъ еще лучше прежнихъ.

Въ пріятну ночь, при лунномъ свѣтѣ,

пѣлъ онъ глядя на Соню, и они понимали какъ много все это значило — и слова, и улыбки, и пѣсня, хотя собственно все это ничего не значило.

Въ пріятну ночь при лунномъ свѣтѣ,
Представить счастливо себѣ,
Что нѣкто есть еще на свѣтѣ
Кто думаетъ и о тебѣ!
Что и она рукой прекрасной,
По арфѣ золотой бродя,

Своей гармоніею страстной
Зоветъ къ себѣ, зоветъ тебя!
Еще день, два, и рай настанетъ....
Но ахъ! твой другъ не доживетъ!

Онъ пѣлъ для одной Сони, но всѣмъ стало весело и добро на сердцѣ, когда онъ кончилъ и съ увлаженными глазами всталъ отъ клавикордъ.

— Charmant! Délicieux! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— M. Nicolas, сказала Julie со вздохомъ подходя къ нему, adorable cette romance. J'ai tout compris.

Во время пѣнія Марья Дмитріевна встала изъ-за бостона, и остановилась въ дверяхъ, чтобы слушать.

— Ай да Nicolas! сказала она:—въ душу лѣзетъ! Поди, поцѣлуй меня.

XXVIII.

Наташа шепнула Николаю, что Вѣра уже разстроила Соню, укравъ у нея стихи и наговоривъ ей непріятностей. Николай покраснѣлъ, и тотчасъ рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ Вѣрѣ, и шопотомъ сталъ говорить ей, что ежели она посмѣетъ сдѣлать что-нибудь непріятное Сонѣ, то онъ будетъ ея врагомъ на всю жизнь. Вѣра отговаривалась, извинялась и замѣчала также шепотомъ, что неприлично говорить объ этомъ, указывая на гостей, которые замѣтивъ, что между братомъ и сестрой была какая-то непріятность удалились отъ нихъ.

— Мнѣ все равно, я при всѣхъ скажу, говорилъ почти громко Николай:—что у тебя дурное сердце, и что ты находишь удовольствіе вредить людямъ.

Окончивъ это дѣло, Николай, еще дрожа отъ волненія, отошелъ въ дальній уголъ комнаты, гдѣ стояли Борисъ съ Пьеромъ. Онъ сѣлъ подлѣ нихъ съ рѣшительнымъ и мрачнымъ видомъ человѣка, который теперь на все готовъ и къ которому лучше не обращаться ни съ какимъ вопросомъ. Пьеръ однако со всегдашнею разсѣянностью, не замѣчая его состоянія души и находясь въ самомъ благодушномъ состояніи, которое было усилено еще пріятнымъ впечатлѣніемъ музыки, которая всегда сильно дѣйствовала на него, несмотря на то что онъ никогда не могъ взять не фальшивя ни одной нотки, Пьеръ обратился къ нему:

— Какъ вы славно спѣли! сказалъ онъ.

Николай не отвѣчалъ.

— Вы какимъ чиномъ поступаете въ полкъ? спросилъ онъ, чтобы спросить еще что-нибудь.

Николай, не соображая, что Пьеръ былъ нисколько не виновтъ въ непріятности, сдѣланной ему Вѣрой, и въ надоѣвшемъ ему приставаніи Жюли, зло посмотрѣлъ на него.

— Мнѣ предлагали хлопотать о зачисленіи меня камеръ-юнкеромъ, и я отказался, потому что хочу быть обязаннымъ только своему достоинству положеніемъ своимъ въ войскѣ..... а не сѣсть на голову людямъ достойнѣе меня. Я иду юнкеромъ, прибавилъ онъ, очень довольный тѣмъ, что сразу умѣлъ показать новому знакомому свое благородство и употребить военное выраженіе: сѣсть на голову, которое онъ только что подслушалъ у полковника.

— Да, мы всегда споримъ съ нимъ, сказалъ Борисъ:—я не нахожу ничего несправедливаго поступить прямо майоромъ. Ежели ты не достоинъ этого чина—тебя выключатъ, а достоинъ, то ты скорѣе можешь быть полезенъ.

— Ну, да ты дипломатъ, сказалъ Николай.—Я считаю это злоупотребленіемъ для себя, и не хочу начинать злоупотребленіемъ.

— Вы совершенно, совершенно правы, сказалъ Пьеръ.— Что̀ это, музыканты? Танцовать будутъ? робко спросилъ онъ, услышавъ звуки настроиванья. —Я ни одному танцу никогда не могъ выучиться.

— Да, кажется, маменька велѣла, отвѣчалъ Николай, весело оглядывая комнату и мысленно выбирая свою между дамами. Но въ это время онъ увидалъ кружокъ, собравшійся около Берга, и вернувшееся къ нему хорошее расположеніе духа опять замѣнилось мрачнымъ ожесточеніемъ.

— Ah, lisez, M. Berg, vous lisez si bien, ça doit être très poétique, говорила Жюли Бергу, который держалъ въ рукѣ бумажку. Николай увидалъ, что это были его стихи, которые Вѣра, изъ мщенья, показала всему обществу. Стихи были слѣдующіе

Прощанье гусара.

Не растравляй меня разлукой,
Не мучь гусара своего;
Гусару сабля будь порукой
Желанья счастья твоего.

Мнѣ нужно мужество для боя,
Еще нужнѣй для слезъ твоихъ,
Хочу стяжать вѣнецъ героя
Чтобы сложить у ногъ твоихъ.

Написавъ стихи и передавъ ихъ предмету своей страсти, Николай думалъ, что они прекрасны; теперь же онъ вдругъ находилъ, что они чрезвычайно дурны и, главное, смѣшны. Увидавъ Берга съ своими стихами въ рукахъ, Николай остановился, ноздри его раздулись, лицо побагровѣло, и онъ сжавъ губы, быстрыми шагами и съ рѣшимостью размахивая руками, направился къ кружку. Борисъ, во̀время увидавъ намѣреніе, перерѣзалъ ему дорогу и взялъ за руку.

— Послушай, это будетъ глупо.

— Оставь меня, я его проучу, порываясь впередъ, говорилъ Николай.

— Онъ не виноватъ, пусти меня.

Борисъ подошелъ къ Бергу.

— Эти стихи написаны не для всѣхъ, сказалъ онъ протягивая руку.—Позвольте!

— Ахъ, это не для всѣхъ! Мнѣ Вѣра Ильинишна дала.

— C'est charmant, il y a quelque chose de si mèlodieux, сказала Жюли Ахросимова.

— „Прощанье гусара,“ сказалъ Бергъ и имѣлъ несчастіе улыбнуться.

Николай уже стоялъ передъ нимъ, держа близко къ нему свое лицо и глядя на него рязгоряченными глазами, которые, казалось, насквозь пронзали несчастнаго Берга.

— Вамъ смѣшно? Что̀ вамъ смѣшно?

— Нѣтъ, я ничего я не зналъ, что это вы....

— Какое вамъ дѣло, я или не я? Читать чужія письма неблагородно.

— Извините, сказалъ Бергъ, краснѣя и испуганно.

— Nicolas, сказалъ Борисъ,—мсье Бергъ не читалъ чужихъ писемъ... Ты теперь надѣлаешь глупостей. Послушай, сказалъ онъ, кладя въ карманъ стихи,—поди сюда, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Бергъ тотчасъ же отошелъ къ дамамъ, а Борисъ съ Николаемъ вышли въ диванную. Соня выбѣжала за ними.

Черезъ полчаса вся молодежь уже танцовала экосезъ, и Николай, переговоривъ въ диванной съ Соней, былъ такой же веселый и ловкій танцоръ какъ и всегда, самъ удив,

лялся своей вспыльчивости и досадовалъ на свою неприличную выходку.

Всѣмъ было очень весело. И Пьеру, путавшему фигуры и танцовавшему подъ руководствомъ Бориса экосезъ, и Наташѣ, почему-то помиравшей со смѣху каждый разъ какъ она взглядывала на него, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ.

— Какой онъ смѣшной и какой славный! сказала она сначала Борису, а потомъ прямо въ глаза заговорила самому Пьеру наивно снизу глядя на него.

Въ серединѣ третьяго экосеза зашевелились стулья въ гостиной, гдѣ играли графъ и Марья Дмитріевна, и бо̀льшая часть почетныхъ гостей и старички, потягиваясь послѣ долгаго сидѣнья и укладывая въ карманы бумажники и кошельки, выходя въ двери залы. Впереди шла Марья Дмитріевна съ графомъ, — оба съ веселыми лицами. Графъ съ шутливою вѣжливостью, какъ-то по балетному, подалъ округленную руку Марьѣ Дмитріевнѣ. Онъ выпрямился, и лицо его озарилось особенною молодецки-хитрою улыбкой, и какъ только дотанцовали послѣднюю фигуру экосеза, онъ ударилъ въ ладони музыкантамъ и закричалъ на хоры, обращаясь къ первой скрипкѣ.

— Семенъ! Данилу Купора Знаешь?

Это былъ любимый танецъ графа, танцованный имъ еще въ молодости. (Данило Купоръ была собственно одна фигура *англеза*)

— Смотрите на папа, закричала на всю залу Наташа, пригибая къ колѣнамъ свою кудрявую головку и заливаясь своимъ звонкимъ смѣхомъ по всей залѣ. Дѣйствительно, все что̀ только было въ залѣ съ улыбкою радости смотрѣло на веселаго старичка, который рядомъ съ своею сановитою дамой, Марьей Дмитріевной, бывшею выше его ростомъ, округлялъ руки, въ тактъ потряхивая ими, расправлялъ плечи, вывертывалъ ноги, слегка притопывая, и все болѣе и болѣе распускавшеюся улыбкой на своемъ кругломъ лицѣ приготовлялъ зрителей къ тому что̀ будетъ. Какъ только заслышались веселые, вызывающіе звуки Данилы Купора, похожіе на развеселаго трепачка, всѣ двери залы вдругъ заставились съ одной стороны мужскими, съ другой—женскими улыбающимися лицами дворовыхъ, вышедшихъ посмотрѣть на веселящагося барина.

— Батюшка-то нашъ! Орелъ! проговорила громко няня изъ одной двери.

Графъ танцовалъ хорошо, и зналъ это, но его дама вовсе не умѣла и не хотѣла хорошо танцовать. Ея огромное тѣло стояло прямо съ опущенными внизъ мощными руками (она передала ридикюль графинѣ); только одно строгое, но красивое лицо ея танцовало. Что выражалось во всей круглой фигурѣ графа, у Марьи Дмитріевны выражалось лишь въ болѣе и болѣе улыбающемся лицѣ и вздергивающемся носѣ. Но за то ежели графъ, все болѣе и болѣе расходясь, плѣнялъ зрителей неожиданностью ловкихъ вывертовъ и легкихъ прыжковъ своихъ мягкихъ ногъ; Марья Дмитріевна, малѣйшимъ усердіемъ при движеніи плечъ или округленіи рукъ, въ поворотахъ и притопываньяхъ, производила не меньшее впечатлѣніе по заслугѣ, которую цѣнилъ всякій при ея тучности и всегдашней суровости. Пляска оживлялась все болѣе и болѣе. Визави не могли ни на минуту обратить на себя вниманія и даже не старались о томъ. Все было занято графомъ и Марьею Дмитріевной. Наташа дергала за рукава и платье всѣхъ присутствовавшихъ, которые и безъ того не спускали глазъ съ танцующихъ, и требовала чтобъ смотрѣли на папеньку. Графъ въ промежуткахъ танца тяжело переводилъ духъ, махалъ и кричалъ музыкантамъ, чтобъ они играли скорѣе. Скорѣе, скорѣе и скорѣе, лише, лише и лише развертывался графъ, то на цыпочкахъ, то на каблукахъ носясь вокругъ Марьи Дмитріевны, и наконецъ, повернувъ свою даму къ ея мѣсту, сдѣлалъ послѣднее па, поднявъ сзади кверху свою мягкую ногу, склонивъ вспотѣвшую голову съ улыбающимся лицомъ и округло размахнувъ правою рукой среди грохота рукоплесканій и хохота особенно Наташи. Оба танцующіе остановились, тяжело переводя дыханіе и утираясь батистовыми платками.

— Вотъ какъ въ наше время танцовывали, ma chère, сказалъ графъ.

— Ай да Данила Купоръ! тяжело и продолжительно выпуская духъ, сказала Марья Дмитріевна.

Графъ Л. ТОЛСТОЙ.

(*До слѣд.* №)

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Не задолго до французской революціи, родился я: ужасы о ней разказываемые поражали даже ребяческій слухъ мой, ибо граница единственной земли, въ которой повторялось ея безразсудное эхо, находилась только въ тридцати верстахъ отъ мѣста гдѣ я выросталъ. Исполненный вѣрноподданническаго чувства отецъ, благочестивая, православная мать и честный Нѣмецъ прежнихъ временъ, другъ порядка и законовъ, первые внушили мнѣ омерзѣніе къ ея неистовствамъ. Въ аристократическомъ домѣ два Француза-легитимиста довершили ими начатое. Ослѣпленный предразсудками, отъ которыхъ и понынѣ еще не краснѣю, я не только раздѣлять, но даже понимать не могъ восторговъ при имени перваго консула республики. Она въ глазахъ моихъ была продолжительнымъ преступленіемъ, а онъ былъ сынъ ея, и долго—ея подпора, ея слава. Скоро всѣ начали думать и говорить согласно съ моимъ обра-

* См. *Русск. Вѣстн.* 1864 г. №№: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11.

зомъ мыслей, скоро похвалы ему превратились въ укоризненную брань, и имѣнно тогда какъ возстановилъ онъ монархическую власть и всѣ ея формы. Вольнолюбивые видѣли въ немъ тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищникомъ престола; Англія которая тогда безпрепятственно давала направленіе политическимъ мнѣніямъ въ Россіи, распространяла въ ней ненависть къ нему. Вѣнецъ и порфира казались мнѣ запачканными его полуплебейскимъ прикосновеніемъ. Въ консулѣ, равно какъ и въ императорѣ, видѣлъ я все-таки еще революцію; она сокрушала царства, низвергала царей, она сожгла Москву. Когда человѣкъ заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, то трудно доказать ему ошибку его.

Весь этотъ волшебный міръ, который столь яркими красками описывали мнѣ старые Французы, съ коими имѣлъ я сношенія, исчезъ въ ужасной безднѣ, подобно городамъ поглощеннымъ землею или волнами, Помпеѣ, Геркулану или Винетѣ. Все это дореволюціонное блаженство, которое не суждено мнѣ было видѣть, и которое зналъ я по однимъ лишь преданіямъ, оставалось моею любимѣйшею мечтой; но не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобъ этотъ золотой вѣкъ могъ когда-либо возвратиться. И вдругъ, крутой переворотъ и быстро за нимъ послѣдовавшія происшествія воскресили былое, навсегда казавшееся погибшимъ.

Когда, къ неописанной радости моей, громкими молитвами православнаго духовенства, оскверненная цареубійствомъ площадь была очищена и освящена; когда потомокъ святаго Лудовика, принявъ его наслѣдіе, на заблужденія, на злодѣянія минувшихъ лѣтъ набросилъ мантію его милосердія, я думалъ что все кончено. Ни мало: два человѣка, одинъ возстановитель законнаго порядка, другой, именемъ его возстановленный,—оба движимые различными чувствами, начали создавать нѣчто новое, съ духомъ вермени болѣе согласное. Оба надѣялись, снисходительностью и благодушіемъ истребить силу и затмить славу сверженнаго Наполеона. Возвратившійся Лудовикъ XVIII, на радостяхъ, народу своему пожаловалъ хартію. Съ высоты трона, добровольно изливая свободу, онъ могъ надѣяться что подданные будутъ въ немъ видѣть источникъ вѣчныхъ благъ. Долженъ повиниться въ тогдашнемъ невѣжествѣ своемъ: не обративъ должнаго вниманія на хартію сію, я почиталъ ее новымъ образованіемъ, утверж-

дающимъ королевскую власть. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ камерахъ, вездѣ преимущественно стали показываться Ноальи и Граммоны, Монморанси и Роганы, Ларошфуко и Бофремоны, и я былъ предоволенъ. Но не прошло года, и Франція доказала что желѣзный скипертъ и мечъ Наполеона предпочитаетъ она всѣмъ хартіямъ.

Графъ Прованскій, иначе Мосье, не имѣлъ во нравѣ ничего схожаго съ двумя добродушными братьями своими, старшимъ благочестивымъ и меньшимъ — въ молодости вѣтренымъ шалуномъ. Онъ былъ настоящій Французъ восемнадцатаго вѣка, слегка философъ, волтеріанецъ, слегка англоманъ. Не насъ однихъ можно упрекать въ страсти къ подражанію; этой слабости кажется подвержена бо́льшая часть человѣчества. За нѣсколько лѣтъ до революціи, у Французовъ, точно также какъ нынѣ у насъ, вошло въ обычай поносить все отечественное, ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть англійскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ великобританской правительственной машины, верхъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ быть тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ своихъ новыхъ теорій. Онъ былъ начитанъ, много писалъ, любилъ поавторствовать, и родясь на ступеняхъ трона, походилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ! Но онъ былъ скроменъ, остороженъ, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи не испугали его, и когда, послѣ взятія Бастиліи, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій послѣднее убѣжище нашелъ онъ въ Англіи, и тамъ вблизи могъ любоваться устройствомъ ея. На гостепріимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягоченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи еслибъ она соблаговолила призвать его. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое—

плодъ долголѣтнихъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвеля имъ взлелѣянное. Оно и спасло Францію отъ вторженія Наполеона, и скорѣ открыло ему путь въ нее, но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Вѣнчанная мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что, подобно Англіи, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежъ.

Важную ошибку на вѣнскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи австрійскаго императора попрежнему римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между нѣмецкими государствами и повелѣвать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ: Италія то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на заглавномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, послѣ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (feuilles volantes), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Одни уступили ранѣе, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома: еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ германскихъ странахъ. Непоколебимая въ системѣ управленія своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совсѣмъ не

ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго нанизаны разнонародныя королевства, гораздо обширнѣе и многолюднѣе его, казался несообразностью. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго, и разъединенные вѣнскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши самодержцемъ всероссійскимъ? Неизвѣстно кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Александра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Привязанность къ нему польскихъ его подданныхъ Полякомъ Чарторыйскимъ представлена была ему какъ невольное сердечное влеченіе, а русская добродушная преданность казалать ему простымъ исполненіемъ обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ съ новою силой обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него, еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея, ни ужасы и опустошенія, которыя ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ произвели они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавались для Россіи. . . . .

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, я долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семъ 1816 году пришла эпоха

жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ безполезной, какъ было дотолѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. „Вы теперь ничего не дѣлаете, не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? представляется къ тому случай,“ сказалъ онъ мнѣ. „Слыхали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? онъ въ большой довѣренности у государя и по части механики можно почитать его европейскою знаменитостью. Число фальшивыхъ ассигнацій умножилось; надобно перемѣнить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Чрезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую переписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка русскаго, ни русскихъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ французскій и русскій языки, и на котораго бы могъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о пріисканіи ему таковаго: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадритѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства: я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ обѣщать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ: пройдетъ недѣли двѣ, три, не болѣе, и вы увидите полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы оффиціально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ, это ни мало не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ къ коммиссіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться“.

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ.

Оно усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговорился, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро, явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будетъ немного. Затруднительно было только каждую бумагу писать вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ пополамъ листѣ, на одной половинѣ французское подписывалъ Батанкуръ, а на другой русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ нумеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился геніальности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ онъ былъ лицо весьма примѣчательное, особенно же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предразсудковъ съ плебейскими промышленными наклонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все что мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Не подалеку отъ Лилля, во французской Фландріи, и понынѣ можно найдти городокъ или селеніе Бетанкуръ. Предки русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно что за люди были эти *сиры*. Когда, при герцогахъ бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать и приняты были сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ, стали вооруженною рукой дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, и даже грабительство свое, по сосѣдству, перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшаго Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло

взоры свои и на его пространствѣ единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обмануло́сь: еще до Христофора Колумба и Васко-де-Гама, смѣлыми португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго Мыса, Мадера и Асорскія острова и розданы имъ. Морякъ Бетанкуръ одинъ изъ сихъ островов съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетанкуръ родился на счастливомъ Тенеривскомъ Пикѣ, въ счастливые для Гишпаніи дни короля Карла III.

Есть искусство во время родиться и во время умирать: въ числѣ другихъ Бетанкуръ имѣлъ и это искусство. Что было бы съ нимъ, еслибы родился онъ ранѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ. Заботясь о благѣ государства своего, Карлъ III устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ канавы и чистилъ Гвадалквивиръ, однимъ словомъ, создавалъ въ Гишпаніи все то чего ей недоставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетанкуръ провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ французскою республикой, и гишпанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетанкуръ воспользовался тѣмъ чтобы посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полагать должно, не выше того что̀ у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадритѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостолъ, и желая угодить государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ III, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои, и предвидя бѣду неминучую, самъ наконецъ

предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма по условію ему назначенная, была не маловажная; двадцать четыре-тысячи рублей ассигнаціями, что нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыпятъ нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: гишпанскому Гранду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать: безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шести-десяти-тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ что въ землѣ куда онъ пріѣхалъ чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генералъ-майоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генералъ-лейтенантомъ. Не помню за что государь пожаловалъ ему Анненскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и на оборотъ государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова равно какъ и ордена Ависа, Алкантары, Калатравы, Монтеса суть военно-монашескія братства, разсѣянныя по Португаліи и Гишпаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не виню его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на югѣ и на западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, нетрудно было потомку владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться къ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ ней жена его, Анна, которой особа имѣла краткость его имени и совершенно форму небольшой ступки или иготи.

Она была католичка, Англичанка съ французскимъ прозваніемъ, урожденная Жорданъ, какъ она подписывалась, не знаю для чего: кому была до того какая нужда, и чѣмъ могло это умножить ея достоинство. Надобно полагать, что съ молоду была она красива собою; безъ того, кто бы велѣлъ Бетанкуру жениться на ней, когда она была низкаго состоянія? А спѣсива была она такъ, что не приведи Богъ.

Къ счастію, дочери ни съ какой стороны не походили на Анну Ивановну, а скорѣе на родителя, Августина Августиновича. Когда онѣ пріѣхали въ Петербургъ, старшая, Каролина, еще молодая, начинала уже дурнѣть и старѣть, вторая, Аделина, поразила всѣхъ своею красотой, а меньшая, Матильда, была еще ребенкомъ. Жаль было смотрѣть на этихъ милѣйшихъ дѣвицъ, когда переступали онѣ за двадцать лѣтъ. Цвѣтъ лица ихъ вдругъ начиналъ портиться, становиться багровымъ, кожа начинала грубѣть и покрываться угрями. Жаръ въ крови вырывающійся наружу, былъ у нихъ наслѣдствомъ отъ отца, котораго лице въ старости безобразилъ густо малиновый цвѣтъ. Когда я началъ ихъ знать, одна только пятнадцати-лѣтняя Матильда плѣняла наружностію; а двѣ старшія давно уже перешли за краткій срокъ, который жестокая къ нимъ природа дала ихъ прелестямъ. Но было имъ чѣмъ замѣнить эту великую потерю: каждое слово ихъ выражало грацію ума и сердца; съ восхищеніемъ можно было слушать ихъ, когда играли на арфѣ и на фортепіано, съ восхищеніемъ любоваться ихъ рисунками и ихъ народною пляской фанданго и болеро; о качучѣ тогда еще помина не было. Можно ли было удивляться безпредѣльной нѣжности къ нимъ отца, и кто бы не былъ ими счастливъ?

Въ жилахъ у старика пылалъ еще жаръ раскаленнаго неба, подъ которымъ онъ родился, и какъ всѣ вспыльчивые люди имѣлъ онъ доброе сердце и веселый нравъ. Ума было у него пропасть, и разговоръ его былъ занимателенъ. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станкомъ, за которымъ всегда трудился онъ когда не было у него другаго дѣла; но онъ принадлежалъ къ восемнадцатому столѣтію, въ которомъ общею поговоркой было: poli comme un grand seigneur, — учтивъ какъ великій баринъ. Читатель, съ которымъ какъ можно короче старался я познакомить себя, не удивится, узнавъ что съ такимъ человѣкомъ мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность? можно спросить, и вѣдь не самъ же онъ дѣлалъ машины? Для того чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно за нѣсколько лѣтъ воротиться назадъ и вкратцѣ разказать исторію одной изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія. При Екатеринѣ учреждена экспедиція водяныхъ коммуникацій и поставлена на ряду съ коллегіями. При ней весьма благоразумно и успѣшно управлялъ этою частью одинъ гражданскій чиновникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ. Въ первыхъ частяхъ сихъ записокъ сказалъ уже я, что при учрежденіи министерствъ поступила она въ вѣдомство министра коммерціи, и что въ 1809 году, преобразованная въ особое министерство, подъ названіемъ главной дирекціи путей сообщенія, находилась подъ управленіемъ принца Георгія Ольденбургскаго. Тамъ же упомянулъ я объ образованіи особаго корпуса гражданскихъ инженеровъ, коимъ для поощренія даны были военные чины и мундиры. Для пополненія великаго недостатка въ сихъ инженерахъ, начали набирать въ новый корпусъ людей кое-откуда, по большой части изъ гражданскаго вѣдомства.

Дабы на будущее время не нуждаться въ нихъ, учреждено для нихъ особое высшее училище, подъ названіемъ института инженеровъ путей сообщенія. Для помѣщенія сего новаго заведенія, купленъ былъ за бездѣлицу, за триста тысячъ рублей ассигнаціями, великолѣпный домъ или скорѣе дворецъ князя Юсупова, на Фонтанкѣ, у Обухова моста. Продавецъ построилъ его на славу, по образцу отелей Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, между дворомъ и садомъ, съ тою только разницей, что на пространствѣ имъ занимаемомъ можно было бы построить три или четыре парижскіе отеля. Всѣ ученики были своекоштные, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ жительства въ институтѣ, ни даже права заглядывать въ обширный садъ, ему принадлежащій. Всѣмъ пользовались завѣдывающіе имъ иностранцы. Онъ состоялъ подъ управленіемъ особаго директора, надъ которымъ были еще принцъ Ольденбургскій, въ видѣ попечителя или покровителя, и генералъ Бетанкуръ, подъ названіемъ главнаго начальника института. Занимаясь разными проектами и планами, сперва потѣшалъ онъ ими только императора, но тутъ, по учрежденіи института, коего былъ онъ настоящимъ основателемъ

можно сказать, пріобрѣлъ онъ осѣдлость. Онъ занималъ большую, лучшую часть зданія, которую, находясь при немъ, я посѣщалъ ежедневно. Онъ не принадлежалъ къ корпусу инженеровъ, не носилъ ихъ мундиръ, числился въ свитѣ государя и почиталъ себя зависящимъ единственно отъ него. Онъ признавалъ однакоже передъ собою первенство принца, пока тотъ былъ живъ; но послѣ кончины его сдѣлался совершенно независимымъ отъ преемника его, инженеръ-генерала Франца Павловича де-Волана. Зданіе института со всѣми его принадлежностями было какъ бы отдѣльное царство, въ которомъ господствовалъ онъ самовластно.

Я опять вступилъ въ міръ, мнѣ дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный. Подчиненные Бетанкура, коихъ число было небольшое, составляли свиту, штатъ и общество его. Я никакихъ сношеній не имѣлъ съ ними по службѣ, но, каждодневно встрѣчаясь, скоро свелъ съ ними знакомство, котораго не искалъ и не избѣгалъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я не умолчу, ибо почитаю ихъ лицами весьма примѣчательными.

Старый Французъ Сенноверъ, который, вступивъ въ нашу службу, офиціально нареченъ Степаномъ Игнатьевичемъ, былъ директоромъ института. Принадлежа къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Лангедокѣ, и находясь въ королевской службѣ капитаномъ, сдѣлался онъ бѣшенымъ революціонеромъ и санкюлотомъ. Этого бы никакъ нельзя было подозрѣвать смотря на его спокойный видъ, внимая его безпрестаннымъ шуточкамъ, иногда довольно смѣлымъ, но никогда не переходящимъ за предѣлы благопристойности. Какъ во всѣхъ любезникахъ школы Волтеровской, нечестіе и безбожіе были въ немъ щеголеваты; но онъ тогда не хвастался ими. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, худъ лицомъ, но полонъ тѣломъ; страждущія отъ подагры ноги его еще болѣе изнемогали отъ тяжести его туловища: онъ съ трудомъ могъ ходить. Я находилъ его не столько пріятнымъ какъ забавнымъ, и во время веселыхъ съ нимъ разговоровъ мнѣ всегда приходилъ на мысль Скарронъ и все повѣствуемое о немъ. О якобинствѣ его я умолчалъ бы и слышанное мною о томъ охотно счелъ бы клеветою, еслибъ онъ самъ, увлеченный воспоминаніями о прошедшемъ, какъ объ удальствѣ своей молодости, не разказывалъ мнѣ иногда о тѣсной дружбѣ своей съ Маратомъ. Мнѣ любопытно было слушать о роскош-

номъ, раздушенномъ и эпикурейскомъ житьѣ этого ужаснаго человѣка во внутреннихъ комнатахъ его, и какъ, выходя съ Сенноверомъ, переодѣвались они въ запачканныя, оборванныя блузы, чтобы на улицѣ болѣе угодить простому народу и заслужить имя друзей его.

Когда Шарлотта Корде лишила его друга, и терроризмъ началъ пожирать самъ себя, Сенноверу удалось бѣжать изъ Франціи. Когда потомъ изъ Англіи попалъ онъ въ Россію, этого я не знаю; извѣстно только, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ торговалъ онъ въ Петербургѣ выписываемымъ французскимъ табакомъ. Играя изрядно на скрипкѣ, онъ былъ иногда приглашаемъ на вечеринки къ достаточнымъ молодымъ меломанамъ, между прочимъ, къ одному г. Маничарову. По пріѣздѣ изъ-за границы, въ собственномъ домѣ послѣдняго остановился Бетанкуръ, ни съ кѣмъ еще не знакомый; первыми знакомыми его были хозяинъ дома и черезъ него Сенноверъ. Старики полюбились другъ другу, можетъ-быть, самою противоположностью характеровъ; оба были веселаго нрава, но одинъ весь такъ и кипѣлъ, а въ другомъ страсти совершенно погасли.

Когда нужно было избрать директора для института путей сообщенія, Бетанкуръ предложилъ Сенновера. Какъ это возможно? Королевской службы капитана, котораго къ намъ можно принять не болѣе какъ поручикомъ? Бетанкуръ объявилъ что достойнѣе его не знаетъ, и что безъ него и самъ онъ не приметъ главнаго начальства. Что̀ было дѣлать? Опредѣлили Сенновера исправляющимъ должность директора, а черезъ шесть мѣсяцевъ утвердили въ семъ званіи съ чиномъ генералъ-майора. Нарушеніе формъ въ Россіи было какъ будто торжествомъ, услажденіемъ для Бетанкура. Новый успѣхъ скоро долженъ былъ образовать Сенновера; на преступныя его заблужденія накинута не мантія, а крестъ Св. Лудовика. По возвращеніи Бурбоновъ, этотъ орденъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои до революціи имѣли военные офицерскіе чины во французской арміи, а ему, не знаю какъ-то, удалось выдать себя за эмигранта. Впрочемъ, въ правилахъ его не оставалось и тѣни республиканизма. Вообще, слово свобода для большей части ея мнимыхъ поклонниковъ есть ломъ, которымъ пробиваютъ, раскалываютъ они преграды, загораживающія имъ путь къ быстрому возвышенію, и который, по достиженіи желаемаго, бросаютъ они.

Поговоривъ о Сенноверѣ, нельзя же не сказать ни слова о его семействѣ. Также какъ Бетанкуръ, въ Великобританіи нашелъ онъ себѣ подругу, только Англичанку англиканку, бабу смирную, которая приплелась къ Бетанкуршѣ въ видѣ всепокорнѣйшей собесѣдницы. Я никогда не слыхалъ ея голоса, и въ гостиной у мужа она казалась домашнею утварью, которую забыли вынести. Единственная же дочь ихъ, Стефанія, въ тринадцать лѣтъ изумляла уже живостію и смѣлостію ума и развивающимся кокетствомъ. Можно было предвидѣть, что она пойдетъ далеко, что она будетъ чѣмъ-то, чему тогда не было еще имени. Ожиданія сбылись, сенъ-симонизмъ и всѣ богопротивныя секты видѣли ее сильною своею поборницей.

По открытіи института, начальствовавшіе въ немъ Гишпанецъ и Французъ не должны были забыть сводчика своего Маничарова. Онъ былъ изъ Армянъ; люди этой націи въ русскихъ столицахъ обыкновенно бываютъ ювелиры, или торгуютъ шалями, персидскими и индѣйскими товарами; разбогатѣвъ, объявляютъ себя дворянами такой земли, гдѣ ихъ никогда не бывало. Отецъ г. Маничарова до того былъ богатъ, что сыновьямъ его нужно было много времени для разстройства оставленнаго имъ состоянія. Въ старшемъ изъ нихъ, любезномъ моемъ Петрѣ Макаровичѣ, было много оригинальнаго. Главною странностію его, среди завистливаго, себялюбиваго міра сего, почитать можно неистощимую доброту его сердца. Онъ любилъ всѣхъ людей, обожалъ всѣхъ женщинъ, наслаждался всѣми безвредными для чести удовольствіями. Въ шумныхъ, холостыхъ обществахъ, кои предпочтительно посѣщалъ онъ, умѣлъ онъ быть пристоенъ и тихо веселъ, ласковъ и учтивъ безъ приторности. Онъ былъ добрымъ товарищемъ всѣхъ любителей разгульной жизни, но не имѣлъ задушевныхъ друзей, за то и не имѣлъ ни единаго врага. Его душевное спокойствіе, слегка тревожимое желаніями, безъ труда удовлетворяемыми, сохранили ему молодость ума и, конечно, продлятъ его дни. Сколько поколѣній встрѣтилъ онъ на дорогѣ юности и проводилъ изъ нея, самъ никогда ея не покидая. Никогда въ голову не приходила ему служба, какъ вдругъ хозяйственныя дѣла его, пришедши въ упадокъ, не отъ мотовства, а отъ безпечности, заставили его подумать о томъ. Уже былъ онъ лѣтъ сорока, когда че-

резъ покровительство Бетанкура, не имѣя никакого чина, онъ былъ опредѣленъ въ институтъ, разумѣется, не воспитанникомъ, а экономомъ онаго, прямо съ чиномъ инженеръ-капитана. Ну что уже и была это за экономія! Изо всѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми тутъ свела меня судьба, онъ болѣе всѣхъ полюбился мнѣ своею привѣтливостію и ровностію своего характера.

Образованіе института было довольно странное; воспитанники носили шляпу съ перомъ и офицерскій мундиръ съ шитьемъ, только безъ эполетовъ; произведенные же въ офицеры, прапорщики, подпоручики, надѣвъ эполеты, продолжали оставаться въ институтѣ до поручичьяго чина. Въ немъ сперва были только четыре профессора или преподователя наукъ. Ими ссудилъ насъ Наполеонъ, прислалъ Александру четырехъ лучшихъ учениковъ Политехнической Школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема. Это было, какъ изволите видѣть, совершенно французское училище. Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ ремесленниковъ, садовниковъ, машинистовъ, портныхъ и тому подобныхъ; однимъ словомъ, все то что управляющимъ пришельцамъ казалось цвѣтомъ петербургскаго юношества. Въ 1812 году четыре Француза объявили что не могутъ служить правительству, которое находится въ войнѣ съ ихъ отечествомъ, и требовали чтобъ ихъ отпустили: имъ отвѣчали ссылкою. Ученіе на время должно было пріостановиться: дабы по возможности помочь этой бѣдѣ, дали мундиръ и штабъ-офицерскіе эполеты мусью Резимону, учителю въ частномъ домѣ, довольно свѣдущему въ математическихъ наукахъ; да какъ другаго иностранца на первый случай не встрѣтилось, то поневолѣ должны были взять Русскаго, недавно произведеннаго въ офицеры Севастьянова, который въ познаніяхъ догналъ и едва ли не перегналъ иностранныхъ наставниковъ своихъ. Послѣ общаго замиренія въ 1814 году, удаленные Французы воротились къ своимъ должностямъ; во все время войны сохраняли они жалованье свое и чины: Базенъ — подполковника, а трое другихъ оставались майорами. Двое изъ нихъ, Фабръ и Дестремъ, вскорѣ, согласно желанію своему, получили мѣста въ округахъ путей сообщенія,

въ институтѣ же остались только Базенъ и Потье. О нихъ да позволено будетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ.

Уживчивѣе Петра Петровича Базена ни одного человѣка не случалось мнѣ видѣть. Онъ родился въ самомъ центрѣ Парижа отъ бѣдныхъ мѣщанъ, и не совсѣмъ будучи уже ребенкомъ, видѣлъ всѣ ужасы революціи. Съ одной стороны, это научило его осторожности въ изъявленіи своихъ мнѣній, съ другой—породило въ немъ омерзѣніе къ отвратительной грубости развратной парижской черни. Изъ разговоровъ своихъ старался онъ изгнать все то что̀ могло напомнить о навыкахъ его первой молодости, и говорилъ всегда отборными словами. Не только не позволялъ себѣ кого-нибудь порицать, но обо всемъ и обо всѣхъ находилъ средство говорить съ похвалою. Въ душевномъ умиленіи онъ готовъ былъ пасть на колѣна при имени святаго Лудовика XVI, умѣлъ извинять кровожадныхъ Робеспіера и Дантона, приписывая ихъ злодѣянія добрымъ намѣреніямъ, въ Лафайетѣ видѣлъ самого Вашингтона, приходилъ въ непритворный восторгъ, когда называли Наполеона, дивился мудрости Лудовика XVIII и благородству, рыцарскому духу меньшаго брата его. Онъ имѣлъ удивительный даръ не только со всѣми соглашаться, но каждаго порознь увѣрить, что онъ совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Я не думаю, чтобъ онъ кого-нибудь обманывалъ: не возможно было льстить цѣлому свѣту; но для борьбы съ заблужденіями его онъ не чувствовалъ въ себѣ довольно убѣжденія, и желая оставаться въ покоѣ, никакого мнѣнія преимущественно не поддерживалъ. Его всѣ чрезвычайно любили, начиная съ меня. Легко было предвидѣть, что по службѣ будетъ онъ имѣть большія успѣхи въ этой Россіи, которую онъ искренно или притворно любилъ и уважалъ.

Манеры друга его, сотоварища и нѣкогда соученика, Потье, были въ совершенной противоположности съ его тонкою образованностію. Въ немъ виденъ былъ мужикъ сѣверной Франціи; то же просторѣчіе и вмѣсто учтивости добродушіе не безъ лукавства.

Петербургъ какъ фирмаментъ: множество большихъ свѣтилъ движется въ немъ; они одни видимы только простыми глазами, тогда какъ небольшія планеты, около нихъ совершающія путь свой, остаются невѣдомы жителямъ другихъ планетныхъ системъ. Перелетая изъ одной въ другую, въ

семъ совершенно новомъ для меня мірѣ, съ вышепоименованными мною лицами, мнѣ было бы не худо, но, какъ уже выше я сказалъ, кромѣ довольно пріятнаго знакомства другихъ сношеній я съ ними имѣть не могъ. Тотъ же, съ которымъ служба нѣкоторымъ образомъ связывала меня, какъ объясню я ниже, былъ для меня совсѣмъ не находка.

Для заведенія новой ассигнаціонной фабрики купленъ былъ большой домъ откупщика Чоблокова на Фонтанкѣ, близь Калинкина моста. Надобно было заказать нѣсколько машинъ, другія выписать изъ Англіи, да сверхъ того нужно было растянуть фасадъ по улицѣ и возвести нѣсколько новыхъ строеній внутри двора. Для того опредѣлено было, начиная съ 1-го марта 1816 года, въ продолженіе двухъ лѣтъ, изъ казначейства отпускать ежемѣсячно по шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями въ полное распоряженіе Бетанкура, который брался все устроить экономическимъ образомъ. Если-бы мнѣ предложено было храненіе сихъ суммъ и отчетная часть по нихъ, я бы рѣшительно отказался; но былъ другой человѣкъ, который принялъ на себя эту обязанность, тотъ же самый, которому вмѣстѣ съ тѣмъ и поручено бы смотрѣніе за производствомъ работъ.

Во время проѣзда государя черезъ Брухсаль, вдовствующая маркграфиня Баденская, теща его, рекомендовала ему одного неимущаго баденскаго дворянина, который, по словамъ ея, былъ весьма искусенъ по механической части. Изъ уваженія къ такой рекомендаціи, государь на казенный счетъ велѣлъ отправить искусника къ Бетанкуру, съ тѣмъ чтобы сей послѣдній сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое заблагоразсудитъ. Когда Нѣмецъ захочетъ угодить начальнику, никто лучше его не сумѣетъ этого сдѣлать. Т. совершенно въѣлся въ довѣренность къ Бетанкуру. Онъ поселился въ Чоблоковомъ домѣ и началъ заниматься перестройкой его, не дождавшись еще высочайшаго утвержденія. Оно не замедлило, и онъ принятъ въ службу прямо инженеръ-майоромъ,

Трудно бываетъ говорить объ иныхъ людяхъ. Обыкновенные пороки легко осмѣять; для изъявленія негодованія, которое производитъ въ душѣ сотворенное зло, всегда сыщутся выраженія; но какъ быть, когда нельзя ни подняться до ужаса, ни спуститься до смѣха? . . . . Дотолѣ зналъ я однихъ только честныхъ Нѣмцевъ; но видно эта нація совсѣмъ переродилась, и Т. былъ пер-

вымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ, которые наконецъ заставили меня перемѣнить свое мнѣніе насчетъ его соотечественниковъ.

Впрочемъ, что касается до меня лично, я не имѣлъ никакой причины быть имъ недовольнымъ. Не знаю какъ объяснялся онъ съ подрядчиками, только мнѣ сообщалъ онъ дурно, съ ошибками по-французски написанныя, заключенныя съ ними условія, и учтиво просилъ меня, по волѣ Бетанкура переведя ихъ, облечь въ законную форму, на узаконенной гербовой бумагѣ. Я же изъ собственныхъ денегъ долженъ былъ для того нанимать переписчика. Взаимная наша антипатія была неодолима. Быть не только подчиненнымъ его, ни даже начальникомъ, я ни за что бы не согласился, но отказаться имѣть съ нимъ дѣло мнѣ было невозможно. То же самое что и я чувствовали къ нему Французы, и самъ Базенъ съ нимъ однимъ только былъ вовсе нелюбезенъ. Если былъ онъ на руку нечистъ, то и на руку былъ онъ дерзокъ; у себя дома съ подчиненными бѣдными солдатами былъ онъ настоящій палачъ; да и въ институтѣ къ русскимъ служителямъ придирался онъ, чтобы безъ всякой причины и безъ всякаго права ихъ поколотить. За нихъ вступились Французы, и изъ того одинъ разъ чуть было не вышелъ у него поединокъ съ Базеномъ. Тутъ въ первый разъ могъ я замѣтить разницу въ расположеніи къ намъ Нѣмцевъ и Французовъ: первые ненавидятъ насъ какъ возмужалыхъ и непокорныхъ учениковъ, которыхъ надѣялись они вѣчно держать въ опекѣ; послѣдніе видятъ въ насъ побѣдившихъ, но прежде того побѣжденныхъ ими великодушныхъ противниковъ.

Мнѣ такъ надоѣло возиться съ Т., что я готовъ былъ, не говоря ни слова, воротиться опять въ министерство финансовъ; одно новое обстоятельство понудило меня пріостановиться.

Счастливо окончивъ всѣ войны, государь захотѣлъ предаться вновь нѣкоторымъ изъ прерванныхъ любимыхъ своихъ мирныхъ занятій. Петербургъ захотѣлось ему сдѣлать красивѣе всѣхъ посѣщенныхъ имъ столицъ Европы. Для того придумалъ онъ учредить особый архитектурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бетанкура. Ни законность правъ на владѣніе домами, ни прочность строенія казенныхъ и частныхъ зданій не должны были входить въ число занятій сего комитета: онъ долженъ былъ просто разсматривать

проекты новыхъ плановъ, утверждать ихъ, отвергать или измѣнять, также заниматься регулированіемъ улицъ и площадей, проектированіемъ каналовъ, мостовъ и лучшимъ устройствомъ отдаленныхъ частей города, однимъ словомъ,—одною только наружною его красотой. Членами въ него назначены инженеры и архитекторы.

Почти въ то же время, графъ Ламбертъ, увѣдомляя меня, что штатъ коммиссіи погашенія долговъ утвержденъ, и что она скоро имѣетъ быть открыта, требуетъ извѣщенія сохраняю ли я желаніе быть однимъ изъ ея директоровъ, ибо только въ противномъ случаѣ будетъ онъ почитать себя въ правѣ располагать мѣстомъ, на которое есть много просящихъ. Прежде чѣмъ дать ему отвѣтъ, я объяснилъ Бетанкуру, что въ настоящемъ не видя ничего положительнаго, твердаго, я не могу отказаться отъ мѣста почетнаго, спокойнаго и выгоднаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что новому комитету, который скоро долженъ будетъ открыть свои засѣданія, нужны канцелярія и чертежная, что онъ поручаетъ мнѣ составить первую и штатъ для обѣихъ, что себѣ какъ правителю этой канцеляріи могу я назначить жалованья сколько мнѣ угодно, что онъ все это поднесетъ императору, и знаетъ напередъ что все будетъ утверждено. Онъ совѣтовалъ мнѣ не быть слишкомъ скромнымъ, также не забыть достаточной суммы для найма квартиры комитету, въ которой и я могъ бы имѣть удобное помѣщеніе.

Я разчелъ, что этотъ комитетъ не что иное какъ забава, что, повидимому, дѣла будетъ въ немъ немного, и что въ небольшомъ участкѣ, службою мнѣ отмежеванномъ, буду я полный господинъ. Къ тому же я всегда былъ немного суевѣренъ: рескриптъ на имя Бетанкура объ учрежденіи комитета былъ подписанъ государемъ 3-го мая, день именинъ и рожденія моей матери, и я видѣлъ въ этомъ счастливое для себя предзнаменованіе. Итакъ, я поѣхалъ къ Ламберту благодарить его за двойныя обо мнѣ попеченія, и объявить что отъ добра добра не ищутъ, и что я остаюсь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое по его же рекомендаціи я поставленъ.

Безъ этого проклятаго комитета сколько бы провелъ я спокойныхъ годовъ! Винить мнѣ некого, кромѣ самого себя. Другіе свои промахи и неудачи всегда любятъ взваливать на людей и на обстоятельства: этому всеобщему пороку

по крайней мѣрѣ не былъ я подверженъ. Но какъ избѣгнуть своего предопредѣленія? У меня видно на роду было написано увидѣть вблизи всѣ состоянія: неужели для того чтобъ изобразить ихъ въ сихъ запискахъ? Коли такъ, то въ слѣдующей главѣ постараюсь представить художниковъ, съ коими пришлось мнѣ коротко ознакомиться.

III.

Все прежнее поколѣніе архитекторовъ, которые въ концѣ Екатеринина вѣка, при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, украшали Петербугъ: Гваренги, Захаровъ, Старовъ, Воронихинъ, Бренна, Камеронъ, Томонъ, отошли въ вѣчность, иные не достигнувъ еще старости; оставался одинъ только Руско, и тотъ за ними скоро послѣдовалъ. Возникли новыя строительныя знаменитости, которыя, по мнѣнію знатоковъ, въ искусствѣ далеко отъ первыхъ отстали. Изъ нихъ четверо посажены членами въ комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, какъ я самовольно назвалъ его. Если не портреты съ нихъ, то по крайней мѣрѣ абрисы, кроки хочется мнѣ снять.

Старшій по чину и первый по вкусу и таланту между ними былъ Карлъ Ивановичъ Росси, иностранецъ родившійся въ Россіи. Всякій зналъ родительницу его, нѣкогда первую танцовщицу на Петербургскомъ театрѣ. Въ лѣтописяхъ хореграфіи прославленное ею имя Росси согласилась она промѣнять не иначе какъ на столь же знаменитое имя Ле Пика, которое въ царствованіе Екатерины громко доходило до отдаленнѣйшихъ отъ столицы провинцій. Въ Кіевѣ съ благоговѣніемъ произносилъ его танцовальный мой учитель Пото, и я затвердилъ его; но мнѣ не удалось восхищаться этою четой: вслѣдъ за смертію Екатерины и она куда-то закатилась. Слава ея однакоже не вдругъ исчезла, и мнѣ не въ первой молодости неоднократно случалось читать на афишкѣ: „балетъ сочиненія балетмейстера Ле Пика.“ Дочь госпожи Росси, отъ втораго брака, хотя не поступила на сцену, но и не выступила изъ круга дѣятельности своихъ родителей. Она вышла за Огюста, брата сирены Шевалье. Этотъ Огюстъ долго, очень долго танцовалъ и леталъ передъ нами зефиромъ, пока время, снабдивъ его чрезмѣрною дебелостію не заставило его, отпустивъ бороду, надѣть нашъ простой

крестьянскій кафтанъ и пуститься очень хорошо плясать по-русски.

Для Росси такой сценической знатности было мало: онъ пожелалъ быть артистомъ еще болѣе благороднаго разряда. Слѣдуя внутреннему призванію, онъ сдѣлался архитекторомъ и на семъ избранномъ имъ пути нажилъ деньги, получилъ чины и кресты. Судьба однакоже не вдругъ отдѣлила его отъ родины, отъ мѣста, гдѣ онъ началъ жить и возрастать. Первымъ произведеніемъ его искусства былъ прекрасный деревянный театръ въ Москвѣ, на Арбатской площади, который сгорѣлъ въ большомъ пожарѣ 1812 года. Онъ былъ еще красивъ и молодъ, когда его отправили въ Москву; къ тому же онъ былъ артистъ съ иностраннымъ прозваніемъ. Половины сихъ преимуществъ достаточно, чтобы пользующіеся ими въ Москвѣ обрѣтали рай. Кто знаетъ московскія общества, тому извѣстно, съ какою жадностію воспринимается въ нихъ молодость людей разныхъ состояній. Успѣхи Росси въ сихъ обществахъ были превыше силъ его. Когда онъ воротился въ Петербургъ, друзья съ трудомъ могли его узнать, до того измѣнился онъ въ лицѣ, до того истощенъ былъ онъ наслажденіями, можетъ-быть душевными. Никогда силы къ нему не возвращались, но сіе было тѣмъ полезнѣе для его генія; при изнеможеніи тѣлесномъ замѣчено, что почти всегда изощряется воображеніе. Взамѣнъ здоровья, котораго лишился онъ въ барскихъ домахъ, пріобрѣлъ онъ большой навыкъ въ свѣтскомъ обхожденіи. Онъ былъ привѣтливъ, любезенъ и съ нимъ пріятно было имѣть дѣло.

За то, первый послѣ него, Василій Петровичъ Стасовъ былъ совершеннымъ его контрастомъ. Онъ, кажется, былъ человѣкъ не злой, но всегда угрюмый, какъ будто недовольный. Суровость его, которая едва смягчалась въ сношеніяхъ съ начальствомъ, была слѣдствіемъ, какъ мнѣ сдается, чрезмѣрнаго и неудовлетвореннаго самолюбія. Онъ хотѣлъ быть законодательною властію комитета и все предлагалъ правила, правда, стѣснительныя для владѣльцевъ, за то весьма полезныя въ разсужденіи предосторожности отъ пожаровъ.

Третій членъ, Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, былъ настоящій добрякъ; другаго названія ему дать не умѣю. Маленькій, веселый, простой, этотъ человѣкъ былъ воспитанъ въ академіи художествъ, и никогда потомъ съ нею не раз-

ставался, ни въ званіи академика, ни въ званіи профессора. Онъ никакъ не гнался за геніяльностію, ничего не умѣлъ выдумывать, слѣдовалъ рабски за славными образцами, но подражая имъ, умѣлъ однакоже изъ произведеній ихъ выбирать всегда лучшее.

Всѣ трое были зодчіе домашняго издѣлія; одинъ только четвертый былъ иноземный, хотя и не выписной. Прежде чѣмъ пріѣхать въ Россію, г. Антоанъ Модюи посѣтилъ развалины Греціи; въ ихъ священномъ прахѣ искалъ онъ артистическихъ вдохновеній, и какъ мнѣ казалось, мало привезъ ихъ къ намъ съ собою. Какъ объ архитекторѣ, объ немъ говорить почти нечего; но пребываніе многорѣчиваго Парижанина въ классической землѣ Эсхила и Демосѳена усилило въ немъ даръ краснорѣчія, и онъ сдѣлался ораторомъ нашего комитета. Скоро открылъ я въ немъ новый талантъ: подобно Перро, онъ былъ и стихотворецъ. Онъ подарилъ мнѣ небольшую тетрадь, по-французски напечатанную въ Петербургѣ, подъ названіемъ: *Циркуль и Лира, le Compas et la Lyre*, содержащую въ себѣ его стихотворенія. И что̀ это такое! Ни одинъ ученикъ теперь во Франціи не позволитъ себѣ писать такіе стихи; между прочимъ, я помню слѣдующіе:

Caulaincourt, ce mortel dont la reconnaissance
A jamais dans mon coeur grava le souvenir,
En parla près du trône et m'y fit parvenir.

То-есть: „благодарность Коленкура, который возвелъ его на престолъ,“ скажетъ тотъ, кто знаетъ по-французски. Дѣло состоитъ въ томъ, что онъ явился здѣсь во время тѣснаго союза Наполеона съ Александромъ, когда Коленкуръ игралъ у насъ такую большую роль и былъ довольно силенъ, чтобъ и этого шута представить самому государю. Онъ былъ нрава совсѣмъ невеселаго, но вообще былъ добрый малый, и какъ Французъ, болтливъ и легкомысленъ.

Болѣе или менѣе всѣ эти великіе наши строители принадлежали къ старой школѣ. Для нихъ Витрувій былъ то же что̀ Аристотель для литераторовъ и особенно для драматическихъ писателей. Какъ послѣдніе три единства на сценѣ почитали непреложнымъ для себя закономъ, такъ первые внѣ четырехъ орденовъ, Дорическаго, Іоническаго, Тосканскаго и Коринѳскаго, видѣли беззаконіе, нарушеніе священнѣйшихъ обязанностей, и Композитный орденъ едва только допускали въ

своихъ планахъ. Французская революція все ниспровергла, почти все поставила вверхъ дномъ; но, во дни владычества ужасныхъ и смѣшныхъ подражателей древней Греціи и Рима, классицизмъ въ художествахъ, въ наукахъ, во всемъ устоялъ и даже еще болѣе усилился. Въ императорѣ Александрѣ былъ вкусъ артиста, но въ то же время и пристрастіе военнаго начальника къ точности размѣровъ, къ правильности линій; и дабы регулярному Петербургу дать еще болѣе однообразія, утомительнаго для глазъ, учредилъ онъ этотъ комитетъ. Члены добросовѣстно выполняли его намѣренія; планъ всякаго новостроящагося домика на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ, представленный ихъ разсмотрѣнію, подвергался строгимъ правиламъ архитектуры. Одинъ только Бетанкуръ вздыхалъ, видя невозможность въ этомъ случаѣ не сообразоваться съ волею царя. Мальчикомъ любовался онъ прелестями Аламбры и фантастическими украшеніями мавританскихъ зданій въ Севиллѣ и всегда оставался поборникомъ кудрявой пестроты.

Три инженера участвовали въ засѣданіяхъ комитета. Одинъ неизбѣжный для меня Т., другой, данный мнѣ въ утѣшеніе, вновь произведенный полковникъ Базенъ. Третій былъ весьма молодой майоръ Андрей Даниловичъ Готманъ, благородной наружности и пріятнаго обхожденія, болѣе всѣхъ отличившійся въ наукахъ воспитанникъ инженернаго института, Нѣмецъ, но католикъ, преимущественно знающій одинъ только французскій языкъ, сынъ садовника, но ультралегитимистъ, благодаря стараніямъ воспитавшихъ его, архитектора Т., а еще болѣе его жены.

Кромѣ одного Росси, никто изъ нашихъ членовъ не могъ тогда назвать публичнаго памятника, который былъ бы созданіемъ его творческой мысли. Другіе занимались дотолѣ одними частными строеніями, которыя, доставляя имъ небольшую прибыль, мало умножали ихъ извѣстность. Только Модюи, получая отъ казны жалованье, рѣшительно ничего не дѣлалъ и обидѣлся, когда ему предложили совершенную перестройку придворныхъ конюшенъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ находятся: Стасовъ не поспѣсивился и хорошо сдѣлалъ. Модюи же отвѣчалъ, что можетъ принять на себя возведеніе только тѣхъ зданій, которыя должны увѣковѣчить славу Александра, сдѣлать ихъ обоихъ безсмертными. Онъ нашелъ однакоже средство быть дѣйствительно

полезнымъ: этимъ же лѣтомъ принялся онъ за составленіе проектовъ для новаго устройства внутреннихъ, населеннѣйшихъ частей города. Въ нихъ было еще много пустырей, обширныхъ кварталовъ, одними садами и огородами занятыхъ; черезъ нихъ сталъ онъ проводить линіи и этимъ способомъ умножать сообщенія и сближать разстоянія. Всѣ его планы были одобрены, но, увы, не ему было поручено ихъ исполненіе. Напримѣръ, по его указаніямъ, по его рисункамъ на мѣстѣ грязнаго двора, передъ Аничковскимъ дворцомъ, устроена большая площадь со скверомъ, съ Александринскимъ театромъ и съ высокими вокругъ него зданіями и пробита улица вплоть до Чернышева моста. По его же проекту съ Невскаго проспекта отъ городской башни открыта новая Михайловская улица, ведущая къ новой площади, въ глубинѣ коей долженъ былъ возвыситься Михайловскій дворецъ, и которой однообразныя большія строенія должны были служить рамой. Все это начато и окончено безъ него и даже послѣ него.

Самоважнѣйшее дѣло, коимъ въ продолженіе перваго лѣта, по высочайшей волѣ, занимался комитетъ, было постановленіе о троттуарахъ, которыхъ прежде не было въ Петербургѣ. Предметъ, конечно, важный, учрежденіе благодѣтельное для пѣшеходцевъ, но и теперь безъ смѣху не могу я вспомнить сильныя пренія, которыя порождалъ сей вопросъ, важность, съ которою его обсуживали. Казалось, что дѣло идетъ объ узаконеніи, отъ котораго зависитъ благосостояніе государства.

Не помню въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ изъ Парижа одинъ человѣкъ, котораго появленіе осталось вовсе незамѣченнымъ нашими главными архитекторами, но котораго успѣхи сдѣлались скоро постояннымъ предметомъ ихъ досады и зависти. Въ одно утро, нашелъ я у Бетанкура бѣлобрысаго Французика, лѣтъ тридцати не болѣе, разодѣтаго по послѣдней модѣ, который привезъ ему рекомендательное письмо отъ друга его, часовщика Брегета. Когда онъ вышелъ, спросилъ я объ немъ, кто онъ таковъ. „Право не знаю“, отвѣчалъ Бетанкуръ: „какой-то рисовальщикъ, зовутъ его Монферранъ; Брегетъ проситъ меня, впрочемъ, не слишкомъ убѣдительно, найдти ему занятіе, а на какую онъ можетъ быть потребу?“ Дня черезъ три позвалъ онъ меня въ комнату, которая была за кабинетомъ его, и указы-

вая на большую вызолоченную раму, спросилъ, что̀ я думаю о томъ что̀ она содержитъ въ себѣ? „Да, это просто чудо," воскликнулъ я. — „Это работа маленькаго рисовальщика," сказалъ онъ мнѣ. Въ огромномъ рисункѣ подъ стекломъ собраны были всѣ достопримѣчательныя древности Рима, Троянова колонна, конная статуя Марка Аврелія, тріумфальная арка Септима Севера, обелиски, бронзовая волчица и проч., и такъ искусно сгруппированы, что составляли нѣчто цѣлое, чрезвычайно пріятное для глазъ. Всему этому придавало цѣну совершенство отдѣлки, которому подобнаго я никогда не видывалъ. „Не правда ли", сказалъ мнѣ Бетанкуръ, „что этого человѣка никакъ не должны мы выпускать изъ Россіи?" — „Да какъ съ этимъ быть?" отвѣчалъ я. — „Вотъ что̀ мнѣ пришло въ голову", сказалъ онъ:—мнѣ хочется помѣстить его на фарфоровый заводъ, тамъ будетъ онъ сочинять формы для вазъ, съ его вкусомъ это будетъ безподобно; да сверхъ того можетъ онъ рисовать и на самомъ фарфорѣ." Онъ предложилъ это министру финансовъ, Гурьеву, управляющему въ то же время и кабинетомъ, въ вѣдѣніи коего находился заводъ. Монферранъ требовалъ три тысячи рублей ассигнаціями, а Гурьевъ давалъ только двѣ тысячи пять сотъ: отъ того дѣло и разошлось. Между тѣмъ онъ все становился со мною любезнѣе, до того что я рѣшился посѣтить его и мадамъ Монферранъ, почти на чердакѣ, въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было проходить черезъ швальню портнаго Люилье. Онъ же дѣлалъ для меня прекрасные маленькіе рисунки, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, я ни одного у себя не оставилъ, а всѣ раздарилъ въ альбомы знакомымъ дамамъ. За то и я затѣвалъ для него выгодное мѣсто, которымъ долженъ былъ онъ остаться доволенъ. Но пока оставимъ его, чтобы возвратиться къ комитету.

Я чрезвычайно ошибся, полагая что дѣла въ немъ мнѣ будетъ очень мало. Надобно было составлять журналы засѣданій его; они сначала были не длинны, и это бы еще не бѣда. Но по примѣру Бетанкура захотѣлъ Модюи, чтобы они писаны были на двухъ языкахъ, къ нему присталъ Т., который также не зналъ по-русски, и Бетанкуръ потребовалъ, чтобы я удовлетворилъ ихъ желаніе. Скоро Модюи принялся витійствовать и подавать нескончаемыя мнѣнія, которыя цѣликомъ долженъ былъ я вносить въ журналъ,

переводя ихъ на русскій языкъ. Съ другой стороны, Стасовъ началъ представлять свои мнѣнія, варварскимъ языкомъ писанныя, и ихъ также осужденъ былъ переводить на французскій.

Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную, гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства, по ихъ прихоти, дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ. Пристрастіе къ тому, что̀ называемъ мы европейскимъ просвѣщеніемъ, народное самолюбіе наше осуждаетъ на безпрерывныя пожертвованія; безпрестанно подавляя, оно наконецъ совсѣмъ можетъ истребить его: что̀ изъ насъ выйдетъ тогда? Россія какъ трупъ будетъ тѣло безъ души. Если я вполнѣ не почувствовалъ тогда сколь это унизительно для нея, то виню свое себялюбіе или эгоизмъ. Прежде чѣмъ о ней, подумалъ я о себѣ и находилъ обиднымъ, что архитекторы такъ самовольно могутъ располагать моими занятіями, и на этотъ счетъ объяснился съ Бетанкуромъ. „Пожалуста, не смотрите на нихъ, а знайте меня одного", отвѣчалъ онъ; и дѣйствительно иногда случалось мнѣ въ его отсутствіе именемъ его объявлять имъ свою волю. Даже въ напрасномъ обремененіи этомъ видѣлъ я полезное для себя умноженіе труда: мнѣ хотѣлось настоящую жизнь свою, такъ-сказать, оторвать отъ прошедшаго своего бездѣйствія, закалить себя въ работѣ; съ остервѣненіемъ вооружился я противъ своей лѣни и съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ сталъ переводить съ языка на языкъ и французскую болтовню Модюи, и русское вранье Стасова.

Первые мѣсяца полтора составлялъ я одинъ всю канцелярію комитета, и несмотря на все рвеніе мое, мнѣ приходилось не въ мочь. Бетанкуръ все твердилъ мнѣ: „да зачѣмъ не наберете вы канцелярію? вы имѣете на то полную власть." Это легко было сказать; въ надеждѣ на будущее жалованье заманить людей, которые бы, по крайней мѣрѣ, умѣли переписывать по-французски, было дѣло весьма трудное; однакоже и это не знаю какъ-то удалось мнѣ.

Въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ служилъ столоначальникомъ нѣкто Николай Яковлевичъ Ноденъ. Незнаю, легковѣріе ли его, или довѣрчивость, которую чистосердечіе мое внушало всѣмъ людямъ, а можетъ-быть и слабая надежда сколько-нибудь умножить средства къ содержанію бѣднаго семейства, понудили его принять мое предложеніе, только

онъ согласился, не покидая настоящаго мѣста служенія, приходить ко мнѣ на помощь. Онъ былъ воспитанъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ мать его, Француженка, вдова танцмейстера той же націи, была инспектрисою при малолѣтнихъ кадетахъ. Въ немъ не было достаточно ни способностей, ни познаній, чтобы когда-либо занять какое-нибудь высокое мѣсто, но въ канцеляріяхъ такіе люди кладъ: онъ былъ точенъ и неутомимъ. Не столько живости, сколько веселости было у него не въ умѣ, а въ характерѣ, и необыкновенная кротость въ душѣ; сердиться онъ никогда не умѣлъ, а только иногда морщиться, и за такого помощника, право, мнѣ можно было благодарить Бога.

Я не замедлилъ составленный мною штатъ представить на усмотрѣніе Бетанкура. Ни предсѣдателю, ни членамъ никакого жалованья въ немъ не полагалось. Правителю же канцеляріи, то-есть самому себѣ, назначилъ я по двѣ тысячи пяти сотъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, секретарю по тысячи пяти сотъ, а двумъ помощникамъ его только по тысячи. Да сверхъ того, начальнику чертежей то же самое что правителю канцеляріи, и двѣнадцати чертежникамъ отъ пяти сотъ до тысячи рублей ежегодно. Служащимъ въ канцеляріи комитета выговорилъ я право занимать другія должности въ иныхъ вѣдомствахъ, и Нодену, не отнимая его у департамента горныхъ дѣлъ, предназначилъ высокій титулъ секретаря. Мнѣ удалось завербовать ему и двухъ помощниковъ: въ ожиданіи будущихъ благъ, молодой человѣкъ Прудниковъ, служащій въ канцеляріи министра финансовъ и старшій братъ члена Готмана, учитель въ частномъ домѣ, но числящійся въ какомъ-то вѣдомствѣ, согласились нѣкоторое время трудиться при мнѣ безвозмездно.

Должность начальника чертежной берегъ я для Монферрана и чрезвычайно удивился, когда на сдѣланное мною о томъ предложеніе отъ Бетанкура получилъ отказъ. „Онъ для такой должности еще слишкомъ молодъ", отвѣчалъ онъ. Я, однакоже, не отступился и выторговалъ ему, по крайней мѣрѣ, названіе старшаго чертежника, правда, безъ жалованья, но съ квартирою и съ суммою, равною жалованью, въ видѣ награжденія или пособія ему, отъ комитета выдаваемою. Я долженъ былъ объяснить это Монферрану, который все съ благодарностію готовъ былъ тогда принять, какъ будто предвидя, что все это скоро должно перемѣниться. Первый на-

боръ чертежниковъ, изъ воспитанниковъ академіи художествъ, сдѣланный съ помощію члена Михайлова, послѣдовавшій, однакоже, не прежде какъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія комитета, былъ также весьма удаченъ. Въ числѣ ихъ находились нынѣ извѣстные архитекторы: Брюловъ, Тонъ, Штакеншнейдеръ и Щедринъ.

Переписывались мы болѣе всего съ главнокомандующимъ въ Петербургѣ, Вязмитиновымъ, но въ сношеніяхъ съ нимъ Бетанкуръ, чрезвычайно любимый царемъ, умѣлъ, однакоже, сохранять совершенное равенство: съ перемѣною обстоятельствъ въ послѣдствіи сіе должно было измѣниться. Съ другой стороны и я, въ частыхъ сношеніяхъ съ двумя правителями канцеляріи его, никакъ не хотѣлъ признавать ихъ передъ собою первенства. Обоихъ громко обвиняли въ мздоимствѣ, но я такъ уже привыкъ это слышать, что смотрѣлъ на нихъ безъ малѣйшаго отвращенія. Одинъ изъ нихъ имѣлъ притязанія на образованность и пріятность формъ, другой былъ веселый и ласковый плутъ; тотъ и другой, повидимому, старались быть мнѣ угодными.

Не выходя изъ скромной роли своей, Монферранъ, между тѣмъ, тайкомъ трудился надъ чѣмъ-то важнымъ. На словахъ государь просилъ Бетанкура поручить кому-нибудь составить проектъ перестройки Исакіевскаго собора, такъ чтобы сохраняя все прежнее зданіе, развѣ съ небольшою только прибавкою, дать видъ болѣе великолѣпный и благообразный сему великому памятнику. Бетанкуру пришло въ голову для пробы занять этимъ Монферрана, выдавъ ему планъ церкви и всѣ архитектурныя книги изъ институтской библіотеки. Что̀ же онъ сдѣлалъ? Выбирая все лучшее, усердно принялся списывать находящіяся въ нихъ изображенія храмовъ, принаравливая ихъ къ величинѣ и пропорціямъ нашего Исакіевскаго собора. Такимъ образомъ составилъ онъ разомъ двадцать четыре проекта или, лучше сказать, начертилъ двадцать четыре прекраснѣйшихъ миніатюрныхъ рисунка и сдѣлалъ изъ нихъ въ переплетѣ красивый альбомъ. Тутъ все можно было найдти: китайскій, индѣйскій, готическій вкусъ, византійскій стиль и стиль возрожденія и, разумѣется, чисто греческую архитектуру древнѣйшихъ и новѣйшихъ памятниковъ.

Въ это время начались ежегодныя, продолжительныя, безпрерывныя путешествія государя внутри Россіи. Не

знаю, до какой степени знакомили они его съ духомъ его народа и выгодами его государства. По возвращеніи его, въ глухую осень, изъ перваго такого путешествія, Бетанкуръ представилъ ему Монферрановскій альбомъ, прося одинъ изъ рисунковъ удостоить своимъ выборомъ: вѣрный вкусъ его величества будетъ служить потомъ руководствомъ для исполнителей его воли. Нельзя было не восхититься искусствомъ рисовальщика, и государь на время оставилъ у себя альбомъ.

На другой день Бетанкуръ, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ въ полголоса сказалъ мнѣ:

— Напишите указъ придворной конторѣ объ опредѣленіи Монферрана императорскимъ архитекторомъ, съ тремя тысячами рублей ассигнаціями жалованья изъ суммъ кабинета.

Я изумился и не могъ удержаться чтобы не сказать:

— Да какой же онъ архитекторъ, онъ отъ роду ничего не строилъ, и вы сами едва признаете его чертежникомъ.

— Ну, ну, отвѣчалъ онъ,—такъ и быть, пожалуста помолчите о томъ и напишите указъ.

Я собственноручно написалъ его, а государь подписалъ.

Утвержденіе нашего штата, несмотря на возвращеніе императора, все еще день ото дня откладывалось. Наконецъ, только въ декабрѣ вышло вдругъ милостивое рѣшеніе: на содержаніе комитета выдать изъ уѣзднаго казначейства всю сумму сполна за весь истекающій годъ, а чиновникамъ—жалованіе съ 3-го мая, со дня подписанія рескрипта Бетанкуру. Сей послѣдній все еще упрямился и несмотря на великолѣпный титулъ, имъ доставленный Монферрану, опредѣлилъ его къ намъ только что старшимъ чертежникомъ. Онъ же, какъ мнѣ кажется, съ умысломъ ежился и гнулся передъ нимъ, увѣряя его, что во всѣхъ большихъ постройкахъ настоящимъ архитекторомъ, великимъ строителемъ будетъ онъ самъ Бетанкуръ, а онъ по возможности будетъ стараться облекать въ формы геніальныя его идеи.

Дабы кончить разказъ о рѣшительномъ устройствѣ пресловутаго комитета, необходимо долженъ я выступить за предѣлы 1816 года: въ январѣ 1817 нанялъ я для него равно какъ и для себя удобную и помѣстительную квартиру, въ домѣ Шмидта, у Семеновскаго моста, на углу Фонтанки и Апраксинскаго переулка. Поселившись въ этомъ пріютѣ, ко-

торый, по предчувствіямъ моимъ, столько лѣтъ долженъ былъ я занимать, и который, не превышая скудныя средства мои, какъ могъ старался я лучше прибрать, ощутилъ я необычайную отраду. Мнѣ уже исполнилось тридцать лѣтъ, и тщетно усиливался я дотолѣ найдти постоянное мѣсто и прочную службу; вездѣ встрѣчалъ неудачи; оттого-то самая жизнь моя въ Петербургѣ была всегда кочевая; съ одной небольшой квартирки часто переѣзжалъ я на другую малую. Тутъ было нѣчто похожее на осѣдлость, и это единственный домъ, мимо котораго и доселѣ не могу я равнодушно пройдти или проѣхать. Мнѣ сожительствовалъ Монферранъ, и сосѣдствомъ его я оставался доволенъ.

IV.

Не цѣлую главу, а нѣсколько страницъ въ каждой части сихъ записокъ посвящаю я обыкновенно описанію современнаго состоянія русскаго театра. Здѣсь достаточно мнѣ будетъ на то нѣсколько строкъ, ибо въ предыдущей части довольно говорилъ я объ немъ, и остается только назвать нѣсколько новыхъ молодыхъ талантовъ, тогда показавшихся, изъ коихъ нѣкоторыя и понынѣ украшаютъ нашу сцену.

Особенно примѣчательны были два актера, Сосницкій въ комедіяхъ и Рамазановъ въ водевиляхъ. Первому, въ цвѣтущія лѣта, удалось попасть въ общество образованныхъ людей: а какъ сверхъ того имѣлъ онъ врожденное чувство свѣтской пристойности, то и явилъ въ себѣ на сценѣ молодаго человѣка, котораго можно пустить въ лучшую гостиную. Другой, Рамазановъ, былъ живчикъ, который пѣлъ пріятнымъ голосомъ и весьма естественно игралъ не въ шутовскихъ, а въ веселыхъ и забавныхъ роляхъ.

Главною актрисой въ комедіяхъ была Валберхова, не весьма еще старая и красивая, но не совсѣмъ однакоже и молодая дѣва, дочь посредственнаго танцовщика Лѣсогорова, который перевелъ себя на нѣмецкій языкъ, дабы внушить зрителямъ болѣе къ себѣ уваженія. Она была, какъ увѣряли, примѣрной нравственности, скромна, добродѣтельна и отказалась отъ брака, для того чтобы прилежнѣе заниматься воспитаніемъ сиротъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ. Такія почтенныя свойства вредили однакоже ея таланту, когда приходилось ей играть вѣтреныхъ кокетокъ. Прикованный не

любовію, а сожитіемъ, привычкою и общими выгодами къ другой актрисѣ, Шаховской тщетно, говорятъ, вздыхалъ у ногъ ея. Екатерина Ивановна Ежова (мадамъ Жегова, какъ называли ее французскіе актеры) была женщина хитрая и смѣлая. Она держала Шаховскаго, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ. Въ роляхъ сердитыхъ барынь на сценѣ заступила она мѣсто Рахмановой, которая по старости отошла на покой. Къ тому же и самый характеръ новаго рода крикуньевъ мало походилъ на тотъ, который такъ искусно изображала Рахманова.

Также и въ трагедіяхъ играла Валберхова и казалась бы гораздо превосходнѣе, еслибы только какой-либо второстепенный талантъ могъ бы выдержать сравненіе съ совершенствомъ игры Семеновой. Ни въ Россіи, ни за границей въ трагедіи я никого выше ее не видалъ: на театрѣ она казалась царицей среди подвластныхъ ей рабовъ, и по моему мнѣнію у насъ не умѣли ей довольно дивиться. Старѣющая Каратыгина иногда дерзала также показываться подлѣ Семеновой; неблагодарная публика, которая прежде, не видавъ лучшаго, столько плѣнялась ею, смотрѣла уже на нее съ отвращеніемъ. Ей обѣщано было новое, живѣйшее удовольствіе: Гнѣдичъ и другъ его, Лобановъ, возвѣстили ей, что въ трагедіи переведенной послѣднимъ будетъ она изумлена игрой молоденькой актрисы Степановой, въ ролѣ Ифигеніи. Я видѣлъ это первое представленіе и заодно съ публикой не ощутилъ и не изъявлялъ восторговъ.

Въ отсутствіе французской труппы не одни мелкіе чиновники и гостинодворцы посѣщали русскій театръ, но и лучшее общество. Дабы видѣть и слышать Семенову, общество это соглашалось выносить неистоваго Яковлева, нашего простонароднаго Лекеня, который многія лѣта продолжалъ еще хрипѣть и ревѣть передъ зрителями. Для молодыхъ ролей, за неимѣніемъ лучшаго, былъ нѣкто Щениковъ: совсѣмъ не помню когда онъ исчезъ и куда онъ дѣвался. Еще одинъ молодой купчикъ, Брянскій, пошелъ въ трагическіе актеры; онъ былъ не безъ дарованій, говорилъ стихи очень внятно и рѣчисто и могъ бы, заступивъ мѣсто Яковлева, избавить насъ отъ него, но, къ сожалѣнію, былъ чрезвычайно холоденъ. Въ это время болѣе десяти лѣтъ уже находился онъ на сценѣ и о сю пору, кажется, не покидалъ ее; послѣ женился

онъ на вышереченной Степановой, и она, благодаря сему союзу, и понынѣ еще въ числѣ подставныхъ актрисъ.

Примадонной въ оперѣ все оставалась мѣньшая Семенова, со столь же пышною красотой и со столь же тощимъ голосомъ. Первый теноръ былъ все тотъ же славный Самойловъ; второй теноръ былъ молодой человѣкъ Климовскій, какъ увѣряли, изъ малороссійскихъ дворянъ, воспитанный въ придворной пѣвческой школѣ; голосъ у него былъ слабѣе чѣмъ у Самойлова, но еще пріятнѣе, и музыку зналъ онъ лучше. Послѣ большаго пожара старая Сандунова изъ Москвы бѣжала въ Петербургъ и въ немъ осталась, ибо не было надежды чтобы въ старой столицѣ театръ могъ скоро быть возстановленъ. Она согласилась играть роли старухъ, однакоже по нуждѣ заставляли ее выполнять ролю Весталки и другія, въ которыхъ былъ необходимъ ея уже не свѣжій, но еще сильный и чистый голосъ. Партію баса пѣлъ весьма нехудо Зловъ, также въ одно время съ нею изъ Москвы пріѣхавшій пѣвецъ.

Танцовальныя зрѣлища лишились Дюпора, вмѣстѣ съ Жоржъ уѣхавшаго во Францію. Неизмѣнная чета Дидло опять осталась тогда одна, чтобы владычествовать въ балетахъ. Двое молодыхъ мальчиковъ, Люстихъ и Шемаевъ, обѣщали было сравняться съ Дюпоромъ, но не сдержали обѣщаннаго; поджилки скоро отказались имъ служить. Члены у русскихъ бываютъ гибки только въ первой молодости; до старости всегда готовы они и бываютъ въ состояніи пахать и ратовать, но однимъ Французамъ отъ природы дана привилегія до могилы ловко прыгать и вертѣться. Доказательствомъ тому можетъ служить мусью Андре, котораго въ 1803 году видѣли мы довольно пожилымъ французскимъ актеромъ и который, дабы не разставаться со сценою, въ это время неутомимо продолжалъ плясать на ней, что двадцать лѣтъ спустя дѣлаетъ онъ и понынѣ. Именной списокъ тогдашнихъ русскихъ артистовъ заключу я названіемъ искусной танцовщицы и извѣстной красавицы, дѣвицы Истоминой, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ. Она была причиною нѣсколькихъ поединковъ между ими и даже смерти одного изъ нихъ.

Въ самомъ главномъ управленіи театральномъ произошла тогда большая перемѣна. Вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ

при Павлѣ удаленъ былъ въ Москву другой камергеръ, находившійся при наслѣдникѣ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ вызванъ по воцареніи Александра. Какъ въ характерахъ обоихъ князей камергеровъ, такъ и въ степени довѣренности къ нимъ государя была великая разница. Голицынъ былъ человѣкъ добродушный, отмѣнно веселый, но степенный и съ молода склонный къ набожности. Тюфякинъ былъ скученъ, несносенъ, своенравенъ и мало понималъ другія наслажденія кромѣ чувственныхъ. Видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ царя, онъ съ досады поселился въ Парижѣ и выѣзжалъ изъ него только во время разрыва Наполеона съ Россіей, впрочемъ, не возвращаясь въ нее. Въ началѣ 1812 года для Русскихъ и въ Европѣ уже не было мѣста; во вниманіи къ прежней, если не службѣ, то преданности, государь наградилъ воротившагося въ отечество Тюфякина званіемъ гофмейстера при дворѣ и вице - директора театральныхъ зрѣлищъ. Въ концѣ 1813 года Александръ Львовичъ Нарышкинъ долженъ былъ сопровождать императрицу Елизавету Алексѣевну во время заграничнаго ея путешествія, и находя что безъ французской труппы ему нечего дѣлать, но сохраняя, впрочемъ, званіе главнаго директора, все управленіе свое передалъ въ руки Тюфякина, а тотъ изъ нихъ его болѣе уже не выпускалъ.

При такомъ начальникѣ власть Шаховскаго должна была умножиться. Ежова каждый вечеръ принимала у себя актрисъ, танцовщицъ и воспитанницъ театральной школы; преимущественно же послѣднихъ, дабы дать имъ болѣе ловкости въ обращеніи. Нѣсколько пожилыхъ и большая часть молодыхъ людей Петербурга добивались чести быть принятыми въ ея салонѣ. Изъ вседневныхъ посѣтителей сихъ составлялись дружины хлопуновъ, съ которыми авторъ-хозяинъ всегда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Если литературная слава его чрезъ это нѣсколько увеличивалась, за то честь его жестоко страдала отъ того. Эти сначала столь послушные посѣтители, видно пріобрѣтая большія права, сдѣлались вдругъ смѣлы и взыскательны. Часто доставалось отъ нихъ бѣдной Ежевой, говорятъ даже самому Шаховскому, до того что они принуждены были, наконецъ, прекратить свое гостепріимство. Вотъ до чего иногда доводитъ сила страстей, даже самыхъ дозволенныхъ, повидимому самыхъ полезныхъ просвѣщенію. И теперь безъ душевнаго сожалѣнія не могу

вспомнить объ этой эпохѣ жизни слабаго, добраго князя, котораго послѣ пришлось мнѣ такъ много любить.

Пока неуваженіе свѣта и даже знакомыхъ постигало его, избранный имъ спокойный и безотвѣтный противникъ его, Жуковскій, все болѣе возвышался въ общемъ мнѣніи. Ему, отставному титулярному совѣтнику, какъ пѣвцу славы русскаго воинства, по возвращеніи своемъ, государь пожаловалъ богатый бриллiянтовый перстень съ своимъ вензелемъ и четыре тысячи рублей ассигнаціями пенсіона. Такую блестящую награду сочла Бесѣда, не знаю почему, для себя обидною, а Арзамасъ, признаться должно, имѣлъ слабость видѣть въ этомъ свое торжество.

Другое сильнѣйшее горе ожидало Бесѣду. Въ началѣ 1816 года, Карамзинъ, не бывавшій въ Петербургѣ болѣе двадцатипяти лѣтъ, пріѣхалъ въ сопровожденіи Вяземскаго и Василья Львовича Пушкина. Самъ государь принялъ его отлично, можно сказать дружелюбно. На изданіе уже написанныхъ имъ восьми томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* велѣлъ отпустить ему шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, да сверхъ того съ чиномъ статскаго совѣтника далъ ему прямо Аннинскую ленту. Петербургъ—городъ придворный, казенный; примѣръ царя сильно дѣйствуетъ въ немъ на людей; тутъ подражать было не трудно; подъ предлогомъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ Карамзина, удивленія къ его талантамъ, всѣ наперерывъ стали оказывать ему почтительныя ласки. Твореніе свое хотѣлъ онъ печатать въ Петербургѣ, и для того, на время возвратясь въ Москву, слѣдующею осенью прибылъ онъ со всѣмъ семействомъ своимъ и остался въ немъ.

Въ этой главѣ хочется мнѣ кстати досказать повѣсть о Бесѣдѣ и Арзамасѣ, хотя для того и долженъ буду выступить за предѣлы 1816 года. Одно будетъ весьма недлинно: Бесѣда въ этомъ году какъ будто исчезла, совсѣмъ пропала безъ вѣсти. Единственное засѣданіе ея, на коемъ я присутствовалъ, было едва ли не послѣднее; если потомъ и были они, то не публичныя и вѣрно очень рѣдко, ибо о нихъ и слуху не было. Единственный свѣтъ, ее озарявшій, слабѣлъ и тихо угасъ на берегахъ Волхова; лѣтомъ Державинъ заснулъ вѣчнымъ сномъ въ деревнѣ своей Званкѣ, невольно осудивъ на то и Бесѣду. Божество отлетѣло, и двери во храмъ его навсегда затворились.

Когда старуха Бесѣда въ изнеможеніи силъ близилась къ концу, въ то же самое время молодой соперникъ ея все болѣе крѣпъ и мужалъ. Вѣкъ его былъ также коротокъ, но онъ оставилъ по себѣ долгія воспоминанія. Новыхъ членовъ, коими онъ обогащался, да позволено мнѣ будетъ назвать здѣсь по порядку, а неизвѣстныхъ читателю познакомить съ нимъ.

Первые имъ воспріятые были прибывшіе изъ-за границы два дипломата. По лѣтамъ своимъ Петръ Ивановичъ Полетика могъ нѣкоторымъ образомъ почитаться намъ ровестникомъ, но онъ всегда былъ старообразенъ, ему не было еще сорока лѣтъ, а казалось гораздо за сорокъ и потому онъ не совсѣмъ подходилъ подъ стать къ людямъ, изъ коихъ составлялась не академія, а общество довольно молодыхъ еще пристойныхъ весельчаковъ. Онъ родомъ происходилъ отъ одного изъ греческихъ семействъ, поселенныхъ въ Нѣжинѣ: отецъ его или дѣдъ, если не ошибаюсь, былъ послѣднимъ архіатеромъ, то-есть, тѣмъ что̀ мы нынѣ называемъ генералъ-штабъ-докторомъ. Онъ воспитанъ былъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, который такъ много заботился не столько объ умственномъ, какъ о свѣтскомъ образованіи выпускаемыхъ изъ него юношей. Они знали иностранные языки, всего понемногу, хорошо были выучены верховой ѣздѣ, танцованяю, и все это было не худо; по крайней мѣрѣ имъ преподаны средства, при нѣкоторыхъ способностяхъ, самимъ послѣ дѣлать пріобрѣтенія въ области наукъ, тогда какъ нынѣ въ казармахъ, именуемыхъ корпусами, кадеты, отъ коихъ требуется знаніе одной фронтовой службы, сихъ средствъ съ малолѣтства навсегда лишены.

Нашъ Полетика не безъ пользы употребилъ небольшой запасъ познаній, полученныхъ имъ въ корпусѣ: не знаю хорошенько поступалъ ли онъ въ военную службу, только навѣрное не долго въ ней оставался. Семейство его находилось подъ особымъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны: старшій братъ его нѣсколько времени былъ секретаремъ ея величества; изъ сестеръ, воспитаныхъ въ Смольномъ монастырѣ, одна попала во фрейлины и жила во дворцѣ. Съ такою опорой рано могъ онъ выбраться на хорошую дорогу, но на ней успѣхами своими обязанъ былъ уже собственному уму. Служа въ иностранной коллегіи, состо-

ялъ онъ при разныхъ миссіяхъ и изъѣздилъ почти весь свѣтъ. Мѣсто совѣтника посольства въ Мадридѣ было послѣднее, которое занималъ онъ съ 1813 года; оттуда, послѣ вторичнаго паденія Наполеона, вызванъ былъ въ Парижъ, и по заключеніи мира, причисленный къ дѣламъ коллегіи, прибылъ въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы получить новое назначеніе. Онъ былъ собою не видѣнъ, но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія онъ соединялъ ихъ съ тонкостію, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его совсѣмъ не притворная была однакоже не безъ разчета; онъ такъ искусно, шутливо, необидно умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда видѣнъ былъ въ немъ свѣдущій человѣкъ. Не зная вовсе спѣси, со всѣми былъ онъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забыться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, и самъ ни къ кому не чувствовалъ ненависти; если же и чуждался запятнанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, онъ одержимъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему однакоже много забавно почтенной оригинальности. Вообще я нахожу, что благоразумнѣе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною какъ для себя, такъ и для знакомыхъ. Изъ-за морей иногда показывался онъ въ Петербургѣ и потомъ вдругъ исчезалъ изъ него; во время сихъ быстрыхъ появленій онъ коротко познакомился съ сослуживцами своими, Дашковымъ и Блудовымъ; мнѣ также не разъ случалось съ нимъ встрѣчаться и разговаривать. Лишь только узнали о его пріѣздѣ, единогласно, громогласно призвали его въ наше общество. Онъ мало занимался русскою литературой, хотя довольно хорошо зналъ ее; но, я повторяю, не одни литераторы намъ были нужны. Его слѣдовало бы принять почетнымъ членомъ: тогда ихъ у насъ еще не было, все были одни дѣйствительные, и нареченный Очарованнымъ Челномъ, не знаю какъ-то, ускользнулъ онъ отъ обязанности произнести вступительную рѣчь. Не долго насладились мы его обществомъ; слѣдующею

весною онъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ.

Вмѣстѣ съ нимъ изъ Мадрида и Парижа пріѣхалъ одинъ юноша, впрочемъ лѣтъ двадцати пяти, пріятель Дашкова. Отецъ Димитрія Петровича Северина, Петръ Ивановичъ, служилъ когда-то капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка въ одно время съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Во дни добродушной старины нашей достаточно было товарищества по службѣ, чтобы составить дружественныя связи между людьми, совершенно разныхъ свойствъ. Съ помощію Дмитріева молодой Северинъ былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію и получилъ мѣсто въ Испаніи, откуда воротился съ Полетикой. Онъ былъ совоспитанникъ Вяземскаго, товарища по службѣ Дашкова, пріятель обоихъ, и потому двери Арзамаса открылись предъ нимъ настежъ.

Сейчасъ только что назвалъ я Вяземскаго, а онъ тутъ и является. Онъ и Пушкинъ, какъ сказалъ я выше, пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и мѣсяца черезъ два съ нимъ же воротились опять въ Москву. Въ сіе короткое время одинъ усладилъ, а другой потѣшилъ Арзамасъ своимъ соприсутствіемъ. Весело и совѣстно вспомнить нынѣ проказы людей, хотя еще молодыхъ, но уже совсѣмъ не мальчиковъ: кто изъ тридцатилѣтнихъ теперь позволитъ себѣ такъ дурачиться? Въ первой части говорилъ уже я о первой встрѣчѣ моей съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ, о метроманіи его, о его чрезмѣрномъ легковѣріи; здѣсь нужно прибавить, въ похвалу его сердца, что онъ всегда вѣрилъ еще болѣе доброму чѣмъ худому. Знакомые, пріятели употребляли во зло его довѣрчивость: кому-то изъ насъ вздумалось, по случаю вступленія его въ наше общество, снова подшутить надъ нимъ. Эта мысль сдѣлалась общимъ желаніемъ и совокупными силами приступлено къ составленію страннаго, смѣшнаго и торжественнаго церемоніала принятія его въ Арзамасъ. Разумѣется, что Жуковскій былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ изобрѣтателемъ; и сіе самое доказываетъ, что въ этой, можно сказать, семейной шуткѣ не было никакого дурнаго умысла, ничего слишкомъ обиднаго для всѣми любимаго Пушкина.

Ему возвѣстили, что непосвященные въ таинства нашего общества не иначе въ него могутъ быть приняты какъ послѣ довольно трудныхъ испытаній, и онъ согласился под-

вергнуть имъ себя. Вяземскій успѣлъ увѣрить его, что они совсѣмъ не бездѣлица, и что самъ онъ весьма утомился пройдя черезъ всѣ эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобнымъ для представленія затѣваемыхъ комическихъ сценъ. Какъ странствующаго въ мірѣ семъ безъ цѣли, нарядили его въ хитонъ съ раковинами, надѣли ему на голову шляпу съ широкими полями и дали въ руку посохъ пилигрима. Въ этомъ нарядѣ, съ завязанными глазами, изъ парадныхъ комнатъ по задней узкой и крутой лѣстницѣ, свели его въ нижній этажъ, гдѣ ожидали его съ руками полными хлопушекъ, которыя бросали ему подъ ноги. Церемонія потомъ начавшаяся продолжалась около часа: то обращались къ нему съ вопросами, которые тревожили его самолюбіе и принуждали морщиться; то вооружали его руку лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ чучелу, съ огромнымъ парикомъ и съ безобразною маской, имѣющую посреди груди написанный на бумагѣ извѣстный стихъ Тредьяковскаго,

Чудище обло, озорно, тризевно и лаяй.

Сіе чудище, повергнутое послѣ выстрѣла его на полъ, и имъ будто побѣжденное, должно было изображать дурной вкусъ, или Шишкова. Потомъ заставили его, поддержаннаго двумя аколитами, пронести на блюдѣ огромнаго замороженнаго гуся, а послѣ того.... всего не припомню. Между всѣми этими продѣлками, членами произносимы ему были рѣчи назидательныя, ободрительныя или подзравительныя. Въ заключеніе, изъ темной комнаты, въ которой онъ находился, въ другую длинную, ярко освѣщенную, отдернулась огненнаго цвѣта занавѣсь, ее скрывавшая, и онъ съ торжествомъ вступилъ въ собраніе и сказалъ рѣчь весьма затѣйливую и приличную. Когда послѣ я спросилъ его, не досадовалъ ли онъ, не скучалъ ли онъ сими продолжительными испытаніями? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, c'étaient d'aimables allégories. Подите же послѣ того, родятся же люди какъ будто для того, чтобы трунили надъ ними.

Въ протоколѣ, который прочиталъ потомъ секретарь Жуковскій, прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, яко бы совершенный надъ Вяземскимъ въ предыдущемъ засѣданіи. При этомъ всѣ члены, исключая новопринятаго, приступили съ требованіемъ на будущее время отмѣнить его, какъ тягостный для вступающихъ, такъ и довольно убыточный для

вступившихъ. Недоставало балладъ, чтобы давать ихъ названія новымъ членамъ; довольствовались тѣмъ, чтобы для того брать изъ нихъ примѣчательныя имена и слова: вотъ почему въ это же, кажется, засѣданіе Вяземскій нареченъ Асмодеемъ, Пушкинъ сталъ называться Вотъ, а Северинъ удачно прозванъ Рѣзвымъ Котомъ.

Въ слѣдующее засѣданіе приглашены были нѣкоторые, болѣе или менѣе знаменитыя, лица, а именно: Карамзинъ, князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, Михаилъ Александровичъ Салтыковъ—извѣстные моему читателю, и наконецъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій. Всѣ они, вмѣстѣ съ отсутствующимъ Дмитріевымъ, единогласно выбраны почетными членами, или почетными гусями: титулъ сей, разумѣется, предложенъ былъ Жуковскимъ. Въ это время только удалось мнѣ видѣть Нелединскаго, невысокаго роста, умнаго, веселаго, толстенькаго старичка, написавшаго немного прелестныхъ стиховъ и, къ сожалѣнію, такъ много непотребныхъ.

Въ этотъ же день потѣшили и Пушкина. Нѣкогда пріятель и почти ровестникъ Карамзина и Дмитріева, онъ сдѣлался товарищемъ людей, по меньшей мѣрѣ, пятнадцатью годами его моложе. Надобно имъ было чѣмъ-нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его передъ собою. И въ этомъ дѣлѣ помогъ Жуковскій, придумавъ для него званіе старосты Арзамаса, съ коимъ сопряжены были нѣкоторыя преимущества. Изъ нихъ нѣкоторыя были уморительныя и остались у меня въ памяти, напримѣръ: мѣсто старосты, когда онъ на лицо, подлѣ предсѣдателя общества, во дни же отсутствія—въ сердцахъ друзей его; онъ подписываетъ протоколъ — съ приличною размашкой; голосъ его въ нашемъ собраніи — имѣетъ силу трубы и пріятность флейты, и тому подобный вздоръ.

Я полагаю, что еслибъ это общество могло ограничиться небольшимъ числомъ членовъ, то оно жило бы согласнѣе и могло бы долѣе продлить свое веселое существованіе; но Жуковскій безпрестанно вербовалъ новыхъ: необходимо ихъ представить здѣсь.

Перваго назову я Дмитрія Александровича Кавелина. Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однакожь учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде его. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покро-

вительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ-быть, не увлеченъ былъ ихъ паденіемъ и сохранялъ значительное мѣсто директора медицинскаго департамента. Но безъ нихъ онъ какъ бы осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента. Онъ былъ человѣкъ весьма не глупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а, не знаю, какъ-то ни у кого сердце не лежало къ нему. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ, неохотно улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его Пустынникомъ.....

Одного только члена, предложеннаго Жуковскимъ, неохотно приняли: не знаю, какія предубѣжденія можно было имѣть противъ Александра Ѳедоровича Воейкова. Я гдѣ-то сказалъ уже, что нашъ поэтъ воспитывался въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Буниныхъ. Катерина Аѳанасьевна Бунина, по мужѣ Протасова, имѣла двухъ дочерей, которыя, выростая съ нимъ, любили его какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана за сосѣда, молодаго помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого-то у двухъ поэтовъ составилось болѣе чѣмъ пріязнь почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросилась въ глаза: онъ былъ мужиковатъ, аляповатъ, неблагороденъ; она же настоящая сильфида, ундина, существо не земное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее. Неужели это ему ставили въ вину? Да какое неуклюжество не простилъ бы я, кажется, за умъ, а въ немъ было его очень много. Въ душѣ его не было ничего поэтическаго и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ. Лучшее произведеніе его былъ переводъ *Делиллевыхъ Садовъ*. Какъ сатирикъ онъ имѣлъ истинный талантъ; всѣ еще знаютъ его *Домъ Сумасшедшихъ*, въ который помѣстилъ онъ друзей и недруговъ: надъ первыми смѣялся очень забавно, а послѣднихъ казнилъ безъ пощады.

Онъ былъ вольнопрактикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду, и потому-то мнѣ не случилось доселѣ упомянуть о немъ. Никто, можетъ-быть, такъ хорошо не зналъ русскую словесность; доказательствомъ любви его къ ней служитъ принятіе званія профессора ея въ Дерптскомъ университетѣ. Это всѣхъ удивило и многимъ не понравилось: наши дворяне, и особенно старинные какъ онъ, гнушались тогда всѣмъ что̀ походило на учительство: они не были современниками Гизо и Шевырева. Воейковъ никакъ не обидѣлся даннымъ ему у насъ названіемъ Дымной Печурки.

Еще одного деревенскаго сосѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ Парижанина въ рѣчахъ и манерахъ, поставилъ Жуковскій въ Арзамасъ. Въ первой молодости, представленный въ большой свѣтъ, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ плѣнилъ его необыкновеннымъ искусствомъ подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ онъ кривляться и передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. Съ такою способностію нетрудно было ему перенять у Французовъ ихъ поговорки, всѣ ихъ манеры; и сіе дѣлалъ онъ уже не въ шутку, такъ что съ перваго взгляда нельзя было принять его за Русскаго.

Онъ былъ женатъ на дочери фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышева....... Молодые супруги удалились въ Орловскую губернію. Въ сельское убѣжище свое перенесли они часть столичныхъ забавъ, къ коимъ пріучена была знать: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, fêtes champêtres, маскарадамъ конца не было. Плещеевъ былъ отъ природы славный актеръ, самъ игралъ на сценѣ и другихъ училъ: находили, что это чрезвычайно способствовало просвѣщенію того края. Только брачныя узы забавнику, какъ говорятъ, не всегда казались забавны; онѣ были блестящія и столь же тяжкія для него оковы. Графиня не забывала своего титула и была чрезвычайно взыскательна съ мужемъ-дворяниномъ. Деревня ихъ находилась въ сосѣдствѣ съ Бѣлевымъ, а сверхъ того и госпожа Протасова по мужѣ приходилась теткой Плещееву, почему и Жуковскій всегда участвовалъ въ сихъ празднествахъ. Когда, овдовѣвъ, Плещеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Жуковскій возвѣстилъ намъ о немъ какъ о неисчерпаемомъ источникѣ веселій, а намъ то и надо было. Сначала дѣйствительно онъ всѣхъ

насмѣшилъ. По смуглому цвѣту лица, всеобщій креститель нашъ назвалъ его Чернымъ Враномъ. Намъ наскучило наконецъ слушать этого ворона, когда онъ каркалъ только затверженое, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: онъ попалъ въ чтецы къ императрицѣ Маріи, сдѣланъ камергеромъ и членомъ театральной дирекціи.

По заочности были приняты еще два члена, Батюшковъ, какъ уже сказалъ я, подъ именемъ Ахилла, и партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, подъ именемъ Армянина. Первый слѣдующею осенью обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ, а послѣдняго никогда мы не видали. Онъ находился въ Москвѣ: тамъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ и Пушкинымъ составили они отдѣленіе Арзамаса, и засѣданія ихъ посѣщали Карамзинъ и Дмитріевъ. Новыхъ членовъ они не набирали безъ согласія горняго Арзамаса, не имѣя на то права.

Я все откладывалъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ, вступившихъ въ Арзамасъ, какъ нынѣ полагать должно, съ дурными замыслами. Тяжко мнѣ изображать людей, возбудившихъ во мнѣ пріязнь и уваженіе и послѣ прославившихъ себя преступными заблужденіями, но коихъ память, несмотря на то, все еще осталась мнѣ любезна.

Не стану здѣсь повторять того что̀ говорилъ я о двухъ братьяхъ Тургеневыхъ, Андреѣ и Александрѣ, — объ одномъ погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ, а о другомъ, погубившемъ въ себѣ способности и знанія чрезмѣрною лестью ума и дѣятельностію тщеславія. У нихъ былъ еще третій братъ Николай, нѣсколькими годами моложе Александра. Искаженная вѣра, мартинизмъ, вольнолюбіе возсѣдали у колыбели сихъ братьевъ, баюкали ихъ младенчество. Честолюбіе между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ развивалось съ лѣтами въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ. Опредѣленный въ службу по иностранной коллегіи, Николай Тургеневъ получилъ безсрочный отпускъ и отправился въ Геттингенъ, когда всѣ Нѣмцы кипѣли справедливымъ, но тайнымъ гнѣвомъ на истребителя не только независимости ихъ, но и самаго названія Германіи. Подъ именемъ Рейнскаго Союза, составленнаго изъ подданныхъ корольковъ, она не простиралась даже до Одера, а весь сѣверъ ея до Любека присоединенъ былъ къ Франціи. Воспрянуть было невозможно; цвѣтъ юношества, всѣ жизненныя силы государства искуснымъ Наполеономъ отрываемы

были отъ родины, и мужество ихъ только болѣе умножало порабощеніе ихъ отечества. Въ университетахъ сильнѣе другихъ профессоры и студенты томились жаждою свободы и горѣли желаніемъ мести. Среди тайныхъ заговоровъ созрѣлъ и возмужалъ нашъ Тургеневъ, присталъ къ извѣстному либералу барону Штейну, и въ 1812 году пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Съ нимъ опять поѣхалъ онъ въ Германію, чтобы жителей возбудить къ возстанію, что было весьма нетрудно, но опять, повторю, не знаю, было ли это необходимо нужно. Онъ слѣдовалъ за нашею арміей, употребленъ былъ для разныхъ порученій и въ 1816 году окончательно воротился въ Россію.

Онъ не имѣлъ высокихъ дарованій старшаго брата своего, Андрея, а замѣнялъ ихъ постояннымъ трудолюбіемъ. Врожденное чувство любви къ человѣчеству въ немъ было усилено правилами какой-то превыспренней филантропіи, съ раннихъ лѣтъ ему преподанными. Съ безчисленными теоріями къ намъ уже являлось множество иностранцевъ, совершенно не знавшихъ народнаго духа Россіи, ни пороковъ, ни доблестей ея жителелей, ни доброй, ни худой ихъ стороны; не подозрѣвающихъ неодолимыхъ препятствій, которыя законодатель долженъ встрѣтить, еслибы дерзнулъ приступить къ совершенному ея преобразованію. Всѣ смотрятъ на примѣръ Петра Великаго и полагаютъ, что у насъ стóитъ только приказать, дабы все измѣнилось: онъ остригъ только верхушки деревьевъ, а до корней и онъ не смѣлъ коснуться. Къ числу сихъ иноземныхъ можно приписать и Тургенева, который образовался за границею. Но онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ со мною много разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома. Хорошо еслибъ и другіе Русскіе, подобно ему, перенимали за границей у европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ насъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы обыкновенныхъ путешественниковъ нашихъ.

Не знаю, случай или природа, сдѣлавъ его хромымъ, осудили его болѣе на сидячую и уединенную жизнь и отдалили отъ общества, гдѣ мнѣнія, встрѣчая сопротивленіе, нѣсколько умѣряются и смягчаются. Къ тому же онъ былъ одаренъ великою твердостію (обратившеюся послѣ въ ужасное упрям-

ство), а это людямъ почти всегда даетъ верхъ надъ другими. Старшій братъ его, Александръ, обратился и въ кадило, вѣчно передъ нимъ курящееся, и въ трубу, гремящую во всѣ концы хвалы его геніяльности. А онъ, просто, былъ человѣкъ съ основательными познаніями, съ благими намѣреніями и несбыточными мечтами. Надобно, чтобы напередъ ты самъ себя увѣрилъ, что ты великій мужъ, потомъ смѣло возвѣсти о томъ; одни по разсѣянности, другіе по лѣни повѣрятъ тебѣ, а когда и очнутся, то дѣло уже сдѣлано, законность притязаній твоихъ всѣми признана: такъ часто водится у насъ въ Россіи. Однакоже надобно признаться, что Тургеневъ имѣлъ въ себѣ нѣчто вселяющее къ нему почтительный страхъ и довѣренность; онъ былъ рожденъ чтобы властвовать надъ слабыми умами. Сколько разъ случалось мнѣ самому видѣть военныхъ и гражданскихъ юношей, какъ Додонскій лѣсъ посѣщающихъ его кабинетъ и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимающихъ непонятныя для меня слова, которыя какъ оракулы падали изъ устъ новой Сивиллы. Все тѣшило тогда Тургенева, все улыбалось ему. Въ чинѣ надворнаго совѣтника назначенъ онъ на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Ламберта начальникомъ отдѣленія канцеляріи министра финансовъ, * и въ то же время помощникомъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ. Все это, по мнѣнію его друзей, были только первые шаги, которые, несомнѣнно, немедленно должны были повести его къ званію министра, а ему было только что двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Однакоже, хотя послѣ и получалъ онъ чины и кресты, выше сихъ должностей никогда другихъ не занималъ онъ; читая же изданное имъ въ Парижѣ сочиненіе, можно подумать, что онъ дѣйствительно управлялъ у насъ какимъ-нибудь министерствомъ.

По тѣснымъ связямъ Александра Тургенева съ другими членами, онъ былъ принятъ въ Арзамасъ какъ родной, и кажется, ему самому въ немъ полюбилось. Тутъ онъ нашелъ нѣчто похожее на нѣмецкую буршеншафтъ, людей уже довольно зрѣлыхъ, не забывающихъ студенческія привычки. Въ немъ не было ни спѣси, ни педантства; молодость и надежда еще оживляли его; и онъ былъ тогда у насъ славнымъ това-

---

* Это мѣсто было нѣкогда мнѣ предложено и обѣщано, когда я былъ еще моложе его и въ одинаковомъ съ нимъ чинѣ.

рищемъ и собесѣдникомъ. Въ душевной простотѣ своей, Жуковскій далъ Николаю Тургеневу имя Варвика. Онъ не скрывалъ своихъ желаній, и хотя ясно видѣлъ что ни одинъ изъ насъ серіозно не можетъ раздѣлять ихъ, однако не думалъ за то досадовать. Вскорѣ, движимый одинаковыми съ нимъ чувствами, вступившій къ намъ новый членъ былъ гораздо предпріимчивѣе.

Въ первые годы царствованія Екатерины, престолъ ея тѣсно окружали пять братьевъ-молодцовъ, изъ коихъ особенно трое были и ея любимцами, и любимцами народа русскаго. Четверо изъ нихъ были женаты, но или не имѣли дѣтей, или законное ихъ потомство мужскаго пола въ первомъ поколѣніи прекратилось. Одинъ только, холостой Ѳеодоръ, воспѣтый Державинымъ орелъ

Изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла,
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла.

имѣлъ четырехъ сыновей, которые ростомъ и дородствомъ, мужествомъ и красотою могли равняться съ нимъ и съ братьями его. Я видѣлъ ихъ, когда самъ почти малолѣтный посѣщалъ я малолѣтныхъ товарищей моихъ Голицыныхъ въ пансіонѣ аббата Николя, гдѣ они вмѣстѣ съ ними воспитывались. Съ двумя меньшими, Григоріемъ и Ѳеодоромъ, Орловыми тогда и послѣ я вовсе не былъ знакомъ; съ двумя старшими, Алексѣемъ и Михаиломъ, весьма мало, но случалось встрѣчать ихъ въ обществахъ и говорить съ ними. Всѣ четверо взялись за военное ремесло, всѣ четверо не съ большимъ двадцати лѣтъ украшены были Георгіевскимъ крестомъ; двое же меньшихъ, именно тѣ съ коими я не былъ знакомъ, остановлены были на пути славы ядрами, оторвавшими у каждаго по ногѣ; одинъ запропастился въ Россіи, а другой поселился, говорятъ, въ Италіи. Итакъ, мнѣ остается говорить лишь о старшихъ, или лучше сказать объ одномъ, и развѣ только коснуться другаго.

Завидна была ихъ участь въ юности: завиднѣе ея не находилъ я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ, въ которыхъ служили, отлично приняты въ лучшихъ обществахъ, вездѣ встрѣчая нѣжныя улыбки жен-

щинъ, — не знаю, чего имъ не доставало. Судьба, къ нимъ столь щедрая, спасла ихъ даже отъ скуки, которую рождаетъ пресыщеніе: они всѣмъ вполнѣ наслаждались. Имъ стоило бы только не искушать фортуну напрасными затѣями, а съ благодарностью принимать ея дары: старшій братъ, Алексѣй, это и дѣлалъ; между тѣмъ второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, казалось мало собственнаго благополучія, онъ безпрестанно мечталъ о счастіи согражданъ и задумалъ устроить его, не разпознавъ на чемъ преимущественно оно можетъ быть основано.

Когда я гляжу на Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, нынѣ графа, мнѣ кажется я вижу раззолоченную, богатыми тканями изукрашенную ладью; зефиры надуваютъ парусы ея, и она спокойно и весело плыветъ по теченію величественной рѣки между цвѣтущихъ береговъ; и она будетъ столь же безпечно плыть, я увѣренъ въ томъ, до того самаго предѣла, за которымъ исчезаетъ весь родъ человѣческій. Тамъ погрузится она только.

Au sein de ces mers inconnues,
Où tout s'abime sans retour.

А бѣдный братъ его, какъ ладья, тяжелымъ грузомъ думъ обремененная, отважно пустился въ море предпріятій и разшибся о первый подводный камень.

Съ перваго взгляда, въ двухъ братьяхъ-силачахъ замѣтно было нѣчто общее, фамильное; но при малѣйшемъ вниманіи легко можно было разсмотрѣть во всѣмъ великую разницу между ними. Съ лицомъ амура и станомъ Аполлона Бельведерскаго, у Алексѣя примѣтны были мышцы Геркулесовы; какъ лучи постояннаго счастія и успѣховъ играли румянецъ на щекахъ и вѣчная улыбка на устахъ его. Красота Михаила Орлова была строгаго стиля, болѣе мужественная, болѣе величественная. Одинъ былъ весь душа, другой весь плоть; гдѣ же былъ умъ? Я полагаю въ обоихъ. Только у Алексѣя былъ совершенно русскій умъ: много догадливости, смышлености, смѣтливости; онъ рожденъ былъ для одной Россіи, въ другой землѣ онъ не годился бы. Въ Михаилѣ почти все заимствовано было у Запада; въ конституціонномъ государствѣ онъ равно блисталъ бы на трибунѣ какъ и въ бояхъ; у насъ подъ конецъ былъ онъ только что сладкорѣчивымъ, пріятнымъ салоннымъ говорунομъ.

Однакожъ и въ Россіи тогда уже былъ онъ хотя самымъ

молодымъ, но совсѣмъ не рядовымъ генераломъ. Императоръ имѣлъ о немъ высокое мнѣніе и часто употреблялъ въ важныхъ дѣлахъ. Въ день Монмартрскаго сраженія онъ послалъ его въ Парижъ для заключенія условій о сдачѣ сей столицы. Послѣ того отправленъ былъ онъ къ датскому принцу Христіану, объявившему себя норвежскимъ королемъ, дабы вразумить его и заставить примириться со Швеціей и Бернадоттомъ. И такой препрославленный человѣкъ пожелалъ быть съ нами! Съ восторгомъ приняли мы его. Не знаю почему, я думаю по плавнымъ рѣчамъ его, какъ чистыя струи Рейна, у насъ получилъ онъ названіе сей рѣки.

Я говорилъ и даже съ похвалою объ отсутствующемъ сынѣ Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, Никитѣ Михайловичѣ. Послѣ войны этотъ юноша воротился къ матери полонъ радости и надеждъ. Въ званіи офицера генеральнаго штаба два или три года сряду сражался онъ за независимость Европы; тиранъ ее угнетавшій палъ, и все обѣщало въ непродолжительномъ времени ей и отечеству его окончательное освобожденіе отъ всякаго поноснаго ига. Бѣдный Муравьевъ! Какъ не быть иногда фаталистомъ, когда видишь людей, которыхъ судьба какъ будто насильно, взявъ за руку, влечетъ къ бѣдамъ и погибели. Добродѣтельный отецъ Муравьева былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; мать его была недовольна существующимъ порядкомъ и вѣчно роптала; наконецъ, нечестивый Магіеръ, котораго прошу вспомнить, съ младенчества старался якобинизировать его. * Случай свелъ его въ Парижѣ съ Сіэсомъ и съ Грегуаромъ. Французская революція точно также какъ исторія Рима и республикъ среднихъ вѣковъ читающему новому поколѣнію знакома была по книгамъ; всѣ дѣйствующіе въ ней лица унесены были кровавымъ ея потокомъ; изъ нихъ небольшое число ее пережившихъ молніеподобнымъ свѣтомъ, разлитымъ Наполеономъ, погружено было во мракъ, совершенно забыто. Встрѣча съ Брутомъ и Катилиной не болѣе бы поразила нашихъ русскихъ молодыхъ людей, чѣмъ появленіе сихъ историческихъ лицъ, какъ будто изъ гробовъ возставшихъ, дабы вѣщать имъ истину.

---

* Сіе повтореніе мною сказаннаго считаю необходимымъ, дабы привесть его на память читателю.

Все это сильно подѣйствовало на просвѣщенный наукою, но еще незрѣлый и неопытный, умъ Муравьева.

Въ началѣ 1817 года былъ весьма примѣчательный первый выпускъ воспитанниковъ изъ Царскосельскаго лицея; немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безызвѣстности. Вышли государственные люди, какъ напримѣръ баронъ Корфъ, поэты какъ баронъ Дельвигъ, военноученые какъ Вольховскій, политическіе преступники какъ Кюхельбекеръ. На выпускъ же молодаго Пушкина смотрѣли члены Арзамаса какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество. Сами родители его не могли принимать въ немъ болѣе нѣжнаго участія: особенно же Жуковскій, воспріемникъ его въ Арзамасѣ, казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо. Чадо показалось мнѣ довольно шаловливо и необузданно, и мнѣ даже больно было смотрѣть какъ всѣ старшіе братья наперерывъ баловали маленькаго брата. Почти всегда со мною такъ было: тѣ, которыхъ предназначено мнѣ было горячо любить, на первыхъ порахъ знакомства нашего мнѣ казались противны. Я не спросилъ тогда, за что его назвали сверчкомъ; теперь нахожу это весьма кстати, ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ. Я здѣсь не буду болѣе говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, глава эта и такъ уже слишкомъ растянута. О, еслибъ я могъ дописаться до счастливаго времени, въ которое удалось мнѣ узнать его короче! Его хвалили, бранили, превозносили, ругали! Жестоко нападая на проказы его молодости, сами завистники не смѣли отказывать ему въ талантѣ, другіе искренно дивились его чуднымъ стихамъ, но немногимъ открыто было то, что въ немъ было, если возможно, еще совершеннѣе, — его всепостигающій умъ и высокія чувства прекрасной души его.

Показалось Орлову, что свободная стихія достаточно наполняетъ Арзамасъ, чтобы сдѣлаться въ немъ преобладаемою. Онъ задумалъ приступить къ его преобразованію и дать ему новое направленіе. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ собрались мы на дачѣ у Уварова; засѣданіе открыто было въ павильйонѣ Штейна, какъ въ мѣстѣ особенно вдохновительномъ. Въ приготовленной имъ рѣчи, правильно по-русски написанной, Орловъ, осыпавъ всѣхъ насъ похвалами, съ горестію замѣтилъ, что превосходныя дарованія наши оста-

ются безъ всякаго полезнаго употребленія. Дабы дать занятіе уму каждаго, предложилъ онъ завести журналъ, коего статьи новостію и смѣлостію идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи. Расширивъ такимъ образомъ кругъ дѣйствія общества, онъ находилъ необходимымъ умножить и число его членовъ; сверхъ того, предлагалъ каждому отсутствующему члену предоставить право въ мѣстѣ пребыванія его учреждать небольшія общества, которыя находились бы въ зависимости и подъ руководствомъ главнаго. Изумивъ сочленовъ своихъ неожиданностію предложеній, онъ надѣялся вырвать ихъ согласіе.

Не знаю какимъ образомъ о намѣреніи его заблаговременно предупрежденный, Блудовъ отвѣчалъ ему также приготовленною рѣчью. Учтивѣе, пристойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣе нельзя дѣлать опроверженій; онъ доказывалъ ему невозможность исполнить его желаніе, не измѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ общества. Касаясь распространенія свѣта наукъ, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей всегда обращается въ факелъ зажигательства; и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ. Когда вспомнишь это преніе, кажется что будущій жребій сихъ людей былъ написанъ въ ихъ рѣчахъ.

Орловъ не показалъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось вдругъ перейдти отъ нея къ чисто политическимъ вопросамъ. Два вѣка, одинъ кончающійся, другой нараждающійся, встрѣтились въ Арзамасѣ: какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, люди перестали понимать другъ друга и скоро разсѣялись по лицу земли. И дѣйствительно, въ этомъ году, съ отлучкою многихъ членовъ, и самыхъ дѣятельныхъ, прекратились собранія, и Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ. Но прежде кончины своей породилъ онъ чувство, рѣдко, никогда почти нынѣ не встрѣчаемое, — неизмѣнную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая ве-

ликія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія.

Полагать должно, что въ воздухѣ бываютъ и нравственныя повальныя болѣзни: даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ. Арзамасскія таинства, совсѣмъ не Элевзинскія, были секретомъ комедіи: мнѣ было ихъ мало. Въ домѣ у Оленина встрѣчалъ я иногда родственника его, одного московскаго князька, Голицына, который стороной, обинякомъ, иносказательно, разъ заговорилъ со мною объ удовольствіяхъ, коими люди весьма разсудительные наслаждаются вдали отъ свѣта. Я слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ онъ предложилъ мнѣ быть проводникомъ моимъ въ масонскую ложу. Я далъ ему отвезти себя въ большой домъ на Фонтанкѣ, близь Аничкова моста; тамъ въ передней далъ завязать себѣ глаза и водить сверху внизъ и снизу вверхъ по комнатамъ. Не изъ опасенія казаться нескромнымъ или нарушить клятвенное обѣщаніе, мною данное, не буду я описывать здѣсь обряда, который совершается надъ вступающими въ масонство, а потому только, что всякій можетъ это найдти въ печатныхъ книгахъ.

Хорошенько не знаю я исторіи этого ордена; усердные масоны возводятъ начало его до жрецовъ Изиды. Послѣ многихъ столѣтій Рыцари Храма обрѣли въ Іерусалимѣ таящійся его неугасаемый огнь и перенесли его въ Европу. Когда они были казнены — сожжены, слабые ихъ остатки скрылись въ Шотландіи и опять, послѣ столѣтій, возродились подъ именемъ Братства Вольныхъ Каменьщиковъ. Происхожденіе это заслуживаетъ вѣроятія, ибо Іаковъ Моле между ними почитается главнымъ святымъ мученикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальною цѣлію ихъ учрежденія были желаніе мести и ниспроверженіе власти католическихъ государей и папы. Пока власть сія была неограниченна, и они, закутанные въ аллегоріи, за непроницаемыми завѣсами ковали и изощряли на нее орудія, ихъ орденъ былъ силенъ и опасенъ: самая цвѣтущая его эпоха предшествовала французской революціи. Къ намъ вошло масонство во второй половинѣ царствованія Екатерины, и завелись ложи даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, между прочимъ въ Пензѣ: вскорѣ послѣ начала революціи ихъ велѣно закрыть. Такъ много было еще тогда если не невинности, то невѣдѣнія, что масонство не оставило никакихъ вредныхъ послѣдствій, ни

даже памяти по себѣ. Нашихъ добрыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ тѣшило фармазонство, и иногда замѣняло имъ камедь; они играли въ него какъ въ жмурки или въ фанты, прятались, рядились какъ о святкахъ и далѣе ничего не видѣли. Несовершеннолѣтніе народы, коихъ называютъ варварами, какъ дѣти и обезьяны все охотно перенимаютъ и все скоро забываютъ, пока не выростутъ и не родятся у нихъ собственный смыслъ, собственныя страсти. На воспитателяхъ лежитъ, кажется, обязанность удалять отъ нихъ дурные примѣры.

Послѣ Тильзитскаго мира, въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства. Правительство, не поощряя его, не мѣшало однакожь его распространенію. Оно понравилось своею новизной: любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, много людей привлекали къ нему. Въ Москву, въ провинціи сначала оно нескоро проникло; вся сила его сосредоточилась въ Петербургѣ. Въ немъ показались два Востока, или двѣ главныя ложи, одна Астрея, а другая просто называемая Провинціяльною. Между ними было соперничество, и образовался какой-то схизмъ: не достигнувъ высшихъ степеней ордена, я не могу сказать, какіе догматы произвели ихъ несогласіе. Онѣ назывались также ложами-матерями, и каждая изъ нихъ народила много дочерей, — Русскихъ, Француженокъ, Нѣмокъ и даже Полекъ.

Я принятъ былъ въ ложу des Amis du Nord, французскую, какъ показываетъ имя ея, находившуюся въ зависимости отъ Провинціяльной. Обряды совершались въ ней (то-есть работы производились) на французскомъ языкѣ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ отсутствующій генералъ-майоръ Александръ Александровичъ Жеребцовъ. Мѣсто его заступалъ служащій въ Пажескомъ корпусѣ полковникъ Оде де-Сіонъ, предобрѣйшій человѣкъ, который не имѣлъ ни нахальства, ни буйства націи, къ которой принадлежалъ, а всю ея веселость и довольно ума чтобы въ пажахъ и масонахъ вмѣстѣ съ любовію вселять къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Дабы дать понятіе о составѣ сей ложи, назову я главныхъ сановниковъ ея, двухъ надзирателей и обрядодержателей.

Прево де-Люміанъ, Иванъ Ивановичъ, уже старикъ, ко всеобщему удивленію, въ русской службѣ достигъ до чина генералъ-майора, и что̀ удивительнѣе, по артиллеріи, и что̀

еще удивительнѣе, при Екатеринѣ. Мужикъ добрый, не спѣсивый, онъ довольствовался мѣстомъ перваго надзирателя, мѣсто же втораго занято было сыномъ графа Растопчина, Сергѣемъ. Тутъ свысока смотрѣлъ только Ѳедоръ Ѳедоровичъ, одинъ изъ пяти или шести братьевъ Гернгросовъ, о коихъ, кажется, я уже говорилъ. Онъ нажилъ довольно большое состояніе и сдѣлался ужаснымъ аристократомъ, вопервыхъ потому, что не хотѣлъ посѣщать ни одного второстепеннаго дома въ Петербургѣ, оттого что Димитрій Львовичъ Нарышкинъ бралъ его иногда съ собою прогуливаться, но болѣе всего потому, что онъ женился на любимицѣ и воспитанницѣ Марьи Антоновны, прелестнѣйшей Англичанкѣ, миссъ Салли, дочери какого-то столяра. Впрочемъ, можетъ-быть, я и грѣшу, говоря о немъ всю правду, тогда какъ братъ его, находясь полковымъ командиромъ въ томъ полку гдѣ зять мой Алексѣевъ былъ шефомъ, жилъ съ нимъ очень дружно; тогда какъ мать моя другому брату его, во время бѣгства его изъ Смоленска, дала убѣжище и пріютъ у себя въ деревнѣ; наконецъ, тогда какъ самъ онъ за мною всегда чрезвычайно какъ ухаживалъ. Секретаремъ ложи былъ отставной актеръ Далмасъ; всѣ же прочіе члены въ этой французской ложѣ почти на двѣ трети состояли изъ Русскихъ и Поляковъ.

Главная Провинціяльная ложа состояла изъ должностныхъ лицъ всѣхъ подчиненныхъ ей ложъ, да изъ нѣсколькихъ эмеритовъ, всѣ степени ордена перешедшихъ и во всѣ сокровенныя его таинства проникнувшихъ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ графъ Михаилъ Віельгорскій, съ которымъ за годъ до того я познакомился, вторымъ же мастеромъ — Сергѣй Степановичъ Ланской. Оба они въ томъ же качествѣ предсѣдали въ подвѣдомственной ложѣ — Елизаветы къ Добродѣтели, въ которой, равно какъ и въ Провинціяльной, работы производились по-русски. Она должна была служить нормой, образцомъ для всѣхъ другихъ сестеръ своихъ; всѣ узаконенія и установленные обряды соблюдались въ ней съ величайшею строгостію. Въ первомъ изъ общихъ собраній, Віельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками Храмовниковъ не пользовалось доброю славой; казалось, что нравственности моей грозитъ опасность. Никто изъ Сѣверныхъ Друзей не былъ проникнутъ

чувствомъ истиннаго, вольнаго Каменьщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представленія піесы, спѣшили они понатѣшиться, поѣсть, попить и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціяльной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Віельгорскаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного человѣка достойнаго уваженія; особенно противенъ мнѣ былъ святоша ихъ, оберъ-прокуроръ Петръ Яковлевичъ Титовъ.

Теперь трудно мнѣ будетъ вспомнить названія всѣхъ существовавшихъ тогда ложъ; постараюсь, однакоже, сіе сдѣлать. Подъ управленіемъ Провинціяльной, или *Владиміра къ Порядку*, состояли слѣдующія:

1-я *Елизаветы къ Добродѣтели* и 2-я *Сѣверныхъ Друзей*, мною уже названныя.

3-я *Дубовая Долина*, составленная изъ однихъ Нѣмцевъ разныхъ сословій, только не низшихъ. Они добросовѣстно, усердно занимались работами, а послѣ трудовъ отдыхали съ тою же важностію за кружками и бутылками и упивались какъ будто не теряя разсудка.

4-я *Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей*,—русская, подъ управленіемъ втораго и послѣдняго князя Лопухина, Павла Петровича, единственнаго сына князя Петра Васильевича. Одни только военные имѣли право быть въ нее приняты. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ. Для одного только фраконосца, великаго Николая Тургенева, отступлено было отъ общаго правила, и онъ тутъ также находился. Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность.

5-я *Александра къ Вѣнчанному Пеликану*, въ которой были ремесленники и всякая французская сволочь.

Были еще и другія ложи, но я ихъ или не зналъ или не помню.

Подъ управленіемъ *Астреи* было болѣе тишины и согласія, болѣе сходства съ вѣкомъ Астреи. На семъ Востокѣ

царствовалъ, но не господствовалъ, русскій вельможа, добрѣйшій человѣкъ, графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ: душею же его былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бёберъ, коренной, старый Каменьщикъ, искусившійся въ дѣлахъ масонства, который умѣлъ сохранять дисциплину и порядокъ. Астрея была совершенная Нѣмка, ибо подвѣдомственныя ей ложи, по большей части, состояли изъ Нѣмцевъ: изъ нихъ назову я только тѣ, коихъ помню имена: *Петра къ Истинѣ*, *Михаила Избраннаго* и *Трехъ Добродѣтелей.*

Я не простилъ бы себѣ, еслибы ничего не сказалъ о великомъ мастерѣ первой, Егорѣ Егоровичѣ Эллизенѣ. Сей добродѣтельный и ученый врачъ одаренъ былъ вторымъ зрѣніемъ, съ перваго взгляда угадывалъ болѣзнь каждаго; оттого всѣ удачны его лѣченія. Въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, подружился онъ съ моимъ семействомъ и полюбилъ мое младенчество. Въ Петербургѣ потомъ болѣе двадцати лѣтъ былъ безвозмезднымъ моимъ цѣлителемъ: я смѣло могъ хворать, имѣя всегда готоваго спасителя, въ полдень, въ полночь, во всякое время дня. Не только когда я претерпѣвалъ крайнюю нужду, даже когда средства мои дозволяли мнѣ подносить ему дань благодарности, онъ всегда съ досадою отвергалъ ее. Послѣ наставниковъ къ добру, такихъ людей можно, кажется, почитать благодѣтелями своими.

На волненія въ Провинціяльной ложѣ спокойно смотрѣла соперница ея, Астрея, и тайкомъ переманивала къ себѣ недовольныхъ ею. Сѣверные Друзья были весьма многочисленны и бурливы: что̀ удивительнаго? между ними было много Французовъ и Поляковъ. Сперва послѣдніе взбунтовались и составили изъ себя особливую ложу, подъ именемъ *Бѣлаго Орла*; вскорѣ затѣмъ дурному ихъ примѣру послѣдовали и Русскіе, и основали ложу *Россійскаго Орла.* Я помаленьку отставалъ отъ масонства и не зналъ что̀ въ немъ происходитъ, какъ въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Гернгросъ, съ объявленіемъ, что̀ бо́льшая часть французскихъ членовъ нашего союза готова отдѣлиться и перейдти къ Астреѣ, и что онъ главою этого возстанія. Почитая оппозиціей небольшія шутки, которыя изрѣдка позволялъ я себѣ надъ педантствомъ Провинціяльной ложи, предложилъ онъ мнѣ быть участникомъ въ этой французской революціи. Мнѣ это показалось довольно смѣшнымъ и забавнымъ; я согласился, и мы завели ложу подъ названіемъ:

des Amis réunis, *Соединенныхъ Друзей*, гдѣ и стали масонствовать по-французски. Великимъ мастеромъ выбранъ Гернгросъ, а на меня взвалили многотрудную должность втораго надзирателя. Сначала это меня нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось, и по просьбѣ получилъ я совершенное увольненіе отъ дѣлъ. Симъ кончается исторія моего масонства, коего существованіе скоро прекратилось во всей Россіи, ибо нѣсколько лѣтъ спустя правительство приказало закрыть всѣ ложи.

Это многочисленное братство продолжаетъ существовать въ западныхъ государствахъ, безъ связи, безъ цѣли. Ложи ни что иное какъ трактиры, клубы, казино, и ихъ названія напечатаны вмѣстѣ въ *Путеводителѣ по Европѣ* г. Рейхардта. Нѣкоторая таинственность, небольшія затрудненія при входѣ въ нихъ задорятъ любопытство; разнообразные обряды и мнимое повышеніе нѣкоторое время бываютъ занимательны, и все оканчивается просто одною привычкой. У насъ въ Россіи разгнанная толпа масоновъ разсѣялась по клубамъ и кофейнымъ домамъ, размножила число ихъ, и тамъ, хотя не столь затѣйливо, предается прежнимъ обычнымъ забавамъ.

(*До слѣдующаго №.*)

ПОЛЯКИ ВЪ ПРУССІИ

III. *

Вся восточная половина Пруссіи составилась въ разныя времена изъ земель населенныхъ Славянами, которыя мало-по-малу были германизованы. Даже по ту сторону Эльбы, въ нынѣшней провинціи Прусской Саксоніи, встрѣчались въ началѣ среднихъ вѣковъ славянскія поселенія. Устройство марки Бранденбургской среди славянскихъ народовъ, многочисленныхъ по словамъ хроникъ, послужило главнымъ основаніемъ Прусскому государству. Въ XVII вѣкѣ исчезли послѣдніе признаки независимаго существованія Поморскихъ Славянъ. Не задолго до Вестфальскаго мира умираетъ послѣдній герцогъ померанскій, Богиславъ XIV (10-го мая 1637 г.), котораго, впрочемъ, столько же можно назвать Славяниномъ, какъ и теперишнихъ мекленбургскихъ герцоговъ, хотя они и ведутъ свое прямое происхожденіе отъ славянской и притомъ самой древнѣйшей въ цѣлой Европѣ династіи. Силезія и Лузація населены были Чехами и Лужицкимъ племенемъ, отъ котораго остались теперь небольшіе обрывки. Въ польскихъ частяхъ Прусской Силезіи жили также Славяне польскаго происхожденія. Прусское государство съ самаго рожденія своего привыкло считать своею задачей сліяніе славянскихъ племенъ съ нѣмецкими, посредствомъ германизаціи первыхъ. Когда при-

---

* Продолженіе. См. *Русск. Вѣстн.* 1864 г. № 11.

соединяемы были къ Пруссіи провинціи отъ Польскаго королевства, а потомъ отъ Варшавскаго герцогства, прусское правительство не получало чрезъ то на свои руки какой-либо новой, незнакомой для него, обязанности: получался только, въ видѣ прибавки къ сильно понѣмечившимся Кашубамъ, Лужичанамъ, Силезскимъ Чехамъ и Полякамъ (Wasser-Polaken), новый, обильный матеріялъ для германизаціи. Пруссія осталась вѣрна своимъ историческимъ стремленіямъ. Не даромъ Нѣмцы средней и южной Германіи привыкли смотрѣть на нее какъ на передовой постъ нѣмецкой колонизаціи на дальнемъ сѣверо-востокѣ, точно также какъ Австріи приписывалась та же самая роль на юго-востокѣ: и прусское правительство дѣйствительно ни на минуту не отказалось отъ своего нѣмецкаго происхожденія въ управленіи польскими провинціями, хотя Вѣнскій конгресъ и сдѣлалъ оговорку въ пользу польской національности. Мы уже видѣли, какъ въ продолженіе того краткаго срока, пока Пруссія владѣла въ нынѣшнемъ царствѣ Польскомъ, она успѣла разбросать тамъ множество нѣмецкихъ колоній.

Германизація польскаго племени въ Пруссіи, въ нынѣшнемъ столѣтіи, велась одновременно на четырехъ пунктахъ: болѣе всего испытали на себѣ ея силу Кашубы, населяющіе приморскія земли на западъ отъ Данцига; затѣмъ Мазуры, живущіе въ Восточной Пруссіи; потомъ оторванные еще прежде отъ Польши Силезцы; и наконецъ собственно Поляки въ великомъ княжествѣ Познанскомъ. Мы не будемъ говорить здѣсь ни о Лужичанахъ, которымъ въ Пруссіи предстоитъ дѣйствительная опасность, почти не знакомая ихъ соплеменникамъ, принадлежащимъ къ Саксонскому королевству; ни о небольшомъ числѣ Чеховъ, оторванныхъ отъ Австрійской Силезіи, вслѣдствіе Семилѣтней войны; ни даже о Литовцахъ, политическая судьба которыхъ такъ долго связана была съ Польшей, и которые потомъ должны были подвергнуться той же самой участи, какая пала на долю Пруссовъ, понѣмеченныхъ еще Тевтонскими рыцарями и сообщившихъ свое имя цѣлому государству. *

---

* Желающимъ познакомиться съ географическимъ распространеніемъ славянскаго населенія въ Пруссіи указываемъ на: *Sprachkarte vom preussischen Staat*, nach den Zählungs-Aufnahmen vom Jahre 1861 im Auftrage des Königl. Statistischen Büreaus bearbeitet von *Rich. Böck.* (Nordliche und Südliche Hälften).

Германизація Кашубовъ, единственной отрасли Поморскихъ Славянъ, сохранившей до нашего времени слѣды своего происхожденія, восходитъ къ очень давнему времени. Когда-то они занимали всю долину между Вислой и Одеромъ, между Балтійскимъ моремъ и рѣками Нетцею и Вартою. Почти съ самаго введенія христіанства между ними появились чужой языкъ и чужіе нравы. Вся исторія поморскихъ князей и герцоговъ есть ни что иное какъ исторія перенесенія въ ихъ земли нѣмецкаго государственнаго и городскаго устройства, приглашенія нѣмецкихъ колонистовъ и введенія нѣмецкаго богослуженія, нѣмецкаго права и нѣмецкихъ школъ. Уже во времена Реформаціи и Тридцатилѣтней войны всю западную половину Кашубскаго племени можно было считать понѣмеченною. Пространство, которое занимали прежде восточные Кашубы, въ настоящее время значительно сократилось: осталось всего не болѣе 40,000 Кашубовъ, говорящихъ исключительно на своемъ нарѣчіи и понимающихъ польскій языкъ, но знающихъ по-нѣмецки гораздо больше. Они живутъ въ округахъ Лауэнбурга, Бютова, Штольпе, Руммельсбурга, Новаго Штетина и на югозападъ отъ Данцига, сильно перемѣшанные съ нѣмецкимъ населеніемъ. Они безпрестанно терпятъ отъ перехода молодаго поколѣнія на сторону нѣмецкихъ обычаевъ, нѣмецкаго языка и даже нѣмецкаго образа мыслей и убѣжденій. Воспитаніе въ нѣмецкихъ школахъ, нѣмецкое богослуженіе, общая жизнь съ нѣмецкимъ населеніемъ съ давнихъ временъ, малое сочувствіе къ немногочисленному польскому населенію въ ближайшихъ къ нимъ округахъ, заставляютъ сомнѣваться, чтобы эти скудные обломки Кашубскаго племени могли сохранить въ будущемъ свою національность: молодому поколѣнію такъ хочется быть Нѣмцами, что остается только радоваться мирному исполненію его сердечныхъ желаній.

Для насъ судьба Кашубскаго племени важна лишь только какъ примѣръ той силы, какою пользуются германизующія начала среди западныхъ Славянъ. *

---

* Большая часть свѣдѣній, сообщаемыхъ въ настоящей статьѣ, заимствованы нами изъ: *Die Polnische Sprachfrage in Preussen.* Eine Zusammenstellung von dahin einschlagenden Aktenstücken und Journalartikeln.“ Leipzig, 1845. *Der Präzeptoren, Organisten, Cantoren und Rectoren Stellung und Uerhältniss zu kirch-*

Переходимъ къ германизаціи Мазуровъ. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ общими для всѣхъ провинцій распоряженіями прусскаго правительства относительно употребленія нѣмецкаго и польскаго языковъ въ церквахъ, въ школахъ и въ общественной жизни.

Еще 27-го сентября 1804 года королевская камера Восточно-Прусской и Литовской провинцій издала отъ имени короля предписаніе о неназначеніи учителями сельскихъ школъ людей, знающихъ только польскій и литовскій языки. Въ 1811 году президентъ этихъ провинцій, фонъ Ауэрсвальдъ, замѣтивъ во время своего путешествія по ввѣренному ему округу, что въ школахъ продолжаютъ преподавать только на польскомъ языкѣ, разослалъ по инспекціямъ приказъ учить по-нѣмецки не только нѣмецкихъ дѣтей, но также и польскихъ, не дѣлая различія между прилежными и неспособными. Съ тѣхъ поръ учители сельскихъ школъ стали доставлять въ школьную и церковную коммиссіи въ Кенигсбергѣ ученическія тетради, изъ которыхъ можно было видѣть успѣхи польскихъ дѣтей въ нѣмецкомъ языкѣ. 15 февраля 1827 года велѣно было доставить въ Берлинъ списки съ именами инспекцій и приходовъ, въ которыхъ кромѣ нѣмецкаго языка употребляется и польскій, съ отмѣткою числа Поляковъ и Нѣмцевъ въ каждомъ приходѣ, и съ указаніемъ, въ какихъ школахъ должно сохранить преподаваніе на обоихъ языкахъ. Черезъ три недѣли эти списки были доставлены. Бо́льшая часть школъ, употреблявшихъ оба языка, находилась въ Остеродской инспекціи, лежащей въ центрѣ Мазурскаго населенія. Въ ней было 26 церквей; въ ихъ приходахъ насчитывалось 3.816 Нѣмцевъ и 13,883 Мазуровъ (считались люди свыше четырнадцатилѣтняго возраста); школъ было 89, изъ которыхъ 28 чисто польскихъ, 5 чисто нѣмецкихъ и 56 смѣшанныхъ; учителей преподававшихъ на обоихъ языкахъ было 60, по-нѣмецки 4 и по-польски 32; нѣмецкихъ учениковъ считалось 1,436, польскихъ 4,341. Въ 1829 году совѣтникъ Кенигсбергской консисторіи, Вейде, посланъ былъ обревизовать школы Кенигсбергскаго департамента, въ особенности польскія.

---

lichen Gemeinden in Preussen und Luhauen. Eine Monographie, als Beitrag zur Geschichte der Schulen in Preussen von Ang. Gotthilf Krause, Prediger. Gumbinnen 1837.

Вотъ главные результаты его ревизіи: Успѣхи народнаго образованія, по его мнѣнію, встрѣчали сильныя препятствія въ крайней бѣдности жителей, въ дурной подготовкѣ учителей. Только хорошими школами, замѣчалъ онъ, можно возбудить въ бѣдныхъ людяхъ желаніе дать своимъ дѣтямъ порядочное воспитаніе; тогда и учитель, хорошо приготовленный къ своему дѣлу, встрѣтитъ болѣе поддержки въ сельскихъ общинахъ, а чрезъ то получитъ еще большее желаніе какъ можно лучше отправлять свои обязанности. Правильный присмотръ за школами, заботливая поддержка учителей со стороны духовенства необходимы для успѣха народнаго образованія среди Мазуровъ. Для скорѣйшаго ознакомленія польскихъ дѣтей съ нѣмецкимъ языкомъ предлагалось введеніе во всѣ школы чтенія нѣмецкой библіи и объясненія при этомъ трудныхъ мѣстъ духовными лицами. Вслѣдствіе послѣдняго предложенія Кенигсбергскій суперинтендентъ разослалъ циркуляръ ко всѣмъ проповѣдникамъ Остеродской епархіи, чтобъ они приняли на себя объясненіе нѣмецкой библіи въ школахъ отъ двухъ до трехъ часовъ въ недѣлю.

Незадолго передъ тѣмъ основаны были учительскія семинаріи въ Дексенѣ, Караленѣ и Ангенбургѣ съ цѣлію образовать для литовскихъ и мазурскихъ школъ учителей,* не только хорошо знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ но и способныхъ овладѣвать умами учениковъ, направляя ихъ мысль къ признанію Пруссіи истиннымъ своимъ отечествомъ. Съ этихъ поръ всѣ учители, знавшіе только польскій языкъ, должны были уступить свои мѣста людямъ знакомымъ съ обоими языками. Съ 1832 года велѣно было уже восемь часовъ въ недѣлю посвящать нѣмецкому языку, а лучшимъ учителямъ позволялось не стѣснять себя столь узкими границами, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширять преподаваніе нѣмецкаго языка; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дошло до того, что стали заниматься нѣмецкимъ языкомъ до 26 часовъ въ недѣлю, разчитывая покончить дѣло германизаціи на первомъ же поколѣніи. * Далѣе, стали требо-

* Нельзя не замѣтить здѣсь любопытной постепенности въ самыхъ выраженіяхъ, какія употребляло нѣмецкое правительство въ тамошнихъ школахъ, говоря о преподаваніи нѣмецкаго языка въ тамошнихъ школахъ; „Die feste Anstellung des N. N. wird davon abhängen, dass er namentlich

вать, чтобы преподаваніе всѣхъ предметовъ безъ исключенія производилось на нѣмецкомъ же языкѣ; потомъ рѣшено было, чтобы сами дѣти разговаривали между собою въ школѣ только по-нѣмецки, и за неисполненіе этого правила грозили имъ наказаніемъ. Особенною ревностію и опытностію въ распространеніи нѣмецкаго языка между польскими дѣтьми отличался учитель Зенфъ, прозванный реформаторомъ народнаго просвѣщенія среди Мазуровъ. Въ своемъ преподаваніи онъ употреблялъ особую методу, помощію которой, говорилъ онъ, можно въ восемь недѣль пріучить къ нѣмецкому разговору дѣтей, умѣющихъ читать и писать. Онъ начиналъ съ простыхъ чиселъ, заставлялъ пересчитывать ихъ отъ 1 до 10 и обратно, складывать, вычитать; далѣе переходилъ къ названіямъ предметовъ, находившихся въ школѣ, въ сельскихъ домахъ, въ огородахъ, въ поляхъ и вообще въ мірѣ окружавшемъ дѣтей. Онъ спрашивалъ по-нѣмецки, а дѣти отвѣчали ему по-польски; потомъ начиналось взаимное объясненіе польскихъ словъ нѣмецкими, составленіе цѣлаго отвѣта на нѣмецкомъ языкѣ и, наконецъ, цѣлый разговоръ. Въ 1836 году система Зенфа была рекомендована кенигсбергскимъ провинціяльнымъ управленіемъ всѣмъ учителямъ Восточной Пруссіи. Съ тѣхъ поръ изученіе нѣмецкаго языка сдѣлалось главною задачей для школъ всей провинціи; преподаваніе другихъ предметовъ стало лишь средствомъ для знакомства съ этимъ языкомъ. Издано было нѣсколько учебниковъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, обыкновенно преподаваемыхъ въ основныхъ школахъ; учебники эти въ свою очередь должны были служить проводниками нѣмецкаго языка.

Въ концѣ 1836 года почти во всѣхъ инспекціяхъ образовались общества народныхъ учителей изъ Нѣмцевъ, которые на съѣздахъ своихъ разсуждали о ходѣ германизаціи въ ихъ

---

in der Methode, polnisch redende Kinder im Deutschen zu unterrichten sich vervollkommene“ (1835 г.); „auch wird dem Lehrer besonders der Unterricht der Kinder im Deutschen zur Pflicht gemacht“ (1837 г.); или: „dass er hierbei namentlich auf den Unterricht der polnischen Kinder in der deutschen Sprache aele Mühe und Sorgfalt verwendet“ (1838 г.); или: „denselben nach Kräften sich angelegen sein läszt (1839 г.); „nach besten Kräften zu fördern sucht“ (1840), etc. Съ 1842 года уже болѣе не повторяется объ этихъ обязанностяхъ учителей; онѣ подразумѣваются сами собою.

округахъ, о средствахъ къ дальнѣйшему распространенію ея и объ усвоеніи одной системы преподаванія во всѣхъ школахъ. Вотъ примѣръ одного изъ такихъ собраній: 23 сентября 1836 года въ городѣ Олецко, иначе Марггробовѣ, округъ котораго лежитъ на границахъ Августовской губ., собралось все духовенство его епархіи и всѣ школьные учителя его инспекціи для разсужденій о введеніи новыхъ правилъ богослуженія (перемѣна агендъ 1829 года на агенды 1832 года) и о соглашеніи школьныхъ инструкцій отъ 18-го ноября 1829 года, 25-го іюня 1834 года и 17 сентября 1834 года. Въ первомъ засѣданіи рѣшенъ былъ вопросъ богослужебный: уничтожено польское богослуженіе; пѣніе прихожанъ замѣнено чтеніемъ молитвъ и благословеніями со стороны самихъ служителей церкви; хоровое пѣніе оставлено только во дни большихъ праздниковъ; катихизацію или объясненіе догматовъ вѣры рѣшено отправлять только по-нѣмецки; польскій обрядъ крещенія замѣненъ нѣмецкимъ на томъ основаніи, что польское выраженіе „dziatkiem“ (дитятею) однозвучно съ словомъ „dziadkiem“ (старцемъ); обряды исповѣди и причащенія оставлены на тѣхъ же основаніяхъ, какія положены были для нихъ польскими агендами 1829 года. На другой день стали разсуждать о школьномъ дѣлѣ. Если за 60 лѣтъ предъ тѣмъ, говорили члены съѣзда, рѣдкостью было услышать нѣмецкое слово въ Олецковскомъ округѣ, то теперь почти всѣ жители, преимущественно молодое поколѣніе, могутъ говорить по-нѣмецки; здѣшніе крестьяне никогда не могли правильно говорить и писать по-польски, они знакомы только съ польскимъ библейскимъ языкомъ; если прибавить нѣсколько переводныхъ книгъ, назначенныхъ большею частію для дѣтскаго чтенія, то вотъ и вся библіотека Мазурскаго крестьянина. А такъ какъ правительственныя мѣста округа уже давно употребляютъ нѣмецкій языкъ, бо́льшая часть духовныхъ лицъ не знакомы съ польскимъ языкомъ вполнѣ и проповѣдуютъ по-нѣмецки, и кромѣ того господство польскаго языка въ пограничномъ округѣ не безопасно для цѣлости государства; то, имѣя въ виду дать народу истинное религіозное и гражданское образованіе, не возбуждая въ немъ фантастическихъ стремленій къ какому-то національному идеалу, члены съѣзда рѣшили ввести употребленіе нѣмецкаго языка во всѣхъ церквахъ и школахъ. Нѣмецкій языкъ есть главный государственный языкъ стра-

ны, а потому и подданнымъ ея приличнѣе всего объясняться на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ на какомъ-либо другомъ: пускай школа сдѣлается для дѣтей представительницею нѣмецкаго отечества ихъ,подобно тому какъ семья остается хранительницей польскаго языка. Потомъ члены съѣзда разсуждали о денежной платѣ учителямъ и о содержаніи ихъ на счетъ общинъ. Только въ одной школѣ, въ Свентайнахъ, гдѣ болѣе 4/5 учениковъ говорило по-польски, оставленъ былъ польскій языкъ подлѣ нѣмецкаго. Изъ распоряженій олецковскаго съѣзда можно заключать о важности подобныхъ съѣздовъ и въ другихъ округахъ: германизующая сила, исходившая до тѣхъ поръ или изъ Берлина или изъ Кенигсберга, сосредоточивалась теперь въ рукахъ самихъ учителей, соединявшихся въ каждомъ округѣ въ одно общество. Въ слѣдующемъ году обнаружились первые успѣхи такой системы: рѣшено было отмѣнить во всей провинціи совмѣстное существованіе польскихъ и нѣмецкихъ школъ въ одномъ и томъ же селеніи; онѣ были соединяемы другъ съ другомъ, образуя вначалѣ смѣшанную школу для обоихъ языковъ, а потомъ подчиняясь нѣмецкому элементу. Въ такихъ школахъ чтеніе польской библіи должно было сопровождаться нѣмецкимъ переводомъ; учителямъ такихъ школъ вмѣнено было въ обязанность, чтобъ ученики ихъ, при переходѣ изъ низшаго отдѣленія въ среднее (на каждое отдѣленіе давалось три года), могли хорошо говорить по-нѣмецки: такимъ образомъ въ среднемъ и высшемъ отдѣленіяхъ оставался только нѣмецкій классъ, хотя низшее и дѣлилось на два класса—польскій и нѣмецкій.

30-го ноября 1837 года изданъ былъ регламентъ для смѣшанныхъ школъ. Онъ вводилъ общее росписаніе уроковъ въ этихъ школахъ: въ низшемъ отдѣленіи предписывалось употреблять 12 часовъ въ недѣлю на нѣмецкое чтеніе и письмо, 10 часовъ на упражненіе въ нѣмецкомъ разговорѣ, 6 часовъ на обученіе нѣмецкому счету, изустному сложенію и вычитанію, не переходящимъ за предѣлы сотни; въ среднемъ отдѣленіи должны были преподаваться: катихизисъ—2 часа, библейская исторія—3 часа, упражненія въ нѣмецкомъ разговорѣ съ грамматическими замѣчаніями при этомъ—2 часа, тѣ же упражненія съ замѣчаніями логическими—4 часа, нѣмецкая ороографія и ученіе объ образованіи словъ—2 часа, нѣмецкое чтеніе сперва изъ евангелія, потомъ изъ есте-

ственной и политической исторіи, изъ географіи, и изуст-ные разказы прочтеннаго—5 часовъ, польское или литов-ское чтеніе для тѣхъ только дѣтей, родители которыхъ по-требуютъ этого,—2 часа, каллиграфія готическимъ и латин-скимъ шрифтомъ, исключительно нѣмецкаго содержанія,—4 часа, счетъ со всѣми ариѳметическими упражненіями—4 ча-са; въ высшемъ отдѣленіи преподавались: катихизисъ съ ученіемъ о нравственности—2 часа, библейская исторія и объясненіе книгъ Св. Писанія—3 часа, изустное и письмен-ное упражненіе въ нѣмецкомъ языкѣ—5 часовъ, нѣмецкое чтеніе съ этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ, съ ученіемъ о благозвучіи и акцентуаціи нѣмецкой рѣ-чи—4 часа, естественная исторія, политическая исторія, преимущественно прусская географія—по 2 часа, высшая ариѳметика съ упражненіями—4 часа, каллиграфія—4 часа; кромѣ того всѣ три отдѣленія упражнялись по 2 часа въ недѣлю въ нѣмецкомъ пѣніи. По праздничнымъ и вакаціон-нымъ днямъ дѣти должны были играть на церковномъ и школьномъ дворахъ. Въ циркулярѣ кенигсбергскаго супер-интендента, отъ 15-го января 1838 года, разосланномъ по всѣмъ инспекціямъ провинціи, между прочимъ говорилось: „такъ какъ нѣмецкій языкъ имѣетъ за собою огромныя пре-имущества для интеллектуальнаго развитія народа, особен-но по его отношеніямъ къ государству, и такъ какъ онъ имѣетъ вліяніе еще въ школѣ на благонравіе и вообще про-свѣщеніе низшихъ классовъ; то прошу васъ обратить все ваше вниманіе на этотъ предметъ.“ Указомъ Кенигсбергской консисторіи, отъ 30-го октября того же года, велѣно было со-вершать конфирмацію на томъ языкѣ, на которомъ дѣти свободнѣе и изящнѣе объяснялись: а послѣ такой системы обученія нѣмецкій языкъ былъ болѣе сподрученъ для окон-чившихъ курсъ въ школѣ, нежели польскій и литовскій. На-конецъ, почти въ то же время Кенигсбергское управленіе по части путей сообщенія не велѣло допускать къ производи-мымъ по его приказанію работамъ людей, говорившихъ только по-польски; разумѣется, что это приказаніе могло имѣть надлежащую силу лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ польское населеніе не было преобладающимъ. *

* Нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь и ниже свѣдѣній заимствова-ны нами также изъ *Jahrbücher für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft.* red. von Dr. I. P. Jordan. Leipzig, 1843—1847.

Дѣло германизаціи Мазуровъ не обошлось, однако, безъ значительныхъ трудностей. Родители дѣтей, обучаемыхъ почти насильно нѣмецкому языку, стали сильно жаловаться на то не только своимъ приходскимъ священникамъ, но суперинтендентамъ и кенигсбергскому управленію. Не всѣ также учители могли твердо выдержать роль германизаторовъ: нѣкоторые изъ нихъ уступали своимъ ученикамъ, слыша отъ нихъ польскіе вопросы и давая имъ объясненія также по-польски. Частыя ревизіи школъ, награды особенно усерднымъ по своему дѣлу учителямъ, не всегда приносили ту пользу, на которую разчитывало правительство.

Часто ревизорамъ приходилось указывать въ своихъ отчетахъ, что ученики не понимаютъ ихъ и что преподаваніе вообще идетъ малоуспѣшно. Спрашиваетъ учитель, и ученикъ быстро даетъ затверженный имъ отвѣтъ; вмѣшается въ экзаменъ ревизоръ, ученикъ начинаетъ путаться или отвѣчаетъ по-польски. „Co? po-polsku? говоритъ ревизоръ, дѣлая выразительный жестъ руками: — „Das verstehe ich nicht!“ Станетъ ревизоръ спрашивать изъ ариѳметики, ученики плохо понимаютъ что̀ значитъ: weniger, ausgegeben, bleibt; велитъ раздѣлить 94 на 3, ученики сдѣлаютъ вычитаніе. На вопросъ, какія изъ сраженій во время Семилѣтней войны были важнѣйшими, ученики отвѣчаютъ, что первый присоединилъ Поляковъ къ Пруссіи Фридрихъ Великій; а то вдругъ скажутъ, что король Пруссіи есть польскій король, а главнымъ городомъ въ его королевствѣ назовутъ какой-нибудь окружной городъ. Начальство и учители твердятъ ученикамъ, что польскій языкъ есть lingua barbara, Privatsache, а родители говорятъ иное: „Оставьте нашихъ дѣтей учиться по-польски,“ обращаются они къ ревизорамъ; „не отрывайте ихъ отъ нашего сердца.“ Ревизоры ссылаются на приказаніе высшаго начальства вести ученіе по-нѣмецки.

Министерство просвѣщенія должно было сдѣлать на первыхъ порахъ уступку: предписало оказывать въ школахъ нѣкоторое уваженіе къ родному языку учениковъ. Родилась мысль, что для Мазуровъ недостаточно одного польскаго журнала, издававшагося въ Лыкѣ: *Przyjaciel ludu* (на границахъ съ Августовскою губерніей). Вопросъ о нѣмецкомъ языкѣ въ школахъ, устроенныхъ среди польскаго населенія, сдѣлался предметомъ полемики между журналами: *Könisberger Zeitung*, *Lycker Unterhaltungsblatt für Masuren*,

Gumbinnern Intelligenzblatt für Litthauen и *der Volksschulfreund*, издаваемымъ директоромъ Кенигсбергской семинаріи, Прейсомъ. Нѣкоторые предлагаютъ подлѣ главнаго учителя школы, дѣйствующаго на основаніи инструкцій, опредѣлить другаго, который имѣлъ бы своею обязанностью заниматься польскимъ или литовскимъ языкомъ, смотря по мѣстности, къ которой принадлежитъ школа. Другіе предоставляютъ эту обязанность или органисту или церковному сторожу. Третьи говорятъ, что и главный учитель можетъ слѣдить за польскимъ языкомъ, если только будутъ выбирать въ учители людей знакомыхъ съ обоими языками. Духовное начальство сдѣлаетъ уступку въ пользу того, чтобы конфирмація совершалась на языкѣ родномъ конфирмуемому.

Но какъ бы то ни было, дѣло германизаціи Мазуровъ шло успѣшно, и статистическія данныя за шесть лѣтъ съ 1834—40 показываютъ слѣдующія результаты:

	1834		1837		1840	
Округи:	Нѣмц.	Поляк	Нѣмц.	Поляк.	Нѣмц.	Поляк.
1. Lyck.	3436	29296	3635	29718	4020	30537
2. Iohannisburg.	3241	29012	3695	29386	3870	30159
3. Sensburg	4802	28309	4921	27958	7154	27281
4. Lötzen.	3190	21273	3086	21207	4392	20993
5. Oletzko	5000	23936	6266	22074	8498	22544
6. Angerburg.	16530	12502	20834	8994	22744	8137
7. Goldapp. . . , ...	15897	3497	18229	3322	19826	2968
8. Dorchmen (приходъ Zarkebienen).	2916	348	2928	339	3353	330

Такимъ образомъ нѣмецкое населеніе въ шесть лѣтъ увеличилось на 18.845 человѣкъ, а польское убавилось на 5.224 человѣка.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ вопросъ объ отношеніяхъ нѣмецкаго элемента къ польскому сдѣлался предметомъ любопытныхъ сужденій въ прусскихъ газетахъ по поводу событія, не имѣвшаго, повидимому, никакого отношенія къ этому вопросу. Тревогу возбудили маневры нашихъ войскъ на поляхъ Калиша и мысль поставить на ихъ мѣстѣ, находившемся близь прусскихъ границъ, колонну въ память такого событія. Вотъ что было сказано въ статьѣ по этому поводу, *сообщенной* въ редакцію газеты *Königsberger Zeitung* и помѣщенной въ № 28, отъ 3 февраля 1842 года: „Россія рѣшила, послѣ калишскихъ маневровъ, воздвиг-

нуть на границѣ колонну въ память этого событія. Коментаріемъ къ этому каменному доказательству дружелюбія Россіи служатъ новѣйшія русскія постановленія о пограничныхъ таможняхъ. Со стороны Пруссіи дано замѣтить, что она вполнѣ понимаетъ дѣйствительное значеніе такого дружескаго монумента. Она думаетъ учредить въ Лыкскомъ округѣ сборное мѣсто для войскъ: такая мысль должна возбудить въ высшей степени вниманіе каждаго патріота. Какія важныя послѣдствія можетъ повлечь за собою исполненіе этого всеобщаго желанія можетъ очень хорошо уразумѣть каждый, кто, хотя сколько-нибудь, знакомъ съ условіями, господствующими въ этой мѣстности. Восточная часть Мазовіи, обнимаемая съ двухъ сторонъ польскими губерніями, связана теперь съ внутренностію страны, особенно съ главнымъ рынкомъ всѣхъ литовскихъ и мазурскихъ поселеній въ Пруссіи, Инстербургомъ, только одною дорогой, которая большую часть года непроходима. Множество новыхъ источниковъ дохода, которые необходимо должна вызвать дорога къ границамъ, и усиленные заказы, которые сдѣлаетъ поставленный тамъ большой гарнизонъ, должны заинтересовать всю нашу провинцію. Очень можетъ быть, что само правительство, учредивъ тамъ сборное мѣсто военныхъ силъ, пожелаетъ соединить его прямо съ центромъ провинціи посредствомъ шоссе. Конечно, никто не будетъ сомнѣваться, что такой проектъ чрезвычайно важенъ для цѣлой провинціи. Во время Семилѣтней войны одно проигранное сраженіе отдѣлило Восточную Пруссію отъ остальныхъ провинцій государства на всѣ семь лѣтъ, а тогда Польша была еще полусамостоятельнымъ государствомъ. Теперь же, послѣ присоединенія этой страны къ Россіи, наша провинція должна усилить свои оборонительныя средства. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы понять, какъ рѣшительное наступательное движеніе Русскихъ черезъ Познань, вдоль береговъ Вислы, можетъ отдѣлить всю Восточную Пруссію отъ остальныхъ частей монархіи. Но поможетъ ли военный лагерь въ Лыкскомъ округѣ противъ такого несчастія? Уже слышится много голосовъ, которые указываютъ на громадное протяженіе неприкрытыхъ восточныхъ границъ государства, отъ Мемеля до Лыка, и на слишкомъ большое разстояніе ихъ отъ ближайшаго сборнаго пункта войскъ въ Торнѣ. Но нель-

зя не подумать при этомъ, какихъ необъятныхъ издержекъ потребуетъ отъ государства устройство сплошнаго ряда крѣпостей по всей границѣ съ Россіей; нельзя не припомнить при этомъ и того, какъ страшная цѣпь пограничныхъ французскихъ крѣпостей не могла остановить въ 1814 и 1815 годахъ побѣдоноснаго шествія нашей арміи въ Парижъ. Тѣмъ болѣе права имѣемъ мы думать, что Восточная Пруссія можетъ быть защищаема противъ Россіи чисто оборонительною системой; для того одного этого соображенія достаточно, чтобы рѣшиться на устройство военнаго лагеря при Лыкѣ. Въ случаѣ войны съ Россіей, самымъ естественнымъ образомъ дѣйствія для прусскихъ войскъ будетъ концентрическое движеніе изъ Силезіи, Познани и Восточной Пруссіи къ Варшавѣ, и такому движенію устройство большаго лагеря при Лыкѣ, разумѣется, дастъ большую силу. При такомъ планѣ нѣтъ надобности въ крѣпостяхъ. Кромѣ того, Пруссія имѣетъ въ рукахъ болѣе дѣйствительное и притомъ дешевое средство оградить себя на вѣчныя времена отъ завоевательныхъ замысловъ могущественнаго сосѣда. Много было споровъ о томъ, какія побужденія заставили вождей англійской политики прибѣгнуть къ эманципаціи рабовъ чрезвычайно дорого стоящей. Что правители, обитающіе въ Сити, умѣли связать съ гуманными требованіями свой собственный интересъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и можетъ равно служить и въ похвалу имъ и въ порицаніе. Англія при помощи этой эманципаціи поставила себя въ выгодное положеніе относительно всѣхъ колоній, которыя основаны при помощи рабовъ. Свободныя полчища черныхъ составляютъ наибольшую опасность для всѣхъ странъ, находящихся въ положеніи англійскихъ колоній. Почти въ такомъ же благопріятномъ положеніи, какъ Англичане къ своимъ колоніямъ, находимся и мы относительно нашихъ славянскихъ сосѣдей, съ тою только разницей, что оно не стоитъ намъ такъ дорого, какъ эманципація рабовъ. Русскіе указы, которые стремятся чрезвычайными средствами обратить Поляковъ въ чистыхъ Русскихъ, составляютъ оружіе, которое даетъ намъ противъ самого себя могущественный колоссъ. Пускай не забываютъ нѣмецкіе обитатели нашего отечества, что только въ искреннихъ отношеніяхъ ихъ къ польскому населенію въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ заключаются истинныя средства для

безопасности противъ замысловъ нашего опаснаго сосѣда. Если Россія, въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, обратитъ вниманіе исключительно на увеличеніе своего народонаселенія, то она получитъ такую силу, что будетъ опасна даже для всей соединенной противъ нея Европы. Эти опасенія тяготѣютъ уже нѣсколько лѣтъ надъ всѣми истинными Нѣмцами, особенно же надъ жителями нашей провинціи, какъ неотразимая альпійская лавина: и это обстоятельство заставляетъ всѣхъ обращать свои взоры на Польшу. Нельзя не удивляться, какъ до сихъ поръ мало знакома вся Германія съ положеніемъ Польши и съ стремленіями польской литературы. Мы должны быть благодарны нашему предусмотрительному правительству за то, что оно даетъ соразмѣрную свободу дѣятельности польскому элементу въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ: такой образъ дѣйствій имѣетъ не только провинціяльный, но и общій интересъ для каждаго прусскаго патріота. Искренній союзъ съ польскимъ элементомъ можетъ дать намъ такія средства защиты, какихъ не дадутъ никакія крѣпости. Спарта не нуждалась въ стѣнахъ!"

Спустя шесть недѣль съ небольшимъ, въ № 68 той же газеты, отъ 22 марта, говорилось слѣдующее: „Нѣмецкіе журналы увидѣли въ новѣйшихъ распоряженіяхъ русскаго правительства мысль соединить всѣ славянскія племена въ одно великое славянское государство. Основательны или нѣтъ такія подозрѣнія, но все-таки ясно, что русскій кабинетъ трудится съ поразительною постепенностію и энергіей надъ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ различныя племена, составляющія Русскую державу, совершенно перевоспитать въ возможно короткое время; ибо Россія вообще не принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, въ которыхъ дѣла откладываютъ въ долгій ящикъ. Изъ этого обстоятельства вытекаетъ неизбѣжная необходимость для всѣхъ германскихъ государствъ, народонаселеніе которыхъ смѣшано съ славянскимъ элементомъ, и обратить дѣятельное вниманіе на отношенія свои къ славянскимъ подданнымъ." Затѣмъ авторъ статьи исторически разбираетъ вопросъ о поглощеніи большими государствами мелкихъ племенъ. Изъ исторіи Римлянъ, Арабовъ и Турокъ онъ выводитъ такое заключеніе, что племена, жизнь которыхъ сосредоточивается только на матеріяльныхъ интересахъ, слѣдуетъ перевоспитывать, сливая ихъ съ господству-

ющимъ въ государствѣ народомъ; съ племенами же, которыя дорожатъ своими нравственными интересами, слѣдуетъ поступать осторожнѣе, съ большею постепенностію, заботясь о ихъ сліяніи съ господствующимъ народомъ посредствомъ распространенія на нихъ тѣхъ выгодъ, которыми пользуется главное племя. „Славянство,“ заключаетъ авторъ, „ростетъ со дня на день и пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ европейской исторіи. Многіе даже думаютъ, что Славяне въ будущемъ дадутъ Европѣ такую же эпоху возрожденія, какую прежде дали ей Германцы. А потому взаимныя отношенія нѣмецкаго и польскаго элементовъ въ Пруссіи чрезвычайно важны, особенно для насъ—хранителей нѣмецкой національности на отдаленныхъ восточныхъ границахъ ея.“ Являясь неожиданною защитницей польскаго элемента въ Познанскомъ герцогствѣ, *Кенигсбергская Газета* иначе относилась къ Мазурамъ, населявшимъ южныя окраины Восточной Пруссіи, и Силезцамъ, принадлежавшимъ прежде Австріи. Въ маѣ, въ этой газетѣ была помѣщена статья перепечатанная и въ *Berliner Allgemeine Kirchen - Zeitung* (№ 48). Въ этой статьѣ сказано было, между прочимъ, что германизація южныхъ окраинъ Восточной, иначе Старой, Пруссіи началась еще во времена владычества Нѣмецкаго ордена въ этихъ земляхъ, что польское населеніе ихъ раньше познанскаго отвыкло отъ общей жизни съ варшавскими землями. Въ то же время, впрочемъ, авторъ выражалъ сожалѣніе, что германизація производится насильственными средствами, хотя еще со ста десяти каѳедръ произносятся проповѣди на польскомъ языкѣ въ евангелическихъ общинахъ; далѣе, приводились жалобы на употребленіе тѣлесныхъ наказаній въ школахъ для дѣтей, говорившихъ между собою по-польски, на записываніе на позорной доскѣ именъ провинившихся такимъ образомъ, на надѣваніе женскихъ калпаковъ на мальчиковъ, съ цѣлію пристыдить ихъ за употребленіе языка, которымъ говорили матери и сестры ихъ. Эта не подписанная статья принадлежала пастору Гизевіусу. 4-го іюня того же года въ № 127 *Кенигсбергской Газеты* была помѣщена *сообщенная* статья, подъ заглавіемъ: *Нѣмецкій элементъ между Мазурами.* Въ ней рѣзко указывалось на различіе исторической судьбы южныхъ окраинъ Восточной Пруссіи и Познани: отвергалась всякая историческая связь этихъ земель съ польскою короной, кромѣ весьма поверхностныхъ ленныхъ отношеній; указывалось

на многочисленность колоній, переселившихся изъ Швейцаріи, Зальцбурга и Нассау, на преобладаніе между самими Мазурами диссидентовъ-евангеликовъ; доказывалось, что мазурское нарѣчіе, принявшее въ себя много германизмовъ, значительно отличается отъ литературнаго польскаго языка. Исторія, языкъ, религія произвели, по мнѣнію автора, глубокое различіе между Поляками Восточной Пруссіи и Познани, и что германизація Мазуровъ можетъ скорѣе считаться благодѣяніемъ для нихъ нежели несчастіемъ. Часто сами польскія общины просятъ прислать къ нимъ нѣмецкихъ учителей. Потомъ *нѣмецкая газета*, издающаяся въ Гумбинненѣ, напечатала въ № 67, отъ 26 августа, статью: *Нѣмецкій и польскій элементъ въ Мазовіи*, гдѣ прямо сказано было, что большинство самихъ Мазуровъ, вслѣдствіе закрытія для нихъ польско-русской границы, желаетъ дать своимъ дѣтямъ нѣмецкое воспитаніе. Наконецъ, въ №№ 225, 226 и 227 *Кенигсбергской Газеты* снова былъ сдѣланъ пересмотръ всѣмъ мнѣніямъ о нѣмецкомъ и польскомъ элементахъ въ южныхъ округахъ Восточной Пруссіи. Послѣ краткой исторіи заселенія этихъ земель, какъ Нѣмцами, такъ и Поляками, послѣ обзора дѣятельности Нѣмецкаго ордена на пользу германизаціи Литовцевъ и Поляковъ, авторъ указываетъ на исторію школъ въ этомъ краѣ послѣ присоединенія герцогства Пруссіи къ Бранденбургскимъ маркамъ. Первый общій планъ для устройства школъ въ этомъ краѣ, по его словамъ, относится къ 30-го іюля 1736 года. Затѣмъ авторъ довольно подробно указывалъ на слѣды нѣмецкаго вліянія въ мазурскомъ нарѣчіи, но все-таки не соглашался съ мнѣніемъ, будто бы великопольскій языкъ непонятенъ для Мазуровъ. Онъ отдавалъ предпочтеніе нѣмецкому языку передъ польскимъ на другихъ основаніяхъ: польскій языкъ, говоритъ онъ, не можетъ быть названъ ни языкомъ научнымъ или политическимъ, ни языкомъ Лютерова ученія. Вскорѣ въ одномъ изъ собраній учителей Лотценскаго округа, ректоръ Герстъ прочелъ написанный имъ *Историческій обзоръ распространенія нѣмецкаго языка въ не нѣмецкихъ земляхъ Пруссіи*, гдѣ онъ явился жаркимъ приверженцемъ германизаціи. Его образъ мыслей раздѣляли всѣ учители.

9-го апрѣля 1843 года, на восьмомъ провинціяльномъ сеймѣ Восточной Пруссіи, семь депутатовъ подали петицію о сохраненіи постепенности во введеніи нѣмецка-

го языка въ такихъ округахъ мазурскаго населенія, гдѣ польскій языкъ преобладаетъ, ничего не говоря противъ германизаціи въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣмецкое населеніе равнялось польскому или превышало его численностію. Петиція эта, вызвавъ нѣсколько замѣчаній за и противъ, была принята только къ свѣдѣнію, но не получила законодательной силы. Однако изъ Берлина потребовали 9-го декабря того же года болѣе подробныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ нѣмецкаго и польскаго элементовъ въ Восточной Пруссіи. Вотъ что, между прочимъ, отвѣчали оттуда: „Ни одинъ изъ членовъ окружныхъ судовъ, за исключеніемъ комиссаровъ, не знаетъ по-польски; переводчики знакомы съ польскимъ языкомъ, но дѣлаютъ ошибки; въ окружныхъ управленіяхъ всѣ болѣе или менѣе говорятъ по-польски; служащіе въ интендатурѣ и жандармы говорятъ по-польски отлично; во многихъ школахъ еще силенъ польскій языкъ. Такого же рода извѣстія присланы были изъ округовъ лежавшихъ по берегамъ Вислы, и заключали въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія: Въ школахъ Диршавской инспекціи дѣти большею частію католики, учители — евангелики; народъ и дѣти говорятъ преимущественно по-польски, учители разумѣютъ только по-нѣмецки; въ самомъ городѣ Диршау нѣмецкій языкъ сдѣлался почти всеобщимъ достояніемъ, школьное ученіе совершается на нѣмецкомъ языкѣ и жалобъ на то никогда не было; въ городской школѣ считается 180 евангелическихъ и 146 католическихъ учениковъ, при нихъ три учителя-евангелика и два католика. Школа въ Цейзгендорфѣ имѣетъ 82 католическихъ, 42 евангелическихъ и 6 меннонитскихъ учениковъ; учитель въ ней евангеликъ, потому что школа основана въ 1818 году евангелическими и меннонитскими общинами; при школьной ревизіи 27-го іюля 1842 года оказалось, что всѣ католическіе ученики понимаютъ и даже говорятъ по-нѣмецки, а потому и рѣшено продолжать ученіе на нѣмецкомъ языкѣ. Школа въ Люнавѣ имѣетъ 42 католическихъ и 20 евангелическихъ учениковъ; домъ построенъ евангеликами, учитель — евангеликъ, и ученіе совершается на нѣмецкомъ языкѣ. Школа въ Балдавѣ, построенная евангеликами въ 1770 году, имѣетъ 19 евангелическихъ и 17 католическихъ учениковъ, при учителѣ евангеликѣ и при нѣмецкомъ обученіи. Въ Либчавской школѣ учитель-католикъ; изъ 43 учениковъ 30 разумѣютъ оба языка; религіозное обученіе совер-

шается на польскомъ языкѣ. Школа въ Ракиткѣ, основанная въ 1843 году, имѣетъ 40 католическихъ и 12 евангелическихъ учениковъ; учитель въ ней евангеликъ, потому что нельзя было найдти свѣдущаго католика. Школа въ Сварочинѣ управляется учителемъ-католикомъ, и Законъ Божій преподается въ ней на польскомъ языкѣ, по донесенію ревизора-каноника Розсолкевича; изъ 60 учениковъ 35 могли читать по-нѣмецки и по-польски. Въ духовной семинаріи въ Пельпинѣ каноникъ Пышницкій читаетъ лекціи на польскомъ языкѣ, и ученики его достаточно разумѣютъ по-польски, чтобы прочесть проповѣдь по книгѣ. Въ учительской семинаріи въ Грауденцѣ польскому языку посвящаютъ отъ 2 до 4 часовъ въ различныхъ классахъ. Въ Кульмской гимназіи весьма мало занимаются польскимъ языкомъ, а въ Коницкой гимназіи онъ совсѣмъ не преподается. Для большей наглядности, ректоръ Герстъ прибавилъ слѣдующія цифры за 1843 годъ: въ округѣ Лотценскомъ Нѣмцевъ было, по его увѣренію, 10.354 человѣка, Поляковъ 17.187; въ округѣ Ангербургскомъ Нѣмцевъ 23.115, Поляковъ 8.479; въ округѣ Лыкѣ Нѣмцевъ 5.430, Поляковъ 29.493; въ приходѣ Шабиненскомъ Нѣмцевъ 3.914, Поляковъ 2. Стало-быть, число Нѣмцевъ съ 1840 года увеличилось въ трехъ округахъ и одномъ приходѣ на 8.304 человѣка, а Поляковъ убавилось на 4.836 человѣкъ. Особенно успѣшенъ былъ ходъ германизаціи въ приходѣ Гроссъ-Штюрлакскомъ, гдѣ дѣйствовалъ самъ Герстъ: въ 1831 году въ этомъ приходѣ было 43 Нѣмца и 774 Поляка а въ 1843 году—755 Нѣмцевъ и 759 Поляковъ.

Въ 1844 году надъ Восточною Пруссіей разразился страшный голодъ, особенно тяжело упавшій на мазурское населеніе, среди большихъ озеръ и болотистыхъ мѣстностей. Въ маѣ 1845 года самъ король рѣшился посѣтить пострадавшую провинцію. Втрѣчая путешествующаго короля криками: „Niech żyje Król!“ и пѣніемъ гимна: „Błogosławieństwo Ci,“ Мазуры почти повсюду обращались къ нему съ просьбой раздѣлить между ними домены. Короля на каждомъ шагу поражала страшная бѣдность мазурскихъ селеній: большая часть сельскихъ домовъ были мрачныя, сырыя землянки, нуждавшіяся въ самыхъ необходимыхъ для хозяйства вещахъ. На пути, въ поляхъ и лѣсахъ, ему часто попадались люди, изнуренные крайнею нуждой, голодомъ и болѣзнями; король инымъ дарилъ деньги, иныхъ отсылалъ въ больницы. Въ Лыкѣ и въ Маркграбо-

вѣ встрѣтили короля нарочно написанными на этотъ случай стихами, въ которыхъ воспѣвались успѣхи и благодѣянія германизаціи среди Мазуровъ. Особенно поразила короля рѣчь ректора школы въ селеніи Грасковѣ близь Маркграбова: „Народъ, окружающій ваше величество, говорилъ онъ по-нѣмецки, указывая на густую толпу Мазуровъ, принадлежитъ къ числу вѣрнѣйшихъ подданныхъ вашихъ. Мазуры хотя и происходятъ отъ мѣшанной крови, но по своему образу мыслей похожи на своихъ мужественныхъ предковъ. Ихъ добродѣтели — храбрость, непобѣдимое мужество, преданность своимъ наслѣдственнымъ владѣтелямъ, даже въ самые опасные для отечества дни. Въ ихъ груди бьются сердца, пламенѣющія и въ эту минуту и во всякое время любовью и вѣрностью къ вашей священной особѣ и къ отечеству. Мазуръ на языкѣ матери называетъ своего короля: нашъ превозвышенный, милостивѣйшій и полный любви король и господинъ! Мазуры не ошибаются, говоря такимъ образомъ, ибо видятъ васъ, возвышающагося надъ ними своею любовью и милостями.“ Король прервалъ оратора, сказавъ: „хорошо, хорошо, мой любезный ректоръ! Я очень люблю Мазуровъ; они вѣрный народъ, и я еще въ молодости познакомился съ ними. Но только вы были несправедливы къ нимъ, говоря о ихъ происхожденіи: они не мѣшанной крови, но чистой сарматской или славянской.“ Услужливый ректоръ думалъ сдѣлать пріятное королю, представивъ ему сарматскихъ потомковъ по крайней мѣрѣ полугерманскимъ племенемъ, но ошибся въ своемъ разчетѣ. Пріѣхавъ въ Щибаллы, онъ подозвалъ къ себѣ для разговора старосту Ныдзевенскаго прихода; но увидавъ, что никто изъ сопровождавшихъ его мѣстныхъ властей не понимаетъ по-польски, повторилъ этотъ опытъ во время своего путешествія еще нѣсколько разъ. На замѣчаніе короля о незнакомствѣ окружныхъ властей съ польскимъ языкомъ, суперинтендентъ Скупчъ сказалъ: „скоро нѣмецкій языкъ распространится здѣсь при помощи школъ.“ Короля, впрочемъ, болѣе поражала крайняя нищета Мазуровъ, нежели судьба ихъ языка: тамъ люди, умирающіе отъ употребленія въ пищу картофеля, который съ прошлаго года остался въ поляхъ, и только теперь былъ вырываемъ ими; въ другомъ мѣстѣ—больные, отъ употребленія промерзлой лебеды, которую они варили вмѣсто капусты. Король такъ привыкъ повсюду встрѣчать

бѣдность, что, увидавъ въ одной избѣ ткацкій станокъ, сказалъ: „наконецъ-то я вижу хозяйку, которая еще можетъ работать.“ Другой разъ онъ сказалъ: „я не предполагалъ, чтобы бѣдность такъ глубоко поразила Мазуровъ. Надо поскорѣе построить шоссе черезъ весь округъ.“ Особенно непріятное впечатлѣніе производилъ на короля видъ полей и садовъ, оставшихся необработанными. „Скажите мнѣ, откуда эти люди возьмутъ себѣ средства пропитанія въ будущемъ году?“ спрашивалъ онъ. Понятно, что одни денежные подарки не могли помочь горю. Король скоро уѣхалъ, но бѣдствіе продолжалось попрежнему. Въ февралѣ 1846 года въ газетѣ *Echo vom Memelufer* помѣщено было извѣстіе, что въ Лыкскомъ округѣ смертность не только не прекращается, но все приближается къ той степени, которой она достигла во время моровой язвы 1709 и 1710 годовъ. Тогда она доходила до 12% всего населенія, а теперь дошла до 8%. Это извѣстіе обошло всѣ берлинскія газеты съ прибавкой увѣреній, что Мазуры обречены на быстрое вымираніе: нищета, голодъ, болѣзни, страшная дороговизна, отсутствіе работы, недостатокъ въ деньгахъ, морозы, должны были привести Мазуровъ къ конечной гибели. *Штеттинскія Биржевыя Вѣдомости* уже предлагали планъ раздачи доменъ въ мазурскихъ округахъ нѣмецкимъ колонистамъ. Тогда польскій евангелическій проповѣдникъ Гизевіусъ напечаталъ въ *Lyker Unterhaltungsblatt* (№ 7) статью подъ заглавіемъ: *Finis Masoviae!* гдѣ онъ говорилъ, что еще далеко до конечной погибели Мазуровъ: вопервыхъ, Мазуры занимаютъ въ Пруссіи много другихъ гораздо большихъ округовъ нежели Лыкскій; вовторыхъ, смертность во время моровой язвы доходила до 33%, а въ Олецковскомъ и Ангербургскомъ округахъ до 75%.

Этотъ пасторъ Гизевіусъ вскорѣ сдѣлался горячимъ защитникомъ польскаго элемента среди Мазуровъ. Когда событія 1846 года въ Галиціи и въ Познани подняли прусскихъ патріотовъ противъ всего населенія, говорившаго по-польски, и познанскихъ Поляковъ обвиняли не только въ панславизмѣ, но даже и въ руссоманіи, * Гизевіусъ, защищая Мазуровъ отъ подобныхъ же обвиненій, писалъ, 25-го февраля 1847 года, военному министру фонъ-Бойену, что всѣ движе-

---

* Срв. *De la Russomanie dans le Grand Duché de Posen*, par Eugène Breza (Madame Dziubinska).

нія 1846 года остались совершенно чужды мазурскому населенію, послалъ ему при этомъ 1500 экземпляровъ своего перевода на польскій языкъ патріотическихъ прусскихъ пѣсенъ: *Der Preussen drei; Heil dir im Siegerkranz; Der König lebe hoch! Kennt Ihr das Land, so wunderschön?* и другія, и просилъ раздать ихъ польскимъ солдатамъ прусской арміи, увѣряя министра, что патріотическія пѣсни на языкѣ матери болѣе всего способны внушить солдатамъ чувство гражданскаго мужества и военной чести. Но 19-го апрѣля военное министерство отвѣчало Гизевіусу отказомъ. Полученныя вслѣдъ затѣмъ письма отъ берлинскихъ друзей объяснили Гизевіусу, что военное министерство имѣетъ при этомъ въ виду общую систему германизаціи польскаго населенія въ Пруссіи; что польскіе солдаты, обнаруживающіе быстрые успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ, получаютъ отъ министерства денежныя преміи, и что главный представитель этой системы Флоттвелль неблагосклонно отнесся къ переводамъ Гизевіуса, не находя чтобъ они могли облегчить сліяніе Мазуровъ съ нѣмецкою народностью. Гизевіусъ не остановился на этой попыткѣ поддержать польскій языкъ въ Пруссіи. Онъ вступилъ въ полемику съ Герстомъ, который, будучи сыномъ школьнаго польскаго учителя въ деревушкѣ, лежавшей близь польско-русской границы, германизировалъ свое польское имя (Gièrsz — петрушка, сельдерей; Gerste, ячмень) и ревностно служилъ дѣлу германизаціи Мазуровъ. Послѣ долголѣтней практики своей, Герстъ напечаталъ въ *Кенигсбергской Газетѣ* статью: *Объ успѣхахъ нѣмецкаго языка у Мазуровъ.* Онъ говорилъ: „въ округахъ и селеніяхъ, въ которыхъ за 15—20 лѣтъ едва можно было найдти одного человѣка, говорящаго по-нѣмецки, теперь большею частію живутъ люди знакомые съ этимъ языкомъ. Стóитъ только заглянуть въ приходы: Goldapp, Gurnen, Szabienen, Benkheim, Buddern, Angerburg, Rosengarten, Stürlack, чтобъ убѣдиться въ успѣхахъ германизма въ ихъ округахъ. Въ Буддернѣ, который прежде былъ совершенно польскимъ, теперь половина дѣтей не говоритъ по-польски. Когда я въ 1842 году проѣзжалъ чрезъ эту мѣстность, то видѣлъ семейство, гдѣ старики говорили только по-польски; дочь въ школѣ выучилась по-нѣмецки, и какъ она стала постоянно употреблять этотъ языкъ дома, то скоро и другія дѣти стариковъ, а равно и внучата стали говорить по-нѣмецки; даже сами

старики научились кой-чему по-нѣмецки. Въ деревнѣ Большой Стюрлакъ, за пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, кромѣ семействъ ректора и пастора, едва ли было еще 16 человѣкъ, говорящихъ по-нѣмецки; въ 1846 году было уже 307 человѣкъ, знавшихъ по-нѣмецки, 213 только по-польски и 2 глухонѣмыхъ; изъ нихъ только 12 не понимаютъ по-польски, остальные же говорятъ на обоихъ языкахъ, и во всемъ приходѣ этой деревни, насчитывающемъ 1514 душъ, только 40 человѣкъ не знаютъ по-польски. Изъ этого можно видѣть, что польскій языкъ не вытѣсняется нѣмецкимъ; послѣдній только распространяется подлѣ перваго: знаніе двухъ языковъ есть уже великій шагъ впередъ. Необходимость знанія нѣмецкаго языка сознаютъ и сами Мазуры. Недавно я говорилъ съ угольщикомъ Тихимъ изъ Мертенгейма, который послалъ дочь свою предъ конфирмаціей въ Растенбургъ,—хотя она уже очень хорошо выучилась по-нѣмецки въ нашей школѣ,— не только для перенятія лучшихъ манеръ, но и для усовершенствованія въ нѣмецкомъ языкѣ. „Стыдно," говорилъ мнѣ старикъ, „не знать по-нѣмецки; и я не разъ покраснѣю въ „землѣ оттого, что самъ не выучился вашему языку." Частыя поѣздки Мазуровъ въ города, особенно въ Кенигсбергъ, для продажи своихъ произведеній, приносятъ въ этомъ отношеніи несомнѣнную пользу. Успѣшнѣе всего пойдетъ распространеніе нѣмецкаго языка среди Мазуровъ, когда образованный классъ ихъ будетъ говорить во всѣхъ случаяхъ по-нѣмецки: и безъ того уже значительная часть сельскаго населенія въ Мазовіи знакома съ этимъ языкомъ. Не малую также помощь оказываютъ германизаціи частыя сношенія Мазуровъ съ нѣмецкими согражданами, глубоко вошедшая въ народную жизнь военная повинность, постоянное переселеніе въ наши края нѣмецкихъ семействъ и выселеніе прежнихъ владѣльцевъ въ южныя и западныя провинціи. Великая Врона, деревня въ Лотценскомъ приходѣ, которая прежде была населена почти одними Поляками, теперь большею частію занята природными Нѣмцами. Послѣдніе выбираютъ особенно тѣ общины, гдѣ существуетъ дѣлимость поземельныхъ владѣній. Отсюда можно заключать, что существованіе отдѣльныхъ хозяйствъ есть лучшее средство для распространенія нѣмецкаго элемента. Такъ въ сѣверныхъ частяхъ Мазовіи, гдѣ дѣйствуетъ система личнаго пользованія поземельною собственностью, нѣтъ почти деревни, гдѣ бы не бы-

ло нѣмецкихъ поселенцевъ. Сильное вліяніе на распространеніе германизма будетъ имѣть раздача королевскихъ доменъ малыми участками переселяющимся сюда Нѣмцамъ; точно такъ же какъ теперь имѣетъ это вліяніе крѣпость Бойенъ, устраиваемая при Лотценѣ, особенно на ближайшіе къ ней приходы. Но еще сильнѣе дѣйствовали съ этою цѣлью и будутъ дѣйствовать школы, гдѣ съ нѣкотораго времени учатъ и учатся только по-нѣмецки. Для самихъ Мазуровъ распространеніе нѣмецкаго языка между ними должно имѣть высокое нравственное значеніе, сливая ихъ съ остальными согражданами общаго имъ всѣмъ отечества; для всего же германскаго міра успѣхи нѣмецкаго языка здѣсь должны имѣть огромное политическое значеніе, ибо наша страна составляетъ восточные предѣлы его, смежныя съ Россіей. Заключу словами Миттермайера, президента второй баденской палаты: „Господи! благослови и защити прежде всего „наше великое отечество — Германію; да царствуетъ въ „ней согласіе и духовное единство, и да утверждается между „согражданами довѣріе и любовь къ нему при помощи раз„умныхъ учрежденій и постановленій."

Гизевіусъ отвѣчалъ Герсту въ №№ 24, 25 и 26 *Лыкской Газеты*. Онъ началъ съ указаній на нравственное значеніе природнаго языка въ сношеніяхъ между людьми различныхъ мѣстностей; затѣмъ уже перешелъ къ статьѣ Герста. „Я понимаю, писалъ Гизевіусъ, какъ пріятно должны звучать для нѣмецкихъ ушей его слова, и какъ трудно положеніе защищающаго польскій языкъ передъ толпой нѣмецкихъ учителей." Упомянувъ далѣе о средствахъ, какими свершалось дѣло германизаціи, онъ продолжалъ. „Отъ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ за нѣмецкою школьною лавкой, до могилы идетъ всю жизнь бѣдный Мазуръ, окруженный плохо объясняющимися съ нимъ пасторами и нѣмецкими чиновниками. Говорятъ, что дѣло вовсе не идетъ о томъ, чтобы вытѣснить польскій языкъ, но чтобы только подлѣ него ввести и языкъ нѣмецкій. Это наглая ложь! Безнравственно проводить подъ такимъ прикрытіемъ въ школѣ и въ жизни, теоретически и практически, мысль о счастіи жить въ объятіяхъ германизма; безнравственно разчитывать такимъ образомъ на человѣческую слабость своихъ братьевъ, на могущество затруднительныхъ обстоятельствъ надъ умами угнетенныхъ.... Но допустимъ, что такіе германизаторы, какъ Герстъ, заботятся лишь объ

ознакомленіи Мазуровъ съ нѣмецкимъ языкомъ; естественнымъ послѣдствіемъ этихъ заботъ будетъ сперва преобладаніе нѣмецкаго языка надъ польскимъ, потомъ постепенное вымираніе послѣдняго. Двуязычіе народа (я разумѣю низшіе классы) есть безсмыслица, физическая невозможность, которая не будетъ продолжительна: либо тотъ, либо другой языкъ долженъ уступить. Ясно, что при той системѣ, которую предлагаетъ Герстъ, насильственная смерть выпадетъ на долю польскаго языка. Мазурскій крестьянинъ, всегда бывшій цвѣтомъ польской народности, могъ бы служить посредникомъ между нѣмецкимъ протестантизмомъ и польскимъ католицизмомъ. Можетъ ли онъ исполнить эту роль, когда евангелическіе учители его возбуждаютъ въ немъ страшную ненависть и сами питаютъ ее въ себѣ и ко всему что есть польскаго? Развѣ не видимъ мы теперь примѣровъ, что Мазуры, долженствующіе совершить конфирмацію, ѣдутъ въ Польшу часто на четыре дня разстоянія отъ мѣста ихъ жительства, чтобы получить благословеніе отъ духовенства одного съ ними вѣроисповѣданія и одного языка? Въ нашей странѣ есть семинарія для польскихъ учителей; но въ продолженіе пятнадцатилѣтняго существованія своего, она воспитывала только природныхъ Нѣмцевъ, выпуская ихъ съ весьма слабыми признаками знанія польскаго языка. Въ нашихъ школахъ употребляются различныя наказанія для учениковъ за польскіе разговоры не только съ своими товарищами во время ученья, но даже и въ домѣ ихъ родителей. Въ этихъ школахъ дѣтскія книги, евангельское чтеніе, церковное пѣніе, катихизисы—все служитъ одной цѣли. Въ нашей странѣ радуются тому, что при помощи раздѣленія поземельной собственности общинъ раззоряются природные ихъ поселенцы, и обогащаются пришельцы. Можно думать, что нашъ народъ дѣйствительно такъ забитъ тяжелыми обстоятельствами, что рѣшится бросить свой природный языкъ. Мертенгеймскихъ угольщиковъ много среди насъ. А еще мы любимъ льстить себѣ, называясь народомъ, принадлежащимъ къ великому славянскому племени." Но всѣ жалобы Гизевіуса были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Его мысль о томъ, что евангелики-Мазуры могутъ служить связью между польскимъ католицизмомъ и нѣмецкимъ протестантизмомъ осталась одною фантазіей. Сами Поляки считали евангеликовъ диссидентами и враждебно относились къ

попыткамъ замѣнить при богослуженіи латинскій языкъ народнымъ. Года два тому назадъ, въ мѣстечкѣ Шнейдемюлѣ, ксендзъ Черскій провозгласилъ, при содѣйствіи своихъ прихожанъ, пять главныхъ пунктовъ своего ученія: независимость отъ папской власти, уничтоженіе безбрачія духовныхъ лицъ, уничтоженіе исповѣди, пріобщеніе подъ обоими видами, отправленіе богослуженія на народномъ языкѣ. Когда Черскій въ одной изъ евангелическихъ церквей Познани, при огромномъ стеченіи народа, сталъ проповѣдывать свое ученіе, то прусскому же правительству пришлось защищать нововводителя и его послѣдователей отъ народнаго фанатизма, возбужденнаго познанскимъ епископомъ и католическою партіей. Болѣе 1.000 человѣкъ между католиками, имѣвшими вліяніе въ той мѣстности, участвовали въ заговорѣ; болѣе 6.000 человѣкъ простаго народа пришли слушать новаго проповѣдника: жизни Черскаго грозила опасность; пришлось спасать его при помощи выстрѣловъ. Недолго могли Мазуры простоять на распутіи между католиками-Поляками и протестантами-Нѣмцами. Свобода евангелической церкви въ Пруссіи и преимущество нѣмецкаго языка въ ея государственной и общественной жизни заставляли Мазуровъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе примыкать къ нѣмецкой народности.

Неменѣе жалкая участь ожидала польскую народность и въ верхней, то-есть южной, Силезіи.

Между Поляками и Нѣмцами, живущими тамъ съ давняго времени, ходитъ пословица: „Онъ сидитъ, словно на нѣмецкой проповѣди“ („er sitzt da, wie in der deutschen Predigt“). Говорятъ, что происхожденіе этой пословицы относится къ началу XV вѣка. Въ 1410 году польскій король Ягайло отправилъ къ сосѣду своему, чешскому королю Вацлаву, пословъ для переговоровъ о дѣлахъ съ Нѣмецкимъ орденомъ. Въ первомъ же изъ засѣданій Чехи заговорили по-нѣмецки; тогда Ягайловы послы, несмотря на то что бо́льшая часть изъ нихъ была знакома съ нѣмецкимъ языкомъ, стали уходить одинъ за другимъ изъ засѣданія. На вопросъ Вацлава, зачѣмъ они такъ поступаютъ, они ему отвѣчали: „мы слышимъ здѣсь нѣмецкую проповѣдь, а потому какъ Поляки, не обязанные знать этотъ языкъ, идемъ туда гдѣ будутъ проповѣдывать по-польски.“ Эти слова пословъ разнеслись по всей Польшѣ и обратились окончательно въ пословицу, будучи примѣнены къ обычаю, существовавшему въ церк-

вахъ большихъ городовъ еще съ XIV вѣка,—произносить проповѣди не только по-польски, но и по-нѣмецки. Значительное число нѣмецкихъ колонистовъ почти во всѣхъ воеводствахъ старой Польши, вліяніе Нѣмецкаго ордена въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, введеніе нѣмецкаго городскаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже имперскаго права, перенесеніе на польскую почву многихъ церковныхъ и государственныхъ учрежденій, заимствованныхъ изъ сосѣдней Германіи, — лишили вышеприведенную пословицу ея дѣйствительнаго значенія. Въ XVI и XVII вѣкахъ уже нерѣдко слышатся жалобы со стороны польскихъ патріотовъ на преобладаніе нѣмецкаго языка не только въ дѣлахъ церкви, но даже и въ общественной жизни: не только были такіе монастыри въ старой Польшѣ (особенно въ западныхъ ея воеводствахъ), гдѣ аббатами могли быть одни Нѣмцы; но даже въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ встрѣчались такія должности, которыя были исполняемы преимущественно Нѣмцами.* Во второй половинѣ XVII столѣтія

---

* *Geschichte der deutschen Sprache in Polen*, von Karl Mecherzinski, въ Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. IV Jahrg. 1846, V u. VI Heft. s. 221—226; 244 — 248. *Anhang über den Ursprung des Sprüchworts*: „er sizt da, wie in der deutschen Predigt," von J. Muczkowski (обѣ статьи переводъ изъ краковскаго *Dwu Tygodnika*, за тотъ же годъ), стр. 248—252. Срв. Tzschoppe und Stenzel, *Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Colonisten und Rechte in Schlesien und der Oberlausitz.* Hamb. 1832. Янъ Остророгъ въ своемъ рукописномъ сочиненіи: *Pro Reipublicae ordinatione*, которое онъ долженъ былъ представить на одинъ изъ сеймовъ польскихъ, еще въ XV вѣкѣ говорилъ: Qui rempublicam administratis, o proceres! quomodo hactenus estis stupidi, ut sitis passi, per monasteria, dotibus et obventionibus maiorum nostrorum dotata, quaeque de bonis Polonorum et in eorum terra aluntur, Polonos vestros refutari et a religione repelli, forte ideo, quia constitutionem habeant: non nisi Almanos recipi in sua monasteria! Constitutio haec est ridicula et cassatur per canones. Quis enim libero Polonorum regno, cujus princeps superiorem non agnoscit, hujusmodi jugum injicere potest falso constitutionum praetextu? Non ergo patiamini amplius, strenui viri! Si modo viri esse vultis, Polonorum genus, ab Almanis, et his quidem rudibus et effeminatis monachis, illudi et falsa decipi religione." (§ XX De monachis coenobio accipiendis). Или (§ XII: de concionibus lingua Almanorum). „O rem indignam, omnibus Polonis ignominiosam? In templis nostris lingua Thev-

шведскій король Карлъ X, завоевывая польскія провинціи одну за другою и опираясь на шляхту, враждовавшую съ Яномъ-Казиміромъ, мечталъ объ образованіи большаго протестантскаго государства, для котораго бы Балтійское море было Средиземнымъ, думалъ также обратить Познань, Мазовію и Литву въ вѣчныя владѣнія этого полунѣмецкаго, полушведскаго государства. Его планъ не удался; но событія показали, что германскій элементъ можетъ имѣть надежду на успѣхъ въ пограничныхъ провинціяхъ Польши. Въ XVIII столѣтіи, въ продолженіе всей Сѣверной войны, при избраніи Августа III на польскій престолъ, во время войны Семилѣтней, западныя провинціи Польши часто испытывали вторженіе нѣмецкаго элемента. Бо́льшая часть Силезіи, которая еще въ XII вѣкѣ стала переходить отъ Поляковъ къ Чехамъ, а чрезъ послѣднихъ перешла къ Габсбургскому дому, частію распроданная саксонскимъ курфирстамъ, и потомъ завоеванная Фридрихомъ Великимъ у Маріи Терезіи, была почти совершенно онѣмечена. Лишь южная часть ея отъ Ополья (Oppeln) до Опавы (Troppau) и Кракова оставалась населенною польскимъ и отчасти чешскимъ племенемъ. Но въ какомъ жалкомъ положеніи находилось это населеніе, трудно себѣ и представить. Нѣмцы называли его Водными Поляками (Wasser-Polaken) и говорили, что языкъ его чрезвычайно далекъ отъ польскаго литературнаго; тогда какъ польскіе ученые считали языкъ Силезцевъ древнѣйшимъ нарѣчіемъ польскимъ. Какъ бы то ни было прусское правительство никогда не думало о введеніи польскаго языка въ школахъ южной Силезіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по переходѣ къ Пруссіи, Силезія испытала на себѣ знакомую намъ систему управленія министра фонъ-Гойма. Почти всѣ коронныя имѣнія ея были розданы въ руки нѣмецкихъ помѣщиковъ. Богатая пажитями, удобная для овцеводства, Силезія сильно привлекала къ себѣ прусскихъ феодаловъ. И теперь, въ берлин-

tonica multis in locis praedicatur, et quod iniquius, in loco suggesto ac digniori, ubi una tantum anus duaeve auscultant, plurimis Polonis in angulo quopiam cum suo concionatore constrictis. Quoniam autem, sicut inter quaedam alia fit, ita *inter has duas linguas natura veluti quandam perpetuam discordiam odiumque insevit naturale*, hortor: ne in Polonia sermo iste praedicetur. Discant polonice loqui, si qui Poloniam habitare contendunt; nisi adeo stupidi esse volumus, ut, vel ab ipsis Almanis de nostro idiomate idem fieri, non percipiamus."

скомъ парламентѣ такъ-называемая феодальная фракція состоитъ большею частію изъ силезскихъ помѣщиковъ: прогрессисты жалуются, что реакціонная партія получаетъ лучшіе свои резервы изъ польскихъ округовъ Силезіи. Между тѣмъ „по самымъ достовѣрнымъ исчисленіямъ" (такъ писалъ въ сороковыхъ годахъ одинъ изъ нѣмецкихъ пасторовъ верхней Силезіи), „число жителей этой провинціи, говорящихъ только по-польски и не понимающихъ по-нѣмецки, доходитъ до 600.000 человѣкъ. * Но ни въ одной гимназіи, ни даже въ учительской семинаріи въ верхнемъ Глогау, которая приготовляетъ наставниковъ для сельскаго населенія, не преподаютъ польскаго языка. Сельчане находятся на самой низкой ступени образованія; землевладѣльцы управляютъ ими большею частію посредствомъ батога; вся жизнь ихъ близка къ жизни животныхъ. Самыя проповѣди въ селеніяхъ чисто-польскихъ рѣдко говорятся на польскомъ языкѣ, да и то не безъ замѣтнаго пособія со стороны лексиконовъ. Стóитъ только гдѣ-либо двумъ или тремъ человѣкамъ пожелать проповѣди на нѣмецкомъ языкѣ, и польская проповѣдь навсегда прекращается въ томъ селеніи. Окружной начальникъ Леобшуцкаго округа, фонъ-Сѣдльницкій, приказывалъ каждому вновь поступавшему въ его округъ священнику говорить проповѣди только на нѣмецкомъ языкѣ. Инспекторъ школъ того же округа, Станекъ, требовалъ того же самаго." На одномъ изъ сеймовъ Силезіи кто-то заговорилъ о необходимости ввести польскій языкъ въ школахъ, церквахъ и судахъ южныхъ округовъ этой провинціи, но встрѣтилъ единодушное сопротивленіе со стороны остальныхъ членовъ сейма. Сами крестьяне охотно шли въ нѣмецкія судилища, зная изъ преданій, что судебныя взысканія и пошлины въ старой Польшѣ были выше нежели въ нѣмецкомъ судопроизводствѣ. Польское населеніе Силезіи не имѣло даже и той поддержки, какая была у Мазуровъ въ Восточной Пруссіи: среди него не было никакихъ слѣдовъ интеллигенціи,—ни замѣчательныхъ писателей, ни ревностныхъ священниковъ. Сами помѣщики, хотя польскаго происхожденія, но уже давно онѣмечившіеся, поставляли за правило въ своихъ

---

* Прусское правительство имѣетъ обычай людей, выучившихся говорить по-нѣмецки, относить въ своей статистикѣ къ германскому племени, хотя бы они были другаго происхожденія.

приходахъ не вѣнчать крестьянъ, если женихъ и невѣста не сумѣютъ произнести по-нѣмецки нѣсколькихъ фразъ изъ катихизиса. Между Силезцами, говорившими по-польски, считалось въ 1844 году 120.000 евангеликовъ, при 50 церквахъ и 40 проповѣдникахъ, изъ которыхъ ни одинъ не зналъ по-польски. Что касается католическихъ общинъ, то крайняя бѣдность не позволяла имъ заводить на свой счетъ школъ: учредители же школъ, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и патронами мѣстныхъ церквей, усердно хлопотали о распространеніи нѣмецкаго языка.

Въ 1848 году и въ Силезіи явились защитники польскаго языка, подобные Гизевіусу, дѣйствовавшему среди Мазуровъ, и Мронговіусу,—среди Кашубовъ. Благосклонная переписка министра народнаго просвѣщенія Эйхгорна съ Мронговіусомъ подала имъ надежду на введеніе польскаго языка въ Бреславской семинаріи, въ Нейсской и Ратиборской гимназіяхъ. Но все было напрасно: въ томъ же году на общемъ государственномъ собраніи чиновъ всего Прусскаго королевства депутатъ изъ верхней Силезіи, Водичка,—по поводу петиціи, поданной депутатомъ изъ Познани, Шуманомъ, польскаго происхожденія по матери, о введеніи польскаго языка въ школахъ и судахъ тѣхъ округовъ, гдѣ живутъ Поляки,—объявилъ во всеуслышаніе: „Мы, жители верхней Силезіи, не принадлежимъ къ какой-либо особенной народности; сосѣдніе съ нами Поляки давно уже не смотрятъ на насъ какъ на своихъ братьевъ; мы, верхне-Силезцы желаемъ, чтобы соотечественники смотрѣли на насъ какъ на нѣмецкихъ собратій своихъ, какъ на Пруссаковъ.“ Послѣ событій 1848 года прусское правительство навсегда изгнало изъ школъ Силезіи преподаваніе польскаго языка.

Такъ постепенно, но энергически, отрывали Нѣмцы отъ польской народности евангеликовъ-Мазуровъ, Кашубовъ и силезскихъ Поляковъ. Только въ одной Познани польская народность еще продолжаетъ бороться съ наплывомъ германизаціи.

НИЛЪ ПОПОВЪ.

ВОСПИТАНІЕ НАРОДА.

Въ недавнее время, и въ особенности года два тому назадъ, вопросъ о народномъ образованіи стоялъ въ нашей журналистикѣ на первомъ планѣ, и подавалъ поводъ къ писанію длинныхъ статей и преимущественно къ сообщенію извѣстій, хотя и краткихъ, но въ высшей степени утѣшительныхъ и даже умилительныхъ: всѣ степи, всѣ села, всѣ деревушки наполнились школами; крестьяне жаждутъ книжнаго ученія и не жалѣютъ никакихъ денегъ на постройку школъ и на плату учителямъ, а сельское духовенство великодушно вызывается учить безвозмездно. Всеобщее ликованіе было такъ громко, что не могло не вызвать подозрѣнія, или по крайней мѣрѣ нѣкотораго сомнѣнія въ достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ, въ тѣхъ людяхъ, которые имѣли случай видѣть какъ дѣла дѣлаются на мѣстѣ, и которые помнятъ подобные же громкіе хоры о вольнонаемномъ трудѣ и сообщенное одною газетой описаніе воочію совершившагося чуда, какъ одинъ помѣщикъ съ пятью батраками обрабатывалъ чуть ли не по 100 десятинъ въ клину. Публика знаетъ, что вышло изъ опытовъ примѣненія вольнонаемнаго хозяйства въ настоящее время, и мы слышали, что этотъ образцовый помѣщикъ черезъ полгода продалъ свое имѣніе. Но въ то время заявить печатно сомнѣніе въ возможности успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства посредствомъ наемныхъ батраковъ, при обширности нашихъ

запашекъ, при высокихъ цѣнахъ на трудъ и низкихъ на произведенія этого труда и при множествѣ другихъ обстоятельствъ враждебныхъ развитію свободныхъ отношеній, значило бы поднять на себя цѣлую бурю упрековъ въ отсталости, заслужить названіе крѣпостника и, пожалуй, подвергнуться обвиненію въ противодѣйствіи видамъ правительства. Подобнымъ образомъ выразить сомнѣніе и въ достовѣрности извѣстій о повсемѣстно-учреждаемыхъ сельскихъ школахъ, о пламенномъ рвеніи народа къ книжному просвѣщенію, значило подвергнуться не только обвиненію въ обскурантизмѣ, но, пожалуй, даже и во враждѣ или презрѣніи къ самому русскому народу. По словамъ иныхъ глашатаевъ нашей журналистики, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, крестьяне сами собой, безъ всякаго будто бы сторонняго побужденія и начальственнаго вмѣшательства, начали учреждать школы. Отчего же такое желаніе проявилось только у новыхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, но не проявлялось прежде и не проявляется теперь ни у крестьянъ государственныхъ, ни у городскихъ обывателей? Можетъ-быть у сихъ послѣднихъ уже заведены школы и процвѣтаютъ училища? Но мы знаемъ, что этого нѣтъ. Откуда же такое особое рвеніе со стороны временно-обязанныхъ крестьянъ? Правда, когда крестьянамъ роздали печатныя тетради Положенія, и когда они не могли удовлетворить своему любопытству иначе какъ при пособіи посторонныхъ чтецовъ, которымъ нужно было платить деньги, то они увидѣли, что гораздо было бы выгоднѣе прочесть самимъ; но этотъ силлогизмъ не простирался далѣе соображенія о выгодѣ.

Распространять грамотность, говорятъ намъ, значитъ распространять просвѣщеніе: школа должна доставлять нравственное и умственное превосходство, дѣлать человѣка лучше и обогощать его познаніями. Все это очень справедливо, но ничего этого не думаетъ нашъ крестьянинъ и даже нашъ городской житель изъ низшаго класса. Въ грамотномъ человѣкѣ онъ вовсе не встрѣчаетъ того превосходства, которое по теоріи должна была доставить ему школа. Между самими крестьянами встрѣчается много грамотныхъ, и эти грамотные не только не внушаютъ другимъ уваженія къ себѣ, или зависти, но даже и сами не высоко цѣнятъ свое преимущество. Дѣйствительно, механическое умѣніе чи-

тать и писать не доставляетъ имъ большой пользы, ибо читать нечего, а писать вовсе не приходится. Ариѳметика даже въ уѣздныхъ училищахъ не преподается на столько удовлетворительно, чтобы учившійся въ нихъ могъ самостоятельно справиться съ дробями и именованными числами, безъ чего простые счеты и бирки гораздо практичнѣе нежели цифры, употребляемыя ошибочно. Итакъ, въ хозяйственномъ отношеніи крестьянинъ не видитъ пользы отъ той грамотности или полуграмотности, которою надѣляютъ народныя школы своихъ воспитанниковъ. Въ другихъ отношеніяхъ практической жизни положеніе грамотнаго также не представляетъ особенныхъ преимуществъ: онъ, конечно, самъ можетъ прочесть и написать письмо съ поименными поклонами всѣмъ теткамъ, невѣсткамъ, золовкамъ, кумовьямъ и внучатнымъ братьямъ, но за то во всѣхъ юридическихъ случаяхъ, при всѣхъ слѣдствіяхъ, при всѣхъ наѣздахъ *межемѣровъ* и другихъ чиновниковъ, положеніе грамотнаго самое жалкое. Его заставляютъ читать, чего онъ самъ не понимаетъ, и подписывать не только за себя, но и за другихъ, которые имѣютъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что могутъ, въ случаѣ опасности, отговориться своею темнотою, т.-е. незнаніемъ грамоты. Можно возразить, что все это относится только къ неудовлетворительному обученію грамотѣ, но что еслибы школы были устроены хорошо, то и обученіе грамотѣ приводилъ бы къ практическимъ результатамъ. Но вы сами читатель, вы которые учились въ хорошей школѣ, вы которые читаете газеты, и можетъ-быть даже пишете для нихъ статьи, много ли вы поняли изъ того полеваго журнала землемѣра по спеціальному размежеванію, который вы скрѣпляли по листамъ не читая, или какъ представился вамъ крестьянскій вопросъ, когда вы въ первый разъ прочли мѣстное Положеніе и Положеніе о выкупѣ, пока вамъ не растолковали ихъ другіе? Дѣло въ томъ, что для практической жизни, чтобы пользоваться грамотностью, даже самою бойкою, нужно соблюденіе множества другихъ условій, которыя не зависятъ отъ сельской школы, какъ бы превосходно она ни была устроена. Но возвратимся къ тому взгляду, который имѣетъ крестьянинъ на дѣйствительно грамотнаго человѣка. Какое понятіе о нравственной и умственной пользѣ грамотности можетъ онъ себѣ составить по лицамъ всего ближе къ нему стоящимъ и вполнѣ обладающимъ грамотностью, какъ

гражданскою, такъ и церковною? Какъ бы ни были сложны посторонвія причины, обусловливающія положеніе этихъ лицъ, мы видимъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они не внушаютъ къ себѣ въ народѣ того уваженія, какое должно быть принадлежностью ихъ званія. Наконецъ, крестьянинъ видитъ около себя и господъ, обладающихъ не только русскою, но и разною нѣмецкою грамотностью, у которыхъ тѣмъ хуже идетъ хозяйство, чѣмъ болѣе они совѣщаются съ книгами, и нерѣдко слышимъ что какой-нибудь безграмотный купецъ, содержатель мельницы или лѣса, взыскалъ съ многограмотнаго барина огромную неустойку, потому что приказный Ризположенскій написалъ какую-то бумагу, которую грамотные господа-судьи не разобравши подписали. Ежедневныя явленія подобнаго рода заставляютъ дѣлать практическій выводъ, что грамотность полезна только для Ризположенскихъ, а что для прочихъ смертныхъ, и даже для весьма богатыхъ, она составляетъ дорогую и опасную роскошь. Не принимайте въ буквальномъ значеніи словъ крестьянина, когда онъ вамъ говоритъ: мы люди темные, вамъ это виднѣе, вѣдь вы люди ученые; въ большей части случаевъ, онъ этого не думаетъ, а хочетъ только испытать степень вашей наивности.

Противоположные взгляды на пользу грамотности происходятъ отъ того, что одни видятъ въ ней цѣль, а другіе средство. Грамотность, въ глазахъ образованнаго человѣка, есть первая ступень, первый шагъ на пути къ просвѣщенію и умственному развитію, то-есть она есть средство для достиженія другой высшей цѣли. Въ глазахъ простолюдина она есть извѣстное умѣнье, родъ ремесла довольно полезнаго, но не играющаго важной роли въ его обыденной жизни, а потому и не слишкомъ имъ цѣнимаго. Связи между грамотностью и высшею цѣлью онъ не видитъ и видѣть не можетъ, среди того гражданскаго и общественнаго порядка, который его окружаетъ. Книжное обученіе не можетъ въ его жизни занимать такого мѣста, чтобы вопреки этимъ постороннимъ вліяніямъ возвысить его нравственно и умственно, потому что и въ средѣ достаточныхъ и даже высшихъ классовъ это книжное обученіе весьма часто оказывается въ этомъ отношеніи безсильно; происходитъ ли это безсиліе отъ несовершенствъ книжнаго обученія или отъ преобладанія враждебныхъ ему элементовъ мы разбирать не станемъ,

но указываемъ на него только какъ на не подверженное спору явленіе. Итакъ, грамотность есть ключъ, отпирающій дверь въ другую сферу, порогъ, черезъ который необходимо перешагнуть, чтобы вступить въ нее, и польза грамотности заключается, слѣдовательно, не въ ней самой, а въ свойствахъ той сферы, среди которой грамотный человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ. Самый недальновидный прогрессистъ не станетъ утверждать, что цѣлью обученія грамотѣ крестьянъ должно быть обращеніе ихъ къ другимъ занятіямъ, совершенно чуждымъ ихъ быта. Онъ думаетъ только, что въ грамотности заключается такая сила, которая можетъ внезапно измѣнить этотъ бытъ въ матеріяльномъ отношеніи и возвысить его въ умственномъ и нравственномъ. Заблужденіе это имѣетъ источникомъ желаніе общей пользы; мы вполнѣ уважаемъ это желаніе, но должны все-таки назвать его заблужденіемъ, потому что не признаемъ въ механическомъ умѣньи читать и писать той магической силы, которую, можетъ-быть безсознательно, нѣкоторые ему приписываютъ. Эпитетъ *механическаго* умѣнья долженъ принадлежать грамотности до тѣхъ поръ, пока она будетъ оставаться самостоятельною цѣлью и не получитъ значенія средства къ удовлетворенію другихъ, высшихъ, потребностей. Конечно, удовлетворяя эти потребности хорошо устроенная школа развиваетъ ихъ, выясняетъ, но она ихъ не создаетъ въ цѣломъ народѣ, а сама подчиняется условіямъ быта этого народа. Какія же это потребности? Первая духовная потребность народа есть потребность религіозная, вызываемая естественнымъ стремленіемъ человѣка объяснить себѣ причину и цѣль своего существованія, опредѣлить въ осязательной формѣ различіе добра и зла и т. д. Всегда и вездѣ, начиная Китаемъ, Индіей, древнимъ Египтомъ и оканчивая новыми Сѣверными Американскими Штатами, народныя школы были въ тѣснѣйшей связи съ народною религіей, и находились въ зависимости отъ духовенства. Вездѣ народная школа являлась дополненіемъ проповѣди и служила для передачи дѣтямъ тѣхъ вѣрованій, тѣхъ убѣжденій и тѣхъ правилъ, которыхъ держались отцы ихъ. И чѣмъ выше были эти вѣрованія, чѣмъ сильнѣе эти убѣжденія и чѣмъ чище эти нравственныя правила, тѣмъ успѣшнѣе шло развитіе школы. Въ наше время часто обращаютъ частный случай въ общій законъ, и на исключеніи желаютъ основать общее пра-

вило. Замѣчая, что современное католическое духовенство, изъ политическихъ цѣлей, стремится задерживать народное просвѣщеніе, многіе желаютъ освободить школы отъ вліянія всякаго духовенства и устранить изъ нихъ преподаваніе религіи; другіе, напуганные разными ненормальными и болѣзненными явленіями народной жизни, стремятся передать всѣ школы въ исключительную зависимость духовенства, съ внѣшнею консервативною цѣлью. Тѣ и другіе насилуютъ народную жизнь, прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ, дѣйствуютъ въ сферѣ призрачныхъ надеждъ и опасеній, и не достигаютъ успѣха; потому что не уважаютъ и не понимаютъ живыхъ и дѣйствительныхъ потребностей народа. Народъ не есть масса, надъ которою можно дѣлать эксперименты *in corpore vili*; но въ немъ есть условія жизни, съ которыми необходимо считаться, и которыя необходимо принимать въ соображеніе, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ эти условія заключались въ одной силѣ инерціи. Наши народолюбцы, избравшіе русскаго крестьянина игрушкой для удовлетворенія своего литературнаго тщеславія, пустили въ ходъ такое множество софизмовъ о нашемъ народѣ, что весьма трудно высказать самую опредѣленную мысль, не подавъ повода думать что увлекаешься какимъ-нибудь забавнымъ славянофильскимъ догматомъ. Между уваженіемъ къ народу и безусловнымъ поклоненіемъ мудрости мірскихъ сходокъ большое различіе, а между внимательнымъ изученіемъ народныхъ потребностей и безсмысленнымъ повтореніемъ разныхъ поговорокъ, случайно заимствованныхъ у пьяныхъ мужиковъ-балагуровъ, разстояніе неизмѣримое.

Итакъ, главною и основною потребностію, изъ числа тѣхъ, для удовлетворенія коихъ необходимы училища, мы должны признать потребность религіознаго ученія. Затѣмъ слѣдуетъ потребность въ знаніи своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей. Эта вторая потребность является какъ дополненіе первой и въ большей части случаевъ ей подчиняется. Религія, опредѣляя отношенія человѣка къ Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и отношеніе человѣка къ человѣку. Положительный гражданскій законъ, этотъ внѣшній источникъ частнаго права, въ общихъ своихъ чертахъ вполнѣ совпадаетъ съ основаніями христіанскаго ученія, а потому и весьма легко усвоивается если ученіе это сознается во всей

чистотѣ его. Остается еще одна потребность, для удовлетворенія коей, повидимому, предназначаются народныя школы,— это распространеніе техническихъ знаній. Простыя школы грамотности не могутъ удовлетворить этой потребности въ томъ размѣрѣ, въ какомъ ожидаютъ люди мало знакомые съ подробностями дѣйствительной жизни. Причина неудовлетворенія этихъ ожиданій заключается какъ въ разнообразіи самихъ знаній, такъ и въ томъ обстоятельствѣ, что въ практическомъ отношеніи учители не будутъ стоять выше своихъ учениковъ. Техническое ученіе въ школѣ полезно своею теоретическою стороной, то-есть изученіемъ тѣхъ законовъ природы, на коихъ основана успѣшность техническихъ пріемовъ. Для простой народной школы удовлетворительное усвоеніе этой теоретической стороны не доступно, по ея обширности, ибо такое усвоеніе предполагаетъ полное знаніе математики, физики и химіи, или по крайней мѣрѣ совокупное изученіе этихъ наукъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Мысль о распространеніи технологическихъ познаній, посредствомъ преподаванія ихъ въ народныхъ школахъ, относится къ области идиллическихъ мечтаній. Народная школа, поставленная въ тѣ благопріятныя и существенныя условія, о которыхъ мы говорили выше, не передастъ учащимся ни теоріи, ни практики технологіи, но она принесетъ имъ болѣе пользы, ибо выяснитъ основанія отношеній человѣка къ природѣ. Кругъ дѣйствія народныхъ школъ заключается въ разъясненіи отношеній человѣка къ Богу, къ ближнему и къ природѣ. На какой бы низкой степени умственнаго развитія народъ ни находился, онъ такъ или иначе объясняетъ себѣ эти отношенія. Объясненія эти онъ заимствуетъ не изъ книги, не изъ школы, а изъ самой жизни, изъ той среды, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Намъ остается заняться изученіемъ всего того, что̀ воспитываетъ нашего простолюдина внѣ школы, и разсмотрѣніемъ тѣхъ результатовъ, которые онъ выноситъ изъ этого воспитанія. Воспитаніе посредствомъ жизни чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на всѣхъ людей вообще, но оно несравненно сильнѣе вліяетъ на развитіе понятій простолюдина, по той весьма простой причинѣ что обученіе въ наилучшей народной школѣ не можетъ для него занимать такое мѣсто въ жизни какое занимаетъ университетское или другое высшее образованіе для молодыхъ людей изъ прочихъ званій.

Прежде нежели представить нагляднымъ образомъ дѣйствительную сферу, окружающую крестьянскаго мальчика отъ колыбели до его зрѣлаго возраста, необходимо объяснить обыкновенный составъ крестьянской семьи и указать на тѣ гражданскія и экономическія отношенія, которыя существуютъ между мущинами и женщинами въ крестьянскомъ быту. Самая простая форма состава семьи, то-есть мужъ, жена и дѣти, весьма рѣдко встрѣчается у крестьянъ. Можно надѣяться, что вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права и вслѣдствіе облегченія стѣснительныхъ распоряженій по вѣдомству государственныхъ имуществъ, форма эта сдѣлается современемъ и у крестьянъ столь же преобладающею какъ и у прочихъ сословій. Это только надежда на улучшеніе, которое до сего времени не имѣло мѣста и, слѣдовательно, не могло еще обнаружить свое дѣйствіе. До облегченія раздѣловъ, крестьянское семейство имѣло чрезвычайно сложную и разнообразную форму. Домохозяинъ занималъ въ немъ первое мѣсто; но этотъ домохозяинъ иногда былъ или дѣдъ, то-есть отецъ женатыхъ сыновей, имѣвшихъ своихъ дѣтей, или дядя, или старшій братъ, или, наконецъ, довольно отдаленный родственникъ. По принципу онъ распоряжался всѣмъ имуществомъ семейства или двора, и всѣ прочіе члены находились къ нему въ рабскихъ отношеніяхъ, то-есть не могли имѣть своей собственности, и все что они пріобрѣтали, не въ одномъ домашнемъ хозяйствѣ, но и посредствомъ постороннихъ заработковъ, должно было поступать въ полное его распоряженіе. Онъ былъ какъ бы собственникъ всего семейнаго имущества, и не однихъ только строеній, лошадей, скота и птицы, но даже и самой верхней одежды всѣхъ членовъ семейства. Мы говоримъ,—верхней одежды, потому что въ отношеніи къ бѣлью существуетъ особенный обычай. Мужъ, или глава семейства, обязанъ добывать себѣ и доставлять женѣ тулупъ, а жена обязана доставлять ему бѣлье и сукно на свитку. Шитье бѣлья лежитъ на обязанности жены, а шитье суконнаго платья и шубъ производится на счетъ домохозяина или мужа. Домохозяинъ обязанъ держать овецъ (уходъ за коими возлагается на женщинъ), чтобъ имѣть шерсть, и засѣвать извѣстное пространство земли льномъ и коноплей, изъ которыхъ берутся замашки для добыванія пряжи. Патріархальная общность имуществъ, или точнѣе сказать, присвоеніе всего имуще-

ства одному лицу домохозяина, господствуетъ въ полномъ смыслѣ; но рядомъ съ нею является и противорѣчіе. Женщины, какъ мы сказали, получаютъ отъ домохозяина только шубу, но всю прочую свою одежду и всѣ свои украшенія должны добывать сами, такъ что личную собственность имѣютъ только женщины и хранятъ ее въ особыхъ сундукахъ или клѣтяхъ. Если кому изъ городскихъ читателей случалось бывать въ началѣ лѣта въ деревнѣ, то онъ могъ видѣть зеленѣющіе со льномъ загоны, прорѣзанные узенькими бороздами или тоненькими чертами бѣлѣющей гречихи. Этими бороздами отдѣляются полосы льна, посѣяннаго домохозяиномъ въ личную собственность каждой женщины его двора. Изъ этой личной собственности замужнія должны доставлять бѣлье мужу и дѣтямъ, а не замужнія добывать себѣ все приданое, кромѣ тулупа, который, какъ мы уже сказали, доставляется домохозяиномъ. Такимъ образомъ, право личной собственности, отрицаемое для мущинъ, признается только для женщинъ, и это отрицаніе подаетъ поводъ ко множеству несообразныхъ и вредныхъ послѣдствій. Напримѣръ, мужъ (не домохозяинъ), возвращаясь съ посторонняго заработка, не имѣетъ права принести подарка женѣ или дѣтямъ и дѣлаетъ это всегда втайнѣ и украдкой. Если этотъ подарокъ заключается въ чемъ-нибудь съѣстномъ, то онъ съѣдается потихоньку, чтобы другіе не видали; если же это — нарядъ, то-есть платокъ, лента, бусы, серьги, и т. п., то жена выдаетъ ихъ за купленные ею самою. Такъ какъ подобнаго рода тайны сохраняемы быть не могутъ, то открытіе ихъ подаетъ поводъ къ ссорамъ и служитъ основаніемъ семейныхъ раздоровъ. Если домохозяинъ — дѣдъ, то раздоры эти не получаютъ большаго развитія, потому что онъ находится въ равномъ отношеніи къ своимъ внукамъ, и не имѣетъ своего собственнаго, отдѣльнаго семейства; если же это—дядя или старшій братъ, то весьма естественно, что собственная жена и собственныя дѣти ближе его сердцу, нежели дѣти братьевъ или дѣти племянниковъ, и что между ними ему невозможно сохранить безпристрастіе. Такое естественное нарушеніе безпристрастія со стороны домохозяина вызываетъ столь же естественное нарушеніе основнаго правила патріархальнаго общиннаго семейства со стороны прочихъ членовъ,—правила, по коему все ими пріобрѣтаемое, не только въ кругу домашняго хозяйства, но

даже и посредствомъ личныхъ постороннихъ заработковъ, должно поступать въ распоряженіе домохозяина, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ удѣлить что-либо или не удѣлить самому пріобрѣтателю, его женѣ и дѣтямъ. Такое семейное рабство, противорѣчащее природнымъ и семейнымъ отношеніямъ, поддерживалось только силой крѣпостнаго права, каравшею безъ различія всѣхъ ссорившихся и непокорныхъ авторитету домохозяина. Если страхъ наказаній предупреждалъ нѣкоторые раздоры, и вынужденная покорность вела къ поддержанію хозяйства, то ни то, ни другое не могло доставлять самостоятельность и развивать сознательное трудолюбіе, основанное на естественной привязанности человѣка къ своей семьѣ. Искусственное и сложное семейство не могло достигать высокой степени матеріяльнаго благосостоянія; но это еще составляетъ малѣйшій изъ его недостатковъ, а самый важный вредъ этого насилія заключается въ извращеніи нравственныхъ понятій, въ навыкѣ къ обману и даже къ воровству, съ самаго ранняго дѣтства,—порокамъ, не только не преслѣдуемымъ, но даже внушаемымъ со стороны родителей. Отецъ, возвращаясь изъ города, привозитъ калачъ, пряникъ или связку баранокъ своимъ дѣтямъ, но отдаетъ ихъ украдкой, чтобы не видалъ домохозяинъ или другія дѣти въ семействѣ, потому что деньги, на которыя это куплено, если онѣ пріобрѣтены честнымъ трудомъ, принадлежатъ не ему, а всему семейству; другое дѣло если эти деньги добыты не честнымъ, но ловкимъ путемъ, тогда онъ смѣло ими располагаетъ. Такъ напримѣръ: мужикъ ночью нарубилъ въ чужомъ лѣсу молодыхъ дубковъ, или стегъ, до свѣта свезъ ихъ въ городъ, продалъ знакомому мѣщанину, или даже просто на рынкѣ, потому что такая явно-воровская продажа не преслѣдуется нашими законами, и на эти деньги выпилъ и купилъ гостинцевъ; онъ смѣло и открыто отдаетъ женѣ и дѣтямъ эти гостинцы, потому что все краденое составляетъ его личную собственность, и домохозяинъ не только не станетъ упрекать его, но еще похвалитъ; а если эти гостинцы возбудятъ зависть въ другихъ ребятишкахъ, то онъ поставитъ вора въ примѣръ и скажетъ: „а твой отецъ чего дремалъ?“ и т. п. Каждая мать старается такимъ же путемъ пріобрѣсть что-нибудь лакомое для дѣтей на сторонѣ и дома. Пріобрѣтеніе на сторонѣ посредствомъ воровства не считается въ семействѣ проступкомъ, но взять что-либо

изъ семейнаго огорода, а тѣмъ болѣе изъ семейнаго запаса, для своихъ собственныхъ дѣтей влечетъ за собою брань и побои. Это противорѣчіе между чувствами матери и искусственною структурою мнимо-патріархальнаго семейства подаетъ поводъ къ самымъ ненормальнымъ явленіямъ: женщина робкая и по природѣ возмущающаяся воровствомъ лишается любви собственныхъ дѣтей, которыя въ той же избѣ видятъ другую мать надѣляющую своихъ дѣтей разными сластями. Такъ какъ женщинамъ гораздо рѣже приходится добывать на сторонѣ, то онѣ тащятъ все что плохо лежитъ у хозяина: *Богъ напиталъ, никто не видалъ*—есть поговорка самая распространенная и проистекающая изъ обычая домашняго воровства. Это воровство, имѣющее основаніемъ самыя естественныя чувства, служитъ причиною, что въ нашихъ селеніяхъ вы не увидите у крестьянъ огородовъ съ овощами кромѣ капустниковъ, потому что капусту нельзя дергать и ѣсть сырую: рѣпа, лукъ, морковь, огурцы и т. п. не удержатся у крестьянина въ огородѣ, еслибы онъ и сталъ заботиться объ ихъ разведеніи, и все необходимое въ этомъ родѣ онъ покупаетъ на рынкѣ, а потому и не можетъ имѣть въ изобиліи. Если при какомъ селѣ вамъ случится увидѣть огородъ съ такими овощами, то онъ навѣрное принадлежитъ или мѣщанину, который нанимаетъ эту землю, или отставному солдату, который имѣетъ время его караулить. Каждый крестьянинъ-домохозяинъ жалуется на такое расхищеніе столь необходимыхъ домашнихъ запасовъ, но не въ силахъ бороться съ обычаемъ составляющимъ необходимое послѣдствіе искусственнаго и насильственнаго состава семейства. Еслибы законъ и полицейскій надзоръ и были въ силахъ прекратить внѣшнее воровство, то они никогда не будутъ въ силахъ прекратить воровство внутри самихъ семействъ, пока эти семейства не примутъ той формы, которая имъ указана природой. Говоря объ этихъ несообразностяхъ, мы имѣемъ въ виду не происходящій отъ нихъ матеріяльный убытокъ въ хозяйствѣ, но главнымъ образомъ то нравственное впечатлѣніе, которое онѣ производятъ на подрастающее поколѣніе. Опредѣленная форма нравственнаго проступка для крестьянина выражается словомъ—грѣхъ. Воровство есть грѣхъ, говорятъ ребенку; ему говорятъ также, что грѣхъ—ѣсть скоромное въ постные дни. Ребенокъ видитъ, что послѣднее правило никогда не нарушается его близкими наставни-

ками, но что за нарушеніе перваго караютъ только посторонніе люди; что отецъ его постоянно ѣздитъ воровать въ лѣсъ, что даже священника застали въ лѣсу съ дровами, что дѣдъ его хвалитъ тѣхъ изъ сыновей, которые не возвращаются съ барщины съ пустыми руками, а привозятъ два, три снопа овса, ржи или пшеницы, подъ предлогомъ соломенкой постилки въ телѣгѣ; что дѣдъ его, или дядя поколотилъ его мать, когда засталъ ее продающею на задворкѣ двѣ-три горсти украденной у него пеньки, но что онъ не сказалъ ни слова, когда видѣлъ что она продавала чугунную вьюшку, пріобрѣтенную ею во время мытья половъ въ господскомъ домѣ, или ременную узду, снятую ею у проѣзжаго зашедшаго въ кабакъ, или кусокъ желѣза, пріобрѣтеннаго столь же смѣлымъ способомъ. Подобные примѣры дѣйствуютъ сильнѣе всѣхъ наставленій, и никакія школы не въ состояніи пересилить впечатлѣній дѣйствительной жизни, если въ этой жизни зло является не какъ преслѣдуемое исключеніе, но какъ общій обычай, сопровождаемый одобреніемъ. Пусть любой учитель осмотритъ одежду учениковъ своей школы: почти у всѣхъ найдетъ онъ карманы или мѣшечки, наполненные разными желѣзными обломками, а иногда и цѣлыми вещицами, какъ-то: ключами, скобками, задвижками, бляхами и т. п. Не думайте чтобъ это были игрушки; нѣтъ, это прудоновская собственность, набранная при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, для того чтобы промѣнивать ее на пряники у объѣзжающихъ селенія, нарочно съ этою цѣлію, кулаковъ-мѣщанъ. Если учитель станетъ говорить мальчику что не слѣдуетъ воровать, то едва ли слова его подѣйствуютъ убѣдительно, хотя бы только въ принципѣ, потому что мать сама сшила ему этотъ мѣшечикъ, сама объяснила ему его назначеніе, сама продавала кулаку, или такъ - называемому *орлу*, подобныя же вещи покрупнѣе; потому что отецъ похвалилъ Ваньку за то что онъ набралъ больше, и хотя онъ поколотилъ Сидорку за то что тотъ вытащилъ изъ двери пробой, но онъ прибавилъ при этомъ: *„тащи не изъ дома, а въ домъ“*. Воровство сдѣлалось въ такой степени принадлежностію дѣтскаго возраста, что обратилось въ народномъ языкѣ въ синонимъ шалости: не ѣздите баринъ ночью мимо такого-то мѣста, *„тамъ пошаливаютъ,“* то-есть, другими словами, грабятъ проѣзжающихъ. Когда мальчикъ подростаетъ, то его заставляютъ заботиться о своей обуви, то-

есть добывать лыки на лапти гдѣ и какъ ему угодно. Домохозяинъ рѣдко купитъ лыкъ, и то развѣ для себя или для своихъ собственныхъ дѣтей, а прочіе члены семейства должны промышлять для себя сами. Мальчикъ, который, возвращаясь съ лошадьми изъ *ночнаго*, привозитъ съ собой пучокъ надранныхъ лыкъ, заслуживаетъ отъ своихъ домашнихъ похвалы и одобреніе, а тотъ кто воротился съ пустыми руками—брань и укоры. Оправданіемъ ему можетъ служить развѣ то, что онъ бóльшую часть ночи не слѣзалъ съ лошади, потому что кормилъ лошадей на полосѣ овса у сосѣда или на чужомъ лугу, еще не скошенномъ, и насилу ускакалъ, когда его замѣтилъ караульщикъ. Такое кормленіе лошадей въ глазахъ домохозяина составляетъ особеннаго рода заслугу, а въ глазахъ товарищей—завидное удальство. Есть молодцы, которыхъ поймать на потравѣ можно только значительною силой. Эти подвиги ночнаго кормленія по чужимъ хлѣбамъ и лугамъ составляютъ предметъ эпическихъ разказовъ между болѣе возмужавшими мальчиками, и повѣтствованія о томъ какъ Петрушка *съѣздилъ кнутомъ* по глазамъ караульщика, какъ Мишка отбивался длинною палкой отъ двухъ караульщиковъ, и какъ Гришка лошадьми сбилъ съ ногъ трехъ караульщиковъ и перескочилъ черезъ нихъ, и такъ далѣе *crescendo*, — воспламеняютъ молодыя сердца геройствомъ и удалью, и нѣтъ сомнѣнія, что поэзія молодечества, а не опасенія штрафа за потраву, возбуждаетъ ту энергію сопротивленія, которая переходитъ иногда границы простой ссоры или драки и достигаетъ размѣровъ преступленія. Странно видѣть, какимъ смирнымъ и униженнымъ является утромъ просить о возвратѣ захваченныхъ лошадей тотъ самый, котораго не въ силахъ были одолѣть четыре или пять караульщиковъ. При порубкахъ та же самая исторія: вооруженное сопротивленіе въ лѣсу и крайнее униженіе послѣ поимки. Причина этого сопротивленія заключается не въ опасеніи взысканія за потраву или порубку, потому что самое сопротивленіе составляетъ проступокъ, гораздо строже преслѣдуемый, но въ желаніи совершить одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, о которыхъ слыхалъ отъ товарищей или самъ имъ разказывалъ. Все дѣло въ томъ, чтобы не быть пойманнымъ: *не пойманъ не воръ* — гласитъ народная поговорка; ну а если пойманъ, то благоразуміе требуетъ быть какъ можно униженнѣе.

Среди такой-то обстановки малый достигаетъ осьмнадцати лѣтъ и его наконецъ женятъ. Не должно однако думать что дѣтство всѣхъ крестьянскихъ мальчиковъ проходитъ одинаково. Между сыновьями домохозяина или родными внуками и сыновьями другихъ членовъ семейства, и въ особенности сиротами-племянниками, большое различіе. Сироты-племянники составляютъ своеобразный отдѣлъ въ крестьянскомъ семействѣ; ниже ихъ стоитъ пріемышъ, мальчикъ будто бы подкинутый, и далѣе въ отдаленіи является характеристическая фигура кантониста. Сынъ домохозяина, по принципу совершенно равный всѣмъ другимъ ребятишкамъ, не имѣющій на наслѣдство никакихъ исключительныхъ правъ и не заступающій даже мѣста своего отца въ случаѣ его смерти (званіе домохозяина переходитъ тогда къ старшему дядѣ), пользуется на практикѣ множествомъ льготъ явныхъ и тайныхъ, которыя сильно способствуютъ сдѣлать изъ него баловня и негодяя. Если у домохозяина нѣсколько сыновей, то между ребятишками сохраняется, конечно, болѣе безпристрастія; но за то племянники попадаютъ еще въ худшее положеніе: всѣ лишенія и всѣ самыя тяжкія работы достаются на ихъ долю. Если въ ненастную погоду вы увидите въ полѣ мальчика съ сохою или бороной, или зимой во время метели ѣдущаго съ дровами и притомъ плохо одѣтаго,—будьте увѣрены что это племянникъ; если сосѣдній крестьянинъ предлагаетъ вамъ взять малаго въ батраки или въ пастухи, онъ навѣрное отдаетъ племянника. У многодѣтнаго крестьянина сирота-племянникъ не имѣетъ часто даже одежды, потому что отдается въ батраки другому крестьянину и носитъ его платье; но домохозяинъ дорожитъ имъ, потому что готовитъ отдать его въ рекруты за роднаго сына. Пріемыши, обозначаемые обыкновенно въ офиціальныхъ бумагахъ подкинутыми младенцами, суть ни иное что какъ внуки домохозяина отъ дочери-солдатки, рожденные ею послѣ поступленія мужа на службу. Прежде правительство зачисляло кантонистами всѣхъ мальчиковъ родившихся отъ солдатокъ, и требовало представленія ихъ въ батальйоны, по достиженіи извѣстнаго возраста. Чтобы избѣгнуть этого обязательства, помѣщики и сами крестьяне прибѣгали къ слѣдующей уловкѣ: если солдатка рожала мальчика, то подавали объявленіе о найденномъ будто, неизвѣстно кѣмъ подкинутомъ, младенцѣ; тогда давали денегъ становому и

священнику, изъ коихъ одинъ производилъ слѣдствіе, а другой крестилъ ребенка и записывалъ его въ метрическую книгу подъ именемъ пріемыша. Чтобы понять всю невыгодность положенія этихъ пріемышей, составлявшихъ нѣчто въ родѣ res nullius, необходимо вспомнить о положеніи самихъ солдатокъ. По отдачѣ мужа въ рекруты, жена обыкновенно оставалась въ семействѣ мужа до первой ссоры. Ссора эта происходила обыкновенно въ концѣ лѣта, когда солдатка, считавшая себя вольною, не соглашалась работать для домохозяина, а нанималась жить на сторонѣ въ свою пользу. Вслѣдствіе такой ссоры, она оставляла домъ и отправлялась искать счастья по бѣлу-свѣту, если не имѣла мальчиковъ рожденныхъ до рекрутства, или возвращалась въ семейство своего отца, въ которое она въ такомъ случаѣ приводила этихъ мальчиковъ-работниковъ. Между двумя домохозяевами, предъявлявшими права на этихъ мальчиковъ, возникалъ обыкновенно искъ, который рѣшался или произволомъ помѣщика, или большимъ количествомъ вина, представленнаго на сходку. Во всякомъ случаѣ, судьба этихъ мальчиковъ была самая незавидная, потому что на нихъ смотрѣли какъ на рабочую силу, а не какъ на естественныхъ членовъ семьи. Невыгодность этого положенія увеличивалась для пріемышей незаконностью ихъ рожденія; они почти всегда обращались въ загнанныхъ, замученныхъ, безотвѣтныхъ паріевъ. Если рожденный отъ солдатки былъ записанъ кантонистомъ, то все семейство смотрѣло на него какъ на человѣка казеннаго, или лучше сказать, какъ на человѣка пропавшаго, и самъ онъ почиталъ себя какимъ-то исключеніемъ, обреченнымъ на вѣрную гибель, которому, слѣдовательно, все не по-чемъ. Подобный взглядъ, конечно, несодѣйствовалъ развитію нравственнаго чувства и укрѣпленію нравственныхъ правилъ. Нарушеніе этихъ правилъ и безъ того уже весьма слабыхъ и шаткихъ, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, допускалось со стороны кантонистовъ сознательно, въ видѣ какого-то правила: *пусть-де себѣ тѣшится на послѣдкахъ*. Хотя такое сужденіе обнаруживаетъ прекрасныя свойства нашего народа, сердечную мягкость и природную доброту; но въ практическомъ отношеніи оно служило послабленіемъ и допускало такіе проступки, безнаказанное повтореніе которыхъ мало-по-малу обращало кантониста въ преступника и понижало нрав-

ственный уровень между всѣми его сверстниками и товарищами, на коихъ дурной примѣръ не могъ не дѣйствовать заразительно.

Анализируя впечатлѣнія, дѣйствующія на крестьянина въ дѣтствѣ, при неестественномъ составѣ ревизскаго семейства, мы далеко не исчерпали всѣхъ грустныхъ явленій. Мы не указали на одну особенность, свойственную исключительно крестьянскому быту, которая, благодаря дѣйствію закона недозволяющаго раннихъ браковъ, начинаетъ мало-помалу исчезать. Читатель, которому извѣстно о чемъ мы говоримъ, легко пойметъ, какой разрушающій нравственное чувство элементъ вносилъ этотъ преступный обычай въ крестьянскія семейства.

Кромѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя выноситъ крестьянинъ изъ своего семейнаго быта, и которыя даютъ направленіе его нравственному развитію, существуетъ еще обширая среда, которая окончательно опредѣляетъ это направленіе. Среда эта есть та общественная и экономическая сфера, гдѣ проходитъ жизнь крестьянина. Наша обличительная литература много занималась этою средой, и сколь ни обильны произведенія наѣзжихъ наблюдателей, но нѣтъ сомнѣнія, что еслибы любой старикъ-крестьянинъ сумѣлъ передать въ точности всѣ подробности своей жизни и всего того, въ чемъ онъ принималъ дѣятельное или пассивное участіе, то всѣ образы вызванные обличительною литературой поблѣднѣли бы передъ его невымышленнымъ разказомъ. Ни одинъ крестьянинъ этого не сдѣлаетъ, не только по неумѣнію владѣть повѣствовательнымъ слогомъ, но, главное, потому что онъ и не подозрѣваетъ возможности существованія другихъ гражданскихъ отношеній; потому что почитаемое нами рѣзкою аномаліей въ глазахъ его есть обычный порядокъ; потому что ложь и притѣсненіе, которыя насъ возмущаютъ, ему кажутся столь же естественными явленіями какъ лѣтній зной и зимняя стужа. Чувство самосохраненія заставляетъ его защищаться отъ убійцы и поджигателя, инстинктъ собственности заставляетъ ловить вора; но ни того, ни другаго онъ не предаетъ въ руки правосудія, потому что не только не довѣряетъ ему, но и мало понимаетъ самую возможность его существованія. Во всякомъ осужденномъ онъ видитъ только несчастнаго, ибо опытъ научилъ его, что между этими осужденными бываетъ много невинныхъ, запутанныхъ

изъ корыстныхъ видовъ или запутавшихся по собственной простотѣ и глупости, тогда какъ настоящіе преступники, ему и всѣмъ хорошо извѣстные, живутъ на свободѣ: офиціальное правосудіе или вовсе до нихъ не каснулось, потому что никто не донесъ на нихъ, вслѣдствіе внушаемаго съ дѣтства правила: *слышалъ, не слыхалъ, видѣлъ, не видалъ* или оставило ихъ въ подозрѣніи, потому что они упорно запирались, и осудило только тѣхъ, которые дѣйствительно раскаялись въ совершенномъ ими преступленіи. Вся слѣдственная процедура, въ томъ видѣ какъ она практиковалась до сего времени, была не иное что какъ обширная и располагавшая сильными средствами школа лжи и обмана. Никто не думалъ или не хотѣлъ вѣрить, чтобы производящій слѣдствіе имѣлъ въ виду раскрытіе истины; но каждый крестьянинъ былъ убѣжденъ, что всѣ предлагаемые вопросы дѣлаются или съ цѣлью скрыть виновныхъ, если они богаты, или съ цѣлью привлечь къ дѣлу богатыхъ, если они невинны. Убѣжденіе это вкоренилось до такой степени, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда производящій слѣдствіе добросовѣстно разыскивалъ истину, крестьяне объясняли себѣ его необычный образъ дѣйствій или неумѣніемъ взяться за дѣло, или необыкновенно дальновиднымъ и хитрымъ пріемомъ для достиженія той же своекорыстной цѣли. Взглядъ этотъ съ ихъ стороны былъ причиною, что внѣ формальныхъ допросовъ составлялось тайное совѣщаніе мѣстныхъ жителей о томъ, что слѣдуетъ говорить и чего не слѣдуетъ отвѣчать на вопросы, которые могутъ быть предложены. На этихъ совѣщаніяхъ, мѣстные умники и въ особенности люди бывалые, то-есть посидѣвшіе въ острогѣ и выпущенные по недостатку уликъ, играли первую роль, и какъ наученные опытомъ вразумляли прочихъ и преподавали имъ полный курсъ юридической лжи и всѣхъ пріемовъ упорнаго отнѣкиванія. Для человѣка свѣжаго, незнакомаго съ деревенскими порядками, не можетъ не казаться поразительнымъ то обстоятельство, что молодой малый или молодая дѣвушка, иногда просто дѣти, даютъ очевидно ложное показаніе, съ удивительною ловкостью и съ необыкновенною настойчивостью, даже по такимъ вопросамъ, въ которыхъ ни они сами, ни ихъ близкіе прямо не заинтересованы. Это явленіе, которое при нормальномъ общественномъ порядкѣ было бы невозможно, объясняется тѣми ковар-

ными наставленіями, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и силою того довѣрія, которое народъ привыкъ питать къ этимъ наставленіямъ. Пройдетъ много времени послѣ введенія судебной реформы, прежде нежели народъ убѣдится если не во вредѣ, то по крайней мѣрѣ въ безполезности, сображаться съ этими наставленіями, и предпочтетъ правдивость и истину той системѣ лжи и коварства, къ которой онъ былъ пріученъ вѣковою практикой прежней судебной неправды. Если лица, которыя займутся юридикціей и слѣдственною частью, по введеніи судебной реформы, дѣйствительно будутъ соотвѣтствовать своему высокому назначенію и добросовѣстно, безъ всякихъ заднихъ мыслей, будутъ служить истинѣ для нея самой, а не въ видахъ мести или благодѣянія, то они будутъ самыми лучшими, самыми вліятельными, самыми успѣшными наставниками, воспитателями и просвѣтителями народа.

Мы указали на вредное и антицивилизующее вліяніе стараго слѣдственнаго и уголовнаго процесса, и намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое имѣетъ на народъ способъ рѣшенія исковъ гражданскихъ. До введенія крестьянской реформы, практикою выработались четыре различныхъ формы рѣшенія гражданскихъ исковъ крестьянъ между собою. Двѣ изъ нихъ были свойственны крѣпостному населенію, и двѣ такъ-называемымъ вольнымъ, то-есть удѣльнымъ, государственнымъ и тому подобнымъ крестьянамъ. Первая форма заключалась въ разборѣ и рѣшеніи спора самимъ помѣщикомъ или его управляющимъ. Если помѣщикъ не былъ лѣнивъ, или, если управляющій былъ человѣкъ посторонній, не имѣвшій родственниковъ между подсудимымъ ему населеніемъ, то крестьяне предпочитали эту форму суда всѣмъ прочимъ какъ окончательную и наиболѣе безпристрастную. Вторая форма суда для крѣпостнаго народонаселенія заключалась въ судѣ стариковъ, или мірской сходкѣ; эта форма имѣла два подраздѣленія: одно, когда помѣщикъ жилъ въ имѣніи и не лѣнился контролировать пристрастное вліяніе такъ-называемыхъ міроѣдовъ и крикуновъ, и другое, когда помѣщикъ или не жилъ въ имѣніи, или по какимъ-либо причинамъ былъ *не входящъ*, какъ выражаются крестьяне, то-есть предоставлялъ попеченіе о правосудіи старостамъ и самимъ крестьянамъ. Къ сожалѣнію должно сказать, что лучшая изъ этихъ формъ и наиболѣе нравящаяся

самимъ крестьянамъ, то-есть рѣшеніе дѣлъ лично помѣщикомъ, имѣла мѣсто въ весьма немногихъ имѣніяхъ и не тамъ, гдѣ, повидимому, скорѣе слѣдовало ожидать ее, то-есть у помѣщиковъ богатыхъ, образованныхъ; всего менѣе встрѣчалась она у помѣщиковъ прогрессистовъ и, напротивъ того, всего чаще у помѣщиковъ средней руки и даже небогатыхъ, въ отдаленныхъ захолустьяхъ, у людей, которые тихо и скромно, не пускаясь въ теоретическія отвлеченія, дѣлали свое обыденное дѣло просто и добросовѣстно. Къ сожалѣнію, повторяемъ мы, такихъ помѣщиковъ было немного, и число ихъ въ послѣднее время постоянно уменьшалось. Со введеніемъ временно-обязаннаго положенія, вторая форма, то-есть судъ самихъ крестьянъ, сдѣлана господствующею. Организація такого суда, подъ названіемъ волостнаго, не совмѣстна однако съ прежними понятіями крестьянъ, и можетъ-быть этому обстоятельству слѣдуетъ отчасти приписать неуспѣхъ волостныхъ судовъ. Крестьяне знали судъ или единоличный, или общественный,— цѣлой мірской сходки, а потому искусственный составъ волостныхъ судовъ не возбудилъ въ нихъ сочувствія, и выборы въ должности судей производились почти для формы, въ видѣ отправленія повинностей, предписываемыхъ закономъ. Уже было заявлено въ литературѣ, что волостные суды не пользуются довѣріемъ крестьянъ, и если идутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе или менѣе успѣшно, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда мировые посредники берутъ на себя трудъ близко руководить ими и оставляютъ судьямъ роль присяжныхъ. Въ этихъ случаяхъ, разумѣется, невозможны ни штрафы водкою, ни всеобщія попойки судей, истца и отвѣтчика. У казенныхъ крестьянъ судебное разбирательство идетъ еще неудовлетворительнѣе, и причину этого явленія должно искать въ излишней регламентаціи, помѣшавшей свободному развитію судебныхъ формъ, принаровленныхъ къ потребностямъ крестьянскаго быта. Кромѣ, собственно, регламентаціи успѣху этого дѣла повредило у государственныхъ крестьянъ распространеніе писарей, которыхъ приготовляли въ особыхъ школахъ, при окружныхъ правленіяхъ, гдѣ они, подъ видомъ изученія канцелярскаго порядка, научались всѣмъ плутнямъ, всѣмъ подлогамъ и всѣмъ тонкостямъ письменныхъ злоупотребленій. Наконецъ, казенные крестьяне были обязаны въ извѣстныхъ случаяхъ обращаться къ общимъ судебнымъ мѣстамъ, которыя при прежнемъ ихъ устройствѣ, конечно, не

могли содѣйствовать къ развитію и укрѣпленію понятій о справедливости. Такимъ образомъ цѣлое, особое, дорого стоющее вѣдомство, учрежденное для того чтобы возвысить благосостояніе свободныхъ крестьянъ, названныхъ государственными, и устранить вредное вліяніе тогдашняго состава земской полиціи и общихъ судовъ, вовсе не достигло своей цѣли. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей того времени, бывшій товарищъ министра государственныхъ имуществъ, г. Хрущовъ, сознавался печатно въ письмѣ къ редактору *Русскаго Вѣстника* (февраль 1860 года), что матеріяльный бытъ государственныхъ крестьянъ не улучшился вслѣдствіе принятыхъ мѣръ и даже не могъ быть улучшенъ. Что же касается до возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня, то для оцѣнки этихъ мѣръ достаточно указать на отрицательное ихъ свойство, дѣйствовавшее въ этомъ отношеніи столь же вредно какъ и крѣпостное право, тогда какъ имъ слѣдовало бы имѣть послѣдствія совершенно обратныя, и въ минуту отмѣны крѣпостной зависимости служить готовыми образцами для подражанія, а не для предостереженія и устрашенія, какъ оказалось на практикѣ. Какъ бы то ни было, нельзя не удивляться добрымъ свойствамъ русскаго народа, не погибшаго нравственно ни подъ гнетомъ крѣпостнаго права, ни подъ регламентаціей спеціальныхъ бюрократовъ, ни подъ системою подъячества, крючкотворства и всякаго другаго рода кормленій, составлявшихъ сущность прежней полиціи и прежняго судоустройства.

Воспитаніе народа совершается не въ однѣхъ народныхъ школахъ. Распространеніе грамотности есть средство упроченія и обобщенія тѣхъ основныхъ началъ, безъ коихъ цивилизація невозможна; но начала эти не создаются школами. Они всегда глубоко лежатъ въ сознаніи самого народа и заключаются въ его религіи и въ его понятіяхъ о справедливости. Если при недостаткѣ религіознаго ученія (не школьнаго) и положительное законодательство мало благопріятно дальнѣйшему развитію, то никакія школы не помогутъ, и могутъ даже сдѣлаться разсадниками антицивилизующихъ или разрушительныхъ началъ. Такимъ образомъ, воспитаніе народа совершается преимущественно не въ школѣ, а въ самой жизни, и зависитъ отъ развитія тѣхъ началъ, коими эта жизнь направляется. Но отрицая то преувеличенное значеніе, которое иные придаютъ въ наше время учрежденію школъ, мы

въ то же время какъ нельзя болѣе далеки отъ желанія препятствовать распространенію грамотности и школьнаго обученія: мы только указываемъ на значеніе школъ какъ проводниковъ образованія, и желаемъ чтобы вмѣстѣ съ распространеніемъ школъ было обращено вниманіе и на другіе болѣе сильные двигатели народной цивилизаціи,—на самую народную жизнь и на ту ея обстановку, отъ которой зависитъ и самая польза, приносимая народными школами. Мы желали бы, чтобы школы не были простымъ средствомъ передачи механизма грамотности, но содѣйствовали бы къ возвышенію народнаго сознанія, котораго онѣ однѣ сами по себѣ пробудить не въ силахъ. Если это сознаніе существуетъ, если обстоятельства, задержавшія его пробужденіе устранены (крѣпостное право, отсутствіе суда и проч.), то для устройства школъ нужна только внѣшняя помощь, и при малѣйшемъ облегченіи съ матеріяльной стороны, школы будутъ учреждаться сами собою и будутъ жить собственною жизнію, а не въ однихъ только офиціальныхъ отчетахъ или въ газетныхъ извѣстіяхъ.

Одинъ изъ сильнѣйшихъ элементовъ, враждебно дѣйствовавшихъ на воспитаніе народа,—именно крѣпостное право,—устраненъ три года тому назадъ. Благія послѣдствія этого устраненія начинаютъ уже проявляться, хотя и не съ такою быстротой какъ слѣдовало бы ожидать. Вѣковыя привычки искореняются не скоро; довольно уже того, что причины, порождавшія и поддерживавшія эти привычки, уничтожены, а послѣдствія этихъ причинъ уничтожатся сами собой. Произволъ крѣпостнаго права выражался въ притѣсненіяхъ и благодѣяніяхъ; какъ бы ни были незначительны первыя, и какъ бы ни были велики вторыя, — и тѣ, и другія были основаны на произволѣ и могли внушать лишь вражду или преданность, но не давали мѣста понятію о справедливости, и не могли нравственно возвышать народъ, развивая въ немъ уваженіе къ чужому праву и сознаніе своего собственнаго. Благотворительный элементъ, внесенный въ Положеніе о крестьянахъ, а еще болѣе произволъ, вносимый въ общественную дѣятельность нѣкоторыми лицами по мировымъ учрежденіямъ, задерживаютъ нѣсколько развитіе въ народѣ здравыхъ понятій о правѣ и ослабляютъ нравственную пользу, приносимую крестьянскою реформой. Впрочемъ, этотъ элементъ и эти произвольныя дѣйствія особенно обнаруживаются

только при заключеніи старыхъ счетовъ по крѣпостному праву. Когда дѣло будетъ кончено, то и вліяніе его прекратится, а полезная сторона реформы останется. Съ повсемѣстнымъ наступленіемъ эпохи свободныхъ, правомѣрныхъ отношеній, обнаружится и цивилизующее начало, разрушаемое произволомъ, въ какихъ бы прогрессивныхъ формахъ онъ не являлся.

Поддержать, распространить и, такъ-сказать, обобщить это начало могутъ школы, но онѣ не въ силахъ ни создать, ни вызвать его. Мы скажемъ болѣе: онѣ не были бы въ силахъ, даже несмотря на весь успѣхъ крестьянской реформы, противодѣйствовать разрушительному вліянію, которое имѣло на народное воспитаніе отсутствіе правильнаго суда, то-есть суда сколько-нибудь уважающаго справедливость и содѣйствующаго къ возстановленію права.

Въ настоящее время положено основаніе учрежденію суда, дѣйствительнаго суда, въ которомъ сущность, то-есть возстановленіе справедливости, поставлена выше формы, то-есть канцелярской исправности. Пройдетъ еще довольно времени прежде нежели учредятся новые суды, пройдетъ еще болѣе времени пока они обнаружатъ свое цивилизующее дѣйствіе; но мы не можемъ не сказать, что новая судебная реформа есть самая важная, самая сильная, самая раціональная и самая практическая мѣра въ дѣлѣ народнаго воспитанія, и что безъ нея ни простыя школы грамотности, ни школы съ полезными науками, а менѣе всего школы съ тенденціями, не принесли бы этому дѣлу существенной пользы. Повторяемъ, не школа воспитываетъ главнымъ образомъ народъ, а дѣйствительная жизнь; и если въ обстановкѣ этой жизни есть разрушающіе цивилизацію элементы, то народная школа не только не будетъ въ силахъ преодолѣть ихъ, но даже и сама можетъ заразиться ими и сдѣлается ихъ проводникомъ въ грубой или въ утонченной формѣ. Дай Богъ, чтобъ эти элементы не привились къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ ни въ которой изъ формъ, — ни въ старой формѣ грубыхъ злоупотребленій, ни въ новой формѣ щегольскихъ, антисоціальныхъ ученій.

В. РЖЕВСКІЙ.

АРМАДЕЛЬ.*

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

КНИГА ВТОРАЯ.

II. Исповѣдь.

Свѣжій вѣтерокъ, предвѣстникъ наступающаго утра, уже вѣялъ въ открытое окно, въ то время какъ мистеръ Брокъ дочитывалъ послѣднія строки рукописи. Окончивъ тетрадь, онъ молча отодвинулъ ее отъ себя, не поднимая глазъ. Первое потрясеніе, произведенное въ его умѣ неожиданнымъ открытіемъ, уже миновало. Въ его лѣта и съ его привычкою къ серіозной мысли, въ немъ не было однако на столько упругости, чтобы вполнѣ сосредоточить свое вниманіе на ввѣренной ему тайнѣ. Закрывъ тетрадь, онъ всею душой погрузился въ воспоминаніе о женщинѣ, которая составляла счастье и радость его позднѣйшей жизни; мысль его дѣятельно занята была жалкою тайной ея вѣроломства относительно ея собственнаго отца...

Сотрясеніе стола подъ рукою тяжко налегшаго на него выбросило ректора изъ тѣсныхъ предѣловъ его собственной маленькой заботы. Въ немъ заговорило инстинктивное чувство отвращенія; но онъ подавилъ его и поднялъ глаза. Освѣщенный двойнымъ свѣтомъ догоравшей свѣчи и едва занимавшагося утра молчаливо стоялъ передъ нимъ отверженный бродяга, наслѣдникъ роковаго имени Армаделей.

* Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, 1864 года №№ 10, 11, и 12.

Взглянувъ на него, мистеръ Брокъ мгновенно ощутилъ какое-то смутное опасеніе за настоящее, и еще болѣе безотчетный страхъ за будущее, и невольно содрогнулся. Мидвинтеръ замѣтилъ это и заговорилъ первый.

— Не читаете ли вы и въ *моихъ* глазахъ преступленіе отца моего? спросилъ онъ.—Не послѣдовалъ ли за мною въ эту комнату призракъ утопленника?

Гнѣвъ и страданіе, которые онъ напрасно старался подавить въ себѣ, заставляли трепетать его руку, все еще опиравшуюся на столъ, и давили ему горло, такъ что послѣднія слова онъ произнесъ почти шопотомъ.

— Я вовсе не желаю быть относительно васъ несправедливымъ и жестокимъ, отвѣчалъ мистеръ Брокъ. — Будьте же и вы ко мнѣ справедливы, и вѣрьте, что я не стану обвинять сына за преступленіе отца.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, успокоилъ Мидвинтера. Онъ молча опустилъ голову и взялъ со стола рукопись.

— Все ли вы прочли? спросилъ онъ спокойно.

— Все, отъ перваго до послѣдняго слова.

— Былъ ли я откровененъ съ вами до сихъ поръ? Все ли сдѣлано со стороны Осіи Мидвинтера?

— Зачѣмъ вы продолжаете называть себя этимъ именемъ? прервалъ его мистеръ Брокъ, — когда ваше настоящее имя уже извѣстно мнѣ теперь?

— Съ тѣхъ поръ какъ я прочелъ отцовскую исповѣдь, я еще болѣе полюбилъ мое неблагозвучное прозвище. Позвольте же мнѣ повторить вопросъ, который я только что хотѣлъ предложить вамъ: все ли было сдѣлано со стороны Осіи Мидвинтера, чтобы поставить мистера Брока на настоящую точку зрѣнія?

Священникъ уклонился отъ прямаго отвѣта.

— Не всякій въ вашемъ положеніи нашелъ бы въ себѣ столько мужества, чтобы показать мнѣ это письмо, сказалъ онъ.

— Впрочемъ, сэръ, прошу васъ не слишкомъ довѣряться найденному вами въ трактирѣ бродягѣ, покамѣстъ вы не познакомитесь съ нимъ покороче, продолжалъ Мидвинтеръ. — Вы узнали тайну моего рожденія, но вамъ еще неизвѣстна исторія моей жизни. Вы должны узнать и узнаете ее, прежде нежели рѣшитесь оставить меня одного съ мистеромъ Арма-

делемъ. Не угодно ли вамъ сначала отдохнуть немного? Или вы пожелаете выслушать меня сейчасъ?

— Сейчасъ же, сказалъ мистеръ Брокъ, все еще считая для себя загадочнымъ характеръ человѣка, который стоялъ передъ нимъ въ эту минуту.

Всѣ слова и движенія Осіи Мидвинтера говорили не въ его пользу. Его тонъ, отзывавшійся сардоническимъ равнодушіемъ, чуть не нахальствомъ, оттолкнулъ бы всякаго, кому только пришлось бы его слышать. Вмѣсто того чтобы сѣсть за столъ и прямо обратиться съ своимъ разказомъ къ священнику, онъ молча и безцеремонно удалился къ окну. Тамъ онъ усѣлся на подоконникѣ, отвернувъ въ сторону лицо и машинально вертя въ пальцахъ отцовскую рукопись до самаго конца разказа. Съ глазами устремленными на ея заключительныя строки и съ странною смѣсью беззаботности и грусти въ голосѣ, онъ началъ обѣщанное повѣствованіе слѣдующими словами:

— Первое знакомство съ моимъ раннимъ дѣтствомъ вы уже почерпнули изъ рукописи моего отца. Онъ упоминалъ въ ней, что въ то время, какъ его предсмертное завѣщаніе записывалось рукою посторонняго человѣка, я былъ ребенкомъ, безмятежно спавшимъ на его груди. Имя этого посторонняго человѣка, какъ вы, можетъ-быть, замѣтили на оберточномъ листѣ рукописи, Александръ Ниль, изъ Эдинбурга, и мои первыя воспоминанія представляютъ мнѣ Александра Ниля, какъ онъ, въ качествѣ моего отчима, отдѣлывалъ меня бывало (и можетъ-быть, весьма заслуженно) своимъ длиннымъ хлыстомъ.

— Помните вы вашу мать въ это время? спросилъ г. Брокъ.

— Да, я помню какъ она одѣвала меня въ старое изношенное платье, перекроенное на мой ростъ, и въ какомъ нарядномъ новомъ платьѣ водила она двухъ другихъ своихъ дѣтей отъ втораго брака. Помню, какъ слуги издѣвались надъ моими отрепьями, и какъ хлыстъ снова начиналъ прогуливаться по моимъ плечамъ, когда я, теряя терпѣніе, рвалъ на себѣ эту нищенскую одежду. Затѣмъ воспоминанія мои переносятъ меня за два года позднѣе. Какъ теперь вижу себя запертымъ въ чуланѣ, съ кускомъ хлѣба и чашкою воды на обѣдъ. Я тщетно силился тогда разгадать, за что̀ мать и отчимъ такъ жестоко возненавидѣли меня. Только вчера постигъ я эту тайну, когда прочелъ отцовское письмо. Матери

и отчиму хорошо было извѣстно все случившееся на французскомъ кораблѣ *La Grâce de Dieu*, и они оба знали, что рано или поздно откроется мнѣ постыдная тайна, которую они охотно утаили бы отъ всякаго живаго существа. Измѣнить это было не въ ихъ волѣ, такъ какъ завѣщаніе отца находилось уже въ рукахъ его душеприкащика, и я, злополучный мальчишка, съ африканскою кровью матери на щекахъ, съ злодѣйскими страстями отца въ сердцѣ,—я долженъ былъ сдѣлаться, вопреки имъ, наслѣдникомъ ихъ тайны! Теперь понятны мнѣ и хлыстъ, и старые обноски, и хлѣбъ съ водою въ темномъ чуланѣ. Все это было весьма естественною карой, сэръ, которую ребенокъ начиналъ уже переносить за грѣхъ отца.

Мистеръ Брокъ взглянулъ на смуглое непроницаемое лицо, все еще упорно отвертывавшееся отъ него въ другую сторону, и подумалъ: „Что̀ это, каменное ли равнодушіе бродяги, или затаенное отчаяніе горемыки?“

— Перейду теперь къ моимъ школьнымъ воспоминаніямъ, продолжалъ Осія Мидвинтеръ.—Меня помѣстили за дешевую плату въ какой-то уединенный уголокъ Шотландіи, и въ видѣ поощренія весьма дурно отрекомендовали учителю. Не стану утомлять васъ разказомъ о розгахъ въ классѣ и о побояхъ мальчишекъ въ саду; должно-быть, въ натурѣ моей была врожденная неблагодарность, потому что я скоро бѣжалъ изъ школы. Первый человѣкъ, съ которымъ я повстрѣчался, спросилъ меня о моемъ имени. Я былъ тогда слишкомъ молодъ и глупъ, чтобы понимать, какъ важно было мнѣ скрыть его, и въ этотъ же вечеръ меня, конечно, опять вернули въ школу. Послѣдствія, ожидавшія меня послужили мнѣ урокомъ, котораго я не позабылъ до сихъ поръ. Не прошло двухъ дней, и я, какъ настоящій уже бродяга, бѣжалъ вторично. Полагаю, что нашей цѣпной собакѣ даны были особенныя инструкціи, потому что она остановила меня, прежде нежели я успѣлъ выйдти за ворота. Между прочимъ, вотъ знакъ ея зубовъ на моей рукѣ. Знаки же, оставленные ея хозяиномъ, я не могу показать вамъ, ибо они всѣ у меня на спинѣ. Повѣрите ли вы моей негодности, сэръ? Во мнѣ сидѣлъ какой-то бѣсъ, котораго не осилила бы никакая собака въ мірѣ. Оправившись отъ этой передряги, я снова убѣжалъ, и на этотъ разъ меня уже не поймали. Съ наступленіемъ ночи, совершенно сбившись съ дороги, я очутился въ болотистомъ

мѣстѣ, имѣя въ карманѣ лишь нѣсколько горстей овсяной муки, наскоро захваченной въ школѣ. Я прилегъ на прекрасный мягкій верескъ подъ защитою большаго сѣраго утеса. Вы подумаете, можетъ - быть, что я чувствовалъ себя одинокимъ? Какъ бы не такъ! Уйдти разомъ отъ розогъ учителя, отъ пинковъ товарищей, отъ матери, отъ отчима, да развѣ это было не блаженство? И я пролежалъ эту ночь подъ защитою моего добраго друга-утеса счастливѣйшимъ мальчикомъ въ цѣлой Шотландіи!

Вглядываясь въ эту печальную картину безотраднаго дѣтства, постепенно раскрывавшуюся передъ его глазами, мистеръ Брокъ начиналъ смутно сознавать, что характеръ человѣка, говорившаго съ нимъ въ эту минуту, въ сущности вовсе не былъ такъ страненъ, какъ казался сначала.

— Я крѣпко выспался подъ сѣнью моего друга-утеса, продолжалъ Мидвинтеръ.—Поутру, раскрывъ глаза, я увидалъ, съ одной стороны, дюжаго старика, сидѣвшаго подлѣ меня со скрипкою въ рукѣ, съ другой — двухъ танцующихъ собакъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. Опытъ такъ навострилъ меня, что я весьма осторожно отвѣтилъ старику на его первые разспросы. Впрочемъ, онъ не слишкомъ настаивалъ, и сначала угостилъ меня хорошимъ завтракомъ, а потомъ позволилъ мнѣ порѣзвиться съ собаками. — „Знаешь ли что̀ я скажу тебѣ“, проговорилъ онъ, уже совершенно овладѣвъ моимъ довѣріемъ. „Тебѣ, мой любезный, необходимы три вещи: новый отецъ, новая семья и новое имя. Я готовъ стать твоимъ отцемъ, собаки будутъ твоими братьями; а если ты дашь мнѣ обѣщаніе заботиться о поддержаніи моего имени, то я дамъ тебѣ его въ придачу. Осія Мидвинтеръ младшій! ты теперь хорошо позавтракалъ, и если хочешь хорошо пообѣдать, то пойдемъ со мною!“ Онъ всталъ; собаки побѣжали за нимъ, а я побѣжалъ за собаками. Вы спросите, кто былъ мой названный отецъ? Полудикій цыганъ, сэръ, пьяница, разбойникъ, воръ и въ то же время мой лучшій другъ! Развѣ не другъ намъ тотъ, кто насъ кормитъ, поитъ и воспитываетъ? Осія Мидвинтеръ выучилъ меня плясать шотландскій танецъ, кувыркаться, ходить на ходуляхъ и пѣть пѣсни подъ звуки своей скрипки. Иногда мы бродили по селамъ, давая представленія на ярмаркахъ, а повременамъ пробирались въ большіе города и увеселяли въ кабакахъ подозрительную компанію. Я былъ миловидный и жи-

вой одинадцатилѣтній мальчикъ, и дурное общество, особенно женское, полюбило меня за мои проворныя ноги. Во мнѣ было столько наклонности къ бродяжничеству, что я совершенно пристрастился къ этой жизни. Я жилъ, ѣлъ, пилъ и спалъ вмѣстѣ съ собаками. Даже и теперь, вспоминая объ этихъ несчастныхъ четвероногихъ братишкахъ моихъ, чувствую какъ слезы подступаютъ мнѣ къ горлу. Много побоевъ приняли мы; много тяжелыхъ дней вынесли мы, прыгая и танцуя; много ночей провели вмѣстѣ, дрожа и визжа отъ холода на скатѣ какого-нибудь холма. Не думайте, чтобъ я хотѣлъ разжалобить васъ, сэръ,—я говорю вамъ только правду. Эта жизнь со всѣми ея трудностями приходилась мнѣ по плечу, а этотъ полудикій Цыганъ, давшій мнѣ свое имя, даромъ что разбойникъ, былъ мнѣ очень по вкусу.

— Человѣкъ, который билъ васъ, съ удивленіемъ воскликнулъ мистеръ Брокъ.

— Но развѣ я не сказалъ вамъ, сэръ, что жилъ съ собаками? И развѣ вы не слыхали когда-нибудь о такой собакѣ, которая возненавидѣла бы своего хозяина за побои? Цѣлыя сотни тысячъ несчастныхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей полюбили бы подобно мнѣ этого бродягу, еслибъ онъ давалъ имъ такую же обильную пищу, какую онъ давалъ мнѣ. Правда, все это было большею частію краденое, и моему пріемному отцу легко было великодушничать. Въ трезвомъ видѣ онъ рѣдко бивалъ насъ; но напившись, онъ всегда забавлялся нашимъ визгомъ. Онъ и умеръ пьяный, испустивъ послѣдній вздохъ во время своей любимой забавы. Однажды (я въ то время уже два года состоялъ у него на службѣ), накормивъ насъ хорошимъ обѣдомъ на муравѣ, онъ прислонился спиною къ камню и подозвалъ насъ къ себѣ, чтобъ угостить десертомъ, то-есть палкой. Сначала палка заставила визжать собакъ, а потомъ старикъ позвалъ и меня. Я неохотно повиновался ему, такъ какъ въ этотъ день онъ напился сильнѣе обыкновеннаго,—а чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ энергичнѣе предавался своей послѣобѣденной забавѣ. Въ тотъ день онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа и ударилъ меня такъ сильно, что самъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ лицомъ въ лужу, да такъ и остался тамъ безъ движенія. Я съ собаками стоялъ поодаль, и мы всѣ трое смотрѣли на него, полагая, что онъ притворяется и хочетъ приманить насъ къ себѣ поближе, чтобъ еще разъ угостить

палкой. Но онъ такъ долго притворялся, что мы осмѣлились, наконецъ, приблизиться. Старикъ былъ грузенъ, и мнѣ нужно было много времени, чтобы повернуть его на спину. Когда же я достигъ этого, онъ уже былъ мертвъ. Тогда мы стали кричать изъ всѣхъ силъ; но собаки были малы, я также невеликъ, мѣсто уединенно, и никто не пришелъ къ намъ на помощь. Тогда я взялъ скрипку и палку, сказавъ своимъ братьямъ собакамъ: „идемъ! теперь мы сами должны добывать свой хлѣбъ,“ И мы пошли, печальные, прочь, оставивъ на травѣ нашего хозяина. Какъ вамъ ни странно это, быть-можетъ, покажется, но мнѣ было жаль его. Я удерживалъ за собою его неблагозвучное имя въ продолженіе всѣхъ моихъ послѣдующихъ странствій. Мнѣ и теперь еще пріятенъ этотъ звукъ. Впрочемъ, все-равно, Мидвинтеръ или Армадель, — объ этомъ мы поговоримъ послѣ, а теперь вы должны узнать все что есть во мнѣ худшаго.

— Почему же не лучшее? кротко замѣтилъ г. Брокъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—но я здѣсь для того, чтобы говорить правду. Съ вашего позволенія я приступлю къ слѣдующей главѣ изъ исторіи моей жизни. Послѣ смерти нашего общаго хозяина, мнѣ и собакамъ плохо жилось на свѣтѣ; счастье было рѣшительно противъ насъ. Скоро я лишился одного изъ моихъ маленькихъ братьевъ—самаго лучшаго комедіянта изъ двухъ: его украли, и я уже никогда не могъ его найдти. Затѣмъ скрипку и ходули отнялъ у меня какой-то прохожій бродяга, который былъ гораздо сильнѣе меня. Эти несчастія еще болѣе сблизили насъ съ Томми; извините, сэръ, я разумѣю собаку. Мнѣ кажется, мы оба смутно предчувствовали, что наши несчастія еще не кончились, и что мы скоро должны будемъ разстаться на вѣки. Ни одинъ изъ насъ не былъ воромъ (хозяинъ выучилъ насъ только танцамъ), но тѣмъ не менѣе мы оба нарушали право чужой собственности. И вотъ какимъ образомъ. Молодыя созданія, даже когда они бываютъ голодны, не могутъ устоять противъ искушенія побѣгать и порѣзвиться въ хорошее и ясное утро. Мы съ Томми и поддались этому искушенію, и задали однажды славную гонку по владѣніямъ одного джентльмена; этотъ джентльменъ берегъ свою дичь, и его сторожъ хорошо исполнялъ должность. Скоро раздался выстрѣлъ, а объ остальномъ вы вѣрно сами догадываетесь. Не дай Богъ мнѣ снова испытать такое отчаяніе, какое испыталъ я, лежа

подлѣ Томми и прижимая его, мертваго и окровавленнаго, къ моему сердцу! Сторожъ попытался было разлучить насъ, но я укусилъ его подобно дикому звѣрю. Онъ попробовалъ на мнѣ палку, но скоро увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ кускомъ дерева. Шумъ, произведенный нашею перепалкой, долетѣлъ до слуха двухъ молодыхъ леди, прогуливавшихся верхомъ не вдалекѣ оттуда. То были дочери джентльмена, во владѣніяхъ котораго я учинилъ такой безпорядокъ. Онѣ были слишкомъ хорошо воспитаны, чтобы возвысить свой голосъ противъ священнаго права сбереженія дичи; ихъ доброе сердце почувствовало ко мнѣ сожалѣніе, и онѣ увели меня къ себѣ домой. Помню, какимъ хохотомъ разразились джентльмены (всѣ они были страстные охотники), когда я, рыдая, проходилъ мимо оконъ съ моею мертвою собачкой на рукахъ. Не думайте, чтобъ я жаловался вамъ на ихъ насмѣшки; напротивъ, они принесли мнѣ пользу, возбудивъ негодованіе молодыхъ леди. Одна изъ нихъ повела меня въ свой садикъ и указала мѣсто, гдѣ я могъ схоронить подъ цвѣтами свою собаку, увѣряя меня, что ничья рука не потревожитъ болѣе ея покоя. Другая пошла къ своему отцу и уговорила его пріютить у себя маленькаго безроднаго бродягу, отдавъ его подъ надзоръ одного изъ старшихъ слугъ. Да, сэръ! Вы совершили недавно плаваніе въ обществѣ человѣка, который былъ нѣкогда лакеемъ. Не разъ замѣчалъ я, какъ пристально смотрѣли вы на меня, когда я накрывалъ обѣденный столъ на яхтѣ, чтобы позабавить мистера Армаделя. Теперь вы знаете, почему я дѣлалъ все это съ такою ловкостью и аккуратностью. Я имѣлъ счастіе тереться немного въ хорошемъ обществѣ, помогая джентльменамъ въ набиваніи ихъ желудковъ и въ чисткѣ ихъ сапоговъ. Впрочемъ, недолго пришлось мнѣ выполнять эту обязанность. Не успѣлъ я еще износить моей первой ливреи, какъ въ домѣ произошелъ скандалъ. Это было повтореніемъ обыкновенной исторіи, и напрасно было бы пересказывать ее здѣсь въ сотый разъ. Кто-то забылъ на столѣ деньги, и эти деньги пропали неизвѣстно куда; всѣ слуги ссылались на свою заслуженную репутацію, указывая, что только я одинъ слишкомъ поспѣшно взятъ былъ на испытаніе. Да ужь что̀ говорить! Счастье везло мнѣ въ этомъ домѣ до послѣдней минуты; меня не представили въ судъ за покражу того, чего я не только никогда не трогалъ, но даже никогда и не видалъ, а

просто-на-просто выгнали вонъ. Въ одно утро я надѣлъ свое прежнее старое платье и пошелъ на могилу Томми; поцѣловавъ землю, подъ которою онъ былъ похороненъ, я простился съ своимъ маленькимъ другомъ и снова очутился одинъ въ цѣломъ мірѣ, въ свой зрѣлый тринадцатилѣтній возрастъ!

— Неужели въ этомъ безпріютномъ положеніи и въ такомъ нѣжномъ возрастѣ вамъ не пришла въ голову мысль вернуться домой?

— Я въ ту же ночь вернулся домой, сэръ: я заснулъ на скатѣ холма. Развѣ былъ у меня другой домъ?... Дня черезъ два я снова пустился въ большіе города и въ дурное общество, потому что безъ собакъ мнѣ слишкомъ дико и пусто казалось въ этой огромной уединенной сторонѣ! Меня сейчасъ же завербовали два матроса, и такъ какъ я былъ проворный малый, мнѣ отвели койку на каботажномъ суднѣ и опредѣлили въ должность каютнаго юнги. Быть каютнымъ юнгою значитъ жить въ грязи, питаться объѣдками, работать за четверыхъ, и въ извѣстные, правильно возвращающіеся, періоды отвѣдывать линька. Черезъ нѣсколько времени судно наше пристало къ какой-то гавани у Гебридскихъ острововъ. Тутъ я, по обыкновенію, оказался неблагодарнымъ къ своимъ лучшимъ благодѣтелямъ: снова бѣжалъ. Нѣсколько женщинъ нашли меня полумертвымъ отъ голода и изнуренія въ глухой уединенной пустоши, на сѣверной оконечности острова Ская. Это было не далеко отъ берега, и я попалъ къ рыбакамъ. Мои новые хозяева били меня гораздо рѣже, но за то я переносилъ вѣтеръ, непогоду и столь тяжкій трудъ, что другаго мальчика, менѣе пріученнаго ко всевозможнымъ лишеніямъ, такая жизнь скоро отправила бы на тотъ свѣтъ. Кое-какъ перебивался я до наступленія зимы. Тутъ рыбаки выпроводили меня на всѣ четыре стороны. Чтожь! я не порицаю ихъ: хлѣбъ былъ дорогъ, ртовъ и безъ меня было много, и когда цѣлой общинѣ грозилъ голодъ, то зачѣмъ имъ было держать мальчика, не принадлежавшаго къ ихъ кружку? Въ зимнее время только въ большихъ городахъ можно найдти средства къ существованію, и потому я побрелъ въ Глазговъ, гдѣ чуть-чуть не попался въ лапы къ моему отчиму. Занимаясь однажды починкою пустой тележки, въ улицѣ Брумилау, я вдругъ услыхалъ его голосъ, раздавшійся на мостовой почти у меня надъ ухомъ. Онъ говорилъ съ какимъ-то знако-

мымъ, и къ моему величайшему ужасу и удивленію, рѣчь шла обо мнѣ. Притаившись за лошадью, я подслушалъ часть ихъ разговора, и узналъ, что передъ вступленіемъ моимъ на каботажное судно, меня едва-едва не поймали. Въ ту пору я сошелся съ другимъ маленькимъ бродягой моихъ лѣтъ, съ которымъ мы потомъ поссорились и разстались; черезъ день послѣ этой размолвки, отчимъ мой навелъ обо мнѣ справки, и получивъ описаніе двухъ маленькихъ бродягъ (описаніе, конечно, не вполнѣ удовлетворительное), пришелъ въ раздумье, за которымъ изъ двухъ мальчишекъ слѣдить ему. Одинъ изъ нихъ, какъ ему сказали, назывался Брауномъ, другой — Мидвинтеромъ. Всего вѣроятнѣе было, что школьникъ приметъ скорѣе простое имя Брауна нежели оригинальное имя Мидвинтера. На этомъ основаніи всѣ поиски устремились за Брауномъ, и такимъ образомъ я избѣжалъ преслѣдованій. Вы легко поймете теперь, что это обстоятельство еще болѣе утвердило меня въ намѣреніи удержать за собою имя моего названнаго отца. Сверхъ того, я рѣшился совершенно покинуть Англію. Послѣ двухдневнаго шнырянья по порту, я развѣдалъ о корабляхъ, отправлявшихся за границу, и тайкомъ пробравшись на одинъ изъ нихъ, который уже готовился къ отплытію, я забился куда-то въ уголъ, никѣмъ не замѣченный. Голодъ до того мучилъ меня, что я не разъ покушался выйдти изъ своей засады до отплытія корабля; но голодъ не былъ для меня новостью, и я усидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Когда судно отчалило, я выросъ какъ будто изъ-подъ земли, и капитану оставалось только или удержать меня на кораблѣ, или выкинуть за бортъ. Онъ объявилъ (и совершенно справедливо), что скорѣе предпочелъ бы послѣднее; но законъ является иногда защитникомъ даже такого бродяги какъ я. Такимъ образомъ я снова возвратился къ морской службѣ и пріобрѣлъ настолько ловкости и проворства, чтобы оказаться въ послѣдствіи полезнымъ, какъ вы замѣтили, на яхтѣ мистера Армаделя. Не одно путешествіе совершилъ я на различныхъ корабляхъ и въ различныя страны свѣта, да быть-можетъ я и всю жизнь провелъ бы на морѣ, еслибъ умѣлъ владѣть собою въ столкновеніяхъ и непріятностяхъ. Научившись многому, я не научился только терпѣнію. Вотъ почему вернулся я однажды въ Бристоль закованнымъ, и въ первый разъ въ жизни попалъ, за неповиновеніе къ начальству, въ

тюрьму. Вы слушали меня до сихъ поръ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, сэръ, и я съ удовольствіемъ могу вамъ объявить, что исторія моя приближается къ концу. Если я не ошибаюсь, при обыскѣ моихъ вещей въ соммерсетширскомъ трактирѣ вы нашли нѣсколько книгъ въ моемъ мѣшкѣ?

Мистеръ Брокъ отвѣчалъ утвердительно.

— Этими книгами начинается новый періодъ въ моей жизни, послѣдній до опредѣленія моего въ должность помощника школьнаго учителя. Не знаю, благодаря ли моей юности или тому, что бристольскія судьи вмѣнили мнѣ въ наказаніе время, проведенное мною въ оковахъ на кораблѣ, только я не долго оставался въ заключеніи, и едва минуло мнѣ семнадцать лѣтъ, какъ я снова очутился на свободѣ. У меня не было ни родныхъ, ни друзей, которые приняли бы меня въ свой кругъ, не было и дома, куда я могъ бы пойдти. Жизнь на морѣ, послѣ всего случившагося, поселила во мнѣ отвращеніе, и я стоялъ въ толпѣ на Бристольскомъ мосту, размышляя о томъ, что̀ бы мнѣ сдѣлать съ своею свободой. Не знаю, тюрьма ли меня перемѣнила, или во мнѣ совершался переворотъ, обыкновенно предшествующій зрѣлому возрасту, только я чувствовалъ, что уже нѣтъ во мнѣ прежней беззаботной веселости—неразлучной спутницы моей кочевой жизни. Страшное чувство одиночества, внушавшее мнѣ какой-то ужасъ къ открытому, спокойному полю, заставило меня до глубокой ночи бродить по городу. Я смотрѣлъ на огни, блестѣвшіе въ окнахъ гостиныхъ и горько завидовалъ счастливцамъ, сидѣвшимъ внутри. Чей-нибудь совѣтъ въ это время былъ бы для меня драгоцѣнною находкой.... Ну чтожь! Я и нашелъ его: полисменъ посовѣтовалъ мнѣ проваливать дальше. И развѣ онъ былъ не правъ?... Что̀ мнѣ оставалось больше дѣлать? Я взглянулъ на небо. Съ высоты небеснаго свода смотрѣла на меня Полярная звѣзда, другъ многихъ ночей, проведенныхъ мною нѣкогда на вахтѣ. Всѣ точки компаса для меня равны, подумалъ я, обращаясь мысленно къ этой звѣздѣ: пойду же я въ твою сторону. Но и Полярная звѣзда не захотѣла быть въ эту ночь моимъ товарищемъ. Она скрылась за облака и оставила меня одного посреди дождя и мрака. Я дошелъ ощупью до какого-то большаго навѣса, подъ которымъ стояли телѣги, расположился тамъ на ночлегъ, и всю ночь мнѣ снилось былое время, когда я служилъ у моего прежняго хозяина-Цыгана

и жилъ вмѣстѣ съ собаками. Боже мой! Чего бы я не далъ, чтобы, проснувшись, почувствовать въ своей рукѣ маленькую холодную мордочку Томми! Но зачѣмъ я говорю объ этихъ вещахъ? Зачѣмъ не тороплюсь кончить? Вамъ не слѣдовало бы поощрять меня, сэръ, вашимъ снисходительнымъ вниманіемъ... Послѣ цѣлой недѣли безплодныхъ странствій, безъ всякой надежды на чью-либо помощь, я очутился наконецъ въ улицахъ Шрусбери и зазѣвался на окна какой-то книжной лавки. Скоро въ дверяхъ ея показался старикъ, который посмотрѣвъ вокругъ себя, замѣтилъ мою фигуру. „Не ищите ли вы работы?“ спросилъ онъ. „И не согласитесь ли на дешевую плату?“ Надежда получить хоть какое-нибудь занятіе и имѣть хоть одно живое существо, съ которымъ можно было бы перекинуться словомъ, соблазнила меня, и я цѣлый день провозился въ амбарѣ книгопродавца, чтобы заработать шиллингъ. Каждый новый день приносилъ мнѣ ту же грязную работу, и за ту же плату. Черезъ недѣлю я получилъ повышеніе въ своей должности,—меня заставили мести лавку и отворять ставни. Еще черезъ нѣсколько времени мнѣ поручили разноску книгъ, а по истеченіи трехмѣсячнаго срока прежній прикащикъ былъ уволенъ, и я занялъ его мѣсто. Удивительное счастье! скажете вы. Наконецъ-то онъ нашелъ себѣ друга! Какъ бы не такъ! Я попалъ къ одному изъ самыхъ безжалостныхъ скрягъ въ цѣлой Англіи; успѣхомъ же своимъ въ маленькомъ мірѣ Шрусбери я обязанъ былъ чисто коммерческому разчету моего хозяина. Цѣна, предлагаемая имъ за работу въ амбарѣ, не соблазняла ни одного празднаго человѣка во всемъ городѣ, а я на нее согласился. Порядочный разнощикъ каждый разъ съ большимъ трудомъ вымогалъ у него свою еженедѣльную плату, я же порядился на два шиллинга меньше, и не жаловался. Уходя, прежній прикащикъ предостерегъ меня, что его обсчитывали и въ пищѣ и въ жалованьѣ; я же получалъ только половинное содержаніе, и совершенно довольствовался перешедшими мнѣ по наслѣдству объѣдками. Трудно было бы сыскать двухъ людей, которые столько подходили бы другъ къ другу какъ этотъ книгопродавецъ и я! Единственная цѣль его жизни состояла въ томъ, чтобы найдти себѣ работника за нищенскую плату; единственною же цѣлью моей жизни было найдти кого-нибудь, кто бы согласился принять меня подъ свой кровъ. Не имѣя ни одной общей сим-

патіи, не обнаруживая другъ къ другу ни вражды, ни расположенія, молча разставаясь вечеромъ передъ отходомъ ко сну, и молча сходясь по утру за прилавкомъ,—мы жили одни въ этомъ домѣ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, оставаясь совершенно чуждыми другъ другу, съ первой до послѣдней минуты. А вѣдь грустно было такъ жить мальчику моихъ лѣтъ, не правда ли, сэръ? Какъ священникъ и ученый, вы вѣрно догадываетесь, что̀ помогало мнѣ переносить эту жизнь?

Мистеръ Брокъ вспомнилъ о потертыхъ томикахъ, найденныхъ въ мѣшкѣ Мидвинтера, и сказалъ ему:

— Вѣроятно, книги примиряли васъ съ этимъ положеніемъ.

Глаза горемыки загорѣлись новымъ блескомъ.

— Да! сказалъ онъ,—книги—великодушные друзья, встрѣтившіе меня безъ подозрѣній, добрые наставники, никогда не обращавшіеся со мною грубо! Единственное время въ моей прошедшей жизни, на которое я могу взирать съ нѣкоторою гордостью, это — время, проведенное мною въ домѣ скряги. Единственное чистое удовольствіе, когда-либо мною вкушаемое, я нашелъ на полкахъ скупаго. И въ длинные зимніе вечера, и въ спокойные лѣтніе дни, я съ утра до поздней ночи утолялъ свою жажду въ источникѣ знанія, и никогда не могъ упиться имъ вполнѣ. Покупателей у насъ было немного, такъ какъ книги наши большею частью были ученаго и серіознаго содержанія. На мнѣ не лежало никакой отвѣтственности, потому что самъ хозяинъ велъ счеты, а черезъ мои руки проходили лишь небольшія суммы денегъ. Скоро онъ убѣдился, что на честность мою можно положиться, и что терпѣнію моему нѣтъ предѣловъ, какъ онъ со мною ни обращался. Я же съ своей стороны узналъ о немъ такую вещь, которая поселила между нами еще бо̀льшее отчужденіе: онъ употреблялъ втайнѣ опіумъ, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оставаясь скрягою, не щадилъ денегъ на свое любимое лакомство. Конечно, онъ умалчивалъ объ этой слабости, а я не говорилъ ему, что открылъ ее. У него были свои удовольствія, а у меня свои. Такимъ образомъ недѣли уходили за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, а мы все сидѣли молча, не обмѣниваясь ни единымъ дружескимъ словомъ; я одинъ съ своею книгой за прилавкомъ, онъ также одинъ съ своими счетами въ гостиной, гдѣ я неясно различалъ его сквозь грязное окно стеклянной двери, то углубленнаго въ цифры, то погруженнаго въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ

сряду въ свою блаженную летаргію. Время шло, не оставляя на насъ ни малѣйшаго слѣда; весна, лѣто, зима и осень неизмѣнною чередой смѣняли другъ друга въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, и каждое время года не находило въ насъ, возвращаясь, никакой перемѣны. Однажды утромъ, въ началѣ третьяго года, хозяинъ мой не сошелъ внизъ, чтобы отпустить мнѣ по обыкновенію мой ежедневный завтракъ. Я отправился на верхъ, и нашелъ его больнымъ въ постелѣ; но онъ не согласился дать мнѣ ключи отъ шкафа и не велѣлъ посылать за докторомъ. Тогда я купилъ себѣ кусокъ хлѣба и вернулся къ своимъ книгамъ съ такими же чувствами *къ нему*,—чистосердечно сознаюсь въ этомъ,—какія бы онъ имѣлъ *ко мнѣ* при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Часа черезъ два чтеніе мое было прервано приходомъ одного изъ нашихъ рѣдкихъ покупателей—не практикующаго медика. Я радъ былъ, когда онъ ушелъ на верхъ, и я, отвязавшись отъ него, могъ снова вернуться къ своимъ книгамъ; но скоро онъ опять сошелъ внизъ и еще разъ отвлекъ меня отъ моихъ занятій. „Я не слишкомъ-то долюбливаю васъ, мой любезный," сказалъ онъ мнѣ, „но мой долгъ предупредить васъ, что скоро вамъ придется самому промышлять о своемъ существованіи. Васъ не любятъ въ городѣ, и вамъ, можетъ-быть, трудненько будетъ найдти себѣ новое мѣсто. Поспѣшите же получить отъ вашего хозяина письменное одобреніе, а не то будетъ поздно." Онъ говорилъ со мною холодно; также холодно я поблагодарилъ его, и въ тотъ же день получилъ одобреніе. Но вы, можетъ-быть, думаете, что хозяинъ выдалъ мнѣ его даромъ? Какъ бы не такъ! Онъ торговался со мною даже на смертномъ одрѣ. За нимъ оставалось мое мѣсячное жалованье, и онъ до тѣхъ поръ не соглашался написать мнѣ удостовѣренія, покамѣстъ я не простилъ ему этого долга. Черезъ три дня послѣ того онъ умеръ, до послѣдней минуты восхищаясь мыслію, что обсчиталъ своего прикащика. „Ага!" прошепталъ онъ, когда докторъ торжественно позвалъ меня проститься съ умирающимъ, „вѣдь дешево вы мнѣ достались!" Скажите, сэръ, развѣ палка Осіи Мидвинтера не была мягче этихъ словъ? Сомнѣваюсь. Итакъ я снова очутился на свободѣ, но на этотъ разъ съ лучшими задатками для будущаго. Я выучился читать на латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а для рекомендаціи у меня было въ рукахъ письменное свидѣтельство. Все напрасно!

Докторъ былъ правъ: меня не любили въ городѣ. Люди низшаго класса презирали меня за то, что я продавалъ свои услуги скрягѣ за нищенскую плату. Что же касается до людей высшаго общества, то, за исключеніемъ мистера Армаделя, моя особа производила на нихъ при первомъ знакомствѣ (Богъ вѣсть, какъ и почему!) постоянно дурное впечатлѣніе. Изглаживать это впечатлѣніе я не умѣлъ, и такимъ образомъ въ хорошее общество мнѣ не было доступа. Весьма можетъ быть, что я растратилъ бы всѣ свои небольшія сокровища, и что дорогіе ростки моего жалкаго знанія, съ трудомъ пробивавшіеся на свѣтъ Божій въ продолженіе двухлѣтнихъ трудовъ и занятій, погибли бы совершенно, еслибы не случилось мнѣ прочесть въ одной мѣстной газетѣ объявленіе о вызовѣ репетитора въ какую-то школу. Безпощадно скудныя условія, предлагаемыя этимъ заведеніемъ, внушили мнѣ смѣлость предложить свои услуги, и мѣсто осталось за мною. Считаю лишнимъ вамъ разказывать, какъ мнѣ жилось тамъ, и что̀ случилось въ послѣдствіи. Исторія моей жизни доведена до конца; мое прошедшее теперь раскрыто передъ вами, и вы узнали, наконецъ, всю его темную сторону.

Наступило минутное молчаніе. Мидвинтеръ всталъ съ окна, и возвратился къ столу, держа въ рукахъ отцовскую исповѣдь.

— Изъ этого письма вы узнали, кто я, а мое собственное признаніе открыло вамъ мою прошедшую жизнь, сказалъ онъ, обращаясь къ мистеру Броку, и не садясь на стулъ, который тотъ предлагалъ ему.—Когда я просилъ у васъ позволенія войдти въ эту комнату, я торжественно обѣщалъ высказать передъ вами всю душу. Скажите, сдержалъ ли я слово?

— Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ мистеръ Брокъ. — Вы заслужили полное право на мое довѣріе и сочувствіе. И я вовсе не имѣлъ бы сердца, еслибы, зная то, что̀ мнѣ извѣстно теперь о вашемъ дѣтствѣ и юности, не раздѣлялъ чувствъ Аллана къ его другу.

— Благодарю васъ, сэръ, сказалъ Мидвинтеръ просто и серіозно.

При этихъ словахъ онъ сѣлъ у стола напротивъ мистера Брока.

— Черезъ нѣсколько часовъ вы уѣдете отсюда, продолжалъ онъ.—Если я могу содѣйствовать тому, чтобы вы уѣхали съ спокойнымъ сердцемъ, я готовъ на все: между нами еще много осталось недосказаннаго. Мои будущія отношенія

къ мистеру Армаделю до сихъ поръ неопредѣлены, и никто изъ насъ еще не обсудилъ серіознаго вопроса, возбужденнаго письмомъ моего отца.

Онъ остановился и бросилъ нетерпѣливый взглядъ на свѣчу, все еще горѣвшую на столѣ, несмотря на дневной свѣтъ. Мужественная попытка говорить спокойно, не упоминая о своихъ собственныхъ чувствахъ, очевидно, становилась ему не подъ силу.

— Быть можетъ, я помогу вашему собственному рѣшенію, сэръ, продолжалъ онъ, — если сообщу вамъ, какъ рѣшился я дѣйствовать относительно мистера Армаделя, по поводу тождественности нашихъ именъ, когда, впервые прочитавъ это письмо, я на столько овладѣлъ своими чувствами, что сталъ въ состояніи мыслить.

Онъ остановился и во второй разъ нетерпѣливо посмотрѣлъ на горѣвшую свѣчу.

— Простите ли вы странную прихоть чудака? спросилъ онъ, робко улыбаясь. — Мнѣ хочется погасить свѣчу: для новаго предмета нужно новое освѣщеніе.

Съ этими словами онъ задулъ огонь, и въ комнату безпрепятственно полились мягкіе лучи разсвѣта.

— Еще разъ прошу васъ извинить меня, снова началъ онъ,—если я опять упомяну о себѣ и о своихъ обстоятельствахъ. Я уже разказывалъ вамъ о попыткѣ моего отчима разыскать меня черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ моего побѣга изъ школы. Онъ рѣшился на этотъ шагъ не изъ личнаго безпокойства обо мнѣ, но просто въ качествѣ агента отцовскихъ душеприкащиковъ. Дѣйствуя по своему благоусмотрѣнію, они продали наши наслѣдственныя помѣстья въ Барбадосѣ (во время освобожденія невольниковъ и раззоренія всѣхъ Вестъ-Индскихъ владѣній) за сумму, ежегодно приносимую этими помѣстьями. При отдачѣ вырученныхъ отъ продажи денегъ въ проценты, они обязаны были отложить извѣстную сумму на мое воспитаніе. Эта отвѣтственность подвинула ихъ на попытку отыскать меня, попытку, какъ вамъ уже извѣстно, безплодную. Немного позднѣе (это я узналъ уже въ послѣдствіи) меня публично вызывали по газетамъ, но объявленія этого я никогда не видалъ. Еще позднѣе, когда уже мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ, я прочелъ въ газетахъ другое объявленіе, съ предложеніемъ награды тому, кто представитъ доказательство моей смерти. По до-

стиженіи совершеннолѣтія, я имѣлъ право на половину суммы, вырученной отъ продажи имѣнія; въ случаѣ же моей смерти, деньги всѣ сполна должны были перейдти къ моей матери. Все это я узналъ отъ стряпчихъ, къ которымъ немедленно отправился. Съ трудомъ удостовѣривъ ихъ въ своей личности, повидавшись съ отчимомъ, и получивъ отъ матери письмо, которое насъ окончательно разъединило, я былъ признанъ, наконецъ, въ своихъ правахъ, и теперь капиталъ мой хранится въ банкѣ подъ моимъ настоящимъ именемъ.

Мистеръ Брокъ съ любопытствомъ придвинулся къ столу. Онъ начиналъ понимать, къ чему клонился разговоръ его собесѣдника.

— Дважды въ годъ, продолжалъ Мидвинтеръ,—я долженъ подписывать свое имя при полученіи моихъ доходовъ. Во всякое другое время и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, я могу скрывать свою личность подъ какимъ угодно именемъ. Мистеръ Армадель узналъ меня подъ именемъ Осіи Мидвинтера, и пусть я останусь для него тѣмъ же Осіею Мидвинтеромъ до конца моей жизни. Каковы бы ни были послѣдствія нашего настоящаго свиданія, пріобрѣту ли я ваше довѣріе, или совершенно его утрачу, только вы можете быть увѣрены, что воспитанникъ вашъ никогда не узнаетъ страшной тайны, которую я открылъ вамъ. Въ этомъ рѣшеніи нѣтъ ничего необыкновеннаго, потому что, какъ вамъ уже извѣстно, я не приношу никакой жертвы, удерживая за собою свое вымышленное имя. Мое поведеніе также не заслуживаетъ ни малѣйшихъ похвалъ; оно естественно проистекаетъ изъ чувства благодарности, наполняющаго мое сердце. Взвѣсьте сами всѣ обстоятельства этого дѣла, сэръ, не принимая въ разчетъ моего отвращенія открыть Аллану все случившееся. Если разказать ему исторію нашихъ именъ, то какъ скрыть отъ него преступленіе моего отца? А это послѣднее обстоятельство неизбѣжно связано съ исторіей брака мистрисъ Армадель. Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ Аллана, какъ нѣжно чтитъ онъ память своей матери, и я клянусь передъ лицомъ Всемогущаго Бога, что не черезъ меня перестанетъ онъ любить и уважать ее!

Какъ ни просто сказаны были эти слова, они затронули самую чувствительную струну въ сердцѣ священника, воскресивъ въ его воспоминаніи предсмертныя минуты мистрисъ Ар-

мадель. Передъ нимъ сидѣлъ теперь человѣкъ, противъ котораго она безсознательно вооружала его въ интересахъ своего сына, а между тѣмъ этотъ самый человѣкъ добровольно принималъ на себя обязательство хранить ея тайну ради Аллана! Воспоминаніе о его собственныхъ минувшихъ усиліяхъ разорвать дружбу, изъ которой возникло теперь столь благородное рѣшеніе, промелькнуло упрекомъ въ головѣ мистера Брока. Въ первый разъ протянувъ руку Мидвинтеру, онъ сказалъ ему съ жаромъ:

— Благодарю васъ и за мать, и за сына.

Вмѣсто отвѣта, Мидвинтеръ раскрылъ лежавшую на столѣ отцовскую рукопись.

— Мнѣ кажется, снова началъ онъ,—я сказалъ вамъ все, что обязанъ былъ сказать, прежде нежели приступить къ обсужденію этого письма. Теперь объяснится все, казавшееся вамъ страннымъ въ моемъ поведеніи относительно васъ и мистера Армаделя. Вы легко поймете, какъ поразилъ меня (когда я еще не зналъ истины) звукъ имени мистера Армаделя, показавшійся мнѣ какъ бы эхомъ моего собственнаго имени. Вы поймете также, что я не рѣшался назвать себя его соименникомъ лишь для того, чтобы не повредить себѣ (если не въ его глазахъ, такъ въ вашихъ) признаніемъ, что я явился къ вамъ подъ вымышленнымъ именемъ. Послѣ всего, слышаннаго вами о моей бродяжнической жизни и о моихъ низкихъ сотоварищахъ, вы, конечно, перестанете удивляться упорному молчанію, которое я хранилъ насчетъ себя въ то время, когда еще не чувствовалъ отвѣтственности, возлагаемой на меня теперь отцовскою исповѣдью. Къ этимъ личнымъ объясненіямъ мы можемъ, если вамъ угодно, возвратиться въ другое время. Они не должны отвлекать насъ теперь отъ болѣе важныхъ интересовъ, которые намъ необходимо уладить до вашего отъѣзда отсюда. Теперь мы можемъ поговорить....

Голосъ Мидвинтера задрожалъ, и онъ внезапно отвернулся къ окну, чтобы скрыть свое лицо отъ глазъ священника.

— Мы можемъ поговорить теперь, повторилъ онъ, между тѣмъ какъ рука его, державшая рукопись, замѣтно дрожала,—объ убійствѣ, совершенномъ на французскомъ кораблѣ и о загробномъ предостереженіи моего отца.

Тихо, почти шопотомъ, какъ бы боясь разбудить Аллана, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, онъ прочелъ послѣднія, ужас-

ныя слова, записанныя въ Вильдбадѣ рукою Шотландца со словъ его отца:

„Избѣгай вдовы умерщвленнаго мною человѣка, если она еще въ живыхъ. Избѣгай дѣвушки, злодѣйская рука которой устранила препятствіе къ этому браку, если эта дѣвушка еще находится у нея въ услуженіи. Но болѣе всего избѣгай человѣка, который носитъ одно съ тобою имя. Не повинуйся своему лучшему благодѣтелю, если этотъ благодѣтель сблизитъ тебя съ твоимъ соименникомъ. Брось любимую женщину, если она будетъ связью между имъ и тобою. Скрывайся отъ него подъ вымышленнымъ именемъ. Огради себя отъ него горами и морями. Будь неблагодаренъ, будь злопамятенъ, словомъ, будь всѣмъ, что окажется противнымъ твоей собственной мягкой натурѣ, но не живи только подъ одною съ нимъ кровлей, не дыши однимъ съ нимъ воздухомъ. Пусть никогда не сойдутся въ этомъ мірѣ два Аллана Армаделя: никогда, никогда, никогда!“

Прочитавъ эти строки, онъ оттолкнулъ отъ себя рукопись, не поднимая глазъ. Роковая скрытность, съ которою онъ такъ успѣшно боролся нѣсколько минутъ тому назадъ, снова овладѣла имъ. Глаза его приняли блуждающее выраженіе, голосъ понизился, и всякій посторонній человѣкъ, выслушавшій его исторію и взглянувшій на него въ эту минуту, навѣрное подумалъ бы: „У него лукавый взглядъ, увертливыя манеры, онъ вѣрное подобіе своего отца.“

— Позвольте спросить васъ, сказалъ мистеръ Брокъ, первый нарушая молчаніе:—для чего прочли вы сейчасъ этотъ отрывокъ изъ письма вашего отца?

— Чтобы принудить себя сказать вамъ правду, былъ отвѣтъ Прежде нежели вы согласитесь на мою дружбу съ мистеромъ Армаделемъ, вы должны знать, на сколько есть во мнѣ отцовскихъ наклонностей. Я получилъ это письмо вчера утромъ. Оно смутило меня какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ, и не вскрывая его, я пошелъ съ нимъ къ морскому берегу. Вѣрите ли вы, что мертвецы могутъ возвращаться въ тотъ міръ, гдѣ они нѣкогда жили? Что касается до меня, то я вѣрю, что мой отецъ являлся мнѣ въ это свѣтлое утро сквозь ослѣпительное сіяніе солнца, при сладостномъ ропотѣ веселыхъ волнъ, и наблюдалъ за мною, когда я читалъ это письмо. Дошедъ до этихъ словъ, которыя вы слышали сію минуту, и вспомнивъ, что исходъ, предвидѣнный отцомъ моимъ,

дѣйствительно наступилъ теперь, я почувствовалъ, что ужасъ, овладѣвшій имъ въ его послѣднія минуты, сталъ овладѣвать и мною. Во мнѣ началась та самая внутренняя борьба, которой онъ желалъ и ожидалъ. Я пытался сдѣлаться тѣмъ, что противно моей собственной мягкой натурѣ; я пытался равнодушно думать объ огражденіи себя горами и морями отъ моего соименника. Много часовъ провелъ я на берегу моря, не рѣшаясь вернуться назадъ, во избѣжаніе встрѣчи съ Аллaномъ Армаделемъ. Когда же я возвратился, наконецъ, домой и встрѣтилъ Аллана на лѣстницѣ, мнѣ кажется я взглянулъ на него такъ, какъ *мой* отецъ смотрѣлъ на *его* отца, запирая дверь каюты. Судите объ этомъ, какъ знаете. Скажите, пожалуй, что я наслѣдовалъ отъ отца его языческую вѣру въ fatum древнихъ. Я не стану вамъ противорѣчить, я не стану отрицать, что въ продолженіе всего вчерашняго дня *его* суевѣріе было *моимъ* суевѣріемъ. И ночь наступила, а я все еще не могъ осилить своего волненія; но, наконецъ, въ умѣ моемъ возникли болѣе спокойныя и свѣтлыя мысли. Вы можете похвалить меня, сэръ, за то что я сумѣлъ, наконецъ, освооо디ться отъ вліянія этого ужаснаго письма. И знаете ли, что помогло мнѣ?

— Размышленіе?

— Я не могу размышлять о своихъ чувствахъ.

— Молитва?

— Я не способенъ былъ молиться.

— Однако, что-нибудь да навело же васъ на лучшія чувства и на болѣе вѣрный взглядъ?

— Да, было нѣчто.

— Что же именно?

— Любовь моя къ Аллану Армаделю.

Произнося эти слова, онъ бросилъ сомнительный, почти робкій взглядъ на мистера Брока, и внезапно вставъ изъ-за стола, вернулся къ окну.

— И развѣ нѣтъ причинъ мнѣ любить его? спросилъ онъ, отвернувшись отъ священника. — Развѣ я мало его знаю, развѣ мало онъ сдѣлалъ для меня до сихъ поръ? Вспомните, что перенесъ я отъ другихъ людей и поймите, что я долженъ былъ чувствовать, когда впервые протянулась ко мнѣ его рука, когда впервые зазвучалъ его голосъ въ комнатѣ больнаго, безпріютнаго бродяги? Какъ поступали со мною чужіе люди въ продолженіе моего дѣтства? Ихъ руки про-

тягивались ко мнѣ лишь для угрозы и побоевъ. Его же рука поправляла мою подушку и подносила мнѣ пищу и питье. Какъ говорили со мною чужіе люди, когда я росъ и самъ готовился быть человѣкомъ? Они только издѣвались надо мною, осыпали меня бранью и перешептывались по угламъ съ низкимъ недовѣріемъ. Его же голосъ говорилъ мнѣ: „Ободритесь, Мидвинтеръ! Мы васъ скоро поставимъ на ноги. Черезъ недѣлю вы уже въ состояніи будете выѣхать покататься со мною по нашимъ соммерсетширскимъ улицамъ!“ Вспомните, сэръ, о палкѣ Цыгана, о негодяяхъ смѣявшихся надо мною, въ то время, какъ я проходилъ подъ ихъ окнами съ моею мертвою собачкой на рукахъ; вспомните о моемъ прежнемъ хозяинѣ, который на смертномъ одрѣ своемъ отнялъ у меня мѣсячное жалованье, и скажите по чистой совѣсти, искрененъ ли былъ несчастный бродяга, сказавъ, что онъ любитъ Аллана Армаделя, поступавшаго съ нимъ какъ съ ровнею и съ другомъ? Да, я люблю его! Я долженъ это высказать, я не могу этого скрывать. Я люблю самую землю, по которой онъ ступаетъ! Я отдалъ бы жизнь свою,— да, ту жизнь, которую любовь его сдѣлала для меня счастливою и драгоцѣнною,—говорю вамъ, я отдалъ бы за него жизнь свою...

Онъ не могъ продолжать болѣе; имъ овладѣлъ истерическій припадокъ, и слова замерли на его губахъ. Одна изъ его рукъ съ умоляющимъ жестомъ протянулась къ мистеру Броку; голова припала къ окну, и онъ залился слезами.

Но и тутъ далъ себя почувствовать суровый опытъ его жизни. Онъ не надѣялся на сочувствіе; онъ не разчитывалъ на сострадательное уваженіе человѣка къ человѣческой слабости. Жестокая необходимость самообладанія не покидала его ума, между тѣмъ какъ слезы струились по его щекамъ.

— Повремените минутку, сказалъ онъ, едва внятно.—Черезъ минуту я пересилю себя и уже не стану болѣе безпокоить васъ подобнымъ образомъ.

Вѣрный принятому рѣшенію, черезъ минуту онъ дѣйствительно овладѣлъ своими чувствами и скоро въ состояніи былъ говорить спокойно.

— Возвратимся къ тѣмъ лучшимъ мыслямъ, которыя привели меня въ вашу комнату, продолжалъ онъ. — Я могу только повторить вамъ, сэръ, что никогда не отрѣшился бы я отъ долга, возлагаемаго на меня этимъ пись-

момъ, еслибы не любилъ Аллана Армаделя всею силою братской любви. Я сказалъ себѣ: „Если мысль о разлукѣ съ нимъ раздираетъ твое сердце, стало-быть мысль эта дурная!“ Уже нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ возникло во мнѣ это убѣжденіе, и оно остается во мнѣ до настоящей минуты. Я не могу, я *не хочу* вѣрить, чтобы дружба, возникшая, съ одной стороны, изъ состраданія, съ другой — изъ благодарности, могла повести къ дурному концу. Я придаю важное значеніе тѣмъ страннымъ обстоятельствамъ, которыя сдѣлали насъ соименниками, которыя свели насъ вмѣстѣ и привязали другъ къ другу, и которыя въ послѣдствіи случались съ каждымъ изъ насъ отдѣльно. Они всѣ въ моихъ глазахъ имѣютъ между собою таинственную связь, но они не могутъ устрашить меня. Я не хочу вѣрить, чтобъ эти событія случились по волѣ рока для какой-либо дурной цѣли; напротивъ, я хочу вѣрить, что они совершились по волѣ Провидѣнія для какой-либо благой цѣли. Вы священникъ, будьте же судьею между умершимъ отцомъ, слова котораго сохранились въ этой рукописи, и его сыномъ, который говоритъ съ вами въ настоящую минуту! Что̀ я такое, по вашему мнѣнію теперь, когда два Аллана Армаделя опять сошлись во второмъ поколѣніи: орудіе ли въ рукахъ судьбы, или орудіе въ рукахъ Божіихъ? Что̀ предназначено мнѣ исполнить теперь, когда я уже дышу однимъ воздухомъ, живу подъ одною кровлей съ сыномъ человѣка, убитаго моимъ отцомъ: увѣковѣчить ли преступленіе отца моего нанесеніемъ смертельнаго вреда моему соименнику, или искупить это преступленіе, посвятивъ Аллану всю жизнь мою? Послѣднее изъ этихъ двухъ убѣжденій есть и навсегда останется моимъ убѣжденіемъ, что̀ бы ни случилось впереди. Въ силу этого лучшаго убѣжденія я пришелъ сюда, чтобы повѣрить вамъ тайну моего отца и разсказать исторію моей собственной безотрадной жизни. Въ силу этого лучшаго убѣжденія, я могу смѣло предложить вамъ одинъ простой вопросъ, который и составляетъ прямую цѣль моего свиданія съ вами. Вашъ воспитанникъ стоитъ теперь на рубежѣ новой жизни въ совершенно одинокомъ положеніи; всего нужнѣе ему теперь товарищъ-сверстникъ, на дружбу котораго онъ могъ бы положиться. Пришло время рѣшить, сэръ, могу ли я быть этимъ товарищемъ, или нѣтъ. Послѣ всего, что̀ вы узнали объ Озіи

Мидвинтерѣ, скажите мнѣ прямо и откровенно: рѣшитесь ли вы поручить моей дружбѣ Аллана Армаделя?

На этотъ смѣлый и прямой вопросъ мистеръ Брокъ отвѣчалъ съ одинаковою смѣлостію и прямотою.

— Я убѣжденъ, что вы любите Аллана, сказалъ онъ, — и что говоря со мною вы были искренни. Человѣкъ, который произвелъ на меня такое впечатлѣніе, имѣетъ право на мое полное довѣріе, и я довѣряю вамъ.

Мидвинтеръ вскочилъ съ своего мѣста. Яркая краска разлилась по его смуглому лицу; глаза его заблистали и на этотъ разъ прямо посмотрѣли въ лицо священнику.

— Огня! закричалъ онъ, отрывая одну за другою страницы рукописи отъ скрѣплявшей ихъ нити.—Уничтожимъ эту послѣднюю связь, соединяющую насъ съ ужаснымъ прошедшимъ! Пусть эта исповѣдь обратится въ пепелъ, прежде нежели мы разстанемся!

— Подождите! сказалъ мистеръ Брокъ.—Я нахожу нужнымъ еще разъ просмотрѣть это письмо, прежде чѣмъ обрекать его на сожженіе.

Разрозненныя страницы рукописи выпали изъ рукъ Мидвинтера. Мистеръ Брокъ поднялъ ихъ и сталъ заботливо приводить въ порядокъ.

— На суевѣріе отца вашего я смотрю такъ же, какъ и вы,— сказалъ священникъ.—Но вамъ сдѣлано здѣсь предостереженіе, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать какъ ради себя, такъ и ради Аллана. Уничтоживъ эту рукопись, вы не уничтожите вмѣстѣ съ нею послѣдней связи съ прошедшимъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этой драмѣ обмана и смертоубійства, еще находится въ живыхъ. Прочтите эти слова.

Онъ подвинулъ къ нему черезъ столъ тетрадь, указывая пальцемъ на одно мѣсто. Въ волненіи своемъ Мидвинтеръ ошибся строкою, и прочелъ слѣдующее: „Избѣгай вдовы умерщвленнаго мною человѣка, если она еще въ живыхъ.“

— Не эта строка, сказалъ священникъ, — читайте слѣдующую.

Мидвинтеръ прочелъ ее: „Избѣгай дѣвушки, злодѣйская рука которой устранила препятствіе къ этому браку, если эта дѣвушка еще находится у нея въ услуженіи.“

— Горничная и госпожа, сказалъ мистеръ Брокъ,—разстались со времени замужства послѣдней; но онѣ снова встрѣ-

тились въ прошедшемъ году въ Соммерсетширѣ, въ домѣ мистрисъ Армадель. Я самъ видѣлъ эту женщину въ нашей деревнѣ и знаю, что ея посѣщеніе ускорило конецъ мистрисъ Армадель. Погодите немного, успокойтесь; я вижу, что смутилъ васъ.

Мидвинтеръ сидѣлъ молча; краска на его щекахъ смѣнялась мертвенною блѣдностію, а блескъ его ясныхъ черныхъ глазъ начиналъ меркнуть и исчезать. Слова священника произвели на него не одно мимолетное впечатлѣніе; на лицѣ его выражалось болѣе чѣмъ сомнѣніе, на немъ написана была тревога, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ углубленный въ самого себя. Ужь не возобновилась ли въ немъ борьба предшествовавшей ночи? Ужь не поддался ли онъ опять ужасу наслѣдственнаго суевѣрія?

— Не можете ли вы предостеречь меня отъ нея? спросилъ онъ, наконецъ, мистера Брока, послѣ длинной паузы.—Не можете ли вы назвать мнѣ ея имя?

— Я могу сообщить вамъ лишь то, что я слышалъ отъ самой мистрисъ Армадель, отвѣчалъ священникъ.—Женщина эта сообщила своей бывшей госпожѣ, что въ длинный промежутокъ времени между ихъ разлукою и свиданіемъ, она была замужемъ; но ни слова болѣе не проронила она о своей прошедшей жизни. Подъ предлогомъ крайней нужды, она пришла просить денегъ у мистрисъ Армадель, и получивъ ихъ, оставила ея домъ, положительно отказавшись открыть ей свою настоящую фамилію.

— Вы сами видѣли ее въ деревнѣ, говорите вы? Не можете ли вы описать мнѣ ея лицо?

— Она была подъ вуалемъ.

— Но вы можете, наконецъ, передать мнѣ то, что вамъ удалось въ ней замѣтить?

— Конечно. Она была стройна, граціозна и немного повыше средняго роста. Когда она обратилась ко мнѣ съ просьбою указать ей квартиру мистрисъ Армадель, я замѣтилъ, что она имѣла изящныя манеры, и что голосъ ея былъ необыкновенно нѣженъ и вкрадчивъ. Наконецъ, мнѣ помнится, что на ней былъ густой, черный вуаль, черная шляпка, черное шелковое платье и пунцовая шаль. Вполнѣ сознаю, какъ важно было бы для васъ получить о ней болѣе точное и вѣрное описаніе. Но, къ несчастію....

Тутъ онъ остановился. Мидвинтеръ жадно слушалъ его,

перегнувшись через столъ, и внезапно положилъ свою руку на руку ректора.

— Неужели эта женщина вамъ знакома? спросилъ его мистеръ Брокъ, удивленный внезапною въ немъ перемѣной.

— Нѣтъ.

— Но что же поразило васъ такъ въ моихъ словахъ?

— Помните ли вы женщину, бросившуюся недавно въ Темзу съ рѣчнаго парохода? спросилъ Мидвинтеръ,—женщину, причинившую цѣлый рядъ смертей, которыя открыли Аллану Армаделю путь къ обладанію Торпъ-Амброзскимъ помѣстьемъ?

—Я помню описаніе ея въ полицейскомъ отчетѣ, отвѣчалъ ректоръ.

— *Эта* женщина, продолжалъ Мидвинтеръ, была также граціозна и стройна. На *этой* женщинѣ былъ также черный вуаль, черная шляпка, черное шелковое платье и пунцовая шаль.

На этихъ словахъ онъ остановился, выпустилъ изъ своей руки руку мистера Брока и порывисто сѣлъ на свое мѣсто.

— Неужели это та самая? прошепталъ онъ, говоря съ самимъ собою.—Неужели *есть* рокъ, невидимо преслѣдующій людей? И не преслѣдуетъ ли онъ *насъ* въ образѣ этой женщины?

Если это предположеніе было справедливо, то единственное событіе въ прошедшемъ, не имѣвшее, повидимому, никакой связи съ остальными событіями, становилось именно тѣмъ недостающимъ звеномъ, которое завершало бы собою всю цѣпь. Здравый смыслъ мистера Брока инстинктивно возсталъ противъ такого страшнаго заключенія. Онъ взглянулъ на Мидвинтера съ сострадательною улыбкой.

— Молодой другъ мой, сказалъ онъ ласково,—дѣйствительно ли освободились вы отъ всякаго суевѣрія? Достойны ли эти слова того лучшаго, благороднаго рѣшенія, которое вы приняли вечеромъ.

Голова Мидвинтера поникла на грудь; краска снова выступила на его лицѣ, и онъ тяжело вздохнулъ.

— Вы уже начинаете сомнѣваться въ моей искренности, сказалъ онъ. — Я не смѣю порицать васъ за это.

— Довѣріе мое къ вашей искренности ни чуть не поколебалось, отвѣчалъ мистеръ Брокъ. — Я сомнѣваюсь лишь въ томъ, на столько ли вы укрѣпили слабыя стороны вашей натуры, на сколько вамъ это кажется. Мало ли на свѣтѣ людей, которые несравненно чаще васъ падали въ борьбѣ

съ самими собою, и однако выходили изъ нея, наконецъ, побѣдителями. Я не порицаю васъ, и не чувствую къ вамъ недовѣрія. Я только обращаю ваше вниманіе на случившееся, чтобы предостеречь васъ противъ самихъ себя. Успокойтесь, успокойтесь! Призовите на помощь свой здравый смыслъ, и тогда вы согласитесь со мною, что нѣтъ никакого очевиднаго доказательства, чтобы женщина видѣнная мною въ Сommерсетширѣ была тою самою женщиной которая бросилась въ Темзу. Мнѣ ли, старику, напоминать юношѣ, подобному вамъ, что въ Англіи найдется много стройныхъ женщинъ, которыя скромно одѣваются въ черныя шелковыя платья и въ красныя шали?

Мидвинтеръ съ жадностью ухватился за этотъ доводъ; будь мистеръ Брокъ болѣе строгимъ судьею человѣческой природы, ему, быть-можетъ, не понравилась бы такая поспѣшность.

— Вы совершенно правы, сэръ, сказалъ молодой человѣкъ, а я кругомъ виноватъ. Цѣлые десятки тысячъ женщинъ, какъ вы замѣтили, соотвѣтствуютъ этому описанію. Я только даромъ терялъ время въ пустыхъ бредняхъ, между тѣмъ какъ мнѣ слѣдовало тщательно собирать факты. Если эта женщина когда-либо вздумаетъ пробраться къ Аллану, я долженъ быть наготовѣ, чтобы преградить ей дорогу.

Онъ сталъ съ безпокойствомъ просматривать разрозненные листки рукописи, и наконецъ, сосредоточилъ все свое вниманіе на одной страницѣ.

— Вотъ это приводитъ меня къ довольно положительнымъ результатамъ, продолжалъ онъ: — это опредѣляетъ мнѣ ея настоящій возрастъ. Въ годъ замужства мистрисъ Армадель ей было двѣнадцать лѣтъ; годъ спустя, когда родился Алланъ, ей минуло тринадцать, а если прибавить къ этой цифрѣ настоящій возрастъ Аллана (двадцать два года), мы получимъ и настоящій возрастъ этой женщины, то-есть тридцать пять лѣтъ. Итакъ, лѣта ея опредѣлены, и я знаю, сверхъ того, что она имѣетъ причины умалчивать о своей замужней жизни. Для начала и это хорошо, а въ послѣдствіи, можетъ-быть, мы узнаемъ и болѣе.

Онъ взглянулъ на мистера Брока съ просіявшимъ лицомъ.

— Правильно ли я сужу теперь, сэръ? и стараюсь ли я воспользоваться предостереженіемъ, которымъ вы удостоили меня?

— Вы только оправдываете вашъ здравый смыслъ, отвѣ-

чалъ мистеръ Брокъ, дѣйствуя противъ пылкости воображенія Мидвинтера и стараясь внушить ему свойственное всѣмъ Англичанамъ недовѣріе къ этой благороднѣйшей изъ человѣческихъ способностей. — Вы пролагаете себѣ путь къ болѣе счастливой жизни.

— Вы думаете? задумчиво спросилъ тотъ, и порывшись немного въ бумагахъ, досталъ еще одну разрозненную страницу.

— А корабль! воскликнулъ онъ вдругъ, снова мѣняясь въ лицѣ и во всей наружности.

— Какой корабль? спросилъ священникъ.

— Корабль, на которомъ совершено было преступленіе, отвѣчалъ Мидвинтеръ, въ первый разъ обнаруживая нетерпѣніе. — Корабль, на которомъ смертоносная рука моего отца заперла дверь каюты.

— Что же вы хотите сказать этимъ? спросилъ мистеръ Брокъ.

Мидвинтеръ, повидимому, не слыхалъ вопроса; глаза его впились въ страницу, которую онъ читалъ.

— Французское судно, занимавшееся перевозкою строеваго лѣса, проговорилъ онъ, обращаясь къ самому себѣ:—французское судно, называемое *La Grâce de Dieu*. Еслибъ убѣжденіе отца моего было справедливо, еслибы рокъ преслѣдовалъ меня шагъ-за-шагомъ изъ его могилы, то въ одномъ изъ моихъ путешествій я навѣрное попалъ бы на этотъ корабль.

Онъ снова взглянулъ на мистера Брока.

— Теперь я убѣжденъ, сказалъ онъ, — что эти двѣ женщины — два совершенно разныя существа.

Мистеръ Брокъ покачалъ головою.

— Я радъ, что вы пришли къ такому заключенію, сказалъ онъ; — но мнѣ пріятнѣе было бы, еслибы вы дошли до него другимъ путемъ.

Мидвинтеръ порывисто вскочилъ съ своего мѣста, и схвативъ рукопись обѣими руками, бросилъ ее въ пустой каминъ.

— Ради самого Бога, позвольте мнѣ сжечь ее! воскликнулъ онъ. — До тѣхъ поръ, пока отъ этого письма будетъ оставаться хоть одна страница, я не перестану читать ее, и противъ своей воли буду подчиняться отцовскому вліянію!

Мистеръ Брокъ указалъ ему на коробку съ зажигательными спичками, и черезъ минуту рукопись вспыхнула. Когда догорѣлъ послѣдній клочекъ бумаги, Мидвинтеръ вздохнулъ свободнѣе.

— Теперь я могу сказать какъ Макбетъ: „Я умеръ, что-

бы стать новымъ человѣкомъ!“ воскликнулъ онъ съ лихорадочною веселостью. — Вы, кажется, утомились, сэръ; да и не мудрено, прибавилъ онъ, понижая голосъ. Я слишкомъ долго заставилъ васъ бодрствовать и не хочу удерживать васъ долѣе. Будьте увѣрены, что я не забуду вашихъ наставленій; будьте увѣрены, что я не допущу къ Аллану никакого врага, все равно, женщина ли то будетъ, или мущина. Благодарю васъ, мистеръ Брокъ, тысячу, тысячу разъ благодарю васъ! Я вошелъ въ эту комнату самымъ жалкимъ существомъ въ мірѣ, но ухожу отсюда счастливѣе птицъ небесныхъ, что поютъ теперь на волѣ!

Въ ту минуту какъ онъ подходилъ къ двери, лучи восходящаго солнца полились въ окно и освѣтили груду пепла, чернѣвшагося въ каминѣ. Воспріимчивое воображеніе Мидвинтера мгновенно воспламенилось при этомъ зрѣлищѣ.

— Взгляните! воскликнулъ онъ радостно,—какъ заря будущаго сіяетъ надъ пепломъ прошедшаго!

Необъяснимое чувство жалости къ человѣку, который въ настоящую минуту своей жизни, казалось, менѣе всего нуждался въ состраданіи, проникла въ сердце священника, когда дверь затворилась за его собесѣдникомъ, и онъ остался одинъ.

— Бѣдняга! проговорилъ мистеръ Брокъ, пугаясь своего собственнаго сострадательнаго порыва. — Бѣдняга!

III. День и ночь.

Прошло утро, прошелъ полдень, и мистеръ Брокъ отправился въ путь.

Проводивъ ректора до Дугласа, молодые люди вернулись въ Кассельтоунъ, и у дверей гостиницы разстались; Алланъ направился къ гавани, чтобы взглянуть на свою яхту, а Мидвинтеръ вошелъ въ гостиницу, чтобъ отдохнуть послѣ безсонной ночи. Онъ спустилъ сторы, закрылъ глаза, но сонъ не являлся. Въ этотъ первый день отсутствія ректора, его впечатлительная натура слишкомъ преувеличивала отвѣтственность, возложенную на него мистеромъ Брокомъ. Нервная боязнь оставить Аллана одного, хотя бы то было на нѣсколько часовъ, навела на него такую тоску и безсонницу, что для успокоенія своего онъ рѣшился встать и пойдти взглянуть на своего друга.

Починка маленькаго судна уже приближалась къ концу. Былъ прохладный, ясный день; земля блистала; море синѣло; кудрявыя волны весело подпрыгивали въ сіяніи солнца, а работники распѣвали, занимаясь своимъ дѣломъ. Спустившись въ каюту, Мидвинтеръ увидалъ своего друга, дѣятельно хлопотавшаго о приведеніи комнаты въ надлежащій порядокъ. Будучи отъ природы наименѣе систематическимъ изъ смертныхъ, Алланъ повременамъ проникался сознаніемъ преимуществъ порядка, и въ такихъ случаяхъ опрятность его доходила до сумасбродства. Въ настоящую минуту онъ стоялъ на колѣнахъ, весь погруженный въ свое дѣло, и съ неистовою энергіей разрушалъ маленькій уютный міръ каюты, чтобы привести его въ первобытное хаотическое состояніе.

— Вотъ такъ каша! произнесъ Алланъ, спокойно поднимаясь на горизонтѣ имъ же самимъ созданнаго безпорядка.— Знаете ли, мой милый, я начинаю думать, что лучше бы мнѣ оставить все это въ покоѣ.

Мидвинтеръ улыбнулся, и поспѣшилъ на помощь къ своему другу, съ проворною ловкостью, свойственною морякамъ.

Первый предметъ, подвернувшійся ему подъ руку, былъ туалетный ящикъ Аллана, опрокинутый вверхъ дномъ; часть принадлежностей его валялась на полу, рядомъ съ половыми щетками и каминною метлой. Осторожно укладывая въ ящикъ всѣ его принадлежности, Мидвинтеръ неожиданно увидалъ миніатюрный портретъ старинной овальной формы, вставленный въ оправу изъ мелкихъ бриліянтовъ.

— Вы, кажется, не очень дорожите этою вещью, сказалъ онъ.—Что это такое?

Алланъ, наклонившись надъ его плечомъ, взглянулъ на миніатюру.

— Эта вещь принадлежала моей матери, отвѣчалъ онъ,—и я чрезвычайно дорожу ею. Это портретъ моего отца.

Рѣзко всунувъ миніатюру въ руки Аллана, Мидвинтеръ удалился на противоположный конецъ каюты.

— Вамъ лучше самому уложить вашъ туалетный ящикъ, сказалъ онъ, оборачиваясь спиною къ Аллану.—Я стану убирать каюту съ этого конца, а вы убирайте съ того.

И онъ началъ приводить въ порядокъ вещи, валявшіяся на столѣ и на полу. Но судьба повидимому рѣшила во что бы то ни стало наталкивать его въ это утро на предметы, составлявшіе личную собственность Аллана. Прежде всего

ему попалась табачная банка, заткнутая вмѣсто пробки письмомъ, которое, судя по объему, заключало въ себѣ нѣсколько другихъ писемъ.

— Извѣстно ли вамъ, что̀ вы сюда положили? спросилъ онъ.—Важное письмо это или нѣтъ?

Алланъ сейчасъ же узналъ его. Это было первое письмо изъ корреспонденціи, полученной имъ на островѣ Манѣ, и по поводу котораго онъ сказалъ однажды мимоходомъ: „Опять пристаютъ эти несносные стряпчіе!" позабывъ вслѣдъ затѣмъ съ своею обычною безпечностью и свое замѣчаніе, и самое письмо.

— Вотъ что̀ значитъ быть особенно заботливымъ! сказалъ Алланъ: — вотъ вамъ примѣръ моей необыкновенной предусмотрительности. Вы, можетъ-быть, не повѣрите этому, но я нарочно положилъ сюда это письмо. „Всякій разъ, думаю себѣ, какъ пойду въ банку, я увижу письмо, а какъ увижу письмо, то и вспомню, что на него нужно отвѣтить." Нечего смѣяться; это было весьма благоразумное распоряженіе. Только я не могъ припомнить, куда я поставилъ банку. Ужь не завязать ли мнѣ на этотъ разъ узелокъ въ носовомъ платкѣ? Какъ вы думаете? У васъ удивительная память, мой милый Напомните мнѣ объ этомъ письмѣ какъ-нибудь въ продолженіе дня, въ случаѣ если и узелъ мнѣ не поможетъ.

Съ отъѣзда мистера Брока, Мидвинтеръ въ первый разъ нашелъ возможность съ пользою замѣнить для Аллана мѣсто его наставника.

— Вотъ вамъ чернильница, сказалъ онъ:—почему бы не отвѣчать вамъ на это письмо сейчасъ же? Откладывая это дѣло до другаго раза, вы рискуете снова позабыть о немъ.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Алланъ.—Но хуже всего то, что я не знаю что̀ мнѣ писать. Мнѣ нуженъ совѣтъ. Сядьте-ка сюда, и я разкажу вамъ въ чемъ дѣло.

Съ громкимъ юношескимъ смѣхомъ, на который отозвался и Мидвинтеръ, заразившійся веселостью своего друга, Алланъ сбросилъ съ дивана груду разныхъ вещей, наваленныхъ на него въ безпорядкѣ, и опорожнилъ мѣсто для себя и для Мидвинтера. Въ полномъ разгарѣ юношеской веселости они сѣли толковать о письмѣ, заткнутомъ въ табачную банку. Это была достопамятная минута для обоихъ, какъ ни легко смотрѣли они на нее въ ту пору. Не покидая своего мѣста, они сдѣлали первый безвозвратный шагъ по темному и извилистому пути ихъ будущей жизни.

Вотъ въ краткихъ словахъ изложеніе вопроса, по поводу котораго Алланъ нуждался въ совѣтѣ своего друга:

Въ то время, какъ совершались различныя формальности по дѣлу о наслѣдствѣ Торпъ-Амброза, а его новый владѣлецъ жилъ въ Лондонѣ, возникъ вопросъ о выборѣ управляющаго. Прежній управитель, не теряя времени, написалъ къ Аллану, предлагая ему свои услуги. Хотя онъ былъ весьма дѣльный и вполнѣ надежный человѣкъ, онъ, однако, не попалъ въ милость къ новому владѣльцу. Дѣйствуя какъ всегда подъ вліяніемъ перваго побужденія, и рѣшившись во что̀ бы то ни стало навсегда поселить Мидвинтера въ Торпъ-Амброзѣ, Алланъ увѣрилъ себя, что мѣсто управляющаго какъ нельзя болѣе годится для его друга, по той простой причинѣ, что оно обязало бы Мидвинтера жить съ нимъ въ помѣстьѣ. Въ силу этого рѣшенія молодой Армадель отказался отъ предлагаемыхъ ему услугъ, не посовѣтовавшись съ мистеромъ Брокомъ, неодобренія котораго онъ весьма справедливо опасался, и ничего не сказавъ Мидвинтеру, который, будучи предоставленъ своему собственному выбору, вѣроятно, отказался бы принять должность, совершенно не соотвѣтствующую его прежнимъ занятіямъ. За этимъ рѣшеніемъ началась переписка, породившая два новыя затрудненія, повидимому, довольно серіозныя, но которыя Алланъ, съ помощью своихъ стряпчихъ, сумѣлъ легко разрѣшить. Первое изъ нихъ, касавшееся провѣрки счетовъ уволеннаго управляющаго, улажено было отправкою въ Торпъ-Амброзъ опытнаго бухгалтера; вторую же заботу, объ извлеченіи какой-либо выгоды изъ дома, очищеннаго управляющимъ (Алланъ разчитывалъ жить подъ одною кровлей съ Мидвинтеромъ), взялся устранить фамильный агентъ торпъ-амброзскихъ владѣльцевъ, жившій въ сосѣднемъ городѣ. Ему поручено было найдти для этой мызы жильцовъ. При отъѣздѣ Аллана изъ Лондона, дѣло оставалось въ этомъ положеніи, и онъ совершенно выбросилъ его изъ головы, какъ вдругъ стряпчіе переслали ему на островъ Манъ два одновременно полученныя ими предложенія, прося его увѣдомить ихъ въ наискорѣйшемъ времени, котораго изъ двухъ жильцовъ желаетъ онъ принять.

Отложивъ на нѣсколько дней всякое попеченіе объ этомъ предметѣ, но вынужденный теперь окончательно рѣшить дѣло, Алланъ показалъ своему другу оба письма, и вкратцѣ изло-

живъ ему всѣ обстоятельства, просилъ удостоить его дружескимъ совѣтомъ. Вмѣсто того чтобы заняться разсмотрѣніемъ писемъ, Мидвинтеръ пребезцеремонно отодвинулъ ихъ въ сторону, и предложилъ Аллану два естественные, но весьма неловкіе вопроса о томъ, кого онъ готовитъ въ новые управляющіе, и зачѣмъ онъ хочетъ помѣстить этого управляющаго у себя въ домѣ?

— Я все вамъ разкажу, какъ мы пріѣдемъ въ Торпъ-Амброзъ, сказалъ Алланъ.—А покамѣстъ довольствуйтесь тѣмъ, что этотъ управляющій называется X. У. Z., и что онъ будетъ жить со мною, такъ какъ я чертовски проницателенъ и намѣренъ держать его у себя на глазахъ. Чему вы удивляетесь? Я знаю его очень хорошо; съ нимъ нужна большая деликатность. Еслибъ я предложилъ ему это мѣсто заранѣе, то его скромность заставила бы его сказать *нѣтъ*. Но такъ какъ я навяжу ему эту должность невзначай, и подъ рукою у него не найдется человѣка, которому можно было бы ее передать, то онъ по неволѣ долженъ будетъ блюсти мои интересы и сказать *да!* X. У. Z., скажу вамъ, далеко не дурной малый. Вы увидите его, когда мы пріѣдемъ въ Торпъ-Амброзъ, и мнѣ сдается, что вы съ нимъ коротко сойдетесь.

Алланъ такъ плутовски подмигивалъ глазами, въ головѣ его было столько добродушнаго лукавства, что человѣкъ болѣе самоувѣренный и болѣе избалованный судьбою, сейчасъ разгадалъ бы его тайну. Что же касается до Мидвинтера, онъ такъ же далекъ былъ отъ истины, какъ тѣ плотники, которые въ это время работали надъ его головою на палубѣ яхты.

— Развѣ нѣтъ теперь въ имѣніи управляющаго? спросилъ онъ, причемъ на лицѣ его ясно отражалось, что онъ недоволенъ отвѣтомъ Аллана. — Неужели никто не занимался все это время дѣлами?

— Ничуть не бывало! возразилъ Алланъ. — Дѣла идутъ, какъ говорится, на всѣхъ парусахъ. Право, я не шучу; я только выражаюсь метафорически. Счетными книгами завѣдуетъ опытный бухгалтеръ, а разъ въ недѣлю въ контору является клеркъ моего стряпчаго. Чтожь, развѣ можно это называть запущеніемъ? Оставьте покамѣстъ новаго управляющаго въ покоѣ, и скажите-ка мнѣ лучше, котораго изъ двухъ жильцовъ предпочли бы вы на моемъ мѣстѣ.

Мидвинтеръ взялъ письма и сталъ внимательно ихъ просматривать.

Первое предложеніе было отъ фамильнаго адвоката торпъ-амброзскихъ владѣльцевъ, того самаго, который первый извѣстилъ Аллана о доставшемся ему наслѣдствѣ. Онъ писалъ собственноручно, говоря что давно восхищается мызой, которая дѣйствительно отличалась прелестнымъ мѣстоположеніемъ. Этотъ джентльменъ былъ старый холостякъ, весь погруженный въ дѣла, и желавшій проводить въ сельскомъ уединеніи часы свободные отъ занятій. Въ концѣ письма онъ бралъ на себя смѣлость увѣрить мистера Армаделя, что въ лицѣ его послѣдній пріобрѣтетъ для себя смирнаго сосѣда, а для своей мызы благонадежнаго и заботливаго жильца. Второе предложеніе, адресованное на имя упомянутаго торпъ-амброзскаго агента, шло отъ совершенно посторонняго человѣка. Это былъ отставной армейскій офицеръ, нѣкто майоръ Мильрой. Семейство его состояло изъ больной жены и единственной дочери — молодой дѣвушки. Представленныя имъ удостовѣренія были вполнѣ удовлетворительны, и онъ не менѣе адвоката желалъ удержать за собою мызу, уединенное положеніе которой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало слабому здоровью мистрисъ Мильрой.

— Ну, такъ какъ же? Какой профессіи долженъ я отдать предпочтеніе? спросилъ Алланъ: — арміи, или адвокатурѣ?

— Мнѣ кажется, тутъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Мидвинтеръ: — адвокатъ уже давно съ вами въ перепискѣ, и слѣдовательно, его права законнѣе.

— Ужъ я зналъ, что вы это скажете! Сколько разъ мнѣ ни приходилось просить у людей совѣта, всегда они противорѣчили моему собственному взгляду. Вотъ хоть бы этотъ вопросъ о наймѣ мызы. Я совершенно на сторонѣ другаго жильца, и стою за майора.

— Но почему?

Молодой Армадель указалъ пальцемъ на ту часть письма агента, гдѣ говорилось о семействѣ майора Мильроя, и гдѣ стояли слова: „молодая дѣвушка".

— Степенный холостякъ, прогуливающійся по моимъ владѣніямъ, будетъ для меня далеко не интереснымъ зрѣлищемъ, сказалъ Алланъ, между тѣмъ какъ молодая дѣвушка совсѣмъ другое дѣло. Я убѣжденъ, что миссъ Мильрой очаровательна. Слушайте, Осія Мидвинтеръ, рыцарь печальнаго образа! Вообразите себѣ какъ она будетъ порхать между моими деревьями въ своемъ хорошенькомъ кисейномъ

платьицѣ и производить безпорядки въ моихъ владѣніяхъ! Вообразите себѣ, какъ она будетъ пробираться своими очаровательными маленькими ножками въ мой фруктовый садъ, прижимать свои прелестныя, свѣжія губки къ моимъ персикамъ, обрывать своими пухленькими ручками мои первыя фіялки, и прятать свой бѣленькій носикъ въ букетахъ свѣжихъ розъ! Что же предлагаетъ мнѣ степенный холостякъ взамѣнъ всѣхъ этихъ прелестей? Видъ желтаго, ревматическаго существа въ штиблетахъ и парикѣ! Нѣтъ! нѣтъ! судьи хорошіе люди, но миссъ Мильрой лучше.

— Можете ли вы о чемъ-нибудь въ мірѣ говорить серіозно, Алланъ?

— Пожалуй, попробую, если хотите. Я очень хорошо знаю, что мнѣ слѣдовало бы предпочесть адвоката; но что же мнѣ дѣлать, если майорская дочка вертится у меня въ головѣ?

Мидвинтеръ сталъ энергически развивать свой справедливый, благоразумный взглядъ на это дѣло, и изъ всѣхъ силъ старался убѣдить своего друга. Выслушавъ его съ примѣрнымъ терпѣніемъ, Алланъ очистилъ мѣсто на столѣ каюты, и вынулъ изъ своего жилетнаго кармана полукрону.

— Мнѣ пришла въ голову преоригинальная мысль, сказалъ онъ. — Пусть рѣшитъ это дѣло сама судьба.

Подобное предложеніе со стороны самаго хозяина дома было такъ увлекательно нелѣпо, что Мидвинтеръ не могъ далѣе оставаться серіознымъ.

— Я буду вертѣть монету, продолжалъ Алланъ, а вы закричите когда мнѣ остановиться. Конечно, мы отдадимъ предпочтеніе арміи. „Лицо" будетъ означать майора, а „изнанка" адвоката. Я начинаю. Смотрите же! И онъ пустилъ монету по столу.

— Изнанка! закричалъ Мидвинтеръ, вторя Аллану, и принимая всю эту продѣлку за одну изъ его ребяческихъ шутокъ.

Монета упала на столъ лицомъ вверхъ.

— Надѣюсь, что вы шутите, сказалъ Мидвинтеръ, видя, что Алланъ раскрываетъ свой портфель и готовится обмакнуть перо въ чернильницу.

— Шучу? Нисколько! возразилъ Алланъ. — Судьба стоитъ за меня и за миссъ Мильрой, а вы и вашъ адвокатъ остались съ носомъ! Да ужь нечего спорить! Майоръ выпалъ на-

верхъ, за нимъ и должна остаться мыза. Не намѣренъ я сдавать ее этимъ адвокатамъ да стряпчимъ, чтобъ они только надоѣдали мнѣ своими письмами.

Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты оба отвѣта были уже готовы. Первый, къ торпъ-амброзскому агенту, заключался въ слѣдующихъ словахъ: „Милостивый государь мой, я согласенъ на предложеніе майора Мильроя; онъ можетъ переѣзжать когда ему угодно. Весь вашъ, Алланъ Армадель.“ Второй, къ адвокату, былъ такого содержанія: „Милостивый государь мой, весьма сожалѣю, что обстоятельства лишаютъ меня возможности принять ваше предложеніе. Весь вашъ, и проч. и проч.“

— Не понимаю, отчего это люди такъ затрудняются перепиской, замѣтилъ Алланъ, окончивъ свои письма. По мнѣ это чрезвычайно легко.

Онъ выставилъ адресы, и насвистывая веселый мотивъ, запечаталъ письма для отправки ихъ на почту. Занятый своимъ дѣломъ, онъ позабылъ о своемъ другѣ. Но когда все было готово, его поразило внезапное молчаніе, воцарившееся въ каютѣ. Поднявъ глаза, онъ съ удивленіемъ увидалъ, что Мидвинтеръ сосредоточилъ все свое вниманіе на полукронѣ, лежавшей на столѣ лицомъ вверхъ. Алланъ пересталъ свистать.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ.

— Размышляю, отвѣчалъ Мидвинтеръ.

— О чемъ это? настаивалъ Алланъ.

— О томъ, отвѣчалъ Мидвинтеръ, подавая ему полу-крону,— есть ли на свѣтѣ судьба?

Черезъ полчаса оба письма были отправлены, и Алланъ, который, занимаясь починкой яхты, почти не имѣлъ до сихъ поръ свободнаго времени, предложилъ своему другу прогулку по городу. Даже лихорадочная заботливость Мидвинтера оправдать довѣріе мистера Брока ничего не могла найдти непозволительнаго въ этомъ невинномъ предложеніи, и молодые люди отправились вмѣстѣ осмотрѣть столицу острова Мана.

Врядъ ли найдется въ обитаемой части земнаго шара другой городъ, который по своему мѣстоположенію представлялъ бы такъ мало интереса для досужато вниманія заѣзжихъ иностранцевъ какъ Кассльтоунъ. Со стороны моря находи-

лась, вопервыхъ, внутренняя гавань съ подъемнымъ мостомъ для пропуска судовъ; вовторыхъ, внѣшняя гавань, оканчивавшаяся приземистымъ маякомъ; затѣмъ, глазамъ зрителя, представлялся плоскій берегъ по правую и плоскій берегъ по лѣвую руку. Въ уединенномъ центрѣ города стояло коренастое сѣрое здание, называвшееся *замкомъ*; не вдалекѣ отъ него возвышалась колонна, воздвигнутая въ память какого-то губернатора Смельта, съ плоскою верхушкой для помѣщенія статуи, но безъ статуи; были тутъ также и казармы, вмѣщавшія въ себѣ до полроты солдатъ, отряженныхъ для занятія острова, съ однимъ унылымъ часовымъ, стоявшимъ у одинокой двери. Преобладающій цвѣтъ въ городѣ былъ свѣтлосѣрый. Нѣсколько открытыхъ лавокъ перемежались на весьма небольшомъ разстояніи другими запертыми лавками, хозяева которыхъ съ отчаянія бросили торговлю. Вялое ротозѣйничество лодочниковъ, безъ цѣли таскавшихся на берегу, казалось здѣсь втрое сонливѣе и вялѣе чѣмъ гдѣнибудь; окружная молодежь, пріютившись подъ сѣнью глухой стѣны, курила трубки въ молчаливомъ уныніи; оборванные ребятишки машинально говорили: „подайте пенни“, и прежде чѣмъ милосердая рука прохожаго успѣвала опуститься въ карманъ, удалялись въ мизантропическомъ совстиіи относительно человѣколюбія лица, къ которому обращались съ своею просьбой.

Могильная тишина, наполнявшая кладбище, разливалась по всему этому жалкому городу. Одно только цвѣтущее зданіе являло отрадное зрѣлище посреди безмолвнаго запустѣнія этихъ страшныхъ улицъ. Посѣщаемое воспитанниками сосѣдняго коллегіума Короля Вильгельма, это зданіе естественнымъ образомъ служило пріютомъ для пирожника и его лавки. Здѣсь по крайней мѣрѣ глазамъ иностранца, заглянувшаго въ окно, представилось бы нѣчто интересное: на высокихъ скамьяхъ, съ длинными болтавшимися ногами и медленно жевавшими челюстями, сидѣли школьники, которые, присмирѣвъ подъ вліяніемъ страшной тишины Кассльтоуна, важно глотали свои пирожки въ ужасающемъ молчаніи.

— Хоть убейте меня, я не могу долѣе смотрѣть на этихъ мальчишекъ съ ихъ пирогами! сказалъ Алланъ, таща своего друга отъ лавки пирожника.—Посмотримъ, не найдемъ ли мы въ слѣдующей улицѣ чего-нибудь позабавнѣе.

Первый забавный предметъ, попавшійся имъ въ сосѣдней улицѣ, была лавка рѣщика-золотильщика, тихо угасавшая въ послѣднемъ градусѣ коммерческаго упадка. Внутри за прилавкомъ виднѣлась только наклоненная голова мальчика, безмятежно спавшаго посреди ненарушимаго молчанія. Въ окнѣ выставлены были на-показъ проходящимъ три маленькія, жалкія, засиженныя мухами рамки, небольшое, отъ времени запылившееся, объявленіе объ отдачѣ въ наемъ какой-то земли и раскрашенная гравюра — воплощеніе началъ самой ярой трезвости, представлявшая въ назиданіе проходящимъ всѣ ужасы пьянства. Эта картина, на которой изображены были опорожненная бутылка джину, необыкновенныхъ размѣровъ чердакъ, перпендикулярно стоявшій церковный чтецъ и въ горизонтальномъ положеніи умиравшая семья,—рекомендовала себя благосклонному вниманію публики, подъ многозначительнымъ и приличнымъ сюжету названіемъ, *Рука Смерти*. Рѣшимость Аллана во что бы то ни стало извлечь для себя удовольствіе изъ прогулки по Кассльтоуну, до сихъ поръ его не покидавшая, начала, наконецъ, измѣнять ему. Онъ предложилъ отправиться въ какое-либо другое мѣсто, и такъ какъ Мидвинтеръ охотно согласился на это предложеніе, то они вернулись въ гостиницу, чтобы разузнать, куда имъ лучше ѣхать. Благодаря необыкновенной несообщительности и фамильярности Аллана, а также его неумѣнію предлагать свои вопросы, молодыхъ людей забросали свѣдѣніями, относившимися ко всему кромѣ того предмета, за которымъ они пришли въ гостиницу. Они сдѣлали много интересныхъ открытій о законахъ и конституціи острова Мана, равно какъ и о нравахъ и обычахъ его обитателей. Къ величайшей потѣхѣ Аллана, туземцы говорили объ Англіи какъ объ извѣстномъ имъ сосѣднемъ островѣ, находящемся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центральной имперіи острова Мана. Затѣмъ, оба Англичанина узнали, что эта счастливая маленькая нація управлялась своими собственными законами, публично провозглашаемыми губернаторомъ и двумя главными судьями, которые нарочно сходились для этого однажды въ годъ наверху стариннаго вала, въ фантастическихъ костюмахъ, приноровленныхъ къ этому случаю. Кромѣ этого завиднаго учрежденія, островъ пользовался еще однимъ неоцѣненнымъ благомъ—мѣстнымъ парламентомъ, называемымъ Палатою Ключей: это собраніе, по словамъ

туземцевъ, далеко опередило парламентъ сосѣдняго острова Англіи, въ томъ отношеніи, что члены его, безъ участія народа, торжественно избирали другъ друга. Съ помощію этихъ подробностей, собранныхъ отъ людей всѣхъ званій и сословій, Алланъ убилъ часъ времени по обыкновенію самымъ безпорядочнымъ образомъ; наконецъ, болтовня истощилась сама собою, и Мидвинтеръ (говорившій все время въ сторонѣ съ хозяиномъ) спокойно напомнилъ своему другу о цѣли ихъ прихода въ гостиницу. По словамъ хозяина, чтобы полюбоваться красивою мѣстностью, нужно было ѣхать на западный и юго-западный берегъ острова, гдѣ находился рыбачій городъ, портъ св. Маріи, имѣвшій гостиницу для пріѣзжающихъ. Мидвинтеръ замѣтилъ Аллану, что если впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ прогулки по Кассльтоуну, еще не отбило у него охоты отъ экскурсій въ какое-либо другое мѣсто, то ему стоитъ только сказать слово, и экипажъ немедленно явится къ его услугамъ. Алланъ подпрыгнулъ отъ удовольствія, и минутъ черезъ десять оба друга уже ѣхали въ глухую, дикую мѣстность, на западной сторонѣ острова.

Такимъ образомъ день отъѣзда мистера Брока ознаменовался до сихъ поръ только самыми ничтожными событіями, въ которыхъ даже нервная подозрительность Мидвинтера не могла найдти ничего предосудительнаго. Такъ суждено было ему и продолжаться вплоть до наступленія ночи, которая, по крайней мѣрѣ для одного изъ двухъ спутниковъ, на всю жизнь должна была остаться памятною.

Не успѣли наши путешественники сдѣлать и двухъ миль сряду, какъ съ ними приключился весьма непріятный случай: у нихъ упала лошадь, и кучеръ объявилъ, что ѣхать на ней далѣе невозможно. Оставалось или послать за другимъ экипажемъ въ Кассльтоунъ, или дойдти пѣшкомъ до порта Св. Маріи.

Рѣшившись на послѣднее, Мидвинтеръ и Алланъ продолжали свой путь; но скоро ихъ нагналъ какой-то джентльменъ, ѣхавшій одинъ въ открытомъ кабріолетѣ. Онъ вѣжливо отрекомендовался имъ подъ именемъ доктора, живущаго около самаго порта св. Маріи, и предложилъ имъ мѣсто въ своемъ экипажѣ. Всегда податливый на новыя знакомства, Алланъ тотчасъ же принялъ это предложеніе, и не прошло пяти минутъ какъ онъ и докторъ (имя котораго было Гаубери) уже разговаривали между собою весьма дружески и фамильярно;

между тѣмъ какъ Мидвинтеръ, по обыкновенію, сдержанный и молчаливый, сидѣлъ одинъ на заднемъ мѣстѣ. У самого въѣзда въ городъ они разстались съ мистеромъ Гаубери передъ дверями его дома. Алланъ громко восторгался чистенькими французскими окошками квартиры доктора, его красивымъ цвѣтникомъ и газономъ, и на прощаньи такъ крѣпко стиснулъ ему руку, какъ будто они съ дѣтства были пріятелями. Пріѣхавъ въ портъ св. Маріи, молодые люди увидали себя въ томъ же Кассльтоунѣ, только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ. Но за то окружавшая городъ мѣстность, грандіозная, дикая, открытая и холмистая вполнѣ оправдывала свою репутацію. День незамѣтно прошелъ въ прогулкѣ, все тотъ же невинный, праздный день, какимъ онъ былъ съ самаго начала, и, наконецъ, смѣнился вечеромъ. Подождавъ еще нѣсколько минутъ, чтобы полюбоваться на заходящее солнце, величественно садившееся надъ лѣсистыми холмами и утесами, и потолковавъ о мистерѣ Брокѣ и его длинномъ путешествіи, они вошли въ гостиницу чтобы заказать свой ранній ужинъ. Ночь все ближе и ближе подходила къ обоимъ друзьямъ; все ближе и ближе подходило и то, что ночь должна была принесть съ собою; а между тѣмъ ничто не предвѣщало этого, и все случившееся было или забавно или ничтожно. Ужинъ приготовленъ былъ плохо; служанка оказалась безтолковою до крайности; старомодная сонетка въ кофейной оборвалась въ рукахъ Аллана, и задѣвъ въ своемъ паденіи размалеванную китайскую пастушку, стоявшую на каминѣ, разбила ее въ дребезги. Такими ничтожными событіями завершился этотъ день, когда, наконецъ, сумерки уступили мѣсто ночи, и въ комнату внесенъ былъ огонь.

Замѣтивъ, что Мидвинтеръ, вдвойнѣ утомленный безсонною ночью и суетливо проведеннымъ днемъ, не расположенъ къ разговору, Алланъ оставилъ его отдохнуть на диванѣ, а самъ отправился въ корридоръ, въ надеждѣ отыскать себѣ какого-нибудь собесѣдника. Здѣсь одно изъ ничтожныхъ событій этого дня снова натолкнуло его на мистера Гаубери, и содѣйствовало, къ счастію или къ несчастію,—это мы увидимъ въ послѣдствіи,—болѣе близкому знакомству между обоими джентльменами.

Буфетъ гостиницы помѣщался въ концѣ корридора, и сама хозяйка, стоявшая за прилавкомъ, приготовляла питье для доктора, который зашелъ поболтать съ нею. Отвѣчая

на просьбу Аллана принять его въ ихъ кружокъ, мистеръ Гаубери вѣжливо подалъ ему стаканъ, только что наполненный для него хозяйкою. Это было холодное питье изъ водки съ водою. Явная перемѣна, происшедшая въ лицѣ Аллана, въ то время какъ онъ внезапно отшатнулся отъ питья и попросилъ подать ему вмѣсто того стаканъ виски, не ускользнула отъ вниманія доктора.

— Еще одинъ примѣръ чисто-нервной антипатіи, сказалъ мистеръ Гаубери, спокойно принимая изъ его рукъ стаканъ съ водкой.

Это замѣчаніе заставило Аллана сознаться въ непреодолимомъ отвращеніи (котораго онъ, впрочемъ, имѣлъ наивность стыдиться) къ запаху и вкусу водки. Съ какою бы жидкостію ни была она смѣшана, присутствіе ея, мгновенно ощущаемое органами его вкуса и обонянія, причиняло ему тошноту и головокруженіе, какъ только напитокъ этотъ касался его губъ. Отъ этого личнаго факта разговоръ перешелъ къ антипатіямъ вообще; съ своей стороны, докторъ сказалъ, что этотъ вопросъ представляетъ весьма важный научный интересъ, и что у него хранится дома описаніе многихъ любопытныхъ случаевъ въ этомъ родѣ, съ которыми онъ радъ познакомить Аллана, если тотъ располагаетъ своимъ вечеромъ и зайдетъ къ нему черезъ часъ, когда окончатся его медицинскія занятія того дня.

Съ удовольствіемъ принявъ приглашеніе доктора (относившееся также и къ Мидвинтеру, еслибы послѣдній пожелалъ имъ воспользоваться), Алланъ возвратился въ кофейную чтобы взглянуть на своего друга. Въ полусонномъ, въ полубодрствующемъ состояніи, Мидвинтеръ все еще лежалъ на диванѣ съ мѣстною газетой въ рукахъ, которую онъ уронилъ на полъ при входѣ Аллана.

— Я слышалъ въ корридорѣ вашъ голосъ, сказалъ онъ сонливо. — Съ кѣмъ это вы разговаривали?

— Съ докторомъ, отвѣчалъ Алланъ. — Я намѣренъ отправиться къ нему черезъ часъ времени, чтобы вмѣстѣ покурить и потолковать. Не пойдете ли и вы со мною?

Мидвинтеръ съ тяжкимъ вздохомъ изъявилъ свое согласіе. Отъ природы застѣнчивый и нерасположенный къ новымъ знакомствамъ, онъ чувствовалъ теперь, вслѣдствіе усталости, еще большее отвращеніе къ предстоящему визиту. Впро-

чемъ, дѣла были въ такомъ положеніи, что ему не оставалось другаго выбора какъ идти къ доктору, потому что, благодаря врожденной опрометчивости Аллана, его никуда нельзя было отпустить одного, и въ особенности въ совершенно незнакомый домъ. „Мистеръ Брокъ, вѣроятно, пошелъ бы самъ съ своимъ воспитанникомъ,“ подумалъ Мидвинтеръ, и онъ былъ твердо убѣжденъ, что заступаетъ теперь для Аллана мѣсто его отсутствующаго наставника.

— А чѣмъ бы намъ заняться покамѣстъ? спросилъ Алланъ, глядя вокругъ себя.—Нѣтъ ли чего-нибудь здѣсь интереснаго? прибавилъ онъ, поднимая лежавшую на полу газету.

— Я слишкомъ усталъ, чтобы просматривать ее. Если вы найдете что-либо интересное, то прочтите вслухъ, сказалъ Мидвинтеръ, надѣясь, что чтеніе не дастъ ему заснуть.

Значительная часть газеты наполнена была выдержками изъ книгъ, только что появившихся въ Лондонѣ. Въ числѣ прочихъ произведеній, изъ которыхъ заимствованы были наибольшія извлеченія, одно въ особенности способно было заинтересовать Аллана: это было весьма эффектное описаніе путевыхъ приключеній какихъ-то путешественниковъ, заблудившихся въ дикихъ пустыняхъ Австраліи. Напавъ на то мѣсто, гдѣ описывались ихъ бѣдствія и грозившая имъ опасность умереть отъ жажды, Алланъ объявилъ своему другу, что онъ нашелъ такую вещь, отъ которой у него волосъ встанетъ дыбомъ, и съ жаромъ принялся за чтеніе. Твердо рѣшившись не спать, Мидвинтеръ слѣдилъ за разказомъ, шагъ за шагомъ, не пропуская ни единаго слова. Долго слушалъ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ: какъ путешественники совѣщались между собою въ виду ужасной смерти, смотрѣвшей имъ прямо въ лицо; какъ они рѣшились идти впередъ до послѣдней возможности; какъ начался потомъ сильный ливень, въ продолженіе котораго они тщетно старались уловить губами дождевыя капли; какъ облегчили они на время свою жажду, обсосавъ свое мокрое платье, и какъ черезъ нѣсколько часовъ потомъ снова возобновились ихъ страданія. И ночной переходъ, совершенный наиболѣе сильными, между тѣмъ какъ слабые оставались позади; и стая птицъ, за полетомъ которыхъ несчастные путешественники начали слѣдить на разсвѣтѣ; и внезапно открывшійся прудъ спасшій имъ жизнь,—все это слышалъ Мидвинтеръ; но ему стоило величайшихъ усилій, чтобы сосредоточивать на раз-

казѣ свое быстро ослабѣвавшее вниманіе. Съ каждою новою строкой, съ каждою новою фразой, слухъ его все смутнѣе и неявственнѣе различалъ голосъ Аллана. Скоро слова незамѣтно слились для него въ какой-то слабый неясный гулъ; затѣмъ, свѣтъ въ комнатѣ сталъ постепенно меркнуть; звуки смѣнились пріятною тишиной, и послѣднія сознательныя ощущенія усталаго Мидвинтера перешли, наконецъ, въ сладкій, тихій сонъ.

Слѣдующимъ событіемъ, въ которомъ онъ могъ дать себѣ отчетъ, былъ сильный звонокъ, раздавшійся у подъѣзда гостиницы. Мидвинтеръ вскочилъ на ноги съ проворствомъ человѣка, привыкшаго пробуждаться при малѣйшемъ шорохѣ. Окинувъ комнату глазами, онъ увидалъ, что она пуста, и что часы показываютъ двѣнадцать. Шумъ, произведенный соннымъ слугой, который отпиралъ внизу дверь, и раздавшіеся вслѣдъ затѣмъ быстрые шаги по корридору, наполнили его внезапнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго. Въ ту минуту, какъ онъ поспѣшно собрался выйдти изъ комнаты, чтобы узнать въ чемъ дѣло, дверь кофейной отворилась, и передъ нимъ очутился докторъ.

— Весьма сожалѣю, что безпокою васъ, сказалъ мистеръ Гаубери.—Но не тревожьтесь; все обстоитъ благополучно.

— Гдѣ мой другъ? спросилъ Мидвинтеръ.

— На пристани, отвѣчалъ докторъ.—Я до нѣкоторой степени несу на себѣ отвѣтственность за его настоящій поступокъ, и мнѣ кажется, что при немъ слѣдуетъ быть теперь какому-нибудь осторожному человѣку какъ вы, напримѣръ.

Этого намека достаточно было для Мидвинтера. Онъ и докторъ немедленно отправились на пристань. Дорогою мистеръ Гаубери сообщилъ своему спутнику обстоятельства, побудившія его прійдти въ гостиницу.

Вѣрный своему обѣщанію, Алланъ въ назначенный часъ явился къ доктору, извиняясь за своего друга, котораго онъ не рѣшился потревожить и оставилъ крѣпко спящимъ на диванѣ кофейной. Вечеръ прошелъ пріятно; разговоръ вертѣлся на различныхъ предметахъ, когда на бѣду мистеръ Гаубери упомянулъ о томъ, что онъ страстно любитъ море, и что у него есть въ гавани своя собственная шлюпка. Разгоряченный этимъ открытіемъ и своимъ любимымъ разговоромъ, Алланъ присталъ къ доктору, чтобы тотъ повелъ его на пристань показать шлюпку. Прелесть ночи и ти-

шина воздуха довершили зло, внушивъ Аллану непреодолимое желаніе покататься въ лодкѣ при лунномъ освѣщеніи. Такъ какъ обязанность медика не позволяла мистеру Гауберри сопровождать своего гостя въ этой прогулкѣ, онъ рѣшился лучше обезпокоить Мидвинтера, нежели допустить Аллана (какъ ни хорошо знакомъ онъ былъ съ моремъ) отправиться въ полночь одному на подобную прогулку.

Покамѣстъ докторъ объяснялъ все это Мидвинтеру, они дошли до пристани, гдѣ увидали молодаго Армаделя, который, натягивая въ лодкѣ парусъ, распѣвалъ во все горло какую-то матросскую пѣсню.

— Сюда, сюда, дружище! крикнулъ Алланъ.—Какъ разъ подоспѣли къ ночнымъ проказамъ при лунномъ освѣщеніи.

Мидвинтеръ замѣтилъ, съ своей стороны, что лучше было бы отложить проказы до утра, а теперь отправиться въ постель.

— Въ постель! воскликнулъ Алланъ, на вѣтреную голову котораго любезное гостепріимство мистера Гауберри имѣло самое возбуждающее дѣйствіе.—Слышите, докторъ? Подумаешь, что ему девяносто лѣтъ! О постели говоритъ старый кротъ! Взгляните-ка сюда, да потомъ и думайте о постели, если можете.

И онъ указалъ рукой на море. Луна сіяла въ безоблачномъ небѣ; со стороны берега дулъ легкій, ночной вѣтерокъ; тихія воды весело струились посреди торжественной тишины ночи. Мидвинтеръ обернулся къ доктору съ выраженіемъ благоразумной покорности обстоятельствамъ: онъ хорошо понималъ, что всѣ слова, всѣ увѣщанія были бы совершенно напрасны.

— Который часъ? спросилъ онъ у доктора.

Мистеръ Гауберри сказалъ ему время.

— Весла въ лодкѣ?

— Да.

— Я привыкъ къ морю, сказалъ Мидвинтеръ, спускаясь съ набережной:—вы можете смѣло довѣрить мнѣ и моего друга, и вашу лодку.

— Доброй ночи, докторъ! закричалъ Алланъ. — Виски у васъ великолѣпно, ваша яхта—прелесть, а вы сами — милѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

Докторъ засмѣялся и махнулъ рукой, между тѣмъ какъ

лодка понеслась изъ гавани, подъ управленіемъ Мидвинтера, который сѣлъ у руля.

Подгоняемые вѣтромъ, молодые люди скоро поравнялись съ западнымъ мысомъ, и уже плыли по Пульвашскому заливу; но тутъ возникъ вопросъ, выходить ли имъ въ открытое море, или держаться берега. Послѣднее было благоразумнѣе, такъ какъ вѣтеръ могъ скоро измѣниться; поэтому Мидвинтеръ повернулъ лодку, и она тихо поплыла около берега въ направленіи къ юго-западу.

Мало-по-малу скалистый берегъ сталъ возвышаться, и въ дикихъ, зазубренныхъ утесахъ, причудливо громоздившихся другъ надъ другомъ, показались со стороны моря черныя зіяющія разсѣлины. Близь крутаго мыса, называемаго Испанскою Головой, Мидвинтеръ многозначительно посмотрѣлъ на часы; но Алланъ вымолилъ еще полчаса, чтобы взглянуть на знаменитый Зундскій проливъ, къ которому они теперь быстро приближались, и о которомъ онъ слышалъ столько удивительныхъ разказовъ отъ своихъ рабочихъ. Новый поворотъ рулемъ, сдѣланный Мидвинтеромъ по просьбѣ Аллана, поставилъ лодку прямо противъ вѣтра. Тогда съ одной стороны глазамъ ихъ открылся величественный видъ южныхъ береговъ острова Мана, а съ другой—черные обрывы островка, называемаго Тельцомъ, и отдѣляемаго отъ материка темнымъ и опаснымъ Зундомъ.

Мидвинтеръ еще разъ посмотрѣлъ на часы.

— Пора вернуться, сказалъ онъ.—Натягивай шкотъ!

— Стой! закричалъ Алланъ, глядя за бортъ.—Боже праведный! Взгляните сюда, передъ нами разбитый корабль!

Мидвинтеръ накренилъ немного лодку, и посмотрѣлъ куда ему указывалъ другъ его.

Между скалистыми берегами Зунда, одинокій, мрачный, какъ привидѣніе, вставшее изъ могилы, вздымался на подводной скалѣ разбитый корабль, освѣщенный блѣдножелтоватымъ сіяніемъ мѣсяца.

— Я знаю, что̀ это за корабль, сказалъ Алланъ въ сильномъ волненіи. Я слышалъ о немъ вчера отъ моихъ рабочихъ. Его занесло сюда въ темную, темную ночь, когда зги Божьей не видать было. Это бѣдное, старое купеческое судно купленное корабельными барышниками на сломъ. Подъѣдемъ къ нему поближе, Мидвинтеръ, мнѣ хочется взглянуть на него.

Мидвинтеръ колебался. Всѣ прежнія наклонности его мор-

ской жизни сильно побуждали его исполнить желаніе Аллана; но вѣтеръ начиналъ свѣжѣть, и онъ не довѣрялъ волнистой поверхности и кипучимъ водоворотамъ канала.

— Это мѣсто слишкомъ опасно, чтобы пускаться въ него, очертя голову, сказалъ онъ.

— Пустяки! возразилъ Алланъ. — На небѣ свѣтло, какъ днемъ, и мы сидимъ на два фута.

Не успѣлъ Мидвинтеръ отвѣчать ему, какъ лодка, увлеченная теченіемъ, понеслась прямо къ разбитому кораблю.

— Паруса долой, и за весла, сказалъ Мидвинтеръ спокойно. Теперь волею, или неволею, а мы прямо бѣжимъ на него.

Оба пріученные къ работѣ веслами, они скоро направили лодку въ наиболѣе спокойную сторону канала, прилегавшую къ островку Телецъ. На небольшомъ разстояніи отъ корабля Мидвинтеръ передалъ свое весло Аллану, и улучивъ удобную минуту, уцѣпился крюкомъ за переднюю часть разбитаго судна. Черезъ минуту лодка уже спокойно стояла, пріютившись подъ сѣнью этой громады.

Корабельный траппъ, подвѣшенный рабочими, спускался за бортъ. Мидвинтеръ взобрался по немъ, держа въ зубахъ фалень *, одинъ конецъ котораго онъ закрѣпилъ наверху, а другой сбросилъ въ лодку къ Аллану.

— Прихватите его покрѣпче, сказалъ онъ,—и подождите меня, покамѣстъ я осмотрю все ли здѣсь безопасно.

Съ этими словами онъ изчезъ за бортомъ.

— Ждать? повторилъ Алланъ, озадаченный чрезмѣрною осторожностію своего друга.—Что̀ онъ хочетъ этимъ сказать? Стану я еще дожидаться его! Куда одинъ идетъ, туда и другому можно!

Онъ кое-какъ замоталъ брошенный ему фалень за переднюю банку шлюпки, и уцѣпившись за траппъ, быстро взобрался по немъ на палубу.

— Ну, что̀, не нашли ли чего-нибудь ужаснаго? спросилъ онъ насмѣшливо своего друга.

Мидвинтеръ улыбнулся.

— Ровно ничего, отвѣчалъ онъ.—Но я не могъ быть увѣренъ въ нашей безопасности до тѣхъ поръ, пока не обошелъ корабля со всѣхъ сторонъ.

---

* Веревка, которою обыкновенно привязываютъ гребныя суда.

Алланъ, въ свою очередь, прошелся по палубѣ, и глазомъ знатока осмотрѣлъ разбитое судно съ носа до кормы.

— Развалина! сказалъ онъ.—Обыкновенно Французы лучше строятъ свои корабли. Мидвинтеръ подошелъ къ Аллану, и съ минуту молча смотрѣлъ на него.

— Французы? повторилъ онъ черезъ нѣсколько времени.— Но развѣ этотъ корабль французскій?

— Да.

— А почему вы знаете?

— Мои рабочіе сказали мнѣ. Они очень хорошо его знаютъ.

Мидвинтеръ подвинулся еще ближе. Алланъ нашелъ, что смуглое лицо его друга казалось особенно блѣднымъ при свѣтѣ луны.

— Не сказали ли вамъ рабочіе, какого рода торговлею занимался этотъ корабль?

— Какъ же! перевозкой строеваго лѣса.

Въ эту минуту худая, смуглая рука Мидвинтера впилась въ плечо Аллана, а зубы его застучали какъ въ лихорадкѣ.

— А не назвали ли они его по имени? спросилъ онъ голосомъ, внезапно перешедшимъ въ шопотъ.

— Кажется называли. Да я, право, позабылъ теперь.... Тише, однако, дружище; вы ужь слишкомъ впились въ меня своими длинными когтями.

— Не зовутъ ли его.... Мидвинтеръ остановился, отнялъ руку отъ плеча Аллана, и обтеръ ею крупныя капли пота, выступившія у него на лбу.—Не зовутъ ли его *La Grace de Dieu*?

— Чортъ возьми! Какъ вы могли угадать это? Дѣйствительно, такъ, *La Grace de Dieu*.

Въ одинъ прыжокъ Мидвинтеръ очутился у борта.

— Лодка!!! крикнулъ онъ отчаяннымъ голосомъ, который звучно раздался среди ночной тишины и заставилъ Аллана немедленно подойдти къ нему.

Нижній конецъ веревки плескался по водѣ, а впереди, разсѣкая серебристую полосу, образуемую луннымъ свѣтомъ, плыла какая-то черная точка, быстро скрывавшаяся изъ виду. Шлюпка отвязалась.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

ВЪ ПАРИЖѢ*

I

По прекращеніи боя на Беллевильскихъ высотахъ, были открыты у Ла-Вилетской заставы переговоры о сдачѣ Парижа. Со стороны союзниковъ вели ихъ графъ Нессельроде и полковникъ Орловъ (Михаилъ Ѳедоровичъ), а со стороны Французовъ—маршалы Мармонъ и Мортье.

Союзники одержали рѣшительную побѣду; по взятіи Беллевильскихъ высотъ, оборона столицы Франціи сдѣлалась невозможна. Оставалось привести въ бездѣйствіе защитниковъ Парижа, чтобъ ослабить сопротивленіе Наполеона. Графъ Нессельроде потребовалъ отъ маршаловъ сдачу города со всѣмъ его гарнизономъ, но оба они съ негодованіемъ отвергли это предложеніе, говоря, что лучше желаютъ пасть подъ развалинами Парижа, чѣмъ подписать такую капитуляцію. Напрасно русскіе коммиссары намекали, что только лишь сдача французскихъ войскъ можетъ побудить Наполеона къ

* Изъ не изданнаго сочиненія генерала Богдановича: *Исторія войны 1814 года во Франціи и низложенія Наполеона.*

миру. Маршалы оставались непоколебимы, какъ вдругъ на правомъ флангѣ союзныхъ войскъ загремѣла сильная канонада и раздалась довольно частая перестрѣлка. Это былъ штурмъ Монмартра. Но и потеря столь важнаго пункта не побудила маршаловъ къ большей уступчивости; графъ Нессельроде рѣшился возвратиться къ союзнымъ государямъ, чтобъ испросить новыя инструкціи. Уполномоченные уѣхали въ сопровожденіи генерала Лапуанта, которому французскіе военачальники дали порученіе привезти крайнія условія (ultimatum) союзниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ приказаніе вручить князю Шварценбергу доставленное генераломъ Дежаномъ письмо Наполеона, въ коемъ императоръ Французовъ извѣщалъ, что онъ открылъ переговоры прямо съ своимъ тестемъ, и что, въ ожиданіи ихъ послѣдствій, фельдмаршалъ долженъ остановить нападеніе на Парижъ. Мортье, за отсутствіемъ короля Іосифа, исполняя повелѣніе Наполеона, предложилъ, черезъ генерала Лапуанта, князю Шварценбергу заключить перемиріе на двадцать четыре часа, оставя войска обѣихъ сторонъ въ занимаемыхъ ими позиціяхъ. Очевидно, что союзный главнокомандующій не могъ замедлить наступленія русскихъ и прусскихъ войскъ, сражавшихся въ присутствіи ихъ государей, и къ тому же императоръ Францъ, измѣнивъ свои прежнія намѣренія, одобрялъ виды императора Александра. Союзные государи, не давъ никакого отвѣта генералу Лапуанту, приказали своимъ уполномоченнымъ возвратиться къ Ла-Вилетской заставѣ и продолжать переговоры на новыхъ, начертанныхъ ими, основаніяхъ. Въ семь часовъ вечера, совѣщаніе возобновилось объявленіемъ графа Нессельроде, что ихъ величества изъявили согласіе на выступленіе изъ Парижа французскихъ войскъ, предоставляя себѣ назначить путь, по которому они должны слѣдовать. Герцогъ Рагузскій, отойдя съ своимъ товарищемъ въ уголъ комнаты, возвратился черезъ нѣсколько минутъ къ союзнымъ коммиссарамъ, говоря, что Парижъ не обложенъ и что его нельзя обложить со всѣхъ сторонъ, что всѣ пути, остающіеся открытыми, могутъ служить для отступленія французскихъ войскъ, но что, несмотря на то, желательно, чтобы графъ Нессельроде выразилъ опредѣлительно, какой именно путь союзники назначаютъ корпусамъ выступающимъ изъ Парижа. Когда же коммиссары потребовали, чтобы Французы ушли по бретанской дорогѣ, Мар-

монъ объявилъ, что онъ не можетъ принять такого условія
и что, защищая Парижъ шагъ за шагомъ, онъ будетъ оттѣс-
ненъ только лишь въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, и далѣе
къ Фонтенебло: слѣдовательно то, чего нельзя достигнуть си-
лою оружія, не должно быть пріобрѣтено перемиріемъ, не-
совмѣстнымъ съ честью стараго воина.

— Господа! сказалъ маршалъ, видимо взволнованный тре-
бованіемъ союзниковъ, — судьба вамъ благопріятствуетъ;
успѣхъ вашего оружія не подлежитъ сомнѣнію; его послѣд-
ствія не исчислимы. Будьте великодушны и умѣренны; не до-
водите насъ до послѣдней крайности. Великодушіе часто бы-
ваетъ выгоднѣе насилія.

Союзные коммиссары сознавали истину словъ маршала,
но не могли отклониться отъ полученныхъ ими инструкцій.
Наконецъ, послѣ долгаго безуспѣшнаго спора, Мортье объ-
явилъ, что онъ долженъ, на всякій случай, принять мѣры къ
оборонѣ Парижа, и потому предоставляетъ дальнѣйшіе пе-
реговоры своему товарищу. Уже было восемь часовъ; начи-
нало смеркаться. Полковникъ Орловъ весьма основательно
замѣтилъ графу Нессельроде, что союзники не станутъ
ночью аттаковывать Парижъ, и, слѣдовательно, нельзя по-
мѣшать выступленію непріятельской арміи по любой до-
рогѣ. По его мнѣнію, надлежало тотчасъ подписать капиту-
ляцію, дозволивъ Французамъ отступить куда пожелаютъ
либо настаивать на прежнихъ условіяхъ и прекратить пе-
реговоры, оставя его заложникомъ въ Парижѣ до возобнов-
ленія непріязненныхъ дѣйствій. Графъ Нессельроде предпо-
челъ послѣднее, прервалъ совѣщаніе и оставилъ полковника
Орлова, въ качествѣ заложника, у маршала Мармона, обнаде-
живъ послѣдняго, что аттака Парижа не будетъ возобновлена,
пока Орловъ не возвратится на русскіе аванпосты. По отъ-
ѣздѣ графа Нессельроде и состоявшихъ при немъ офицеровъ,
Орловъ послѣдовалъ за Мармономъ въ Парижъ, прямо во
дворецъ его. Тамъ было множество лицъ, ожидавшихъ съ
безпокойствомъ рѣшенія участи Парижа. Огромная гостиная
маршала болѣе и болѣе наполнялась. Безпрестанно смѣня-
лись одна другою всѣ тогдашнія французскія знаменитости,
бывшія въ Парижѣ, и въ числѣ ихъ былъ князь Талейранъ;
пройдя гостиную, онъ прямо направился въ кабинетъ хо-
зяина. Тамъ оставался онъ довольно долго, и выйдя оттуда,
сказалъ нѣсколько словъ извѣстнымъ ему лицамъ. Всѣ ки-

нулись узнать что̀ говорилъ онъ, и при общемъ движеніи Орловъ остался почти одинъ въ углу комнаты. Замѣтивъ русскаго офицера, Талейранъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторою торжественностью сказалъ:

— Monsieur, veuillez bien vous charger de porter aux pieds de sa Majesté l'Empereur de Russie l'expression du profond respect du prince de Bénévent.“ *

Орловъ отвѣчалъ въ полголоса:

— Prince, je porterai, soyez-en sûr, ce blanc signé à la connaissance de sa Majesté.“ *

Легкая, едва замѣтная, улыбка скользнула по лицу стараго дипломата, который, вѣроятно, будучи доволенъ смысломъ, приданнымъ словамъ его, удалился.

Многіе изъ ближайшихъ къ нему лицъ, не разслышавъ отвѣта Орлова, остались въ недоумѣніи, и каждый изъ нихъ толковалъ по своему прорицаніе оракула.

Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ присланный Наполеономъ дивизіонный генералъ Жирарденъ. Ему было поручено возбудить гражданъ къ отчаянной защитѣ; кромѣ того, онъ получилъ секретное приказаніе, въ случаѣ вторженія союзниковъ въ Парижъ, взорвать огромный Гренельскій пороховой погребъ и истребить одновременно своихъ и непріятелей, столицу съ ея сокровищами, памятниками и сотнями тысячъ жителей. Это безчеловѣчное приказаніе, переданное Жирарденомъ подполковнику Лескуру, не было исполнено. Лескуръ потребовалъ письменнаго повелѣнія съ собственноручною подписью Наполеона, и не получивъ его, рѣшился ослушаться. Императоръ Александръ въ послѣдствіи наградилъ Лескура за спасеніе Парижа алмазными знаками св. Анны 2-й степени.

Въ два часа утра пріѣхалъ графъ Парръ съ письмомъ графа Нессельроде къ Орлову слѣдующаго содержанія:

„A monsieur le Colonel Orloff.

„Monsieur!

„Sa Majesté l'Empereur, d'accord avec le Maréchal Prince de Schwarzenberg, trouve plus avantageux pour les armées

---

* Милостивый государь, примите на себя трудъ повергнуть къ стопамъ его величества императора россійскаго выраженіе глубочайшаго уваженія князя Беневентскаго.

* Князь! Будьте увѣрены, что я доведу этотъ подписанный бланкъ до свѣдѣнія его величества.

alliées de ne point insister sur la condition qu'il avait mise a la sotrie des troupes, en se reservant la faculté de les faire poursuivre sur la route par laquelle elles se dirigeront. Vous êtes donc autorisé, conjointement avec m-r le Colonel comte de Parr de conclure une convention relative a la remise et a l'occupation de Paris aux conditions dont nous étions convenus, avant mon départ, avec messieurs les ducs de Trévise et de Raguse.

„Agreéz l'assurance de mes sentimens distingués.

„Bondy, le 18 (30) Mars, 1814.“ *

Союзные коммиссары дали знать маршалу Мармону, что готовы подписать капитуляцію Парижа. Герцогъ тотчасъ явился въ гостиную, и тамъ полковникъ Орловъ, въ присутствіи маршала и многочисленныхъ гостей его, менѣе нежели въ четверть часа, написалъ проектъ конвенціи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ:

Капитуляція Парижа.

„*Статья 1-я.* Французскія войска, состоящія подъ командою маршаловъ-герцоговъ Тревизскаго и Рагузскаго, выступятъ изъ Парижа 19-го (31-го) марта, въ семь часовъ утра.

„*Статья 2-я.* Они вывезутъ съ собою весь обозъ обоихъ корпусовъ.

„*Статья 3-я.* Военныя дѣйствія могутъ быть возобновлены не прежде какъ по прошествіи двухъ часовъ по выступленіи, т.-е. 19-го (31-го) марта, въ девять часовъ утра.

„*Статья 4-я.* Всѣ арсеналы, мастерскія и военные склады останутся въ настоящемъ ихъ состояніи.

„*Статья 5 и 6-я.* Національная стража, пѣшая и конная, а равно жандармы, совершенно отдѣлясь отъ арміи, останутся въ полномъ составѣ либо будутъ обезоружены и распущены, по усмотрѣнію союзныхъ державъ.

---

* Его величество императоръ, согласно съ фельдмаршаломъ, княземъ Шварценбергомъ, находитъ выгоднымъ для союзныхъ армій не настаивать на условіи, которое онъ поставилъ относительно выступленія французскихъ войскъ, но оставляетъ за собою право преслѣдовать ихъ на дорогѣ, по которой они направятся. И потому вы, вмѣстѣ съ полковникомъ графомъ Парромъ, уполномочиваетесь заключить конвенцію о сдачѣ и занятіи Парижа на условіяхъ, относительно которыхъ, предъ моимъ отъѣздомъ, состоялось соглашеніе между нами и герцогами Тревизскимъ и Рагузскимъ.

„*Статья 7-я.* Раненые и отсталые, оставшіеся послѣ девяти часовъ въ Парижѣ, будутъ считаться военноплѣнными.

„*Статья 8-я.* Парижъ поручается великодушію высокихъ союзныхъ державъ."

Самъ Мармонъ прочелъ капитуляцію громко и отчетливо, какъ будто бы вызывая многочисленныхъ слушателей сдѣлать какія-либо возраженія или замѣчанія. Всѣ молчали. Маршалъ, возвративъ Орлову бумагу, сказалъ что онъ поручаетъ подписать ее, вмѣстѣ съ союзными коммиссарами, полковникамъ Фавьѐ (Fabvier) и Дені. * Полковникъ Орловъ и графъ Парръ, подписавъ конвенцію вручили копію Мармону. Оставалось назначить депутацію отъ жителей Парижа для встрѣчи императора Александра. Орловъ объявилъ, что онъ составилъ 8-ю статью капитуляціи, имѣя опредѣлительное приказаніе его величества,—избавить Парижанъ отъ огорченія видѣть ключи своего города въ какомъ-либо иностранномъ музеѣ. На разсвѣтѣ депутація была готова. Она состояла изъ префектовъ Шаброля и Паскьѐ, нѣсколькихъ членовъ городской Думы, начальника штаба и двухъ штабъ-офицеровъ парижской національной стражи. Полковникъ Орловъ проводилъ депутатовъ въ Бонди черезъ русскіе бивакu, среди множества огней, при свѣтѣ коихъ солдаты, уже успѣвшіе отдохнуть, готовились къ послѣднему, торжественному акту великой драмы народовъ. Вездѣ кипѣла усиленная дѣятельность, вездѣ воины, прошедшіе изъ конца въ конецъ Европу, чистили одежду, оружіе, конскую сбрую. По прибытіи въ главную квартиру, Орловъ ввелъ депутатовъ въ большую залу замка и приказалъ доложить о себѣ графу Нессельроде, который тотчасъ вышелъ къ депутатамъ; самъ же Орловъ прямо отправился къ императору. Государь принялъ его въ постели.

— Ну, что̀, спросилъ онъ,—какія вѣсти привезли вы?

— Капитуляцію Парижа, отвѣчалъ Орловъ.

Императоръ взялъ ее, прочелъ, сложилъ бумагу, и положивъ ее подъ подушку, сказалъ:

— Поцѣлуемся. Поздравляю васъ: ваше имя соединено съ великимъ событіемъ.

---

* Полковникъ Фавье въ послѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ, принявъ участіе въ войнѣ за независимость Греціи. Полковникъ Дени, адъютантъ Мармона, въ послѣдствіи графъ Дамремонъ, генералъ-губернаторъ Алжиріи, убитъ во время штурма Константины въ 1837 году.

Государь изъявилъ желаніе знать всѣ подробности пребыванія Орлова въ Парижѣ и въ особенности о Талейранѣ.

— Теперь это лишь анекдотъ, но современемъ вашъ разказъ можетъ сдѣлаться исторіей, сказалъ онъ.

Затѣмъ, отпустивъ Орлова, государь уснулъ глубокимъ сномъ почти въ ту же минуту.

Между тѣмъ, коммиссары обѣихъ сторонъ сговорились съѣхаться въ восемь часовъ утра у Пантенской заставы.

Распоряженія главной квартиры союзниковъ, на 19 (31) марта, заключались въ слѣдующемъ:

Авангардъ графа Палена, въ девять часовъ утра, вступивъ черезъ Тронную заставу въ Парижъ, долженъ былъ перейдти Сену по Аустерлицкому мосту и двинуться по фонтенеблской дорогѣ, въ слѣдъ за войсками Мармона и Мортье. Отъ Силезской арміи былъ посланъ для преслѣдованія непріятеля легкій отрядъ Эмануеля.

Въ половинѣ 10-го, для параднаго вступленія въ Парижъ, приказано стать между Пантеномъ и Сенъ-Мартенскимъ предмѣстьемъ россійско-прусской гвардіи, гренадерскому корпусу Раевскаго, тремъ кирасирскимъ дивизіямъ и австрійскимъ гренадерамъ.

Всѣ армейскіе корпусы получили приказаніе не входить въ Парижъ, а расположиться въ окрестностяхъ и поставить караулы на заставахъ и постахъ внутри города, въ ожиданіи ихъ смѣны гвардіей и гренадерами. Не легко было армейскимъ полкамъ сдѣлать этотъ нарядъ. Солдаты, въ изношенной одеждѣ, въ изорванныхъ сапогахъ, были болѣе способны къ бою чѣмъ къ параду. Войска Раевскаго, во французскихъ мундирахъ, снятыхъ съ убитыхъ и плѣнныхъ непріятелей, уподоблялись болѣе Французамъ нежели Русскимъ. Изъ всего корпуса принца Евгенія набрали едва тысячу человѣкъ, прилично одѣтыхъ и обутыхъ.

Союзныя войска, оставленныя внѣ города, расположились слѣдующимъ образомъ:

3-й корпусъ Гіулая и 4-й кронъ-принца Виртембергскаго у Шарантона; 6-й Раевскаго на Беллевильской высотѣ; 5-й фельдмаршала Вреде перешелъ къ Шелль; корпусы Іорка и Клейста расположились на тѣсныхъ квартирахъ, въ окрестностяхъ Монмартра, Нёльй и Пассй; корпусы графа Ланжерона переправились на лѣвую сторону Сены; войска графа Воронцова стали у Ла-Шапель. Укрѣпленный городъ

Сенъ-Дени сдался на капитуляцію и былъ занятъ Колыванскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подъ начальствомъ полковника Нарышкина.

Генералъ-лейтенантъ Паленъ, съ легкою кавалеріей 6-го корпуса и съ 23-ю конно-артиллерійскою ротой, преслѣдовалъ непріятеля въ сей день по дорогѣ къ Фонтенебло, до рѣки Оржъ и захватилъ до 800 отсталыхъ. Генералъ Емануель, съ двумя тысячами кавалеріи, перешелъ въ Сенъ-Клу на лѣвую сторону Сены взялъ въ плѣнъ нѣсколько сотъ человѣкъ, и дойдя до рѣки Бьевръ, вошелъ въ связь съ авангардомъ графа Палена.

А между тѣмъ какъ берега Сены въ послѣдній разъ оглашались громомъ русскаго оружія, Европа ликовала въ Парижѣ.

Императоръ Александръ, съ обычною ему ласковостью, принявъ городскихъ депутатовъ въ Бонди, повторилъ имъ свои прежнія увѣренія, что онъ велъ войну не противъ Франціи, а противъ безразсуднаго властолюбія Наполеона, что онъ вовсе не желаетъ побудить Францію ни къ принятію какого-либо правительства, ни къ заключенію постыднаго мира, но имѣетъ цѣлью избавить ее отъ деспотизма, столько же тягостнаго для нея самой, сколько и для всей Европы. Онъ далъ слово, что союзныя войска будутъ обходиться наилучшимъ образомъ съ Парижанами, изъявилъ согласіе чтобъ охраненіе спокойствія въ городѣ было предоставлено національной стражѣ, и обѣщалъ освободить жителей столицы отъ военнаго постоя. Единственное требованіе государя заключалось въ жизненныхъ припасахъ для арміи. По возвращеніи въ Парижъ, депутаты не могли найдти довольно словъ, чтобы передать своимъ согражданамъ удивленіе и восторгъ, возбужденные въ нихъ великодушіемъ и благостью россійскаго монарха.

Едва лишь императоръ Александръ отпустилъ депутацію, какъ доложили ему о прибытіи Коленкура.

II.

Наполеонъ, съ авангардомъ своей арміи, на разсвѣтѣ 18-го (30-го) марта, въ то самое время, когда союзники готовились сдѣлать нападеніе на Парижъ, находился въ Труа и составилъ диспозицію для движенія войскъ такимъ образомъ, чтобъ они подошли къ Парижу 21-го марта (2-го

апрѣля) вмѣстѣ съ дивизіей Сугама, долженствовавшаго прибыть отъ Ножана чрезъ Фонтенебло. Такъ какъ французскимъ войскамъ, двигавшимся изъ окрестностей Труа, надлежало сдѣлать три перехода, по шестидесяти верстъ, то Наполеонъ приказалъ зарыть въ землю повозки и боевые припасы, которыхъ нельзя было увезти при форсированномъ движеніи арміи. Самъ же онъ отправился съ конвоемъ (escadrons de servise) въ Вильневъ ла-Гюйаръ, а оттуда на почтовыхъ въ Фонтенебло и далѣе по дорогѣ къ Парижу; за нимъ, въ другомъ экипажѣ, ѣхали Бертье и Коленкуръ. По прибытіи въ полночь на почтовую станцію Куръ-де-Франсъ, въ двадцати верстахъ отъ Парижа, Наполеонъ встрѣтилъ кавалерію Бельяра. Пораженный неожиданнымъ появленіемъ этихъ войскъ, онъ выскочилъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ по дорогѣ съ Бельяромъ, разспрашивая его о событіяхъ въ столицѣ, а затѣмъ, обратясь къ Коленкуру, приказалъ подвезти коляску, чтобы тотчасъ ѣхать въ Парижъ. Напрасно Бельяръ увѣрялъ его, что это невозможно, что французскія войска очистили городъ, и что утромъ рано туда вступятъ союзники.

— Ну, мы пойдемъ впередъ, опять займемъ городъ, отвѣчалъ Наполеонъ.—Парижане возстанутъ, чтобъ избавиться отъ варваровъ.

— Теперь уже поздно, повторилъ Бельяръ. — Всѣ высоты господствующія надъ Парижемъ, заняты сто двадцатью тысячами непріятельскихъ войскъ; ваше величество подвергнете себя плѣну и Парижъ опустошенію. Къ тому же мы выступили изъ Парижа на основаніи капитуляціи, и потому не можемъ туда возвратиться.

— Какая капитуляція? Кто имѣлъ малодушіе подписать ее?

— Не знаю; мнѣ извѣстно только то, что Мортье приказалъ моей кавалеріи идти къ Фонтенебло.

— Гдѣ король Іосифъ? Гдѣ военный министръ?

— Мы отъ нихъ не получали никакихъ приказаній, и даже никто не видалъ ихъ. Каждый изъ маршаловъ распоряжался по собственному усмотрѣнію.

— Я долженъ ѣхать въ Парижъ; вездѣ, гдѣ меня нѣтъ, дѣлаются только глупости. Надлежало держаться долѣе, оборонять Парижъ до прибытія арміи, поручить національной стражѣ защиту укрѣпленій. Что сдѣлали съ моею артилле-

ріей? У меня въ Парижѣ было болѣе двухъ сотъ орудій, а боевыхъ запасовъ стало бы на цѣлый мѣсяцъ.

— На самомъ же дѣлѣ, мы дѣйствовали только изъ полевыхъ орудій и въ два часа уже были принуждены стрѣлять медленнѣе по недостатку въ зарядахъ.

— Ну, я вижу, что всѣ потеряли голову; у нихъ не стало ни толку, ни духу.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ жаловался на неспособность лицъ распоряжавшихся обороною Парижа, и въ особенности обвинялъ своего брата Іосифа и министра Кларке, подошла навстрѣчу ему пѣхотная колонна.

— Какія это войска? спросилъ онъ.

— Корпусъ маршала Мортье, отвѣчалъ генералъ Кюріаль.

— Позовите его ко мнѣ.

— Онъ еще въ Парижѣ.

Затѣмъ, узнавъ отъ Кюріаля, что вся пѣхота отошла отъ Парижа на разстояніи отъ пятнадцати до двадцати верстъ, Наполеонъ сѣлъ на дорогѣ и, погруженный въ глубокую думу, оставался нѣсколько минутъ среди своихъ сподвижниковъ, безмолвно ожидавшихъ его приказаній. Въ продолженіе трехъ сутокъ, сдѣлавъ болѣе ста верстъ на почтовыхъ и столько же верхомъ, онъ изнемогалъ отъ усталости, но какъ будто забылъ объ отдыхѣ. По его приказанію, въ убогомъ домѣ смотрителя станціи, при скудномъ освѣщеніи, была разложена карта окрестностей Парижа.

— Еслибы моя армія была бы здѣсь, я поправилъ бы дѣло, сказалъ онъ.—Но она придетъ не прежде какъ черезъ три или четыре дня.

Желая успокоить его, Коленкуръ сказалъ:

— Государь! Армія здѣсь будетъ, и ваше величество черезъ четыре дня сдѣлаете то, что̀ хотѣли сдѣлать сегодня.

Наполеонъ, разсѣянно слушавшій разговоръ своихъ собесѣдниковъ, какъ будто очнувшись, громко воскликнулъ:

— Ахъ Коленкуръ, какъ вы мало знаете людей! Три дня! Два дня! Вы не знаете что̀ можно сдѣлать въ такое короткое время.

Потомъ, пройдя комнату быстрыми шагами нѣсколько разъ, онъ продолжалъ:

— Я поражу непріятелей въ Парижѣ, но мнѣ нужно выиграть нѣсколько времени, и вы мнѣ поможете въ томъ.

Затѣмъ, отпустивъ всю свиту и оставшись наединѣ съ

Коленкуромъ, Наполеонъ поручилъ ему ѣхать въ главную квартиру союзниковъ, представиться императору Александру, извѣстить его о наступленіи шестидесяти-тысячной французской арміи, усиленной двадцатью тысячами человѣкъ, выступившими изъ Парижа, и предложить ему неотлагательно заключеніе мира на условіяхъ сходныхъ съ требованіями союзниковъ въ Шатильонѣ. Наполеонъ полагалъ, что императоръ Александръ, устрашенный наступленіемъ многочисленной непріятельской арміи, не захочетъ подвергнуть опасности свои успѣхи и откроетъ переговоры, которые потребуютъ нѣсколько дней и дадутъ возможность Французамъ собраться съ силами. Напрасно Коленкуръ совѣтовалъ Наполеону покориться силѣ обстоятельствъ и принять шатильонскія условія. Наполеонъ не хотѣлъ мира и приказалъ своему представителю *только выиграть время.* Отправя Коленкура и приказавъ войскамъ собираться у Эссонъ, онъ уѣхалъ въ Фонтенебло.

И здѣсь, на закатѣ звѣзды своего счастія, какъ за два года передъ тѣмъ, въ челѣ полчищъ Европы, на Нѣманѣ, Наполеонъ заблуждался, надѣясь устрашить своего противника. Тотъ, кто въ годину бѣдствій изъявилъ готовность скорѣе удалиться въ Сибирь и ходить въ смуромъ кафтанѣ, нежели унизить достоинство Россіи постыднымъ миромъ,— тотъ не могъ измѣнить своему высокому назначенію, предводя арміями народовъ, дружно возставшихъ за независимость, спокойствіе и благоденствіе Европы. Принявъ Коленкура такъ же милостиво, какъ и въ эпоху величія Французской имперіи, государь сказалъ, что, желая мира и не достигнувъ своей цѣли въ Шатильонѣ, онъ принужденъ былъ искать его въ Парижѣ, что онъ не хочетъ унизить Францію, но считаетъ себя обязаннымъ упрочить спокойствіе Европы, и потому ни онъ, ни его союзники не станутъ вести переговоровъ съ Наполеономъ. Затѣмъ, императоръ Александръ, поставя на видъ, что по всѣмъ дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, сами Французы желаютъ избавиться отъ тяготѣвшаго надъ ними деспотизма, объявилъ, что выборъ властителя Франціи будетъ предоставленъ союзниками почетнѣйшимъ изъ ея гражданъ, и что вся Европа одобритъ его. Напрасно Коленкуръ старался поколебать твердое намѣреніе россійскаго монарха, представляя ему, что союзники, низвергнувъ съ престола государя признаннаго всѣми европейскими дворами, зятя

одного изъ властителей коалиціи, выказали бы себя поборниками разрушительныхъ стремленій революціи; напрасно преувеличивалъ онъ опасность довести до отчаянія Наполеона и его армію, и подвергнуть сомнительной участи боя успѣхи, которыя можно было упрочить выгоднымъ миромъ. Государь отвѣчалъ:

— Союзные монархи не могутъ имѣть цѣлью низпроверженіе престоловъ; они будутъ поддерживать не какую-либо партію недовольныхъ настоящимъ правительствомъ, а общее желаніе почетнѣйшихъ людей Франціи. Что же касается до опасенія довести Наполеона до отчаянія, то мы намѣрены продолжать борьбу до конца, чтобы не возобновлять ее при менѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, и еслибы намъ теперь не удалось вступить въ Парижъ, то придемъ снова и будемъ сражаться, пока достигнемъ прочнаго мира, котораго не можемъ надѣяться отъ человѣка опустошившаго Европу отъ Москвы до Кадикса.

Когда же по поводу рѣшимости союзниковъ продолжать войну до послѣдней крайности, Коленкуръ изъявилъ сомнѣніе въ готовности императора Франца свергнуть съ престола дочь свою, государь сказалъ:

— Австрійское правительство неохотно рѣшилось на сію мѣру, но съ тѣхъ поръ, какъ вы не приняли предложеннаго имъ перемирія въ Люзиньи, императоръ Францъ не менѣе насъ убѣдился въ невозможности вести переговоры съ своимъ зятемъ.

Разставаясь съ Коленкуромъ, Александръ снова увѣрилъ его въ своей благосклонности, пригласилъ побывать у него въ тотъ же день и обѣщалъ принять его во всякое время.

Ровно въ восемь часовъ государь, выйдя на крыльцо Бондискаго замка, сѣлъ на свѣтло-сѣрую лошадь, по имени *Эклипсъ*, подаренную его величеству Коленкуромъ, въ бытность его посломъ въ Петербургѣ, и поѣхалъ въ Парижъ. Войскамъ назначено было вступать слѣдующимъ порядкомъ:

Прусская гвардейская кавалерія.

Легкая гвардейская кавалерійская дивизія.

Австрійская гренадерская бригада.

Гренадерскій корпусъ.

Гвардейская пѣхота: 2-я гвардейская дивизія; прусско-баденская бригада; 1-я гвардейская дивизія.

Кирасирскія дивизіи: 3, 2 и 1-я.

Проѣхавъ съ версту, императоръ Александръ встрѣтилъ короля прусскаго и гвардію, пропустилъ мимо себя прусскую и легкую гвардейскую кавалерію и послѣдовалъ за ними, вмѣстѣ съ высокимъ своимъ союзникомъ и княземъ Шварценбергомъ, въ сопровожденіи свиты, состоявшей болѣе нежели изъ тысячи генераловъ и офицеровъ различныхъ націй; за ними, въ нѣкоторомъ разстояніи, шли австрійскіе гренадеры и прочія отборныя войска, въ назначенномъ порядкѣ. Звуки трубъ и военной музыки оглашали окрестности Парижа. По свидѣтельству маркиза Лондондери: „все, что можно сказать о русскихъ резервахъ, останется ниже дѣйствительности. Видъ и вооруженіе ихъ удивительны. Когда подумаешь о трудахъ перенесенныхъ этими людьми, изъ коихъ многіе, прибывъ отъ границъ Китая, въ короткое время прошли пространство отъ Москвы до Франціи, исполняешься чувствомъ ужаса къ необъятной Русской имперіи.“ Появленіе государя предъ рядами гвардіи въ торжественный часъ, когда воины-побѣдители, достигнувъ цѣли своихъ подвиговъ, забыли цѣлые годы трудовъ, лишеній и превратностей счастія, было встрѣчено съ радостнымъ восторгомъ. Что чувствовалъ тогда Агамемнонъ Европы, окончивъ десятилѣтнюю борьбу съ горделивымъ противникомъ? Конечно, тогда, въ эпоху высшей славы, дарованной ему Всевышнимъ Промысломъ, онъ вспомнилъ и вечеръ боя подъ Аустерлицемъ, и невзгоды роковаго 1812 года, облившія кровью его сердце. Здѣсь готовился онъ отмстить за пожаръ Москвы, отмстить достойно себя — спасеніемъ Парижа. На пути къ Парижу, подъ вліяніемъ радостнаго настроенія духа, государь обращался къ своимъ сподвижникамъ, говорилъ съ ними о минувшихъ событіяхъ и передавалъ имъ свои воспоминанія Алексѣй Петровичъ Ермоловъ разказывалъ, что императоръ Александръ тогда подозвалъ его къ себѣ и указавъ, незамѣтно, на ѣхавшаго съ ними князя Шварценберга, сказалъ по-русски:

— По милости этого толстяка, не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка, а затѣмъ, помолчавъ съ минуту, спросилъ:—Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простячка.

— Не знаю, государь! отвѣчалъ Ермоловъ. — Могу сказать только, что слова, которыя удостоился я слышать отъ ва-

шего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному.

По мѣрѣ приближенія къ Парижу, толпы любопытныхъ его жителей, вышедшихъ навстрѣчу союзнымъ войскамъ, болѣе и болѣе густѣли. Казалось, не монархъ-побѣдитель вступалъ въ покоренную имъ столицу, а весь Парижъ готовился принять желаннаго гостя. Всѣ спрашивали: „гдѣ императоръ Александръ?“ Одинъ изъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба, ѣхавшій съ лейбъ-казаками, удовлетворяя вопросы любопытныхъ, безпрестанно повторялъ: „cheval blanc, panache blanc“ (бѣлая лошадь, бѣлый султанъ). Въ 11-мъ часу государь подъѣхалъ къ Пантенской заставѣ; тамъ ожидалъ его принцъ Евгеній, котораго войска стояли въ караулѣ у заставы. Императоръ, обратясь къ принцу, сказалъ: „поздравляю васъ съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, или, лучше сказать, поздравляю себя съ тѣмъ, что могу вамъ дать его“. * Отъ Пантенской заставы союзные монархи, окруженные блистательною свитой, ѣхали чрезъ Сенъ-Мартенское предмѣстье и вдоль бульваровъ къ Елисейскимъ Полямъ, гдѣ войска прошли мимо ихъ величествъ церемоніяльнымъ маршемъ. Народъ тѣснился на улицахъ и въ окнахъ домовъ, и даже во многихъ мѣстахъ кровли были унизаны любопытными жителями столицы. Сначала замѣтно было въ нихъ какое-то опасеніе, но вскорѣ затѣмъ, узнавъ государя, услышавъ нѣсколько словъ имъ сказанныхъ, Парижане встрѣчали его съ восторгомъ спасенія. Конечно, въ этихъ изъявленіяхъ радости и восторга была нѣкоторая доля легкомыслія и впечатлительности, свойственныхъ Французамъ, однакоже главную причину ихъ общаго увлеченія можно объяснить, съ одной стороны, надеждою освободиться отъ тяжкаго ига, а съ другой—привѣтливостью и очаровательнымъ обхожденіемъ Россійскаго монарха. „Вотъ онъ, вотъ Александръ!“ говорили Парижане другъ другу. „Какъ онъ милостиво кланяется, какъ ласково говоритъ. Да здравствуетъ

---

* Черезъ нѣсколько дней, когда принцъ Евгеній просилъ дозволеніе пробыть нѣкоторое время въ Парижѣ, государь сказалъ ему: „Qui aurait y plus de droit que vous? Sans vous nous ne serions pas ici.“ (Кто болѣе васъ имѣетъ на то право? Безъ васъ мы не были бы въ Парижѣ). *Memoiren des Herzogs Eugen von Würtemberg*, III, 263—264.

императоръ Александръ!"—„Да здравствуетъ миръ!" отвѣчалъ государь. „Я вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ спокойствіе и свободу торговли." — „Мы уже давно ждали прибытія вашего величества," сказалъ одинъ Французъ. „Я бы ранѣе къ вамъ прибылъ, но меня задержала храбрость вашихъ войскъ," отвѣчалъ Александръ. Русскіе были предметомъ ненасытнаго любопытства для обитателей Парижа: всѣ рвались впередъ посмотрѣть на воиновъ, пришедшихъ съ дальняго сѣвера, представленныхъ досужими французскими публицистами, въ угоду Наполеону, въ видѣ грубыхъ варваровъ, Татаръ пустыни, людоѣдовъ, находившихъ вкусъ въ дѣтскомъ мясѣ. И потому не удивительно, что многіе изъ Французовъ, и теперь не обладающихъ глубокими свѣдѣніями въ этнографіи, воображали, за полвѣка предъ симъ, увидѣть Русскихъ существами едва имѣющими человѣческій образъ, полудикими, въ странной одеждѣ, говорящими языкомъ непонятнымъ для образованныхъ націй. Но, вмѣсто всего этого, поразили ихъ: красота русскихъ мундировъ, блескъ оружія, здоровый видъ и бодрость солдатъ, учтивость офицеровъ, остроумные отвѣты ихъ на французскомъ языкѣ. Сначала Парижане принимали ихъ за эмигрантовъ, но вскорѣ убѣдясь въ противномъ, стали передавать съ удивленіемъ вѣсть о невѣроятныхъ свойствахъ нежданыхъ гостей своихъ. На всякомъ шагу были слышны похвалы кроткимъ побѣдителямъ; женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками; во всемъ Парижѣ раздавались восклицанія: „vive Alexandre! vivent les Russes! vivent les Alliés! vive Guillaume! * Во время парада, Парижанки, желая удобнѣе видѣть Государя, просили русскихъ офицеровъ, состоявшихъ въ его свитѣ, сойдти съ лошадей, и становились, либо садились на сѣдла. Государь, замѣтивъ эти продѣлки, указалъ на нихъ князю Шварценбергу, который съ улыбкою сказалъ: „pour vu qu'on n'enleve pas les Sabines". **

Въ продолженіи шествія союзныхъ войскъ чрезъ Парижъ, западныя, аристократическія части города, такъ-называемыя предмѣстья Сенъ-Жерменъ и Сентъ-Оноре, представляли зрѣлище борьбы партій, волновавшихъ Францію. Съ ранняго

* Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуютъ Русскіе! Да здравствуютъ союзники! Да здравствуетъ Вильгельмъ!

** Лишь бы не похитили этихъ Сабинокъ.

утра, какъ только войска Мармона и Мортье выступили изъ города, человѣкъ пятьдесятъ роялистской молодежи верхомъ появились на площади Согласія (place de la Concorde), той самой, на которой погибъ царственный мученикъ Людовикъ XVI. Всѣ они были съ бѣлыми кокардами и бѣлыми повязками на правой рукѣ. Нѣсколько дамъ знатнѣйшихъ фамилій, преданныхъ Бурбонамъ, принцесса Леонъ, графиня Шуазель, одна изъ родственницъ виконта Шатобріана и прочія также вышли на площадь. Прочитавъ во всеуслышаніе прокламацію Шварценберга, роялисты стали раздавать бѣлыя кокарды и съ восклицаніями: vive le roi! (да здравствуетъ король!) приглашали народъ присоединиться къ нимъ. На этотъ призывъ столпилось множество парижскихъ зѣвакъ, но все это сборище оставалось въ нерѣшимости. Роялисты, однакоже не отчаяваясь въ успѣхѣ своихъ усилій, раздѣлились на нѣсколько небольшихъ отрядовъ и отправились въ различныя стороны; многіе изъ нихъ, съ бѣлыми платками, навѣшенными на трости, выѣхали по королевской улицѣ (rue Royale) на бульвары, восклицая: Vivent les Bourbons! Vive Louis XVIII! A bas le tyran! * и предлагали всѣмъ встрѣчнымъ бѣлыя кокарды; къ нимъ присоединились нѣсколько разряженыхъ женщинъ, которыя рвали на части свои носовые платки и раздавали ихъ народу; кое-гдѣ еще были слышны крики: Vive l'empereur! но шумный говоръ и ропотъ народа заглушали голосъ приверженцевъ имперіи. Многіе навязывали на рукавъ бѣлыя повязки, принявъ ихъ за эмблему мира; напротивъ того, національная стража считала обязанностію не дозволять столь сомнительныхъ манифестацій; другіе полагали, что эти знаки появились въ угожденіе союзникамъ, и что не слѣдовало запрещеніемъ ихъ раздражать побѣдителей. Дѣйствительно, союзныя войска носили на рукѣ бѣлыя повязки, и хотя это, какъ мы уже сказали, не имѣло никакого политическаго значенія, однакоже на первый разъ послужило въ пользу приверженцамъ Бурбоновъ и подало имъ возможность, съ одной стороны, привлечь на свою сторону всѣхъ нерѣшительныхъ людей, а съ другой—выказать свою партію въ глазахъ союзныхъ монарховъ гораздо сильнѣйшею, нежели какою она была въ дѣйстви-

* Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Долой тирана!

тельности. Нѣкоторые изъ австрійскихъ полковъ, послѣ покоренія Парижа, украсили свои головные уборы зелеными вѣтвями, что весьма не понравилось Французамъ, принявшимъ эти вѣтви за горделивые знаки побѣды, и подало поводъ къ нѣсколькимъ столкновеніямъ; впрочемъ, во все продолженіе стоянки союзниковъ въ Парижѣ, за исключеніемъ немногихъ ссоръ, возбужденныхъ головорѣзами, которыхъ сами Парижане величали нелестнымъ прозвищемъ (septembriseurs), господствовало совершенное согласіе между союзными войсками и жителями города. Французы, радушно угощая своихъ постояльцевъ, нерѣдко отказывались отъ платы за доставленные имъ жизненные припасы.

Такому дружественному пріему прежнихъ враговъ своихъ союзники были обязаны болѣе всего человѣколюбію и умѣренности императора Александра; однакоже, на то оказали немалое вліяніе и чувства непріязни Французовъ къ ихъ бывшему властителю. Едва лишь союзныя войска успѣли вступить въ Парижъ, какъ пришло въ голову одному изъ роялистовъ, Состену де-Рошефуко, вызвать демонстрацію противъ Наполеона. Отправясь на Вандомскую площадь, онъ обратился къ собравшемуся тамъ народу и съ громкимъ восклицаніемъ: „A bas Napoleon.“ (Долой Наполеона!) предложилъ низвергнуть его статую, стоявшую наверху колонны Легкомысленные Парижане, забывъ сколько разъ они здѣсь встрѣчали съ восторгомъ Наполеона, нисколько не задумались привязать веревки къ шеѣ своего бывшаго кумира. Сотни людей добровольно взялись стащить его, и еслибъ это удалось имъ, то многіе изъ нихъ сдѣлались бы жертвами безразсуднаго покушенія. Но вскорѣ явился присланный, по повелѣнію императора Александра караулъ отъ Семеновскаго полка, который, окруживъ цѣпью часовыхъ колонну, заставилъ толпу разойдтись, а въ слѣдующую ночь, для избѣжанія повода къ подобнымъ безпорядкамъ, приказали перепилить толстый желѣзный болтъ, на которомъ была утверждена статуя, и снявъ ее съ колонны, водрузили вмѣсто ея бѣлое знамя. Говорятъ, будто бы государь, по поводу тщеславія Наполеона, воздвигшаго себѣ самому величественный памятникъ, сказалъ: „еслибъ я стоялъ такъ высоко, то у меня закружилась бы голова.“

По окончаніи смотра, въ пятомъ часу пополудни, императоръ Александръ отправился пѣшкомъ на Сенъ-Флорентин-

скую улицу, въ домъ Талейрана, предложенный самимъ хозяиномъ для первоначальнаго пребыванія государя въ Парижѣ. Тамъ нашелъ онъ герцога Дальберга, аббата де-Прадтъ, барона Луи, генерала Дессоля и многихъ другихъ обычныхъ посѣтителей знаменитаго дипломата; тамъ же ожидали его графъ Нессельроде и генералъ Поццо-ди-Борго. Государь ласково подалъ руку Талейрану, сказалъ нѣсколько словъ роялистамъ, которыхъ число со времени вступленія союзниковъ въ Парижъ замѣтно увеличилось, и прошелъ въ приготовленные для него покои. Король прусскій, остановясь на нѣсколько минутъ въ отведенномъ для него дворцѣ Виллеруа, на Бурбонской улицѣ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Шварценбергомъ къ императору Александру. Талейранъ, проводя ихъ, а также Нессельроде и Поццо-ди-Борго, въ кабинетъ государя, испросилъ дозволеніе ввести туда „своего единственнаго соучастника,“ герцога Дальберга. Началось совѣщаніе объ участи Наполеона и новомъ правительствѣ Франціи. Императоръ Александръ открылъ засѣданіе, говоря, что единственною цѣлію его и его союзниковъ есть достиженіе прочнаго мира, что они готовы заключить его съ довѣренными лицами, которыя на то будутъ уполномочены Франціей, что они даже не устранили бы отъ веденія переговоровъ Наполеона, еслибъ онъ самъ не устранилъ себя, отказавшись принять условія необходимыя для спокойствія Европы, и наконецъ, что союзники готовы признать: регентство Маріи-Луизы, либо принца Бернадотта, республику, Бурбоновъ, словомъ сказать,—всякое правительство, которое пожелаютъ сами Французы. Объяснивъ неудобства, неизбѣжныя при каждомъ изъ помянутыхъ образовъ правленія, государь повторилъ, что союзники предоставляютъ рѣшеніе этого вопроса самой Франціи, ограничиваясь достиженіемъ прочнаго мира на условіяхъ совмѣстныхъ съ достоинствомъ славной націи, страдавшей подъ ненавистнымъ ей игомъ столько же, сколько страдала подъ нимъ вся Европа.

Въ отвѣтъ на слова императора Александра Талейранъ сказалъ, что республика не могла возбудить сочувствія въ тѣхъ, кто были свидѣтелями ужасовъ 1793 года, и что народъ предпочитаетъ монархію. По мнѣнію Талейрана, Наполеонъ, олицетворявшій собою войну, не могъ удовлетворить общей потребности мира; еслибы даже онъ и согласился помириться съ союзниками, то не слѣдовало ему вѣрить, потому

что какія бы ни были условія мира, они будутъ ниже его притязаній. Итакъ очевидно, продолжалъ Талейранъ, что владычество Наполеона несовмѣстно съ общимъ спокойствіемъ. Но то же самое можно сказать и о регентствѣ. Кто можетъ ручаться въ томъ, что подъ именемъ Маріи-Луизы и короля римскаго не будетъ попрежнему властвовать самъ Наполеонъ? И ежели августѣйшій государь, вручившій ему дочь свою, готовъ пожертвовать ею для блага Европы, то слѣдуетъ принять съ благодарностью такую жертву. Что касается до Бернадотта, то могла ли Франція, отринувъ геніяльнаго воина, замѣнить его другимъ, посредственнымъ, сражавшимся въ рядахъ враговъ ея? Остаются Бурбоны. Конечно, Французы мало знаютъ ихъ и даже отчасти предубѣждены въ ихъ невыгоду; но тѣмъ не менѣе Франція приметъ охотно Бурбоновъ, если только они, оставя отжившіе предразсудки, будутъ руководиться духомъ времени. Въ заключеніе своихъ словъ, Талейранъ сказалъ: „республика—невозможность; регентство, Бернадоттъ—интрига; лишь Бурбоны—принципъ.“(La respublique est une improssibilité; la régence, Bernadotte sont une intrigue; les Bourbons seuls sont un principe). Затѣмъ, желая убѣдить союзныхъ монарховъ въ томъ, что выраженныя имъ идеи встрѣтятъ сочувствіе въ обществѣ, Талейранъ испросилъ дозволеніе императора Александра и короля прусскаго пригласить на совѣщаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ мнѣнія могли послужить къ разъясненію дѣла, именно: аббата де-Прадтъ, барона Луи и генерала Дессоля, * снискавшаго особенное уваженіе своихъ сослуживцевъ. Пылкій де-Прадтъ, рѣзкій Луи, основательный Дессоль, будучи приглашены изложить свои мнѣнія, доказывали, каждый по своему, что владычество Наполеона минуло невозвратно, и что никто кромѣ Бурбоновъ не можетъ занять его мѣсто. Императоръ Александръ, довольный такимъ единогласнымъ отзывомъ Французовъ, убѣдясь въ одобреніи его, не только прусскимъ королемъ, но и княземъ Шварценбергомъ, изъявившимъ сочувствіе ко всему тому, что было сказано насчетъ регентства Маріи-Луизы, объявилъ, что представители древнихъ европейскихъ монархій не могутъ противиться возстановленію стариннаго дома Бур-

---

* Бывшій начальникъ рейнской арміи генерала Моро.

боновъ: оставалось найдти средства для низложенія Наполеона и для основанія новаго правительства, коему предстояло водворить спокойствіе во Франціи и дать ей миръ съ Европою. Талейранъ и всѣ призванные на совѣщаніе Французы полагали, что для достиженія сей цѣли могъ послужить сенатъ, угождавшій, съ ненавистью въ сердцѣ, своему властителю. Но чтобы побудить это малодушное сборище къ такому смѣлому шагу, надлежало выказать самымъ гласнымъ образомъ, что участь Наполеона была рѣшена безвозвратно: иначе сенаторы, безмолвные при Наполеонѣ, остались бы столь же безгласны подъ вліяніемъ страха, внушеннаго его призракомъ. Положено было объявить, что союзные монархи, готовые даровать Франціи миръ совмѣстный съ ея достоинствомъ, не станутъ вести переговоры съ Наполеономъ. По предложенію де-Прадта, рѣшено прибавить, что переговоры не будутъ ведены также ни съ кѣмъ изъ членовъ Наполеоновой фамиліи. Это измѣненіе было внесено въ прокламацію заблаговременно составленную Талейраномъ вмѣстѣ съ графомъ Нессельроде; императоръ Александръ, подписавъ, отъ имени своихъ союзниковъ, этотъ документъ, рѣшившій участь Наполеона, приказалъ тотчасъ напечатать и объявить его во всеобщую извѣстность.

Прокламація была слѣдующаго содержанія:

„Арміи союзныхъ державъ заняли столицу Франціи. Союзные монархи, исполняя желаніе французской націи, объявляютъ:

„Что мирныя условія, долженствовавшія заключать въ себѣ самыя прочныя ручательства, пока шло дѣло объ ограниченіи властолюбія Бонапарта, могутъ быть болѣе умѣренны, когда Франція подъ мудрымъ правленіемъ явитъ удостовѣренія общаго спокойствія.

„Сообразно съ тѣмъ, союзные государи объявляютъ:

„Что они не станутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ Бонапарте, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи.

„Что, признавая неприкосновенность древней Франціи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она имѣла при своихъ законныхъ государяхъ, они готовы сдѣлать еще болѣе, держась начала, что для счастія Европы Франція должна быть велика и могущественна.

„Что они признаютъ и утвердятъ своимъ ручательствомъ конституцію, которую дастъ себѣ Франція, и потому при-

глашаютъ сенатъ немедленно назначить временное правительство, для завѣдыванія дѣлами управленія и для составленія конституціи, сообразной съ желаніями французскаго народа.

„Союзныя державы изъявили согласіе на всѣ выраженныя мною намѣренія.

„*Александръ.*"

„Статсъ-секретарь, графъ Нессельроде.

„Парижъ, 31-го марта 1814 года, три часа пополудни.

Насталъ вечеръ. Союзныя войска, получивъ приказаніе не занимать квартиръ у жителей города, расположились бивакми на главныхъ площадяхъ, большею частію въ поляхъ Елисейскихъ. Вокругъ Талейранова дворца, гдѣ остановился государь, размѣстили первый батальйонъ Преображенскаго полка; рота его величества стала на дворѣ замка. Глубокое молчаніе на улицахъ прерывалось окликами: „Кто идетъ?" и „Wer da?" Въ Парижѣ назначили генералъ-губернаторомъ Сакена и трехъ комендантовъ: русскаго, полковника графа Рошьшуара, австрійскаго, генералъ-майора барона Герцогенберга, и прусскаго, генералъ-майора графа Гольца.

Редакторамъ журналовъ и газетъ было предложено вести свои изданія въ духѣ предстоявшаго переворота, и надзоръ за ними порученъ роялисту Морену. Извѣстія о громадныхъ событіяхъ въ столицѣ, вмѣстѣ съ объявленіемъ о великодушныхъ намѣреніяхъ союзныхъ державъ, были переданы по телеграфу во всѣ концы страны. Приверженцы династіи Бурбоновъ, которыхъ число безпрестанно умножалось, во весь день толпились кругомъ Талейранова дворца, а вечеромъ разсыпались по всему городу, распространяя вѣсть о возстановленіи королевскаго дома. Многіе изъ нихъ, находя, что въ прокламаціи союзниковъ слѣдовало объявить о намѣреніи ихъ вести переговоры исключительно съ Бурбонами, единственными законными властителями Франціи, послали къ императору Александру депутацію, съ изъявленіемъ желанія роялистовъ. Графъ Нессельроде, принявъ депутатовъ, объявилъ имъ, что союзники намѣрены исполнить желаніе французскаго народа, и что если общій голосъ его выскажется въ пользу Бурбоновъ, то союзные государи сочтутъ благополучіемъ находиться при ихъ возстановленіи и содѣйствовать ему своимъ сочувствіемъ.

Извѣстіе о покореніи Парижа было принято въ Россіи съ неописаннымъ восторгомъ. Въ Петербургъ явился вѣстникомъ желаннаго событія генералъ-адъютантъ (Павелъ Васильевичъ) Кутузовъ, посланный государемъ для донесенія императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ о вступленіи царственнаго сына ея въ столицу Франціи. Черезъ день, по пріѣздѣ Кутузова, Петербургъ праздновалъ покореніе Парижа. Въ десять часовъ утра торжественно привезли въ Казанскій соборъ взятыя подъ столицею Франціи знамена. Вдовствующая императрица и великая княжна Анна Павловна, съ многочисленнымъ придворнымъ штатомъ прибывъ въ соборъ, присутствовали при благодарственномъ молебствіи, послѣ чего прочтена реляція о сраженіи подъ Парижемъ и сдачѣ его. Съ Петропавловской крѣпости произведенъ 151 выстрѣлъ. При громѣ орудій, среди необъятаго стеченія всѣхъ сословій народа и неумолкаемыхъ побѣдоносныхъ восклицаній „ура!“ императрица съ своею августѣйшею дочерью возвратилась въ зимній дворецъ.

Вечеромъ представляли на театрѣ оперу *Водовозъ*. Мѣсто ея дѣйствія происходило въ Парижѣ; декораціи изображали Монмартръ. Послѣ оперы давали балетъ: *Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій*. Актеръ Зловъ пропѣлъ куплеты сочиненные Петромъ Александровичемъ Корсаковымъ, и когда онъ произнесъ слова: „Ликуй Москва—въ Парижѣ Россъ!“ потрясся театръ отъ громогласныхъ кликовъ и рукоплесканій.

Дѣйствительно, Москва, тогда возраждавшаяся изъ пепла пожаровъ 1812 года, ликовала, утѣшаясь въ перенесенныхъ ею страданіяхъ славою Россіи и Александра. Всѣ уцѣлѣвшіе храмы были полны скитальцами, пришедшими на свои пепелища. Воздавая всю славу побѣдъ Источнику Силъ, они вмѣстѣ съ благословеннымъ монархомъ своимъ возглашали: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему.“

М. БОГДАНОВИЧЪ.

И. С. ТУРГЕНЕВУ.

Изъ мачтъ и паруса, — какъ честно онъ служилъ
Искусному пловцу подъ ведромъ и грозою! —
Ты хижину себѣ воздушную сложилъ
Подъ очарованной скалою.

Тебя пригрѣлъ чужой денницы яркій лучь,
И въ откликахъ твоихъ мы слышимъ примиренье;
Гдѣ тѣломъ страждущій пьетъ животворный ключъ,
Душѣ сыскалъ ты возрожденье.

Поэтъ! и я обрѣлъ, чего давно алкалъ,
Скрываясь отъ толпы безчинной;
Среди родныхъ полей и тѣнь я отыскалъ,
И уголокъ земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взоръ!
Здѣсь насажу я садъ, здѣсь, здѣсь поставлю хату,
И плектронъ отложа, я взялся за топоръ
И за блестящую лопату.

Свершилось! Домъ укрылъ меня отъ непогодъ,
Луна и солнце въ окна блещетъ,
И зеленью шумя деревьевъ хороводъ
Ликуетъ жизнью и трепещетъ.

Ни рѣзкій крикъ глупцовъ, ни подлый ихъ разгулъ
Сюда не досягнутъ. — Я слышу лишь изъ саду
Лихаго табуна сближающійся гулъ,
Да крикъ козы, бѣгущей къ стаду.

Здѣсь пѣсни нѣжныхъ музъ душѣ моей слышнѣй,
Ихъ жадно слушаетъ пустыня;
И вѣрь, хоть изрѣдка, изъ сумрака аллей
Ко мнѣ придетъ моя богиня.

Вотъ здѣсь, не вѣдая ни бурь, ни грозныхъ тучь,
Душой привычною къ утратамъ,
Желалъ бы умереть, какъ утромъ лунный лучъ,
Или какъ солнечный—съ закатомъ.

А. ФЕТЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ *

VII.

Возобновляя нашу хронику современныхъ событій въ старообрядчествѣ, считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ, въ какомъ положеніи мы оставили дѣла у раскольниковъ, говоря объ нихъ въ послѣдній разъ.

Въ іюнѣ 1863 года Кириллъ составилъ въ Бѣлой-Криницѣ соборъ, на которомъ сдѣлалъ, во второй уже разъ, постановленіе противъ *Окружнаго Посланія*, съ угрозою отлученія отъ церкви всякому, кто вздумалъ бы не покориться этому опредѣленію, и также во второй разъ подвергъ запрещенію епископа Онуфрія, одного изъ главныхъ дѣятелей по изданію *Посланія*, равно какъ всѣхъ, пребывающихъ въ Россіи раскольничьихъ архіереевъ, если они станутъ попрежнему поддерживать *Окружное Посланіе*. Онъ успѣлъ склонить и самого митрополита Амвросія подписаться подъ соборнымъ актомъ, который и препроводилъ въ Москву.** На здѣшнихъ раскольничьихъ архіереевъ актъ Бѣлокриницкаго собора не произвелъ, однакоже, особеннаго дѣйствія. Они составили свой бо́льшій соборъ, на которомъ признали не-

* См. *Русск. Вѣст.* 1863 г. №№ 5, 7, 11, 12. 1864 г. №№ 2 и 3

** См. *Русск. Вѣст.* 1863 г. № 11.

законными рѣшенія собора Бѣлокриницкаго и предали отлученію самого Кирилла съ его сообщниками—Сергіемъ и Софроніемъ. Кромѣ того отправили и съ своей стороны къ Амвросію обстоятельное изложеніе всего дѣла объ *Окружномъ Посланіи*, съ приложеніемъ относящихся къ нему документовъ, въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ изображавшихъ поведеніе Кирилла въ этомъ дѣлѣ. Московскіе послы, Іустинъ и Ипполитъ, ѣздившіе въ Цыль со всѣми этими бумагами, имѣли у Амвросія полный успѣхъ: 28 октября, за три дня до смерти, подписалъ онъ два посланія—одно къ Антонію „со всѣми боголюбивыми епископы россійскими и заграничными,“ другое—къ бѣлокриницкому митрополиту Кириллу. Въ первомъ онъ утвердилъ всѣ распоряженія Московскаго собора относительно Кирилла и просилъ прощенія себѣ, что, повѣривъ Кириллу, имѣлъ неосторожность подписаться подъ актомъ его Бѣлокриницкаго собора,—въ другомъ онъ горько упрекалъ Кирилла за то, что онъ ввелъ его, Амвросія, въ обманъ, убѣдивъ подписать незаконный актъ Бѣлокриницкаго собора, перечислилъ разныя вины его предъ русскими архіереями и въ заключеніе требовалъ настоятельно, чтобъ онъ „принесъ раскаяніе освященному собору и соединился въ единомысліи со всѣми епископы.“ * Кириллъ въ свою очередь не призналъ этого Амвросіева посланія, подвергъ сомнѣнію, чтобы Амвросій могъ написать его за три дня до смерти, и чтобы могъ онъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ вообще сколько-нибудь самостоятельно. На этомъ основаніи Кириллъ отказался подчиниться требованіямъ бывшаго первосвятителя и первопрестольника бѣлокриницкаго, о чемъ и извѣстилъ своихъ московскихъ собратій новымъ посланіемъ отъ 2-го ноября; въ посланіи этомъ Кириллъ писалъ кромѣ того, что продолжаетъ считать незаконными всѣ распоряженія Московскаго собора, и подтверждаетъ свои прежнія опредѣленія противъ *Окружнаго Посланія* и противъ всѣхъ кто его пріемлетъ.

Таковы главныя событія, происходившія у старообрядцевъ въ концѣ прошлаго года, о которыхъ говорили мы въ нашихъ послѣднихъ статьяхъ. Мы упомянули потомъ о двухъ довольно значительныхъ обстоятельствахъ, случившихся въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ нынѣшняго года,—о шум-

* Все это изложено въ ст. V *Русск. Вѣст.* 1864 г. № 2.

номъ собраніи раскольниковъ на Рогожскомъ кладбищѣ, 13 января, * и объ изданныхъ Антоніемъ въ февралѣ мѣсяцѣ документахъ, которыми онъ въ другой разъ уничтожалъ дважды утвержденное имъ *Окружное Посланіе.* ** Странный поступокъ Антонія доселѣ остается для насъ не вполнѣ объясненнымъ; а шумное рогожское сборище, на которомъ происходила такая горячая борьба между Антоновцами и Кирилловцами, становится еще понятнѣе теперь, когда мы знаемъ, что оно было уже по полученіи въ Москвѣ Кириллова посланія, подвергавшаго сомнѣнію подлинность Амвросіевыхъ грамотъ, столь благопріятныхъ для *Окружнаго Посланія* и его московскихъ поборниковъ. Новые, накопившіеся у насъ, документы вообще въ значительной степени уясняютъ ходъ послѣднихъ событій въ старообрядчествѣ. Мы и намѣрены теперь, на основаніи этихъ документовъ, изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ то, что происходило у старообрядцевъ въ теченіе нынѣшняго года.

Итакъ, при наступленіи новаго 1864 года московскіе старообрядцы заняты были больше всего толками о новой, не задолго передъ тѣмъ полученной, грамотѣ Кирилла. Въ этой грамотѣ, какъ мы замѣтили въ свое время, *** бѣлокриницкій владыка не показалъ уже той самоувѣренности и властности, какими отличались его прежнія посланія въ Москву; здѣсь онъ не столько обличалъ и судилъ Антонія и другихъ московскихъ властей, сколько жаловался на раздоръ въ старообрядчествѣ, якобы ими причиненный, и убѣждалъ ихъ къ миру и согласію съ священною митрополіей; вообще замѣтно было, что грамота Амвросія, какъ ни старался онъ доказать ея недѣйствительность, поставила Кирилла въ неловкое положеніе и принудила значительно понизить тонъ въ спорѣ съ московскими противниками. Для этихъ послѣднихъ и для всѣхъ защитниковъ *Окружнаго Посланія* грамота Кирилла представляла такимъ образомъ довольно благопріятные признаки близкаго успѣшнаго окончанія борьбы съ нимъ: оста-

---

* См. ст. V стр. 775.

** Эти документы — *Объявленіе* попечителямъ Рогожскаго кладбища, изданное 23 февраля, и *Увѣщаніе* всѣмъ православнымъ христіанамъ, изданное спустя нѣсколько дней. См. объ нихъ ст. VI, стр. 403—410.

*** См. ниже стр. 405—406.

валось только дѣйствовать на него въ прежнемъ духѣ настойчивости и независимости. Но, съ другой стороны, Кириллъ въ своей грамотѣ тѣмъ неменѣе положительно утверждалъ, что Амвросій не дѣлалъ предсмертныхъ распоряженій въ пользу *Окружнаго Посланія*, и самъ рѣшительно отказывался когда-либо признать его, равно какъ дѣлалъ новое подтвержденіе, чтобъ и никто изъ христіанъ не принималъ его въ руководство и окормленіе: все это для московскихъ противниковъ *Окружнаго Посланія*, всегда бывшихъ на сторонѣ Кирилла, также, въ свою очередь, служило новымъ побужденіемъ упорствовать во враждѣ противъ *Посланія* и всѣми силами ратовать за бѣлокриницкаго митрополита. Такимъ образомъ грамота Кирилла въ той и другой партіи московскихъ старообрядцевъ, и въ Антоновцахъ и въ Кирилловцахъ, возбудила желаніе дѣйствовать упорно для достиженія своихъ цѣлей. И дѣйствительно, споры сдѣлались и горячѣе и оживленнѣе, а 13 января, какъ мы говорили, на Рогожскомъ кладбищѣ произошло, наконецъ, генеральное сраженіе между Антоновцами и Кирилловцами, или вѣрнѣе между защитниками и врагами *Окружнаго Посланія*. Послѣдніе, одержали, повидимому, полную побѣду. Но это было, какъ мы и замѣчали уже, только временное, непрочное торжество грубой, неразумной силы. * Уступивъ дерзкимъ крикамъ и угрозамъ невѣжественной толпы, та партія въ старообрядчествѣ, за которою по справедливости должно признать моральную силу, вовсе не думала отказываться отъ *Окружнаго Посланія* въ угоду сторонникамъ Кирилла; напротивъ, самый тонъ послѣдняго Кириллова посланія побуждалъ ее твердо держаться прежняго образа дѣйствія въ отношеніи къ бѣлокриницкому митрополиту.

Душой этой партіи были тѣ же главные дѣятели по изданію *Окружнаго Посланія*, постоянные и искренніе защитники его, епископы Онуфрій и Пафнутій казанскій, съ самимъ авторомъ посланія Иларіономъ Егоровымъ (Варлаамъ Балтовскій находился въ это время въ своей епархіи). Они лучше, нежели кто-либо другой, понимали, какъ слѣдуетъ обращаться съ Кирилломъ, какъ нужно дѣйствовать на него, особенно теперь, когда онъ послѣ Амвросіевой грамоты такъ

---

* См. ст. V, стр. 775—776.

замѣтно понизилъ свой тонъ въ сношеніяхъ съ московскими раскольничьими властями. Они видѣли, что теперь-то именно и слѣдуетъ настойчиво требовать отъ него полнаго и рѣшительнаго подчиненія распоряженіямъ московскихъ властей и даже утвержденія *Окружнаго Посланія*, и что Кириллъ непремѣнно сдастся на всю ихъ волю, особенно, если свое требованіе они подкрѣпятъ какимъ-нибудь матеріяльнымъ приношеніемъ бѣдствующей бѣлокриницкой митрополіи.

Такъ именно дѣйствовать располагали ихъ и другія благопріятныя для нихъ обстоятельства. Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ получено было отъ заграничныхъ епископовъ, АркадіяВаслуйскаго и Аркадія Славскаго, *увѣдомленіе* московскому духовному совѣту, подписанное ими 24 декабря въ Измаилѣ. Они извѣщали совѣтъ о полученіи „разнаго содержанія бумагъ", присланныхъ къ нимъ изъ Москвы, и писали, между прочимъ, что всѣ дѣла „соборнѣ учиненныя въ Москвѣ по правиламъ св. отецъ, какъ разъясненіе *Окружнаго Посланія*, разрѣшеніе епископа Онуфрія, и опредѣленіе священнымъ лицамъ, и учрежденіе духовнаго совѣта, — все это признаютъ за свято и истинно;" въ *увѣдомленіи* говорилось и объ актѣ господина митрополита Амвросія, послѣдовавшемъ отъ 28 октября, которымъ онъ все соборнѣ учиненное въ Москвѣ признаетъ за законное,—говорилось съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „равномѣрно и мы, наблюдая священные каноны, сему согласуемъ, и со своею братіей, со всѣми боголюбивыми епископы въ единомысліи пребываемъ, и все, что соборнѣ вами сдѣлано по правиламъ св. отецъ, признаемъ за свято и правильное." *Увѣдомленіе* это такимъ образомъ служило для Онуфрія и друзей его несомнѣннымъ доказательствомъ, что, по крайней мѣрѣ, два заграничные епископа совершенно единомышленны съ московскимъ совѣтомъ, даже относительно *Окружнаго Посланія*, и нисколько не сочувствуютъ въ этомъ отношеніи образу мыслей и распоряженіямъ Кирилла. Слѣдовательно на поддержку съ ихъ стороны они смѣло могли разчитывать въ своихъ новыхъ настойчивыхъ требованіяхъ бѣлокриницкому митрополиту. Къ тому же времени въ Москву собрались депутаты отъ иногородныхъ старообрядческихъ обществъ. Не знаемъ, нарочно ли они прибыли въ Москву для разсужденія о смутныхъ іерархическихъ дѣлахъ въ старообрядчествѣ, или же съѣхались случайно, по соб-

ственнымъ торговымъ надобностямъ; * сами они въ документѣ, о которомъ будемъ говорить ниже, пишутъ, что собрались „въ царствующій градъ Москву по неизреченнымъ судьбамъ Божіимъ.“ Во всякомъ случаѣ, ихъ присутствіе въ Москвѣ было весьма полезно для Онуфрія и всѣхъ сторонниковъ *Окружнаго Посланія*. Какъ люди большею частію разсудительные, они могли понять справедливость и законность распоряженій духовнаго совѣта, утвердившаго и защищающаго *Окружное Посланіе*, между тѣмъ какъ противная сторона самымъ буйствомъ своимъ на рогожскомъ сборищѣ уже обличала свое невѣжество и фанатизмъ; притомъ же, какъ люди уполномоченные отъ своихъ обществъ дѣйствовать самостоятельно, они имѣли возможность оказать сильное содѣйствіе той сторонѣ, которую считали правою. Депутаты, безъ сомнѣнія, и прежде сочувствовавшіе *Окружному Посланію*, дѣйствительно стали на сторону его защитниковъ. Наконецъ посланники Кирилла, Іоасафъ и Филаретъ, находившіеся въ то время въ Москвѣ, въ бесѣдахъ съ Онуфріемъ и другими членами совѣта не обнаружили сочувствія къ содержанію присланной отъ митрополита грамоты, не одобряли вообще распоряженій его по отношенію къ враждебныхъ дѣйствіямъ московскихъ духовныхъ властей, напротивъ признавали законными всѣ распоряженія послѣднихъ и совѣтовали имъ неуклонно держаться ихъ. Все это еще болѣе утверждало членовъ совѣта въ той мысли, что слѣдуетъ настоятельно требовать отъ Кирилла полнаго подчиненія распоряженіямъ

---

* Есть, впрочемъ, основаніе думать, что собраніе депутатовъ въ Москву было именно преднамѣренное, съ цѣлію поразсудить о церковныхъ дѣлахъ. Объ этомъ упоминается въ одномъ письмѣ Варлаама Балтовскаго къ Онуфрію (отъ 25 января), замѣчательномъ и въ другомъ отношеніи: оно служитъ доказательствомъ искренней преданности Варлаама дѣлу *Окружнаго Посланія*. Приводимъ изъ него отрывокъ: „*когда будетъ у васъ собраніе депутатовъ*, то прошу васъ дабы вы не впали за *Окружное Посланіе* о уничтоженіи во всемірное подозрѣніе, и въ тѣ поры будемъ мы отъ всѣхъ обругаемы и поносимы хульными поносами, даже и еретиками будутъ насъ называть, и мы отвѣту никакова не дадимъ за себя имъ: то лучше не падать духомъ за истину, нежели каковыя ради пользы послѣдовать безпоповскому ругательству божества и кресторугательству, и быть въ поношеніи; а лучше за истину поношеніе принимать,— Богъ съ ними, пущай поносятъ!“

московскаго собора. Особенно важно было въ этомъ случаѣ содѣйствіе депутатовъ отъ старообрядческихъ обществъ: ихъ желанія и представленія, выраженныя ими письменно, могли служить для совѣта не только подкрѣпленіемъ его настойчивыхъ требованій въ отношеніи къ Кириллу, но и оправданіемъ этихъ требованій предъ московскими сторонниками Кирилла.

И вотъ, 19 января, спустя 6 дней послѣ рогожской баталіи, дѣйствительно поступаетъ въ духовный совѣтъ „*заявленіе* отъ депутатовъ восточной, западной, сѣверной и южной Россіи, собравшихся въ царствующемъ градѣ Москвѣ.“ *Заявленіе* это, составленное весьма дѣльно и обстоятельно, начинается слѣдующимъ вступленіемъ: „мы нижеподписавшіеся депутаты разныхъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ, уполномоченные отъ обществъ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, послѣдующихъ божественному ученію и священнымъ канонамъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, иже на седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборахъ сошедшися, по разныхъ временѣхъ просіявшихъ пастырей и учителей церковныхъ, по неизреченнымъ судьбамъ божіимъ собравшіеся въ царствующій градъ Москву, гдѣ самолично видѣли, что нѣцыи единовѣрныя братія наши злѣ мудрствуютъ и раздираютъ святую церковь буестію и гордостію своей, ссылающеся и опирающеся на титлу митрополита Кирилла; такожде самолично видѣхомъ посланныхъ отъ господина митрополита Кирилла двоихъ отцевъ, священноинока Іоасафа и архидіакона Филарета, и слышали отъ устъ ихъ, равно и на бумагѣ видѣли, требуемыя имъ (митрополитомъ Кирилломъ) отъ освященнаго всероссійскаго собора къ мнимому съ нимъ примиренію составленныя по желанію недобросовѣстныхъ людей нижеслѣдующія условія, невозможныя къ исполненію.“ Исчисляются затѣмъ самыя требованія Кирилла: 1) „Требуетъ митрополитъ Кириллъ совершенное уничтоженіе *Окружнаго Посланія*, не показавъ въ немъ никакой ереси, порока или вины, съ тѣмъ чтобы всѣ желающіе имѣть съ нимъ единомысліе безусловно подписались на уничтоженіе онаго. 2) Чтобы незаконное запрещеніе епископу Онуфрію въ Россіи священнодѣйствовать признали за правильное. 3) Чтобы снятіе незаконно положеннаго запрещенія епископу Онуфрію, соборнѣ учиненное на основаніи 6-го правила Антіохійскаго собора, почитали за неправильное и не-

дѣйствительное. 4) Равно и возведеніе на Московскій престолъ архіепископа Антонія чтобы признать за незаконное и недѣйствительное. 5) Чтобъ и соборъ состоявшійся 1863 года вмѣнили за незаконный и какъ бы не бывшій, и всѣ дѣйствія и распоряженія сего собора почитали бы за ничтожныя. И наконецъ, въ случаѣ несогласія на его требованіе, повелѣваетъ пребезаконно поставити престолъ на престолъ, и прелюбодѣйственнѣ возвести новаго архіерея на московскій престолъ, по желанію крамольной партіи." „Видя таковое бѣдственное положеніе св. церкви," продолжаютъ депутаты, „заявляемъ духовному совѣту, существующему въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ архіепископа Антонія, по крайнему нашему разумѣнію, что требованіе митрополита Кирилла есть несогласно со священнымъ писаніемъ, и отнюдь незаконно и даже самой совѣсти противно. Вопервыхъ, понеже вопреки божественныхъ правилъ: Св. Ап. 34 и Антіох. соб. 9, гдѣ ясно сказано, что митрополитъ безъ воли и согласія всѣхъ епископовъ не можетъ творити ничего. Вовторыхъ, понеже митрополитъ Кириллъ въ грамотахъ своихъ изступаетъ изъ границъ священной благопристойности, именуетъ самъ себя главою всей священной іерархіи и виновникомъ существованія всѣхъ епископовъ; но таковыя выраженія суть чужды христіанскихъ пастырей и верхъ всякаго нечестія, о которыхъ написано въ *Книзѣ Кирилловой* на листахъ 23 и 24. И втретьихъ, цѣлому свѣту извѣстно, что митрополитъ Кириллъ едва можетъ написать шесть буквъ, то-есть подписать имя свое; но при всемъ этомъ, возвышаясь титлою, не знаетъ предѣла званію своему, издаетъ грамоты ни съ чѣмъ не сообразныя: поелику вселенскіе патріархи дѣйствуютъ со своимъ священнымъ соборомъ, даже римскій папа со своими кардиналы; но Кириллъ — однолично, деспотически и притомъ нагло и буйственно и отнюдь не законно, о чемъ и самые посланники его въ присутствіи всѣхъ насъ сознались, что грамоты Кирилломъ имъ врученныя суть беззаконны. А потому мы просимъ васъ, духовный совѣтъ, предложить будущему священному собору наше заявленіе и писать самому господину Кириллѣ нижеслѣдующія замѣчанія: 1) чтобъ онъ, митрополитъ Кириллъ, обратилъ вниманіе на силу священныхъ каноновъ: Св. Ап. 34, Антіох. соб. 9, и Каѳаг. соб. 39, и тѣмъ благоволилъ бы ограничить себя, и по силѣ оныхъ пребывалъ въ

согласіи со всѣмъ священнымъ соборомъ боголюбивыхъ епископовъ русскихъ и заграничныхъ, неотложно издалъ бы уничтоженіе на всѣ свои незаконныя грамоты, въ теченіе времени отъ 18-го февраля 1863 года и до нынѣшняго дня, къ возмущенію народа изданныя. 2) Чтобъ онъ законно сужденныхъ и священнаго сана изверженныхъ, каковы суть: бывшій епископъ Софроній, бывшій архимандритъ Сергій, бывшій попъ Кириллъ Воронковскій и прочіе, имѣлъ и почиталъ бы таковыхъ изверженными, а не старался бы оправдывать ихъ беззаконно, къ стыду нашей древле-православной іерархіи. 3) *Окружное Посланіе*, въ коемъ изложено опроверженіе всѣхъ еретическихъ злохуленій и учинено здравое направленіе чисто христіанскихъ понятій, которое признано правильнымъ отъ заграничныхъ епископовъ и всего тамошняго священнаго собора и засвидѣтельствовано подписомъ и печатьми ихъ, къ тому же признано очень полезнымъ и отъ святопочившаго преосвященнаго митрополита Амбросія, какъ мы изъ актовъ, имъ составленныхъ, самолично видѣли, къ симъ же, признаваемо правильнымъ, святымъ и богодухновеннымъ даже посланниками его (Кирилла) Іоасафомъ и Филаретомъ, какъ мы самолично слышали отъ устъ ихъ, весьма похвалявшихъ оное *Посланіе*, чтобъ и самъ онъ, г. митрополитъ Кириллъ, подтвердилъ оное безъ всякихъ ограниченій. 4) Чтобы соборъ, состоявшійся 1863 года (на которомъ онъ помилованъ), и всѣ его постановленія призналъ законными и правильными. 5) Чтобы возведеніе архіепископа Антонія на московскій престолъ призналъ законнымъ. 6) Чтобъ акты преосвященнаго митрополита Амбросія, отъ 28-го октября 1863 года изданныя (чрезъ которые его преосвященство изъявилъ согласіе со всѣмъ соборомъ россійскихъ и заграничныхъ епископовъ), призналъ бы онъ, Кириллъ, окончательнымъ успокоеніемъ своей старости и волненія всего христіанскаго народа. Если же онъ, г. митрополитъ Кириллъ, не соизволитъ на все вышеписанное, не согласится пребывати въ единомысліи со всѣми боголюбивыми епископы, и не престанетъ творити церковное возмущеніе чрезъ посредство грамотъ и посланниковъ своихъ, то мы всѣ, единодушно, отказываемся отъ него; равно, если кто изъ прочихъ епископовъ послѣдуетъ за нимъ, и отъ тѣхъ отступаемъ, въ чемъ и удостовѣряемъ собственноруч-

нымъ подписомъ." Слѣдуютъ подписи одинадцати депутатовъ отъ иногородныхъ старообрядческихъ обществъ.*

Невозможно яснѣе и опредѣленнѣе выразить то, что московскому духовному совѣту нужно и желательно было бы получить отъ Бѣлокриницкаго митрополита, какъ все это выражено въ приведенномъ заявленіи депутатовъ иногородныхъ старообрядческихъ обществъ. По всей вѣроятности, оно и составлено было не безъ внушенія со стороны совѣта, по крайней мѣрѣ, не безъ предварительныхъ съ нимъ совѣщаній. Чтобы отстранить могущія встрѣтиться по этому случаю подозрѣнія, чтобы вполнѣ оградить отъ всякихъ сомнѣній и нареканій подлинность *заявленія*, оно, кромѣ собственноручныхъ депутатскихъ подписей, было засвидѣтельствовано, какъ свободное и непринужденное произведеніе депутатовъ, самими Кирилловыми посланниками—Іоасафомъ и Филаретомъ. ** Во всякомъ случаѣ понятно, какую важность имѣло для совѣта, въ его предстоящихъ сношеніяхъ съ Кирилломъ, пріобрѣтеніе такого документа, какъ это *заявленіе*, на которомъ такъ удобно совѣтъ могъ основать свои категорическія предложенія бѣлокриницкому митрополиту. Но *заявленіе*, какъ оно ни было важно, назначалось собственно для совѣта, хотя этотъ послѣдній и могъ очень удобно имъ воспользоваться при своихъ сношеніяхъ съ Кирилломъ: чтобы еще болѣе облегчить для совѣта эти сношенія, и чтобы придать имъ еще большую силу и обязательность, депутаты признали нужнымъ составить покорнѣйшее прошеніе на имя самого уже митрополита Кирилла въ томъ же смыслѣ, въ какомъ составлено и *заявленіе*. Тѣмъ же искуснымъ перомъ, которому принадлежалъ этотъ послѣдній документъ, написано и прошеніе депутатовъ, весьма замѣчательное по силѣ выраженія и твердому, настойчивому тону,

* Подписались именно депутаты отъ городовъ: Казани (тамошній попечитель), Екатеринбурга, Тулы (двое), Боровска (двое), посада Дубовки, посада Клинцовъ, отъ Кубанскаго войска (двое казаковъ) и „уполномоченный отъ общества посадовъ—Клинцовъ, Лужковъ и Свѣцкой—Иларіонъ Георгіевъ."

** Кромѣ подписей депутатовъ, подъ *заявленіемъ* дѣйствительно находится еще слѣдующее: „всѣ описанныя здѣсь мнѣнія депутатовъ изъявлены ими при нашей личности, въ чемъ свидѣтельствуемъ своеручнымъ подписомъ: священноинокъ Іоасафъ, архидіаконъ Филаретъ."

съ какимъ депутаты обращаются къ бѣлокриницкому митрополиту.

„Преосвященный владыко! Касаясь праха, идѣже пребываетъ освященная особа ваша, раболѣпно кланяемся и просимъ вашего архипастырскаго прощенія, мира и благословенія и святыхъ молитвъ. Съ прискорбіемъ духа доносимъ вашему преосвященству о слѣдующемъ. По всей почти Россіи разосланы грамоты отъ имени вашего и производятъ волненіе въ умахъ христіанскихъ и сильное волненіе въ церкви Христовѣ, у христіанъ между собою охлажденіе, къ стыду и поношенію нашей древле-православной іерархіи, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя лица изъ духовнаго званія рѣшились дѣйствовать въ противномъ духѣ и послужить къ раздору церковному, котораго и кровь мученическая загладити не можетъ, взявъ за оружіе *Окружное Посланіе*, изданное на уничтоженіе и опроверженіе всѣхъ еретическихъ злохуленій, въ которомъ мы не находимъ ничего невѣрнаго и пріемлемъ оное съ любовію, отъ души; и всѣ тѣ, которые рѣшились ратовать оное, не доказали въ немъ ничего вреднаго и противнаго святой церкви, а просто, руководимы суще духомъ вражды и богоненавистнаго любоначалія, воздвизаютъ волненіе, колеблютъ и возмущаютъ миръ церковный. Но благодареніе Господу Богу, промышляющему о пользѣ святыя церкве своея! Первопрестольный и великій господинъ нашъ, преосвященный Амбросій митрополитъ, поистинѣ сладости тезоименитый, оставилъ по себѣ вѣчную и никогда незабвенную память! Онъ издалъ два акта, единъ къ вашему преосвященству, а другій ко всѣмъ епископамъ, въ Россіи сущимъ и за границею находящимся, въ которыхъ завѣщеваетъ хранить миръ церковный, а творящихъ возмущеніе проклинаетъ. И мы таковые акты его почитаемъ, какъ архипастырское духовное завѣщаніе, какъ цѣлительный бальзамъ и какъ муро изліянное, благоухающее мысли и сердца вѣрныхъ и послушныхъ сыновъ церкви. Просимъ васъ, владыко святый, не разнствовать отъ предмѣстника вашего, не отлучаться отъ братіи своей, боголюбивыхъ епископовъ нашихъ, да не будемъ въ поношеніе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ, и да не рекутъ врази наши: въ два столѣтія (десятилѣтія?) явились у нихъ два митрополита и оба врознь, единъ противъ другаго возстающе! Для прекращенія и пресѣченія всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, молимъ

въ послѣдній разъ ваше преосвященство учинить ваше архипастырское благоснисходительное распоряженіе." Засимъ исчисляются тѣ же самые шесть пунктовъ, которые изложены и въ *заявленіи* духовному совѣту. *

Къ нимъ прибавлено въ видѣ 7-го пункта слѣдующее очень вразумительное наставленіе: „Надъ всѣми же сими благоволите, по Апостолу, пособствовати по вѣрнѣмъ словеси ученія и насаждати въ Церкви Христовѣ миръ и тишину и спокойствіе, вкупѣ со свѣтлыми и чистыми понятіями христіанскими, и невѣжествующихъ и заблуждающихся вразумляти и просвѣщати словомъ истины, отнюдь не давая взимати верхъ кривомудрствующимъ. Повторяемъ еще разъ нашу просьбу, да не будетъ гласъ нашъ, яко гласъ вопіющаго въ пустыни и якоже гласъ стародубскихъ посадовъ депутатовъ, иногда просившихъ васъ, на который вы не обратили вашего вниманія." **

Особенною силой и убѣдительностью отличается заключеніе прошенія: „Въ заключеніе сего окончательно скажемъ: если вы пребудете въ любви и единомысліи со всѣми боголюбивыми епископы нашими, и исполните все вышеозначенное, то и мы пребудемъ, хранящe къ вамъ вѣру и любовь, и по смерти вашей будемъ творити должное поминовеніе, якоже творимъ и о преосвященнѣйшемъ Амбросіѣ митрополитѣ; если же на сіе не согласитеся и не престанете чинить церковное возмущеніе чрезъ посредство грамотъ и посланниковъ вашихъ, то и мы единодушно отказываемся отъ васъ, въ чемъ и удостовѣряемъ своеручнымъ подписомъ." Посланіе подписано на другой день послѣ *заявленія*, 20 января. ***

---

* Требованіе относительно *Окружнаго Посланія* въ прошеніи выражено въ слѣдующихъ словахъ: „*Окружное Посланіе*, бывшее въ разсмотрѣніи всего освященнаго собора и признанное правильнымъ отъ заграничныхъ епископовъ и всего ихъ освященнаго собора, равно и отъ самого Высокопреосвященнѣйшаго Амбросія митрополита, благоволите и вы единомыслія ради подтвердить безъ всякихъ ограниченій."

** Здѣсь разумѣется просьба отправленная къ Кириллу еще въ 1862 году, когда только начинались волненія у раскольниковъ по поводу *Окружнаго Посланія*.

*** Подъ прошеніемъ подписались тѣ же депутаты, которые подписали и *заявленіе*, исключая Казанскаго депутата и, что замѣча-

Итакъ, депутаты взяли на себя трудъ и обязанность подробно изложить Кириллу, что̀ именно требуется съ его стороны для возстановленія мира съ московскимъ духовнымъ совѣтомъ, и тѣмъ весьма много облегчили для этого послѣдняго его собственныя щекотливыя сношенія съ бѣлокриницкимъ митрополитомъ. Совѣтъ могъ теперь не прибѣгать къ подробному изложенію всѣхъ частныхъ своихъ требованій, что̀ было бы, во всякомъ случаѣ, очень чувствительно для Кирилла, могъ ограничиться на этотъ счетъ общими выраженіями, могъ даже признать за собою часть вины въ происшедшихъ между ними раздорахъ, просить прощенія у Кирилла, и при всемъ этомъ вѣрно разчитывать, что достигнетъ всего, что̀ было ему нужно. Въ такомъ смыслѣ и было составлено отъ имени совѣта краткое посланіе къ бѣлокриницкому митрополиту, подписанное 27 января членами совѣта. Мы приведемъ вполнѣ этотъ замѣчательный документъ:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко
Господинъ Митрополитъ Кириллъ!

„Въ бытность вашего преосвященства, въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго 1863 года, въ Москвѣ, произошли у насъ съ вами, по вражію смущенію, нѣкоторыя непріятности, выражавшіяся съ обѣихъ сторонъ лично и письменно, оскорбительными словами и дѣйствіями. Въ послѣдствіи мы о семъ душевно соболѣзновали, и смущаясь совѣстію, не имѣете ли вы и доселѣ на насъ за сіе неудовольствія, по евангельскому заповѣданію, съ христіанскимъ смиреніемъ преклоняя свои главы, просимъ во всѣхъ оскорбленіяхъ вашего архипастырскаго прощенія.

„Въ увѣреніе и успокоеніе наше о вашемъ прощеніи благоволите выслать мирную грамоту, съ подтвержденіемъ всѣхъ дѣйствій и постановленій бывшаго въ 1863 году въ Москвѣ освященнаго собора, и симъ окончательно разрѣшится средостѣніе вражды, умирится церковь, и не будутъ смущаться православніи христіане, блазнящіися о распряхъ нашихъ.

„Итакъ, усердно и смиренно молимъ васъ, преосвященнѣйшій Владыко, простити насъ и не имѣти гнѣва на ны, и ра-

---

тельно, Иларіона Егорова. За то находимъ здѣсь подписи двухъ новыхъ депутатовъ, отъ Вышневолоцкаго раскольничьяго общества и (втораго) отъ Клинцевской слободы.

ди мира церковнаго не творити болѣе никоего же пререканія о дѣйствіяхъ нашего собора: несогласія бо наши раздираютъ церковь, ея же ради Христосъ кровь свою пролія.

„И тако въ ожиданіи и надеждѣ пребываемъ, прося вашего архипастырскаго благословенія и святыхъ молитвъ.

См. Антоній Архіепископъ Московскій и Владимірскій.
См. Епископъ Пафнутій Казанскій.
См. Епископъ Онуфрій.
Священникъ Петръ.
Священникъ Ѳеодоръ."

Съ бóльшимъ тактомъ и искусствомъ нельзя было составить такого рода документъ, какъ приведенное сейчасъ посланіе. Въ немъ не сказано ничего сколько-нибудь оскорбительнаго для Кирилла, нѣтъ никакихъ обидныхъ для него напоминаній, замѣчено только вообще, что произошли между нимъ и московскимъ совѣтомъ нѣкоторыя непріятности, въ которыхъ часть вины падаетъ на ту и другую сторону, выражается объ этомъ душевное соболѣзнованіе и смиренно испрашивается у Кирилла архипастырское прощеніе; но въ то же время, безъ дальнихъ объясненій, спокойнымъ, однакоже не допускающимъ возраженія, тономъ предлагается, чтобъ онъ, Кириллъ митрополитъ, *благоволилъ* выслать мирную грамоту съ подтвержденіемъ всѣхъ дѣйствій и постановленій бывшаго въ 1863 г. въ Москвѣ освященнаго собора. Какія именно дѣйствія собора ему слѣдуетъ подтвердить въ *мирной грамотѣ*, объ этомъ онъ найдетъ уже точныя наставленія въ прошеніи иногородныхъ депутатовъ, и то же самое можетъ видѣть изъ подлинныхъ соборныхъ актовъ, которые совѣтъ почелъ нужнымъ приложить къ своему краткому посланію и отправить къ Кириллу на утвержденіе.

Итакъ, все было устроено какъ слѣдуетъ. Оставалось отпустить изъ Москвы посланниковъ Кирилла, вручивъ имъ приготовленное посланіе, со всѣми къ нему приложеніями, и взявъ съ нихъ обѣщаніе, что они, возвратясь въ митрополію, будутъ дѣйствовать тамъ именно въ томъ духѣ, какъ высказались во время пребыванія своего въ Москвѣ. 27 января Іоасафъ и Филаретъ дѣйствительно представили духовному совѣту такого рода *письменное обѣщаніе*, въ которомъ писали, что „по прибытіи своемъ съ довѣрительными

грамотами въ царствующій градъ Москву, разсмотрѣвъ всѣ постановленія и опредѣленія освященнаго всероссійскаго собора, нашли ихъ вполнѣ правильными и законными" (а именно тѣ самыя дѣйствія собора, которыя исчислены депутатами въ указанныхъ выше пунктахъ ихъ прошенія къ Кириллу). Въ заключеніе Іоасафъ и Филаретъ писали: „Итакъ, признавая все вышеозначенное законнымъ и правильнымъ и имѣя въ виду возложенную на насъ священную обязанность пещися о миротвореніи, видя же со стороны священныхъ лицъ вашего верховнаго совѣта смиреніе и благопокореніе къ г. митрополиту Кириллу, мы, почитая довѣренность нашу въ главномъ ея значеніи исполненною, возвращаемся къ г. митрополиту Кириллу съ донесеніемъ о всемъ нами видѣнномъ и слышанномъ. О чемъ объявляя духовному совѣту, даемъ обѣщаніе, что и впредь будемъ пещися, елико сила, все творити и устроевати въ пользу церкви, къ миру же и согласію братскому, и пребывати во единомысліи со всѣми боголюбивыми россійскими и заграничными епископы, въ чемъ удостовѣряемъ своеручнымъ подписомъ."

Обѣщавшись такимъ образомъ дѣйствовать на Кирилла въ интересахъ московскаго совѣта, Іоасафъ и Филаретъ видѣли одно только препятствіе къ достиженію полнаго успѣха въ этомъ отношеніи: однимъ изъ пунктовъ требовалось отъ Кирилла, чтобъ онъ призналъ изверженнымъ изъ сана, въ числѣ другихъ, и поставленнаго имъ Сергія епископа Тульскаго; но Кириллъ, какъ они знали навѣрное, согласиться на это не можетъ по своимъ личнымъ отношеніямъ къ Сергію, который, какъ главный его совѣтникъ, слишкомъ для него дорогъ. Это затрудненіе свое Іоасафъ и Филаретъ предложили на разсужденіе духовному совѣту, и совѣтъ по сему случаю имѣлъ особое засѣданіе, происходившее 29 января.* Рѣшено

---

* Чтобы дать читателямъ понятіе о формальностяхъ, соблюдаемыхъ духовнымъ совѣтомъ въ веденіи дѣлъ, приводимъ здѣсь извлеченіе изъ журнала засѣданія „совѣта." „*Слушали* представленное уполномоченными отъ г. Бѣлокриницкаго митрополита посланниками, священноинокомъ Іоасафомъ и архидіакономъ Филаретомъ, мнѣніе о мѣрахъ, какія нужны въ настоящее время къ умиренію святой церкви, въ коемъ между прочимъ объяснили, что г. митрополитъ за необходимое почитаетъ имѣть при себѣ въ епископскомъ санѣ Сергія.

„Имѣя въ виду, что освященный всероссійскій соборъ не призналъ

было признать Сергія въ санѣ епископа, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ находился только при митрополіи и „никакихъ порученій по духовнымъ дѣламъ въ Россію ему дѣлаемо не было.“ Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ протоколъ и приготовлено особое увѣдомленіе для митрополита Кирилла, подписанное членами совѣта. *

Теперь, наконецъ, все было предусмотрѣно и приготовлено для наилучшаго окончанія дѣла. Оставалось только вручить кому слѣдуетъ, всѣ письма, прошенія и нужныя документы для доставленія въ Бѣлую-Криницу. Совѣтъ рѣшилъ, для удобнѣйшаго исполненія всѣхъ порученій, отправить въ митрополію вмѣстѣ съ Іоасафомъ и Филаретомъ даже одного изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ *Окружнаго Посланія*, епископа Казанскаго Пафнутія. Въ половинѣ февраля Пафнутій съ своими спутниками отправился изъ Петербурга въ Бѣлую-Криницу. Въ Москвѣ всѣ заинтересованные дѣломъ *Окружнаго Посланія* съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ кончится это посольство, въ благополучномъ исходѣ котораго, впрочемъ, не могло быть сомнѣнія.

И вотъ въ это самое время, когда всего болѣе можно было надѣяться на прекращеніе раздоровъ, такъ долго волновавшихъ раскольничье общество, когда по крайней мѣрѣ ожидалось рѣшительное торжество защитниковъ *Окружнаго Посланія* надъ грубыми и невѣжественными фанатиками раскола, — въ это время самъ предсѣдатель совѣта, Антоній, издаетъ свои несчастныя *объявленіе* и *увѣщаніе*, въ которыхъ торжественно изъясняется предъ своими „возлюб-

---

Сергія епископомъ по той преимущественной причинѣ, что онъ былъ рукоположенъ на Тулу безъ согласія сущихъ въ Россіи епископовъ,— нынѣшнее же желаніе митрополита заключается въ томъ, чтобы онъ былъ епископомъ только при немъ, а не въ Россійской области,— посему *опредѣлили* увѣдомить г. митрополита, что духовный совѣтъ не имѣетъ съ своей стороны препятствія къ оставленію Сергія въ епископскомъ званіи въ Бѣлокриницкой области, но съ тѣмъ чтобы согласно соборнаго постановленія никакихъ порученій по духовнымъ дѣламъ въ Россію никогда ему дѣлаемо не было.“

См. архіеп. Антоній, еп. Пафнутій, свящ. Петръ, свящ. Павелъ.

* Подписали также: Антоній, Пафнутій, Петръ и Павелъ. Достойно замѣчанія, что Онуфрій наиболѣе знающій Сергія и имѣвшій наиболѣе съ нимъ столкновеній, не подписалъ ни протокола, ни этой изъ него выписки.

ленными и превождelѣнными чадами," что его смиреніе съ самаго начала появленія *Окружнаго Посланія* никому не предлагало его въ руководство и теперь вторично его уничтожаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Антоній никогда внутренно не сочувствовалъ *Окружному Посланію*: въ немъ, какъ извѣстно, слишкомъ сильна и доселѣ безпоповская закваска; а посланіе и направлено всего болѣе противъ безпоповской раскольничьей исключительности. * Если бывшій казначей Преображенскаго кладбища, нынѣ именующійся архіепископомъ Московскимъ и всея Россіи, подписывалъ (и нѣсколько разъ) *Окружное Посланіе*, какъ полезное для руководства превождelѣнныхъ чадъ его, то, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ въ такомъ случаѣ единственно по какимъ-либо разсчетамъ, а вовсе не по убѣжденію. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется его послѣднее отреченіе отъ *Окружнаго Посланія*, сдѣланное въ такое время, когда, повидимому, все обѣщало защитникамъ *Посланія* полное и совершенное торжество надъ противною стороной. Можетъ-быть Антоній смотрѣлъ на дѣло иначе, можетъ-быть онъ вовсе не ожидалъ успѣха посольству Пафнутія; напротивъ, имѣя въ недавнее шумное состязаніе на Рогожскомъ кладбищѣ и печальный исходъ его для сторонниковъ *Окружнаго Посланія*, онъ теперь находилъ больше задатковъ успѣха на сторонѣ его ярыхъ противниковъ, почему и поспѣшилъ перейдти въ ихъ лагерь, куда притомъ влекло его и внутреннее, сердечное расположеніе? Для насъ, повторяемъ, доселѣ остается необъясненнымъ, какими темными соображеніями руководствовался Антоній, когда вскорѣ по отъѣздѣ Пафнутія рѣшился на поступокъ, совершенно противный недавнимъ, обще-условленнымъ и имъ самимъ одобреннымъ планамъ и намѣреніямъ духовнаго совѣта, говоря прямѣе,—на измѣну своимъ собратіямъ-епископамъ. Мы имѣли уже случай замѣтить прежде, что эти часто повторяемые Антоніемъ скачки изъ одной партіи въ другую не всегда же могутъ удаваться ему; ** по-

* Мы имѣемъ одинъ любопытный документъ, изъ котораго видно, что недалѣе какъ въ 1860 году сами прихожане Рогожскаго кладбища упрекали Антонія въ слѣдующемъ: „вы владыка Антоній своими устами завсегда похваляете безпоповщинскую вѣру, что у васъ было на Преображенскомъ кладбищѣ очень хорошо, и глаголете, что я живу по Рогожскому кладбищу единственно изъ-за совѣсти, а не по усердію."

** См. *Русск. Вѣстн.* № 3 стр. 413.

слѣдній неумѣстный скачокъ его дѣйствительно, какъ увидимъ, едва не кончился для него весьма плачевнымъ образомъ. Какъ бы то ни было, однакожь, его новое отреченіе отъ *Окружнаго Посланія* не осталось безъ вліянія на старообрядческое общество. Завзятые раскольники, разумѣется, были имъ очень обрадованы; за то всѣ сколько-нибудь разсудительные старообрядцы, сочувствующіе выраженнымъ въ *Посланіи* мнѣніямъ, были сильно смущены имъ. Особенно же вѣроломный поступокъ Антонія долженъ былъ огорчить старообрядческихъ епископовъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ изданіи *Посланія* и въ послѣднихъ распоряженіяхъ духовнаго совѣта. Изъ нихъ находился въ Москвѣ одинъ Онуфрій: онъ поспѣшилъ извѣстить о случившемся Балтовскаго епископа Варлаама, препроводивъ къ нему и копію съ изданныхъ Антоніемъ документовъ. * Видно, впрочемъ, что Онуфрій, хотя и огорченъ былъ поступкомъ Антонія, не придавалъ ему особенно важнаго значенія, въ той увѣренности что онъ не можетъ много повредить дѣлу; по крайней мѣрѣ, въ такомъ духѣ писалъ онъ къ Варлааму. Но Варлаамъ принялъ извѣстіе съ большимъ огорченіемъ и былъ крайне удивленъ имъ, какъ видно изъ его отвѣтнаго письма къ Онуфрію. Письмо это интересно, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что показываетъ, какой репутаціей пользуется Антоній между своими собратіями-епископами: они считаютъ его человѣкомъ готовымъ испортить всякое хорошее дѣло, и отъ котораго можно ожидать однѣхъ гадостей. „Признаюсь вамъ откровенно,“ писалъ онъ, „я ожидалъ, вотъ-вотъ не вышло бы какой гнили отъ управителя нашего; мое сердце предчувствовало, я не былъ спокоенъ, что̀ теперича и получилъ“.... Онъ просилъ Онуфрія объяснить ему странный поступокъ Антонія, и извѣщалъ, что съ своей стороны, до новыхъ изъ Москвы извѣстій, будетъ хранить полученную копію въ секретѣ, а его убѣждалъ позаботиться объ исправленіи дѣла. „Прошу тебя, Бога ради, по полученіи сего увѣдомленія, разъясни мнѣ пожалуста, что̀ у васъ такое дѣлается,—для меня очень странно кажется и недоумительно: если наши правители хотятъ быть потаков-

---

* Письмо Онуфрія было отправлено 29 февраля, а *объявленіе* Антонія, какъ сказано выше, издано 23, *увѣщаніе* же еще позднѣе нѣсколькими днями.

никами раздорниковъ и беззаконниковъ поповъ и тѣмъ самымъ хотятъ сдѣлать въ церкви Христовой миръ и тишину и самыхъ невѣжъ уцѣломудрить, то этого никогда не можетъ быть. Затѣмъ остаюсь въ великомъ недоумѣніи и сію копію, то-есть уничтоженіе *Окружнаго Посланія*, до увѣдомленія вашего, предаю молчанію и усердно прошу васъ, нельзя ли какъ переиначить это уничтоженіе. А если признать это за справедливое, то при этомъ надо намъ еще и всѣ беззаконныя дѣла признать за справедливыя, первое — Софроніевы небогоугодные подвиги, и прочая.“ * Вскорѣ потомъ получилъ онъ изъ Москвы отъ духовнаго совѣта, то-есть отъ Антонія съ братіей, предписаніе, чтобы выдалъ въ своей епархіи, по образцу московскаго, объявленіе объ уничтоженіи *Окружнаго Посланія*. Но Варлаамъ, какъ видно, не изъ такихъ людей, чтобы могъ легко отказаться отъ своихъ убѣжденій и каждогодно мѣнять свои мнѣнія: 28 марта онъ послалъ духовному совѣту рѣшительный отказъ „уничтожить высказанную въ *Окружномъ Посланіи* истину“, относительно которой подалъ однажды навсегда свое мнѣніе. Увѣдомляя объ этомъ отвѣтѣ своемъ одного изъ московскихъ пріятелей, онъ писалъ: „пусть немножко моимъ письмомъ полюбуются, да и подумаютъ, какъ уничтожать сущую справедливость. А я имъ обѣщался за ихнее уничтоженіе непремѣнно быть къ нимъ на разчетъ въ маѣ мѣсяцѣ; писалъ такъ: когда я буду съ вами на лицо на переговорѣ, и въ тѣ поры

---

* Были особенныя причины, почему Варлаамъ былъ такъ огорченъ московскими извѣстіями и рѣшился предать ихъ молчанію. Незадолго предъ тѣмъ произошло возмущеніе въ его епархіи, въ Кореневскомъ монастырѣ: монахи рѣшительно отказались принять *Окружное Посланіе*, изгнали изъ монастыря самого Варлаама за единомысліе съ *Посланіемъ*, и рѣшительно отказались повиноваться ему. Все это происходило въ концѣ января и въ началѣ февраля, какъ видно изъ составленныхъ въ монастырѣ по сему случаю опредѣленій и писемъ. Подобная вражда къ *Посланію* существовала и въ селеніи Плоскомъ, гдѣ, по словамъ самого Варлаама, были такіе между раскольниками, что „называютъ господствующую церковь прямо, что вѣруетъ въ антихриста и идолу покланяется.“ Увѣдомляя объ этомъ Онуфрія, онъ писалъ (отъ 25 января), что находится въ большомъ недоумѣніи, и просилъ извѣстить, въ какомъ положеніи дѣла будутъ находиться въ Москвѣ. Понятно послѣ этого, сколько непріятнаго было для него въ извѣстіи о подвигахъ Антонія.

что мнѣ Господь вложитъ какое слово, и я вамъ въ тѣ поры объясню; а теперь остаюсь за ваше уничтоженіе еще терпимымъ до моего къ вамъ пріѣзда. И васъ, прибавлялъ онъ, обращаясь къ пріятелю, — и васъ прошу, будьте тверды и крѣпки; я согласенъ оставаться съ тремя боящимися Бога, нежели со тмою беззаконныхъ.“ Онъ писалъ также, что извѣстіе объ уничтоженіи Антоніемъ *Окружнаго Посланія* поразило удивленіемъ не его только, „но и прочихъ благомыслящихъ.“

Между тѣмъ, пока Антоній производилъ въ Москвѣ свои враждебные *Окружному Посланію* подвиги, и старался въ качествѣ архіепископа всея Россіи и предсѣдателя духовнаго совѣта склонить и другихъ раскольничьихъ архіереевъ къ изданію акта на уничтоженіе *Посланія*, Пафнутій въ Бѣлой-Криницѣ какъ нельзя лучше окончилъ свое дѣло. Въ началѣ марта онъ былъ уже на возвратномъ пути въ Москву и изъ Яссъ, отъ 16 числа этого мѣсяца, писалъ Варлааму о благополучномъ окончаніи своей поѣздки въ митрополію и даже послалъ ему копію съ полученной отъ Кирилла *мирной грамоты*, чѣмъ, по собственному признанію Варлаама, „обрадовалъ его не мало.“ Около того же времени и въ Москвѣ получено было телеграфическое извѣстіе изъ Черновицъ, что всѣ московскія бумаги приняты въ митрополіи очень благосклонно. * Наконецъ въ Москву пріѣхалъ и самъ Пафнутій съ прежнимъ спутникомъ своимъ іеродіакономъ Филаретомъ, который, въ званіи уполномоченнаго посла отъ митрополіи, долженъ былъ передать духовному совѣту врученную ему для этой цѣли *мирную грамоту* Кирилла и два другіе подписанные Кирилломъ документа. Это порученіе было возложено опять и на товарища его Іоасафа, который и долженъ былъ вмѣстѣ съ Пафнутіемъ и Филаретомъ прибыть въ Москву; но по желанію Пафнутія онъ остался въ Яссахъ, чтобы заняться тамъ печатаніемъ тѣхъ самыхъ документовъ, подлинники которыхъ теперь были привезены въ Москву его спутниками и доставлены по принадлежности. **

---

* Объ этой телеграммѣ мы уже говорили, только неправильно объяснили тогда смыслъ ея. См. *Рус. Вѣст.* 1864 года, № 3 стр. 411.

** Іоасафъ дѣйствительно напечаталъ въ Яссахъ, въ типографіи Бермана, въ одной книгѣ, всѣ три изданные отъ имени Кирилла

Итакъ, *мирная грамота*, которую духовный совѣтъ просилъ Кирилла благоволить выслать, теперь находилась во владѣніи совѣта, подписанная бѣлокриницкимъ митрополитомъ и скрѣпленная многими другими подписями. Кромѣ *грамоты* Кириллъ прислалъ еще *„архипастырское посланіе* ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, священнымъ, иночествующимъ и мірскимъ всякаго званія и возраста, сущимъ въ богохранимомъ государствѣ Всероссійскомъ", и ко всѣмъ же православнымъ христіанамъ государства Всероссійскаго *извѣщеніе* о смерти митрополита Амвросія. Два первые документа такъ важны и любопытны, что ихъ стоитъ разсмотрѣть подробно. *

Мирная грамота написана совершено согласно съ тѣми требованіями, какія выражены въ прошеніи старообрядческихъ депутатовъ, которое не осталось, конечно, безъ вліянія на рѣшимость Кирилла издать эту грамоту, хотя въ ней, надобно замѣтить, не упомянуто о прошеніи депутатовъ

документы, о которыхъ дальше мы будемъ говорить, пользуясь именно экземпляромъ этой напечатанной въ Яссахъ книги. Нельзя не замѣтить, что она напечатана чрезвычайно красивымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, на превосходной бумагѣ, и издана вообще съ замѣчательною типографскою роскошью. По окончаніи печатанія Іоасафъ долженъ былъ пріѣхать въ Москву: его ждали именно въ послѣднихъ числахъ прошедшаго октября.

* Что касается *извѣщенія*, то Кириллъ дѣйствительно увѣдомляетъ въ немъ „православныхъ христіанъ Всероссійскаго государства", что „предмѣстникъ его мѣрности высопреосвященный митрополитъ Киръ Амвросій..., прошедшаго лѣта 30 октября въ полъ 9 часа утра, переселился въ будущую нескончаемую жизнь", и что онъ умеръ (это, кажется, самое главное въ *извѣщеніи*) „въ исповѣданіи православныя вѣры, оставль послѣднее духовное завѣщаніе, имже научаетъ присно пещися о соблюденіи церковнаго мира и соединенія." Извѣщаетъ также, что „погребеніе по велицѣмъ святителѣ и страдальцѣ отпѣто въ Бѣлокриницкой митрополіи 2 ноября прошедшаго лѣта" и въ заключеніе предписываетъ творить о немъ вѣчное поминовеніе. Жаль, что въ *извѣщеніи* не сказано, гдѣ и какъ похороненъ Амвросій, а это было бы не лишнее: есть слухи, что онъ похороненъ въ Тріестѣ, и что отпѣвали его православные Греки, разумѣется, по православному чинопослѣдованію, и это, надобно думать, сдѣлано не безъ согласія на то, изъявленнаго передъ смертію самимъ Амвросіемъ. *Извѣщеніе* подписано Кирилломъ 26 февраля 1864 г.

ни однимъ словомъ. Кириллъ говоритъ только о полученіи посланныхъ къ нему отъ духовнаго совѣта копій со всѣхъ опредѣленій московскаго собора, въ подлинникѣ—извѣстной грамоты Амвросія, упомянутаго выше увѣдомленія отъ заграничныхъ епископовъ (Аркадія Васлуйскаго и Аркадія Славскаго) и наконецъ послѣдняго краткаго посланія самихъ членовъ совѣта, которымъ они просили себѣ прощенія и вмѣстѣ требовали отъ него *мирной грамоты*. Увѣдомленіемъ о полученіи всѣхъ этихъ бумагъ и начинается *мирная грамота*. Исчисливъ ихъ, Кириллъ продолжалъ:

„Разсмотрѣвъ все сіе, и съ благоговѣніемъ облобызавъ начертаніе руки первопрестольнаго нашего святителя и страдальца по истиннѣй вѣрѣ, г. Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, иже грамотами своими, изданными за три дня до блаженныя его кончины, аки бы нѣкіимъ духовнымъ вѣщаніемъ, заповѣда намъ о блюденіи мира церковнаго, почувствовахъ въ души моей изліяніе цѣлебнаго бальзама, или паче рещи, дражайшаго мура, благоухающаго мысли и сердца вѣрныхъ и послушныхъ сыновъ святыя церкви, призывающее всѣхъ къ соединенію и любви, паче же насъ святителей, должныхъ сущихъ образъ быти своей паствѣ взаимнымъ смиреніемъ и благопокореніемъ. Тѣмже, съ душевною готовностію пріемля приносимое смиренію нашему боголюбивыми россійскими епископы раскаяніе въ оскорбленіяхъ истинно и чистосердечно ихъ прощаю, тогожде и самъ отъ нихъ прося, елико яко человѣкъ предъ ними согрѣшихъ. Такожде и отъ лица всего освященнаго собора прошу братолюбнаго прощенія въ наносившихся нами оному обвиненіяхъ; и по семъ опредѣляемъ:

а) „составленное освященнымъ соборомъ *опредѣленіе* (разъясненіе) *на Окружное Посланіе* отъ 26 іюня 1863 года, *чтобъ сохранили нерушимо во вѣки*; аще ли кто дерзнетъ сіе нарушити, да будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ.

б) „*Бывшій въ 1863 году въ Москвѣ освященный всероссійскій соборъ*, какъ собравшійся по нужнымъ и благословнымъ винамъ, для устроенія церковныхъ дѣлъ, и основанный на 8 пр. шестаго вселенскаго собора и 6 седьмаго вселенскаго собора, повелѣвающихъ каждое лѣто собиратися своея области епископамъ, *есть дѣйствительный и законный.*

в) „*Соборное разрѣшеніе епископа Онуфрія*, по буквальному

смыслу 6 пр. Антіохійскаго собора, * *да пребываетъ твердо и ненарушимо.*

г) „*Возведеніе епископомъ Онуфріемъ на московскій святительскій престолъ господина архіепископа Антонія*, какъ учиненное имъ въ силу нашихъ съ заграничнымъ соборомъ довѣрительныхъ грамотъ и по согласію всѣхъ сущихъ въ Россійской области епископовъ, на основаніи священныхъ правилъ: Св. Апостолъ 14-го, Антіохійскаго собора 16-го и святоотеческихъ событій, въ древней греческой и россійской церкви совершившихся, *симъ паки подтверждаю.*

д) „*Учрежденіе*, подъ предсѣдательствомъ московскаго архіепископа, *Духовнаго Совѣта*, для управленія церковно-іерархическихъ дѣлъ всея Россіи, *такожде подтверждаю.*

е) „*Изверженныхъ* освященнымъ соборомъ изъ священнаго сана лицъ, впадшихъ въ тяжкія и непрощенныя вины, ** *извергаемъ и мы.*

ж) „Всѣ прочія соборныя распоряженія и постановленія, яко основанныя на божественныхъ и священныхъ канонахъ, подтверждаю и укрѣпляю въ точной силѣ, якоже утверди ихъ блаженныя памяти высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Амвросій, и пребываю съ нимъ въ совершенномъ единомысліи.

з) „*Изданные отъ лица нашего акты:* вышеупомянутое запрещеніе епископу Онуфрію, отъ 20 февраля прошедшаго года, соборное дѣйствіе и архипастырское увѣщаніе отъ 20 іюня, увѣдомленіе къ россійскимъ епископамъ и воззваніе къ народу, отъ 2 ноября, и прочія тому подобныя, издавшіяся *безъ согласія Россійскихъ епископовъ съ 18 февраля прошедшаго 1863 года и по настоящее время, уничтожаемъ, испровергаемъ и яко не бывшіи вмѣняемъ.*"

Такимъ образомъ Кириллъ согласился принять всѣ пункты примиренія, какіе были предложены ему въ прошеніи старо-

---

* Отлученнаго причетника отъ своего епископа инъ епископъ не можетъ разрѣшити; аще же соборъ пріиметъ таковаго, или осудитъ, да есть твердъ судъ.

** Бывшаго симбирскаго епископа Софронія, бывшаго іерея Кирилла Масляева, урожденца посада Воронка, бывшаго іерея Георгія, жительствующаго въ окрестностяхъ Тверской губерніи, и чтеца Константина Столпкова. Сергій, такимъ образомъ, не вошелъ въ число изверженныхъ.

обрядческихъ депутатовъ: призналъ правильными и законными всѣ дѣйствія и распоряженія Онуфрія и московскаго собора, а свои собственныя распоряженія за цѣлый минувшій годъ, т.-е. съ самаго времени изданія *Окружнаго Посланія*, испровергъ и уничтожилъ; но этого мало: онъ приноситъ совѣту еще бо́льшую жертву,—заранѣе отрекается отъ всей своей послѣдующей дѣятельности, если она будетъ имѣть сходство съ прежнею:

„Въ предупрежденіе же на будущее время таковыхъ смущеній, продолжаетъ онъ, обѣщаваюсь въ касающихся до меня іерархическихъ дѣлахъ неизмѣнно руководствоваться священными правилы: Апостольскимъ 34, Антіохійскаго собора 9 и Карѳагенскаго 39. Аще ли же будутъ получатися отъ имени нашего какія бумаги вопреки изложенію тѣхъ правилъ, таковыя за дѣйствительныя да не причитаются.“

Совершивъ такимъ образомъ актъ полнаго отреченія отъ своей прежней и будущей дѣятельности, несогласной съ распоряженіями московскаго духовнаго совѣта, и утвердивъ эти послѣднія, Кириллъ въ концѣ грамоты обращается къ „боголюбивымъ россійскимъ епископамъ“ съ слѣдующими весьма замѣчательными наставленіями.

„Къ сему же молю васъ, боголюбивые епископы, стяжите между собою согласіе, единомысліе, миръ и любовь, яже есть союзъ совершенства, другъ друга честію больша творяще; и потщитеся, по долгу вашей священной обязанности, добрыма очима обзирати паству словесныхъ овецъ, по завѣщанію Божественнаго Апостола, пособствующе по вѣрнѣмъ словеси ученія, и противящіяся обличайте и уста ихъ заграждайте, и всѣхъ лжеученій и кривосказательныхъ мудрованій бѣгати и удалятися повелѣвайте, и глаголите пасомымъ слово истины, возбраняюще имъ толковати священная писанія по самохотѣнію, но пріимати оное яко же церковніи свѣтильницы и учители своими писаніи истолковаша (пр. 19 шестаго вселен. собора), да яко добріи и мудріи дѣлателіе винограда Христова внидете въ радость Господа своего.

„*Надъ всѣми же сими завѣщаваю вамъ, вкупѣ съ Верховнымъ Апостоломъ Павломъ* (1 къ Тим. зач. 282), *творити молитвы, моленія, прошенія и благодаренія за вся человѣки, изряднѣе же за Богопоставленнаго, самодержавнѣйшаго великаго Государя Царя вашего Александра Николаевича и за*

вся, иже во власти суть, якоже и у насъ во всѣхъ государствахъ творится сіе всегда неизмѣнно: кійждо за своего государя молитвы и приношенія Господу Богу приносимъ, и симъ нелѣстная наша любовь и преданность къ Богоучрежденнымъ властямъ показуется; наипаче же, яко сверхъ повседневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, *на святой проскомидіи, въ числѣ великихъ седьми*, *особая приносится, числомъ пятая, просфора о здравіи и о спасеніи Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Царя*, безъ которой у насъ не совершается Божественная литургія никогда же. Равно и вамъ всѣмъ завѣщавая, благословляю такожде творити неизмѣнно на вѣчныя времена, яко да Преблагій Искупитель рода человѣча, агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра, жренный и полагаемый за животъ всего міра, *соблюдетъ его (государя-царя) здрава, мирна и долгоденствующа, и оградитъ державу его миромъ и покоритъ подъ нозѣ его всякаго врага и супостата, яко и мы въ тишинѣ ихъ (царей) тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и честности.* Поучайте же пасомыхъ вами, по преданію и ученію апостольскому, Бога боятися и царя почитати и поставленныхъ отъ него властей, коегождо по чину, и всякое благопокореніе и благоразуміе предъ ними показывати и отъ всѣхъ враговъ и мятежниковъ удалятися, якоже отъ крамольныхъ и мятежныхъ Поляковъ, тако и отъ лондонскихъ злохитрыхъ безбожниковъ, готовящихъ безначаліемъ путь сыну погибельному, ихъ же судъ не коснитъ и погибель не воздремлетъ, отъ нея же да избавитъ Господь Богъ.

„Наконецъ, прошу и молю всю церковь русскую не забывати мене смиреннаго во святыхъ молитвахъ, старостію и немощію удручаемаго, да проститъ мнѣ Господь Богъ вся согрѣшенія вольная и невольная, и подастъ силу и крѣпость моей немощи, да безъ преткновенія и право исправляю слово святыя его истины.

„Въ заключеніе же всего посылаю вамъ братское о Христѣ цѣлованіе, прощеніе, миръ и благословеніе, и самъ того же отъ васъ требую. *Богъ же мира и Отецъ щедротъ, Богъ всякія утѣхи, вселяяй единомышленныя въ домъ свой, да соберетъ расточенныя овцы въ ограду пажити своея и* да сподобитъ всѣхъ насъ безконечнаго царствія своего, благодатію и человѣколюбіемъ своимъ.“

Здѣсь прежде всего весьма замѣчательно это внушеніе

„россійскимъ епископамъ,“ чтобъ они молились за благополучно царствующаго Государя Императора, и чтобъ учили пасомыхъ удаляться отъ всѣхъ противниковъ предержащей власти и ненавистниковъ существующаго порядка — „якоже отъ крамольныхъ и мятежныхъ Поляковъ, тако и отъ лондонскихъ злохитрыхъ безбожниковъ.“ Для Кирилла, который былъ высланъ изъ Москвы, между прочимъ, потому, что здѣшніе старообрядцы находили его присутствіе въ предѣлахъ Россіи неудобнымъ при смутныхъ политическихъ обстоятельствахъ, „когда почти всѣ западныя губерніи, примыкающія къ границамъ Австріи, находились въ смятеніи, когда Россія, Австрія, Пруссія были взволнованы возстаніемъ Поляковъ,“ и когда присутствіе Кирилла въ русскихъ предѣлахъ могло „подтвердить прежнее политическое мнѣніе правительства“ о раскольникахъ, и въ частности о самомъ Кириллѣ, „какъ главномъ предводителѣ всеобщаго возстанія старообрядцевъ,“ * — для Кирилла, говоримъ, послѣ всего этого, его сильныя увѣщанія старообрядческимъ архіереямъ молиться за русскаго царя и избѣгать всякихъ связей съ недоброжелателями Россіи, должны были служить какъ бы оправданіемъ отъ указанныхъ подозрѣній; онѣ должны служить новымъ залогомъ и новымъ свидѣтельствомъ вѣрности законному русскому правительству, отвращенія отъ польскихъ и лондонскихъ враговъ его, также и для всѣхъ старообрядцевъ, заграничныхъ и туземныхъ, на которыхъ дѣйствительно разчитывали весьма сильно, но, къ счастію, совершенно понапрасну, и польскіе мятежники и особенно лондонскіе агитаторы, съ братьями Кельсіевыми во главѣ. Итакъ, *что* говорится *въ мирной грамотѣ* Кирилла о необходимости молитвы за царя, за его благоденствіе и царственные успѣхи, безспорно весьма важно; но для насъ въ настоящемъ случаѣ еще важнѣе, *какъ* объ этомъ говорится въ грамотѣ. Если читатели не забыли *Окружнаго Посланія*, то они могли замѣтить, что обращенія Кирилла къ „боголюбивымъ епископамъ“ написаны не только въ духѣ *Посланія*, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже подлинными его словами **.

---

* См. Прошеніе московскихъ гражданъ къ „освященному собору“ объ изгнаніи Кирилла изъ Москвы. *Русск. Вѣст*, 1863 г. № 5, стр. 391—392.

** Мы подчеркнули эти мѣста и просимъ читателей сличить ихъ съ

Особенно интересно это напоминаніе — приносить о здравіи Государя, изъ числа великихъ седьми, пятую просфору на проскомидіи, за что такъ негодовали на *Окружное Посланіе*, въ которомъ говорится то же самое, его противники, считающіе митрополита Кирилла главою своего общества. * Итакъ Кириллъ, недавній ожесточенный противникъ *Окружнаго Посланія*, говоритъ теперь не только въ его духѣ, но и подлинными его словами: если бы въ грамотѣ его не находилось пункта, которымъ утверждаетъ онъ *Разъясненіе Окружнаго Посланія*, то одно ужь это могло бы служить доказательствомъ, что и онъ, наконецъ, признаетъ *Посланіе* и даже въ подлинномъ его смыслѣ, а не въ томъ, въ какомъ нѣкогда *разъясняли* его члены собора, вынужденные къ тому враждебными дѣйствіями противниковъ *Окружнаго Посланія*. Въ этомъ еще болѣе удостовѣряетъ, присланное съ мирною грамотою „*Архипастырское Посланіе* Кирилла, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, сущимъ въ Богохранимомъ государствѣ Всероссійскомъ:“ все оно отъ начала до конца есть ни что иное, какъ именно точное и полное воспроизведеніе *Окружнаго Посланія*, сдѣланное съ цѣлію утвердить его архипастырскою властію бѣлокриницкаго митрополита, хотя въ то же время (и это очень замѣчательно) нигдѣ въ этомъ архипастырскомъ посланіи ни единымъ словомъ не упомянуто объ *Окружномъ Посланіи*.

Архипастырское посланіе Кирилла съ того и начинается, что въ старообрядчествѣ явились неразумные ревнители мнимо-древняго православія, возстающіе противъ здраваго ученія (изложеннаго въ *Окружномъ Посланіи*), и что самъ онъ, Кириллъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ поддерживалъ ихъ неразумную ревность, теперь же чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей вполнѣ убѣдился, что они проповѣдуютъ мудрованія, несогласныя съ разумомъ святой церкви, и тѣмъ производятъ соблазнъ и великій раздоръ въ старообрядчествѣ:

„Возвѣщаю вамъ, возлюбленніи, всѣмъ и каждому: нѣціи отъ христіанъ, сущіи отъ страны вашея, имуще аки бы и ревность Божію, но не по разуму, приходиша ко мнѣ съ

шестою статьей *Окружнаго Посланія* и съ заключительными его словами.

* См. доношеніе Павловскихъ раскольниковъ.

ложными доношеніями на боголюбивыхъ епископовъ российскихъ и на помогающихъ имъ въ словеси истины священниковъ и причетниковъ, безмѣстная нѣкая сплетающе аки бы ереси и новшества хотятъ ввести во святую церковь, и аки бы совершенно сближаются съ господствующею нынѣ въ Россіи церковію, и понуждаху мое смиреніе писати къ россійскимъ епископамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ различная посланія жестокословная и воспретительная.

„Азъ же, преклоняемый старостію и за отдаленностію мѣста, не разумѣхъ умышленія ихъ, мня истинна быти доношенія ихъ, яхъ вѣру лжѣ, и желая успокоить ихъ стремленіе, писахъ по волѣ и желанію ихъ, якоже они изволяху, не къ миру и соединенію церковному ведущая, но къ разстоянію клонящаяся.

„Нынѣ же разсудихъ послати двоихъ честныхъ отцевъ: священно-инока Іоасафа и архидіакона Филарета, уполномоченныхъ отъ мене грамотою, во еже совершенно увѣдати о винахъ несогласія и возмущенія между христіаны происходящаго.“

Какія же извѣстія онъ получилъ отъ своихъ посланниковъ? По тщательномъ испытаніи дѣла, они нашли и возвѣстили ему, что „вси епископы россійстіи пребываютъ въ совершенномъ единомысліи.... всякихъ еретическихъ злохуленій отвращаются зѣльнѣйше и прилежатъ здравому ученію,“ и что напротивъ „нѣціи мнимоGревнителіе, невѣденія слѣпотою болящіи и духомъ любоначалія страждущіи, простодушный народъ христіанскій къ буйству и крамолѣ воздвизаютъ, странна и чужда ученія вносяще, несогласная разуму святыя церкве.“ У этихъ мнимоGревнителей нашли они именно тѣ самыя чуждыя церкви ученія, противъ которыхъ возстаетъ *Окружное Посланіе*:

„Мудрованія же ихъ суть слѣдующія:

а) „Аки бы господствущая нынѣ въ Россіи церковь, равно и греческая, вѣруетъ во инаго Бога Іисуса!

б) „На таковое начертаніе имене наводятъ ужасныя хулы, яже не лѣть есть и писанію предати.

в) „На четвероконечный крестъ наводятъ такожде неподобная и отвратительная злохуленія.

г) „Прекословятъ о приношеніи пятой просфоры за самодержавнѣйшаго государя царя.

д) „Превращаютъ священное писаніе во иносказаніе о святыхъ пророцѣхъ Иліи и Эносѣ, и не исповѣдуютъ пришествія ихъ предъ кончиною міра сего, во обличеніе антихриста.

е) „Равно отрицаютъ и бытіе послѣдняго антихриста, пріемлюще вся яже о немъ реченная въ смыслѣ преносномъ и иносказательномъ, вопреки сказанія и толкованія изложеннаго святыми и богоносными отцы.

„И таковыми лжеученіи простодушный народъ христіанскій кривосказателіе оны возмущающе отводятъ отъ истины здраваго ученія церковнаго, отъ пастырей народу преподаваемаго, и тако возмущаютъ миръ церковный, развращаютъ умы незлобивыхъ и производятъ распри и раздоры. О чемъ истинніи сынове святыя церкве зѣло болѣзнуютъ сердцы своими, и прилагаютъ всякое тщаніе и подвигъ о пресѣченіи сихъ возмущеній, и о пользѣ святыя церкве.“

Кромѣ того посланники возвѣстили Кириллу, что лично видѣли „множество тетрадей, ложно составленныхъ подъ названіемъ благовиднымъ, именно же: Апокалипсисъ седмитолковый.... книга Евстафія Богослова, иная подъ именемъ Амфилохія,“ словомъ, исчисляются тѣ же самыя безпоповскія сочиненія, которыя названы опять въ *Окружномъ Посланіи.*

„Сія мы отъ посланныхъ нами увѣдавше, продолжаетъ Кириллъ, еще же и письменными прошеніи отъ истинно православныхъ христіанъ извѣстившеся, зѣло велiею печаліею содержими есмы о нестроеніи церковномъ, и абіе призвавъ всѣхъ благъ подателя рекшаго: „миръ мой оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ, и посему познаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,“ потщахомся отринути отъ себе всякое несогласіе, между нами туне происходившее, и благодатію Христовою примирихомся со всѣми боголюбивыми епископы, принесши другъ другу во христовоподражательномъ смиреніи прощеніе, при семъ и вся прежде бывшая писанія, отъ 18 февраля 1863 года и до настоящаго времени, отъ имени нашего изданная безъ согласія боголюбивыхъ епископовъ, испровергаемъ, уничтожаемъ, и яко не бывшая вмѣняемъ; пребываемъ же паки въ мирѣ, любви, и соединеніи со всѣми боголюбивыми епископы россійскими и заграничными, обще промышляюще о пользѣ тѣла церковнаго, ему же глава Христосъ.

„И по сихъ подвизаемый жалостію, понудихся написати

вамъ сіе наше архипастырское посланіе, и молю васъ щедротами Божіими послушати словесъ нашихъ, и соблюдати и хранити оная въ неизмѣнной точности."

И вотъ начинается самая сущность посланія, архипастырскія наставленія и завѣщанія бѣлокриницкаго митрополита своей паствѣ, сдѣланныя въ строгомъ соотвѣтствіи тѣмъ извѣстіямъ о состояніи старообрядчества въ Россіи, какія получилъ онъ отъ своихъ довѣренныхъ посланниковъ, и вмѣстѣ совершенно согласно, даже въ самыхъ выраженіяхъ, съ тѣми же самыми наставленіями, изложенными въ *Окружномъ Посланіи*. Кириллъ именно завѣщеваетъ, чтобы старообрядцы во всемъ слушали своихъ епископовъ и не внимали превратнымъ мудрованіямъ кривосказателей, которыя и опровергаетъ съ нѣкоторою подробностью:

„Повинуйтеся епископомъ вашимъ и покоряйтеся, и что они соборнѣ учиниша, на основаніи божественнаго писанія и священныхъ каноновъ, тому и вы безъ всякаго прекословія послѣдуйте.

„Неправо мудрствующихъ онѣхъ кривосказателей, водимыхъ духомъ непокорства и крайняго неразумія, не слушайте отнюдь, и ложнымъ ученіемъ ихъ не внимайте. Понеже разумѣнія ихъ суть несогласна со ученіемъ святыя церкви, по всему же точна суть мнѣніемъ безпоповскимъ еретическимъ, на нихъ же здѣ вкратцѣ отвѣщаемъ:

а) „О церкви нынѣ въ Россіи господствующей, равно и греческой, ученіе ихъ (аки бы оная вѣруетъ во инаго Бога) есть противно священнымъ канонамъ, здравому разуму, вѣрованію праотцевъ нашихъ и нынѣ существующей іерархіи нашей."

б) „Произносящіи различныя хулы на имя Іисусъ погрѣшаютъ, тѣмъ болѣе что таковое начертаніе имене въ нѣкоторыхъ древнихъ книгахъ обрѣтается".... Слѣдуютъ примѣры, приведеные въ *Окружномъ Посланіи*, и вся статья заключается слѣдующими словами, также заимствованными изъ *Посланія*: „и таковое начертаніе имене святѣйшіи патріарси московстіи, до Никона бывшіи, видѣша и во всеобщее употребленіе не введоша, обаче и суда хульна не положиша. Имже и мы послѣдующе, во всемъ согласуемъ, яко пастыремъ древле-православной церкви, таковое произношеніе во употребленіе не пріемлемъ и не вводимъ, обаче и хулити не дерзаемъ, блюсти тщимся съ ними единеніе духа и вѣры, и

что̀ они не пріяша и мы не пріемлемъ, и на что они хулы и поношенія не положиша, и мы не полагаемъ. А еже нѣцыи невѣгласи дерзаютъ таковое произношеніе имене именовати инымъ Богомъ и (еже страшно и помыслити) антихристомъ, таковымъ повелѣваемъ престати отъ таковаго неистовства, и ниже да слышится что̀ таковое между православныхъ христіанъ.

в) „На четвероконечный крестъ злохуленіе возносящіи въ ересь крестохульную впадаютъ"... Слѣдуютъ опять доказательства, приведенныя въ *Окружномъ Посланіи*.

г) „Прекословящіи о приношеніи пятой просфоры за Самодержавнѣйшаго Государя погрѣшаютъ". Достойно замѣчанія, что это положеніе въ архипастырскомъ посланіи Кирилла раскрыто съ особенною полнотой: приведено множество свидѣтельствъ Св. Писанія, отеческихъ изреченій и историческихъ примѣровъ въ доказательство, что должно молиться, и св. церковь всегда молилась за царей инославныхъ и даже языческихъ, когда находилась въ ихъ власти. „На основаніи сихъ церковныхъ свидѣтельствъ," продолжаетъ *Посланіе*, „святая церковь наша приноситъ молитвы и божественное жертвоприношеніе за царей инославныхъ, подъ державою коихъ мы обитаемъ, и у насъ всегда во всѣхъ государствахъ приносится за Самодержавнаго Государя-Царя пятая просфора неизмѣнно, безъ которой даже и не совершается у насъ божественная литургія никогда же." За симъ слѣдуютъ наставленія, обращенныя собственно къ старообрядцамъ Всероссійскаго государства. Эти наставленія проникнуты такимъ живымъ чувствомъ, отличаются такою силой и оригинальностью выраженія, и такъ замѣчательны въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ вполнѣ.

„Кольми паче вамъ, о православные Россіяне! подобаетъ особное уваженіе имѣти къ вашему Богопоставленному, Самодержавнѣйшему, Богохранимому и Великому Государю Царю Александру Николаевичу, о которомъ отрадное слышаніе доходитъ до ушесъ нашихъ, яко онъ, подражая милосердіемъ своимъ небесному Отцу, единовѣрнымъ братіямъ нашимъ даруетъ свободу, и покровительствуетъ монаршимъ благоволеніемъ своимъ. И вы должны есте любити и почитати Его яко помазанника Божія и яко щедраго отца и проливати о немъ теплыя молитвы и моленія ко Гос-

поду Богу, во дни и въ нощи. А святители и священницы должны суть творити за него божественное приношеніе, тоесть на святой проскомидіи по чиноположенію церковному приносити пятую просфору; и яко присно сіе совершается неизмѣнно, тако да будетъ и впредь на вѣчная времена непреложно. Яко да Господь Богъ сохранитъ его здрава, мирна, долгоденствующа, оградитъ державу его миромъ, покоритъ подъ нозѣ его всякаго врага и супостата, и вложитъ въ сердце его благая и полезная о святѣй церкви.

„Къ симъ же завѣщаваю вамъ, возлюбленніи, всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ Царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе, и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтеся и бѣгайте, якоже отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ, и оттуду своими писаніи возмущающихъ авропейскія державы, и разсѣвающихъ плевельное ученіе треокаяннаго онаго врага Христова, тмократному проклятію подлежащаго сосуда сатанина, всенечестивѣйшаго Волтера, возмутившаго всю вселенную своимъ діавольскимъ ученіемъ, иже въ животѣ своемъ все тщаніе имѣяше, во еже како бы до конца истребити вѣру во Христа Бога! отврещи законы церковные и гражданскіе! низложити архіерейскія каѳедры! опустошити священные олтари и превратити царскіе престолы!!! ввести же безначаліе, еже всѣхъ злыхъ послѣднѣйшее, и научити человѣки, яко нѣсть Бога, ниже промысла его! но яко міръ сей самобытенъ есть, и вся яже въ немъ по случаю бываютъ! Его же смертоносному ученію послѣдующіи учатъ тому же безбожію и именуются, и суть вольнодумы, а въ семъ имени исполняется и число еще во апокалипсіи тайнозрителю откровенное, еже есть число звѣрино: х҃ѯ҃г, якоже здѣ ясно зрится:

в	о	ль	н	о	д	у	мъ.		число звѣрино.
в҃,	о҃,	л҃,	н҃,	о҃,	д҃,	ѵ҃,	м҃:		х҃ѯ҃г
2+	70+	30+	50+	70+	4+	400+	40,	=	666. *

„Имже всѣмъ: изобрѣтателю таковаго ученія, разсѣвающимъ оное и пріемлющимъ е да возгласится отъ всѣхъ православныхъ христіанъ: анаѳема! анаѳема!! анаѳема!!!

„Бѣгайте убо онѣхъ треклятыхъ, имже образомъ бѣ-

* Книга объ антихристѣ ублажаемаго инока Павла Бѣлокриницкаго. Ч. I, гл. 3.

житъ человѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ, и зміевъ пресмыкающихся; то бо суть предотечи антихристовы, тщащіися безначаліемъ предуготовити путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяніемъ сихъ псовъ адскихъ, *представляющихся акибы сострадущими о человѣчествѣ*; но вѣруйте, яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство во общую пользу; безъ него же вся превратятся и погибнутъ сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и сліянію виновно. Того ради, чада, Бога бойтеся, и дарованнаго Имъ царя вашего (освободителя порабощенныхъ) чтите, равную преданность и благоразуміе и къ будущимъ преемникомъ престола и скипетра его стяжите и имѣйте присно, и всѣхъ во власти сущихъ почитайте, да въ мирѣ и въ тишинѣ ихъ богоугодно поживете во всякомъ благочестіи и честности."

Мы не будемъ распространяться здѣсь о значеніи и достоинствѣ сейчасъ приведеннаго мѣста изъ Кириллова архипастырскаго посланія, предоставляя самимъ читателямъ оцѣнить его по достоинству, тѣмъ болѣе что выше имѣли уже случай сдѣлать замѣчаніе по поводу подобнаго же мѣста въ *мирной грамотѣ* Кирилла. Намъ слѣдуетъ сказать о содержаніи послѣднихъ статей Кириллова посланія. Въ нихъ сдѣланы наставленія держаться правильнаго ученія объ Антихристѣ и не читать зловредныхъ безпоповскихъ тетрадокъ,— наставленія, заимствованныя опять въ главныхъ чертахъ изъ *Окружнаго Посланія*. Такимъ образомъ, повторяемъ, архипастырское посланіе Кирилла есть именно воспроизведеніе этого послѣдняго и, слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что своею *мирною грамотой* и *архипастырскимъ посланіемъ* онъ утвердилъ его во всей его силѣ и полнотѣ, и этимъ сдѣлалъ московскому совѣту весьма важную уступку.

Но чтобъ оцѣнить надлежащимъ образомъ какъ эту, такъ и всѣ другія уступки, какія сдѣланы Кирилломъ московскому совѣту въ *мирной грамотѣ* и *архипастырскомъ посланіи*, нужно сличить эти два документа, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ посланіемъ, которое писалъ онъ къ тому же собору только тремя мѣсяцами раньше и въ которомъ, надобно замѣтить, выражался гораздо умѣреннѣе нежели въ прежнихъ своихъ посланіяхъ. Три мѣсяца назадъ онъ писалъ, напримѣръ, что вовсе не вѣритъ посланію Амвросія, утверждалъ, что оно

„не Амвросіево и не Георгіево сочиненіе, а Іустиново и Ипполитово дѣло“, что это они, Іустинъ и Ипполитъ „бѣсовскою лестію научены были подущать митрополита Амвросія къ злому дѣлу;“ а теперь не только не выражаетъ какого-либо сомнѣнія относительно его подлинности, не только не замѣчаетъ въ немъ никакой злонамѣренности, напротивъ, пишетъ, что съ „благоговѣніемъ облобызалъ начертаніе руки первопрестольнаго святителя и страдальца по истинной вѣрѣ“, что лобызая его, „почувствовалъ въ душѣ своей изліяніе цѣлительнаго бальзама, или дражайшаго благоухающаго мура“ и проч. и проч. Три мѣсяца назадъ онъ писалъ, что московскій соборъ самоуправно, не имѣя на то никакой власти, далъ разрѣшеніе запрещенному имъ Онуфрію, что и самый соборъ этотъ онъ признаетъ беззаконнымъ и недѣйствительнымъ сборищемъ, „возмутившимъ всю вселенную:“ а теперь о томъ же разрѣшеніи Онуфрію пишетъ: „да будетъ оно правильно и ненарушенно“, и тотъ же соборъ признаетъ дѣйствительнымъ и законнымъ. Три мѣсяца назадъ, онъ еще требовалъ отъ раскольничьихъ епископовъ, подъ угрозою запрещенія и клятвы, полнаго подчиненія своимъ распоряженіямъ; а теперь всѣ эти распоряженія „уничтожаетъ, ниспровергаетъ и яко не бывшія вмѣняетъ.“ Три мѣсяца назадъ онъ еще называлъ *Окружное Посланіе* не слыханною новостью, писалъ, что изъ-за этой одной тетрадки дѣлается церковный расколъ и вся вселенная возмутилась, что онъ „не пріемлетъ его, не подписываетъ и прочимъ не благословляетъ соблазна ради церковнаго;“ а теперь всѣ наставленія, изложенныя въ этомъ *Посланіи*, самъ предлагаетъ въ руководство православнымъ христіанамъ, и въ точномъ исполненіи ихъ видитъ залогъ желаемаго мира въ старообрядчествѣ; раздоры же и нестроенія, существующія теперь, объясняетъ именно тѣмъ, что явились кривосказатели, отвергающіе правое ученіе *Окружнаго Посланія.*

До такого-то полнаго самоотреченія дошелъ въ своихъ уступкахъ московскому духовному совѣту „верховный святитель Бѣлокриницкой митрополіи.“ И все это онъ согласился еще закрѣпить новымъ соборнымъ актомъ, который уполномочилъ своихъ посланниковъ подписать въ Москвѣ совокупно со всѣми боголюбивыми епископами.

Въ *мирной грамотѣ* сказано:

„Грамоту сію и прочія двѣ (то-есть архипастырское по-

сланіе и извѣщеніе о смерти Амвросія) поручаемъ доставить московскому духовному совѣту нашимъ посланникамъ, священноиноку Іоасафу и архідіакону Филарету, которые и уполномочены нами на сіе довѣрительною грамотою, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи просимаго нами отъ освященнаго собора прощенія, составлена была ими общая съ членами духовнаго совѣта мирная грамота, которую и поручаемъ имъ вмѣсто насъ подписать и приложить врученную имъ именную посланническую печать. Грамота оная да хранится при дѣлахъ московскаго духовнаго совѣта, а другой экземпляръ да доставится намъ, *къ успокоенію совѣсти нашей объ окончательномъ примиреніи.* Со всѣхъ же грамотъ копіи да разошлются ко всѣмъ епископамъ, а оными да объявятся всѣмъ подвѣдомымъ имъ христіанамъ, да никто же не имать никоего же смущенія о бывшемъ между нами временномъ неудовольствіи, какъ о дѣлѣ до мірскихъ людей нисколько не касающемся, *но да предастся оное вѣчному забытію.*"

Вообще видно, что всему дѣлу хотѣли придать особенную законность и торжественность: самыя подписи подъ *мирною грамотой* сдѣланы заграничными епископами и другими лицами изъ почетнаго раскольничьяго духовенства съ нѣкоторыми особенными формальностями, и всѣ скрѣплены именными печатями.*

---

* Вотъ какими лицами и въ какой формѣ подписана *мирная грамота:*

„Утверждая вся вышеписанная своеручнымъ подписомъ, въ вящшее увѣреніе, прилагаю именную нашего смиренія печать. Смиренный митрополитъ Кириллъ.

„Въ подлинности акта сего, изданнаго отъ г. Кирилла митрополита Бѣлокриницкаго, и подписаннаго отъ него въ присутствіи моемъ, удостовѣряю и вся изложенная въ немъ признаю законнымъ. Смиренный епископъ Сергій.

„Въ томъ же удостовѣряю Молдовлахійскаго княжества смиренный Аркадій, Божію милостію, архіепископъ Васлуйскій.

„Богоугодная сія грамота, собирающая чадъ святыя, соборныя и апостольскія церкви во едино стадо, ему же да будетъ единъ пастырь Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ему же слава во вѣки вѣкомъ, аминь. Смиренный епископъ Аркадій, екзархъ Некрасовскій.

„Мануиловскаго Никольскаго монастыря архимандритъ Варсонофій.

„Предотечева монастыря (иже въ Тассѣ) архимандритъ Ефросимъ.

Итакъ, московскій духовный совѣтъ, твердо и настойчиво дѣйствуя на Бѣлокриницкаго митрополита, достигъ своей цѣли самымъ блистательнымъ образомъ; грамоты, привезенныя въ Москву Пафнутіемъ и Филаретомъ, служили тому очевиднымъ доказательствомъ: Кириллъ отрекся отъ всѣхъ своихъ прошедшихъ и будущихъ распоряженій, сколько-нибудь несогласныхъ съ намѣреніями „освященнаго собора," его собственныя распоряженія призналъ дѣйствительными и законными и, что всего важнѣе, утвердилъ и одобрилъ *Окружное Посланіе*, изъ-за котораго въ старообрядчествѣ произошло столько нестроеній и соблазновъ. Теперь эти раздоры и нестроенія должны бы, казалось, прекратиться, и наконецъ должны бы водвориться давно желанные миръ и тишина. По крайней мѣрѣ этотъ окончательный миръ заключенъ теперь между главными дѣятелями обѣихъ враждебныхъ сторонъ и утвержденъ обоюдными, торжественно скрѣпленными мирными грамотами. Нѣтъ сомнѣнія, однакоже, что во всей этой исторіи торжественнаго заключенія мирныхъ трактатовъ Кириллъ, на долю котораго выпала такая жалкая роль, дѣйствовалъ не по доброй своей волѣ и не отъ чистаго сердца, какъ бы ни увѣрялъ въ противномъ. Можно ли допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы человѣкъ, даже подобный Кириллу, могъ искренно и вполнѣ охотно подписать свое пораженіе и лишить себя свободы дѣйствій даже на будущее время? И все-таки, скрѣпя сердце, подписалъ онъ свое имя подъ *мирною грамотой* и *архипастырскимъ посланіемъ*! Дѣйствительно, ему нужно было только подписать свое имя; все остальное было приготовлено, и даже не въ его Бѣлокриницкой обители, а въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ. Весь складъ, весь тонъ *грамоты и посланія*, самый языкъ ихъ чистый и правильный, отличающійся своего рода красотой и выразительностію,—все это ясно показываетъ, что онѣ не бѣлокриницкой, грубой и необтесанной работы, что къ нимъ приложена чья-то весьма искусная рука, хорошо знакомая намъ по *Окруж-*

„Молдовлахійскаго княжества, богохранимаго града Яссъ, собора Успенія Пресвятыя Богородицы протопресвитеръ Георгій Васильевъ.

Тѣ же лица и съ подобными формальностями подписали архипастырское посланіе Кирилла.

ному Посланію. * И это обстоятельство, что *мирная грамота* написана въ Москвѣ и только послана въ Бѣлую Криницу для подписанія, еще яснѣе выставляетъ предъ нами всю слабость и ничтожность бѣлокриницкаго митрополита, а съ другой стороны все торжество надъ нимъ его бывшихъ московскихъ противниковъ.

Казалось, ихъ торжество было дѣйствительно полное. Всѣ сторонники *Окружнаго Посланія* съ радостію привѣтствовали полученіе новыхъ бѣлокриницкихъ грамотъ, привезенныхъ Пафнутіемъ, ** и вмѣстѣ съ членами совѣта торжествовали побѣду надъ Кирилломъ. Одинъ только человѣкъ не могъ принять участія въ ихъ торжествѣ и ликованіяхъ, и это самъ председатель духовнаго совѣта, Антоній: для него полученіе Кирилловыхъ грамотъ вовсе не было вожделѣннымъ событіемъ; по ихъ милости и благодаря своему недавнему отреченію отъ *Окружнаго Посланія*, онъ очутился въ самомъ неловкомъ и затруднительномъ положеніи. Не прошло мѣсяца, какъ онъ издалъ запрещеніе на *Окружное Посланіе*, опираясь при этомъ на опредѣленія митрополита Кирилла, и вотъ самый этотъ Кириллъ присылаетъ грамоты, утверждающія *Посланіе* во всей его силѣ! Съ Кирилломъ онъ такимъ образомъ не сошелся, и въ то же время совершенно отдѣлился отъ своихъ россійскихъ собратій, которые притомъ, какъ мы видѣли изъ письма Варлаама, готовились требовать его къ отчету за его послѣдній неудачный скачокъ въ противную партію. Положе-

* Что грамота и посланіе Кирилла писаны въ Москвѣ, при участіи Иларіона Егорова, это, дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію; Варлаамъ въ одномъ письмѣ своемъ даже прямо называетъ мирную грамату изданною Пафнутіемъ отъ имени Кирилла.

** Варлаамъ писалъ изъ Балты въ Москву: „по прочтеніи присланнаго акта мирнаго, г. епископомъ Пафнутіемъ изданнаго отъ г. митрополита Кирилла, мирное заключеніе съ россійскими и заграничными епископы, у насъ въ Балтѣ зѣло возрадовалися. А какъ я показалъ имъ, нѣкіимъ искуснымъ, Антоніево уничтоженіе присланное мнѣ, то они сказали: если-ты уничтожишь *Окружное Посланіе*, то ты въ тѣ поры намъ ненуженъ будешь, и мы за вашу высказанную въ *Окружномъ Посланіи* истину, что мы остепенились отъ богохуленія и кресторугательства, благодаримъ; а теперь, если вы захотите паки возвратиться на безпоповскую клятвенность, то въ такомъ случаѣ будьте спокойны кромѣ насъ.“

ніе, дѣйствительно, крайне невыгодное, и самъ Антоній это чувствовалъ какъ нельзя болѣе; онъ какъ-то присмирѣлъ, стушевался, спрятался куда-то, такъ что въ теченіе цѣлаго лѣта съ трудомъ могли отыскать его даже люди довольно близкіе къ нему. Актеръ, повидимому, сходилъ со сцены; казалось, ему ужь не подняться на эти подмостки, гдѣ онъ такъ удачно фигурировалъ доселѣ.... Но счастливая звѣзда его еще видно не померкла: тотъ же Кириллъ, на котораго онъ имѣлъ столько основаній сѣтовать, оказалъ ему, впрочемъ совершенно не намѣренно, весьма важную услугу, давъ возможность выйдти изъ затруднительнаго положенія. Но случай, который мы разумѣемъ здѣсь, такъ замѣчателенъ въ современной лѣтописи старообрядчества, что, съ дозволенія читателей, мы передадимъ его настоящимъ (старообрядческимъ) лѣтописнымъ языкомъ; а нашихъ читателей-старообрядцевъ просимъ записать въ свои хронографы слѣдующую за симъ назидательную повѣсть.

Како, Божіимъ попущеніемъ, на единомъ и тоемжде престолѣ царствующаго града Москвы, во едино и тоеждe время, явишася два епископа единаго и тоегожде имене, сирѣчь два Антонія.

Повѣсть достовѣрна и удивленія достойна.

Во дни наша многомятежныя, на конецъ послѣдняго вѣка сего, дивная и николиже слышанная вещь содѣяся въ насъ Богу тако попущающу грѣхъ ради нашихъ. Бысть убо во дни сія мужъ нѣкій, во градѣ Москвѣ обитаяй, ему же имя М. М—въ. Мужъ же оный бяше тяжкаго и гордостнаго нрава и толикаго исполненъ бѣ надмѣнія, яко и самимъ приснымъ его по вѣрѣ бѣгати его и чуждатися зѣло. И пріиде ему помыслъ лукавый, еже бы имѣти своего си епископа, избраніемъ и хотѣніемъ его поставленна, яко да творитъ вся ему угодная; не любяше бо той владыку Антонія, мня его быти по Окружномъ Посланіи поборающа и на митрополію бѣлокриницкую враждою взимающася. И что убо нелѣпое содѣваетъ? Зѣло ему вѣдомъ бысть человѣкъ нѣкій, неизглаголаннаго лукавствія исполненный и совѣсть свою до конца поправый, иже множицею странствова во иныя земли, устроенія ради нѣкіихъ дѣлъ неправыхъ (сицевыя бо, Богу попущающу, содѣвахуся въ насъ) и хитрость велію въ устроеніи оныхъ показа. Сего убо призвавъ, повелѣ ему со властію, до обрящетъ ему мужа, достойна воспріяти санъ епископ-

ства. Человѣкъ же сей злохитростный, емуже и прозвище Степнухинъ дадеся, пріимъ таковое повелѣніе, отъиде во Гуслицкую страну и тамо въ веси единой обрѣтъ нѣкоего старца именемъ Антонія, мужа зѣло препроста и чтенію книжному вельми неискусна; и поятъ онъ лестію старца того, отъиде съ нимъ тайно во предѣлы цесарскіе, идѣже великая митрополія Бѣлокриницкая во благополучіи и благочестіи просіяваетъ, яко да вдастъ его тамо на поставленіе во епископа царствующему граду Москвѣ. И снабжени сребренники довольными, достигоша безпечально обители бѣлокриницкія, идѣже лицу преосвященнѣйшаго митрополита Кирилла предсташа, вину еяже ради отъ предѣлъ своихъ притекоша, повѣдающе. Кириллъ же митрополитъ, сребролюбіемъ недугуяй и (оле слабости и малодушія пагубнаго!) обѣты, яже освященному собору московскому принесе во еже ни во что же убо бъ отъ правилъ св. отецъ неотступати, вмѣнивъ и конечному забвенію предавъ, склонился удобно на прошеніе ихъ и время поставленія уже Антонію нарече. Во обители же бѣлокриництѣй обрѣтошася во время оно мужи довольнаго разсужденія, иже оное московскому собору обѣщаніе въ умѣ своемъ обносяще, еще же и цесарское повелѣніе, яко да ни колиже во обители ихъ епископъ въ предѣлы россійскіе поставленъ будетъ, удержаваху митрополита отъ таковаго дерзостнаго начинанія и совершити е во обители конечнѣ возбраниша. Что убо содѣваетъ тогда Кириллъ со клевреты своими? Что ужасное и плача достойное воспріемлетъ? Поимъ мужа онаго Антонія, пріиде съ нимъ во едину отъ весей, яже въ Буковинѣ обрѣтаются, и тамо во церквицѣ нѣкоей малой постави его во епископа богоспасаемаго великаго града Москвы обычнымъ посвященія чиномъ. И тако Божіимъ попущеніемъ, на соблазнъ роду христіанскому, учинися вещь сія, слезъ и рыданія достойная, яко на единѣмъ высоцѣмъ престолѣ московскомъ во едино и тоежде время, явишася два Антонія, единою епископскою честію почтени. До здѣ повѣсть.

Въ этой достоплачевной повѣсти, однакоже, разказано истинное происшествіе. Въ концѣ августа, когда почтеннѣйшіе члены Рогожскаго кладбища возвратились отъ Макарья, въ Москвѣ встрѣтили ихъ новостью, что явился двойникъ Антонія, другой московскій же епископъ Антоній, котораго въ отличіе отъ перваго назвали М—скимъ по имени патрона.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что привезъ его изъ Бѣлой-Криницы извѣстный проходимецъ Ефимъ Ѳедоровъ Крючковъ (онъ же и упомянутый выше Степнухинъ), что съ нимъ пріѣхала въ Москву изъ бѣлокриницкой слободы настоятельница женскаго монастыря, Евпраксія, которая также много хлопотала предъ Кирилломъ о поставленіи Антонія, и что оба они ѣздятъ съ новымъ епископомъ по раскольничьимъ деревнямъ, собираютъ народъ и убѣждаютъ его принять новаго Антонія, какъ законнаго московскаго епископа. Но къ общему ихъ сожалѣнію, Антоній этотъ оказался такимъ жалкимъ и ничтожнымъ человѣкомъ, что отъ него отрекся даже самъ патронъ его, съ своимъ другомъ и совѣтникомъ Ѳ. В. В—мъ; новый ихъ епископъ, съ трудомъ разбирающій грамоту, не только не умѣлъ служить по-архіерейски, но даже былъ не въ состояніи отслужить обѣдню какъ простой священникъ, такъ что, стыда ради, нашли нужнымъ куда-то его спрятать. Однакоже своимъ появленіемъ онъ причинилъ Рогожскому обществу не малую заботу: собирались сходки начетчиковъ и рѣшителей судебъ старообрядчества, составлялись соборы для разсужденія о томъ, что̀ дѣлать съ новымъ не прошенымъ епископомъ, и вопросъ этотъ, кажется, не рѣшенъ еще доселѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдный старикъ падетъ жертвою своей простоты и прихоти богатаго человѣка, который въ угоду своему честолюбію, или по другимъ какимъ разчетамъ, вздумалъ сдѣлать изъ него архіерея; онъ будетъ низложенъ, по правиламъ, яко наскочившій на епископскій престолъ, управляемый наличнымъ епископомъ. Но исправится ли этимъ дѣло?—вѣдь скандалъ все-таки случится; его не вычеркнешь изъ современныхъ раскольничьихъ лѣтописей; да и Антоній все же получилъ архіерейское поставленіе. Притомъ справедливо ли всю вину слагать на его бѣдную голову? Развѣ не гораздо болѣе виноватъ здѣсь Кириллъ, которому хорошо извѣстно, что московская каѳедра занята другимъ Антоніемъ, и который такъ еще недавно и такъ торжественно обѣщался „во всѣхъ касающихся до него іерархическихъ дѣлахъ руководствоваться священными правилами“? Недолго же онъ помнилъ свои обѣщанія! *

---

* Одновременно съ поставленіемъ Антонія Кириллъ и совсѣмъ отвергъ свою *жирную грамоту*, равно какъ все что писалъ и обѣ-

Если кто выигралъ что-нибудь въ этой жалкой исторіи о двухъ Антоніяхъ, такъ именно Антоній перваго нумера. Будь его соперникъ человѣкъ съ умомъ и характеромъ, и будь онъ посвященъ болѣе правильнымъ порядкомъ, этому первонумерному Антонію, при всей его многоопытности, пожалуй, трудно было бы бороться съ нимъ при тѣхъ крайне неловкихъ отношеніяхъ къ русскимъ раскольничьмъ епископамъ и къ лучшимъ представителямъ Рогожскаго общества, въ какія онъ поставилъ себя своимъ новымъ отреченіемъ отъ *Окружнаго Посланія*; а теперь жалкій, ничтожный соперникъ только возстановилъ его значеніе въ Рогожскомъ обществѣ: дѣйствуя противъ новаго Антонія, оно естественнымъ образомъ становилось въ защиту стараго. И вотъ, благодаря услугѣ, которую такъ неожиданно оказалъ ему Кириллъ посвященіемъ другаго московскаго епископа, нашъ старинный и достолюбезный владыка Антоній, прошедшій сквозь огнь и воду, снова подъемлетъ свою умудренную опытомъ главу и готовъ начать попрежнему свои обычныя дѣянія....

Надъ соперникомъ онъ, безъ сомнѣнія, восторжествуетъ; но какъ поправить онъ тотъ несчастный промахъ, что отказался отъ *Окружнаго Посланія* въ такое время, когда согласился утвердить его даже митрополитъ Кириллъ? Ужели опять, въ третій разъ, подпишетъ его, когда уже три раза отъ него отказывался? Безъ сомнѣнія, подпишетъ; это такъ же вѣрно, какъ и то, что Кириллъ съ своей стороны успѣлъ уже и отказаться отъ него и снова утвердить его. Но будетъ ли же конецъ всей этой жалкой комедіи? Перестанутъ ли когда-нибудь шутить вещами, вовсе не смѣшными, люди подобные Кирилламъ и Антоніямъ, каждый день готовые мѣнять свое мнѣніе и слово, и все-таки стоящіе во главѣ старообрядчества? Нѣтъ, того окончательнаго міра, о которомъ такъ краснорѣчиво говорилось въ Кирилловой мирной грамотѣ, старообрядцамъ не дождаться никогда, если они будутъ искать его тамъ гдѣ ищутъ, а не тамъ гдѣ слѣдуетъ искать.

Н. С—НЪ.

щалъ московскому совѣту; потомъ, однакоже, по убѣжденію заграничныхъ епископовъ, снова утвердилъ грамоту. Въ слѣдующій разъ мы сообщимъ обо всемъ этомъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, на основаніи разныхъ письменныхъ документовъ.

ВЪ КОНТОРѢ

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

на Страстномъ бульварѣ,

продаются слѣдующія книги:

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНИИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей.* Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп. сер.

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ. Ром. въ 6-ти частяхъ А. Писемскаго.—Цѣна 4 руб., съ пересылкою 4 руб. 30 к.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Ц. за оба тома 3 р. 50 коп.; за перес. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 коп. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к. съ пересылкою 1 руб.

ТУРЕЦКО-ТАТАРСКІЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ, сост. проф. при Лазаревскомъ институтѣ магистромъ восточной словесности М. Л.. Лазаревымъ. Цѣна 3 руб. съ пересылкою 3 руб. 50 к.

ВЕНЕЦІЯ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ. А. АНДРЕЕВА. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою 1 р. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. И. КРАСОВА. Изданіе П. Шейна. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. И. ЮРГЕНСОНА,

КОММИССІОНЕРА РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА,

(*въ Москвѣ, Столешниковъ переулокъ*, № 2),

принимается подписка на ПОЛНОЕ, РОСКОШНОЕ и ДЕШЕВОЕ изданіе сочиненій для фортепіано

Ф. МЕНДЕЛЬСОНА-БАРТОЛЬДИ.

Имя и сочиненія Мендельсона слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться о нихъ, остается только объяснить цѣль и достоинства настоящаго изданія. До сихъ поръ существуетъ только одно полное изданіе сочиненій для фортепіано Мендельсона, мало извѣстное въ Россіи, изданіе лондонское, стоющее въ Лондонѣ 27 руб. Кому случалось видѣть англійскія музыкальныя изданія (большею частію напечатанныя наборомъ), тотъ вѣроятно согласится, что въ этомъ отношеніи Англичане далеко отстали отъ Германіи, т.-е. что ихъ изданія некрасивы и дороги. Въ Германіи полнаго изданія Мендельсона существовать не могло, ибо право изданія принадлежитъ разнымъ издателямъ; собрать же ихъ отдѣльными тетрадями обходится еще дороже англійскаго изданія.

Все это, кажется, позволяетъ надѣяться, что изданіе по дешевой цѣнѣ сочиненій Мендельсона, отлично гравированное за границею, окажется вполнѣ своевременнымъ и будетъ принято благосклонно всѣми любителями и знатоками музыки.

Подписная цѣна за все изданіе въ 4-хъ томахъ in 4° *10 руб. сер.*, съ пересылкою 13 руб. сер. Чтобы сдѣлать это изданіе вполнѣ доступнымъ, можно подписаться съ разсрочкою платежа, т.-е. при подпискѣ заплатить 5 руб. сер., при полученіи 2-го тома 2 р. 50 k., при полученіи 3-го тома 2 руб. 50 коп., за тѣмъ 4-й томъ выдается безплатно. Первый томъ вышелъ 20-го декабря сего года, 2-й къ 1-му апрѣля, 3-й къ 1-му іюля, 4-й къ 1-му октября 1865 года, такъ что все изданіе будетъ окончено черезъ годъ.

Содержаніе.

I. ТОМЪ. Op. 5. Capriccio. (Fis-moll). Op. 6. Sonate. (E-dur). Op. 7. liv. 1. Vier Characterstücke liv. 2. Drei Characterstücke. Op. 14. Rondo capriccioso. (E-dur). Op. 15 Fantaisie. (D-dur). Op. 16. Trois fantaisies: № 1. A-dur. № 2. E-moll. № 3. E-dur. Op. 19. Sechs Lieder ohne Worte, тетр. 1. Op. 22. Capriccio brillant. (H-moll). II ТОМЪ. Op. 25. Concert. (G-moll). Op. 28. Fantaisie. (Fis-moll.) Op. 29. Rondo brillant. (Es-dur). Op. 30. Sechs Lieder ohne Worte, тетр. 2. Op. 33. Trois caprices: № 1. A-moll. № 2. E-dur. № 3. B-moll. Op. 35. Six préludes et

Six fugues liv. 1. III ТОМЪ. Op. 35. Six préludes et six fugues liv. 2. Op. 38. Sechs Lieder ohne Worte, тетр. 3. Op. 40. Concert. (D-moll). Op. 43. Serenade et allegro giojoso. Op. 53. Sechs Lieder ohne Worte, тетр. 4. Op. 54. 17. Variations sérieuses. IV ТОМЪ. Op. 62. Lieder ohne Worte, тетр. 5. Op. 67, тетр. 6 Op. 72. Sechs Kinderstücke. Op. 82. Variations (Es-dur). Op 83. Variations (B-dur). Op. 85. Lieder ohne Worte, тетр. 7. № 1 Scherzo. (H-moll). № 2. Etude. (F-moll). № 3. Scherzo à capriccio (Fis-moll) № 4. And. cant. et presto agit. (H-dur). № 5. Gondellied. (A-dur). № 6. Prélude et fugue. (E-moll) № 7. Zwei. Clavierst. (B-dur, G-moll).

Тутъ же *продаются 40 мелодій Ф. Шуберта*, аранж. для фортепіано *А. Дюбюкомъ*.

Изъ 300 пѣсенъ знаменитаго *Шуберта* выбраны лучшія и наибо-
лѣе прославившіяся въ музыкальномъ мірѣ. Извѣстный нашъ піа-
нистъ и композиторъ, *А. И. Дюбюкъ*, принялъ на себя трудъ пере-
ложить ихъ. Аранжировка этихъ пѣсенъ изящная, по возможности
легкая и всегда удобоисполнима. Онѣ могутъ служить этюдами для
образованія музыкальнаго вкуса въ ученикахъ.

Изданіе *роскошное*, *гравировано* и *печатано* за границею въ Лейп-
цигѣ, въ лучшей тамошней типографіи; заглавные листы извѣстна-
го Кретмера.

Цѣна назначена самая умѣренная, 3 руб. сер., съ пересылкою 3 руб. 50 k.

Коллекція эта содержитъ въ себѣ слѣдующіе романсы, которые
можно получать отдѣльно по нижеозначеннымъ цѣнамъ: № 1. Про-
сти 30 k., № 2. Скиталецъ 45 k., № 3. Серенада 30 k., № 4. Смерть и
дѣвушка 30 k., № 5. Похвала слезамъ 45 k., № 6. Пѣ ня Маргариты
60 k., № 7. Альпійскій охотникъ 30 k., № 8. Привѣтъ 45 k., № 9. Упо-
ваніе 30 k., № 10. Колыбельная пѣсня 30 k., № 11. Погребальный звонъ.
30 k., № 12. Въ Селѣ 45 k., № 13. Молодая монахиня 60 k., № 14 Утрен-
ній привѣтъ 30 k., № 15. Форель 40 k., № 16. Ave Maria 45 k., № 17. Жа-
лоба дѣвушки 45 k., № 18. Нетерпѣніе 45 k., № 19. Стремленіе 45 k.,
№ 20. Созвѣздіе 30 k., № 21. Молодая мать 30 k., № 22. Почта 45 k.,
№№ 23 и 24. Желаніе Ворона 45 k., № 25. У моря 40 k., № 26. Пріютъ
60 k., № 27. Ожиданіе 30 k., № 28. Алинда 30 k., № 29. Лѣсной царь
75 k., № 30. Рыбачка 30 k., № 31. Странствованіе, № 32. Куда? 60 k.,
№ 33. Утренняя серенада 30 k., № 34. Тайна 30 k., № 35. Баркарол-
ла 60 k., № 36. Антлантъ 45 k., № 37. Пѣсня любви № 38. Засохшій
цвѣтокъ 45 k., № 39 Ненавистный цвѣтъ, № 40. Любимый цвѣтъ 60 k.

Первые 25 романсовъ изъ этой коллекціи изданы для пѣнія и фортепіано съ русскимъ текстомъ.

Шубертъ и *Шуманъ*. 26 любимѣйшихъ романсовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. Г. Рубинштейна съ русскимъ и нѣмецкимъ текстами. 1-я коллекція 3 р. *Шуберта* и *Шумана* 25 люб. романсовъ, 2-я коллекція 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 k.

При муз. маг. П. И. Юргенсона находится:

ДЕПО РОЯЛЕЙ І. БЕККЕРА ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна большихъ концертныхъ роялей.	650	руб. сер.
— кабинетныхъ роялей.	515	— —
— за упаковку.	15	— —

Выборъ инстр. для гг. иногородныхъ можетъ быть порученъ по желанію выписывающихъ извѣстнымъ артистамъ. За прочность и упаковку ручается магазинъ.

отошло. Что, лгунъ, что ли, я? сказалъ честный человѣкъ.

Инспекторъ сошелъ въ лодку. Евгеній съ Мортимеромъ глядѣли.

— Вотъ глядите, прибавилъ Райдергудъ, проползая за инспекторомъ и показывая натянутую бичеву, закрѣпленную тутъ и свѣшенную черезъ бортъ: — не говорилъ я, что ему опять удача.

— Вытащите ее, сказалъ инспекторъ.

— Легко сказать вытащите, отвѣчалъ Райдергудъ:—да не такъ легко сдѣлать. Добыча застряла подъ килемъ барки. Я ужь пытался вытащить ее, да не могъ. Поглядите, какъ веревка натянулась.

— Надо вытащить, сказалъ инспекторъ.—Я хочу взять лодку на берегъ вмѣстѣ съ добычею. Ну, попробуйте еще!

Онъ попробовалъ еще, но добыча уперлась, не пошла.

— Я хочу взять ее вмѣстѣ съ лодкой, сказалъ инспекторъ, дергая веревку.

Но добыча все упиралась, не шла.

— Осторожнѣй, сказалъ Райдергудъ,—обезобразите, а то пожалуй на части растащите.

— Не бойтесь, ни того, ни другаго не намѣренъ я сдѣлать, даже съ бабушкой вашею, сказалъ инспекторъ,—я хочу только вытащить его. Ну, тащись! убѣдительно прибавилъ онъ, будто повелѣвая скрытому подъ водой предмету, и снова дергая веревку:—тутъ плохія шутки; вылѣзать надо, милостивый государь, надо; мнѣ т ебуется взять васъ.

Въ этомъ ясномъ и рѣшительномъ желаніи *взять* было такъ много доблести, что добыча уступила немного.

— Я говорилъ вамъ, сказалъ господинъ инспекторъ, скинувъ верхнее платье и настойчиво опершись на корму:—Вылѣзать!

Это было страшное уженье, но оно такъ мало смущало господина инспектора, какъ будто онъ удилъ рыбу на плоту лѣтнимъ вечеромъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, въ которыя онъ изрѣдка командовалъ всей компаніи: „подсобите чуточку впередъ", „теперь подсобите крошечку назадъ", и еще въ такомъ же родѣ, онъ спокойно проговорилъ: „Совсѣмъ!" и бичева освободилась вмѣстѣ съ лодкой. Взявъ руку, протянутую Лайтвудомъ помочь ему подняться, онъ надѣлъ сюртукъ и сказалъ Райдергуду:

— Дайте-ка мнѣ тамъ у васъ запасныя весла, я стащу это къ ближнему спуску. Ступайте впередъ и держитесь открытой воды, чтобы не застрять опять.

Приказанія были исполнены, и они поплыли къ берегу, двое въ одной лодкѣ, двое въ другой.

— Теперь, сказалъ господинъ инспекторъ, снова обращаясь къ Райдергуду, когда всѣ выбрались на грязные камни:—вы больше меня практиковались въ этомъ дѣлѣ, и должны быть лучшимъ мастеромъ: развяжите веревку, а мы поможемъ вытащить.

Согласно съ этимъ, Райдергудъ вошелъ въ лодку. Но едва успѣлъ онъ дотронуться до веревки и глянуть черезъ бортъ, какъ уже вернулся назадъ, блѣдный какъ утро, и промычалъ:

— Ей-Богу, поддѣлъ!

— Что вы хотите сказать? спросили всѣ.

Онъ указалъ позадь себя на лодку, и задыхаясь, опустился на камни перевести духъ....

— Гафферъ поддѣлъ меня. Это Гафферъ.

Они кинулись къ веревкѣ, оставя его тутъ переводить духъ. Вскорѣ тѣло хищной птицы, умершей за нѣсколько предъ тѣмъ часовъ, уже лежало въ растяжку на берегу, подъ новымъ шкваломъ, бурлившимъ вокругъ него и сыпавшимъ градъ на мокрыя волосы.

„Батюшка! Ты звалъ меня? Батюшка! Мнѣ показалось два раза, что ты звалъ меня?“ Этимъ словамъ уже не будетъ отвѣта по сю сторону могилы. Вѣтеръ насмѣшливо вьется надъ отцомъ, хлещетъ его полами его одежды и косицами волосъ, силится повернуть его лежащаго навзничь и уставить его лицо къ восходу солнца, чтобы ему стыднѣе было. Вотъ станетъ тихо, и вѣтеръ обходится съ нимъ скрытно и пытливо, — приподниметъ и опуститъ тряпку, спрячется, затрепетавъ, подъ другимъ лоскуткомъ, быстро пробѣжитъ межъ волосъ въ головѣ и бородѣ. Потомъ вдругъ рванетъ, и примется жестоко трепать его. „Батюшка! Ты это звалъ меня? Ты ли, безгласный и бездыханный? Ты ли, весь избитый, лежишь на этой кучѣ? Ты ли это, крещеный въ смерть, съ нечистотами на лицѣ? Отчего жь ты не говоришь, батюшка? Лежишь тутъ, а тѣло твое всасывается въ грязную землю. Или ты никогда не видалъ такого же грязнаго отпечатка въ твоей лодкѣ? Говори же, батюшка, говори съ нами, съ вѣтерками, а больше ужь никто тебя не услышитъ.“

— Вотъ смотрите, сказалъ инспекторъ, по зрѣломъ размышленіи, ставъ на одно колѣно подлѣ трупа, пока прочіе стояли, глядя себѣ подъ ноги на утопленнаго, какъ онъ самъ бывало посматривалъ на многихъ другихъ:—дѣло было такъ: разумѣется, джентльменамъ не трудно замѣтить, что онъ спутанъ по рукамъ и за шею...

Они помогали развязывать веревку и, разумѣется, замѣтили.

— Вы замѣтили еще прежде, и теперь можете еще замѣтить, что петля затянулась вокругъ шеи напряженіемъ его собственныхъ рукъ, и наглухо затянулась.

Онъ поднялъ ее для освидѣтельствованія. Ясно.

— Точно также вы могли замѣтить, что онъ прикрѣпилъ другой конецъ веревки къ своей лодкѣ.

На ней были знаки и слѣды перевива и угла.

— Теперь смотрите, сказалъ инспекторъ,—смотрите какъ она обвилась вокругъ его. Бурнымъ вечеромъ бывшій человѣкъ этотъ... — Онъ остановился, отирая нѣсколько крупинокъ града съ волосъ покойника концомъ его собственной промокшей куртки:—Вотъ, теперь онъ болѣе похожъ на себя, хотя онъ жестоко избитъ ...Этотъ бывшій человѣкъ плылъ по рѣкѣ за своимъ обычнымъ промысломъ. Онъ везъ этотъ мотокъ веревки съ собой. Онъ всегда возилъ съ собой этотъ мотокъ. Я также хорошо это знаю, какъ и его самого. Онъ то клалъ ее на дно лодки, то вѣшалъ ее себѣ вокругъ шеи. Этотъ человѣкъ одѣвался легко, легко одѣвался... видите? (Онъ поднялъ косынку съ груди покойника, и при этомъ вытеръ ею мертвыя губы). И когда было сыро или морозно, или дулъ холодный вѣтеръ, онъ заматывалъ этою веревкой шею. Въ послѣдній вечеръ онъ такъ и сдѣлалъ. Тѣмъ хуже вышло для него! Вотъ онъ высматривалъ-высматривалъ изъ лодки, этотъ человѣкъ все высматривалъ, пока не прозябъ. Руки (инспекторъ поднялъ одну изъ нихъ, причемъ она упала, какъ свинцовая гиря) у него костенѣютъ. Онъ видитъ: кое-что по его части плыветъ на встрѣчу. Онъ готовится завладѣть имъ; разматываетъ конецъ веревки съ шеи, чтобы прикрѣпить ее къ лодкѣ, и старается прикрѣпить ее надежнѣе чтобы не упустить ея. Вышло такъ, что онъ слишкомъ хорошо прикрѣпилъ ее. Онъ копается немного долѣе обыкновеннаго, такъ какъ руки его окоченѣли; предметъ его подплываетъ прежде чѣмъ онъ изготовился; онъ хватаетъ его, надѣясь по крайней мѣрѣ опростать его карманы, на случай

если упустить самого; свѣшивается черезъ бортъ, и однимъ изъ сильныхъ шкваловъ, или захваченный волной межъ двухъ пароходовъ, или застигнутый въ расплохъ, или отъ всего вмѣстѣ, что̀ бы то ни было, только онъ оступается, кувыркъ, и летитъ черезъ бортъ стремглавъ. Теперь вотъ что̀: онъ умѣетъ плавать, человѣкъ умѣетъ этотъ, и тотчасъ же начинаетъ дѣйствовать руками. Но тутъ руки у него запутываются и затягиваютъ петлю; предметъ, который онъ надѣялся подцѣпить, проходитъ мимо, и собственная лодка буксируетъ его уже мертваго туда, гдѣ мы нашли его, запутаннаго въ веревкѣ. Вы спросите, чѣмъ я докажу мое мнѣніе насчетъ кармановъ? Вопервыхъ, я еще не то скажу вамъ: въ тѣхъ карманахъ было серебро. Чѣмъ я это докажу? Просто и удовлетворительно. Потому что вотъ оно!

Ораторъ поднялъ крѣпко-стиснутую правую руку мертвеца.

— Что̀ дѣлать съ тѣломъ? спросилъ Ляйтвудъ.

— Если вы не откажетесь постоять тутъ полминуточки, сэръ, я позову ближайшаго изъ нашихъ людей, и онъ приметъ на себя заботу о немъ.... Вы видите, я все еще зову это *имъ*, сказалъ инспекторъ, уходя и оборачиваясь назадъ съ философической улыбкой надъ силою привычки.

— Евгеній, сказалъ Ляйтвудъ и хотѣлъ прибавить: „намъ надо подождать не вдалекѣ", какъ вдругъ, повернувъ голову, онъ увидѣлъ, что никакого Евгенія тутъ не было. Онъ возвысилъ голосъ и кликнулъ:—Евгеній! Эй!—но ни отъ какого Евгенія отзыва не было.

Былъ уже совсѣмъ бѣлый день; онъ осмотрѣлся. Но никакого Евгенія не было въ виду. Инспекторъ поспѣшно спускался по деревянной лѣстницѣ съ констаблемъ. Ляйтвудъ спросилъ у него, не видалъ ли тотъ какъ его другъ оставилъ ихъ. Инспекторъ не могъ сказать навѣрное, что видѣлъ какъ онъ уходилъ, однако замѣтилъ что его что-то какъ будто подмывало.

— Оригинальная и занимательная комбинація, сэръ, вашъ другъ.

— Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибы въ составъ этой оригинальной и занимательной комбинаціи не входило удрать отъ меня въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ такую пору утра, сказалъ Ляйтвудъ. — Не можемъ ли мы достать выпить чего-нибудь потеплѣй?

Мы могли достать, и достали на кухнѣ ближайшаго трак-

тира, гдѣ пылалъ разведенный въ каминѣ огонь, — достали водки съ горячею водой, и это чудо какъ оживило насъ. Инспекторъ, возвѣстивъ мистеру Райдергуду о своемъ офиціальномъ намѣреніи „не спускать съ него глазъ", помѣстилъ его въ уголъ къ огоньку, будто промоклый зонтикъ, и уже не показывалъ внѣшнимъ и видимымъ образомъ никакого вниманія къ честному человѣку, кромѣ заказа отдѣльной порціи водки съ водой для него, повидимому, изъ своихъ расходныхъ денегъ.

Между тѣмъ Мортимеръ Ляйтвудъ, сидя у веселаго огонька, сознавая въ дремотѣ что пьетъ водку съ водой, и тутъ же въ дремотѣ распивая подогрѣтый хересъ у Шести Веселыхъ Товарищей, и лежа подъ лодкой на рѣчномъ берегу, и слушая только-что конченную лекцію инспектора, и собираясь обѣдать въ Темплѣ съ незнакомымъ человѣкомъ, который назвался Евгеніемъ Гафферомъ Гармондомъ и сказалъ, что живетъ въ Бурѣ-Градѣ,—проходя этими куріозными превратностями усталости и дремоты, слѣдовавшими въ маштабѣ двѣнадцати часовъ на секунду, вдругъ пробудился, громко отвѣчая на сообщеніе самой спѣшной важности, какого никто не дѣлалъ ему, и поспѣшилъ закашляться, увидавъ инспектора. Ибо онъ почувствовалъ, съ весьма естественнымъ негодованіемъ, что сей служака можетъ нѣкоторымъ образомъ заподозрить его въ дремотѣ или въ разсѣянности.

— Здѣсь, только-что передъ нами, понимаете? сказалъ г. инспекторъ.

— Я все понимаю, съ достоинствомъ сказалъ Ляйтвудъ.

— И пилъ подогрѣтую водку съ водой, понимаете, сказалъ инспекторъ,—а потомъ удралъ во всѣ лопатки.

— Кто? сказалъ Ляйтвудъ.

— Вашъ другъ, вы знаете.

— Знаю, возразилъ онъ, опять съ достоинствомъ.

Услыхавъ сквозь туманъ, въ кото ромъ инспекторъ разрастался, въ какихъ-то неясныхъ представленіяхъ, что офицеръ взялъ на себя приготовить дочь умершаго ко всему случившемуся въ эту ночь, и что онъ принимаетъ все на себя, Мортимеръ Ляйтвудъ проковылялъ въ полуснѣ до извощичьей биржи, кликнулъ кэбъ, вступилъ въ армію, совершилъ уголовное военное преступленіе, былъ судимъ военнымъ судомъ, найденъ виновнымъ, написалъ свое завѣщаніе, и шелъ на разстрѣляніе прежде

чѣмъ захлопнулась дверца. Трудно плыть въ кэбѣ отъ Сити до Темпля на призъ чаши, стоимостью отъ пяти до десяти тысячъ фунтовъ, пожертвованной мистеромъ Боффиномъ, и тяжело на всемъ этомъ безмѣрномъ пространствѣ выговаривать Евгенію (котораго онъ подцѣпилъ веревкой съ мостовой на всемъ бѣгу) за побѣгъ. Но онъ представлялъ такія оправданія, потомъ такъ раскаявался, что выходя изъ кэба, отдалъ возницѣ особенный приказъ позаботиться о немъ. На что возница (зная что никакого другаго пассажира не оставалось внутри) только страшно вытаращилъ глаза. Короче, ночныя хлопоты такъ истощили и измучили этого дѣятеля, что онъ сталъ просто лунатикомъ. Онъ былъ слишкомъ истомленъ, чтобъ уснуть спокойно, пока наконецъ онъ не истомился до того, что утратилъ способность чувствовать даже свое утомленіе, и не впалъ въ забытье. Поздно въ полдень проснулся онъ, и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ послалъ на квартиру къ Евгенію, спросить, всталъ ли онъ?

О! да, онъ всталъ. По правдѣ, онъ и не ложился. Онъ только что прибылъ домой. И онъ явился къ Мортимеру, слѣдуя по пятамъ за посломъ.

— Экое заспанное, грязное, косматое чудище! крикнулъ Мортимеръ.

— Развѣ мои перья такъ растрепаны? сказалъ Евгеній, хладнокровно подходя къ зеркалу: — да, въ самомъ дѣлѣ! Но прими въ уваженіе: такая ночь хоть кого растреплетъ!

— Такая ночь? повторилъ Мортимеръ.—Куда ты дѣвался поутру?

— Любезный другъ, сказалъ Евгеній, садясь къ нему на кровать, — мы такъ надоѣли другъ другу, что непрерывное продолженіе этихъ отношеній неизбѣжно должно было кончиться бѣгствомъ въ противуположныя точки земли. Я почувствовалъ также, что совершилъ всѣ преступленія, упоминаемыя въ журналѣ Ньюгетской тюрьмы. Ну, вотъ, побуждаемый вмѣстѣ и дружбой и преступленіемъ, я и предпринялъ мою прогулку.

XV. Двое новыхъ служителей.

Мистеръ и мистрисъ Боффинъ сидѣли послѣ завтрака въ Павильйонѣ, какъ жертвы своего благосостоянія. Лицо мистера Боффина выражало заботу и затрудненіе. Передъ нимъ ле-

жало въ безпорядкѣ множество бумагъ, и онъ поглядывалъ на нихъ также безнадежно, какъ невинный статскій смотрѣлъ бы на отрядъ войска, еслибъ ему дали пять минутъ сроку чтобы сдѣлать ему смотръ и маневры. Онъ принимался уже дѣлать выписки изъ этихъ бумагъ; но поелику онъ (подобно всѣмъ людямъ его чекана) обладалъ черезчуръ недовѣрчивымъ и критическимъ большимъ пальцемъ, то этотъ дѣятельный членъ такъ часто совался съ цѣлью замаслить его бумаги, что онѣ стали лишь немного разборчивѣе своихъ отпечатковъ, которыми онъ испестрилъ себѣ носъ и лобъ. Любопытно замѣтить при этомъ, что за дешевая вещь чернила и какъ они могутъ распространяться: какъ крупинка мускуса можетъ надушить ящикъ на цѣлые годы, не теряя почти ничего изъ своего вѣса, такъ точно грошовое количество чернилъ могло бы перепачкать мистера Боффина отъ корней волосъ до икръ, не изобразивъ ни одной строчки на предлежащей бумагѣ и не убавляясь замѣтно въ чернильницѣ.

Мистеръ Боффинъ находился въ такихъ серіозныхъ литературныхъ затрудненіяхъ, что глаза его выкатились и оцѣпенѣли, и дыханіе сперлось, когда къ большому облегченію мистрисъ Боффинъ, тревожно слѣдившей за этими симптомами, надворный колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Кто бы это, удивляюсь! произнесла мистрисъ Боффинъ.

Мистеръ Боффинъ испустилъ протяжный вздохъ, положилъ перо, поглядѣлъ на свои бумаги, будто сомнѣваясь, точно ли онъ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ ними, и по вторичномъ просмотрѣ ихъ содержимости, казалось утвердился въ томъ мнѣніи, что не имѣлъ этого удовольствія, какъ головастый молодой человѣкъ возвѣстилъ:

— Мистеръ Роксмитъ.

— О! сказалъ мистеръ Боффинъ. — О, въ самомъ дѣлѣ? Нашъ съ мистеромъ Вильферомъ Общій Другъ, моя дорогая. Хорошо. Просите его войдти.

Мистеръ Роксмитъ явился.

— Садитесь, сэръ, сказалъ мистеръ Боффинъ, пожавъ ему руку.—Мистрисъ Боффинъ; вы уже знакомы съ ней. Да, вотъ видите ли, сэръ, я еще ничего, сказать вамъ правду, необдумалъ насчетъ вашего предложенія; я былъ все занятъ разными разностями, такъ и времени значитъ не имѣлъ.

— Ужь и меня простите, сказала улыбаясь мистрисъ Боффинъ.—Да, Господи Боже мой, почему же намъ объ всемъ этомъ не потолковать теперь же? Мы очень можемъ и теперь объ всемъ этомъ потолковать, не правда ли?

Мистеръ Роксмитъ поклонился, поблагодарилъ ее и сказалъ, что очень можно.

— Посмотримъ же, разсудилъ мистеръ Боффинъ, ухватившись себѣ за подбородокъ: — кажется, вы назвали это секретаремъ, такъ?

— Точно такъ, секретарь, согласился мистеръ Роксмитъ.

— Это немножко озадачило меня въ то время, сказалъ мистеръ Боффинъ,—да и послѣ, какъ мы съ мистрисъ Боффинъ говорили объ этомъ, также немножко въ толкъ себѣ не могли взять; мы все думали, надо признаться, что *секретеръ*, это такая мебель есть, по большей части краснаго дерева, обитая зеленымъ сукномъ или кожей, съ кучей маленькихъ ящичковъ. А вы, съ вашего позволенія, кажется, совсѣмъ не *то*.

— Конечно нѣтъ, сказалъ мистеръ Роксмитъ, и стараясь объяснить эту должность, онъ сравнивалъ ее съ прикащикомъ, или смотрителемъ, или ходатаемъ по дѣламъ.

— Ну, напримѣръ, скажите, сказалъ мистеръ Боффинъ, продираясь въ этомъ тернистомъ пути,—еслибы вы вступили ко мнѣ въ должность, что̀ бы вы стали дѣлать?

— Я сталъ бы вести точный счетъ всѣмъ расходамъ, утвержденнымъ вами, мистеръ Боффинъ. Я писалъ бы ваши письма, по вашимъ указаніямъ. Я уговаривался бы съ людьми, которые у васъ на жалованьи или на службѣ. Я (взглядъ на столъ и едва замѣтная улыбка) приводилъ бы въ порядокъ ваши бумаги.

Мистеръ Боффинъ почесалъ себя за ухомъ, запачканномъ чернилами, и посмотрѣлъ на жену.

— И приводилъ бы ихъ въ такой порядокъ, чтобъ онѣ всегда были на-готовѣ, какъ только понадобятся, и чтобы можно было сейчасъ же узнать по отмѣткѣ на оборотѣ о чемъ какая бумага.

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, сказалъ мистеръ Боффинъ, сминая медленно перепачканную бумагу, которую онъ держалъ въ рукѣ:—если вы займетесь вотъ этими бумагами, и посмотрите что̀ вы можете съ ними сдѣлать, тогда виднѣе будетъ что̀ бы такое сдѣлать изъ васъ.

Сказано, сдѣлано. Отложивъ шляпу и перчатки, мистеръ Роксмитъ преспокойно усѣлся къ столу, собралъ развернутыя бумаги въ одну кипу, пересмотрѣлъ одну за другою, сложилъ ихъ, помѣтилъ на оборотѣ, переложилъ ихъ въ другую кипу, и когда та наполнилась, досталъ изъ кармана снурокъ и перевязалъ ихъ съ замѣчательною ловкостью въ узелъ и въ петельку.

— Славно, сказалъ мистеръ Боффинъ, — очень хорошо! Теперь послушаемъ, что тутъ въ этихъ бумагахъ написано? Нуте-ка, сдѣлайте одолженіе.

Джонъ Роксмитъ прочелъ свои помѣтки вслухъ. Всѣ онѣ касались новаго дома. Смѣта обойщика, столько-то; смѣта мебели, столько-то; смѣта конторской мебели, столько-то; смѣта каретника, столько-то; смѣта конскаго барышника, столько-то; смѣта шорника, столько-то; смѣта золотыхъ дѣлъ мастера, столько-то. Итого, столько-то. Затѣмъ корреспонденція. Согласіе на предложеніе мистера Боффина, отъ такого-то числа, насчетъ того-то; отказъ на предложеніе мистера Боффина, отъ такого-то числа, насчетъ того-то; касающееся проекта мистера Боффина, отъ такого-то числа, насчетъ того-то. Все весьма кратко и методично.

— Складно, словно яблочный пирогъ! сказалъ мистеръ Боффинъ, тыкая пальцемъ въ каждую надпись, будто тактъ билъ.—Но ужь какъ вы тамъ съ чернилами справляетесь, понять не могу: къ вамъ они совсѣмъ не пристаютъ. Теперь насчетъ письма. Попробуемте, сказалъ мистеръ Боффинъ, потирая руки съ своимъ наивнымъ благоговѣніемъ,—попробуемте-ка теперь написать письмо.

— Къ кому угодно вамъ писать, мистеръ Боффинъ?

— Къ кому-нибудь. Хоть къ вамъ самимъ.

Мистеръ Роксмитъ проворно написалъ, и затѣмъ прочелъ вслухъ:

„Мистеръ Боффинъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе мистеру Джону Роксмиту, и имѣетъ честь извѣстить его, что онъ рѣшился взять мистера Джона Роксмита на испытаніе въ ту должность, которой тотъ желалъ. Мистеръ Боффинъ принимаетъ мистера Джона Роксмита по его слову, отлагая на неопредѣленное время вопросъ о жалованьи. Само собой разумѣется, что мистеръ Боффинъ ничѣмъ не связанъ въ этомъ отношеніи. Мистеру Боффину остается только прибавить, что онъ полагается на собственныя удо-

стовѣренія мистера Джона Роксмита въ его добросовѣстности и рачительности. Благоволитъ мистеръ Роксмитъ вступить въ должность немедленно."

— Славно! Ну, Нодди! вскричала мистрисъ Боффинъ, хлопая въ ладоши.—*Это* ужъ настоящее письмо!

Мистеръ Боффинъ былъ не менѣе очарованъ; дѣйствительно, въ душѣ своей, онъ смотрѣлъ на писаніе и на умственный процессъ, которымъ оно сопровождается, какъ на величайшее выраженіе человѣческаго генія.

— А я скажу тебѣ, дружокъ мой, сказала мистрисъ Боффинъ,—если ты не покончишь теперь же съ мистеромъ Роксмитомъ сразу, и станешь еще мучить себя дѣлами, которыя тебѣ непривычны, такъ тебя ударъ хватитъ, не считая ужь пачканья бѣлья, и ты разобьешь мое сердце....

Мистеръ Боффинъ поцѣловалъ свою супругу за эти мудрыя слова, и поздравивъ мистера Роксмита съ блистательнымъ подвигомъ, подалъ ему руку въ залогъ новыхъ отношеній, долженствовавшихъ установиться между ними. Такъ же поступила и мистрисъ Боффинъ.

— Теперь, сказалъ мистеръ Боффинъ, почувствовавъ въ своемъ чистосердечіи, что было бы неловко цѣлыхъ пять минутъ пользоваться услугами джентльмена, не оказавъ ему чѣмъ-нибудь своего довѣрія,—надо васъ немножко поближе ввести въ наши дѣла. Роксмитъ, когда я познакомился съ вами, а то пожалуй, когда вы со мной познакомились, я говорилъ вамъ, что мистрисъ Боффинъ большая модница, но я еще не зналъ, до какой точки мы съ нею раскутимся. Мистрисъ Боффинъ, изволите видѣть, верхъ взяла надо мною; теперь мы въ хвостъ и въ голову хотимъ модничать.

— Я такъ и полагалъ, сэръ, возразилъ Джонъ Роксмитъ,— видя на какую ногу устраивается ваше новое жилище.

— Да, сказалъ мистеръ Боффинъ,—защеголяемъ! Дѣло вотъ въ чемъ: я отъ моего ученаго освѣдомился, что домъ, съ которымъ онъ,—какъ бы сказать?—связанъ, интересъ въ немъ имѣетъ....

— Онъ хозяинъ этого дома? спросилъ Джонъ Роксмитъ.

— Нѣтъ, не то, сказалъ мистеръ Боффинъ;—не совсѣмъ такъ; у него, какъ бы сказать? семейная связь.

— Ассоціація? подсказалъ секретарь.

— Ахъ! сказалъ мистеръ Боффинъ,—должно быть, что такъ. Ну да что бы тамъ ни было, только я освѣдомился отъ не-

го, что на дому прибита дощечка: „*сей* высоко-аристократическій домъ отдается въ наймы и продается.“ Мы съ мистрисъ Боффинъ пошли осмотрѣть и нашли его высоко-аристократическимъ (хоть онъ крошечку очень высокъ и скучноватъ, а впрочемъ можетъ оно такъ и нужно). Мой ученый человѣкъ изъ дружбы, по этому случаю, въ стихи вдался, и поздравлялъ мистрисъ Боффинъ со вступленіемъ во владѣніе этимъ.... Какъ тамъ было сказано, мой другъ?

Мистрисъ Боффинъ отозвалась:

О, радость, радость—свѣтлый видъ!
О, залы, залы, блеска полны!...

— Такъ-такъ! Это какъ разъ къ дѣлу шло: тамъ точно есть двѣ залы, одна спереди, другая сзади, кромѣ людской. Тутъ онъ спѣлъ, чтобы выразить какъ онъ будетъ стараться успокоить мистрисъ Боффинъ, если домъ этотъ нагонитъ на нее хандру. У мистрисъ Боффинъ удивительная память. Не повторишь ли, дружокъ?

Мистрисъ Боффинъ изъявила согласіе и прочитала стихи, въ которыхъ было дѣлано это любезное предложеніе, точь въ точь какъ она слышала ихъ.

Я вамъ спою про дѣвы стонъ, мистрисъ Боффинъ,
Про сгибшую любовь, сударня,
Про духъ разбитый, впадшій въ сонъ, мистрисъ Боффинъ,
Чтобъ не проснуться вновь, сударыня.
Я вамъ спою, (если это пріятно мистеръ Боффину) какъ конь не везъ
Ужъ всадника назадъ.
А если пѣснь (которую, надѣюсь, извинитъ мистеръ Боффинъ) вамъ стоитъ слезъ,
Гитарой тѣшить радъ.

— Точь въ точь такъ! сказалъ мистеръ Боффинъ.

Такъ какъ эффектъ поэмы видимо поразилъ секретаря, мистеръ Боффинъ еще болѣе утвердился въ своемъ высокомъ мнѣніи о ней, и былъ очень доволенъ.

— Ну, такъ видите ли, Роксмитъ, продожалъ онъ,—ученый человѣкъ съ деревяшкой подверженъ ревности, поэтому я всѣми силами постараюсь у Вегга ревности никакой не возбуждать, такъ чтобъ у васъ была своя часть, а у него своя.

— Господи Боже мой! вскричала мистрисъ Боффинъ.— Свѣтъ великъ, всѣмъ будетъ мѣсто.

— Такъ-то оно такъ, дружокъ, сказалъ мистеръ Боффинъ,—

хоть и не по-ученому. — Только и такъ да не такъ. Я долженъ зарубить себѣ на память, что взялъ Вегга въ ту пору, когда еще и не думалъ быть модникомъ или оставить Павильйонъ. Дать ему какъ-нибудь почувствовать, что имъ теперь брезгаютъ, значило бы показать себя низкимъ, и поступить какъ будто намъ вскружили голову блескъ и свѣтъ залъ. Боже сохрани! Роксмитъ, какъ мы уговоримся насчетъ вашего житья въ нашемъ домѣ?

— Въ этомъ домѣ?

Нѣтъ, нѣтъ; у меня другой планъ для этого дома. Я про новый домъ говорю.

— Какъ вамъ угодно, мистеръ Боффинъ, я совершенно въ вашемъ распоряженіи. Вы знаете, гдѣ я живу теперь.

—Ладно, сказалъ мистеръ Боффинъ, подумавъ,—покамѣстъ вы останетесь на прежнемъ мѣстѣ, а тамъ увидимъ. Вы возьмите теперь на свое попеченіе все что до новаго дома касается. Согласны?

— Очень радъ. Я начну съ нынѣшняго же дня. Угодно вамъ дать мнѣ адресъ?

Мистеръ Боффинъ передалъ его, и секретарь записалъ въ бумажникѣ. Видя его завербованнымъ, мистрисъ Боффинъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы разглядѣть его въ лицо получше чѣмъ до сихъ поръ.

Впечатлѣніе было выгодно для него, ибо она кивнула мистеру Боффину parte: „Онъ мнѣ нравится.“

— Я сейчасъ же взгляну, мистеръ Боффинъ, все ли тамъ въ порядкѣ.

— Благодарю васъ. А кстати, какъ ужь вы теперь здѣсь находитесь, то не хотите ли осмотрѣть Павильйонъ?

— Съ удовольствіемъ. Я такъ много слышалъ объ его исторіи.

— Пойдемте, сказалъ мистеръ Боффинъ.

И онъ съ мистрисъ Боффинъ открылъ шествіе.

Мрачный домъ, называемый Павильйономъ, носилъ на себѣ всѣ признаки скаредства, оставшіеся на немъ отъ того времени, когда онъ слылъ подъ именемъ Гармонной тюрьмы. Безъ краски, безъ обоевъ на стѣнахъ, безъ мебели, безъ признаковъ человѣческой жизни. Все, строенное человѣкомъ для жизни человѣка, подобно произведеніямъ природы, должно исполнять назначеніе своего существованія, или вскорѣ погибнуть. Старый домъ разрушился отъ запустѣнія

больше чѣмъ могъ бы онъ разрушиться отъ употребленія, полагая двадцать лѣтъ за одинъ годъ. Какая-то худоба нападаетъ на дома недостаточно питаемые жизнью (какъ будто они кормятся ею); здѣсь это было весьма замѣтно. Лѣстница, балясы и перила имѣли тощій видъ, и осунулись будто кости, также какъ и панели у стѣнъ, косяки у дверей и оконъ. Даже скудная движимость, и та имѣла тотъ же видъ. Не будь чистоты въ покояхъ, мусоръ, въ который они обращались, густо покрылъ бы полы, которыя казались истертыми, какъ старческія лица жившія долго въ уединеніи. Спальня, гдѣ скупой старикъ оторванъ отъ жизни, оставалась точно такою же, какъ онъ ее оставилъ. Тутъ стояла отвратительная деревянная кровать съ четырьмя столбами, безъ занавѣсокъ, съ рамкою изъ желѣза и проволоки, похожею на тюремную рѣшотку; тутъ же было старое одѣяло изъ лоскутьевъ. Тутъ было накрѣпко запертая старая конторка, отлого убѣгающая къ верху, будто злой и скрытный лобъ. У кровати стоялъ неудобный старинный столъ съ кривыми ножками, и въ немъ ящикъ, гдѣ было найдено завѣщаніе. Къ стѣнѣ было приставлено нѣсколько старинныхъ креселъ съ лоскутными чахлами, подъ которыми болѣе дорогая матерія, сберегаемая ими, мало-по-малу потеряла цвѣтъ не повеселивъ ни чьихъ глазъ; во всѣхъ этихъ вещахъ было замѣтно рѣзкое семейное сходство.

— Комната такъ и оставалась бережно, Роксмитъ, сказалъ мистеръ Боффинъ, отпирая дверь,—къ пріѣзду сына. Короче, все въ домѣ осталось въ томъ видѣ, какъ перешло къ намъ, чтобъ онъ самъ видѣлъ это и похвалилъ. Даже теперь никакихъ нѣтъ перемѣнъ, кромѣ какъ въ нашей комнатѣ, внизу, гдѣ мы сейчасъ были съ вами. Когда сынъвъ послѣдній разъ былъ здѣсь и въ послѣдній разъ въ жизни видѣлъ отца, то непремѣнно это было въ этой самой комнатѣ.

Озираясь вокругъ, секретарь остановилъ глаза на боковой двери въ углу.

— Это другая лѣстница, сказалъ мистеръ Боффинъ, отворяя дверь,—она ведетъ на дворъ. Мы спустимся по ней, если хотите посмотрѣть дворъ. Когда сынъ былъ еще маленькимъ ребенкомъ, такъ бывало все по этой лѣстницѣ лазилъ онъ къ отцу. Онъ очень боялся отца. Я часто видалъ какъ онъ боязливо садился на этой лѣстницѣ, бѣдное дитя. Мы

съ мистрисъ Боффинъ бывало утѣшаемъ его, когда онъ сиживалъ на этой лѣстницѣ съ маленькою книжкой.

— Ахъ! и бѣдная сестра его тоже! сказала мистрисъ Боффинъ.—А вонъ солнечное мѣстечко на стѣнѣ, гдѣ они разъ, помню, мѣрялись другъ съ дружкой. Своими ручонками написали они тутъ свои имена, карандашикомъ написали; имена-то и теперь тутъ, а бѣдныя милочки на вѣки пропали.

— Надо намъ позаботиться объ именахъ, старушка, сказалъ мистеръ Боффинъ,—надо позаботиться объ именахъ, они не сотрутся пока мы живы, надо бы такъ чтобъ и послѣ насъ не стерлись. Бѣдныя крошки!

— Ахъ, бѣдныя крошки! повторила мистрисъ Боффинъ.

Они отворили дверь внизу лѣстницы, выходившую на дворъ, и стояли на солнечномъ свѣтѣ, глядя на каракульки двухъ неловкихъ дѣтскихъ рукъ на высотѣ двухъ или трехъ ступенекъ лѣстницы. Въ этомъ простомъ воспоминаніи погибшаго дѣтства и въ нѣжности мистрисъ Боффинъ было что-то глубоко тронувшее секретаря.

Тутъ мистеръ Боффинъ показалъ своему новому дѣлопроизводителю кучи мусора, и свою отдѣльную кучу, оставленную ему въ наслѣдство по завѣщанію, прежде чѣмъ онъ получилъ все имѣніе.

— Съ насъ было бы довольно и этого, сказалъ мистеръ Боффинъ:—въ случаѣ еслибы Богу угодно было сохранить въ живыхъ мальчика. Мы во всемъ прочемъ не нуждались.

И на сокровища двора, и на внѣшнюю сторону дома, и на отдѣльное строеніе, въ которомъ мистеръ Боффинъ проживалъ съ своею супругой, въ продолженіе многолѣтней службы, на все это секретарь глядѣлъ съ участіемъ. Мистеръ Боффинъ успѣлъ уже дважды показать ему каждое чудо въ Павильйонѣ, пока не вспомнилъ, что ему еще нужно справить кое-какія дѣла въ другомъ мѣстѣ.

— Не прикажете ли мнѣ чего-нибудь мистеръ Боффинъ насчетъ этого мѣста?

— Ничего, Рокмитъ, ничего.

— Могу я спросить, не показавшись дерзкимъ, не имѣете ли вы намѣренія продать его?

— Конечно, нѣтъ. На память о нашемъ прежнемъ хозяинѣ, о дѣтяхъ нашего прежняго хозяина, о нашей прежней службѣ, я съ мистрисъ Боффинъ хочу сберечь его какъ онъ есть.

Глаза секретаря взглянули съ такимъ выраженіемъ на кучи мусора, что мистеръ Боффинъ сказалъ, какъ бы въ отвѣтъ на замѣчаніе.

— Это другое дѣло. Это я могу продать, хоть мнѣ и жалко будетъ если эти горы свезутъ отсюда. Мѣстность-то будетъ такая плоская безъ нихъ. Но все-таки я не говорю, что буду всегда держать ихъ тутъ, ради красоты видовъ. Спѣшить-то только нечего. Я немногому учился, Роксмитъ, но въ мусорѣ я знаю толкъ. Я могу цѣнить кучи до копѣйки; знаю какъ ихъ лучше сбыть, и знаю также, что оставаясь тутъ, онѣ не потеряютъ своей цѣны. Вы заглянете къ намъ завтра, будете такъ любезны?

— Я каждый день буду навѣдываться къ вамъ. Вамъ пріятнѣе будетъ, если вашъ новый домъ поспѣетъ какъ только можно скорѣе?

— Оно не то чтобъ я былъ въ смертельныхъ попыхахъ, сказалъ мистеръ Боффинъ:—только если платишь людямъ за то, чтобъ они были поживѣй, все-таки надо знать, что они не копаются. Какъ вы думаете?

— Совершенно такъ, возразилъ секретарь, и съ этимъ ушелъ.

— Теперь, сказалъ мистеръ Боффинъ про себя, принимаясь по обычаю расхаживать взадъ и впередъ по двору,—если улажу съ Реггомъ, дѣла пойдутъ какъ по маслу.

Хитрый человѣкъ видимо пріобрѣлъ авторитетъ надъ человѣкомъ высокой простоты. Низкій человѣкъ взялъ верхъ надъ великодушнымъ человѣкомъ. Иной вопросъ, прочны ли бываютъ результаты подобныхъ побѣдъ. Но что онѣ удаются, въ этомъ свидѣтельствуютъ ежедневные опыты, и этого сама Подснапщина не могла бы отмахнуть. Безхритростный Боффинъ былъ до такой степени оплетенъ вкрадчивымъ Веггомъ, что подозрѣвалъ себя въ хитрости и коварствѣ, собираясь сдѣлать добро Веггу. Ему казалось (такъ ловокъ былъ Веггъ), что онъ мрачно интриговалъ, устраивая то самое, что Веггъ замышлялъ заставить его сдѣлать. Итакъ, въ то время какъ онъ мысленно обращалъ къ Веггу наиблагодушнѣйшее лицо, онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что не заслуживаетъ упрека въ томъ, что повернулся къ нему спиною.

По этимъ причинамъ, мистеръ Боффинъ проводилъ все время въ большой тревогѣ, пока не наступилъ вечеръ, и не принесъ съ собою Вегга отправлявшагося досужно въ Рим-

скую Имперію. Въ это время мистеръ Боффинъ былъ глубоко заинтересованъ превратностями судьбы великаго военачальника, который запомнился ему подъ именемъ Булли Сойерса, но который, быть-можетъ, болѣе извѣстенъ міру и знакомѣе историку подъ менѣе британскимъ именемъ Велизарія. Но даже интересъ карьеры этого генерала блѣднѣлъ для мистера Боффина въ сравненіи съ очищеніемъ совѣсти передъ Веггомъ. И теперь, когда ученый джентльменъ, по обычаю, выпивъ и закусивъ до испарины, развернулъ книгу съ обычнымъ шутливымъ вступленіемъ: „теперь, мистеръ Боффинъ, сэръ, мы будемъ разрушаться и падать", мистеръ Боффинъ остановилъ его.

— Помните Веггъ, когда я впервой говорилъ вамъ, что кое-что хочу предложить вамъ?

— Позвольте мнѣ надѣть колпакъ размышленія, сэръ, возразилъ этотъ джентльменъ, оборачивая ничкомъ развернутую книгу.—Когда вы впервой говорили мнѣ, что хотите кое-что предложить мнѣ? Дайте подумать. Такъ точно припоминаю, мистеръ Боффинъ. Это было на углу нашего дома. Такъ точно. Вы сначала спросили, нравится ли мнѣ ваше имя, и по своему откровенному нраву я сказалъ вамъ: нѣтъ. Могъ ли я думать, сэръ, какъ близко будетъ мнѣ это имя?

— Я надѣюсь, оно будетъ еще ближе, Веггъ.

— Будто бы, мистеръ Боффинъ? Много благодаренъ. — Не угодно ли вамъ, сэръ, придти въ упадокъ и разрушеніе?

Дѣлаетъ видъ, будто принимается за книгу.

— Погодите чуточку, Веггъ. Дѣло въ томъ, что я хочу сдѣлать вамъ другое предложеніе.

Мистеръ Веггъ (у котораго нѣсколько ночей уже только это и было на умѣ) снялъ очки съ видомъ пріятнаго удивленія.

— И надѣюсь оно вамъ понравится, Веггъ.

— Благодарю васъ, сэръ, возразила скрытная личность.—Я надѣюсь, что это будетъ такъ. Я увѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Что вы думаете, сказалъ мистеръ Боффинъ,—еслибы вамъ не торговать болѣе, не держать вашей вѣшки?

— Я полагаю, сэръ, отвѣтилъ Веггъ,—что желалъ бы видѣть человѣка, который помогъ бы мнѣ сдѣлать это съ выгодой.

— Вотъ онъ, этотъ человѣкъ сказалъ мистеръ Боффинъ, указывая на себя.

Мистеръ Веггъ хотѣлъ сказать: „благодѣтель мой“, и уже сказалъ „благо“...., какъ вдругъ произошла съ нимъ катастрофа велерѣчія.

— Нѣтъ, мистеръ Боффинъ, не вы, сэръ. Кто бы то ни былъ, только не вы. Не бойтесь, я не оскверню мѣстъ, купленныхъ на ваше золото, моимъ низкимъ промысломъ: я очень хорошо чувствую, сэръ, что мнѣ не приходится вести мою мелкую торговлю подъ окнами вашихъ хоромъ. Я ужь обдумалъ это и распорядился какъ слѣдуетъ. Не надо мнѣ отходу, * сэръ. Я перейду на Степней-Фильдъ. Какъ вы изводите находить это мѣсто? Въ приличномъ ли это будетъ разстояніи отъ вашего дома? Если и это близко, я уйду дальше, какъ говорится въ пѣсни, которую я не совсѣмъ помню:

Закинутый въ міръ, осужденный блуждать,
Лишенный пріюта, лишенный родни
И чуждый всему, вотъ малютка Эдмундъ,
Крестьянскій ребенокъ,—взгляни!

— И точно также, сказалъ мистеръ Веггъ, исправляя смыслъ не подходящей послѣдней строчки,—взгляните, я самъ точно въ такомъ же положеніи....

— Ну, Веггъ, Веггъ, Веггъ! увѣщевалъ добрякъ Боффинъ.— Вы ужь очень чувствительны.

— Я чувствую, сэръ, отвѣтилъ Веггъ съ упорнымъ великодушіемъ, — я чувствую свои погрѣшности; я всегда, съ самаго дѣтства, былъ чувствителенъ.

— Но выслушайте, продолжалъ Золотой Мусорщикъ,—выслушайте меня, Веггъ. Вы забрали себѣ въ голову, что я хочу отдѣлаться отъ васъ денежнымъ вознагражденіемъ.

— Точно такъ, сэръ, отвѣчалъ Веггъ, все еще съ упорнымъ великодушіемъ.—Я чувствую свои погрѣшности. Боже сохрани меня отпираться отъ моихъ погрѣшностей. Вотъ что̀ я забралъ себѣ въ голову.

— Но я объ этомъ и не думаю.

Увѣреніе это оказалось не столь утѣшительнымъ для Вегга, какъ предполагалъ мистеръ Боффинъ. И дѣйствительно,

* Въ Лондонѣ, если человѣкъ имѣетъ право торговать противъ какого-нибудь дома, а владѣлецъ не желаетъ видѣть его предъ окнами, то послѣдній откупается отъ перваго.

можно было замѣтить какъ вытянулось его лицо, когда онъ отвѣтилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ?

— Нѣтъ, продолжалъ мистеръ Боффинъ,—потому что это значило бы даромъ навязывать вамъ деньги; а вы денежки за труды хотите получать. Такъ ли? За труды хотите получать?

— Это, сэръ, отвѣтилъ мистеръ Веггъ, весело ободряясь,— совсѣмъ дѣло десятое. Теперь моя независимость снова поднялась; теперь я болѣе не

Оплачу часъ
Когда въ Боффиновъ Павильйонъ
Богъ долины съ дарами пришелъ;
Пусть же свѣтитъ во всю мочь
Мѣсяцъ съ неба въ эту ночь
И не плачетъ въ облакахъ о стыдѣ одной личности
Въ настоящемъ обществѣ.

Прикажете продолжать, мистеръ Боффинъ?

— Благодарствуйте, Веггъ, за ваше довѣріе ко мнѣ, и что вы въ стихи такъ часто сегодня впадаете; это мнѣ вашу дружбу доказываетъ. А у меня вотъ какая мысль: чтобы вы кинули вашу лавочку, а я помѣщу васъ въ Павильйонъ сторожить его. Это веселое мѣстечко. И человѣкъ, съ топливомъ и свѣчьми, да съ фунтомъ стерлингомъ въ недѣлю, будетъ какъ сыръ въ маслѣ.

— Гмъ! потребуется ли отъ этого человѣка, сэръ.... Мы будемъ говорить „этотъ человѣкъ“ въ видѣ *аргимента*. (Мистеръ Веггъ улыбкой заявилъ при семъ большую съ своей стороны прозорливость): — Потребуется ли отъ этого человѣка, чтобъ онъ и всякую другую должность свою туда же включилъ, или другая должность будетъ особо считаться? Положимъ, въ видѣ *аргимента*, что человѣкъ этотъ былъ приглашенъ въ чтецы; скажемъ, въ видѣ *аргимента*, по вечерамъ. Будетъ ли плата этому человѣку, какъ чтецу по вечерамъ, прибавлена къ другой платѣ, которую, говоря вашимъ нарѣчіемъ, назовемъ сыромъ въ маслѣ? Или она поглотится этимъ итогомъ, то-есть сыромъ въ маслѣ.

— Такъ! сказалъ мистеръ Боффинъ.—Я полагаю, она будетъ прибавлена.

— Я полагаю такъ, сэръ. Вы правы, сэръ. Точь-въ-точь мои собственные виды, мистеръ Боффинъ.—Тутъ Веггъ

всталъ, и покачиваясь на деревяшкѣ, кинулся къ своей жертвѣ съ протянутою рукой.—Мистеръ Боффинъ, считайте это конченнымъ. Не говорите больше, сэръ, ни слова. Я распрощался на вѣки съ лавкою. Собраніе балладъ на будущее время сохранится для собственнаго моего чтенія, при чемъ стихи будутъ въ видѣ дани...—Веггъ такъ былъ гордъ тѣмъ, что нашелъ это слово, что повторилъ его съ большой буквы:—Дани дружбѣ. Мистеръ Боффинъ, не извольте безпокоиться о грусти моей, когда мнѣ придется разставаться съ запасомъ моихъ товаровъ и съ вѣшкой. Такую же передрягу потерпѣлъ мой отецъ, когда за заслуги повысили его изъ простыхъ лодочниковъ въ должность казенную. Его крещенное имя было Томасъ. Слова его (въ то время я былъ ребенкомъ, но впечатлѣніе было очень сильное, и теперь оно мнѣ очень памятно), вотъ они:

Ну, прощай лихая лодка,
Весла, флагъ, покину васъ;
Никогда ужь въ Чельси Ферри
Не ходить тебѣ Томасъ!

Отецъ мой перенесъ это, мистеръ Боффинъ, такъ и я могу перенести.

Произнося эту прощальную рѣчь, Веггъ не переставалъ смущать мистера Боффина своею рукой, потрясая оною въ воздухѣ. Но тутъ, наконецъ, онъ устремилъ ее къ своему благодѣтелю, который, пожавъ ее, почувствовалъ, что у него гора свалилась съ плечъ. Убѣдившись, что дѣло покончено къ полному взаимному удовольствію, мистеръ Боффинъ былъ не прочь заглянуть въ дѣла Булли Сойерса, котораго прошлая ночь застала въ безнадежномъ положеніи, да сверхъ того, погода цѣлый день неблагопріятствовала ему для предстоявшаго похода противъ Персовъ. Мистеръ Веггъ уже приготовилъ свои очки. Но Сойерсу не удалось выступить и въ эту ночь. Ибо, прежде чѣмъ Веггъ нашелъ это мѣсто въ книгѣ, на лѣстницѣ послышалась походка мистрисъ Боффинъ, до того тяжелая и спѣшная, что мистеръ Боффинъ непремѣнно вскочилъ бы, въ ожиданіи узнать что-нибудь необыкновенное, еслибъ она даже и не кликнула его взволнованнымъ голосомъ. Мистеръ Боффинъ поспѣшилъ вонъ и нашелъ ее на темной лѣстницѣ дрожащую, съ зажженною свѣчой въ рукѣ.

— Въ чемъ дѣло, дружокъ?

— Не знаю, не знаю; мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты взошелъ на верхъ.

Очень удивленный, мистеръ Боффинъ взошелъ по лѣстницѣ и проводилъ мистрисъ Боффинъ въ ея комнату, другую большую комнату, въ одномъ этажѣ съ тою, гдѣ умеръ бывшій владѣлецъ дома. Мистеръ Боффинъ осмотрѣлся, и не увидалъ ничего необыкновеннаго, кромѣ разныхъ штукъ бѣлья, сложеннаго въ огромномъ сундукѣ, которое разбирала мистрисъ Боффинъ.

— Что такое дружокъ? Или ты испугалась? Ты-то испугалась?

— Это правда, что я не такого сорта птица, сказала мистрисъ Боффинъ, сѣвъ въ кресло чтобы придти въ себя,— только это очень странно!

— Что, дружокъ?

— Лица старика Нодди и обоихъ дѣтей такъ и снуютъ по всему дому.

— Дружокъ! воскликнулъ мистеръ Боффинъ, но не безъ нѣкотораго непріятнаго ощущенія, пробѣжавшаго мурашками по спинѣ.

— Я знаю, что это на глупость похоже, а дѣло такъ.

— Гдѣ они тебѣ показались?

— Я не думаю, чтобъ они показались гдѣ-нибудь. Я ихъ почувствовала.

— Ощупала, что ли?

— Нѣтъ, почувствовала ихъ въ воздухѣ. Я разбирала эти вещи въ сундукѣ, и не думала ни о старикѣ, ни о дѣтяхъ, напѣвала себѣ подъ носъ, какъ вдругъ въ одну секунду почувствовала что изъ темноты растетъ лицо.

— Какое лицо? спросилъ супругъ, оглядываясь.

— На минутку это было стариковское, а тамъ помолодѣло. На минутку оно стало обоихъ дѣтей, а тамъ постарѣло. На минутку это было чужое лицо, а тамъ всѣ лица вмѣстѣ....

— А тамъ исчезло?

— Да, а тамъ оно исчезло.

— Гдѣ ты была въ ту пору, старушка?

— Здѣсь, у сундука. Только я это пересилила, и продолжала разбирать, и продолжала напѣвать. Господи, думаю, стану думать о чемъ нибудь другомъ—о чемъ-нибудь пріятномъ—и выкину это изъ головы. Вотъ я и стала думать о новомъ домѣ, о миссъ Беллѣ Вильферъ, и крѣпко задумалась надъ

этою простыней, держала ее въ рукѣ, какъ вдругъ всѣ лица сразу засѣли въ складкахъ, и я выронила ее.

Такъ какъ простыня все еще лежала на полу, гдѣ упала, то мистеръ Боффинъ поднялъ ее и положилъ на сундукъ.

— А тутъ и сбѣжала съ лѣстницы?

— Нѣтъ. Я думала, надо попробовать въ другой комнатѣ стряхнуть ихъ. Говорю себѣ: пойду, пройдусь потихоньку раза три по комнатѣ старика, изъ угла въ уголъ, тогда я отобьюсь отъ этого. Я сошла со свѣчкой; но въ ту минуту какъ я подошла къ постели, воздухъ биткомъ былъ набитъ ими.

— Лицами?

— Да. Я чуяла, что они были даже въ потемкахъ за боковою дверью, и на маленькой лѣстницѣ, весь дворъ запрудили. Тутъ я тебя кликнула.

Мистеръ Боффинъ, растерявшись отъ изумленія, глядѣлъ на мистрисъ Боффинъ. Мистрисъ Боффинъ, растерявшись отъ невозможности понять все это, глядѣла на мистера Боффина.

— Я думаю, дружокъ, сказалъ Золотой Мусорщикъ,—надо сейчасъ же спровадить Вегга. Онъ вѣдь жить будетъ въ Павильйонѣ, и можетъ забрать себѣ въ голову Богъ знаетъ что̀, если объ этомъ узнаетъ, и это пойдетъ по всему околодку, что въ домѣ у насъ не ладно. Лучше намъ дознаться самимъ, не такъ ли?

— Я никогда до сихъ поръ не чувствовала этого, сказала мистрисъ Боффинъ.—А бывала здѣсь одна во всякое время ночи. Я была въ домѣ, когда смерть была въ немъ, я была въ домѣ, когда убійство наслѣдника произошло, и никогда не боялась.

— Никогда и не будешь, дружокъ, бояться, сказалъ мистеръ Боффинъ. Успокойся, это отъ думъ, да отъ того что ты въ этомъ мрачномъ мѣстѣ жила долго.

— Да, отчего же прежде-то не было? спросила мистрисъ Боффинъ.

Это нападеніе на философію мистера Боффина могло быть встрѣчено со стороны этого джентльмена только тѣмъ замѣчаніемъ, что всякая вещь должна же когда-нибудь начаться. Тутъ, взявъ жену подъ руку, чтобы не оставить ее наединѣ съ новою тревогой, онъ сошелъ внизъ отпустить Вегга. Тотъ, немного отягощенный сытною закуской и будучи плутоватаго темпе-

рамента, радъ былъ удалиться, не исполнивъ того зачѣмъ приходилъ и все-таки получивъ плату. Мистеръ Боффинъ надѣлъ шляпу, а мистрисъ Боффинъ шаль. И парочка, снабженная кромѣ того связкою ключей и зажженнымъ фонаремъ, прошла по околдованному дому—околдованному всюду, кромѣ ихъ двухъ комнатъ,—отъ погреба до чердака. Не удовольствовавшись этою гонкой фантазіи мистрисъ Боффинъ, они продолжали шествіе по двору, вокругъ надворныхъ строеній и между мусорными кучами. Поставивъ фонарь, когда все было кончено, у подошвы одной изъ кучь, они спокойно засѣменили на вечернюю прогулку, чтобы совсѣмъ свѣять съ мозга мистрисъ Боффинъ пыльную паутину.

— Вотъ, видишь ли, дружокъ, сказалъ мистеръ Боффинъ, когда они пришли къ ужину.—Вотъ и вылѣчилась. Вѣдь все прошло?

— Да, дружокъ, отвѣтила мистрисъ Боффинъ, снявъ шаль.—нервы поуспокоились. Я ни чуточку не тревожусь. Я пойду куда хочешь, по всему дому, какъ прежде. Но....

— А? сказалъ мистеръ Боффинъ.

— Но стоитъ вотъ закрыть глаза.

— Ну?

— Ну, вотъ, сказала мистрисъ Боффинъ, закрывъ глаза и задумчиво поднося ко лбу лѣвую руку,—вотъ они тутъ какъ тутъ. Лицо старика, и вотъ оно молодѣетъ. Дѣтскія лица, вотъ они старятся. Незнакомое лицо. И вотъ всѣ вмѣстѣ.

Открывъ глаза и увидѣвъ черезъ столъ лицо мужа, она потянулась потрепать его по щекѣ, и сѣла ужинать, объявивъ что лучшаго лица, какъ его, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

XVI. Питомцы.

Принимаясь за дѣло, секретарь не терялъ времени; его бдительность и аккуратность скоро наложили свою печать на дѣла Золотаго Мусорщика. Горячая настойчивость, съ которою онъ вникалъ со всѣхъ сторонъ въ каждое дѣло поручаемое ему хозяиномъ, была такимъ же спеціальнымъ свойствомъ его, какъ и быстрота въ исполненіи. Онъ не довольствовался никакими освѣдомленіями и объясненіями изъ вторыхъ рукъ, но старался самъ завладѣть каждымъ дѣломъ, какое только поручалось ему.

Однако былъ одинъ элементъ въ поведеніи секретаря, при-

мѣшивавшійся ко всему остальному, который могъ бы возбудить недовѣріе въ человѣкѣ болѣе свѣдущемъ въ людяхъ чѣмъ Золотой Мусорщикъ. Секретарь былъ такъ далекъ отъ излишней любознательности и навязчивости, какъ только могъ быть секретарь, но при всемъ этомъ только полное пониманіе всѣхъ дѣлъ его довѣрителя въ совокупности могло удовлетворить его. Скоро стало явно (по тому знанію, которое онъ выказалъ), что онъ былъ въ той конторѣ, гдѣ записывалось Гармоново завѣщаніе, и прочелъ его. Онъ предупреждалъ соображенія мистера Боффина о томъ, надо ли познакомить его съ тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ, показывая, что онъ уже знаетъ и понимаетъ это обстоятельство. Онъ ничуть не пытался этого скрывать, и, казалось, былъ очень доволенъ тѣмъ, что существенная доля его обязанности состояла именно въ томъ, чтобы по всѣмъ пунктамъ приготовиться къ наиполнѣйшему отправленію этой обязанности.

Это могло бы, повторяемъ, возбудить нѣкоторое смутное недовѣріе въ человѣкѣ, болѣе знающемъ свѣтъ чѣмъ Золотой Мусорщикъ. Съ другой стороны, секретарь былъ благоразуменъ, скроменъ и молчаливъ, хотя дѣлами занимался съ такимъ рвеніемъ какъ будто они были его собственныя. Онъ не выказывалъ склонности вмѣшиваться въ денежныя распоряженія или въ выборъ людей, но видимо предпочиталъ предоставлять то и другое мистеру Боффину. Если онъ и добивался какой-нибудь власти въ своей ограниченной сферѣ, такъ развѣ только власти знанія,—власти, истекавшей изъ совершеннаго знанія ввѣреннаго ему дѣла.

Какъ на лицѣ секретаря было какое-то безыменное облачко, такъ точно и во всей его манерѣ была какая-то неизъяснимая тѣнь. Не то чтобъ онъ былъ конфузливъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ впервые очутился посреди семейства Вильфера: теперь онъ, говоря вообще, не конфузился; однако что-то оставалось. Не то чтобъ онъ дурно держалъ себя, какъ тогда: теперь онъ держалъ себя очень хорошо, скромно, предупредительно; однако что-то оставалось. Много разъ было писано о людяхъ, которые подвергались жестокому заключенію, или пережили страшную катастрофу, или побужденные самосохраненіемъ, убили безоружное, подобное себѣ существо, что воспоминаніе объ этомъ никогда не сглаживалось во всей ихъ манерѣ до самой смерти. Не было ли и здѣсь такого же воспоминанія?

Онъ устроилъ себѣ временную контору въ новомъ домѣ, и все шло какъ нельзя лучше подъ его рукою. Было только одно странное исключеніе. Онъ явно отказывался отъ сношеній со стряпчимъ мистера Боффина. Раза два или три, какъ только оказывался къ тому малѣйшій поводъ, онъ представлялъ самому мистеру Боффину вступать въ эти сношенія. Вскорѣ уклончивость эта такъ куріозно стала бросаться въ глаза, что мистеръ Боффинъ заговорилъ съ нимъ насчетъ этой странности.

— Это правда, согласился секретарь,—я бы желалъ, чтобы это мимо меня шло.

Нѣтъ ли у него личнаго нерасположенія къ мистеру Ляйтвуду?

— Я съ нимъ не знакомъ.

Не понесъ ли онъ какихъ непріятностей отъ судебныхъ процессовъ?

— Не болѣе другихъ, былъ краткій отвѣтъ.

Не предубѣжденъ ли онъ противъ всей породы законниковъ?

— Нѣтъ. Но пока я занимаюсь у васъ, сэръ, лучше бы уволить меня отъ посредничества между законникомъ и его кліентомъ. Впрочемъ, если вы этого требуете, мистеръ Боффинъ, я готовъ уступить. Но я счелъ бы за большую милость, еслибы вы этого не требовали отъ меня безъ крайней надобности.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ была крайняя надобность, ибо у Ляйтвуда въ рукахъ не было никакихъ дѣлъ, кромѣ безконечно длившагося дѣла о неоткрытомъ преступникѣ и еще по покупкѣ дома. Всѣ прочія дѣла, которыя должны были бы перейдти къ нему, теперь покан̆чивались у секретаря, подъ управленіемъ котораго они шли гораздо скорѣе и удовлетворительнѣе чѣмъ могли бы идти попавъ въ область юнаго Блейта. Золотой Мусорщикъ вполнѣ постигалъ это. Даже дѣло бывшее на ближайшей очереди по части розысковъ преступника весьма мало требовало личныхъ сношеній секретаря со стряпчимъ, ибо смыслъ его состоялъ въ слѣдующемъ: Такъ какъ смерть Гексама лишила трудъ „честнаго человѣка“, трудившагося въ потѣ лица, барышей, то честный человѣкъ плутовски уклонился отъ проливанія напраснаго пота, сопряженнаго съ тѣмъ, что на языкѣ практическихъ юристовъ зовется: „прошибать каменную стѣну

присягою.“ Итакъ, этотъ новый свѣтъ мелькнулъ было и тотчасъ же изчезъ. Но пересмотръ старыхъ фактовъ привелъ кого-то изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ людей къ мысли, что недурно бы, прежде чѣмъ сложить эти факты на мрачныя полки, вѣроятно уже на вѣки,—не дурно было бы убѣдить или заставить нѣкоего мистера Юлія Гандфорда явиться къ допросу. А такъ какъ всякій слѣдъ мистера Юлія Гандфорда былъ потерянъ, то Ляйтвудъ и отнесся къ своему кліенту за уполномочіемъ отыскивать его чрезъ публичныя объявленія.

— Письмецо бы къ Ляйтвуду написать, Роксмитъ. Или и это вамъ тоже не по нутру?

— Ничуть, сэръ.

— Такъ можетъ вы черкнете ему строчки двѣ, и скажете что онъ воленъ дѣлать что̀ ему угодно. Не думаю, чтобъ это удалось.

— Не думаю, чтобъ это удалось, повторилъ секретарь.

— Все-таки онъ воленъ дѣлать что̀ угодно.

— Сейчасъ же напишу. Позвольте поблагодарить васъ за такое внимательное снисхожденіе къ моему нерасположенію въ этомъ случаѣ; можетъ-быть оно покажется вамъ менѣе страннымъ, если я признаюсь вамъ, что хотя и не знаю мистера Ляйтвуда, но онъ пробуждаетъ во мнѣ непріятное воспоминаніе. Не его вина; онъ не заслуживаетъ никакого порицанія и даже не знаетъ моего имени.

Мистеръ Боффинъ покончилъ это дѣло, кивнувъ раза два головой. Письмо было написано, и на другой же день появилась публикація въ газетахъ, относившаяся къ мистеру Юлію Гандфорду. Его просили войдти въ сношенія съ мистеромъ Мортимеромъ Ляйтвудомъ, въ видахъ содѣйствовать правосудію, и назначалась награда тѣмъ, кому извѣстно мѣстопребываніе его, и кто сообщитъ таковое вышереченному мистеру Ляйтвуду въ контору его въ Темплѣ. Каждый день въ теченіе шести недѣль объявленіе это печаталось во главѣ всѣхъ газетъ, и каждый день въ продолженіе шести недѣль секретарь, видя его, говорилъ про себя, тѣмъ же тономъ какъ сказалъ своему хозяину: „не думаю, чтобъ это удалось.“

Въ числѣ начальныхъ его занятій видное мѣсто занималъ розыскъ того сироты, котораго желала мистрисъ Боффинъ. Съ самыхъ первыхъ поръ онъ выказывалъ особенное желаніе понравиться ей, и зная что она принимаетъ этотъ предметъ къ сердцу, заботился о немъ съ неутомимымъ участіемъ и спѣшностью.

Мистеръ и мистрисъ Мильвей нашли этотъ поискъ довольно труднымъ. Иной сирота и подходилъ бы, да былъ не того пола (что̀ большею частію и случалось), а то слишкомъ въ лѣтахъ или очень юнъ, или очень болѣзненъ, или ужь очень грязенъ, или ужь очень къ улицѣ привыкъ, или слишкомъ склоненъ къ побѣгу; а то случалось такъ, что нельзя было совершить эту филантропическую сдѣлку иначе какъ куплей сироты. Ибо, едва становилось извѣстнымъ, что нѣкто ищетъ сироту, тотчасъ же откуда брался преданный другъ сироты и оцѣнивалъ его голову.

Внезапность, съ которою повышался курсъ на сиротъ, не имѣла примѣра въ самыхъ сумашедшихъ колебаніяхъ биржи. Въ девять часовъ утра, напримѣръ, сиротка, занимаясь приготовленіемъ пирога изъ грязи, стоилъ на пять тысячъ процентовъ ниже нарицательной цѣны, а въ полдень (когда на него являлся спросъ) поднимался до пяти тысячъ процентовъ свыше. Рынокъ становился поприщемъ разнообразныхъ ловкихъ продѣлокъ. Фальшивые фонды пускались въ обращеніе. Родители отважно выдавали себя за покойниковъ, и приводили съ собою сиротъ своихъ. Запасы настоящихъ сиротъ потаенно скрадывались съ рынка. Какъ только эмиссары, нарочно для того разставленные, возвѣщали, что мистеръ и мистрисъ Мильвей появлялись въ заднихъ переулкахъ, * запасы сиротъ мгновенно прятались, и видѣть этотъ товаръ можно было развѣ только на условіи поставить галлонъ пива сводчику. Страшныя колебанія происходили, когда обладатели этого товара, сначала притаившись, вдругъ потомъ выбрасывали на рынокъ разомъ цѣлую дюжину сиротъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ операцій былъ принципъ барыша и наживы, а объ этомъ-то принципѣ и не догадывались мистеръ и мистрисъ Мильвей.

Наконецъ, преподобнымъ Франкомъ Мильвеемъ получены были вѣсти объ очаровательномъ сиротѣ, находящемся въ Брентфордѣ. У одного изъ его покойныхъ родителей (бывшихъ его прихожанъ) была бѣдная вдовая бабка въ этомъ миломъ городкѣ, и она-то, мистрисъ Бетти Гигденъ, съ ма-

---

* *Court*, дворъ, это въ Лондонѣ непроѣздныя узенькія улицы, позади проѣздныхъ улицъ, проходы занимаемые рабочимъ людомъ, выстланные плитами; они постоянно наполнены играющими ребятишками.

теринскою заботливостью выходила сиротку, но не имѣла средствъ содержать его.

Секретарь предложилъ мистрисъ Боффинъ на выборъ либо послать его для предварительнаго осмотра сироты, либо съѣздить самой чтобы лично и за одинъ разъ составить себѣ мнѣніе. Такъ какъ мистрисъ Боффинъ предпочла послѣдній способъ, то въ одно прекрасное утро они сѣли въ наемный фаэтонъ, взявъ съ собою сзади головастаго молодаго человѣка.

Жилище мистрисъ Бетти Гигденъ не такъ-то легко было отыскать, ибо оно запуталось въ такомъ лабиринтѣ закоулковъ грязнаго Брентфорда, что они оставили экипажъ у вывѣски Трехъ Сорóкъ и отправились на поискъ пѣшкомъ. Послѣ многихъ разспросовъ и неудачъ, имъ указали въ переулкѣ крошечный коттеджъ, съ отворенною дверью, которая была загорожена доской; перевѣсясь черезъ эту доску, джентльменъ самаго нѣжнаго возраста удилъ грязь безголовою деревянною лошадкой на снуркѣ. Въ этомъ юномъ спортсменѣ, отличавшемся круглою, курчавою, русою головой и здоровымъ видомъ, секретарь предугадалъ сироту. По несчастію, въ то время какъ они ускорили шагъ, случилось что сирота, въ жару момента, потерявъ чувство личнаго самосохраненія, перекувырнулся и шлепнулся на улицу. Будучи круглымъ сиротой, онъ покатился и скатился въ водостокъ прежде чѣмъ они могли подоспѣть. Изъ водостока онъ былъ спасенъ Джономъ Роксмитомъ, и такимъ образомъ первая встрѣча съ мистрисъ Гигденъ была ознаменована тѣмъ неловкимъ обстоятельствомъ, что они завладѣли, можно бы съ перваго взгляда сказать—незаконно завладѣли сиротою, держа его внизъ головою, которая побагровѣла въ лицѣ. Доска же поперекъ входа, дѣйствуя западней на ноги выходящей мистрисъ Гигденъ, равно и на ноги входящихъ мистрисъ Боффинъ и Джона Роксмита, значительно увеличила затруднительность положенія, которому крики сироты сообщали весьма мрачный и жестокій характеръ. Сначала невозможно было объясниться по тому случаю, что у сироты „духъ сперся“. Это выразилось оцѣпенѣніемъ, свинцовою блѣдностію и мертвымъ безмолвіемъ, въ сравненіи съ которымъ крики его были прелестною музыкой. Но по мѣрѣ того какъ онъ приходилъ въ себя, мистрисъ Боффинъ рекомендовалась, и улыбающійся тихій миръ возвратился въ домъ мистрисъ Бетти Гигденъ. Домъ оказался небольшимъ

помѣщеніемъ съ большимъ каткомъ; у ручки этой махины стоялъ долговязый парень, съ весьма небольшою головой и открытымъ ртомъ несоразмѣрной величины, который, казалось, помогалъ глазамъ его таращиться на посѣтителей. Въ уголку, подъ каткомъ, на парѣ скамеекъ, сидѣли двое малютокъ: мальчикъ и дѣвочка. Иногда долговязый парень, переставая таращить глаза, пускалъ катокъ: страшно было видѣть какъ онъ устремлялся на эти двѣ невинности, подобно стѣнобитной махинѣ, предназначенной для истребленія ихъ, и безвредно отходилъ назадъ, приблизившись на палецъ къ ихъ головкамъ. Комнатка чиста и опрятна, съ кирпичнымъ поломъ, въ одно окно, съ ромбическими стеклами, съ юпкой у камина, съ веревками протянутыми отъ полу до верха окна, по которымъ къ предстоящему времени года должны вырости красные бобы, если судьбы будутъ благопріятствовать. Но какъ бы ни благопріятствовали судьбы Бетти Гигденъ въ прошлыя времена года по части бобовъ, онѣ не слишкомъ баловали ее по части денегъ. Легко было замѣтить, что она бѣдна. Мистрисъ Бетти Гигденъ была одною изъ тѣхъ старыхъ женщинъ, которыя, будучи вооружены неукротимою волей и сильнымъ сложеніемъ, борются долгіе годы, хотя каждый годъ приходилъ съ своими новыми сокрушительными ударами какъ свѣжій боецъ противъ нея, уже истомленной боемъ. Она была энергическая старушка, съ большими темными глазами и рѣшимостью въ лицѣ, но совершенно доброе созданіе. Она была не по логикѣ разсуждающая женщина, кую Богъ милостивъ, и сердца зачтутся на небесахъ въ тано, же цѣну какъ и головы.

— Такъ точно! сказала она, когда приступили къ дѣлу.— Мистрисъ Мильвей была такъ добра, писала ко мнѣ, сударыня, и я просила *Слякоть* прочесть. Славное письмецо было; да и она-то ласковая леди.

Посѣтители поглядѣли на долговязаго парня, который еще шире таращилъ ротъ и глаза, какъ бы указывая этимъ, что онъ-то самая Слякоть и есть.

— Потому сама-то я, видите ли, сказала Бетти,—не такъ-то разбираю рукописное, хоть и могу читать Ветхій и Новый Завѣтъ и всякое печатное. И газеты люблю. Можетъ вы не повѣрите, а Слякоть отлично читаетъ газеты. Онъ читаетъ полицейскія дѣла на разные голоса.

Посѣтители сочли необходимымъ изъ вѣжливости взгля-

нуть на Слякоть, который, глядя на нихъ, внезапно закинулъ голову, распялилъ ротъ до крайней широты, и громко захохоталъ. При этомъ обѣ невинности, которыхъ мозги были въ явной опасности отъ катка, захохотали, и мистрисъ Гигденъ захохотала, и сирота захохоталъ, а тамъ и посѣтители захохотали.

Тутъ Слякоть, казалось, въ припадкѣ рабочей маніи или бѣшенства, завертѣлъ ручкой катка и пустилъ его противъ головъ двухъ невинностей съ такимъ трескомъ и гуломъ, что мистрисъ Гигденъ остановила его.

— Господамъ не слыхать своихъ словъ, Слякоть; постой капельку, погоди!

— Это самое и есть то милое дитя, что у васъ на колѣняхъ? сказала мистрисъ Боффинъ.

— Да, сударыня, это Джонни.

— Даже Джонни! вскрикнула мистрисъ Боффинъ, обращаясь къ секретарю.—Даже Джонни! Славный мальчикъ!

Опустивъ подбородокъ, по обычаю робкихъ дѣтей, Джонни украдкой взглядывалъ голубыми глазами на мистрисъ Боффинъ и тянулся пухлою съ ямочками ручкой къ губамъ старухи, которую та время-отъ-времени цѣловала.

— Да, ма'мъ, славный мальчикъ, золотой, милый мальчикъ. Это сынокъ послѣдней моей внучки. Она отправилась вслѣдъ за прочими....

— А эти не братъ и не сестра ему? сказала мистрисъ Боффинъ.

— О, никакъ нѣтъ, сударыня! Эти—питомцы.

— Питомцы? повторилъ секретарь.

— Отданы на воспитаніе, сэръ. Я содержу воспитательную школу. Я могу держать только трехъ, по причинѣ катка. Но я люблю дѣтокъ, да и четыре пенса въ недѣлю все-таки четыре пенса. Подите сюда Тодльсъ и Подльсъ.

Тодльсъ было ласкательное имя мальчика, Подльсъ — дѣвочки. Крошечными нетвердыми шажками, перешли они полъ рука объ руку, будто пробираясь чрезвычайно трудною дорогой, пересѣченною ручьями, и когда мистрисъ Гигденъ погладила ихъ по головкѣ, они устремились на сироту, будто драматически изображая попытку торжественно взять его въ плѣнъ и рабство. Всѣмъ троимъ дѣтямъ это доставило большое наслажденіе, и сочувствующій Слякоть опять громко захохоталъ. Когда стало прилично прекратить игру, Бет-

ти Гигденъ, сказала: „Идите на мѣсто, Тодльсъ и Подльсъ“, и они вернулись рука объ руку черезъ всю страну, и казалось, находили, что ручьи переполнились недавними дождями.

— А мистеръ или мастеръ... какъ это?... сказалъ секретарь, не зная за что̀ считать Слякоть за мущину ли, мальчика ли, или за что̀

— Дитя любви, отвѣтила Бетти Гигденъ, понизивъ голосъ,— родители неизвѣстны; на улицѣ нашли. Онъ былъ воспитанъ, —вздрогнувъ съ отвращеніемъ,—въ Домѣ....

— Въ рабочемъ домѣ? сказалъ секретарь.

Мистрисъ Гигденъ нахмурила старое смѣлое лицо, и глухо кивнула *да*.

— Вы не любите вспоминать объ немъ?

— Не люблю вспоминать объ немъ? отвѣтила старая женщина.—Лучше убейте меня, чѣмъ сдать туда. Лучше бросьте этого красавца-ребенка подъ ноги возовыхъ лошадей и подъ нагруженный возъ чѣмъ взять его туда. Придите къ намъ, найдите насъ умирающими, подставьте свѣчу подъ постель, пусть лучше сгоримъ и съ домомъ-то въ кучу золы, прежде чѣмъ тѣло наше будетъ тамъ!.. Джонни, красавчикъ, продолжала старая Бетти, лаская ребенка, и скорѣй причитая надъ нимъ чѣмъ говоря ему:—старой бабусѣ Бетти восьмой десятокъ доходитъ. Она вѣкъ не просила милостыни, въ жизнь не брала ни одного пенни изъ кассы для бѣдныхъ. Платила всѣ подати, какъ только было чѣмъ платить; работала когда могла, голодала когда надо. Моли Бога, чтобы бабусѣ достало силъ до конца (по лѣтамъ-то силы еще вволю, Джонни) на подъемъ съ постели встать, на побѣгушки, на работу, и пусть лучше издохну въ какой-нибудь трущобѣ чѣмъ попасть въ руки этихъ безжалостныхъ людей въ рабочемъ домѣ, которые дразнятъ, изнуряютъ, презираютъ и позорятъ честнаго бѣдняка.

— А работаетъ ли онъ на васъ? спросилъ секретарь, ловко направляя разговоръ на мастера или мистера Слякоть.

— Какъ же, сказала Бетти съ добродушною усмѣшкой и кивкомъ головы,—даже очень исправно.

— Онъ тутъ и живетъ?

— Чаще тутъ чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ помѣченъ просто незаконнорожденнымъ, а ко мнѣ попалъ питомцемъ. Я условилась съ мистеромъ Блоггомъ, церковнымъ сторожемъ, взять его въ питомцы, по случаю увидѣвъ его въ

церкви и полагая, что я что-нибудь изъ него сдѣлаю. Тогда это былъ слабый чахлый ребенокъ.

— Какъ его настоящее имя?

— То-есть, видите ли, сказать правильнѣе, настоящаго-то имени у него нѣтъ. Догадываюсь я, что имя произошло отъ того, что его нашли въ дождливую ночь, въ слякоть.

— Онъ кажется парень ласковый.

— Помилуйте, сэръ, отвѣтила Бетти, — въ немъ кусочка нѣтъ неласковаго Вы можете сами судить какъ онъ ласковъ, стóитъ только вамъ окинуть его глазомъ съ ногъ до головы.

Слякоть былъ топорной работы: слишкомъ великъ въ длину, слишкомъ малъ въ ширину, слишкомъ угловатъ на сгибахъ,—одно изъ тѣхъ неряшливыхъ существъ мужескаго пола, рожденныхъ быть нескромно чистосердечными въ откровеніи пуговицъ. Слякоть владѣлъ значительнымъ капиталомъ въ колѣнахъ, локтяхъ, кулакахъ и лодыжкахъ, и никакъ не умѣлъ распорядиться имъ съ наибольшею выгодой но помѣщалъ его подъ плохія обезпеченія и запутывался въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Рядовой № 1 въ ротѣ новичковъ изъ полка жизни, онъ все-таки имѣлъ смутное понятіе о вѣрности своему знамени.

— Ну, теперь, сказала мистрисъ Боффинъ, — касательно Джонни.

Пока Джонни, поджавъ подбородокъ и надувъ губки, склонялся на колѣняхъ у бабушки Бетти, уставя голубые глаза на посѣтителей и заслонясь отъ наблюденій ручонкой съ ямочками, старая Бетти взяла одну изъ свѣжихъ и пухлыхъ ручекъ его въ свою изсохшую правую руку, и принялась тихонько пошлепывать ею по своей высохшей лѣвой.

— Слушаю, сударыня. Касательно Джонни.

— Если вы довѣрите мнѣ это милое дитя, сказала мистрисъ Боффинъ, съ такимъ выраженіемъ лица, что оно само вызывало на довѣріе:—у него будетъ самый лучшій домъ, самый лучшій уходъ, самое лучшее воспитаніе, самые лучшіе друзья. Если Богу угодно, я буду ему доброю матерью.

— Я вамъ очень благодарна, сударыня, и милый ребенокъ былъ бы очень благодаренъ, еслибъ онъ могъ понимать.—Она все пошлепывала маленькою ручкой свою.—Я не стала бы поперекъ дороги милаго ребенка, еслибы даже вся моя жизнь была еще у меня впереди, вмѣсто малости которая мнѣ остается,

но я надѣюсь, вы не осудите, что я привязана къ ребенку покрѣпче нежели можно сказать словами. Вѣдь это послѣдняя живая вещица, которая у меня осталась.

— Осудить, душа моя? Какъ же это можно, послѣ того какъ вы съ такою нѣжностью выходили его?

— Я видѣла ихъ у себя, сказала Бетти, все легонько пошлепывая ручкою ребенка по своей жесткой морщинистой рукѣ,—такъ много на колѣняхъ; и всѣ убрались, кромѣ одного этого! Мнѣ стыдно, что я кажусь такою себялюбивою, но на самомъ дѣлѣ я не думаю такъ. Это дастъ ему счастье, онъ будетъ джентльменомъ, когда я умру. Я.... я.... не знаю, что̀ такое на меня нашло.... Я пересилю это. Не глядите на меня.

Легонькіе шлепки остановились, смѣло-очерченныя губы задрожали, и прекрасное, важное, старое лицо изнемогло и залилось слезами.

Тутъ, къ большому облегченію посѣтителей, чувствительный Слякоть едва увидѣлъ свою покровительницу въ этомъ состояніи, какъ въ ту же минуту, закинувъ голову и разинувъ ротъ, подалъ голосъ и замычалъ. Эта тревожная вѣсть о нѣкоей бѣдѣ мгновенно поразила Тодльса и Подльсъ, которые не успѣли еще порядкомъ разревѣться, какъ Джонни, опрокинувшись и отбиваясь отъ мистрисъ Боффинъ парой своихъ башмачонковъ, самъ сталъ жертвой отчаянія. Но тутъ мистрисъ Бетти Гигденъ въ минуту пришла въ себя и призвала всѣхъ къ порядку съ такою поспѣшностью, что Слякоть, коротко оборвавшись на многосложномъ мычаніи, обратилъ свою энергію на катокъ и сдѣлалъ нѣсколько штрафныхъ оборотовъ прежде чѣмъ затихъ.

— Ну, ну, ну! сказала мистрисъ Боффинъ, почти считая свою добрую душу самою безжалостною изо всѣхъ женскихъ душъ.—Ничего такого не будетъ. Не надо пугаться; мы всѣ спокойны, всѣ. Такъ, вѣдь, мистрисъ Гигденъ?

— Конечно такъ, отвѣтила Бетти.

— И въ самомъ дѣлѣ, вы знаете, это не къ спѣху, сказала мистрисъ Боффинъ вполголоса,—повремените, подумайте объ этомъ, мой дружокъ!

— Не бойтесь ужъ *меня*, сударыня, сказала Бетти,—я ужъ вчера надумалась объ этомъ. Я не знаю что̀ такое нашло на меня теперь; но ужъ этого больше не будетъ.

— Ну такъ у Джонни будетъ время подумать объ этомъ,

отвѣтила мистрисъ Боффинъ:—милое дитя попривыкнетъ къ этому, а вы поприучите его. Не такъ ли?

Бетти весело и съ готовностью приняла это на себя.

— Господи! вскрикнула мистрисъ Боффинъ, лучезарно глядя вокругъ себя:—мы хотимъ осчастливить всѣхъ, а не ужасать. Потрудитесь же увѣдомить меня, когда станете привыкать къ этому, и какъ все тамъ прочее пойдетъ у васъ.

— Я пошлю Слякоть, сказала мистрисъ Гигденъ.

— А вотъ этотъ джентльменъ, что пріѣхалъ со мной, заплатитъ ему за хлопоты, сказала мистрисъ Боффинъ.—А вы, мистеръ Слякоть, когда ко мнѣ пожалуете, не уйдете безъ добраго обѣда съ мясомъ, пивомъ, съ овощами, съ пуддингомъ.

Это гораздо болѣе прояснило видъ дѣла. Ибо, такъ какъ чрезвычайно симпатическій Слякоть сперва вытаращилъ глаза и оскалилъ зубы, а тамъ зареготалъ съ хохотомъ, то Тодльсъ и Подльсъ отвѣтили ему въ масть, а Джонни покрылъ козыремъ. Тодльсъ и Подльсъ, находя эти обстоятельства благопріятными для вторичной драмматической вылазки противъ Джонни, снова отправились черезъ всю страну, рука объ руку, на флибустьерскую экспедицію, и по окончаніи сраженія въ углу у камина, за кресломъ мистрисъ Гигденъ, съ большою доблестью съ обѣихъ сторонъ, эти отчаянные пираты возвратились къ своимъ скамеечкамъ, также рука объ руку, черезъ сухое русло горнаго потока.

— Скажите, что могу сдѣлать для васъ, Бетти, другъ мой, конфиденціяльно сказала мистрисъ Боффинъ, — если не сегодня, такъ въ слѣдующій разъ?

— Все равно, благодарю васъ, сударыня, но я ни въ чемъ не нуждаюсь... Я могу работать. Я сильна. Я могу пройдти двадцать миль, если надо.

Старая Бетти была горда; большіе глаза ея искрились, когда она говорила это.

— Такъ, но вѣдь кой-какія маленькія удобства не повредятъ вамъ? отвѣтила мистрисъ Боффинъ.—Богъ съ вами, я сама не больше васъ родилась барыней!

— Мнѣ кажется, сказала Бетти, улыбаясь,—что вы родились барыней, и настоящею, или не родилось еще на свѣтѣ ни одной барыни! Только я ничего не могу принять отъ васъ, моя дорогая. Я ни отъ кого ничего не принимала. Не то чтобъ я не умѣла быть благодарною, а только мнѣ пріятнѣе самой выручать.

— Полноте! отвѣтила мистрисъ Боффинъ.—Я вѣдь только пустячки хотѣла вамъ предложить, а то я не позволила бы себѣ.

Бетти поднесла къ губамъ руку своей посѣтительницы, въ знакъ благодарности за деликатный отвѣтъ. Удивительна была прямизна ея стана, и удивительною самонадѣянностію блестѣлъ ея взглядъ, когда стоя и глядя въ лицо посѣтительницы, она объяснялась далѣе.

— Еслибъ я могла оставить у себя милое дитя безъ боязни, что его не постигнетъ та судьба, о которой я говорила, я никогда не разсталась бы съ нимъ, даже для васъ. Я люблю его, очень люблю, крѣпко люблю. Я въ немъ люблю моего мужа, давно умершаго. Я въ немъ люблю моихъ умершихъ дѣтей. Я въ немъ люблю умершіе дни моей молодости и надеждъ. Еслибъ я продала эту любовь, я не смѣла бы взглянуть въ ваше доброе лицо. Это вольный даръ. Мнѣ ничего не надо. Когда силы измѣнятъ, мнѣ бы только умереть поскорѣй, и я вполнѣ буду довольна. Я стояла межь покойными дѣтьми на томъ, что стыдно искать пріюта въ рабочемъ домѣ; я всѣхъ ихъ отстояла. Того, что̀ зашито у меня въ платьѣ (она положила руку на грудь), какъ разъ хватитъ чтобы положить меня въ могилу. Позаботьтесь только, чтобъ это было истрачено правильно, чтобы до конца уберечь меня отъ этой бѣды и позора, и вы сдѣлаете для меня не пустяки, а все что̀ еще дорого моему сердцу на этомъ свѣтѣ.

Посѣтительница пожала руку мистрисъ Бетти Гигденъ. Строгое, старое лицо уже не туманилось печалью.

Теперь надо было заманить Джонни къ занятію временной позиціи на колѣняхъ у мистрисъ Боффинъ. Насилу, и то не прежде какъ двое уменьшительныхъ питомцевъ подстрекнули въ немъ соревнованіе, на глазахъ его достигнувъ одинъ за другимъ этого поста и покинувъ его безъ обиды, кое-какъ убѣдили его разстаться съ подоломъ мистрисъ Гигденъ, къ которому онъ, даже въ объятіяхъ мистрисъ Боффинъ, выказывалъ сильное стремленіе, духовное и тѣлесное; первое выражалось въ чрезвычайно мрачномъ лицѣ, послѣднее въ протянутыхъ ручонкахъ. Однакожь общее описаніе игрушечныхъ чудесъ, скрывавшихся въ домѣ мистрисъ Боффинъ, такъ примирило этого мірски-настроеннаго сироту, что онъ осмѣлился поглядѣть на нее, нахмурясь и держа кулакъ во рту, и даже засмѣялся, когда упомянули о

богато-осѣдланномъ конѣ на колесахъ, одаренномъ невѣроятною способностью скакать прямо въ пирожныя лавки. Слухъ этотъ, подхваченный питомцами, разросся въ очаровательное тріо, къ общему удовольствію.

Итакъ, свиданіе оказалось весьма успѣшнымъ, порадовало мистрисъ Боффинъ и удовлетворило всѣхъ. Не менѣе прочихъ и Слякоть, который взялся провести посѣтителей обратно лучшимъ путемъ къ Тремъ Сорокамъ, и которому головастый молодой человѣкъ оказалъ величайшее презрѣніе.

Такъ какъ дѣло это пошло въ ходъ, то секретарь отвезъ мистрисъ Боффинъ въ Павильйонъ, и нашелъ себѣ занятіе въ новомъ домѣ до самаго вечера. Когда же насталъ вечеръ, онъ выбралъ къ своей квартирѣ путь шедшій лугомъ; но съ намѣреніемъ ли найдти на этомъ лугу миссъ Беллу Вильферъ, это не было такъ безспорно какъ то, что она постоянно гуляла здѣсь въ этотъ часъ.

И она безспорно была тутъ. Сбросивъ трауръ, миссъ Белла нарядилась въ такіе превосходные цвѣта, какіе только можно было подобрать. Нельзя отрицать, что она была такъ же прекрасна какъ и они, и что она и цвѣта очень мило шли другъ къ другу. Прогуливаясь, она читала, и слѣдовательно изъ того, что она не показывала виду будто знала о приближеніи мистера Роксмита, надо заключить, что она и не знала объ его приближеніи.

— А? сказала миссъ Белла, поднимая глаза съ книги когда онъ остановился передъ нею:—это вы?

— Я самый. Славный вечеръ!

— Будто? сказала Белла, холодно посмотрѣвъ вокругъ.— Въ самомъ дѣлѣ такъ; и я это теперь замѣчаю, какъ вы сказали. Я не думала о погодѣ.

— Книгой занялись?

— Да-а! отвѣчала Белла, съ оттѣнкомъ равнодушія.

— Повѣсть любви, миссъ Вильферъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ! Иначе я не стала бы читать. Тутъ больше о деньгахъ нежели о чемъ другомъ.

— Не говорится ли тутъ, что деньги лучше чего другаго.

— Даю вамъ слово, отвѣтила Белла,—я забыла, что тутъ говорится, но вы сами можете найдти это, если угодно, мистеръ Роксмитъ. Мнѣ она больше не нужна.

Секретарь взялъ книгу, которая зашуршала листами будто вѣеромъ, и пошелъ рядомъ съ нею.

— Я имѣю порученіе къ вамъ, миссъ Вильферъ.

— Не понимаю какое можетъ быть у васъ порученіе ко мнѣ, сказала Белла все также протяжно.

— Отъ мистрисъ Боффинъ. Она просила меня увѣрить васъ въ чувствѣ удовольствія, съ которымъ она будетъ готова принять васъ черезъ недѣлю или, самое большое, черезъ двѣ.

Белла повернула къ нему голову, съ своими поднятыми кверху прекрасно-дерзкими бровями и опущенными рѣсницами, какъ будто говоря: прошу покорно! какъ же попало вамъ это порученіе?

— Я ждалъ случая сказать вамъ, что я секретаремъ у мистера Боффина.

— Это не прибавитъ мнѣ мудрости, гордо проговорила миссъ Белла, потому что я не знаю что̀ такое секретарь. Не то что̀ слово это значитъ?

— Совершенно не то.

Украдкой брошенный взглядъ на ея лицо, въ то время какъ секретарь шелъ рядомъ съ ней, показалъ ему, что она не ожидала отъ него столь прямаго согласія на ея слова.

— Стало-быть, вы будете тамъ, мистеръ Роксмитъ? спросила она, какъ будто это сбавляло цѣну.

— Всегда? Нѣтъ. Часто? Да.

— Увы! процѣдила Белла съ тономъ огорченія.

— Но мое секретарское положеніе будетъ не такое какъ ваше: вы гостья. Вы мало или почти вовсе не будете слышать обо мнѣ. Я буду заниматься дѣлами, а вы будете заниматься удовольствіями. Мнѣ надо будетъ зарабатывать жалованье, вы же будете только веселиться и привлекать.

— Привлекать, сэръ? сказала Белла, снова приподнимая брови и опуская рѣсницы.—Я не понимаю васъ.

Не отвѣчая на этотъ пунктъ, мистеръ Роксмитъ продолжалъ:

— Извините меня; когда я въ первый разъ видѣлъ васъ въ черномъ платьѣ....

(Вотъ! было мысленное восклицаніе миссъ Беллы. Что̀ я моимъ говорила? Всякій замѣчаетъ этотъ потѣшный трауръ!)

— ....Когда я впервые увидѣлъ васъ въ черномъ платьѣ, я не умѣлъ сообразить этой разницы въ костюмѣ между вами и другими членами вашего семейства. Надѣюсь, въ томъ не было дерзости, что я размышлялъ объ этомъ?

— Не надѣюсь, а увѣрена, свысока сказала миссъ Белла;—но вамъ лучше знать, какъ вы объ этомъ размышляли.

Мистеръ Роксмитъ наклонилъ голову съ видомъ мольбы, и продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ я познакомился съ дѣлами мистера Боффина, я необходимо долженъ былъ разгадать маленькую тайну. Осмѣлюсь замѣтить, я увѣренъ, что многое въ потерѣ вашей можетъ быть вознаграждено; я говорю только о богатствѣ, миссъ Вильферъ. Потеря совершенно чужаго человѣка, достоинства или недостатки котораго, ни я, ни даже вы сами, не можемъ оцѣнить, тутъ ни при чемъ. Но этотъ превосходный джентльменъ и леди такъ полны простоты, такъ полны великодушія, такъ желаютъ вамъ добра и такъ желаютъ,—какъ бы это выразить?—искупить свое чѣмъ-нибудь счастіе, что вамъ стоитъ только отвѣчать имъ.

Подстерегая ее новымъ воровскимъ взглядомъ, онъ видѣлъ на ея лицѣ какое-то тщеславное торжество, котораго не могла скрыть напускная холодность.

— Такъ какъ мы были сведены подъ одною кровлей случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, которыя страннымъ образомъ продолжаются и въ новыхъ отношеніяхъ между нами, то я позволилъ себѣ сказать эти немногія слова. Надѣюсь, вы не считаете ихъ неумѣстными, почтительно сказалъ секретарь.

— Право, мистеръ Роксмитъ, я не знаю за что считать ихъ, отвѣтила молодая леди.—Они совершенно новы для меня, и можетъ-быть имѣютъ все свое основаніе только въ воображеніи вашемъ.

— Увидите.

Этотъ лугъ лежалъ какъ разъ противъ дома Вильферовъ. Благоразумная мистрисъ Вильферъ, выглянувъ изъ окна и увидавъ дочь свою на совѣщаніи съ жильцомъ, въ минуту повязала голову и вышла, какъ бы на случайную прогулку.

— Я говорилъ миссъ Вильферъ, сказалъ Джонъ Роксмитъ, когда величественная леди гордо подошла къ нимъ,—что я, страннымъ случаемъ, нахожусь у мистера Боффина секретаремъ, или дѣловымъ человѣкомъ.

— Я не имѣю, отвѣтила мистрисъ Вильферъ, помахивая перчатками въ хроническомъ припадкѣ достоинства и смутнаго нерасположенія,—чести интимнаго знакомства съ мистеромъ Боффиномъ, и не мнѣ поздравлять этого джентльмена со сдѣланнымъ имъ пріобрѣтеніемъ.

— Довольно жалкимъ, сказалъ Роксмитъ.

— Извините меня, отвѣтила мистрисъ Вильферъ,—достоинства мистера Боффина могутъ быть высоки въ сравненiи съ другими, — могутъ быть болѣе высоки чѣмъ можно заключать по наружности его супруги, но считать его достойнымъ лучшаго помощника это значило бы доводить смиренiе до умопомѣшательства.

— Вы слишкомъ добры. Я также говорилъ миссъ Вильферъ, что ее скоро ждутъ въ новую резиденцiю въ городѣ.

— Я уже изъявила молчаливое согласiе, сказала мистрисъ Вильферъ, сильно пожавъ плечами, и снова махнувъ перчатками,—на принятiе моею дочерью предложенiя мистрисъ Боффинъ, а потому я теперь препятствiй не дѣлаю.

Тутъ миссъ Белла сдѣлала ей выговоръ:

— Пожалуста, мама, не говорите безсмыслицы.

— Тс! сдѣлала мистрисъ Вильферъ.

— Нѣтъ, мама, не хочу, чтобы меня дѣлали такою глупой! Препятствiя!

— Я говорю, повторила мистрисъ Вильферъ съ широкимъ наплывомъ величiя, — что я не ставлю препятствiй. Если мистрисъ Боффинъ (которой наружности ни на одну минуту ни одинъ изъ учениковъ Лафатера не одобритъ за своею подписью) „съ дрожью" желаетъ украсить свою новую резиденцiю въ городѣ привлекательностiю моей дочери, то я согласна,—пусть она будетъ осчастливлена обществомъ моей дочери.

— Вы употребляете то самое слово, ма'мъ, которое и я употребилъ, сказалъ Роксмитъ, взглянувъ на Беллу,—говоря о привлекательности миссъ Вильферъ.

— Извините меня, отвѣтила мистрисъ Вильферъ, съ ужасающею торжественностью,—я еще не кончила.

— Прошу извинить меня.

— Я хотѣла сказать, продолжала мистрисъ Вильферъ, очевидно не имѣвшая ни тѣни намѣренiя сказать что-нибудь еще:— что, употребляя терминъ: привлекательность, я не разумѣю подъ нимъ ничего другаго.

Добрая леди выпустила это свѣтлое объясненiе своихъ мыслей съ такимъ видомъ, какъ будто чрезвычайно разодолжила слушателей, и сама притомъ чрезвычайно отличилась. На что̀ миссъ Белла засмѣялась тихимъ, презрительнымъ смѣхомъ, и сказала:

— Я увѣрена, что на этотъ разъ достаточно съ обѣихъ

сторонъ. Будьте такъ добры, мистеръ Роксмитъ, засвидѣтельствуйте мое почтеніе мистрисъ Боффинъ.

— Извините не такъ! вскричала мистрисъ Вильферъ.—„Передайте мой поклонъ.“

— Почтеніе, повторила Белла, слегка топнувъ ножкой.

— Нѣтъ, монотонно произнела мистрисъ Вильферъ:—„поклонъ.“

— Скажемъ: почтеніе миссъ Вильферъ, и поклонъ мистрисъ Вильферъ, предложилъ секретарь въ видѣ компромисса.

— Я съ удовольствіемъ переѣду, когда она будетъ готова принять меня. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Еще одно слово, Белла, сказала мистрисъ Вильферъ,— прежде чѣмъ войдти въ наше жилище. Я надѣюсь, что ты, какъ дитя мое, всегда будешь чувствовать какъ мило будетъ съ твоей стороны, становясь на равную ногу съ мистеромъ и мистрисъ Боффинъ, помнить, что секретарь мистеръ Роксмитъ, какъ жилецъ отца твоего, имѣетъ полное право на доброе словечко съ твоей стороны.

Снисходительность, съ которою мистрисъ Вильферъ выпустила эту прокламацію покровительства, была такъ же удивительна, какъ и быстрота, съ которою жилецъ исчезъ въ рангѣ секретаря. Онъ улыбнулся, когда мать ушла на лѣстницу; но когда и дочь послѣдовала за ней, лицо его затуманилось.

„О, какъ дерзка, какъ тривіальна, какъ капризна, какъ разчетлива, какъ невнимательна! Какая недотрога, какъ недоступна,“ горько проговорилъ онъ, и прибавилъ, взойдя на лѣстницу: „но что̀ за красавица, что̀ за красавица!“ И прибавилъ, расхаживая взадъ и впередъ по своей комнатѣ: „А еслибъ она знала!“

Она знала, что онъ потрясалъ весь домъ, ходя взадъ и впередъ; и признала новымъ неудобствомъ бѣдности то, что нельзя даже отдѣлаться отъ докучнаго секретаря, который колотитъ—ту-ту-тукъ надъ самою головой, точно домовой какой.

XVII. Страшное болото.

А теперь, во время цвѣтущихъ лѣтнихъ дней, посмотрите на мистера и мистрисъ Боффинъ, поселившихся въ высокоаристократическомъ домѣ, и посмотрите на всякій сбродъ пресмыкающихся, ползучихъ, летающихъ и жужжащихъ тварей, привлеченныхъ золотымъ мусоромъ Золотаго Мусорщика. Впереди всѣхъ, оставившихъ карточки у высоко-

аристократическихъ дверей, еще прежде чѣмъ ихъ докрасили, стоятъ Вениринги, запыхавшись, иной подумалъ бы, отъ стремительнаго бѣга по высоко-аристократической лѣстницѣ. Гравированная на мѣди мистрисъ Венирингъ, два гравированныхъ на мѣди мистера Вениринга, гравированные на мѣди мистеръ и мистрисъ Венирингъ вмѣстѣ, испрашивающiе чести присутствiя мистера и мистрисъ Боффинъ на обѣдѣ со всевозможными аналитическими торжествами. Очаровательная леди Типпинсъ оставляетъ карточку. Твемло оставляетъ карточки. Громадный фаэтонъ цвѣта яичницы, мрачно и торжественно прогудѣвъ, оставляетъ четыре карточки, именно: пару мистера Подснапа, одну мистрисъ Подснапъ, и одну миссъ Подснапъ. Цѣлый свѣтъ съ женой и дочерью оставляетъ карточки. Часто у жены цѣлаго свѣта столько дочерей, что карточка ея болѣе похожа на смѣшанную партiю товара на аукцiонѣ, содержа мистрисъ Tапкинсъ, миссъ Tапкинсъ, миссъ Фредерику Tапкинсъ, миссъ Антонину Tапкинсъ, миссъ Мальвину Tапкинсъ, миссъ Евфимiю Tапкинсъ; въ то же время, та же леди оставляетъ карточку мистрисъ Генри Джорджъ Альфредъ Свошель, *née* Tапкинсъ; также карточку: *мистрисъ Тапкинсъ дома по середамъ, музыка, Портландъ-Плесъ.*

Миссъ Белла Вильферъ становится, на неопредѣленное время, жилицей высоко-аристократическаго обиталища. Мистрисъ Боффинъ возитъ миссъ Беллу къ модисткѣ и швеѣ; она великолѣпно одѣвается. Вениринги съ живѣйшимъ угрызенiемъ совѣсти находятъ, что упустили пригласить миссъ Беллу Вильферъ. Карточка мистрисъ Венирингъ и карточка мистера Вениринга, испрашивающiя этой добавочной чести, тотчасъ же являются съ покаянiемъ на зальномъ столѣ. Мистрисъ Tапкинсъ точно также усматриваетъ упущенiе и быстро поправляетъ его,—за себя, за миссъ Tапкинсъ, за миссъ Фредерику Tапкинсъ, за миссъ Антонину Tапкинсъ, за миссъ Мальвину Tапкинсъ, и за миссъ Евфимiю Tапкинсъ; точно также за мистрисъ Генри Джорджъ Альфредъ Свошель, *née* Tапкинсъ, и точно также за *мистрисъ Тапкинсъ дома по середамъ, музыка, Портландъ-Плесъ.* Коммерческiя книги алчутъ, коммерческiя уста жаждутъ золотаго мусора Золотаго Мусорщика. Когда мистрисъ Боффинъ выѣзжаетъ съ миссъ Вильферъ, или когда мистеръ Боффинъ прогуливается, сѣменя мелкою рысью, рыбный торговецъ снимаетъ шляпу съ видомъ самаго искренняго почтенiя. Его люди обтираютъ пальцы шер-

стяными фартуками прежде чѣмъ осмѣлятся сдѣлать подъ козырекъ мистеру Боффину или его леди. Зѣвающая лососина и золотой головень, лежащія на мраморномъ прилавкѣ, кажется, поднимаютъ глаза въ ихъ сторону, и непремѣнно подняли бы руки, еслибы таковыя у нихъ имѣлись, въ знакъ благоговѣйнаго удивленія. Мясникъ, хотя довольно тучный и зажиточный человѣкъ, не знаетъ что съ собой дѣлать: такъ старается онъ выразить смиреніе и покорность, когда проходящіе мистеръ и мистрисъ Боффинъ завидятъ его въ его мясной рощѣ. Боффиновой прислугѣ дѣлаются подарки, и льстивые люди, имѣющіе какія-нибудь дѣловыя отношенія къ мистеру Боффину, встрѣчая вышеупомянутыхъ слугъ на улицѣ, дѣлаютъ имъ нѣкоторыя соблазнительныя обѣщанія, въ случаѣ если состоится то или то. Напримѣръ: „ежели бы я былъ такъ счастливъ, что получилъ бы отъ мистера Боффина такой-то заказъ или такое-то порученіе, любезный другъ, то съ моей стороны послѣдовало бы нѣчто такое, что, надѣюсь, было бы вамъ не совсѣмъ непріятно.“

Но никто лучше секретаря, распечатывающаго и читающаго письма, не знаетъ какая осада поведена противъ человѣка отмѣченнаго перстомъ извѣстности. О, какое разнообразіе мусора является глазамъ, предлагаемое въ обмѣнъ за золотой мусоръ Золотаго Мусорщика! Требуется полкронъ на постройку пятидесяти семи церквей, надо шиллинговъ на подновленіе сорока двухъ домовъ приходскихъ священниковъ, полпенсовъ на устройство двадцати семи органовъ, почтовыхъ марокъ на воспитаніе тысячи двухъ сотъ дѣтей. Не то чтобъ именно полкроны, шиллинги, полпенни, или почтовыя марки, требовались отъ мистера Боффина, но нельзя не видѣть, что онъ именно такихъ свойствъ человѣкъ, что отъ него можно ждать пополненія суммы. А затѣмъ благотворительныя учрежденія, братъ мой о Христѣ! Они постоянно въ затрудненіяхъ, но необыкновенно расточительны по такимъ цѣннымъ статьямъ, какъ типографская печать и бумага. Огромное, толстое, частное, двойное письмо, запечатанное герцогскою короной: *Никодиму Боффину, эсквайру.* „Дорогой сэръ, — Изъявивъ согласіе предсѣдательствовать на предстоящемъ годичномъ обѣдѣ *такого-то* Фонда, и сознавая себя глубоко проникнутымъ громадною пользой этого благороднаго учрежденія, сознавая притомъ величайшую важность того, чтобъ оно было поддержано спискомъ

распорядителей, который показалъ бы публикѣ, что въ немъ принимаютъ участіе популярные и достойные люди, я взялся просить васъ по этому случаю принять на себя обязанность распорядителя. Ожидая благопріятнаго отвѣта вашего до 14-го числа, остаюсь, мой дорогой сэръ, вашимъ покорнымъ слугою, Линсидъ. P. S. Взносъ распорядителя ограничивается тремя гинеями.“ Это очень дружественно со стороны герцога Линсида (и предусмотрительно въ постскриптумѣ), только это налитографировано сотнями и представляетъ блѣдную индивидуальность лишь въ адресѣ мистеру Боффину, эсквайру, прописанномъ другою рукой. Вотъ двое благородныхъ графовъ и одинъ виконтъ, соединясь вмѣстѣ, увѣдомляютъ мистера Боффина, эсквайра, также льстиво, что нѣкая почтенная леди на западѣ Англіи предлагала пожертвовать кошелекъ съ двадцатью фунтами стерлинговъ въ пользу Общества *такого-то*, если двадцать лицъ предварительно пожертвуютъ кошельки во сто фунтовъ каждый. И эти благонамѣренные джентльмены очень любезно прибавляли, что если Никодиму Боффину, эсквайру, угодно будетъ пожертвовать два или болѣе кошелька, то это не будетъ противорѣчить намѣренію почтенной леди на западѣ Англіи, лишь бы каждый кошелекъ былъ снабженъ именемъ кого-нибудь изъ членовъ его почтеннаго и уважаемаго семейства. Это корпоративные попрошайки. Но тутъ же, рядомъ съ ними, личные попрошайки. И какъ болитъ сердце секретаря, когда ему приходится имѣть дѣло съ *этими!* А съ ними приходится имѣть до нѣкоторой степени дѣло, ибо всѣ они прилагаютъ документы (они зовутъ свою пачкотню документами, хотя эти документы относятся къ достойнымъ этого имени бумагамъ, какъ рубленая телятина къ теленку), невозвращеніе коихъ было бы раззореніемъ ихъ, — то-есть, они теперь совершенно раззорены, а тогда еще совершеннѣе раззорятся. Межъ этихъ корреспондентовъ было нѣсколько генеральскихъ дочерей, издавна привыкшихъ ко всякой роскоши въ жизни (кромѣ орѳографіи), которыя никакъ не думали, отправляя любезныхъ отцовъ своихъ на войну въ Испанію, чтобъ имъ когда-нибудь пришлось обращаться къ тѣмъ, кого Провидѣніе въ неисповѣдимой мудрости благословило несмѣтнымъ золотомъ, и изъ среды коихъ онѣ избрали имя Никодима Боффина, эсквайра, для первой, дѣвственной попытки, понимая, что у него такое сердце, какого еще не бывало. Секретарь также позналъ, что откровенность между

мужемъ и женой рѣдко бываетъ возможна подъ гнетомъ бѣдствія: такъ многочисленны были жены бравшіяся за перо, чтобы попросить у мистера Боффина денегъ тайкомъ отъ ихъ преданныхъ мужей, которые никогда бы не позволили этого; и, съ другой стороны, такъ многочисленны были мужья бравшіеся за перо, чтобы попросить у мистера Боффина денегъ тайкомъ отъ своихъ преданныхъ женъ, которыя мгновенно лишились бы чувствъ, еслибъ имѣли хоть тѣнь подозрѣнія относительно этого обстоятельства. Были также и вдохновенные попрошайки. Эти еще вчера сидѣли, грезя надъ огаркомъ свѣчи, который скоро погаснетъ и оставитъ ихъ въ потемкахъ на остатокъ ночи, какъ вдругъ, вѣроятно, нѣкій ангелъ шепнулъ душѣ ихъ имя Никодима Боффина, эсквайра, освѣтивъ ее лучами надежды и даже ободренія, которымъ они такъ давно были чужды! Сродны этимъ были дружески-наущенные попрошайки. Они вкушали холодный картофель съ водой, при дрожащемъ, уныломъ свѣтѣ зажигательной спички на квартирѣ (плата значительно просрочена и жестокосердая хозяйка грозитъ изгнать „какъ собаку" на улицу), какъ внезапно умный другъ, случайно заглянувшій, сказалъ имъ: „пишите немедленно Никодиму Боффину, эсквайру", и неотступно настаивалъ на томъ, чтобъ это было сдѣлано. Были также благородно-независимые попрошайки. Эти, во дни изобилія, считали золото прахомъ, и до сихъ поръ это чувство было имъ единственною помѣхой къ накопленію богатства, но они не просятъ праха Никодима Боффина, эсквайра; нѣтъ, мистеръ Боффинъ, свѣтъ можетъ назвать это гордостью, жалкою гордостью, если хотите, но они не взяли бы, еслибъ вы даже сами предлагали. Ссуда, сэръ, на три съ половиною мѣсяца считая съ нынѣшняго дня, по пяти процентовъ, которые вносились бы въ какое-либо благотворительное заведеніе, по вашему указанію,—вотъ все, чего желаютъ отъ васъ, а если вы будете столько малодушны, что откажете, то разчитывайте на презрѣніе сихъ высокихъ душъ. Кромѣ того, были попрошайки привыкшіе чрезвычайно аккуратно вести свои дѣла. Эти покончатъ съ собой въ четверть перваго по полудни, во вторникъ, если до того времени не будетъ получена почтовая контрмарка отъ Никодима Боффина, эсквайра. Если же она придетъ послѣ четверти перваго пополудни во вторникъ, то нечего и посылать ее, такъ какъ они будутъ тогда (составивъ точный меморандумъ страшныхъ обстоятельствъ своихъ) въ холодныхъ объятіяхъ смерти. Бы-

ли также попрошайки верхомъ на конѣ, въ обратномъ смыслѣ пословицы: посади нищаго на-конь, онъ поѣдетъ къ чорту на кулички. Они уже на конѣ и готовы отправиться по большой дорогѣ къ богатству. Цѣль передъ ними, дорога превосходная, шпоры прицѣплены, конь ретивъ, но въ послѣдній мигъ, за недостаткомъ какой-нибудь спеціальности—часовъ, скрипки, астрономическаго телескопа, электрической машины, они должны навсегда слѣзть съ коня, если не получатъ стоимости ихъ деньгами отъ Никодима Боффина, эсквайра. Менѣе доступны описанію попрошайки, поднимавшіяся на отважныя хитрости. Эти, которымъ отвѣтъ слѣдовало адресовать на начальныя буквы ихъ имени въ сельскую почтовую контору, просятъ женскою рукой, можетъ ли нѣкая, не имѣющая возможности открыть Никодиму Боффину, эсквайру, свое имя, которое заставило бы его содрогнуться, еслибъ оно было сообщено ему,—просить о немедленной ссудѣ двухъ сотъ фунтовъ изъ неожиданныхъ богатствъ, которыхъ благороднѣйшая привилегія состоитъ въ довѣріи къ обыкновенному человѣчеству?

Въ такомъ-то страшномъ болотѣ стоитъ новый домъ, и въ немъ-то долженъ барахтаться секретарь, погрязши въ немъ по горло. А еще надо взять въ разчетъ всѣхъ на свѣтѣ людей изобрѣтающихъ изобрѣтенія, которыя не дѣйствуютъ, и всѣхъ на свѣтѣ дѣльцовъ обдѣлывающихъ дѣлишки, хотя на этихъ людей надо смотрѣть какъ на аллигаторовъ ужаснаго болота, лежащихъ тутъ съ тѣмъ чтобы стащить внизъ Золотаго Мусорщика.

А старый домъ? По крайней мѣрѣ тамъ нѣтъ козней противъ Золотаго Мусорщика? Въ водахъ Павильйона нѣтъ рыбъ изъ породы акулъ? Можетъ-быть и нѣтъ. Однако Веггъ поселился тамъ, и кажется, если судить по его тайнымъ дѣйствіямъ, питаетъ замыселъ сдѣлать открытіе. Ибо если человѣкъ съ деревянною ногой лежитъ растянувшись на животѣ и заглядываетъ подъ кровати, и прыгаетъ по лѣстницамъ, будто какая-то до-потопная птица, осматривая верхи шкафовъ и буфетовъ, и запасается желѣзнымъ ломомъ, который онъ безпрестанно суетъ и тыкаетъ въ мусорныя кучи, то-есть вѣроятность думать, что онъ чего-то ищетъ.

КНИГА ВТОРАЯ

I. Воспитательнаго свойства.

Школа, гдѣ юный Чарлей Гексамъ началъ книжное ученье, — книжное, потому что великимъ первоначальнымъ заведеніемъ для воспитанниковъ этого суть служатъ улицы, на которыхъ предварительно безъ книгъ выучиваются многому такому, что потомъ никогда не забывается, — помѣщалось въ бѣдномъ чердакѣ, на вонючемъ дворѣ. Атмосфера ея была душная, невыносимая; тамъ было тѣсно, шумно, безпорядочно; половина учениковъ или засыпала или впадала въ состояніе столбняка наяву. Другая половина, находясь въ этомъ послѣднемъ состояніи, упражнялась въ однообразномъ, шумномъ жужжаніи, будто играя безъ такта и не въ тонъ на какой-то грубой волынкѣ. Преподаватели, одушевляемые только благими намѣреніями, понятія не имѣли объ исполненіи этихъ намѣреній, и плачевный сумбуръ былъ единственнымъ результатомъ ихъ дружныхъ стараній.

Это была школа для всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ. Оба пола содержались каждый особо, а возрасты дѣлились на квадратные ассортименты. Но все здѣсь было проникнуто забавно-странною претензіей на дѣтство и невинность въ каждомъ ученикѣ. Эта претензія, поощряемая посѣтительницами, приводила къ ужаснѣйшимъ нелѣпостямъ. Отъ молодыхъ женщинъ, закоренѣлыхъ въ порокахъ самой грубой жизни, ожидали сознанія себя покоренными невинною дѣтскою книжонкою, излагающею приключенія маленькой Маргариты, что жила въ хижинкѣ у мельницы, строго журила и нравственно побѣждала мельника, когда ей было пять лѣтъ, а ему пятьдесятъ; дѣлилась кашей съ пѣвчими пташками; отказывала себѣ въ новой нанковой шапочкѣ, на томъ

основаніи, что рѣпа никогда не носитъ нанковыхъ шапочекъ, равно какъ и овцы, которыя ѣдятъ ее; плела солому и говорила суровыя рѣчи первому встрѣчному, въ самое неудобное для сего время. Такъ точно грубые тряпичники отсылались къ опытности Томаса Ту-пенса, который рѣшившись не обокрасть (въ крайне-суровыхъ обстоятельствахъ) своего лучшаго друга и благодѣтеля на восьмнадцать пенсовъ, тотчасъ же сверхъ-естественнымъ чудомъ получилъ три шиллинга и шесть пенсовъ, и въ послѣдствіи сталъ блистательнымъ свѣтиломъ. Многіе хвастливые грѣшники написали свои собственныя біографіи въ такомъ же духѣ. Изъ уроковъ этихъ хвастливыхъ особъ всегда слѣдуетъ, что надо дѣлать добро, не потому что оно добро, а потому что отъ этого будешь въ большихъ барышахъ. Наоборотъ, несовѣршеннолѣтнихъ учениковъ заставляли читать Новый Завѣтъ, и въ силу преткновеній въ слогахъ, за недостаточнымъ умѣньемъ грамотѣ, они оставались такими абсолютными невѣждами въ этой дивной исторіи, какъ будто никогда не слыхивали о ней. Чрезвычайно сбивчивая, ужасно безтолковая школа, гдѣ каждую ночь черные и сѣрые духи, красные и бѣлые духи, толклись, толклись, толклись, толклись. * Въ особенности каждую воскресную ночь. Ибо тогда построенныя горкой несчастныя малютки передавались самому вялому и плохому изъ благонамѣренныхъ учителей, и котораго никто изъ старшихъ учениковъ не сталъ бы терпѣть. Онъ становился передъ ними подобно главному палачу, съ мальчишкой-ассистентомъ, приставнымъ волонтеромъ въ видѣ помощника палачу. Гдѣ и когда началась эта система, состоявшая въ томъ, чтобъ усталаго или невнимательнаго въ классѣ ребенка смазывать горячею рукой по лицу, или гдѣ и когда приставленный мальчишка - волонтеръ впервые видѣлъ эту систему въ дѣйствіи, и возгорѣлъ священнымъ рвеніемъ къ приложенію ея,—до этого нѣтъ дѣла. Должностью главнаго палача было вѣщаніе и изъясненіе, а должность сотрудника состояла въ томъ, чтобъ устремляться на спящихъ малютокъ, зѣвавшихъ малютокъ, безпокойныхъ малютокъ, хныкавшихъ малютокъ, и смазывать ихъ злосчастныя физіономіи сверху внизъ. И такимъ образомъ безтолковщина продолжалась въ этомъ отдѣленіи цѣлый битый часъ, и приставной мальчишка смазывалъ направо и налѣво, будто непогрѣшимый ком-

* Шекспиръ, *Макбетъ* (Геката; red spirits и т. д. mingle, mingle).

ментарій. И въ этомъ парникѣ разгорѣвшихся и утомленныхъ дѣтей происходилъ обмѣнъ кори, сыпи, коклюша, лихорадокъ, и желудочныхъ разстройствъ, будто всѣ собрались нарочно для этой цѣли на рынкѣ.

Но даже и въ этомъ храмѣ благонамѣренности, особенно способный мальчикъ, съ особенною охотой къ ученью, все-таки могъ кое-чему научиться, и научась, могъ передавать это лучше учителей, такъ какъ онъ больше смыслилъ и не былъ въ тѣхъ невыгодныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ тѣ стояли къ болѣе способнымъ ученикомъ. Такимъ-то путемъ дошло до того, что Чарлей Гексамъ поднялся въ безтолковщинѣ, поучалъ въ безтолковщинѣ и былъ принятъ изъ безтолковщины въ лучшую школу.

— Такъ вы хотите пойдти повидаться съ сестрой, Гексамъ?

— Если позволите, мистеръ Гедстонъ.

— Пожалуй и я пошелъ бы съ вами. Гдѣ живетъ ваша сестра?

— Она еще не устроилась, мистеръ Гедстонъ; мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ вы видѣли ее прежде чѣмъ она устроится, если только это вамъ все равно.

— Вотъ что Гексамъ...—Мистеръ Брадлей Гедстонъ, отлично аттестованный, стипендіарный школьный учитель, просунулъ указательный палецъ въ одну изъ петель мальчикова сюртука, и пристально поглядѣлъ на нее...—Я надѣюсь что сестра ваша хорошая для васъ компанія?

— Отъ чего бы вамъ сомнѣваться въ этомъ, мистеръ Гедстонъ?

— Я не сказалъ, что сомнѣваюсь.

— Правда, не сказали, сэръ.

Брадлей Гедстонъ опять посмотрѣлъ на палецъ, вынулъ его изъ петли, поглядѣлъ на него ближе, погрызъ съ боку, и опять посмотрѣлъ на него.

— Видите ли, Гексамъ, вы будете однимъ изъ нашихъ. Въ скоромъ времени вы навѣрное хорошо выдержите экзаменъ, и станете однимъ изъ нашихъ. Тогда вопросъ въ томъ....

Мальчикъ такъ долго ждалъ вопроса, пока учитель глядѣлъ на другую сторону пальца, погрызъ его, и опять поглядѣлъ, что наконецъ повторилъ:

— Вопросъ въ чемъ же, сэръ?

— Не лучше ли вамъ оставить ее.

— Лучше? что лучше? оставить сестру, мистеръ Гедстонъ?

— Я не говорю этого, потому что не знаю. Я предоставляю

это вамъ. Я прошу васъ подумать объ этомъ. Я желалъ бы, чтобы вы разсудили. Вы знаете, какая у васъ здѣсь хорошая дорога.

— Да вѣдь это она помѣстила меня сюда, сказалъ мальчикъ съ упорствомъ.

— Она поняла необходимость этого, согласился учитель,— и вслѣдствiе того рѣшилась на разлуку. Да!

Мальчикъ, почувствовавъ прежнее неудовольствiе, или упорство, или что бы то ни было, казалось, боролся съ самимъ собой. Наконецъ онъ сказалъ, поднявъ глаза на лицо учителя:

— Я желалъ бы чтобы вы пошли со мною, мистеръ Гедстонъ, и взглянули на нее, хотя она еще не устроилась. Я желалъ бы, чтобъ вы пошли со мною, застали ее невзначай, и сами бы судили о ней.

— Вы, точно, не имѣете надобности предупреждать ее объ этомъ? спросилъ учитель.

— Сестра Лиза, гордо сказалъ мальчикъ,—не нуждается въ предупрежденiи, мистеръ Гедстонъ. Какова есть, такова и есть. У сестры моей нѣтъ ничего притворнаго.

Увѣренность въ ней пристала ему гораздо болѣе чѣмъ нерѣшительность, съ которою онъ дважды боролся. Если себялюбiе было въ немъ худшимъ началомъ, то лучшее начало состояло въ преданности *ей*. И власть лучшаго начала оказалась сильнѣе.

— Хорошо, я могу удѣлить вамъ этотъ вечеръ, сказалъ учитель.—Я готовъ прогуляться съ вами.

— Благодарю васъ, мистеръ Гедстонъ. Я готовъ идти.

Брадлей Гедстонъ, въ приличномъ черномъ сюртукѣ и жилетѣ, въ приличной, бѣлой сорочкѣ, въ приличномъ, черномъ форменномъ галстукѣ, въ приличныхъ панталонахъ цвѣта перца съ солью, съ приличными серебряными часами въ карманѣ, на приличномъ волосяномъ снуркѣ вокругъ шеи, смотрѣлъ совершенно приличнымъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати шести. Его никогда не видали въ другомъ костюмѣ, однако въ способѣ ношенiя его, какъ будто онъ и костюмъ его не были достаточно прилажены другъ къ другу, замѣчалась нѣкоторая натянутость, напоминавшая иныхъ ремесленниковъ въ праздничномъ нарядѣ. Онъ механически прiобрѣлъ значительный запасъ учительскихъ познанiй. Онъ могъ механически рѣшать въ умѣ ариѳметическiя задачи, механически пѣть по нотамъ, механически играть на разнообразныхъ духовыхъ инструментахъ, даже механически играть на большомъ

церковномъ органѣ. Съ самаго ранняго дѣтства умъ его сталъ мѣстомъ механическихъ складовъ товара. Онъ такъ устроилъ свой оптовой магазинъ, чтобы всегда быть готовымъ на спросъ мелочныхъ торговцевъ: тутъ исторія, тамъ географія, направо астрономія, налѣво политическая экономія— естественная исторія, физика, цифры, музыка, низшая математика, и чего только не было, все въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Забота этого размѣщенія сообщила всей его наружности озабоченный видъ, а привычка спрашивать или быть спрошеннымъ сообщила ему подозрительную манеру, которую ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить какъ съ лежаньемъ въ засадѣ. На лицѣ у него было какъ бы навсегда упрочившееся безпокойство. Лицо это указывало прирожденную медленность или невоспріимчивость умственныхъ способностей, которымъ не легко досталось то, что было пріобрѣтено, и которымъ надо было держать пріобрѣтенное. Онъ все какъ будто безпокоился, не затерялось ли что-нибудь изъ его умственнаго депо, и повѣрялъ количество, чтобы успокоить себя. Сверхъ того, придавленіе стольтаго-то для опростанія мѣста столькому-то сообщило ему придавленный видъ. Однако въ немъ замѣтно было довольно жизни и огня (хотя и тлѣющаго), наводившаго на мысль, что еслибъ юный Брадлей Гедстонъ, бывъ бѣднымъ малымъ, назначался въ море, онъ былъ бы не послѣднею птицей въ карабельномъ экипажѣ. Относительно своего происхожденія онъ былъ гордъ, сумраченъ, угрюмъ, и желалъ чтобъ оно было предано забвенію. Впрочемъ немногіе и знали о его происхожденіи.

Въ нѣсколько посѣщеній Безтолковщины вниманіе его было привлечено этимъ мальчикомъ Гексамомъ. Мальчикъ безспорно способный быть ученикомъ-преподавателемъ, мальчикъ безспорно способный оправдать довѣріе учителя, который его выдвинетъ, — къ этимъ соображеніямъ быть-можетъ присоединилось еще нѣсколько мыслей о томъ „бѣдномъ маломъ“, который долженствовалъ теперь подлежать забвенію. Какъ бы то ни было, онъ постепенно, и не безъ хлопотъ, перевелъ мальчика въ свою школу, и доставилъ ему нѣсколько занятій, оплачиваемыхъ столомъ и квартирой. Таковы были обстоятельства, сведшія Брадлея Гедстона и юнаго Чарлея Гексама этимъ осеннимъ вечеромъ,—сеннимъ, такъ какъ уже цѣлыхъ полгода прошло съ тѣхъ поръ, какъ хищная птица лежала мертвою на берегу.

Школы, — ибо ихъ было двѣ для двухъ половъ, — находились въ томъ округѣ плоской мѣстности, тянущейся къ Темзѣ, гдѣ Кентское графство встрѣчается съ Соррейскимъ, и гдѣ желѣзныя дороги проходятъ чрезъ рыночные огороды, которые скоро совсѣмъ погибнутъ подъ ними. Школы были недавно выстроены, и по всей мѣстности было столько подобныхъ имъ, что можно было принять все за одно безконечное зданіе, снабженное мѣстодвижнымъ талисманомъ Аладинова дворца. Все вокругъ походило на игрушки, взятыя кучей изъ ящика безтолковымъ ребенкомъ и разбросанныя какъ попало. Тутъ одна сторона новой улицы, тамъ громадная, одинокая, поливная, съ лицомъ смотрящимъ куда-то, безъ направленія и смысла. Тутъ другая не конченная улица уже въ развалинахъ; тамъ церковь; тутъ огромный, новый магазинъ; тамъ развалившаяся, ветхая, загородная вилла; тутъ путаница черныхъ рвовъ, сверкающихъ парниковъ, необработанныхъ полей, богато воздѣланныхъ огородовъ, кирпичныхъ віадуковъ, каналовъ съ перекинутымп арками,—много безпорядка, грязи и тумана. Какъ будто ребенокъ толкнулъ столъ съ игрушками, и легъ спать.

Но межь школьныхъ строеній, межь школьныхъ учителей и учениковъ, созданныхъ по новѣйшему образцу монотоніи, оказалась также и старая модель, по которой столько жизней формировалось на добро и зло. Она оказалась въ школьной учительницѣ миссъ Пичеръ, поливавшей цвѣты, когда мистеръ Брадлей Гедстонъ вышелъ на прогулку. Она оказалась въ школьной учительницѣ миссъ Пичеръ, поливавшей цвѣты въ маленькомъ, сорномъ клочкѣ садика, пристроеннаго къ ея маленькой, офиціальной резиденціи съ маленькими окнами, похожими на игольныя ушки, и маленькими дверцами, похожими на переплетъ учебныхъ книгъ.

Маленькая, сіяющая, чистенькая, методичная, пышечка, миссъ Пичеръ, съ розовыми щечками и звонкимъ голоскомъ; маленькая швейная подушечка, маленькій несессеръ, маленькая книжка, маленькій рабочій ящичекъ, маленькая табличка вѣсовъ и мѣръ, маленькая женщина,—и все это вмѣстѣ. Она сумѣла бы написать маленькое разсужденіе о данномъ предметѣ аккуратъ въ грифельную доску величиной, начинающееся слѣва наверху съ одной стороны и кончающееся справа внизу съ другой,—и разсужденьице было бы строго согласовано съ правилами. Еслибы мистеръ Брадлей Гедстонъ адре-

совалъ ей письменное предложеніе выйдти за него замужъ, она, вѣроятно, отвѣтила бы ему цѣлымъ маленькимъ разсужденьицемъ на эту тему, аккуратъ въ грифельную доску величиной, но, конечно, отвѣтила бы *да*, потому что любила его. Приличный волосяной снурокъ, обвивавшійся вокругъ его шеи, и заботившійся объ его приличныхъ серебряныхъ часахъ, былъ для нея предметомъ ревности. Точно также сама миссъ Пичеръ обвилась бы вокругъ его шеи и озаботилась бы о немъ,—о немъ, безчувственномъ, по той причинѣ, что онъ не любилъ миссъ Пичеръ.

Любимая ученица миссъ Пичеръ, помогавшая ей въ маленькомъ хозяйствѣ, прислуживала ей съ ведеркомъ воды для наполненія маленькой лейки, и достаточно угадала состояніе сердца миссъ Пичеръ, для того чтобы почувствовать необходимость самой полюбить юнаго Чарлея Гексама. Такимъ образомъ, межъ махровыхъ левкоевъ и двойныхъ желтофіолей произошло двойное трепетанье, когда учитель и мальчикъ глянули черезъ маленькую рѣшетку.

— Славный вечеръ, миссъ Пичеръ, сказалъ учитель.

— Прекрасный вечеръ, мистеръ Гедстонъ, сказала миссъ Пичеръ;—вы прогуливаетесь?

— Мы съ Гексамомъ идемъ на дальнюю прогулку.

— Очаровательная погода, замѣтила миссъ Пичеръ,—для дальней прогулки.

— Наша, впрочемъ, болѣе дѣловая чѣмъ для удовольствія, сказалъ учитель.

Миссъ Пичеръ, обернувъ лейку и очень заботливо выливъ нѣсколько послѣднихъ капель на цвѣтокъ, точно въ нихъ заключалась особенная сила, которая къ утру превратитъ его въ Джековъ бобъ, * потребовала наполненія лейки отъ своей ученицы, говорившей съ мальчикомъ.

— Прощайте, миссъ Пичеръ сказалъ учитель.

— Прощайте, мистеръ Гедстонъ, сказала учительница.

Ученица, въ своемъ состояніи ученичества, такъ напиталась классною привычкой поднимать руку, будто подзывая кэбъ или омнибусъ, когда находила нужнымъ передать миссъ

* Изъ извѣстной сказки, въ которой фея дала маленькому Джеку сѣмечко, посаженное въ землю; оно выросло въ бобъ необычайной величины, который достигъ луны и зацѣпился за ея рогъ; по стеблю Джекъ слазилъ въ эту волшебную страну и возвратился съ разказомъ о своихъ приключеніяхъ.

Пичеръ какое-нибудь наблюденіе свое, что она очень часто дѣлала это и въ домашнемъ быту. Она и теперь это сдѣлала.

— Ну, Маріанна? сказала миссъ Пичеръ.

— Съ вашего позволенія, ма'амъ, Гексамъ сказалъ, что они идутъ повидаться съ его сестрой.

— Полагаю, что это не можетъ быть, отвѣтила миссъ Пичеръ, потому что мистеру Гедстону никакого дѣла нѣтъ до *нея*.

Маріанна опять подняла руку.

— Ну, Маріанна!

— Съ вашего позволенія, ма'амъ, можетъ-быть Гексаму есть дѣло.

— Можетъ-быть, сказала миссъ Пичеръ.—Я не подумала объ этомъ. Да и какая мнѣ до этого надобность?

Маріанна опять подала знакъ.

— Ну, Маріанна?

— Говорятъ она очень хороша собой.

— Ахъ, Маріанна, Маріанна! отвѣтила миссъ Пичеръ, слегка покраснѣвъ, и качая головой будто немножко не въ духѣ:— сколько разъ я твердила тебѣ, не употребляй неопредѣленныхъ выраженій, не говори въ такомъ общемъ значеніи! Когда ты скажешь: говорятъ, кого ты разумѣешь? Говорятъ — *они*, а какая часть рѣчи *они*?

Маріанна заложила правую руку за спину, прицѣпилась ею за лѣвую, будто на экзаменѣ, и отвѣчала:

— Мѣстоименіе личное.

— Какого лица, они?

— Третьяго лица.

— Какого числа, они?

— Множественнаго.

— Такъ сколькихъ же ты разумѣешь, Маріанна? Двухъ? или больше?

— Прошу извиненія, ма'амъ, сказала Маріана, смутившись по размышленіи объ этомъ,—но я не думаю, чтобъ я подразумѣвала еще кого-нибудь кромѣ ея брата.

Сказавъ это, она отцѣпила руку.

— Убѣждена въ этомъ, отвѣтила миссъ Пичеръ, снова улыбаясь. — Впередъ прошу быть осторожнѣй, Маріанна! Помни: „*онъ* говоритъ" совсѣмъ не то что „говорятъ". Какая разница между „онъ говоритъ" и „говорятъ"? Покажи ее!

Маріанна тотчасъ же заложила правую руку за-спину, прицѣпилась ею къ лѣвой,—поза абсолютно необходимая въ подобномъ случаѣ, — и отвѣчала: „Первое есть изъявитель-

ное наклоненіе, настоящее время, третье лицо единственнаго числа, дѣйствительнаго глагола *говорить*; второе есть изъявительное наклоненіе, настоящее время, третье лицо множественнаго числа, дѣйствительнаго глагола *говорить*.

— Почему дѣйствительнаго, Маріанна?

— Потому что требуетъ дополненія въ винительномъ падежѣ, миссъ Пичеръ.

— Очень хорошо, одобрительно замѣтила миссъ Пичеръ.— Нельзя лучше. Впередъ не забывай соображаться съ этимъ, Маріанна.

Сказавъ это, миссъ Пичеръ кончила поливку цвѣтовъ, отправилась въ свою маленькую офиціальную резиденцію, и освѣжила память важнѣйшими рѣками и горами свѣта, ихъ шириной, глубиной и высотой, прежде вымѣривъ выкройку лифа къ платью для собственной потребы.

Брадлей Гедстонъ съ Чарлеемъ Гексамомъ дошли своимъ чередомъ до Соррейской стороны Вестминстерскаго моста, перешли мостъ и направились вдоль Мидльсекскаго берега къ Мильбанку. Въ этомъ округѣ находилась нѣкая маленькая улица, называемая Церковною, и нѣкій маленькій глухой переулокъ, называемый Кузнечнымъ, въ центрѣ коего послѣднимъ убѣжищемъ была нескладная церковь съ четырьмя башнями по угламъ, вообще похожая на нѣкое страшное и громадное окаменѣлое чудище, лежащее на спинѣ вверхъ ногами. Неподалеку въ углу нашли они дерево, кузницу, лѣсной дворъ и продавца стараго желѣза. Что собственно значили часть ржаваго паровика и огромное желѣзное колесо, полузарытые на дворѣ продавца, этого, казалось, никто не зналъ да и знать не хотѣлъ. Подобно мельнику сомнительной веселости въ пѣснѣ, они ни о комъ не заботились, и не то что они, но и о нихъ никто не заботился. *

Обойдя это мѣсто, и замѣтивъ что оно находилось въ какомъ-то мертвомъ спокойствіи, какъ будто оно приняло опіумъ, а не погрузилось въ естественный отдыхъ сна, они остановились тамъ, гдѣ улица сходилась съ площадью, и гдѣ было нѣсколько тихихъ домиковъ рядомъ. Къ нимъ-то Чарлей Гексамъ окончательно и направился, и у одного изъ нихъ остановился.

---

* I care for Nobody, no, not I, and Nobody cares for me! Припѣвъ этой пѣсни.

— Вотъ гдѣ, надо-быть, живетъ сестра, сэръ. Здѣсь была ея временная квартира, вскорѣ послѣ отцовской смерти.

— Часто ли вы видали ее съ тѣхъ поръ?

— Только два раза, сэръ, отвѣчалъ мальчикъ съ прежнимъ нерасположеніемъ;—но это зависѣло столько же отъ нея, какъ и отъ меня.

— Чѣмъ она живетъ?

— Она всегда была хорошею швеей, и теперь она при магазинѣ поставщика на моряковъ.

— А она всегда работаетъ у себя на дому?

— Иногда; но ея постоянные часы и постоянныя занятія, я думаю, въ магазинѣ, сэръ. Вотъ нумеръ.

Мальчикъ постучалъ въ дверь, и дверь быстро отворилась посредствомъ пружины съ защелкой. Дверь изъ маленькой прихожей въ пріемную была отперта, и въ ней видно было не то дитя, не то карликъ, не то дѣвочка,—нѣчто сидѣвшее въ маленькомъ, низенькомъ, старинномъ креслѣ. Нѣчто въ родѣ небольшой рабочей скамейки стояло передъ кресломъ.

— Не могу встать, сказало это существо:—у меня спина болитъ, и ноги отнялись; я здѣсь хозяйка въ домѣ.

— Кто еще дома? спросилъ Чарлей Гексамъ, вытаращивъ глаза.

— Теперь никого нѣтъ, отвѣтилъ ребенокъ, бойко поддерживая свое достоинство,—кромѣ хозяйки дома. Что вамъ угодно, молодой человѣкъ?

— Я желалъ бы видѣть мою сестру.

— Сестры есть у многихъ молодыхъ людей. Скажите мнѣ ваше имя, молодой человѣкъ?

Странная крошечная фигурка и странное, но недурное личико, со свѣтлыми сѣрыми глазами, смотрѣли такъ рѣзко, что рѣзкость ея манеры казалась совершенно естественною.

— Мое имя Гексамъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ? сказала хозяйка дома.—Мнѣ такъ и подумалось. Сестра ваша будетъ здѣсь черезъ четверть часика. Я очень люблю вашу сестру. Она мнѣ лучшій другъ. Садитесь. А этого джентльмена какъ зовутъ?

— Мистеръ Гедстонъ, учитель мой.

— Садитесь. Но не угодно ли вамъ сперва запереть дверь на улицу. Самой мнѣ не такъ-то ловко сдѣлать: у меня очень болитъ спина, и ноги отнялись.

Они молча исполнили это, и маленькая фигурка снова взялась за работу,—стала подклеивать кисточкой изъ верблюжь-

ихъ волосъ кусочки картона и тонкаго дерева, предварительно нарѣзаннаго въ различную форму. Ножницы и ножички на скамьѣ свидѣтельствовали, что она сама нарѣзала ихъ. А яркіе лоскутья бархата, шелка и лентъ, разбросанные по лавкѣ, показывали, что когда что-то такое будетъ набито (ибо тутъ былъ матеріялъ для набивки), она красиво принарядитъ это что-то такое. Ловкость и быстрота ея пальцевъ были замѣчательны, а когда она ровно складывала два краюшка, слегка прикусывая ихъ, то устремляла на посѣтителей взглядъ сѣрыхъ глазъ, превосходившій своею рѣзкостью все прочее что̀ было въ ней рѣзкаго.

— Бьюсь объ закладъ, что вамъ не сказать названія моей торговли, сказала она, сдѣлавъ нѣсколько такихъ наблюденій.

— Вы дѣлаете швейные подушечки, сказалъ Чарли.

— А еще что̀?

— Перочистки, сказалъ Брадлей Гедстонъ.

— Ха! ха! Еще что̀? Вотъ вы учитель, а не можете сказать.

— Вы что-то дѣлаете изъ соломы, отвѣтилъ онъ, показывая на край стоявшей передъ нею скамейки: — только я не знаю что̀.

— Вотъ прекрасно! крикнула хозяйка дома: — швейныя подушечки да перочистки я дѣлаю только чтобъ извести остатки, а солома для настоящаго моего ремесла. Ну, отгадайте, попробуйте. Что̀ я изъ соломы дѣлаю?

— Плетенки подъ скатерть?

— Плетенки подъ скатерть? А еще учитель! Я вамъ дамъ ключъ къ моему ремеслу, какъ въ фанты играютъ. Я люблю мою любку съ Б, потому что она Безподобна; я ненавижу мою любку съ Б, потому что она Безстыдница; я свела ее подъ вывѣску Бѣлаго Борова и угостила ее Бѣлою шляпой; имя ей Болтушка, а живетъ она въ Бедламѣ. Ну, что̀жь я дѣлаю изъ соломы?

— Шляпы дамамъ?

— Славнымъ дамамъ! сказала хозяйка дома, кивнувъ утвердительно: — кукламъ! Я кукольная швея.

— Я надѣюсь, это хорошее ремесло?

Хозяйка дома пожала плечами и покачала головой.

— Нѣтъ. Плохо платятъ. А ужь какъ торопятъ меня! На той недѣлѣ, одна кукла выходила замужъ; я должна была проработать всю ночь. А это не годится мнѣ, когда такая боль въ спинѣ, и ноги отнялись.

Они глядѣли на маленькое созданіе съ возраставшимъ удивленіемъ, а учитель сказалъ:

— Меня огорчаетъ, что ваши „славныя дамы“ такъ неразумны.

— Такая ужь у нихъ повадка, сказала хозяйка дома, опять пожавъ плечами, — и платья-то онѣ не берегутъ, и никакая мода у нихъ больше мѣсяца не продержится. Я работаю на одну куклу съ тремя дочерьми. Она въ конецъ раззоритъ мужа!

Тутъ хозяйка дома потихоньку плутовски засмѣялась, и бросила имъ другой взглядъ сѣрыхъ глазъ. Подбородокъ у ней, будто у феи, былъ чрезвычайно выразителенъ; когда она бросала на нихъ взглядъ, и подбородокъ ея поднимался. Какъ будто и глаза и подбородокъ у ней приводились въ движеніе одною и тою же проволокой.

— Всегда ли вы такъ заняты, какъ теперь?

— Больше. Теперь у меня застой. Третьяго дня я кончила большой траурный заказъ. У куклы, на которую я работала, умерла канарейка.

Хозяйка дома опять потихоньку засмѣялась и нѣсколько разъ покачала головой, будто морализируя: „О свѣтъ, свѣтъ!“

— Неужели вы одни цѣлый день? спросилъ Брадлей Гедстонъ.—Развѣ изъ сосѣдскихъ дѣтей....

— Ахъ, нѣтъ! крикнула хозяйка дома, съ легкимъ взвизгомъ, какъ будто это слово укололо ее:—не говорите о дѣтяхъ, я терпѣть не могу дѣтей. Я знаю всѣ ихъ плутни, всѣ повадки.

Она сказала это, сердито погрозивъ правымъ кулачкомъ у самыхъ глазъ.

Едва ли требовалось учительскаго навыка, для того чтобы замѣтить, что кукольную швею раздражала разница между ею самою и прочими дѣтьми. Учитель и ученикъ оба понимали это.

— Все-то бѣгаютъ, да кричатъ, все-то играютъ да дерутся; то и дѣло прыгъ-прыгъ-прыгъ по мостовой, и все чертятъ ее для игры. О, знаю я всѣ ихъ плутни, всѣ повадки!— Она опять погрозила своимъ кулачкомъ.—И это еще не все. Они кличутъ въ замочную щелку, они передразниваютъ вашу спину и ноги. Знаю я всѣ ихъ плутни, всѣ повадки! Я скажу вамъ, что̀ бы я сдѣлала съ ними. Тутъ вотъ на площади, подъ церковью, двери есть, темныя двери, ведутъ въ темные своды. Такъ вотъ что̀: я отперла бы одну изъ этихъ самыхъ

дверей, набила бы ихъ всѣхъ туда, заперла бы дверь, и вдунула бы имъ въ замочную щелку перцу.

— Что жь толку, если вы вдунете перцу? спросилъ Чарли Гексамъ.

— Пусть чихаютъ, сказала хозяйка дома, — чтобъ у нихъ слезы потекли изъ глазъ; а какъ они всѣ зачихаютъ и получатъ воспаленіе, то-то я стану потѣшаться надъ ними въ замочную щелку точно такъ же, какъ и они съ ихъ плутнями да ухватками смѣются кое надъ кѣмъ въ кое-чью замочную щелку.

Необыкновенно энергическое потрясанье кулачкомъ у самыхъ глазъ, казалось, облегчило душу хозяйки дома; ибо она прибавила, снова принявъ степенный видъ: — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не надо мнѣ дѣтей. Давайте мнѣ взрослыхъ.

Трудно было угадать лѣта этого страннаго созданія, такъ какъ жалкая фигура ея не давала ключа къ этому, а лицо было вмѣстѣ и слишкомъ молодо, и слишкомъ старо. Двѣнадцать лѣтъ или самое большое тринадцать, кажется ближе всего подходило.

— Я всегда любила большихъ, продолжала она,—и съ ними всегда водилась. Такіе умницы. Сидятъ покойно. Не скачутъ, не прыгаютъ. Я ни съ кѣмъ не хочу знаться кромѣ взрослыхъ, до самаго замужства. Полагаю, что должна буду когда-нибудь замужъ выйдти.

Она стала прислушиваться къ чьей-то походкѣ на улицѣ, тотчасъ послѣдовалъ легкій стукъ въ дверь. Взявшись за ручку, которую она могла достать, она сказала съ довольною усмѣшкой: — Вотъ напримѣръ взрослая, это мой лучшій другъ!—И Лиза Гексамъ, въ черномъ платьѣ, вошла въ комнату.

— Чарленька! Ты?

Заключивъ его по старому въ объятія, чего тотъ немножко сконфузился,—она ужь никого больше не видала.

— Ну, ну, ну, Лиза! довольно, дружокъ! Смотри. Вотъ мистеръ Гедстонъ пришелъ со мной.

Глаза ея встрѣтились съ глазами учителя, который очевидно ожидалъ особы совсѣмъ другаго сорта, и между ними послышалось слова два привѣтствія. Она была немножко озадачена нежданнымъ посѣщеніемъ, да и учителю было не по себѣ. Впрочемъ, ему-то и никогда не бывало по себѣ.

— Я говорилъ мистеру Гедстону, что ты еще не устроилась, Лиза, но онъ былъ такъ любезенъ, что поинтересовался побывать. Вотъ я и привелъ его. Какъ ты похорошѣла!

Брадлей, казалось, находилъ то же самое.

— А! Правда! Правда! крикнула хозяйка дома, принимаясь

за свои занятія, хотя сумерки почти сгустились.—Дѣйствительно такъ! Но продолжайте болтать, все одно:

Uou one two three
My com-pa-ny,
And don't mind me. *

Она проскандовала этотъ риѳмованный экспромптъ съ тремя кивками указательнаго пальца.

— Я не ждала твоего посѣщенія, Чарленька, сказала его сестра.—Я думала, что еслибы ты хотѣлъ повидать меня, то могъ бы увѣдомить меня, и назначилъ бы мнѣ придти куда-нибудь по близости школы, какъ въ послѣдній разъ. Я видалась съ братомъ по близости школы, сэръ, сказала она Брадлею Гедстону:—потому что мнѣ туда легче ходить чѣмъ ему сюда. Я работаю какъ разъ на полупути.

— Вы не часто видаетесь другъ съ другомъ, сказалъ Брадлей, не улучшаясь относительно самообладанія.

— Нѣтъ.—Она печально кивнула головой.—Чарленька все также хорошо идетъ, мистеръ Гедстонъ?

— Какъ нельзя лучше. Его дорога, какъ мнѣ кажется, обозначилась вполнѣ ясно.

— Я такъ и надѣялась. Я такъ благодарна. Это такъ мило съ твоей стороны, Чарленька, дружокъ мой! Лучше мнѣ ужь не становиться (если только самъ онъ не пожелаетъ) между имъ и его будущностью. Какъ вы думаете, мистеръ Гедстонъ?

Сознавая, что его ученикъ-преподаватель ждетъ его отвѣта, и что самъ онъ наущалъ мальчика отложиться отъ сестры, и видя ее въ первый разъ лицомъ къ лицу, Брадлей Гедстонъ пролепеталъ:

— Вы знаете, братъ вашъ очень занятъ. Ему надо крѣпко работать. Можно сказать, чѣмъ меньше будетъ онъ развлекаться, тѣмъ лучше для его будущности. Когда онъ устроится, ну, тогда—тогда будетъ совсѣмъ другое дѣло.

Лиза опять кивнула головой и отвѣтила съ спокойною улыбкой:—Я всегда совѣтовала ему такъ, какъ вы совѣтуете. Не такъ ли, Чарленька?

— Полно, не будемъ объ этомъ больше толковать, сказалъ мальчикъ.—Какъ идутъ твои дѣла?

— Очень хорошо, Чарленька. Я ни въ чемъ не нуждаюсь.

— У тебя тутъ есть особая комната?

— О, да! На верху. Покойная, славная, съ чистымъ воздухомъ.

---

* Вы, разъ, два, три, моя компанія, и не обращайте вниманія на меня.

— А гостей принимаетъ она всегда въ этой комнатѣ, сказала хозяйка дома, поставивъ костлявый кулачокъ на подобіе бинокля, глядя сквозь него, при полномъ соглашеніи глаза съ подбородкомъ,—всегда въ этой комнатѣ принимаетъ гостей; не такъ ли, дружокъ, Лиза?

Брадлею Гедстону удалось замѣтить небольшое движеніе руки Лизы Гексамъ, какъ будто она погрозила кукольной швеѣ. И той удалось въ ту же минуту подмѣтить его взглядъ, ибо она сдѣлала двойной бинокль изъ обѣихъ рукъ, поглядѣла на него и вскрикнула, шутливо кивнувъ головой:—Ага! Поймала шпіона, поймала!

Это могло случиться очень просто; но Брадлей Гедстонъ также замѣтилъ, что Лиза, не снимавшая шляпки, тотчасъ же послѣ этого поспѣшно предложила выйдти на воздухъ, потому что въ комнатѣ становилось темно. Они вышли. Посѣтители пожелали доброй ночи кукольной швеѣ, оставивъ ее раскинувшеюся въ креслѣ, скрестившею руки и напѣвавшею себѣ что-то тихимъ, задумчивымъ голоскомъ.

— Я поброжу по берегу, сказалъ Брадлей: — вамъ вѣрно хочется поговорить другъ съ другомъ.

Когда его придавленная фигура отдалилась отъ нихъ въ вечернихъ тѣняхъ, мальчикъ вспыльчиво сказалъ сестрѣ:

— Когда ты устроишься сколько-нибудь по-христіански, Лиза? Я думалъ, что ужь ты озаботилась этимъ.

— Мнѣ и тутъ хорошо, Чарленька.

— И тутъ хорошо! Я стыжусь, что привелъ мистера Гедстона. Какъ это тебѣ пришлось свести компанію съ этою маленькою вѣдьмой?

— Сперва случайно, какъ могло казаться, Чарленька. Но я думаю, тутъ было что-то больше чѣмъ случай: этотъ ребенокъ... Помнишь ты объявленія на стѣнѣ у насъ?

— Къ чорту объявленія на стѣнѣ у насъ! Я стараюсь забыть объявленія на стѣнѣ у насъ, и тебѣ лучше бы сдѣлать то же самое, проворчалъ мальчикъ.—Ну, такъ что же?

— Это дитя, внучка того старика.

— Какого старика?

— Страшнаго пьяницы, старика въ полосатыхъ туфляхъ и ночномъ колпакѣ.

Мальчикъ потеръ себѣ носъ съ видомъ выражавшимъ полунеудовольствіе, что слышалъ такъ много, и полужеланіе услышать еще больше, и спросилъ: — Какъ ты дознала это? Какая ты странная!

— Отецъ дѣвочки работаетъ на тотъ же магазинъ, что и я. Вотъ какъ я дознала это, Чарленька. Отецъ точно такой же, какъ и его отецъ,—слабое, несчастное, дрожащее созданіе,

совсѣмъ разваливается, никогда трезвъ не бываетъ. А все-таки хорошій работникъ по своему дѣлу. Мать умерла. Это бѣдное, больное, крошечное созданіе стало такою, окруженная пьянымъ народомъ съ самой колыбели, если только была у нея колыбель, Чарленька.

— Я все-таки не вижу, что̀ тебѣ до нея, сказалъ мальчикъ.

— Не видишь, Чарленька?

Мальчикъ сердито посмотрѣлъ на рѣку. Они были на Мильбанкѣ, и рѣка катилась у нихъ слѣва. Сестра нѣжно тронула его за плечо и показала на нее.

— Какое-нибудь вознагражденіе.... Какая-нибудь отплата.... Дѣло не въ словѣ... Ты меня понимаешь. Отцовская могила.

Но онъ не отвѣчалъ чѣмъ-нибудь нѣжнымъ. Послѣ упорнаго молчанія, онъ прервалъ его обиженнымъ тономъ.

— Это очень досадно, Лиза. Я стараюсь изо всѣхъ силъ продвинуться впередъ въ свѣтѣ, а ты тянешь меня назадъ.

— Я, Чарленька?

— Да, ты, Лиза. Зачѣмъ ты мѣшаешь прошлому оставаться прошлымъ? Намъ надо повернуть лицо совсѣмъ въ другую сторону и идти какъ можно прямѣй.

— И никогда не оглядываться? даже ни разу не постараться загладить прошлое?

— Ты все такая же мечтательница, сказалъ мальчикъ съ тою же раздражительностью.—Все это было хорошо, когда мы сидѣли у огня, когда мы глядѣли на впадинку подъ огнемъ, теперь мы глядимъ въ дѣйствительный міръ.

— Ахъ, Чарленька, тогда-то мы и глядѣли въ дѣйствительный міръ!

— Я понимаю что̀ ты хочешь сказать, но ты несправедлива. Я не хочу, поднявшись самъ, отталкивать тебя, Лиза. Я хочу взять и тебя съ собою на верхъ. Вотъ что̀ я хочу сдѣлать, и сдѣлаю это. Я знаю чѣмъ я тебѣ обязанъ. Я сказалъ мистеру Гедстону сегодня же вечеромъ: все-таки сестра же помѣстила меня сюда. Такъ-то. Не тяни же меня назадъ, и не удерживай внизу. Вотъ все чего я прошу. Ужь конечно въ этомъ нѣтъ грѣха.

Она пристально поглядѣла на него и отвѣчала съ самообладаніемъ:

— Я въ этомъ дѣлѣ не о себѣ забочусь, Чарленька. По мнѣ-то, чѣмъ бы дальше отъ этой рѣки, тѣмъ бы лучше.

— Да и по мнѣ, чѣмъ бы подальше тебѣ отъ нея, тѣмъ бы лучше. Расквитаемся съ ней разомъ. Зачѣмъ же тебѣ долѣе меня оставаться при ней? Я вотъ совсѣмъ отдѣлался отъ нея.

— Я думаю, что не буду въ силахъ покинуть ее, сказала

Лиза, проводя рукой по лбу. — Я это не по волѣ своей еще живу тутъ поблизости отъ рѣки.

— Куда ты опять, Лиза? Опять замечталась! Сама, по своей волѣ, живешь въ домѣ пьянаго портнаго, — портнаго что ли? или что-нибудь въ этомъ родѣ, съ крошечнымъ, скорченнымъ антикомъ-ребенкомъ, что ли, или съ старою каргою, или чортъ знаетъ съ чѣмъ, а говоришь такъ какъ будто тебя загнали туда. Будь же попрактичнѣе.

Она ужъ довольно напрактиковалась, страдая и изнуряясь за него; но она только положила ему руку на плечо, безъ всякаго упрека, и раза два или три потрепала его по плечу. Она привыкла ласкать его такимъ образомъ, нося его на рукахъ еще ребенкомъ, когда онъ вѣсилъ почти столько же, какъ и она. На глазахъ у нея блеснули слезы.

— Даю тебѣ слово, Лиза, онъ провелъ ей по глазамъ верхнею стороною руки,—я хочу быть тебѣ добрымъ братомъ и доказать, что я знаю чѣмъ тебѣ обязанъ. Я хотѣлъ сказать только то, что надѣюсь ты будешь, для меня, немножко сдерживать свои причуды. Когда я буду имѣть свою школу, ты будешь жить со мною, и тебѣ придется же тогда сдерживать свои причуды. Отчего же теперь нѣтъ? Ну, скажи, что я не разсердилъ тебя?

— Нѣтъ, Чарленька, нѣтъ.

— И скажи, что я не огорчилъ тебя?

— Нѣтъ, Чарленька.

Но этотъ отвѣтъ былъ уже менѣе твердъ.

— Скажи, ты увѣрена, что я въ мысли не имѣлъ портить тебя? Пойдемъ! Вонъ мистеръ Гедстонъ остановился и глядитъ на рѣку; это значитъ пора идти. Поцѣлуй меня, и скажи, что увѣрена, что у меня не было намѣренія огорчить тебя.

Она это сказала ему, они обнялись и подошли къ учителю.

— Намъ по дорогѣ съ вашею сестрой, замѣтилъ онъ, когда мальчикъ сказалъ ему, что онъ готовъ. И онъ застѣнчиво и неловко предложилъ ей руку. Она чуть оперлась на нее, и вдругъ отдернула назадъ. Онъ вздрогнулъ и оглянулся, какъ будто думалъ, что она увидала что-то, оттолкнувшее ее послѣ минутнаго прикосновенія.

— Я еще не сейчасъ домой, сказала Лиза,—а вамъ еще далеко, и безъ меня вы скорѣе дойдете.

Будучи въ то время у самого Воксальнаго Моста, они порѣшили вслѣдствіе того продолжать путь черезъ Темзу и оставили ее. Брадлей Гедстонъ подалъ ей на прощанье руку, а она поблагодарила его за попеченія о братѣ.

Учитель и ученикъ шли скоро и молча. Они уже почти перебрались чрезъ мостъ, какъ на встрѣчу имъ попался

какой-то джентльменъ, апатично шедшій съ сигарою во рту, заложивъ руки за спину и откинувъ назадъ фалды сюртука. Въ безпечной манерѣ этого господина и въ какомъ-то лѣниво-дерзкомъ видѣ, съ которымъ онъ приближался, занимая вдвое болѣе мостовой чѣмъ бы иному требовалось, было нѣчто мгновенно затронувшее вниманіе мальчика. Когда джентльменъ прошелъ мимо, мальчикъ пристально посмотрѣлъ на него, и потомъ остановился, глядя ему вслѣдъ.

— На кого это вы такъ смотрите? спросилъ Брадлей.

— Вотъ оно что! отвѣтилъ мальчикъ, смутясь и задумчиво нахмурясь.—Да, это тотъ Рейборнъ.

Брадлей Гедстонъ также пытливо поглядѣлъ на мальчика, какъ мальчикъ на джентльмена.

— Извините меня, мистеръ Гедстонъ, но я не могу не подивиться, что̀ бы такое въ цѣломъ мірѣ могло завести его сюда.

Хотя онъ это сказалъ такъ, какъ будто удивленье его прошло, и въ то же время продолжая путь, однако отъ учителя не ускользнуло, что онъ говоря это, оглянулся черезъ плечо и сильно нахмурился съ тѣмъ же задумчивымъ, озадаченнымъ видомъ.

— Вы кажется не долюбливаете вашего друга, Гексамъ.

— Да, таки не люблю, сказалъ мальчикъ.

— За что же?

— Въ первый разъ какъ я увидѣлъ его, онъ съ какою-то утонченною дерзостью схватилъ меня за подбородокъ, сказалъ мальчикъ.

— Но за что̀ же?

— Ни за что̀, или что̀ почти тоже самое, потому что мнѣ случилось что-то сказать о сестрѣ, что̀ ему не понравилось.

— Такъ онъ знаетъ вашу сестру?

— Въ то время не зналъ, отвѣтилъ мальчикъ, съ угрюмою задумчивостью.

— А теперь?

Мальчикъ былъ такъ разсѣянъ, что идя съ мистеромъ Гедстономъ рядомъ, поглядѣлъ на него, не прежде попытавшись отвѣтить, какъ вопросъ былъ повторенъ; тутъ онъ, кивнувъ головою, отвѣтилъ:—Да, сэръ.

— Вѣроятно пошелъ повидаться съ нею.

— Быть не можетъ! быстро сказалъ мальчикъ:—онъ не на столько знакомъ съ ней. Попадись только онъ мнѣ, коли такъ!

Они шли нѣсколько времени скорѣе прежняго; учитель проговорилъ, взявъ ученика за руку межь локтемъ и плечомъ:

— Вы что̀ начали было говорить мнѣ объ этой особѣ? Какъ вы назвали его?

— Рейборнъ, мистеръ Евгеній Рейборнъ. Онъ, что̀ назы-

вается, адвокатъ безъ дѣла. Первый разъ онъ былъ у насъ на старой квартирѣ, еще при жизни отца. Онъ былъ по дѣлу; не то чтобы по своему дѣлу,—у него никогда не бывало никакого дѣла,—его взялъ съ собою пріятель его.

— А потомъ?

— Потомъ еще одинъ разъ, сколько я знаю. Когда отецъ, по несчастному случаю, лишился жизни, ему довелось быть въ числѣ сыщиковъ. Я полагаю, онъ слонялся тутъ, позволяя себѣ всякія вольности съ чьими-нибудь подбородками; какъ бы то ни было, онъ былъ при этомъ. Онъ принесъ эту вѣсть домой къ сестрѣ рано поутру, и привелъ миссъ Аббе Поттерсонъ, сосѣдку, помочь привести ее въ чувство. Онъ слонялся около дома, когда меня привели домой къ вечеру; меня не знали гдѣ сыскать, пока сестра не оправилась и не сказала; а тамъ онъ пропалъ.

— И тутъ все?

— Тутъ все, сэръ.

Брадлей Гедстонъ постепенно освободилъ руку мальчика, будто раздумывая, и они пошли бокъ-о-бокъ, какъ и прежде. Послѣ долгаго молчанія, Брадлей продолжалъ разговоръ.

— Я полагаю,... сестра ваша.. (съ куріозною остановкой прежде и послѣ этихъ словъ) едва ли получила какое-нибудь образованіе, Гексамъ?

— Едва ли какое, сэръ.

— Безъ сомнѣнія, она пожертвовала собою отцовскимъ предразсудкамъ. Я помню его въ вашемъ собственномъ дѣлѣ. Однако... сестра ваша... совсѣмъ не такъ и смотритъ и говоритъ какъ невѣжественная особа.

— Лиза такъ много думаетъ, какъ дай Богъ всякому, мистеръ Гедстонъ. Можетъ-быть слишкомъ много, и безъ ученія. Я, бывало, у насъ дома огонь въ каминѣ называлъ ея книгой, потому что она всегда была наполнена мечтами, порой очень умными мечтами, когда сидѣла глядя на огонь.

— Это мнѣ не нравится, сказалъ Брадлей Гедстонъ.

Ученикъ немного удивился, получивъ такое внезапное, рѣшительное, горячее возраженіе, но счелъ это доказательствомъ участія къ нему со стороны учителя. Онъ осмѣлился сказать ему:

— Я никогда еще не позволялъ себѣ говорить съ вами объ этомъ откровенно, мистеръ Гедстонъ, и беру васъ въ свидѣтели, что я даже въ умѣ не имѣлъ слышать это отъ васъ до нынѣшней ночи; но горько думать, что если я устроюсь въ жизни хорошо, то мнѣ придется... краснѣть за сестру, которая была очень добра ко мнѣ.

— Да, сказалъ Брадлей Гедстонъ, разсѣянно, такъ какъ

умъ его, казалось, чуть коснулся этого пункта и скользнулъ къ другому.—Тутъ надо принять въ разчетъ слѣдующую возможность. Кто-нибудь пробившій себѣ дорогу можетъ стать поклонникомъ.... вашей сестры.... и современемъ придетъ къ мысли жениться... на вашей сестрѣ.... для него было бы досаднымъ учетомъ и тяжелою пеней, еслибы онъ, перешагнувъ въ умѣ чрезъ все неравенство состояній и прочія соображенія, нашелъ бы это неравенство и эти соображенія оставшимися во всей силѣ.

— Я почти то же думаю, сэръ.

— Какъ, такъ? сказалъ Брадлей Гедстонъ:—но вы говорили только какъ братъ. Обстоятельство же, которое я предполагаю, болѣе важное обстоятельство; потому что поклонникъ, мужъ, добровольно вступитъ въ союзъ, будучи кромѣ того обязанъ заявить его, къ чему братъ не обязанъ. Потомъ, вы понимаете, о васъ можно сказать, что вамъ тутъ нельзя сдѣлать иначе; между тѣмъ какъ объ немъ скажутъ, съ неменьшею справедливостью, что онъ могъ бы сдѣлать иначе.

— Это правда, сэръ. Сколько разъ, съ тѣхъ поръ какъ Лиза стала свободною по смерти отца, я думалъ, что такая молодая дѣвушка можетъ пріобрѣсть больше чѣмъ сколько нужно чтобы не краснѣть въ обществѣ. И сколько разъ я также думалъ, что можетъ быть миссъ Пичеръ...

— Для этой цѣли я не рекомендовалъ бы миссъ Пичеръ, прервалъ его Брадлей Гедстонъ, съ прежнею рѣшительностью.

— Не будете ли вы такъ добры, мистеръ Гедстонъ, не подумаете ли объ этомъ за меня?

— Да, Гексамъ, да. Я подумаю. Зрѣло подумаю. Хорошенько подумаю.

Послѣ этого они шли почти молча до самой школы. Тамъ одно изъ чистенькихъ маленькихъ оконъ миссъ Пичеръ, похожихъ на игольныя ушки, было освѣщено, а близь него въ уголкѣ сторожила Маріанна, межь тѣмъ какъ миссъ Пичеръ за столомъ шила себѣ хорошенькій маленькій лифъ, при помощи выкройки изъ сѣрой бумаги.

Маріанна, съ лицомъ обращеннымъ къ окну, подняла руку.

— Ну, Маріанна?

— Мистеръ Гедстонъ идетъ домой, ма'амъ,

Черезъ минуту Маріанна опять подала знакъ.

— Ну, Маріанна?

— Вошелъ къ себѣ и заперъ дверь, ма'амъ.

Миссъ Пичеръ, подавивъ вздохъ, собрала работу на сонъ грядущій, и ту часть костюма, гдѣ обрѣталось бы ея сердце еслибы костюмъ былъ надѣтъ, пронзила преострою-острою иголкой.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1865 году.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1865 годъ въ Москвѣ и Петербургѣ **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города и доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей.**

—

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* принимается:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ Берлинскій почтамтъ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1865 году.

Цѣна за *Московскія Вѣдомости* на 1865 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ, и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Дозволено цензурой. Москва. 30-го января 1865 г.